This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD
LIBRARIES

Рисунки дозволены цензурою 12 февраля 1897 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Римская поэзія. Очеркъ VII

АНТОЛОГІЯ.

Вибакулъ.

На портикъ моего Катона.—*В. М. Владиславлева* 1

Вергилій.

Эпитафія.—*** 1

Подъ этой грудой камней лежитъ погребенный Баллиста.—*В. И. Модестова* 2

Домицій Марсъ.

На смерть Тибулла.—*В. И. Модестова* 2

Энній.

Эпитафія.—*В. И. Модестова* 2

Эпитафія Сципіону.—*М. Н. Шелгунова* 2

Эпитафія Сципіону.—*М. Н. Шелгунова* 2

Катуллъ.

Что-жъ ты, Катуллъ? Почему умирать еще медлишь?—*А. А. Фета* . . 3

Милая мнѣ говоритъ, что ничьей-бы не стала женою.—*А. А. Фета* . . 3

Ты откажись заслужить отъ кого-либо доброе чувство.—*А. А. Фета* . . 3

Два у Гала есть брата; красивая очень супруга.—*А. А. Фета* 3

«Хомнаты» все говорилъ вмѣсто «комнаты» Аррій и такъ-же.—*А. А. Фета.* 3

Хоть ненавижу,—люблю... «Зачѣмъ-же?» пожалуй, ты спросишь.—*А. А. Фета* 4

Геллій высохъ. Еще-бъ!—У кого такъ добра и дебела.—*А. А. Фета* . . 4

Лесбія вѣчно меня злословитъ, не можетъ умолкнуть.—*А. А. Фета* . . 4

Я нимало тебѣ не стремлюсь понравиться, Цезарь.—*А. А. Фета* 4

Либо, послушай, Силонъ, отдай моихъ десять сестерцій.—*А. А. Фета* . 4

Хлыщъ, говорятъ, захотѣлъ на пиплейскую гору подняться.—*А. А. Фета* . 5

Если, Коминій, судомъ народнымъ покончать сѣдую.—*А. А. Фета* . . . 5

Неизвѣстный.

На Катона Старшаго.—*** 5

Нэвій.

Эпитафія.—*** 5

Овидій.

Эпитафія.—*** 5

Стран.

Пакувій.
Эпитафія.—*В. И. Модестова* 6
Публилій Сиръ.
Дурной совѣтъ, который.—*В. И. Модестова* 6
Помогъ тотъ самъ себѣ.—*В. И. Модестова* 6
Сноси, не обвиняй.—*В. И. Модестова* 6
Наслѣдникъ плачетъ.—*В. И. Модестова* 6
Имѣя друга, помни.—*В. И. Модестова* 6
Въ чрезмѣрномъ спорѣ.—*В. И. Модестова* 6
Есть-ли у скупого, нѣтъ-ли.—*В. И. Модестова* 6
У роскоши во многомъ недостатокъ.—*В. И. Модестова* 6
Все то не наше, что приходитъ.—*В. И. Модестова* 7
Скупой недобръ ко всякому.—*В. И. Модестова* 7
Что съ кѣмъ могло случиться.—*В. И. Модестова* 7
Теренцій Варронъ.
Въ мраморномъ гробѣ Лициній, у Катона—нѣтъ никакого.—*М. А. Дмитріева* 7
Тибуллъ.
Часто шепчетъ молва, что дѣва моя провинилась.—*О. Головнина* . . . 7
Цезарь.
Теренцію.—*В. И. Модестова* 7

ПЛАВТЪ.

Изъ комедіи «Горшокъ»:
1. Дѣйствіе первое, сцена I.—*М. П. П-скаго* 16
2. Дѣйствіе первое, сцена II.—*М. П. П-скаго* 17
3. Дѣйствіе первое, сцена III.—*М. П. П-скаго* 18
4. Дѣйствіе второе, явленіе II.—*А. А. Фета* 19
5. Дѣйствіе второе, явленіе III.—*А. А. Фета* 21
6. Дѣйствіе второе, явленіе IV.—*А. А. Фета* 24
7. Дѣйствіе пятое, явленіе III.—*А. А. Фета* 25
Изъ комедіи «Плѣнники»:
1. Дѣйствіе второе, явленіе II.—*А. И. Кронеберга* 31
2. Дѣйствіе четвертое, явленіе II.—*А. И. Кронеберга* 40
Изъ комедіи «Эпидикъ»:
1. Дѣйствіе четвертое, явленіе I.—*М. П. П-скаго* 48
2. Дѣйствіе четвертое, явленіе II.—*М. П. П-скаго* 52
Изъ комедіи «Менэхмы»:
1. Дѣйствіе второе, явленіе III.—*И. И. Х-ка* 56
2. Дѣйствіе четвертое, явленіе I.—*И. И. Х-ка* 62
3. Дѣйствіе четвертое, явленіе II.—*И. И. Х-ка* 65
4. Дѣйствіе пятое, явленіе II.—*И. И. Х-ка* 72
5. Дѣйствіе пятое, явленіе III.—*И. И. Х-ка* 73
6. Дѣйствіе пятое, явленіе VII.—*И. И. Х-ка* 77
Изъ комедіи «Хвастливый Воинъ»:
1. Дѣйствіе первое, явленіе I.—*С. Д. Шестакова* 85
2. Дѣйствіе второе, явленіе IV.—*В. А. Алексѣева* 89
3. Дѣйствіе второе, явленіе V.—*И. П. Х-ка* 93
Изъ комедіи «Стихъ»:
1. Дѣйствіе первое, явленіе II.—*С. Д. Шестакова* 100

Стран.
2. Дѣйствіе второе, явленіе II.—*С. Д. Шестакова* 105
3. Дѣйствіе второе, явленіе III.—*С. Д. Шестакова* 107
Изъ комедіи «Тринуммъ»:
1. Дѣйствіе первое, явленіе II.—*С. І. Эйгесъ* 113
2. Дѣйствіе второе, явленіе IV.—*С. І. Эйгесъ* 121
3. Дѣйствіе четвертое, явленіе II.—*С. І. Эйгесъ* 131

ТЕРЕНЦІЙ.

Изъ комедіи «Андрянка»:
1. Дѣйствіе второе, явленіе I.—*Д. Подгурскаго* 145
2. Дѣйствіе четвертое, явленіе IV.—*В. А. Алексѣева* 148
3. Дѣйствіе пятое, явленіе I.—*С. Николаева* 153
4. Дѣйствіе пятое, явленіе II.—*Д. Подгурскаго* 154
5. Дѣйствіе пятое, явленіе III.—*С. Николаева* 158
6. Дѣйствіе пятое, явленіе IV.—*В. А. Алексѣева* 161
Изъ комедіи «Самъ себя наказывающій»:
1. Дѣйствіе первое, явленіе I.—*А. Резоали* 167
2. Дѣйствіе первое, явленіе II.—*А. Резоали* 171
3. Дѣйствіе второе, явленіе II.—*А. К. Деллена* 174
4. Дѣйствіе второе, явленіе III.—*А. К. Деллена* 175
5. Дѣйствіе второе, явленіе IV.—*А. К. Деллена* 184
6. Дѣйствіе третье, явленіе I.—*А. Резоали* 186
7. Дѣйствіе третье, явленіе II.—*А. Резоали* 190
8. Дѣйствіе третье, явленіе III.—*А. К. Деллена* 193
9. Дѣйствіе пятое, явленіе I.—*А. Резоали* 198
10. Дѣйствіе пятое, явленіе V.—*А. К. Деллена* 205
Изъ комедіи «Братья»:
1. Дѣйствіе первое, явленіе II.—*М. П. П-скаго* 208
2. Дѣйствіе третье, явленіе III.—*М. П. П-скаго* 212
3. Дѣйствіе четвертое, явленіе II.—*М. П. П-скаго* 219
4. Дѣйствіе четвертое, явленіе V.—*М. П. П-скаго* 225
5. Дѣйствіе четвертое, явленіе VI.—*М. П. П-скаго* 232
6. Дѣйствіе четвертое, явленіе VII.—*М. П. П-скаго* 232
7. Дѣйствіе пятое, явленіе VIII.—*М. П. П-скаго* 236
8. Дѣйствіе пятое, явленіе IX.—*М П. П-скаго* 241

КАТУЛЛЪ.

1. Посвященіе.—*К. А. Котельникова* 248
2. На смерть воробья.—*Н. В. Гербеля* 248
3. Къ Лесбіи.—*А. А. Фета* 249
4. Къ самому себѣ.—*А. А. Фета* 250
5. Къ Фурію и Авреліо.—*А. А. Фета* 250
6. Къ Колонію.—*А. А. Фета* 251
7. Къ Фурію.—*А. А. Фета* 252
8. Мальчику.—*А. С. Пушкина* 253
9. Къ Цезарю.—*А. А. Фета* 253
10. Къ полуострову Сирміону.—*А. А. Фета* 254
11. Къ Діанѣ.—*А. А. Фета* 254
12. Къ «Анналамъ» Волюзія.—*А. А. Фета* 255

PA6191
R8A43
1887
T.1

STANFO
LIBRARI

Римскіе поэты

ВЪ БІОГРАФІЯХЪ И ОБРАЗЦАХЪ

СОСТАВИЛЪ

В. АЛЕКСѢЕВЪ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1897

РИМСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Очеркъ.

Graecia capta ferum victorem cepit et artes
Intulit agresti Latio...

Horatius.

I.

Подобно греческой, римская поэзія имѣла свои періоды процвѣтанія и упадка, подобно греческой—не только древнѣйшія, но и новѣйшія ея произведенія въ огромномъ большинствѣ погибли для насъ навсегда.

Прошли цѣлыя пять столѣтій, въ продолженіе которыхъ положены были начала лирики, эпоса и даже драмы, но Римъ никогда, вѣроятно, не имѣлъ бы литературы въ настоящемъ значеніи этого слова, если бъ не столкнулся съ греческою образованностію. Благодаря этому столкновенію, побѣжденная Грецiя, выражаясь словами Горація, «побѣдила суроваго побѣдителя и познакомила съ искусствомъ грубое населеніе Лація».

Посмотримъ теперь, въ чемъ состояли, насколько можно судить, произведенія древней литературы римлянъ.

Какъ и всякій другой народъ, римляне выражали свои чувства въ лирикѣ и, между прочимъ, въ формѣ молитвы къ богамъ. Слово carmen, происходящее отъ canere, пѣть, прилагается уже къ молитвѣ. Молитвы или гимны имѣли стихотворную форму, извѣстную подъ именемъ «сатурнова» стиха, какъ для доказательства ихъ древности,—потому что время Сатурна считалось отдаленнѣйшимъ—такъ для доказательства италійскаго происхожденія этихъ гимновъ.

Изъ нихъ назовемъ, прежде всего, остатки гимна такъ называемыхъ «арвальскихъ братьевъ», или религіозной корпораціи, на обязанности которой лежали жертвоприношенія богамъ плодородія, а позже, въ періодъ имперіи, и молитвы о членахъ императорскаго дома. Другимъ памятникомъ древнѣйшей религіозной поэзіи являются также лишь отрывки, состоящіе изъ нѣсколькихъ строкъ,—гимна саліевъ, коллегіи жрецовъ Марса, учрежденной, по преданію, царемъ Нумой. Отъ гимна саліевъ дошло, какъ мы уже говорили, только самое незначительное число стиховъ, и то въ

крайне испорченномъ видѣ, не поддающемся даже сколько нибудь удовлетворительному исправленію.

Наряду съ вышеупомянутыми памятниками религіознаго творчества мы имѣемъ указанія и на другія carmina,—какъ то предсказанія (sortes) сибиллы, заклинанія, книги, извѣстныя подъ названіемъ indigitamenta,—воззванія къ различнымъ божествамъ, и др. Всѣ эти произведенія погибли для насъ.

Позже, въ республиканскій періодъ, періодъ борьбы съ внѣшними и внутренними врагами, начала развиваться въ Римѣ эпическая поэзія, главнымъ образомъ въ формѣ застольныхъ пѣсенъ (carmina convivalia), гдѣ присутствующіе прославляли подвиги своихъ предковъ,—и, конечно, такія крупныя событія, какъ основаніе республики, взятіе и разрушеніе Альбы-Лонги и Вей, затѣмъ взятіе Рима галлами и т. п., давали богатый матеріалъ для застольныхъ пѣсенъ. Авторы этихъ патріотическихъ пѣсенъ, первыхъ образцовъ героической поэзіи, неизвѣстны, а сами онѣ были утеряны уже во времена Цицерона, который горько жалѣетъ объ ихъ утратѣ. Повидимому, эти пѣсни и придали древнѣйшему періоду римской исторіи отчасти легендарный характеръ.

Съ похоронными пѣснями, или нэніями (naeniae) мы знакомы уже изъ произведеній греческой литературы. Въ исторіи римской поэзіи онѣ не имѣютъ такого значенія, какъ застольныя пѣсни, мало того, уже по отзывамъ древнихъ, были полны безсмыслицъ и высокопарны, что и понятно, такъ какъ онѣ пѣлись обыкновенно плакальщицами, получавшими за исполненіе своихъ обязанностей извѣстное денежное вознагражденіе.

Весьма немногимъ отличаются отъ похоронныхъ пѣсенъ своимъ характеромъ принадлежащія къ довольно древнимъ временамъ такъ называемыя elogia, или поэтическія надписи къ статуямъ великихъ людей, наконецъ, посвятительныя надписи (tituli). Къ первымъ относится, между прочимъ, знаменитая эпитафія Сципіона Барбата, консула 259 г. до Р. Х., и стихотворныя эпитафіи другихъ членовъ рода Корнеліевъ. Слѣдуетъ упомянуть затѣмъ о carmina fecialia.

Богатый матеріалъ для поэтическихъ произведеній давала и чисто народная жизнь съ ея празднествами, пѣснями и танцами. На этихъ то празднествахъ и получила свое развитіе драматическая поэзія римлянъ. Ея зародыши замѣтны, прежде всего, въ фесценнинскихъ стихахъ (versus fescennini), или просто фесценнинахъ. Происхожденіе этого слова было темно уже въ древности, но, кажется, вѣрнѣй производить его отъ имени етрусскаго города Fescennium.

Въ первое время фесценнины отличались шутливымъ, иногда саркастически-язвительнымъ характеромъ (carmina ludicria), и пѣлись на два хора, которые какъ бы перебранивались между собой. Впослѣдствіи однако пѣсни эти приняли форму пасквилей (mala carmina). Такіе пасквили въ своей дерзости, соединенной съ непристойностью, не щадили никого, поэтому вызвали административныя и законодательныя мѣры, каравшія виновныхъ наказаніемъ палками (poena fustuaria). Позже фесценнины приняли характеръ свадебныхъ пѣсенъ (carmina nuptialia) и сохраняли его еще въ пятомъ вѣкѣ христіанской эры.

Къ числу carmina ludicria слѣдуетъ отнести и versus ludicri, сатирическія пѣсни, которыя распѣвались римскими солдатами при вступленіи

тріумфатора въ столицу. Нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, тѣ, которыя пѣлись при тріумфѣ консула Г. Валерія Прокула, относятся къ 410 г. до Р. Х. Пѣсни подобнаго рода представляютъ экспромпты (carmina incondita, versus inconditi) и пѣлись на два хора. Отъ этихъ пѣсенъ сильно доставалось самому великому Цезарю.

Остатки древнѣйшей поэзіи мы находимъ затѣмъ въ отрывкахъ, гдѣ изложены въ стихотворной формѣ наблюденія, выведенныя изъ сельской жизни, или различныя формулы, способствовавшія, по вѣрованію народа, плодородію и отвращавшія неурожай.

Вотъ все, что мы знаемъ о древнѣйшемъ періодѣ римской поэзіи. Остатки ея дошли до насъ совершенно случайно, въ произведеніяхъ классическихъ писателей, которые, разумѣется, не задавались при этомъ цѣлью дать намъ образцы народнаго поэтическаго творчества. Не смотря на это, мы можемъ заключить, что римляне обладали весьма богатою народною поэзіей. Вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ эта поэзія не оставила однако жъ послѣ себя прочныхъ слѣдовъ, такъ какъ италійская цивилизація должна была вступить въ соприкосновеніе съ болѣе древнею и богатою цивилизаціею Греціи. Соприкосновеніе это оказалось гибельнымъ для римской литературы,—она превращается въ литературу подражательную и не можетъ вслѣдствіе этого дать такихъ образцовыхъ произведеній, какъ литература греческая. Съ тѣхъ поръ начинается второй періодъ римской литературы.

II.

Мы уже говорили выше, что зародыши римской драматической поэзіи слѣдуетъ искать въ фесценнинахъ; но народная римская драма, напоминающая своею формой настоящую драму, появляется лишь около 364 г. до Р. Х., подъ именемъ сатиры, или смѣси. По поводу этого разсказывается довольно неясное преданіе слѣдующаго рода.

Когда однажды въ Римѣ началась чума, римляне, испытавшіе безъ успѣха всѣ средства для борьбы съ ужасною болѣзнью, обратились къ етрускамъ за совѣтомъ, что предпринять имъ для прекращенія эпидеміи. Етруски, между прочимъ, посовѣтовали римлянамъ устроить театральныя представленія. Для этихъ представленій были выписаны актеры изъ Етруріи. Представленія понравились римской молодежи, и она рѣшила оставить ихъ и на будущее время, но расширить программу. Кромѣ діалога, сюда стали входить и мимика въ соединеніи съ пѣньемъ и музыкой.

Римская народная драма продолжаетъ развиваться, когда въ Римѣ появляется, едва-ли, впрочемъ, чистокровный, грекъ изъ Тарента и знакомитъ римлянъ съ греческою художественною драмою. Грекъ этотъ былъ—Л. Ливій Андроникъ. Годъ рожденія его неизвѣстенъ; мы знаемъ только, что въ Римъ онъ прибылъ въ 272 году плѣнникомъ и достался, при раздѣлѣ добычи, М. Ливію Салинатору, позже консулу. Въ домѣ Ливія Андроникъ жилъ въ качествѣ воспитателя дѣтей, давая имъ уроки греческаго и латинскаго языковъ. Отпущенный на волю признательнымъ Ливіемъ, Андроникъ открылъ школу, гдѣ обучалъ родному своему языку и латинскому. Чтобы познакомить своихъ многочисленныхъ учениковъ съ однимъ изъ

лучшихъ произведеній греческой поэзіи, онъ перевелъ на латинскій, сатурновымъ стихомъ, «Одиссею» Гомера. Не смотря на крупные недостатки послѣдней работы, большія отступленія отъ оригинала, грубый слогъ и даже невѣрность перевода, послѣдній былъ въ школьномъ употребленіи еще во времена Горація. Отъ «Одиссеи» Андроника, появленіе которой на латинскомъ языкѣ во всякомъ случаѣ было событіемъ, мы имѣемъ только нѣсколько стиховъ.

Въ 240 г. Андроникъ выступаетъ на римской сценѣ въ качествѣ драматурга, съ пьесой, написанной по образцу греческихъ, а быть можетъ, и прямо переведенной съ греческаго. Пьеса имѣла большой успѣхъ; но мы не можемъ сказать, былъ ли онъ заслуженнымъ, такъ какъ отъ трагедій и комедій Андроника—отъ первыхъ мы имѣемъ четырнадцать заглавій, отъ послѣднихъ три, не считая отрывковъ изъ неизвѣстныхъ пьесъ,—дошли до насъ самые ничтожные остатки. Въ послѣдній разъ мы встрѣчаемъ имя Андроника въ 207 году, когда Сенатъ поручилъ ему составить благодарственный гимнъ за побѣды надъ карѳагенянами. Изъ этого гимна не сохранилось ничего.

Не смотря на крупныя литературныя заслуги Андроника, имя его было забыто; но посѣянное имъ сѣмя пало на плодородную почву. Подогрѣтая имъ любовь къ драматическимъ представленіямъ увеличивалась все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ Андроникъ, умирая, оставилъ сценическое дѣло вполнѣ организованнымъ. Надъ развитіемъ этого дѣла трудился уже цѣлый кружокъ многообѣщавшихъ талантовъ; мало того, еще при жизни Андроника является замѣчательный драматургъ, первый достойный званія римскаго поэта въ строгомъ смыслѣ этого слова и одинъ изъ самыхъ даровитыхъ римскихъ писателей вообще, хотя опять таки не римлянинъ, а латинецъ изъ Кампаніи, Гней Нэвій (около 264—194 гг.).

Произведенія Нэвія появляются на римской сценѣ въ первый разъ, кажется, въ 235 г. Сильный характеръ, плебей по политическимъ своимъ убѣжденіемъ, борецъ за правду и другъ свободы и свободнаго слова, онъ придалъ оппозиціонное направленіе и своимъ пьесамъ, за что жестоко поплатился и даже умеръ въ изгнаніи.

Нэвій съ успѣхомъ пробовалъ свои силы и въ эпосѣ, и въ трагедіи, и въ комедіи. Изъ эпическихъ его произведеній громкою извѣстностью, благодаря своему сильному, ясному и выразительному языку, пользовалась его «Bellum punicum», поэма о Первой Пунической войнѣ, въ 7 книгахъ, дошедшихъ до насъ въ ничтожныхъ отрывкахъ, тѣмъ не менѣе дающихъ право считать автора первымъ замѣчательнымъ римскимъ эпикомъ. Изъ трагедій Нэвія уцѣлѣли отрывки и заглавія шести пьесъ, представляющихъ, правда, передѣлки греческихъ, однако жъ полныхъ политическихъ намековъ на римскія дѣла и римлянъ. Но всего плодовитѣе былъ онъ какъ комикъ. Имъ написано приблизительно 34 комедіи, гдѣ онъ слѣдовалъ авторамъ Новой аттической комедіи, хотя и въ данномъ случаѣ старался быть самостоятельнымъ и многому давалъ римскую окраску. Сохранившіеся отрывки комедій также незначительны. Тонъ, вульгарныя выраженія въ соединеніи съ простонароднымъ юморомъ и живой разговорный языкъ придаетъ комедіямъ Нэвія по формѣ сходство съ Плавтовыми; но онѣ отличаются отъ послѣднихъ своимъ политическимъ направленіемъ.

Вся дѣятельность Нэвія носитъ на себѣ національный отпечатокъ;

что же касается написаннаго имъ эпоса, эпосъ этотъ впервые сдѣлался, подъ его перомъ, орудіемъ возвеличенія римскаго народа, при чемъ Нэвій находилъ себѣ послѣдователей въ данномъ направленіи вплоть до Клавдіана, а какъ писатель вообще, — въ продолженіе многихъ вѣковъ римской имперіи оставался любимцемъ многочисленнаго кружка литературно образованныхъ людей, среди которыхъ достаточно упомянуть Цицерона и императора Марка Аврелія.

Послѣ Нэвія мы встрѣчаемся съ однимъ изъ геніальнѣйшихъ римскихъ поэтовъ и однимъ изъ величайшихъ писателей всемірной литературы, поэтомъ, возведшимъ недавно начавшуюся комедію на высшую ступень развитія, которую только могла имѣть она, принимая во вниманіе ея происхожденіе и условія для дальнѣйшаго ея существованія. Мы говоримъ о Т. Макціи Плавтѣ (около 254—184 гг.). Плавту посчастливилось много больше другихъ его собратьевъ по перу, такъ какъ литературное наслѣдство его состоитъ изъ двадцати комедій, хотя и дошедшихъ до насъ отчасти не вполнѣ. Превосходная обработка сюжета и прекрасный языкъ какъ нельзя болѣе способствовали заслуженной популярности этого поэта и заставили подражать ему даже такіе таланты, какъ Боккачіо, Кальдеронъ, Шекспиръ, Мольеръ и проч.

Но Плавтъ былъ любимцемъ преимущественно низшихъ классовъ римскаго населенія, тогда какъ аристократія отдавала предпочтеніе двумъ другимъ комикамъ, болѣе изящнымъ въ сравненіи съ Плавтомъ,—Стацію Цэцилію (около 219—168 гг.) и П. Теренцію Африканскому (185—159 гг.). Оба они были иностранцами и оба рабами, только впослѣдствіи получившими свободу.

Галлъ Цэцилій—настоящее имя его неизвѣстно—ограничивался писаніемъ исключительно комедій. Самыя раннія изъ нихъ публика приняла довольно холодно, но затѣмъ Цэцилій вошелъ въ моду, а впослѣдствіи сдѣлался знаменитостью. Слогъ его комедій не отличался чистотою, обличая въ немъ иностранца, но сюжетъ тщательно обработанъ, а идеи его комедій были серьезны и возвышенны. Изъ двадцати двухъ комедій Цэцилія, написанныхъ въ подражаніе Менандру, сохранились лишь отрывки, изъ которыхъ самый большой состоитъ всего изъ шестнадцати стиховъ. Но эти отрывки вполнѣ ясно доказываютъ, что, какъ драматургъ, Цэцилій стоитъ ниже Плавта, тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ числу выдающихся римскихъ комиковъ.

Кромѣ Цэцилія встрѣчаются имена и второклассныхъ комическихъ писателей, напр. Трабеи, Лицинія Imbrex, Атилія, Луція Ланувина, Турпилія († 203 г.); но намъ мало извѣстно о нихъ,—отъ ихъ произведеній не уцѣлѣло большихъ отрывковъ.

Перейдемъ теперь къ писателю, заканчивающему собой блестящій періодъ римской комедіи,—карѳагенянину Теренцію. Это въ высшей степени изящный писатель, предшественникъ изящества языка эпохи Цицерона и Августа, авторъ много нравственнѣе Плавта, но весьма мало оригинальный. Римской комедіи онъ не далъ ничего новаго, при отсутствіи у него творческаго таланта. Тщательная отдѣлка сюжета и умѣнье пользоваться имѣющимся въ его распоряженіи греческимъ матеріаломъ отчасти выкупаютъ усердное копированіе имъ пьесъ Новой аттической комедіи. Произведенія Теренція дошли до насъ почти вполнѣ.

Нэвій, Енній,—о которомъ мы будемъ говорить ниже, какъ о трагикѣ,—Плавтъ, Стацій Цэцилій и Теренцій принадлежатъ къ писателямъ такъ называемой comoedia (fabula) palliata, комедіи, слѣдовавшей греческимъ образцамъ и представлявшей греческую жизнь и греческіе нравы.

III.

Подобно греческой комедіи, въ Римъ перенесена была, какъ мы уже видѣли, и греческая трагедія, болѣе цѣнное и легкое пріобрѣтеніе для римской литературы, чѣмъ комедія. Гомеровскій эпосъ не былъ чуждъ римлянамъ и уже соединялся тогда съ легендами о племенномъ происхожденіи римлянъ. Трагедіи стали даваться въ Римѣ не позже комедій; но развитіе ихъ шло не такъ быстро, какъ развитіе послѣднихъ, отчасти вслѣдствіе болѣе значительныхъ издержекъ на ихъ постановку сравнительно съ комедіями, отчасти изъ за состава театральной публики. Тѣ самые писатели, которые познакомили римлянъ съ греческой комедіей, пересадили на римскую почву и трагедію грековъ, находившуюся въ то время подъ сильнымъ вліяніемъ Еврипида. Въ римской трагедіи еще меньше національныхъ элементовъ, нежели въ комедіи, но она гораздо нравственнѣе ея, благодаря чему принесла и больше пользы въ дѣлѣ нравственнаго развитія римскаго общества.

Первымъ виднымъ представителемъ римской трагедіи былъ полу-грекъ, мессапіецъ Кв. Енній (239—169 гг.), уроженецъ Рудій, переселившійся позже въ Римъ. Здѣсь онъ жилъ частью уроками, частью тѣмъ же, чѣмъ и Пиндаръ,—прославляя сильныхъ міра—и находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ литературнымъ кружкомъ Сципіона Младшаго. Главнымъ образомъ Енній знаменитъ, какъ авторъ эпической поэмы «Annales», поэтической лѣтописи римской исторіи, въ 18 книгахъ, сохранившихся въ отрывкахъ. Изъ двадцати двухъ его трагедій дошли до насъ только ничтожные фрагменты, что̀ не позволяетъ составить о немъ безошибочнаго сужденія какъ о трагикѣ. Изъ отрывочныхъ указаній о немъ древнихъ писателей мы знаемъ, что главнымъ образцомъ для подражанія служилъ Еннію Еврипидъ, которому однако онъ не слѣдовалъ рабски. Повидимому, Енній писалъ, судя по сохранившимся заглавіямъ, и трагедіи съ сюжетами изъ римской исторіи, трагедіи, называвшіяся въ такихъ случаяхъ fabulae praetextae.

Какъ комикъ, Енній очень слабъ, но въ качествѣ трагика древніе отводили ему одно изъ первыхъ мѣстъ. Ему же принадлежитъ честь введенія въ римскую поэзію греческаго гексаметра, правда, не въ окончательномъ видѣ, тѣмъ не менѣе сразу сблизившаго римскую поэзію съ греческой. Даровитый Енній былъ также дидактическимъ поэтомъ, при чемъ старался распространять безвѣріе, или, вѣрнѣй, чисто натуралистическій взглядъ на боговъ,—въ качествѣ переводчика поэтовъ Евгемера и Епихарма. Какъ писатель, Енній пользовался глубокимъ уваженіемъ и въ позднѣйшій періодъ римской литературы; императоръ Гадріанъ не безъ основанія предпочиталъ его Вергилію.

Тріумвиратъ первоклассныхъ римскихъ трагиковъ заканчиваетъ племянникъ Эннія—М. Пакувій (около 219—130 гг.), уроженецъ Брундузія. Сперва онъ занимался живописью, но въ зрѣлыхъ годахъ обратился къ сочиненію трагедій. Отдѣлка его стиховъ тщательнѣе, чѣмъ у Ен-

нія, но изложеніе мѣстами неровно и напыщено. Вся древность говоритъ, что Пакувій пользовался среди соотечественниковъ широкою извѣстностью. Скудные отрывки изъ двѣнадцати его трагедій позволяютъ заключить, что содержаніе ихъ имѣло отчасти философскій оттѣнокъ и могло возбуждать сочувствіе людей мыслящихъ и развитыхъ. Въ своихъ трагедіяхъ онъ слѣдовалъ тремъ великимъ греческимъ трагикамъ. Одна драма была изъ національной римской жизни. Пьесы Пакувія давались на римской сценѣ еще въ вѣкъ Августа.

Болѣе удобнымъ для чтенія и болѣе искуснымъ подражателемъ греческимъ образцамъ былъ сынъ вольноотпущенника, Л. Акці'й (около 170—84 гг.), уроженецъ Пизавра. Онъ занимался исторіей литературы и грамматикой, а также оставилъ послѣ себя образцы эпоса. Но извѣстность онъ пріобрѣлъ главнымъ образомъ своими трагедіями, которыми старался ввести въ латинскую трагедію болѣе чистый языкъ и слогъ. Въ потомствѣ слава Акція какъ трагика была прочной. Нѣкоторые писатели отзываются о немъ съ какою то восторженностью. Онъ писалъ также fabulae praetextae. Число его пьесъ неизвѣстно въ точности,—насчитывается отъ 37 до 55 названій. До насъ дошло порядочное количество отрывковъ. Стихъ Акція не совсѣмъ правиленъ, но діалогъ ведется мастерски. Какъ и Пакувій, онъ поклонникъ патетическихъ мѣстъ, поэтому изъ трехъ величайшихъ греческихъ трагиковъ отдаетъ преимущество Эсхилу. Акцій былъ послѣднимъ замѣчательнымъ римскимъ трагикомъ. Позже, трагедію вытѣснили мимы и пантомимы, ясно доказывая этимъ о паденіи вкусовъ публики. Правда, авторы трагедій встрѣчаются спустя долгое время, но они пишутъ свои произведенія не для сцены, а для чтенія въ кругу друзей или избранной публики. Къ тому же, трагедіи эти не отличаются почти никакими достоинствами, напримѣръ, трагедіи Сенеки.

Римская поэзія вступаетъ въ новый періодъ своего существованія. Рабское ея подчиненіе греческимъ литературнымъ образцамъ кончается; она старается выбраться на свою дорогу и служить народнымъ интересамъ.

IV.

Седьмое столѣтіе государственной жизни Рима было весьма плодотворнымъ для римской литературы: въ это время появляется чисто національный видъ ея, совершенно чуждый грекамъ,—сатира—а затѣмъ и національная комедія, такъ называемая fabula togata, комедія тоги, гдѣ дѣйствующія лица одѣты не въ греческіе костюмы, не въ плащи, а въ чисто національный—тогу.

Первоначально, сатира своей формой походила на нашъ водевиль; но постепенно ея свойства измѣняются. Енній первымъ взялся за ея дальнѣйшее преобразованіе. Его «Saturae»—различныя произведенія, собранныя въ одно цѣлое и разнообразныя какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Здѣсь были изложены въ стихахъ и правила сельскаго хозяйства, и книги по гастрономіи, и сочиненія философскаго направленія. Въ лицѣ кампанца Г. Луцилія (148—103 гг.) является поэтъ, стихотворенія котораго, все еще представляя смѣсь по содержанію и формѣ, имѣютъ уже отчасти бичующій характеръ.

Въ римскомъ народѣ успѣло проснуться самосознаніе, онъ успѣлъ отдохнуть отъ длиннаго ряда грандіозныхъ событій и началъ относиться критически къ своей жизни и дѣятельности. Луцилій придалъ своей сатирѣ оттѣнокъ Древней аттической комедіи и представилъ на судъ общества главныя явленія римской жизни и общественныя язвы своего времени. Стоя выше партій, онъ не щадилъ ни первыхъ лицъ государства, ни послѣдняго плебея. Его стихотворенія были чѣмъ то въ родѣ открытыхъ писемъ къ публикѣ; въ нихъ онъ вносилъ и свои политическія наблюденія и надежды, и грамматическія замѣтки, и наблюденія изъ собственной жизни, и критику произведеній искусства. Луцилій вскорѣ сдѣлался любимцемъ націи, и мы смѣло можемъ согласиться съ мнѣніемъ большинства его современниковъ и потомковъ, отводившихъ ему, за содержаніе, не за форму, его сатиръ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ среди римскихъ писателей. Какъ человѣкъ, этотъ желчный, но горячій патріотъ, нравственный, скромный и въ высшей степени простой и симпатичный, сумѣлъ оставаться въ дружбѣ даже съ тѣми, кого избралъ предметомъ своихъ насмѣшекъ, напримѣръ, со Сципіономъ Младшимъ. Результатомъ литературной дѣятельности Луцилія осталось 30 книгъ сатиръ, для насъ утерянныхъ, за исключеніемъ небольшихъ отрывковъ.

Ближайшимъ литературнымъ преемникомъ Луцилія, продолжателемъ его сатиръ, былъ П. Теренцій Варронъ Атакійскій (около 82—37 гг.), писавшій также эпическія поэмы и элегіи эротическаго характера, но, по отзыву Горація, ничѣмъ не заявившій себя, какъ сатирикъ. Весьма извѣстенъ былъ затѣмъ грамматикъ М. Севій Никаторъ и грамматикъ же, отпущенникъ и вѣрный приверженецъ Помпея Великаго—Ленэй.

Вскорѣ послѣ Луцилія выступаетъ со своими сатирами М. Теренцій Варронъ Реатскій (116—28 гг.), образованнѣйшій и плодовитѣйшій изъ римскихъ писателей. Но Варронъ со своими такъ называемыми «Менипповыми» сатирами, состоявшими изъ 150 книгъ, не только возвращается къ формѣ сатиръ, данной Эннiемъ, но и заходитъ еще дальше, такъ какъ въ его сатирахъ мало того, что перемѣшаны самые разнообразные размѣры, чередуются даже проза и стихи,—особенность, встрѣчающаяся позже и въ извѣстной сатирѣ Сенеки на смерть императора Клавдія. Αποκολοκυντοσις[1]). Въ сатирахъ Варрона идетъ рѣчь о предметахъ практической философіи, о безсмертіи души и т. д. Сохранились небольшіе отрывки. Какъ поэтъ, Варронъ не представляетъ выдающагося дарованія, въ противоположность славѣ своей, какъ ученаго.

Онъ не нашелъ себѣ подражателей. Сатира продолжала идти тѣмъ путемъ, который указалъ ей Луцилій и которымъ велъ ее и усовершенствовавшій ее Горацій. Различны только взгляды сатириковъ на окружающій ихъ міръ.—Луцилій и Горацій весело смотрятъ на него, тогда какъ Персій говоритъ о немъ язвительно, Ювеналъ—бичуетъ его съ негодованіемъ, Марціалу все кажется забавнымъ, Петроній—комичнымъ. Сатира Сенеки—плодъ личнаго озлобленія. Прочіе сатирики неизвѣстны намъ вплоть до Горація; но о Горацiи и его товарищахъ по направленію рѣчь будетъ ниже.

[1]) По русски переведена В. Алексѣевымъ. СПб. 1881.

V.

Наряду съ сатирой появляется у римлянъ и національная комедія, въ которой изображается обыденная жизнь не одного только населенія столицы, но и латинцевъ съ ихъ національными особенностями и языкомъ. Появленіе національной комедіи нельзя объяснить случайностью. Отчасти вслѣдствіе общественныхъ, отчасти вслѣдствіе чисто формальныхъ условій первоначальная римская комедія превратилась въ рабское воспроизведеніе греческой и продолжала оставаться ею въ теченіе довольно долгаго времени. Но Плавтъ, Цэцилій, Теренцій и цѣлый рядъ менѣе даровитыхъ комиковъ успѣли исчерпать весь репертуаръ греческой комедіи, и ихъ преемникамъ оставалось или заняться передѣлкой, или выбирать новые сюжеты. Въ этомъ кроется одна изъ причинъ появленія fabula togata.

Въ свою очередь, измѣнился нѣсколько и самый взглядъ на комедію. Она перестала быть пугаломъ, потому что въ Римѣ въ это время появилась сатира, въ лицѣ Луцилія взявшая на себя роль Древней аттической комедіи. Много помогло развитію комедіи и освобожденіе ея отъ полицейскаго надзора, какъ и одновременный успѣхъ самостоятельныхъ драматическихъ произведеній, въ родѣ ателланъ.

Новая, настоящая римская комедія выводитъ на сцену латинцевъ; только этимъ и отличаются главнымъ образомъ оба вида римскихъ комедій: въ остальномъ fabula togata и fabula palliata вращались около одного и того же круга интригъ, рисовали тѣ же характеры, какъ и Новая аттическая комедія. Измѣнился лишь колоритъ, получившій національный оттѣнокъ. Первыя роли въ новой римской комедіи принадлежатъ лицамъ изъ простонародья, ремесленникамъ, черни, лавочникамъ (comoedia tabernaria) и т. п. Другое отличіе fabula togata отъ fabula palliata состоитъ въ томъ, что въ первой весьма видную роль играетъ женщина, и женщина честная, въ противоположность женскимъ ролямъ Новой аттической комедіи. Новую римскую комедію публика приняла сочувственно, потому что ея типы были родными ей, а также потому, что здѣсь было больше простора шуткамъ и комическимъ ситуаціямъ, благодаря ея содержанію, и больше откровенности и безцеремонности, нравившихся такой публикѣ.

Первымъ по времени представителемъ fabula togata является Векцій Титиній, время жизни котораго невозможно опредѣлить съ точностью; но онъ былъ современникомъ Теренція. Типы его отличались живостью. До насъ дошли отрывки болѣе, чѣмъ изъ пятнадцати комедій Титинія, переносящаго читателя и публику въ иной міръ въ сравненіи съ дѣйствующими лицами у Плавта и Теренція. Повидимому, Титиній съ особенною любовью ставилъ на сцену эпизоды изъ жизни низшаго класса, эпизоды полные комизма и написанные простымъ и живымъ языкомъ. Онъ выводилъ на сцену лица не только римскаго, но и италійскаго происхожденія вообще, не безъ намековъ на современность.

Другимъ писателемъ fabula togata былъ Г. Квинкцій Атта († въ 77 г.), пьесы котораго пользовались большою популярностью и давались на сценѣ римскаго театра и при Горація, при чемъ исполнителями въ нихъ выступали знаменитые актеры, въ родѣ Росція и Эзопа. Всего лучше, го-

ворятъ, удавались Аттѣ женскія роли. Отрывковъ изъ комедій Атты дошло гораздо меньше, чѣмъ изъ комедій Титинія, поэтому объ ихъ характерахъ трудно составить опредѣленное понятіе; но, кажется, сюжеты ихъ представляли богатый матеріалъ для смѣшныхъ сценъ.

Третьимъ и самымъ плодовитымъ авторомъ fabula togata, преимущественно fabula togata tabernaria, былъ Л. Афраній (р. около 140 г.). Афраній поставилъ національную римскую комедію на высшую ступень развитія. О пьесахъ его древніе отзывались весьма выгодно, а тонкій критикъ Квинтиліанъ отдавалъ ему преимущество передъ всѣми авторами fabula togata. Афраній былъ однако и подражателемъ греческихъ образцовъ, главнымъ образомъ Менандра, съ которымъ его сравнивали въ вѣкъ Августа; но комедіи его менѣе сложны и длинны, чѣмъ у греческаго драматурга. Въ противоположность пьесамъ его двухъ предшественниковъ, пьесы Афранія имѣли прологъ. Имъ Афраній, по примѣру своего любимца Теренція, пользовался для полемики со своими недоброжелателями; да и тенденціей и чистотой языка, приближавшагося къ народной рѣчи, Афраній имѣлъ сходство съ тѣмъ же Теренціемъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же про ихъ содержаніе. Содержаніемъ этимъ служила семейная жизнь и рѣже общественная; но тутъ онъ такъ мало стѣснялся въ выраженіяхъ, что имя Афранія уже въ древности служило синонимомъ цинизма. Онъ смѣло обличалъ злоупотребленія даже такихъ лицъ, которыя пользовались уваженіемъ народа. Намъ извѣстны заглавія болѣе сорока его комедій. Онѣ комментировались еще въ вѣкъ Гадріана, и отъ нихъ осталось не мало отрывковъ, въ общемъ 425 стиховъ.

О другихъ представителяхъ fabula togata, напр. объ Эліи Ламіи или Антоніи Руфѣ—быть можетъ, одноименномъ грамматикѣ—мы не имѣемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній.

VI.

Одновременно съ fabula togata развиваются безыскусственные національные фарсы, еще болѣе національные, нежели сама fabula togata, и извѣстные подъ именемъ ателланъ (fabulae (ludi) atellanae). Они получили свое названіе отъ кампанскаго города Ателлы и играли роль заключительныхъ пьесъ. Ателланы существовали, повидимому, съ давнихъ поръ, но первоначально были импровизаціями. Сюжетъ свой онѣ заимствовали преимущественно изъ жизни низшихъ слоевъ общества и не городскаго, а провинціальнаго, и даже иностранцевъ, напр. галловъ и сирійцевъ, отличались веселымъ характеромъ и были пересыпаны сальностями и жестами, иногда крайне циничными, а также остротами и намеками на злобы дня, хотя актеры подчасъ жестоко платились за свои ремарки. Планъ ателланъ былъ незатѣйливъ, языкъ же, какъ и слѣдовало ожидать,—простонародный. Однимъ изъ неизмѣнныхъ дѣйствующихъ лицъ въ нихъ, лицъ, взятыхъ большею частью изъ обыденной жизни, былъ Maccus, страшно обжорливый хвастунъ, глупецъ и уродъ, но ловеласъ, которому часто сильно достается за свои ухаживанія и любопытство. Типъ этотъ напоминаетъ Pulcinella или Arlechino въ новѣйшей итальянской комедіи dell'arte. Другой типъ—Bucco, Brigella комедіи dell'arte, нахальный болтунъ и прожорливый блюдолизъ, но замѣчательно хитрый и смѣтливый. Затѣмъ идутъ

Pappus (Pantalone), старый всѣми надуваемый скряга, и Dossenus, или Dorsenus (Dottore), горбунъ-шарлатанъ и невѣжда, разыгрывающій изъ себя ученаго. Для оживленія пьесъ не было недостатка и въ страшилищахъ, въ родѣ обжоры Manducus, Pytho Gorgonius, типахъ, схожихъ, вѣроятно, съ предыдущимъ, вѣдьмахъ—Lamia и Mania и т. п. Но эти персонажи были не постоянными. Съ ателланами довольно тѣсно связаны exodia, также веселыя пьесы, дававшіяся послѣ окончанія серьезной трагедіи, нѣчто въ родѣ греческой сатирической драмы или современнаго дивертисмента.

Ателланы, пришедшіяся по вкусу невзыскательной публикѣ, удержались не только въ продолженіе республиканскаго періода, но и почти все время имперіи, при чемъ пользовались особенною любовью нѣкоторыхъ цезарей. Послѣ этого онѣ перешли, съ незначительными измѣненіями, въ народную итальянскую комедію.

Были писатели, старавшіеся придать ателланамъ художественную форму, поставить ихъ на одинъ уровень съ пьесами fabula togata,—и въ половинѣ седьмого столѣтія государственной жизни Рима появляются на сценѣ литературныя ателланы. Реформаторами въ данномъ направленіи были почти современники—бононецъ Л. Помпоній (около 90 г. до Р. Х.) и Кв. Новій, біографическія извѣстія о которыхъ весьма скудны. Отсутствіе импровизаціи и внесеніе новаго элемента—пародій—сильно повредило прелести первоначальныхъ ателланъ. Отъ произведеній Помпонія до насъ сохранились отрывки почти отъ семидесяти пьесъ, написанныхъ чисто народнымъ и даже площаднымъ языкомъ. Новій очень остроуменъ, но въ равной степени циниченъ. Отъ пьесъ его мы имѣемъ 41 заглавіе, судя по которымъ онъ касался самыхъ разнообразныхъ сторонъ италійской жизни.

Но, насколько можно судить, попытки Помпонія и Новія остались безъ успѣха; ателланы продолжали сохранять свой прежній характеръ. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстенъ лишь одинъ продолжатель дѣла Помпонія и Новія—нѣкій Муммій, или Меммій, быть можетъ, современникъ императора Тиберія.

VII.

Однако жъ музыка и танцы болѣе отвѣчали вкусу римлянъ, и при императорахъ почти во всѣхъ театрахъ уже царитъ, на счетъ пьесъ другого характера, мимъ, родъ болѣе или менѣе сложнаго балета, вытѣснившаго со сцены и ателланы. Подобно имъ, мимы—древняго происхожденія; но процвѣтаніе ихъ относится къ послѣднимъ годамъ республики, ко времени Суллы.

Вначалѣ мимы были не что иное, какъ картины изъ общественной жизни, и отличались отъ ателланъ развѣ отсутствіемъ масокъ и постоянныхъ типовъ. Въ нихъ были тѣ же насмѣшки и пародіи, какъ и въ ателланахъ, но не было строго опредѣленнаго плана. Главныя роли распредѣлялись какъ между мужчинами, такъ и между женщинами.

Впослѣдствіи мимъ сталъ отличаться крайне циничнымъ характеромъ и пришелся вполнѣ по душѣ развратному римскому обществу перваго столѣтія до Р. Х. Обществу этому было любо смотрѣть на совершенно голыхъ актрисъ, обыкновенно гречанокъ, и вообще на сцены наглаго разврата, соста-

влявшія содержаніе этихъ мимовъ, слушать крайне неприличную брань, или любоваться сценами кроваваго характера, напримѣръ, изображеніемъ смерти на крестѣ. Сюжеты мимовъ были, главнымъ образомъ, любовные. Симпатіями людей нравственныхъ, въ родѣ Цицерона, или такихъ тонко образованныхъ литературныхъ критиковъ, какъ Горацій, мимъ не пользовался никогда. О степени безнравственности представленій подобнаго характера говоритъ развратный Марціалъ, заявляющій, что женщина, которая ходила смотрѣть мимы, можетъ безъ всякаго стыда за свою нравственность прочесть самыя циничныя изъ эпиграммъ его, Марціала. Между тѣмъ мимамъ покровительствовалъ самъ Юлій Цезарь.

Что сдѣлали Помпоній и Новій для ателланъ, то сдѣлали для мима современники—всадникъ Децимъ Лаберій (около 105—43 гг.) и прежній рабъ, антіохіецъ Публилій Сиръ, самъ замѣчательный актеръ и импровизаторъ. Благодаря имъ, мимъ одержалъ побѣду надъ ателланами.

Отъ пьесъ Лаберія дошло болѣе сорока заглавій. Изъ нихъ видно, что этотъ замѣчательный комикъ бралъ свои сюжеты оттуда-же, откуда заимствовали ихъ ателланы. Онъ чрезвычайно остроуменъ и литературно изященъ.

Пьесы Сира, какъ это ни странно, были полны нравственныхъ сентенцій, обыкновенно въ одинъ стихъ. Сентенціи эти издавались въ формѣ отдѣльныхъ сборниковъ и частью дошли до насъ. Что же касается мимовъ Сира, отъ нихъ не дошло даже заглавій.

Мимъ продолжалъ существовать и во время имперіи; онъ перешелъ и въ Византію, гдѣ давался еще при Юстиніанѣ. Императоръ даже, такъ сказать, породнился съ нимъ: женой его была прежняя мимическая актриса, не находившая себѣ соперницъ въ дѣлѣ разврата,—Ѳеодора. Но растлѣвающее вліяніе мима на нравственность встрѣчало иногда сильную оппозицію въ видѣ запрещенія давать мимическія представленія на сценахъ извѣстныхъ городовъ. Примѣромъ тому можетъ служить Массилія.

VIII.

Къ концу седьмого столѣтія достигаетъ своего высшаго развитія въ лицѣ Цицерона и Цезаря, римская проза, а при Августѣ и римская поэзія. Но тѣ же Цицеронъ и Цезарь пробовали свои силы и въ поэзіи, хотя и не особенно удачно. М. Туллій Цицеронъ (106—43 гг.) скорѣй можетъ быть названъ недурнымъ стихотворнымъ переводчикомъ, нежели даровитымъ оригинальнымъ поэтомъ. Большинство переводныхъ и оригинальныхъ его стихотвореній погибло, но мы не можемъ особенно жалѣть объ ихъ утратѣ.

Другой представитель римской поэзіи этого періода—Г. Юлій Цезарь (101—44 гг.). Блестящій ораторъ подобно Цицерону, онъ, повидимому, былъ, какъ и его соперникъ, заурядным поэтомъ.

Однако жъ время Цицерона дало намъ два замѣчательныя дарованія въ области поэзіи, изъ которыхъ Т. Лукрецій Каръ (99—55 гг.) является поэтомъ-философомъ, чувствующимъ себя чуждымъ для всѣхъ и осиротѣлымъ, Г. Валерій Катуллъ (87—54 гг.)—блестящимъ лирикомъ.

Катулломъ заканчивается рядъ тѣхъ римскихъ поэтовъ времени республики, отъ которыхъ дошли до насъ болѣе или менѣе цѣльныя произ-

веденія. Но отъ прочихъ дѣятелей въ области тогдашней поэзіи остались лишь имена и незначительные отрывки изъ ихъ произведеній.

Изъ эпиковъ того времени назовемъ Гостія, кажется, продолжателя поэмы Еннія, затѣмъ — Танузія Гемина, изъ лириковъ — Лэвія, автора стихотвореній съ комико-миѳологическимъ оттѣнкомъ и эротическаго характера, Гн. Матія, переводчика «Иліады» и автора миміямбовъ, М. Фурія Бибакула (102—63 гг.), желчнаго ямбографа, [вмѣстѣ съ Катулломъ и Г. Лициніемъ Кальвомъ (82—47 гг.), близкимъ другомъ Катулла и блестящимъ поэтомъ, преимущественно эротикомъ, являющагося представителемъ оппозиціи Цезарю, затѣмъ даровитаго Валерія Катона, ученика послѣдняго — эпика Г. Гельвія Цинну († въ 44 г.), и лирика и эротика Тициду.

IX.

Въ правленіе Августа начинается такъ называемый золотой вѣкъ римской поэзіи, такъ какъ она выставляетъ цѣлый рядъ блестящихъ поэтовъ. Разработываются всѣ виды поэзіи, изъ которыхъ эпосъ, въ лицѣ П. Вергилія Марона (70—19 гг.), достигаетъ высшаго расцвѣта. Симпатичный, спокойный и разсудительный епикуреецъ Кв. Горацій Флаккъ (65—8 гг.) даетъ намъ образцы лирической поэзіи, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и выдающимся сатирикомъ.

Но самымъ моднымъ родомъ поэзіи того вѣка была безспорно элегія. Въ ней пробуютъ съ успѣхомъ свои силы лучшіе представители литературы вѣка Августа. Въ республиканскую эпоху элегіей занимается, какъ мы уже видѣли, Катуллъ, за которымъ слѣдуетъ, при Августѣ, Г. Корнелій Галлъ (69—26 гг.), другъ Вергилія. Изъ произведеній его не дошло ничего; но Галлъ, какъ извѣстно, былъ подражателемъ греческаго поэта Евфоріона. Самымъ замѣчательнымъ элегикомъ является Албій Тибуллъ (около 54—19 гг.), мечтатель съ нѣжнымъ поэтическимъ сердцемъ, поклонникъ тихой деревенской жизни и чистой, нравственной любви, поэтъ умѣющій быть столько же естественнымъ, сколько художественнымъ. Рядомъ съ Тибулломъ произведенія Секста Проперція (около 46—15 гг.) представляютъ характерный образецъ вліянія на римскую литературу произведеній греческихъ поэтовъ александрійской эпохи. Проперцій не всегда понятенъ и даже правиленъ стиллистически; это поэтъ разсудка, только изрѣдка поддающійся вліянію страсти. Третьимъ великимъ элегикомъ, а также крупнымъ эпикомъ и трагикомъ, слѣдуетъ считать П. Овидія Назона (43 г. до Р. Х.—17 г. по Р. Х.), геніальнаго поэта, равнаго которому не скоро найдешь во всемірной литературѣ. Овидій вернулъ римской элегіи характеръ, отнятый у нея Проперціемъ. Благодаря вышеупомянутымъ поэтамъ, элегія, преимущественно эротическая, въ сравнительно короткое время достигаетъ своего высшаго развитія.

Наряду съ выдающимися поэтами вѣкъ Августа не имѣлъ недостатка и во второстепенныхъ дарованіяхъ. Къ такимъ можно отнести друга Горація—Г. Валгія Руфа, дидактика и элегика, изъ произведеній котораго дошли многочисленные отрывки. Затѣмъ слѣдуетъ назвать Л. Варія Руфа (74—14 гг.), замѣчательнаго эпика и трагика, автора утерянной трагедіи «Thyestes», далѣе — весьма даровитаго эпика и эпиграмматиста

*

Домиція Марса (54—4 гг.), Альбина Педона, друга Овидія, эпика и элегика, произведенія котораго утеряны, за исключеніемъ отрывковъ, Грація, автора стихотворенія объ охотѣ, подражателя александрійцевъ и Вергилія, но сильный талантъ, затѣмъ М. Манилія, автора поэмы астрономическаго и отчасти астрологическаго содержанія, поэта довольно даровитаго, но не всегда понятнаго, Цезаря Германика (15 г. до Р. Х.—19 г. по Р. Х.), замѣчательнаго поэта и талантливаго дидактика, и др.

X.

Уже при ближайшихъ преемникахъ Августа наступаетъ оскудѣніе поэтической литературы римлянъ. Вѣкъ, который мы привыкли называть «Августовымъ», былъ уже испорченъ нравственно, пороченъ, только испорченность и порочность его были слегка прикрыты мишурой. Деспотизмъ Августа умѣрялся необыкновеннымъ искусствомъ его, какъ цезаря,—онъ не задѣвалъ за живое даже самыхъ щепетильныхъ лицъ. Внѣшнія формы республиканской конституціи сохранялись весьма строго, и съ перваго взгляда можно было думать, что императоръ управляетъ государствомъ лишь въ качествѣ исполнителя воли народа и Сената.

Другой характеръ имѣлъ деспотизмъ послѣдующихъ цезарей,—убивая политическую свободу, муча безпрерывными ссылками, онъ убивалъ и нарождавшіеся таланты. Рука объ руку съ жизнью шла и литература. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы поэзія этого періода была чужда живости или остроумія, напротивъ, но въ ней отсутствуетъ та строгость и гармонія формы и содержанія, какія были присущи ей въ классической ея періодъ. Не смотря на всѣ невыгодныя условія, и поэтическая литература времени упадка, серебрянаго вѣка, даритъ насъ произведеніями, въ которыхъ виденъ иногда несомнѣнный талантъ, напоминающій отчасти о поэтахъ прошлаго вѣка.

Не останавливаясь на имени вольноотпущенника Августа и умершаго, повидимому, при Клавдіи—баснописца Федра, автора ста двадцати басенъ, изящество формы которыхъ не искупаетъ бѣдности творческаго воображенія, переходимъ къ учителю Нерона, знаменитому философу Л. Аннэю Сенекѣ (около 8 г. до Р. Х.—65 г. по Р. Х.). Отъ него мы имѣемъ девять трагедій, гдѣ Сенека подражаетъ греческимъ драматургамъ—Софоклу и, главнымъ образомъ, Еврипиду. Но подражатель онъ довольно заурядный. Вмѣсто живыхъ лицъ, у него движутся на сценѣ автоматы; красота формы и жизненность фантазіи соединены съ резонерствомъ, имѣющимъ сильную реторическую окраску; живую рѣчь замѣняютъ подчасъ общія мѣста. Кромѣ трагедій, до насъ дошло девять эпиграммъ Сенеки; но, вѣроятно, не всѣ онѣ подлинны.

Въ фамиліи Аннэевъ литературный талантъ былъ наслѣдственнымъ, что видно на третьемъ ея представителѣ, племянникѣ Л. Сенеки,—М. Аннэѣ Луканѣ (39—65 гг.). Это былъ плодовитый писатель,—между прочимъ трагикъ—писавшій и въ стихахъ, и въ прозѣ. Но изъ всѣхъ его произведеній сохранилась лишь поэма «Pharsalia», да и то въ неоконченномъ видѣ. Здѣсь Луканъ какъ бы выступаетъ соперникомъ Вергилія. Ему не удалось сравняться съ творцомъ «Энеиды», тѣмъ не менѣе «Pharsalia» послѣ поэмы

Вергилія безспорно занимаетъ первое мѣсто въ ряду эпическихъ произведеній того времени. Со всею искренностью юноши оплакиваетъ Луканъ погибшую римскую свободу и ея благородныхъ бойцовъ.

Товарищемъ Лукана былъ трудно понимаемый сатирикъ, хоть и не въ строгомъ смыслѣ этого слова, А. Персій Флаккъ (34—62 гг.), личность кроткая, съ чистою, благородною душой и глубоко серьезнымъ характеромъ, мрачный проповѣдникъ стоицизма. Сатиры его не отдѣланы окончательно. Строгое осужденіе печальныхъ сторонъ тогдашней эпохи, глубокое презрѣніе къ временщикамъ, тайные сарказмы противъ цезарей,— все это видно въ сатирахъ Персія. Другомъ его былъ такъ же поэтъ— Цэзій Бассъ († 79 г.), весьма даровитый лирикъ. Можно упомянуть затѣмъ о другѣ Сенеки, Луциліи Младшемъ, авторѣ довольно хорошаго эпическаго стихотворенія «Aetna», дошедшаго до насъ не вполнѣ.

Затѣмъ мы имѣемъ, правда, также въ отрывкахъ, одно изъ интереснѣйшихъ произведеній литературы временъ имперіи, — большой сатирическій романъ Т. Петронія Арбитра († 66 г.), быть можетъ, товарища Нерона по разврату, — рядъ отчасти циничныхъ, но мастерски написанныхъ сценъ. Въ романѣ Петронія проза смѣняется стихами. Строго говоря, Петроній не сатирикъ, а порнографъ.

Отъ произведеній поэтической литературы времени двухъ первыхъ императоровъ изъ фамиліи Флавіевъ сохранилась до насъ только поэма «Argonautica», въ 8-ми книгахъ, принадлежащая перу Г. Валерія Флакка († около 90 г.), вещь слабая, благодаря своей растянутости, искусственности и реторическимъ прикрасамъ.

Дошедшими до насъ представителями поэзіи временъ Домиціана являются три поэта—Т. Катій Силій Италикъ (около 26—101 гг.), П. Папиній Стацій (40—96 гг.) и М. Валерій Марціалъ (около 40—102 гг.).

Отъ перваго изъ нихъ мы имѣемъ большой эпосъ «Punica», въ 17 книгахъ, — поэтическое описаніе Второй Пунической войны, представляющее подражаніе Гомеру и Вергилію и скоро забытое. Болѣе даровитъ былъ, вслѣдствіе чего пользовался и большею популярностью, Стацій, который написалъ двѣ поэмы «Thebaïs» и «Achilleïs». Первая отличается растянутостью, но стихъ ея легокъ, и она не лишена фантазіи, однако жъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, полна самой пошлой лести коронованному тигру—Домиціану. Болѣе удачна поэма «Achilleïs». Она не такъ растянута; изложеніе ея проще, но она не окончена. Рядъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени мелкихъ стихотвореній Стація, въ числѣ тридцати двухъ, составляетъ сборникъ, извѣстный подъ заглавіемъ «Silvae» и принадлежащій къ лучшимъ произведеніямъ автора. Это—поэтическіе эксмпромпты, обыкновенно двустишія, въ пяти книгахъ, самаго разнообразнаго содержанія. Въ нихъ нѣтъ серьезности, но, въ общемъ, они не лишены достоинствъ. Къ сожалѣнію, всѣ три сочиненія Стація полны не знающей границъ безстыдной лести тому же Домиціану.

Другимъ не менѣе наглымъ льстецомъ былъ Марціалъ, циничный эпиграмматистъ, личность корыстная, но, безъ сомнѣнія, талантливая, даровитый представитель поэзіи серебрянаго вѣка. Эпиграммы Марціала отличаются ѣдкостью и неподдѣльнымъ остроуміемъ. Превосходные образцы эпиграммъ дали уже Катуллъ, затѣмъ Кальвъ, Бибакулъ и Домицій Марсъ,

но самымъ блестящимъ представителемъ этого вида поэзіи въ римской литературѣ является, конечно, Марціалъ; мало того, его можно назвать истиннымъ творцомъ эпиграммы.

Другъ Тацита, Г. Плиній Цэцилій Младшій (около 61 — 113 гг.) также занимался поэзіей, но, повидимому, неудачно.

Перейдемъ теперь къ послѣднему замѣчательному поэту серебрянаго вѣка римской поэзіи—Д. Юнію Ювеналу (около 47—129 гг.), величайшему сатирику Рима и пламенному патріоту. Въ его время римскія добродѣтели успѣли найти себѣ могилу въ испорченности и изнѣженности новаго поколѣнія, и Ювеналъ чувствуетъ, что прежнее минуло безвозвратно. Въ лицѣ его сатиры мы видимъ послѣднюю попытку римскаго духа создать величественный литературный памятникъ, послѣдній протестъ противъ безнравственнаго и деспотическаго правленія императоровъ и воспоминаніе о древней республикѣ, протестъ, выразившійся въ сатирѣ. Но Ювеналъ, какъ и другіе римляне его убѣжденій, стремятся перемѣнить людей, не вещи; они мирятся съ имперіей, но ненавидятъ безумства цезарей, ихъ деспотизмъ, злоупотребленіе властью; они просятъ лишь о томъ, чтобы вернулись времена Нервы или Траяна; чтобы имъ было позволено говорить то, что думаешь, и думать то, что хочешь...

XI.

Послѣ Ювенала начинается вырожденіе римской литературы вообще и поэзіи въ частности, ея «мѣдный» вѣкъ. Медленная ея агонія продолжается болѣе четырехъ столѣтій. Отсутствіе теплоты чувства и вкуса, сухая ученость и педантизмъ характеризуютъ произведенія литературы эпохи паденія. Все рѣже и рѣже встрѣчаются образцы чистой латыни; мало того, римскіе писатели начинаютъ издавать свои вещи на греческомъ языкѣ, оставляя на долю римлянъ лишь грамматическіе трактаты или произведенія риторовъ и поэтовъ-подражателей. Извѣстно, какъ встрѣтили въ Римѣ первыхъ греческихъ риторовъ и философовъ,—одни приняли ихъ восторженно, другіе—съ патріотическимъ недовѣріемъ. Къ концу республики мы видимъ грековъ уже господами и повѣренными самыхъ знаменитыхъ людей Рима. Настало время имперіи. Древнія преданія были забыты; возросла порча нравовъ, а это, въ связи съ любовію къ литературѣ и требованіями и капризами роскоши, все болѣе и болѣе ставили образованное римское общество въ зависимость отъ грековъ, которымъ покровительствуютъ уже сами императоры. Греки эти сумѣли сдѣлаться необходимыми съ помощью какъ серьезныхъ, такъ и второстепенныхъ своихъ талантовъ науки и краснорѣчія. Въ результатѣ вышло то, что уже начиная со второго вѣка нашей эры латинскій языкъ портится и носитъ на себѣ очевидные слѣды зарождающагося варварства.

Страшный ударъ римской литературѣ нанесло христіанство, въ лицѣ цѣлаго ряда своихъ замѣчательныхъ писателей. Но побѣда досталась христіанству не безъ борьбы. Не равна была эта борьба разлагающагося общества съ недавно возникшимъ ученіемъ, но въ ней литературный языческій міръ напрягъ свои послѣднія силы и въ послѣдній разъ далъ настоящихъ поэтовъ. При нашествіи варваровъ Римъ перестаетъ существо-

вать какъ государство, а вмѣстѣ съ нимъ гибнетъ римская литература. Но, погибая, она даетъ жизнь литературѣ Запада.

Изъ поэтовъ конца четвертаго вѣка назовемъ Руфа Феста Авіена, проконсула 366 и 372 гг., даровитаго дидактика и автора дошедшаго до насъ въ отрывкахъ—поэтическаго описанія береговъ морей Средиземнаго, Чернаго и Каспійскаго, далѣе Рутилія Наматіана, написавшаго «Itinerarium», разсказъ о своемъ путешествіи, относящемся къ 416 году, затѣмъ клермонскаго епископа Г. Соллія Аполлинарія Модеста Сидонія (около 430—488 гг.), автора свадебныхъ пѣсенъ и нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній, и, наконецъ, послѣднюю звѣзду римской поэтической литературы—Аниція Манлія Торквата Северина Боэтія (родился около 475 г.), трагически погибшаго въ 524 году. Боэтій собственно прозаикъ; но его знаменитое «De consolatione Philosophiae» написано частью стихами, легкими и благозвучными.

Но самыми выдающимися поэтами разсматриваемаго нами періода являются Д. Магнъ Авзоній (около 310—395 гг.) и Клавдій Клавдіанъ (конецъ IV-го и начало V-го вѣка). Изъ нихъ первый извѣстенъ какъ идилликъ. Изъ двадцати его идиллій самая длинная и лучшая—«Mosella», гдѣ Авзоній граціозно описываетъ берега Мозеля. Однако наряду съ увлекательностію описаніе это не лишено недостатковъ—въ немъ нѣтъ простоты и естественности; кромѣ того, иногда оно страдаетъ сухостью. Сохранившіяся сочиненія Авзонія довольно многочисленны. Къ нимъ относятся 146 эпиграммъ—впрочемъ, не вполнѣ оригинальныхъ—и не мало эклогъ, не считая другихъ произведеній.

Клавдіана, александрійскаго грека, можно назвать истиннымъ, сильнымъ талантомъ, хотя опять-таки не безъ упрека. У Клавдіана есть и вкусъ, и богатство фантазіи, и критическое чутье, благодаря которому онъ слѣдуетъ лучшимъ поэтическимъ образцамъ древности, и легкій, плавный и благозвучный стихъ, но и онъ лишенъ глубины и теплоты чувства и напыщенъ. Что касается содержанія его произведеній, оно крайне разнообразно; онъ и эпикъ, воспѣвающій побѣды Рима надъ варварами, и сатирикъ, и памфлетистъ, и идилликъ. Всего лучше удался ему изящный поэтическій разсказъ «Raptus Proserpinae»; но, къ сожалѣнію, онъ не оконченъ авторомъ.

Въ половинѣ седьмого вѣка, въ лицѣ севильскаго епископа Исидора (около 570—640 гг.), сходитъ въ могилу и послѣдній представитель римской литературы вообще.

Читая произведенія римской литературы, мы должны запастись другимъ масштабомъ,—римскую литературу далеко нельзя поставить на одинъ уровень съ греческой. Можно-ли сравнивать величайшаго эпика римлянъ—Вергилія съ Гомеромъ или комика Плавта—съ Аристофаномъ! Ни одинъ изъ римскихъ лириковъ не въ состояніи помѣряться силой таланта съ Симонидомъ и Пиндаромъ, не говоря уже о трагикахъ. Тоже видимъ мы и въ прозѣ—въ исторіи, краснорѣчіи и философіи. Переходъ изъ Греціи въ Лаціи можно сравнить схожденіемъ съ альпійскихъ высотъ, съ ихъ возвышающихся до небесъ вершинъ, въ болѣе низменную мѣстность, гдѣ, правда, есть довольно большія вершины, но далеко уступающія высотамъ Альпъ.

И все же римская литература покоряла и покоряетъ многіе умы. Вы не найдете въ этой литературѣ глубины и высоты чувства и силы фантазіи, не заботящейся о пользѣ настоящаго дня. но возвышающейся надъ обыденною жизнью, стремясь къ прекрасному, въ міръ идеаловъ, но встрѣтите въ этой литературѣ практическую серьезность, трезвость и благородный патріотизмъ, — качества, которыя дѣлаютъ ее заслуживающей уваженія.

АНТОЛОГІЯ [1]).

БИБАКУЛЪ.

1.

На портикъ моего Катона
Взглянувъ, о путникъ, ты найдешь,
Что богъ, на немъ изображенный,—
Пріапъ—попрежнему хорошъ.
И, изумленъ необычайно,
Его ты спросишь въ этотъ мигъ:
«Скажи, какою силой тайной,
Какой наукой ты достигъ,
Что виноградныя двѣ вѣтки,
Муки полфунта и пырей—
Одни подъ кровлею бесѣдки
Тебя до дряхлыхъ кормятъ дней?»...

В. Владиславлевъ.

ВЕРГИЛІЙ.

2.

Эпитафія.

Въ Мантуѣ я родился, въ Калабріи жилъ, а могила
Въ Партенопеѣ моя; пѣлъ я поля, лугъ и войны.

* * *

---

[1]) Уже по одному своему характеру римская поэзія не можетъ представлять такого разнообразія стихотвореній или эпиграммъ, какое представляетъ греческая. У римлянъ даже не издавались антологическіе сборники. Посчастливилось однимъ эротикамъ. Объ ихъ собраніи упоминаютъ Плиній Младшій и Геллій. Въ предлагаемомъ изданіи мы даемъ все, что̀ удалось намъ собрать изъ латинской антологіи—въ переводахъ русскихъ поэтовъ.

3.

Подъ этой грудой камней лежитъ погребенный Балиста:
Смѣло и ночью, и днемъ можешь ты, путникъ, идти.

В. Модестовъ.

ДОМИЦІЙ МАРСЪ.

4.

На смерть Тибулла.

Вотъ и тебя, за Вергиліемъ вслѣдъ, Тибуллъ, несправедливо,
Въ юныхъ лѣтахъ, прогнала Смерть къ елисейскимъ полямъ.
Чтобъ было некому плакать въ элегіяхъ о любви нѣжной
Или могучимъ стихомъ войны царей воспѣвать.

В. Модестовъ.

ЕННІЙ.

5.

Эпитафія.

Граждане, о, посмотрите на стараго Еннія образъ!
Славные онъ воспѣвалъ подвиги вашихъ отцовъ.
Не почитайте меня ни слезами, ни похоронnымъ
Воплемъ. Зачѣмъ?—Я живой буду порхать по устамъ.

В. Модестовъ.

6.

Эпитафія Сципіону.

Съ самыхъ тѣхъ странъ, за болотъ мэотидскихъ предѣлы, гдѣ всходитъ
Солнце, сравниться со мной славой не можетъ никто,
И, если людямъ дано въ небесныя страны подняться,
Передо мною однимъ неба отверсты врата.

М. Шемуновъ.

7.

Эпитафія Сципіону.

Тотъ погребенъ здѣсь, кому ни граждане, ни чужеземцы
Были не въ силахъ воздать чести достойной его.

М. Шемуновъ.

КАТУЛЛЪ.

8.

Что-жъ ты, Катуллъ? Почему умирать еще медлишь?—
Ноній зобастый возсѣлъ на курульное кресло,
Будущимъ консульствомъ ложно клянется — Ватиній...
Что-жъ ты, Катуллъ? Почему умирать еще медлишь?

А. Фетъ.

9.

Милая мнѣ говоритъ, что ничьей-бы не стала женою,
Кромѣ меня, хоть-бы самъ къ ней набивался Зевесъ.
Такъ; но что̀ женщина скажетъ мужчинѣ, горящему страстью,
Надо на вѣтрѣ писать или на быстрой водѣ!

А. Фетъ.

10.

Ты откажись заслужить отъ кого-либо доброе чувство
И не считай, чтобы могъ кто благодарность питать:
Неблагодарные всѣ, и ничѣмъ не служить имъ — гораздо
Лучше, иначе одна скука выходитъ да вредъ.
Такъ и меня вотъ никто не тѣснитъ такъ жестоко и тяжко,
Какъ, кто другомъ меня близкимъ недавно считалъ.

А. Фетъ.

11.

Два у Гала есть брата; красивая очень супруга
У одного, а другой — съ очень красивымъ сынкомъ.
Галъ человѣкъ развитой: онъ нѣжныхъ влюбленныхъ сближаетъ,
Чтобы близъ милой жены милый и юноша былъ.
Галъ человѣкъ безъ ума: не видитъ, что самъ онъ — женатый,
Если, бывъ дядею, онъ учитъ, какъ дядю надуть...

А. Фетъ.

12.

«Хомнаты» все говорилъ вмѣсто «комнаты» Аррій и такъ-же
«Гискры» онъ говорилъ, «искры» желая сказать,
И притомъ онъ считалъ, что выражался отлично,
Если, насколько онъ могъ, «гискры» сказать удалось.

Думаю, такъ его мать или дяди его говорили,
Или по матери дѣдъ, или и бабка его.
Въ Сирію посланъ онъ былъ. У всѣхъ успокоились уши:
Стали свободно, легко слышать всѣ тѣ-же слова
И перестали уже бояться подобныхъ реченій,—
Какъ внезапно пришла эта ужасная вѣсть:
Іонійское море, какъ Аррій переплылъ его, стало
Не «Іонійскимъ» уже, а «Гіонійскимъ» теперь!

А. Фетъ.

13.

Хоть ненавижу,—люблю... «Зачѣмъ-же?» пожалуй, ты спросишь.
И не пойму, но, въ себѣ чувствуя это, крушусь.

А. Фетъ.

14.

Галлій высохъ. Еще-бъ!—У кого такъ добра и дебела
Мать да притомъ еще прелесть какая сестра,
Дядя добрый такой и столько дѣвушекъ милыхъ
Между родными,—ну, какъ быть тутъ не тощимъ ему!
Если, кромѣ преступнаго, онъ ничего и не тронетъ,
То безъ труда ты поймешь все, почему онъ такъ худъ.

А. Фетъ.

15.

Лесбія вѣчно меня злословитъ, не можетъ умолкнуть
Обо мнѣ. Хоть пропасть: Лесбія любитъ меня.
Въ чемъ это видно?—Вѣдь самъ ее поношу я на столько-жъ
Частно, однако-жъ—пропасть, если ее не люблю!

А. Фетъ.

16.

Я нимало тебѣ не стремлюсь понравиться, Цезарь,
Или узнать, человѣкъ бѣлый иль черный ты самъ.

А. Фетъ.

17.

Либо, послушай, Силонъ, отдай монхъ десять сестерцій
Да затѣмъ уже будь грубымъ и дерзостнымъ ты,
Или, если тебя прельщаютъ деньги, то брось-же
Сводникомъ быть и еще—грубымъ и дерзкимъ притомъ!

А. Фетъ.

18.

Хлыщъ, говорятъ, захотѣлъ на пиплейскую гору подняться,—
Вилами музы сейчасъ сбросили сверху его.

А. Фетъ.

19.

Если, Коминій, судомъ народнымъ покончатъ сѣдую
Старость твою, что пятналъ нравами гнусными ты,
То, безъ сомнѣнья, сперва всему благому враждебный
Вырвутъ языкъ, чтобъ его коршунамъ жаднымъ отдать;
Выклевавъ очи, пожретъ ихъ черною глоткою воронъ;
Потрохъ — сабакамъ пойдетъ, прочіе члены — волкамъ.

А. Фетъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

20.

На Катона Старшаго.

Рыжаго Приска, зеленоглазаго, злого, не приметъ
Прозерпина въ Аидъ, даже когда онъ умретъ.

* * *

НЭВІЙ.

21.

Эпитафія.

Когда-бы боги смѣли тосковать по смертнымъ,
Оплакали-бъ камены Нэвія-поэта;
Да, только снизошелъ онъ въ область преисподней,
Какъ въ Римѣ позабыли всѣ языкъ латинскій.

* * *

ОВИДІЙ.

22.

Эпитафія.

Здѣсь похороненъ Назонъ, воспѣвшій любовную нѣгу;
Гибеленъ въ жизни ему даръ поэтическій былъ.
Если-жъ когда-нибудь ты любилъ, о прохожій, то молви
Съ чувствомъ надъ гробомъ моимъ: «Въ мирѣ покойся, Назонъ!»

* * *

ПАКУВІЙ.

23.

Эпитафія.

Хотя ты, юноша, спѣшишь; но камень этотъ проситъ
Тебя свой взоръ оборотить и, что̀ написано, прочесть:
«Пакувій Маркъ поэтъ здѣсь погребенъ».
Хотѣлось мнѣ, чтобъ зналъ ты это. Ну, прощай!

В. Модестовъ.

ПУБЛИЛІЙ СИРЪ.

24.

Дурной совѣтъ,— который измѣнить нельзя.

В. Модестовъ.

25.

Помогъ тотъ самъ себѣ, кто далъ достойному.

В. Модестовъ.

26.

Сноси, не обвиняй того, что̀ измѣнить нельзя.

В. Модестовъ.

27.

Наслѣдникъ плачетъ — это смѣхъ подъ маскою.

В. Модестовъ.

28.

Имѣя друга, помни, что онъ можетъ стать врагомъ тебѣ.

В. Модестовъ.

29.

Въ чрезмѣрномъ спорѣ истина теряется.

В. Модестовъ.

30.

Есть-ли у скупого, нѣтъ-ли,— онъ равно бѣднякъ.

В. Модестовъ.

31.

У роскоши во многомъ недостатокъ, но во всемъ — у скупости.

В. Модестовъ.

32.

Все то не наше, что̀ приходитъ по желанію.

В. Модестовъ.

33.

Скупой недобръ ко всякому, всего-же хуже — для себя.

В. Модестовъ.

34.

Что съ кѣмъ могло случиться, то со всякимъ можетъ быть.

В. Модестовъ.

ТЕРЕНЦІЙ ВАРРОНЪ.

35.

Въ мраморномъ гробѣ Лицинъ, у Катона — нѣтъ никакого,
Въ бѣдномъ — Помпей положенъ... Есть-ли же боги, иль нѣтъ?..

М. Дмитріевъ.

ТИБУЛЛЪ.

36.

Часто шепчетъ молва, что дѣва моя провинилась;
Толкамъ внимая такимъ, быть-бы хотѣлось глухимъ.
Слышать разсказъ о проступкахъ ея душѣ моей больно.
Смолкни-же, злая молва, полно терзать бѣдняка!

О. Головнинъ.

ЦЕЗАРЬ.

37.

Теренцію.

Полу-Менандръ, ты считаешься также великимъ поэтомъ —
И справедливо: ты любишь бесѣдовать чистою рѣчью.
Если-бы было возможно прибавить комической силы
Къ мягкимъ созданьямъ твоимъ, чтобы могъ ты, въ почетѣ, сравняться
Съ греками и чтобъ и въ этомъ не ниже послѣднихъ считаться!
Этого только и нѣтъ у тебя — и мнѣ больно, Теренцій!

В. Модестовъ.

ПЛАВТЪ.

У грековъ, литература которыхъ представляетъ самое естественное развитіе, драматическая поэзія является на высотѣ своего развитія уже въ то время, когда всѣ другіе виды литературнаго творчества развились вполнѣ и достигли полной зрѣлости, такъ что драматическая поэзія въ Греціи является какъ-бы вѣнцомъ развитія поэтической литературы. Въ Римѣ-же, по столкновенію его съ греческой образованностью, мы видимъ совершенно обратное явленіе. Ни эпическая, ни, тѣмъ болѣе, лирическая поэзія, далеко еще не успѣли представить здѣсь своего высшаго цвѣта; еще болѣе ста лѣтъ надо было ждать Катулла, Вергилія и Горація, а драматическая поэзія, въ лицѣ комедій Плавта, начала уже свой классическій періодъ. Такова судьба всѣхъ подражательныхъ литературъ (въ томъ числѣ и нашей), что ихъ развитіе не слѣдуетъ обыкновенно ходу естественныхъ явленій, а зависитъ отъ многихъ случайностей, которыя, конечно, могутъ найти для себя объясненіе въ частныхъ законахъ жизни человѣческихъ обществъ; но, разъ принявши неправильное направленіе, такого рода литературы принуждены уже навсегда дѣлать девіаціи въ своемъ блужданіи по орбитамъ чужихъ литературъ. Преждевременное развитіе въ Римѣ драматической поэзіи можетъ быть объяснено, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что самое начало римской искусственной литературы положено было драмой.

За Ливіемъ Андроникомъ, который первый познакомилъ римлянъ съ искусственной драмой, послѣдовалъ Нэвій. Талантъ этого послѣдняго успѣлъ тѣмъ легче возбудить любовь къ комедіи въ римскомъ населеніи, что оно было предрасположено къ ней значительнымъ развитіемъ своей національной драмы, отличавшейся рѣзкимъ комическимъ характеромъ. Въ лицѣ Плавта является человѣкъ, одаренный самымъ рѣшительнымъ комическимъ талантомъ, и успѣхъ комедіи въ Римѣ дѣлается прочнымъ. Трагедія, возникшая въ Римѣ одновременно съ комедіей, возвышенностью своихъ идей была не по плечу населенію, едва вступившему въ кругъ образованныхъ обществъ, и потому, не смотря на весь талантъ Еннія, успѣхъ ея долженъ былъ еще ожидать своей очереди. Первое торжество предоставлено было комедіи.

Когда римляне принялись изучать греческую комедію, эта послѣдняя уже совершила свой кругъ и представляла собою огромный репертуаръ. По изслѣдованіямъ Мэйнеке, греческая комедія, не считая произведеній сицилійской ко-

медіи и комедіи италійскихъ городовъ такъ называемой Великой Греціи, насколько позволяютъ судить ея остатки и указанія въ литературѣ, имѣла 152-къ представителей и 1449 произведеній. Такъ велика была эта литературная масса образцовъ, находившихся въ распоряженіи римскихъ комиковъ! Но не всѣ образцы греческой комедіи могли быть перенесены на римскую сцену. Ни политическій строй римской республики, управлявшейся богатою и могущественною аристократіей, ни соціальное положеніе комическихъ поэтовъ, а тѣмъ болѣе актеровъ, подчиненныхъ безконтрольно произволу римской полиціи, не позволяли развиться на римской сценѣ древней аттической комедіи. Эта послѣдняя, будучи произведеніемъ духа аѳинской демократіи, не знала никакихъ границъ свободѣ, съ какою Кратинъ, Евполидъ, Аристофанъ могли предавать общественному позору всѣ ненормальныя явленія политической жизни. Не было столь сильнаго человѣка,—будь онъ глава государства или могущественный полководецъ,—который-бы не могъ явиться на аѳинской сценѣ, подъ собственнымъ своимъ именемъ, предметомъ насмѣшки для самодержавнаго народа. Древняя аттическая комедія была страшной политической силой, для которой не было ничего завѣтнаго, ничего недоступнаго, чего-бы она не могла бичевать самой ѣдкой сатирой, если только какое явленіе представлялось ей заслуживающимъ общественнаго порицанія. Въ періодъ Пуническихъ войнъ, когда возникаетъ въ Римѣ комедія, никакая подобная смѣлость на сценѣ была немыслима... Вотъ почему римскіе комики, исчерпывая аттическую комедію, должны были ограничиться по преимуществу произведеніями Новой комедіи, т. е. произведеніями, гдѣ не было ничего личнаго, а выступали на сцену лишь общіе типы, общіе характеры общественной и нравственной жизни, какъ это водится и въ новыхъ литературахъ Европы. Но римская комедія, въ сущности, не имѣла долгое время и свободы Новой аттической комедіи. Она, въ продолженіе длиннаго періода, выводила на сцену не римскіе типы, не римскіе характеры, а все ея содержаніе происходило на греческой территоріи и дѣйствующія лица назывались греческими именами. Она была по содержанію и костюму въ полномъ смыслѣ слова comoedia (fabula) palliata, комедія плаща, т. е. греческая комедія. Конечно, нѣкоторое сходство общественнаго строя и нравственныхъ понятій въ Греціи и Римѣ дѣлало типы Новой греческой комедіи вполнѣ понятными городскому населенію Рима, а искусство поэта всегда могло подъ греческой одеждой и именемъ вывести на сцену явленія чисто римской жизни: безъ этихъ условій греческая комедія въ Римѣ, fabulla palliata, никакъ не могла-бы имѣть того общественнаго успѣха, которымъ она въ полномъ правѣ гордиться [1]).

[1]) Лекціи по исторіи римской литературы. Проф. В. И. Модестова. Спб. 1888. стр. 98—99.

Величайшимъ изъ римскихъ комиковъ, возведшимъ недавно начавшуюся комедію на высшую ступень развитія, которое она только могла имѣть, принимая во вниманіе ея происхожденіе и условія для дальнѣйшаго существованія, былъ Титъ Макцій Плавтъ. Родился Плавтъ около 254 г. на сѣверѣ Умбріи, въ то время, вѣроятно, уже латинизированной, въ маленькомъ городкѣ Сарсинѣ, или Сассинѣ. Происходилъ онъ изъ бѣдной, но свободной семьи, хотя есть извѣстіе, что онъ былъ сыномъ раба. Полнаго имени его мы не знаемъ. Plautus значитъ, по умбрійски, «плюсна». Существуетъ литературное преданіе, что, въ комедіи Pseudolus, поэтъ обрисовалъ свою собственную личность нѣсколькими не очень лестными для нея стихами: «Рыжій, пузатый и толстоногій, загорѣлый, съ огромною головой и пронизывающимъ взглядомъ, багровою физіономіей и огромными ступнями».

Въ молодыхъ годахъ, мы видимъ Плавта въ Римѣ, гдѣ онъ поступилъ въ труппу актеровъ плотникомъ или машинистомъ, по словамъ его біографа Іеронима. Скопивъ себѣ небольшой капиталъ, будущій комикъ занялся торговлей, быть можетъ, въ родномъ городѣ. Но въ своихъ коммерческихъ спекуляціяхъ Плавтъ разорился въ конецъ. Уже одни его занятія торговлей указываютъ, между прочимъ, на его низкое происхожденіе. Болѣе или менѣе знатные римляне, даже провинціалы, считали занятіе торговлей унизительнымъ для себя.

Принужденный вернуться въ столицу, Плавтъ нанялся на мельницу—вертѣть жернова. Но, очевидно, уже во время своей службы въ театрѣ онъ развилъ въ себѣ любовь къ драматической дѣятельности. Съ другой стороны, діалоги, безыскусственная, наивная веселость его пьесъ, смѣшныя выходки, изобиліе бранныхъ выраженій, забавная игра словъ,—все это невольно заставляетъ насъ видѣть въ авторѣ бывшаго актера. Наконецъ, близко знакомый съ трудомъ раба, онъ какъ нельзя лучше рисуетъ въ своихъ пьесахъ его положеніе и его изворотливость. Въ свободное отъ работы время Плавтъ занимался сочиненіемъ комедій и передѣлкой греческихъ пьесъ подобнаго рода,—въ особенности Менандра и и Епихарма,—не распространяя своей дѣятельности ни на какія другія отрасли литературы и, по всему вѣроятію, не заявляя никакихъ притязаній на настоящее литературное творчество. Въ продолженіе этого времени Плавтомъ были написаны три пьесы, утерянныя для насъ. Двѣ изъ нихъ — Saturio и Addictus—извѣстны, благодаря Геллію, по имени; заглавія третьей мы не знаемъ. Комедіи эти положили начало извѣстности Плавта, такъ какъ ему удалось продать ихъ эдиламъ, послѣ чего онѣ были поставлены на римской сценѣ. Тогда Плавтъ бросилъ мельницу и отдался исключительно театру. Начало дѣ-

ятельности его какъ драматурга относится, повидимому, къ 30-му году его жизни.

Дальнѣйшія біографическія свѣдѣнія о немъ прекращаются. Умеръ онъ въ 184 г. въ консульство П. Клавдія Пульхра и Л. Порція Лицинія, въ годъ цензорства Катона, пережившъ Нэвія двадцатью годами. Чѣмъ былъ онъ для комедіи, онъ высказалъ въ своей эпитафіи.

Число всѣхъ комедій, считавшихся принадлежащими Плавту, доходило, по словамъ Геллія, до 130. Среди этихъ пьесъ были однако и такія, которыхъ Плавтъ никогда не писалъ. Въ ту пору въ Римѣ было, вѣроятно, не мало лицъ, ремесло которыхъ заключалось въ передѣлкѣ комедій. Но имена ихъ остались неизвѣстными въ виду того, что они не издавали вообще своихъ пьесъ. Такимъ образомъ, уцѣлѣвшее изъ этого репертуара приписывалось впослѣдствіи самому популярному изъ передѣлывателей — Плавту. Любимецъ публики, онъ пользовался огромною популярностью почти сорокъ лѣтъ и даже послѣ своей смерти, на ряду съ Енніемъ, Цэциліемъ и Теренціемъ. Въ продолженіе всего этого времени онъ оставался властелиномъ комической сцены. Но даже позже, при совершенномъ упадкѣ fabula palliata, когда театру пришлось обратиться къ литературѣ прежнихъ годовъ, главное мѣсто на сценѣ заняли и сохраняли его за собой даже во времена императоровъ комедіи того-же Плавта,—отъ временъ Сципіоновъ до царствованія Деоклетіана, въ продолженіе пяти сотъ лѣтъ.

Кромѣ того, пьесы Плавта трудно отличить отъ поддѣльныхъ потому, что, продавая ихъ, онъ не заботился объ ихъ дальнѣйшей участи. Затѣмъ, комедіи его подвергались измѣненіямъ для сцены, какъ вслѣдствіе устарѣлости ихъ языка,—когда онъ сталъ достояніемъ школы, а не жизни—такъ и вслѣдствіе передѣлокъ вообще. Передѣлкамъ подвергались безъ разбора и хорошія, и дурныя пьесы, такъ какъ необходимо было подчиняться требованіямъ полиціи и публики. Публика эта относилась съ пренебреженіемъ къ правиламъ эстетики, и въ угоду этой публикѣ передѣлыватели вносили въ подлинники шутовскія и площадныя выходки. Въ свою очередь, благодаря извѣстности Плавта, многіе изъ современныхъ ему комиковъ обращались къ нему съ просьбами исправить ихъ пьесы. Въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ послѣднія носили на себѣ слѣды таланта Плавта, поэтому и были впослѣдствіи приписаны ему. Наконецъ, одновременно съ Плавтомъ жилъ другой комикъ Plautius, пьесы котораго могли ошибочно войти въ Плавтовъ репертуаръ.

Подлинными комедіями Плавта считались то 21, то 25, то 40 или даже сто. Учитель Варрона, Л. Юлій Стилонъ признавалъ подлинными 21 пьесу. Самъ Варронъ также занимался вопросомъ объ автентичности комедій Плавта

и даже написалъ по поводу этого сочиненіе «De comoediis Plautinis», или «Quaestiones Plautinae». По мнѣнію Варрона, безспорно принадлежитъ Плавту 21 пьеса; девятнадцать остальныхъ—спорны. Двадцать комедій его, считающихся лучшими изъ его произведеній и написанныхъ въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ жизни автора, сохранились до нашего времени. Комедіи эти: Amphitruo, Asinaria, Aulularia, Captivi, Curculio, Casina, Cistellaria, Epidicus, Bacchides, Mostellaria, Menaechmi, Miles gloriosus, Mercator, Pseudolus, Poenulus, Persa, Rudens, Stichus, Trinummus и Truculentus. Комедія Vidularia была утеряна въ Средніе вѣка.

Относительно времени постановки на сценѣ пьесъ Плавта мы не можемъ сказать ничего. Большая часть ихъ была играна подъ конецъ Второй Пунической войны. Къ этому времени, безъ сомнѣнія, относится Cistellaria, вѣроятно, Menaechmi (215?) и, быть можетъ, Miles gloriosus. Изъ дидаскалій намъ извѣстно только, что Stichus былъ игранъ въ 200 г. Pseudolus'a давали на сценѣ, повидимому, въ 191 г. остальныя комедіи—между 196 и 186 гг. Текстъ Плавта дошелъ до насъ въ искаженномъ видѣ и могъ быть возстановленъ только приблизительно. Пьесы его утратили свой оригинальный характеръ и отъ дурного состоянія рукописей,—встрѣчаются пропуски цѣлыхъ сценъ и не достаетъ конца нѣкоторыхъ пьесъ,—и отъ произвольныхъ измѣненій, сдѣланныхъ учеными.

Не смотря на свою зависимость отъ греческихъ образцовъ, Плавтъ сдѣлался и остался истиннымъ римскимъ народнымъ поэтомъ и настоящимъ сосредоточіемъ римской театральной сцены.

... Комедіи Плавта, говоритъ профессоръ Модестовъ, и по содержанію, и по мѣсту дѣйствія, и по именамъ, а частію и по характерамъ дѣйствующихъ лицъ, имѣютъ видъ греческихъ, а не римскихъ комедій... Насколько свободно Плавтъ относился къ оригиналамъ, это, при несуществованіи теперь этихъ послѣднихъ, трудно рѣшить. Но всетаки нельзя не видѣть, что комикъ нашъ не былъ только переводчикомъ Новой и Средней аттической комедіи, а пользовался образцами греческаго театра и для того, чтобы подъ видомъ характеровъ и явленій греческой жизни рисовать нравы и явленія римской жизни. Эта живость разговора, свѣжесть остроумія, даже нѣкоторая грубость красокъ, стоящая ниже колорита греческой жизни, свидѣтельствуютъ о самостоятельномъ отношеніи поэта къ греческимъ образцамъ и о непокиданіи имъ изъ виду публики, для которой онъ писалъ свои комедіи. При всей видимой небрежности, съ какою написана большая часть комедій Плавта, при всѣхъ недостаткахъ въ планѣ и выдержкѣ дѣйствія, недостаткахъ, которые, впрочемъ, частью должны

быть приписаны руководившимъ Плавта образцамъ, а также и грубымъ передѣлкамъ его пьесъ для театра въ послѣдующее время, всюду бросается въ глаза, что мы имѣемъ въ этихъ комедіяхъ дѣло съ писателемъ, который сумѣлъ-бы быть самостоятельнымъ комикомъ и рисовать картины жизни и нравовъ римскаго общества и подъ римскими именами дѣйствующихъ лицъ и характеровъ, сумѣлъ-бы быть, однимъ словомъ, національнымъ римскимъ комикомъ въ полномъ смыслѣ слова. Но если Плавтъ не выходилъ изъ репертуара греческой комедіи, то причиной тому были обстоятельства, не имѣвшія ничего общаго съ силой таланта писателя. Не только Плавтъ, но и два другихъ прославленныхъ римскихъ комика 6-го столѣтія Рима, Цэцилій и Теренцій, не употребляли въ своихъ комедіяхъ ни римскаго имени, ни римской и даже, вообще, латинской мѣстности. Причина тому лежала, какъ мы уже мимоходомъ замѣчали, въ политическомъ строѣ Рима того времени, который не допускалъ на сценѣ критики римской жизни, управляемой аристократами, и при которомъ нельзя было и думать о той смѣлости, какую позволяли себѣ поэты Древней аттической комедіи въ Аѳинахъ.

Римская полиція времени Пуническихъ войнъ, въ рукахъ которой была театральная цензура, внимательно слѣдила за тѣмъ, чтобы комедія не заключала въ себѣ ничего римскаго. Аристократическое правительство не смотрѣло на комедію какъ на средство къ облагороженію нравовъ и всего менѣе могло допустить ее какъ общественную и политическую силу. Оно желало, чтобы комедія была не чѣмъ инымъ, какъ предметомъ народнаго удовольствія. Оно позволяло смѣяться, сколько угодно, надъ уродливостью и развратомъ греческихъ нравовъ, но, по свойственному аристократической породѣ лицемѣрію, не смотря на явное сходство множества общественныхъ и нравственныхъ явленій римскихъ съ греческими, не хотѣло допустить, чтобы эти уродливости могли быть изображаемы происходящими на римской территоріи и въ римской одеждѣ. А такъ какъ въ Римѣ ремесло актера было настолько постыднымъ, что ни одинъ римскій гражданинъ не могъ за него взяться, не потерявши своихъ преимуществъ, и такъ какъ оно было удѣломъ разныхъ выходцевъ и людей, стоящихъ очень низко на общественной лѣстницѣ, то естественно, что это правительство не церемонилось съ актерами, которые не могли оказать ему никакого противодѣйствія.

Обстоятельство, которое дало Плавту огромную популярность и такъ сильно выдвинуло его среди другихъ римскихъ комиковъ, заключается въ томъ, что ни одинъ изъ римскихъ комиковъ не понималъ такъ хорошо своего народа, какъ Плавтъ. Онъ былъ самъ дитя народа и, зная его вкусы, онъ, несмотря

на то, что бралъ свои сюжеты изъ греческой комедіи, передавалъ ихъ въ такомъ видѣ, что всякій могъ понимать его. Онъ не заботился объ изяществѣ языка, на которое обращали такъ много вниманія Цэцилій и Теренцій, желавшіе нравиться высшему римскому обществу, а говорилъ со своей публикой тѣмъ самымъ языкомъ, какимъ говорили на улицахъ и площадяхъ. Зная хорошо народную жизнь, онъ былъ неподражаемъ въ искусствѣ рисовать извѣстные каждому типы торговцевъ рабынями, прихлебателей, лгуновъ, публичныхъ женщинъ, хвастливыхъ солдатъ, плутовъ-рабовъ и тому подобныхъ представителей низшихъ слоевъ населенія. Поэтому его изображенія отличались не только остроуміемъ, но и необыкновенною живостью. Плавтова комедія есть по преимуществу комедія житейской интриги, гдѣ съ необыкновенною живостью проходитъ предъ зрителемъ одна сцена за другою; гдѣ до крайности безцеремонная шутка, площадная перебранка и канальскія увертки рабовъ, сводниковъ и прихлебателей могутъ уморить зрителя со смѣху. Нужды нѣтъ, что въ этой комедіи не всегда соблюдается приличіе и уваженіе къ порядочному вкусу; нужды нѣтъ, что она любитъ рисовать сцены грязнаго разврата и употреблять самыя нескромныя выраженія,—все это нравилось народу, и Плавтъ сдѣлался его любимцемъ...

Не только по поэтическому дарованію, которое ярко сверкаетъ въ комедіяхъ Плавта, не только по той жизненности, какую онъ сообщилъ римской сценѣ,—Плавтъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи римской литературы и по своему языку, который, можно сказать, еще въ первый разъ въ римской литературѣ представляетъ такую естественность, гибкость и плавность. На каждомъ шагу вы чувствуете, что это—живой языкъ народа, языкъ, которому чужды всякая искусственность, манерность и натянутость. Видно, что Плавтъ не заботился объ изысканности выраженій, а бралъ ихъ съ рынка и улицъ въ томъ видѣ, какъ произносилъ ихъ народъ. Отсюда—эта свѣжесть, это соотвѣтствіе живѣйшаго юмора съ той формой, въ какую онъ облекается. Если все это въ состояніи чувствовать мы, то это еще болѣе чувствовалось—не говоря о театральной публикѣ—писателями и учеными древности. Имъ слышался въ комедіяхъ Плавта тотъ чистый латинскій языкъ, который впослѣдствіи утратился подъ гнетомъ вліянія греческой литературы и которымъ во времена Цицерона говорили еще женщины, вообще, болѣе способныя удерживать народный духъ языка и его обороты, чѣмъ образованные мужчины. «Когда я», говоритъ Крассъ у Цицерона (De orat. III. 12), «слушаю тещу мою, Лэлію, то мнѣ кажется, что я слушаю Плавта или Нэвія». Квинтиліанъ приводитъ, по Варрону, мнѣніе извѣстнаго филолога Элія Стилона, который говоритъ, что «если-бы

музы заговорили по-латыни, то онѣ стали-бы говорить языкомъ Плавта» (X. I. 99). Сравнивая между собой трехъ первостепенныхъ римскихъ комиковъ,—Цэцилія, Теренція и Плавта—Варронъ отдаетъ, въ расположеніи содержанія, пальму первенства Цэцилію, въ описаніи характеровъ—Теренцію, а въ языкѣ, въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ, отдаетъ ее Плавту. А. Геллій, любитель стариннаго римскаго языка, отдаетъ Плавту за его чисто латинскую рѣчь первое мѣсто въ римской литературѣ [1]).

Комедіи Плавта рано стали предметомъ объясненія. Комментированію римскихъ поэтовъ положилъ начало грамматикъ грекъ Кратеръ, начавшій объяснять въ Римѣ греческихъ авторовъ и давшій тѣмъ примѣръ римлянамъ. Имена комментаторовъ Плавта приводитъ Геллій. Среди нихъ выдѣляются: Варронъ, Г. Корнелій Сизенна, снабдившій необходимыми объясненіями всѣ комедіи Плавта, и Теренцій Скавръ.

Плавтъ имѣлъ сильное вліяніе и на новую литературу, начиная съ Боккачіо и кончая Лессингомъ. Шекспиръ, напр., подражалъ его «Менэхмамъ» въ своей «The comedy of errors», Мольеръ его «Вакханкамъ»—въ «Fourberies de Scapin» и въ «L'étourdi» и «Горшку»—въ «L'avare», Бомарше—«Казинѣ», въ «Свадьбѣ Фигаро», Лессингъ—комедіи «Trinummus», въ своей пьесѣ «Schatz», и т. д.

Библіографія. Кубышка. Перев. М. П—скій. («Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1888. XII). То-же, подъ заглавіемъ «Горшокъ». Перев. А. Фетъ. М. 1891.—Плѣнники. Перев. А. Кронебергъ. («Библіотека для Чтенія». 1849. XI).—Эпидикъ. Перев. М. Петровскій. («Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1884. X).—Менэхмы. Перев. И. Х—къ, подъ заглавіемъ «Путаница». («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1887. VIII.)—Хвастливый воинъ. Пер. С. Шестаковъ. («Пропилеи», т. III). То-же. Пер. И. Холодняк. Подъ заглавіемъ «Пустозвонъ». («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1894. VI—VIII). То-же. Подъ заглавіемъ «Хвастливый Солдатъ». Перев. В. Алексѣевъ. Спб. 1896. («Дешевая Библіотека» Суворина). — Стихъ. Перев. С. Шестаковъ. («Современникъ», 1853. VI).—Тринуммъ, подъ заглавіемъ «Трехгрошевый день». Перев. С. Эйгесъ. Спб. 1893. («Дешевая Библіотека» Суворина).

---

[1]) Ibid. стр.107.

I. ИЗЪ КОМЕДІИ «ГОРШОКЪ».

1.

Дѣйствіе первое.

СЦЕНА I.

Евкліонъ и Стафила.

ЕВКЛІОНЪ (выгоняя Стафилу изъ дома).

Пошла! Сказалъ тебѣ—пошла отсюда!
Клянусь—сейчасъ пойдешь ты у меня,
Лазутчица глазастая, отсюда!

СТАФИЛА.

За что-же бьешь несчастную меня?

ЕВКЛІОНЪ.

Чтобъ ты была дѣйствительно несчастной...
Чтобъ не ушла судьбы тебя достойной.

СТАФИЛА.

Но изъ дому зачѣмъ-же выгоняешь?

ЕВКЛІОНЪ.

Вотъ такъ сейчасъ и дамъ тебѣ отчетъ,
Избоина! Подальше отъ дверей-то!
Сюда! Смотри, какъ важно выступаетъ!
Не знаешь, что съ тобой сегодня будетъ?!
А вотъ возьму я палку или бичъ —
Такъ и пойдешь не черепашьимъ шагомъ.

СТАФИЛА.

Да лучше мнѣ сейчасъ-же удавиться,
Чѣмъ у тебя служить...

ЕВКЛІОНЪ.

Еще бормочетъ,
Негодная, ворчитъ себѣ сквозь зубы!
Я выколю глаза тебѣ, — клянусь я —

Чтобъ не могла подсматривать за мной!
Иди-же!.. Ну!.. Еще... еще немного...
Довольно! Стой!.. И тронься только съ мѣста
На перстъ одинъ, на наготокъ — не больше —
Да оглянись, пока я не дозволю,
Клянусь, тебѣ на висѣлицѣ быть!
Мнѣ кажется, я съ роду не видалъ
Еще такой разбойницы-старухи.
Боюсь ее: она меня обманетъ,
И, съ дуру, я въ ловушку попадусь.
Подстережетъ она, пожалуй, ловко,
Гдѣ золото хранится у меня, —
У ней вѣдь есть глаза и на затылкѣ...
Пойти взглянуть на золото мое:
Сохранно-ли, на мѣстѣ-ли, гдѣ скрыто.
Ужъ какъ-же я, несчастный, этимъ мучусь! (Уходитъ).

М. П—скій.

2.

СЦЕНА II.

СТАФИЛА.

Что за бѣда съ хозяиномъ стряслась
И отъ чего безуміе такое, —
Не объяснить и не придумать даже!
О, какъ-же я несчастна! — Десять разъ
На дню меня выталкиваетъ онъ!
Не знаю, что̀ находитъ на него:
То по ночамъ не дрыхнетъ онъ совсѣмъ,
То дни сидитъ — и изъ дому ни шагу.
Ни дать, ни взять хромой — хромой башмачникъ-сидѣнь.
Не знаю, какъ и скрыть бѣду съ хозяйкой:
Пришла пора родить бѣдняжкѣ Фэдрѣ.
Не знаю, что̀ придумать въ этомъ дѣлѣ...
Какъ поглядишь, придется, видно мнѣ
Въ длиннѣйшую изъ литеръ превратиться,
Опутавши веревкой крѣпкой шею.

М. П—скій.

3.

СЦЕНА III.

Евклiонъ и Стафила.

ЕВКЛIОНЪ.

Я выхожу теперь съ спокойнымъ сердцемъ,—
Увѣрился, что дома все въ порядкѣ... (Стафилѣ).
Теперь войди и наблюдай за всѣмъ.

СТАФИЛА.

За чѣмъ-же мнѣ прикажешь наблюдать-то?
Чтобъ самый домъ, быть можетъ, не украли? —
Вѣдь нѣтъ у насъ поживы для воровъ:
Лишь пустота да паутина всюду.

ЕВКЛIОНЪ.

Дивлюсь-же я, зачѣмъ Юпитеръ самъ,
Хоть для тебя-бы, вѣдьма, не придумалъ
Меня въ царя Филиппа превратить,
А то-бы могъ и въ Дарія!.. Желаю,
Чтобъ въ цѣлости была и паутина...
Я бѣденъ — что-жъ? — терплю и не скрываю,
И что даютъ мнѣ боги, то несу.
А я сейчасъ приду сюда. Смотри-же,
Ко мнѣ кого чужого не пусти.

СТАФИЛА.

А за огнемъ придутъ ко мнѣ сосѣди?!

ЕВКЛIОНЪ.

Такъ потуши, и повода не будетъ
Искать огня... Иѣжели огонь
Замѣчу я, такъ ты сама потухнешь
Въ мгновеніе... А кто воды запроситъ —
Скажи, что нѣтъ; что вышла. Зачастую
Приходятъ къ намъ за стушкой, за пестомъ,
И за ножемъ, и за сѣкирой, — словомъ,
За утварью домашней отъ сосѣдей.

Скажи, что нѣтъ; что воры утащили.
И, словомъ, — я хочу, чтобы никто,
Въ отсутствіи моемъ, не смѣлъ являться
Ко мнѣ, въ мой домъ. И — говорю публично —
Хоть завернетъ Благая къ намъ Фортуна,
Ты и Благой Форгуны не пускай!

СТАФИЛА.

Клянусь, она сама не завернетъ,—
Я думаю, она остережется...
Хоть и близка, а къ намъ не подойдетъ.

ЕВКЛІОНЪ.

Молчать!.. Домой!..

СТАФИЛА.

Молчу и ухожу.

ЕВКЛІОНЪ.

Смотри, запрись покрѣпче на задвижки,
А я сейчасъ опять вернусь домой.

М. П—скій.

4.

Дѣйствіе второе.

ЯВЛЕНІЕ II.

Евкліонъ и Мегадоръ.

ЕВКЛІОНЪ.

Предчувствовалъ-же я, что даромъ прослоняюсь,—
И не хотѣлъ идти: чиновныхъ не видать,
И нѣтъ начальника, чтобъ деньги раздавать.
Домой!—Хоть самъ я здѣсь, но тамъ боюсь урону.

МЕГАДОРЪ.

И благъ, и здравія желаю Евклiону.

ЕВКЛІОНЪ.

Здорово, Мегадоръ.

МЕГАДОРЪ.

А ты? здоровъ пока?

ЕВКЛІОНЪ.

Не спросту такъ богачъ ласкаетъ бѣдняка:
Учуя золото, онъ ласковъ такъ со мною.

МЕГАДОРЪ.

Ты, кажется, здоровъ?

ЕВКЛІОНЪ.

Но, право, не деньгою.

МЕГАДОРЪ.

Съ душевнымъ миромъ жить ты можешь, не томясь.

ЕВКЛІОНЪ.

Про золото ему старуха провралась.
Отрѣжу ей языкъ, глаза расковыряю...

МЕГАДОРЪ.

Что про себя ворчишь?

ЕВКЛІОНЪ.

О бѣдности вздыхаю:
Дочь безъ приданаго, и ею я стѣсненъ;
Не сбыть ея.

МЕГАДОРЪ.

Молчи, не бойся, Евкліонъ.
Я ей готовъ помочь. Чего ей не хватаетъ?

ЕВКЛІОНЪ.

Сулить сталъ,— золото онъ чуетъ и глотаетъ...
Взявъ камень въ руку, онъ и кажетъ хлѣбъ въ другой.
Коль съ бѣднякомъ богачъ такъ ласковъ,—знакъ плохой:
Тебѣ онъ руку жметъ, но придушить не минетъ.
Полиповъ знаю я—какъ схватитъ, ужъ не кинетъ.

МЕГАДОРЪ.

Лишь малость выслушай. Я, Евкліонъ, желалъ
О дѣлѣ общемъ намъ сказать.

ЕВКЛІОНЪ.

Охъ, я пропалъ!
Стянули золото мое, и онъ, толкуя,
Мириться выдумалъ. Но въ домъ взглянуть бѣгу я.

МЕГАДОРЪ.

Куда-жъ ты?

ЕВКЛІОНЪ.

Вмигъ вернусь: взглянуть бѣгу въ дому.

МЕГАДОРЪ.

Клянусь, о дочери лишь заикнусь ему,—
Онъ за насмѣшки всѣ слова мои считаетъ.
Людей опасливѣй средь бѣдныхъ не бываетъ.

А. Фетъ.

5.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же.

ЕВКЛІОНЪ.

Благодарю боговъ! — Все цѣло, цѣлъ весь кладъ.
А какъ боялся я,— былъ задохнуться радъ!
Вотъ, Мегадоръ, и я, коль ждешь ты объясненья.

МЕГАДОРЪ.

Спасибо! Отвѣчай, прошу, безъ раздраженья.

ЕВКЛІОНЪ.

Спроси — отвѣчу, въ чемъ мнѣ любо отвѣчать.

МЕГАДОРЪ.

Скажи, какимъ мой родъ считаешь ты?

ЕВКЛІОНЪ.

Онъ знатенъ.

МЕГАДОРЪ.

А честность?

ЕВКЛІОНЪ.

Хороша.

МЕГАДОРЪ.

Дѣла?

ЕВКЛІОНЪ.

Они безъ пятенъ.

МЕГАДОРЪ.

Лѣта ты знаешь-ли?

ЕВКЛІОНЪ.

Лѣтъ много, денегъ то-жъ.

МЕГАДОРЪ.

По моему, и ты на честнаго похожъ.
Такъ я всегда считалъ.

ЕВКЛІОНЪ.

Онъ золото заслышалъ...
Чего-же хочешь ты?

МЕГАДОРЪ.

Сойтись намъ случай вышелъ,
Чтобъ было хорошо тебѣ и мнѣ, и ей.
Дочь выдать за меня ты обѣщай смѣлѣй.

ЕВКЛІОНЪ.

Ахъ, Мегадоръ, въ твоемъ быту — плохое дѣло
Надъ честнымъ бѣднякомъ такъ издѣваться смѣло.
Ни словъ, ни дѣлъ моихъ тебѣ обидныхъ нѣтъ.

МЕГАДОРЪ.

Не издѣваюсь я, и дѣлать такъ не слѣдъ.

ЕВКЛІОНЪ.

Зачѣмъ-же просишь дочь мою назвать своею?

МЕГАДОРЪ.

Чтобъ лучше жить тебѣ и мнѣ, и всѣмъ намъ съ нею.

ЕВКЛІОНЪ.

Я вспомнилъ, Мегадоръ,— богатъ ты, знатенъ такъ,
А я, я — человѣкъ изъ бѣдняковъ бѣднякъ,

И думаю: какъ дочь отдать тебѣ бѣдняжку?
Ты волъ, а я оселъ, гдѣ-жъ намъ пойти въ запряжку?
Какъ тяжесть мнѣ дѣлить,— свалюсь я въ грязь, оселъ;
Живу-ль на свѣтѣ я,— ты и не спросишь, волъ;
Сердиться станешь ты, а свой мнѣ насмѣется.
Я стойла не найду, когда разладъ начнется:
Ослы начнуть кусать, волы — рогами бить.
Бѣда мнѣ отъословъ къ воламъ переходить.

МЕГАДОРЪ.

Какъ съ честнымъ сблизишься для дружества большого,
Отлично будетъ. Ты послушайся, дай слово
И мнѣ ее отдай.

ЕВКЛІОНЪ.

Дать нечего за ней.

МЕГАДОРЪ.

Не нужно. Честь ея приданаго цѣннѣй.

ЕВКЛІОНЪ.

Твержу, не думай ты, что кладъ сыскалъ я малый.

МЕГАДОРЪ.

Я знаю: не толкуй. Отдай ее.

ЕВКЛІОНЪ.

Пожалуй!
Знать, я пропалъ!

МЕГАДОРЪ.

Что тамъ?..

ЕВКЛІОНЪ.

Желѣза словно звонъ...

МЕГАДОРЪ.

То садъ я взрыть велѣлъ... Куда-жъ дѣвался онъ?
Ушелъ и не далъ мнѣ отвѣта: презираетъ
Меня, что льну къ нему. Какъ у людей бываетъ:

Когда богачъ просить у бѣдняка готовъ,
Бѣднякъ пугается и не пойдетъ на зовъ,
Затѣмъ, какъ случай то упустить, жаль порою.

А. Фетъ.

6.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же.

МЕГАДОРЪ.

Я вижу, Евклiонъ, ты шутки тутъ со мной
Затѣялъ, старикомъ. Я ихъ не заслужилъ.

ЕВКЛІОНЪ.

Не думалъ, Мегадоръ, а вздумалъ — нѣтъ и силъ.

МЕГАДОРЪ.

Такъ что-же?— Отдаешь мнѣ дочь?

ЕВКЛІОНЪ.

По уговору,
Съ приданымъ, какъ сказалъ.

МЕГАДОРЪ.

Отдашь?

ЕВКЛІОНЪ.

Отдамъ безъ спору.

МЕГАДОРЪ.

Часъ добрый!

ЕВКЛІОНЪ.

Добрый часъ! Ты только не забудь:
Сказалъ,— за дочерью приданаго ничуть.

МЕГАДОРЪ.

Я помню.

ЕВКЛІОНЪ.

Съ вами вѣдь рядиться крѣпко надо:
Не ряда—ряда вамъ, а ряда—вдругъ не ряда.

МЕГАДОРЪ.

Не будемъ спорить мы. Но свадьбу-то сыграть
Сегодня что-же намъ мѣшаетъ?

ЕВКЛІОНЪ.

Исполать!

МЕГАДОРЪ.

Иду, готовлю все. Ты что-жъ?

ЕВКЛІОНЪ.

Да то-жъ.

МЕГАДОРЪ.

Неинакъ.

Прощай! Эй, ты, Стробилъ, пойдемъ со мной на рынокъ!

ЕВКЛІОНЪ.

Ушелъ. Вотъ золото, ей-ей, глава всему!
Онъ вѣрно услыхалъ, что скрылъ я кладъ въ дому,
Взалкалъ, а потому и ищетъ породниться.

А. Фетъ.

7.

Дѣйствіе пятое.

ЯВЛЕНІЕ III.

Ликонидъ и Евкліонъ.

ЛИКОНИДЪ.

Какой тутъ человѣкъ предъ нашимъ домомъ стонетъ?
Знать, Евкліонъ. Бѣда, раскрыто все вполнѣ!
Что дѣлать?—Убѣжать, иль здѣсь остаться мнѣ?

ЕВКЛІОНЪ.

Кто говоритъ здѣсь?

ЛИКОНИДЪ.

Я бѣднякъ.

ЕВКЛІОНЪ.

Вотъ я разстроенъ
Приливомъ всяческихъ несчастій.

ЛИКОНИДЪ.

Будь покоенъ!

ЕВКЛІОНЪ.

Какъ? — Мнѣ покойнымъ быть?..

ЛИКОНИДЪ.

Вѣдь зло, что̀ испыталъ
Ты, — въ немъ виновенъ я и каюсь.

ЕВКЛІОНЪ.

Ты сказалъ?

ЛИКОНИДЪ.

Всю правду.

ЕВКЛІОНЪ.

Юноша, чѣмъ такъ я провинился,
Чтобы съ дѣтьми меня ты погубить рѣшился?

ЛИКОНИДЪ.

Богъ побудилъ меня къ тому!

ЕВКЛІОНЪ.

Какимъ путемъ?

ЛИКОНИДЪ.

Прости! Я согрѣшилъ, теперь я каюсь въ томъ.
Вотъ я пришелъ просить прощающаго слова.

ЕВКЛІОНЪ.

Какъ ты осмѣлился коснуться до чужого?..

ЛИКОНИДЪ.

Какъ быть? — Что̀ сдѣлано, того не воротить.
Хотѣли боги такъ, нето-бъ тому не быть.

ЕВКЛІОНЪ.

Хотѣли боги то-жъ, чтобъ я тебя повѣсилъ.

ЛИКОНИДЪ.

Ахъ, нѣтъ!

ЕВКЛІОНЪ.

Что-жъ надъ моимъ ты, не спросясь, чудесилъ?

ЛИКОНИДЪ.

Любовью и виномъ былъ увлеченъ.

ЕВКЛІОНЪ.

Нахалъ! —
Съ такою рѣчію ты безъ стыда предсталъ!..
Вѣдь если извинять, въ чемъ сознаешься ты-то,
То съ женщинъ золото мы будемъ рвать открыто.
А если схватятъ насъ, мы станемъ говорить,
Что страсть и хмѣль виной. Вину и хмѣлю быть
Въ презрѣньи, коль твори, что вздумаетъ влюбленный.

ЛИКОНИДЪ.

Вѣдь я-же здѣсь винюсь, безумствомъ увлеченный.

ЕВКЛІОНЪ.

Я не люблю того, кто правъ,—надѣлавъ бѣдъ.
Ты зналъ, что не твое, — и трогать-бы не слѣдъ.

ЛИКОНИДЪ.

Дерзнувши тронуть, я готовъ, со рвеньемъ вящимъ,
Имъ завладѣть совсѣмъ.

ЕВКЛІОНЪ.

Какъ? — Мнѣ принадлежащимъ?!

ЛИКОНИДЪ.

Молю о томъ, чему мнѣ слѣдъ принадлежать.
И самъ ты, Евкліонъ, такъ станешь понимать.

ЕВКЛІОНЪ.

Тебя я къ претору, при жалобѣ, спроважу,
Коль не отдашь.

ЛИКОНИДЪ.

За что?

ЕВКЛІОНЪ.

Верни свою покражу.

ЛИКОНИДЪ.

Покражу? Да чего? Откуда?

ЕВКЛІОНЪ.

Накажи
Тебя Зевесъ, какъ ты не знаешь.

ЛИКОНИДЪ.

Ты скажи.

ЕВКЛІОНЪ.

Горшокъ мой съ золотомъ верни. Вѣдь ты признался,
Что снесъ его.

ЛИКОНИДЪ.

Не бралъ, не говорилъ.

ЕВКЛІОНЪ.

Заклялся?..

ЛИКОНИДЪ.

О златѣ и горшкѣ, клянусь, я не слыхалъ.

ЕВКЛІОНЪ.

Отдай, что̀ ты въ лѣсу Сильвана-то укралъ!
Ступай и принеси! Подѣлимся безъ спора.
Хоть ты и воръ мнѣ, все-жъ я не обижу вора.
Неси!

ЛИКОНИДЪ.

Ты, Евклiонъ, знать бредишь, что я воръ.
Съ тобой хотѣлъ другой завесть я разговоръ,
Коль время посудить о важномъ дѣлѣ вмѣстѣ.

ЕВКЛІОНЪ.

По чести, золото не ты укралъ?

ЛИКОНИДЪ.

По чести.

ЕВКЛІОНЪ.

Не знаешь, кто укралъ?

ЛИКОНИДЪ.

Ничуть.

ЕВКЛІОНЪ.

А если-бъ зналъ,
Мнѣ-бъ вора указалъ?

ЛИКОНИДЪ.

Такъ точно.

ЕВКЛІОНЪ.

И не взялъ
Частицы для себя, кто-бъ ни былъ воръ?

ЛИКОНИДЪ.

Навѣрно.

ЕВКЛІОНЪ.

А если лжешь?

ЛИКОПИДЪ.

Зевесъ казни меня безмѣрно!

ЕВКЛІОНЪ.

Довольно, говори, что̀ нужно.

ЛИКОНИДЪ.

До сихъ поръ,
Коль ты не зналъ меня, мнѣ дядя—Мегадоръ;
Отецъ былъ Антимахъ. Зовусь я Ликонидомъ.
Евномія мнѣ мать...

ЕВКЛІОНЪ.

Такъ. Но съ какимъ ты видомъ
Ко мнѣ?

ЛИКОНИДЪ.

Да у тебя есть дочь.

ЕВКЛІОНЪ.

Вотъ тутъ въ дому.

ЛИКОНИДЪ.

Просваталъ дядѣ ты ее, есть слухъ.

ЕВКЛІОНЪ.

Ему.

ЛИКОНИДЪ.

Онъ мнѣ велѣлъ снести къ тебѣ отказъ отъ слова.

ЕВКЛІОНЪ.

Отказъ?!.. Когда уже для свадьбы все готово?!..
Всѣ боги, сколько есть, погубятъ пусть его!!..
Что̀ золота — бѣднякъ — извелъ я на него!

ЛИКОНИДЪ.

Ты лучше, въ добрый часъ, скажи: послали-бъ боги.

ЕВКЛІОНЪ.

Послали-бъ боги!

ЛИКОНИДЪ [1]).

Да совершатъ благіе боги!.. Слушай:
Не можетъ быть преступникъ такъ испорченъ,
Чтобъ за вину свою не покраснѣлъ
И не желалъ, какъ можетъ, оправдаться.
Итакъ, теперь прошу тебя: прости
Мой тяжкій грѣхъ, поступокъ безразсудный,
Передъ тобой и дочерью твоей!
И пусть она моей женою будетъ,
Какъ требуетъ того и самъ законъ—
Предъ дочерью твоей я провинился,
На праздникѣ Цереры увлеченный
Тогда виномъ и юношескимъ пыломъ.

ЕВКЛІОНЪ.

Что слышу я!

ЛИКОНИДЪ.

О чемъ-же горевать то? —
О томъ, что ты, по милости моей,
Являешься на свадьбу дочки дѣдомъ:
Вѣдь дочь твоя сегодня родила!
Хоть сосчитай: уже десятый мѣсяцъ
Теперь пошелъ отъ празднества Цереры;
А потому, и ради просьбъ моихъ,
И Мегадоръ отъ брака отказался.
Ступай домой и тамъ увидишь самъ
Правдивость словъ моихъ...

ЕВКЛІОНЪ.

Вполнѣ я [2])

---

[1]) Эти слова Ликонида и нѣсколько стиховъ дальше приводимъ по переводу г. П—скаго. Фетъ совершенно напрасно исказилъ подлинникъ.

[2]) Переводъ Фета.

Пропалъ: за бѣдствіемъ бѣда еще сильнѣе.
Войду, узнаю какъ и что.

ЛИКОНИДЪ.

Я за тобой.
Спасенья пристань, знать, ужъ предо мной.
Раба Стробила здѣсь ищу и не найду я.
Немного обожду и вслѣдъ затѣмъ войду я.
Про дѣло той порой узнаетъ онъ мое
У мамки дочери: старуха знаетъ все.

А. Фетъ.

II. ИЗЪ КОМЕДІИ «ПЛѢННИКИ».

1.

Дѣйствіе второе.

ЯВЛЕНІЕ II.

Гегіонъ выходитъ изъ своего дома. **Филократъ, Тиндаръ,** невольники.

ГЕГІОНЪ (въ двери).

Я сейчасъ ворочусь: разспрошу ихъ только кое о чемъ. (Невольникамъ). Гдѣ плѣнники, которыхъ я велѣлъ привести сюда?

ФИЛОКРАТЪ.

Невольники твои позаботились сдѣлать этотъ вопросъ лишнимъ,—взгляни на наши цѣпи и стражу.

ГЕГІОНЪ.

Кто хочетъ остерегаться отъ обмана, тотъ будь самъ на сторожѣ и другимъ вели сторожить. Самый осторожный часто бываетъ обманутъ. Не въ правѣ-ли я стеречь васъ, купивши дорого за наличныя деньги?

ФИЛОКРАТЪ.

Мы не въ правѣ осуждать тебя за то, что ты насъ стережешь, такъ-же какъ и ты не въ правѣ осудить насъ, если мы воспользуемся случаемъ и убѣжимъ.

ГЕГІОНЪ.

У васъ точно такъ-же стерегутъ моего сына.

ФИЛОКРАТЪ.

Онъ взятъ въ плѣнъ?

ГЕГІОНЪ.

Да.

ФИЛОКРАТЪ.

Такъ не мы-же одни принуждены были сдаться!

ГЕГІОНЪ (Филократу).

Поди сюда. Я хочу сдѣлать тебѣ нѣсколько вопросовъ наединѣ; только смотри — не лгать!

ФИЛОКРАТЪ.

Что знаю, скажу по правдѣ; чего не знаю — скажу, что не знаю.

ТИНДАРЪ (въ сторону).

Отбреетъ-же онъ моего старика! Вотъ уже и бритвы расправлены; не хочетъ даже повязать ему полотенца, чтобы не запачкать платья. Не знаю, выбреетъ-ли онъ его на голо, или только подстрижетъ, а я охарналъ-бы его отличнѣйшимъ образомъ.

ГЕГІОНЪ.

Скажи мнѣ, что по твоему лучше: быть невольникомъ или — свободнымъ человѣкомъ?

ФИЛОКРАТЪ.

По моему, лучше быть тѣмъ, кому жить лучше. Невольничество было для меня, впрочемъ, до сихъ поръ не тягостно. Дома мнѣ было житье не хуже господскаго сына.

ТИНДАРЪ (въ сторону).

Хорошо сказано! — Что твой Ѳалетъ Милесійскій! — Пустомеля въ сравненіи съ нимъ! Говоритъ какъ будто родился невольникомъ!

ГЕГІОНЪ.

Къ какой фамиліи принадлежитъ этотъ Филократъ?

ФИЛОКРАТЪ.

Къ именитой и славной фамиліи Полипусіевъ.

ГЕГІОНЪ.

А самъ онъ у васъ въ чести?

ФИЛОКРАТЪ.

Онъ пользуется уваженіемъ первѣйшихъ гражданъ.

ГЕГІОНЪ.

И богатъ?

ФИЛОКРАТЪ.

У отца его денегъ куры не клюютъ.

ГЕГІОНЪ.

Какъ?—Отецъ его живъ?

ФИЛОКРАТЪ.

Былъ живъ, когда мы выступили въ походъ. Теперь — извѣстно одному Орку.

ТИНДАРЪ (въ сторону).

Дѣло идетъ на ладъ. Не просто лжетъ, а философствуетъ.

ГЕГІОНЪ.

Какъ его зовутъ?

ФИЛОКРАТЪ.

Тесаврохрисоникохрисидъ.

ГЕГІОНЪ.

Вѣроятно, его прозвали такъ за богатство?

ФИЛОКРАТЪ.

За скупость и жадность [1]).

ГЕГІОНЪ.

Что ты говоришь?—Такъ онъ скупъ?

ФИЛОКРАТЪ.

Невѣроятнѣйшій скряга. Посуди самъ: даже генію своему приноситъ онъ жертвы не иначе, какъ въ глиняныхъ самосскихъ сосудахъ,—боится, какъ-бы геній его не обокралъ. Можешь себѣ вообразить, много-ли довѣряетъ онъ другимъ!

ГЕГІОНЪ (ведетъ его къ Тиндару).

Поди сюда. Разспрошу еще его. (Тиндару). Филократъ! Невольникъ твой честный малый: онъ разказалъ мнѣ все, и я знаю, кто ты. Если ты будешь со мною такъ-же откровененъ, тебѣ-же будетъ лучше.

---

[1]) Дальше въ текстѣ: Nam ille quidem Theodromedes fuit germano nomine; т. е. да, по крайней мѣрѣ, у него было и другое имя,—Теодромедъ.

Примѣч. составителя.

ТИНДАРЪ.

Онъ исполнилъ свой долгъ, сказавши тебѣ истину. Я хотѣлъ, правда, скрыть мое благородное происхожденіе и богатство, но не вижу, зачѣмъ-бы невольнику моему бояться тебя меньше, нежели меня, утратившаго свободу и отечество. Судьба войны поравняла его со мною. О чемъ прежде не смѣлъ-бы онъ и заикнуться, теперь исполняетъ на дѣлѣ. Фортуна вертитъ людьми по своему произволу. Меня, человѣка свободнаго, сдѣлала она невольникомъ, низринула съ высоты—долу, меня, привыкшаго повелѣвать, заставила повиноваться другому. Но я самъ былъ главою дома, и, если судьба дала мнѣ такого-же господина, мнѣ нечего бояться несправедливости и жестокихъ приказовъ. Вотъ о чемъ хотѣлъ я тебѣ напомнить, если позволишь, Гегіонъ.

ГЕГІОНЪ.

Говори смѣло.

ТИНДАРЪ.

Я былъ такъ-же свободенъ, какъ твой сынъ. Обоихъ насъ лишила свободы вражеская рука. Онъ—въ невольничествѣ у насъ, такъ-же, какъ я—у васъ. Но есть надъ нами Богъ, который слышитъ и видитъ ваши дѣла. Онъ не попуститъ, чтобы съ твоимъ сыномъ обходились хорошо, если ты будешь обходиться со мною дурно. Зломъ воздастся тебѣ за зло и добромъ—за добро. Какъ ты сожалѣешь о своемъ сынѣ, такъ мой отецъ—обо мнѣ.

ГЕГІОНЪ.

Знаю. Но подтверждаешь-ли ты сказанное твоимъ невольникомъ?

ТИНДАРЪ.

Я подтверждаю, что отецъ мой очень богатъ; что родъ мой очень знатенъ. Но заклинаю тебя, Гегіонъ, не жадничай потому, что я богатъ; не доведи отца моего до того, чтобы онъ предпочелъ оставить меня, единственнаго своего сына, невольникомъ въ твоемъ домѣ, гдѣ я буду одѣтъ и накормленъ на твой счетъ, нежели видѣть меня просящимъ милостыню на родинѣ.

ГЕГІОНЪ.

Благодаря богамъ и доблести моихъ предковъ, я довольно богатъ и не всякій барышъ считаю за прибыль. Я знаю, многіе обогатились, пользуясь случаемъ; но иногда бываетъ лучше понести убытокъ, нежели получить барышъ. Я ненавижу золото: оно внушаетъ людямъ много зла. Выслушай, что я думаю.

Сынъ мой въ плѣну у васъ, въ Елидѣ. Возврати мнѣ его, и я отпущу тебя съ твоимъ невольникомъ безъ всякаго выкупа. Инымъ образомъ ты не получишь свободы.

ТИНДАРЪ.

Требованіе твое справедливо; ты благородный человѣкъ. Скажи мнѣ: сынъ твой принадлежитъ частному лицу, или казнѣ?

ГЕГІОНЪ.

Онъ принадлежитъ медику Менарху.

ФИЛОКРАТЪ.

Это кліентъ моего отца (онъ указываетъ на Тиндара). Дѣло пойдетъ какъ по маслу.

ГЕГІОНЪ.

Такъ помоги-же мнѣ его выкупить.

ТИНДАРЪ.

Хорошо, но исполни и ты мою просьбу.

ГЕГІОНЪ.

Изволь,— все, что̀ могу.

ТИНДАРЪ.

Такъ выслушай: я не требую, чтобы ты меня отпустилъ, пока сынъ твой еще не возвратился, но, прошу тебя, назначь цѣну за моего невольника и позволь мнѣ послать его къ отцу, чтобы онъ уговорилъ его на обмѣнъ твоего сына.

ГЕГІОНЪ.

Нѣтъ, я пошлю лучше другого, когда заключимъ перемиріе. Онъ можетъ исполнить твое порученіе.

ТИНДАРЪ.

Не годится посылать къ отцу — незнакомаго человѣка. Это значитъ напрасно терять время. Пошли этого, — онъ мигомъ сладитъ дѣло. Ты не найдешь никого вѣрнѣе; отецъ мой никому не довѣряетъ больше его; онъ его любимецъ и ему смѣло поручитъ онъ твоего сына. Не опасайся ничего: я отвѣчаю за его вѣрность; я его знаю, и онъ меня знаетъ.

ГЕГІОНЪ.

Хорошо, я пошлю его, только условимся прежде въ цѣнѣ.

ТИНДАРЪ.

Согласенъ. Чѣмъ скорѣе къ дѣлу, тѣмъ лучше.

ГЕГІОНЪ.

Если онъ не возвратится, ты дашь мнѣ за него двадцать минъ?

ТИНДАРЪ.

Дамъ.

ГЕГІОНЪ (невольникамъ).

Снимите съ него цѣпи. Снимите ихъ съ обоихъ.

ТИНДАРЪ.

Да исполнятъ боги всѣ твои желанія!—Ты возвращаешь мнѣ честь, освобождая меня отъ оковъ. Какъ легко безъ этого ошейника!

ГЕГІОНЪ.

Добро, сдѣланное доброму человѣку, приноситъ добрые плоды. Теперь ты можешь послать его; прикажи ему, что̀ сказать отъ тебя отцу. Позвать его сюда?

ТИНДАРЪ

Позови.

ГЕГІОНЪ.

Да обратится все это ко благу моему, моего сына и васъ обоихъ! (Филократу). Новый господинъ твой приказываетъ тебѣ исполнить въ точности все, что прикажетъ тебѣ твой прежній господинъ. Я продалъ тебя ему за двадцать минъ, и онъ хочетъ послать тебя къ своему отцу для выкупа моего сына, то есть, для обмѣна его на моего плѣнника.

ФИЛОКРАТЪ.

Я готовъ исполнять его и твои приказанія, какъ колесо, которое можно вертѣть и вправо, и влѣво.

ГЕГІОНЪ.

Ты, я вижу, малый не промахъ. Поди сюда. (Тиндару). Вотъ предоставляю его въ твое распоряженіе.

ТИНДАРЪ.

Спасибо: ты даешь мнѣ возможность извѣстить отца о моемъ положеніи и моихъ желаніяхъ. Тиндаръ! Мы условились, что я пошлю тебя въ Элиду къ моему отцу и если ты не возвратишься, то я долженъ буду заплатить за тебя двадцать минъ.

ФИЛОКРАТЪ.

И хорошо сдѣлали. Отецъ твой ждетъ меня или кого-нибудь съ вѣстями отсюда.

ТИНДАРЪ.

Такъ слушай-же, что ему сказать.

ФИЛОКРАТЪ.

Филократъ! Я сослужу тебѣ эту службу усердно, какъ служилъ до сихъ поръ. Всею душею, всѣмъ сердцемъ, всѣми силами постараюсь я быть тебѣ полезнымъ.

ТИНДАРЪ.

Въ такомъ случаѣ ты исполнишь долгъ твой. Слушай: во первыхъ, кланяйся моему отцу и матери, роднымъ и друзьямъ; скажи имъ, что я служу человѣку благородному, который обходится со мною какъ нельзя лучше.

ФИЛОКРАТЪ.

Этого я не позабылъ-бы сказать и безъ твоего приказанія.

ТИНДАРЪ.

Не будь при мнѣ сторожа, я воображалъ-бы себя свободнымъ. Сообщи отцу моему условіе насчетъ выкупа сына Гегіонова.

ФИЛОКРАТЪ.

Ты только напрасно меня задерживаешь; все это вещи извѣстныя.

ТИНДАРЪ.

Пусть пришлетъ его въ обмѣнъ за насъ двоихъ.

ФИЛОКРАТЪ.

Хорошо.

ГЕГІОНЪ.

И пусть не медлитъ; это для всѣхъ будетъ лучше.

ФИЛОКРАТЪ.

Онъ не меньше тебя желаетъ увидѣть сына.

ГЕГІОНЪ.

Кому не милъ родной сынъ!

ФИЛОКРАТЪ (Тиндару).

Прикажешь сказать ему еще что-нибудь?

ТИНДАРЪ.

Скажи ему, что я здоровъ и что мы жили съ тобою, Тиндаръ, душа въ душу; что ты ни разу ни въ чемъ передо мною не провинился; что я тобой доволенъ; что ты служилъ мнѣ вѣрою и правдою и не измѣнилъ мнѣ во время несчастья ни словомъ, ни дѣломъ. Скажи ему это отъ меня, Тиндаръ: онъ не поскупится отпустить тебя на волю; я самъ упрошу его, если возвращусь домой. Твоему уму, твоей дружбѣ, твоимъ стараніямъ буду я обязанъ свиданіемъ съ отцомъ: ты разсказалъ Гегіону о моемъ богатствѣ и родѣ, и это умное признаніе освободило меня отъ оковъ.

ФИЛОКРАТЪ.

Да, это правда, и я радъ, что ты это не позабылъ. Какъ мнѣ было не послужить тебѣ? Начни я вычислять, Филократъ, все, что ты для меня сдѣлалъ, я не кончилъ-бы до ночи; будь ты моимъ невольникомъ, ты не могъ-бы быть мнѣ преданнѣе.

ГЕГІОНЪ.

О великодушные люди! Я готовъ плакать! Что за любовь, что за преданность! Какъ хвалитъ этотъ невольникъ своего господина!

ФИЛОКРАТЪ.

Клянусь Поллукомъ, онъ стоитъ во сто разъ бо́льшихъ похвалъ!

ГЕГІОНЪ (Филократу).

Теперь ты имѣешь случай завершить свою вѣрную службу — исполни его порученіе.

ФИЛОКРАТЪ.

Я употреблю всѣ мои старанія и зову въ свидѣтели Юпитера, что не измѣню Филократу.

ГЕГІОНЪ.

Честный человѣкъ!

ФИЛОКРАТЪ.

И буду для него стараться, какъ для самого себя.

ТИНДАРЪ.

Желаю, чтобы ты оправдалъ слова твои на дѣлѣ. Если я не хвалилъ тебя столько, сколько-бы хотѣлось, — такъ ты знаешь, почему, и не будешь, надѣюсь, на меня сердиться. Не забудь, прошу тебя, что я отсылаю тебя домой на честное слово и, назначивши за тебя цѣну, самъ остаюсь здѣсь невольникомъ. Не оправдай пословицы: «Изъ глазъ — изъ памяти», и не оставь мен

здѣсь въ невольничествѣ ради тебя,—приведи сюда сына Гегіонова. Ты знаешь, что я поручился за тебя двадцатью минами; не измѣни-же тому, кто не измѣнилъ тебѣ. Отецъ мой, я въ томъ увѣренъ, сдѣлаетъ все, что слѣдуетъ. Сохрани во мнѣ всегдашняго друга и пріобрѣти новаго въ этомъ старикѣ. Заклинаю тебя твоей рукой, которую пожимаю въ эту минуту, будь вѣренъ мнѣ, какъ я былъ вѣренъ тебѣ. Ты теперь мой господинъ, мой патронъ, мой отецъ; тебѣ ввѣряю мои надежды и мою судьбу.

ФИЛОКРАТЪ.

Ты наговорилъ довольно. Будешь-ли доволенъ, если я столько-же сдѣлаю?

ТИНДАРЪ.

Да.

ФИЛОКРАТЪ.

Я возвращусь порадовать васъ обоихъ. Имѣете вы сказать еще что-нибудь?

ГЕГІОНЪ.

Воротись какъ можно скорѣе.

ФИЛОКРАТЪ.

Само собою разумѣется.

ГЕГІОНЪ.

Иди за мною. Я дамъ тебѣ на дорогу денегъ и возьму у претора синграфъ.

ТИНДАРЪ.

Какой синграфъ?

ГЕГІОНЪ.

Который ты долженъ предъявить въ арміи, чтобы его пропустили въ Елиду... Ты ступай домой.

ТИНДАРЪ (Филократу).

Счастливый путь.

ФИЛОКРАТЪ.

Прощай.

(Тиндаръ уходитъ въ домъ).

ГЕГІОНЪ (тихо).

Хорошо я сдѣлалъ, что купилъ ихъ у квесторовъ: теперь сынъ мой — если это угодно богамъ—освобожденъ. А давно колебался я, купить-ли ихъ, или не купить. (Невольникамъ). Присматривайте за тѣмъ, который вышелъ. Безъ стоожа, чтобы и за порогъ не выглядывалъ! Я сейчасъ приду домой. Схожу къ

брату, взглянуть на прочихъ плѣнниковъ, да кстати спрошу, не знаетъ-ли кто изъ нихъ этого Филократа (Филократу). Ступай со мною; прежде всего, надо отправить тебя.

(Они уходятъ). *А. Кронебергъ.*

2.

Дѣйствіе четвертое.

ЯВЛЕНІЕ II.

Гегіонъ и Ергасилъ.

ГЕГІОНЪ.

Чѣмъ больше объ этомъ думаю, тѣмъ досаднѣе становится. Какъ позволить обмануть себя такъ? Какъ не замѣтить, что они лукавятъ? Весь городъ подыметъ меня на смѣхъ, когда узнаютъ. Какъ появиться на площади, гдѣ всѣ станутъ говорить: «Вотъ онъ, хитрый старикъ, который вѣритъ всему, что ему ни скажутъ!».. Не Ергасилъ-ли это тамъ? Онъ закинулъ плащъ. Зачѣмъ это?

ЕРГАСИЛЪ (не замѣчая Гегіона).

Не мѣшкать-же, Ергасилъ!—Прочь съ дороги, кому жизнь мила!

ГЕГІОНЪ.

Онъ собирается драться.

ЕРГАСИЛЪ.

Прочь! Ступай каждый своей дорогой; здѣсь заговариваться не совѣтую. У меня кулакъ что твоя баллиста, локоть—что катапульта, плечо—что таранъ; поставлю ногу—съ ногъ долой, подставлю руку—зубы вонъ!

ГЕГІОНЪ.

Кому онъ грозитъ?.. Не могу постичь!

ЕРГАСИЛЪ.

Кто встрѣтится со мной, тотъ встрѣтится со смертью!

ГЕГІОНЪ.

Что это онъ затѣваетъ такъ грозно?

ЕРГАСИЛЪ.

Съ дороги, говорю я вамъ! Послѣ прошу на меня не пенять. Оставайтесь дома, или будетъ плохо!

ГЕГІОНЪ.

Дивное дѣло, какъ онъ расхрабрился!—Должно быть, сытъ: храбрость сидитъ у него въ брюхѣ. Жаль-же мнѣ того, кто накормилъ его до такой отваги!

ЕРГАСИЛЪ.

Съ дороги, мельники! Сгоняйте вашихъ свиней, отъ вони которыхъ мимо мельницъ проходу нѣтъ! Попадется свинья мнѣ навстрѣчу—я изъ васъ выколочу отруби!

ГЕГІОНЪ.

Словно преторскій эдиктъ читаетъ!.. Сытъ; это вѣрно...

ЕРГАСИЛЪ.

Съ дороги, продавцы тухлой рыбы, отъ которой народъ бѣжитъ съ базилики на форумъ! Съ дороги, говорятъ вамъ, или я отпотчую васъ по рылу вашими плетушками, чтобы вы знали, легко-ли нюхать ихъ чужимъ носамъ! Съ дороги, мясники, продавцы столѣтнихъ ягнятъ и овецъ подозрительнаго возраста! Попадись мнѣ только кто-нибудь съ бараниной,—въ порошокъ сотру!

ГЕГІОНЪ.

О го-го! Подумаешь, эдилъ отдаетъ свои приказанія! Не сдѣлали-ли его этоляне, чего добраго, торговымъ приставомъ?

ЕРГАСИЛЪ.

Теперь я не параситъ, а царь превыше всѣхъ царей: несмѣтный транспортъ отборнѣйшей провизіи вступаетъ въ гавань моего желудка... Однако нечего медлить; пора обрадовать Гегіона, пора преисполнить сердце бѣднаго старика восторгомъ [1]).

ГЕГІОНЪ.

Чѣмъ это собирается онъ меня обрадовать?

ЕРГАСИЛЪ (стучится въ двери къ Гегіону).

Эй, кто-нибудь!.. Отворяйте!.. Проворнѣе!..

ГЕГІОНЪ.

Видно пора ужинать.

ЕРГАСИЛЪ.

Проворнѣй, говорю я!.. Растворяйте двери настежь, нето разлетятся въ щепки!

---

[1]) Дальше въ текстѣ: Qui homine adaeque nemo vivit fortunatior.

Примѣч. составителя.

ГЕГІОНЪ (тихо).

Заговорю съ нимъ. (Громко). Ергасилъ!

ЕРГАСИЛЪ (не оборачиваясь).

Кто зоветъ Ергасила!

ГЕГІОНЪ.

Обрати на меня твои взоры.

ЕРГАСИЛЪ (такъ-же).

Ты хочешь, чтобы я сдѣлалъ для тебя то, что никогда не сдѣлаетъ для тебя Фортуна. Кто ты?

ГЕГІОНЪ.

Оглянись: я Гегіонъ.

ЕРГАСИЛЪ.

А!.. Благороднѣйшій изъ благородныхъ! Вотъ встрѣча кстати.

ГЕГІОНЪ.

Вѣрно кто-нибудь пригласилъ тебя въ гавани на ужинъ, такъ вотъ ты мною уже и брезгаешь.

ЕРГАСИЛЪ.

Дай твою руку.

ГЕГІОНЪ.

Руку?

ЕРГАСИЛЪ.

Да, руку. Давай-же!

ГЕГІОНЪ.

На.

ЕРГАСИЛЪ.

Радуйся.

ГЕГІОНЪ.

Чему?

ЕРГАСИЛЪ.

Радуйся, говорю тебѣ! Ну-же!

ГЕГІОНЪ.

Мнѣ не до веселья.

ЕРГАСИЛЪ.

Полно, не горюй. Я какъ рукой сниму твое горе. Радуйся! Смѣло!

ГЕГІОНЪ.

Хорошо, я радуюсь, хоть и не знаю чему.

ЕРГАСИЛЪ.

Прекрасно. Прикажи...

ГЕГІОНЪ.

Что?

ЕРГАСИЛЪ.

Развести огромный огонь.

ГЕГІОНЪ.

Огромный огонь?

ЕРГАСИЛЪ.

Да, огромный, неномѣрный огонь.

ГЕГІОНЪ.

Не прикажешь-ли зажечь для тебя домъ, ненасытный коршунъ?

ЕРГАСИЛЪ.

Не сердись. Прикажешь-ли ты, или не прикажешь приготовить сковороды и посуду? Пошлешь или не пошлешь за рыбой?

ГЕГІОНЪ.

Онъ бредитъ наяву.

ЕРГАСИЛЪ.

За свининой, бараниной и цыплятами?

ГЕГІОНЪ.

Ты, я вижу, умѣешь жить; только жаль, что не на что.

ЕРГАСИЛЪ.

За окорокомъ, семгой, макрелью, тунцомъ, камбалой и сыромъ?

ГЕГІОНЪ.

Тебѣ легче все это перечислить; нежели отвѣдать за моимъ столомъ.

ЕРГАСИЛЪ.

Такъ ты думаешь, что я все это для себя?

ГЕГІОНЪ.

Разочаруйся, пожалуйста: голоденъ ты у меня не будешь, но и лишняго не найдешь! — Ко мнѣ прошу являться съ обыкновеннымъ аппетитомъ.

ЕРГАСИЛЪ.

Да, клянусь Корою!

ГЕГІОНЪ.

И ты видѣлъ ихъ теперь?

ЕРГАСИЛЪ.

Клянусь Прэнестой!

ГЕГІОНЪ.

Онъ пріѣхалъ!

ЕРГАСИЛЪ.

Клянусь Сигніей!

ГЕГІОНЪ.

Точно-ли?

ЕРГАСИЛЪ.

Клянусь Фрузиномъ!

ГЕГІОНЪ.

Хорошо-ли ты разглядѣлъ?

ЕРГАСИЛЪ.

Клянусь Алатріей!

ГЕГІОНЪ.

Да что ты клянешься варварскими городами?

ЕРГАСИЛЪ.

Затѣмъ, что они такъ-же неудобоваримы, какъ твой ужинъ, по твоимъ словамъ.

ГЕГІОНЪ.

Шутъ!

ЕРГАСИЛЪ.

Ты мнѣ не вѣришь, а я говорю тебѣ по совѣсти. Кстати, какой націи былъ Сталагмъ?

ГЕГІОНЪ.

Сицилiанецъ.

ЕРГАСИЛЪ.

А теперь онъ галлъ: щеголяетъ въ ошейникѣ.

ГЕГІОНЪ.

Скажи, ты меня не обманываешь?

ЕРГАСИЛЪ.

Нѣтъ.

ГЕГІОНЪ.

Боги безсмертные!—Я начинаю новую жизнь, если это правда.

ЕРГАСИЛЪ.

Неужели ты еще сомнѣваешься, послѣ всѣхъ моихъ клятвъ? Ступай въ гавань, посмотри самъ.

ГЕГІОНЪ.

Конечно, конечно, пойду. А ты распорядись, пожалуйста, по хозяйству. Требуй, бери, приказывай, что̀ хочешь; я дѣлаю тебя моимъ дворецкимъ.

ЕРГАСИЛЪ.

Отколоти меня палкою, если я совралъ.

ГЕГІОНЪ.

Я задамъ тебѣ безконечный пиръ, если ты сказалъ правду.

ЕРГАСИЛЪ.

У кого?

ГЕГІОНЪ.

У меня и моего сына.

ЕРГАСИЛЪ.

Честное слово?

ГЕГІОНЪ.

Честное слово.

ЕРГАСИЛЪ.

Такъ и сынъ твой, честное слово, возвратился.

ГЕГІОНЪ.

Приготовь все, какъ слѣдуетъ. (Уходитъ).

ЕРГАСИЛЪ.

Счастливо воротиться!.. (Одинъ). Онъ поручилъ мнѣ распорядиться по хозяйству! Боги безсмертные, сколько искрошу я свиныхъ тушъ! Сколько истреблю я окороковъ! Какъ распоряжусь я надъ ветчиной и буженинoй! Какой работы задамъ я мясникамъ и колбасникамъ!.. Да что!—Всего въ три дня не перечтешь! Надо, не теряя времени, вступить въ должность: сперва учиню судъ надъ ветчиной, а потомъ поспѣшу на помощь невинно повѣшеннымъ окорокамъ. Входитъ въ домъ Гегіона).

А. Кронебергъ

III. ИЗЪ КОМЕДІИ «ЭПИДИКЪ».

1.

Дѣйствіе четвертое.

ЯВЛЕНІЕ I.

Филиппа и Перифанъ.

ФИЛИППА.

О, если только есть у человѣка горе,
Которое достойно состраданья,
То горе это — я переношу:
Такъ много бѣдъ собралось разомъ вмѣстѣ
И сердце надрываютъ всѣ заразъ,
Со всѣхъ сторонъ меня постигли скорби:
И бѣднота, и страхъ, мутящій умъ!
Нигдѣ не вижу прочнаго угла,
Чтобы найти пріютъ моимъ надеждамъ!
Родная дочь уже въ рукахъ враговъ,
И гдѣ теперь — и этого не знаю.

ПЕРИФАНЪ.

Что тамъ за женщина?.. Такъ боязливо,
Печально приближается она
И такъ скорбитъ...

ФИЛИППА.

Сказали, будто гдѣ-то
Недалеко живетъ мой Перифанъ...

ПЕРИФАНЪ.

Зоветъ меня по имени. Конечно,
Пріюта ожидаетъ отъ меня.

ФИЛИППА.

Охотно заплатила-бы тому,
Кто указалъ-бы мнѣ на Перифана
Или на домъ, въ которомъ онъ живетъ.

ПЕРИФАНЪ.

Всмотрѣться нужно... Кажется, что я,
Не помню гдѣ, ужъ прежде съ ней встрѣчался.
Ужели эта женщина — предметъ
Моихъ всегдашнихъ помышленій!

ФИЛИППА.

Боги!
Я съ нимъ видалась? Или не видалась?

ПЕРИФАНЪ.

Она, она! При встрѣчѣ, въ Епидаврѣ
Я погубилъ бѣдняжку...

ФИЛИППА.

Это онъ!
Онъ самый, въ Епидаврѣ поборовшій
Мою стыдливость!

ПЕРИФАНЪ.

Отъ меня невольно
Она произвела на свѣтъ ту дочь,
Которая живетъ теперь со мною.

ФИЛИППА.

Что, если подойти къ нему?..

ПЕРИФАНЪ.

Не знаю,
Не подойти-ли къ ней?.. Она-ли это?..

ФИЛИППА.

Да онъ-ли это? — Столько лѣтъ прошло!

ПЕРИФАНЪ.

Давно ужъ! Не могу не сомнѣваться...
Но ежели дѣйствительно она,
То подойду, начну издалека...

ФИЛИППА.

Теперь мнѣ хитрость женская поможетъ.

ПЕРИФАНЪ.

Спрошу...

ФИЛИППА.

Сумѣю я отвѣтить.

ПЕРИФАНЪ.

Здравствуй!

ФИЛИППА.

Благодарю за твой привѣтъ и мнѣ,
И всѣмъ моимъ.

ПЕРИФАНЪ.

И только?.. Только?

ФИЛИППА.

Здравствуй:
Что̀ далъ ты мнѣ въ кредитъ, то возвращаю.

ПЕРИФАНЪ.

Не сомнѣваюсь въ честности твоей.
Быть можетъ, мы когда-нибудь встрѣчались?

ФИЛИППА.

Ужъ если мы знакомы, то могу
Тебѣ припомнить это.

ПЕРИФАНЪ.

Только гдѣ-же
Мы видѣлись?

ФИЛИППА.

Какъ ты несправедливъ!

ПЕРИФАНЪ.

Но въ чемъ?

ФИЛИППА.

Въ своемъ желаньи, чтобы я
Тебѣ-же все на память приводила...

ПЕРИФАНЪ.

Прекрасно ты сказала!

ФИЛИППА.

Такъ-то лучше!

ПЕРИФАНЪ.

Не вспомнишь-ли?

ФИЛИППА.

Не вспомню-ли? Чего?

ПЕРИФАНЪ.

А въ Епидаврѣ...

ФИЛИППА.

Ахъ, твои слова—
Роса для увядающаго сердца!

ПЕРИФАНЪ.

Я облегчилъ отчасти нищету
Одной дѣвицы съ матерью.

ФИЛИППА.

Ты тотъ,
Кто на меня обрушилъ столько горя
Изъ-за своей потѣхи...

ПЕРИФАНЪ.

Точно — я!
Будь счастлива отнынѣ!..

ФИЛИППА.

Да, съ тѣхъ поръ,
Какъ и тебя счастливымъ увидала.

ПЕРИФАНЪ.

Дай руку мнѣ.

ФИЛИППА.

Возьми ее: съ тобой
Несчастнѣйшая женщина на свѣтѣ!

ПЕРИФАНЪ.

Что значитъ это? Что тебя тревожитъ?

ФИЛИППА.

Та дѣвочка, что отъ тебя была...

ПЕРИФАНЪ.

Ну, что-жъ?..

ФИЛИППА.

Воспитанная мной, погибла, —
Она добычей сдѣлалась враговъ.

ПЕРИФАНЪ.

Утѣшься, успокойся: у меня
Она живетъ, счастлива и здорова!
Какъ только я услышалъ чрезъ раба,
Что въ плѣнъ она попалась, тотчасъ выдалъ
И деньги, чтобы выкупить ее.
И это онъ настолько честно сдѣлалъ,
Насколько онъ безчестенъ въ остальномъ.

ФИЛИППА.

Позволь взглянуть мнѣ ради самой жизни!..

ПЕРИФАНЪ (невольницѣ).

Кантара!.. Эй!.. Скажи, чтобъ Телестида
Скорѣе шла обнять родную мать.

ФИЛИППА.

Такъ снова жизнь мнѣ въ душу возвратится.

М. П—скій.

2.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Цитаристка.

ЦИТАРИСТКА.

Зачѣмъ велѣлъ мнѣ, батюшка, сюда
Придти?.

ПЕРИФАНЪ.

Затѣмъ, чтобъ съ матерью своей,
Которая пришла, ты повидалась,
Поцѣловалась.

ЦИТАРИСТКА.

Съ матушкой? Съ моей?

ПЕРИФАНЪ.

Которая въ свиданіи съ тобой
Души не чаетъ...

ФИЛИППА.

Кто она такая? —
Ты ей велишь здороваться со мной?

ПЕРИФАНЪ.

Кто? — Дочь твоя!

ФИЛИППА.

Она-то?

ПЕРИФАНЪ.

Да, она!

ФИЛИППА.

Такъ съ ней велишь мнѣ цѣловаться?

ПЕРИФАНЪ.

Что-же.
Не цѣловаться съ дочерью своей?

ФИЛИППА.

Да ты помѣшанъ!

ПЕРИФАНЪ.

Я?!..

ФИЛИППА.

Ты самый!

ПЕРИФАНЪ.

Что ты!

ФИЛИППА.

Да то, что я въ глаза ее не знаю,
Не знала, не видала никогда!

ПЕРИФАНЪ.

Я понимаю, въ чемъ твоя ошибка:

Ея наружность, вѣрно, измѣнилась
Отъ новаго наряда!

ФИЛИППА.

Отъ котятъ
И духъ не тотъ, что̀ духъ отъ поросятъ!
Не знаю, кто она!

ПЕРИФАНЪ.

Клянусь богами,
Клянусь людьми! — Я сдѣлаюсь лекономъ! —
Въ моемъ дому чужіе завелись!..
Я изъ дому выбрасываю деньги!..
Ну, ты, что̀ «батюшкой» меня зовешь,
Цѣлуешься?.. Ну, что̀ ты отупѣла?
Что ты молчишь?

ЦИТАРИСТКА.

О чемъ-же говорить
Я буду?

ПЕРИФАНЪ.

Вотъ она сказала, будто
Не мать тебѣ.

ЦИТАРИСТКА.

Не хочетъ, такъ не будетъ!
А всетаки я дочерью останусь
Для матери. Не должно принуждать,
Чтобъ, противъ воли, матерью моей
Она считалась.

ПЕРИФАНЪ.

Такъ скажи, зачѣмъ-же
Меня-то ты отцомъ своимъ звала?

ЦИТАРИСТКА.

И въ этомъ не моя вина — твоя!
И, не зови ты дочерью меня,
И я тебя отцомъ не назвала-бы.
Вѣдь и ее-бы матерью звала я,

Лишь дочерью меня зови она.
А не считаетъ дочерью меня, —
Я матерью считать ее не буду.
Въ концѣ концовъ, тутъ не моя вина:
Я говорила то, что̀ заучила:
Эпидикъ былъ учителемъ моимъ.

ПЕРИФАНЪ.

Совсѣмъ погибъ! Надѣлалъ-же я дѣла!

ЦИТАРИСТКА.

Да въ чемъ-же предъ тобой я провинилась?

ПЕРИФАНЪ.

Клянусь тебѣ: хоть разъ еще услышу,
Что ты зовешь меня своимъ отцомъ,
Убью тебя!

ЦИТАРИСТКА.

Не назову: угодно
Отцомъ моимъ считаться, такъ и будь,
Не хочешь — и не будешь.

ФИЛИППА.

Ты вѣдь думалъ,
Что покупалъ, конечно, дочь свою!
На чемъ-же ты основывался въ этомъ?

ПЕРИФАНЪ.

Да ни на чемъ!

ФИЛИППА.

Съ чего-нибудь ты взялъ,
Что это наша дочь?

ПЕРИФАНЪ.

Мой рабъ, Эпидикъ,
Меня увѣрилъ въ этомъ.

ФИЛИППА.

Ну, положимъ,
Что такъ рабу и показалось; какъ-же
Ты самъ-то разузнать не могъ? Подумай!

ПЕРИФАНЪ.

Какъ въ первый разъ я увидалъ ее,
Такъ больше съ ней уже и не видался.

ФИЛИППА.

Несчастіе!

ПЕРИФАНЪ.

Не плачь, ступай ко мнѣ
И успокойся! Нашу дочь найду я.

ФИЛИППА.

Ее купилъ аѳинскій гражданинъ;
Онъ юноша, при этомъ говорили.

ПЕРИФАНЪ.

Найду ее! Ты только успокойся,
Иди ко мнѣ да посмотри за этой
Цирцеей, дочкой Солнца... Все оставлю,
Чтобъ только мнѣ Эпидика сыскать:
Тотъ день, какъ мнѣ онъ попадется въ руки,
И будетъ для него послѣднимъ днемъ.

М. П—скій.

IV. ИЗЪ КОМЕДІИ «МЕНЭХМЫ».

1.

Дѣйствіе второе.

ЯВЛЕНІЕ III.

Еротія, Менэхмъ II и Мессеніонъ.

ЕРОТІЯ (къ служанкѣ).

Ступай! Двери настежь оставь! Позаботься
Внутри приготовить, что̀ нужно. Смотри,
Чтобы было все чисто; зажги ароматы
И ложа для пира скорѣй постели. (Служанка уходитъ).

* * *

Порядокъ, блескъ и чистота
Сердца къ намъ привлека́ютъ,

А наши ласки — кошельки
Исправно очищаютъ!
Да гдѣ-же онъ?— Вѣдь поваръ сказалъ мнѣ, что онъ за порогомъ остался.
(Увидя Менэхма II).
А, вотъ онъ, вотъ радость и прибыль моя!
За то и любовь, и почетъ ему въ домѣ моемъ по заслугамъ.
Пойду и съ привѣтомъ къ нему обращусь.

* * *

Душеночекъ мой! Да зачѣмъ-же стоишь ты
За дверью? — Вѣдь полный хозяинъ ты здѣсь!
Вонъ, видишь свой домъ? На запорѣ въ немъ двери,
А здѣсь все раскрыто, — входи!

* * *

Исполненъ приказъ твой; готова пирушка;
Все такъ, какъ ты самъ повелѣть захотѣлъ.
Что-жъ далѣе медлить? — Остынутъ всѣ блюда.
Пойдемъ-же скорѣе за столъ!

МЕНЭХМЪ II (Мессеніону).

Слышишь? Съ кѣмъ она болтаетъ?

ЕРОТІЯ.

Съ кѣмъ? — Съ тобой!

МЕНЭХМЪ II.

Да развѣ ты
Ужъ меня узнать успѣла?

ЕРОТІЯ.

О, тебя вѣдь одного
Мнѣ Венера повелѣла обожать — и по дѣломъ:
Въ жизни радость я узнала, другъ мой, въ образѣ твоемъ!

МЕНЭХМЪ II (Мессеніону).

Что она пьяна, иль бредитъ? Слышишь ты, Мессеніонъ?—
Лишь впервой меня встрѣчаетъ, а ужъ «другомъ» я ей сталъ!

МЕССЕНІОНЪ.

Ужъ таковъ обычай здѣшній! Это вѣдь еще цвѣточки.
Поживи-ка здѣсь съ недѣльку — будутъ ягодки тебѣ!

Вотъ попробуй, познакомься — и простишься съ кошелькомъ.
Дай поговорю я съ нею... Эй, почтенная!

ЕРОТІЯ.

Ну, что?

МЕССЕНІОНЪ.

Гдѣ знакомство ты свела съ нимъ?

ЕРОТІЯ.

Тамъ-же, гдѣ и онъ со мной,—
Въ Епидамнѣ.

МЕССЕНІОНЪ.

Въ Епидамнѣ?... Да сегодня лишь впервой
И ногой сюда вступилъ онъ!

ЕРОТІЯ.

Полно шутки-то шутить!
Ну, Менэхмъ! Пойдемъ ко мнѣ да попируемъ тамъ на славу!

МЕНЭХМЪ II.

Что за диво? Какъ извѣстнымъ стало имя ей мое?
Гдѣ она его узнала?

МЕССЕНІОНЪ.

Да кошель твой увидала,
Что въ рукахъ ты держишь.

МЕНЭХМЪ II.

Правда! Такъ возьми-ка ты его.
Посмотрю, кто ей дороже,— кошелекъ мой, или я.

ЕРОТІЯ.

Ну, пойдемъ скорѣй: остынетъ ужинъ.

МЕНЭХМЪ II.

Нѣтъ, благодарю!

ЕРОТІЯ.

Такъ зачѣмъ-же заказалъ ты давеча мнѣ этотъ пиръ?

МЕНЭХМЪ II.

Я заказывалъ?

ЕРОТІЯ.

Конечно, для тебя и парасита.

МЕНЭХМЪ II.

И ты бредишь параситомъ? Да откуда онъ взялся?

ЕРОТІЯ.

Щетка-то?

МЕНЭХМЪ II.

Какая щетка? Башмаки что-ль, чистятъ ею?

ЕРОТІЯ.

Полно! Давеча съ тобой вѣдь вмѣстѣ былъ онъ, какъ дарилъ ты
Покрывало мнѣ, что̀ стибрилъ у своей супруги.

МЕНЭХМЪ II.

Что? —

У супруги покрывало я стащилъ? Тебѣ дарилъ?
Ты здорова-ли? А можетъ, ты какъ лошадь—стоя дремлешь?..

ЕРОТІЯ.

Ну, оставь свои ты плутни! Что за радость запираться? —
Дѣло сдѣлано давно ужъ!

МЕНЭХМЪ II.

Что-жъ я сдѣлалъ? Укажи!

ЕРОТІЯ.

У жены уборъ стащилъ ты и мнѣ отдалъ.

МЕНЭХМЪ II.

Никогда!

Не женатъ я, и уборовъ никакихъ нѣтъ у меня!
Отродясь ни разу не былъ здѣсь я ни ногой! Сейчасъ лишь
Съ корабля сюда пришедши, повстрѣчалъ тебя.

ЕРОТІЯ.

О боги!

Вотъ напасть! Что за корабль мнѣ ты приплелъ?

МЕНЭХМЪ II.

Что за корабль? —

Деревянный, сбитый, сшитый, длинный, крашеный, худой,
Весла книзу, мачты кверху, носъ впередъ, корма назадъ!

ЕРОТІЯ.

Ну, пошелъ-поѣхалъ! Полно вздоръ молоть! Пойдемъ за столъ!

МЕНЭХМЪ II.

Ты другого ждешь кого-то, не меня!

ЕРОТІЯ.

Какъ не тебя?
Да вѣдь ты Менэхмъ? Отецъ твой Мосхомъ звался? Вѣрно? Такъ?
Въ сицилійскихъ Сиракузахъ ты родился, гдѣ царемъ
Агатоклъ сидѣлъ сначала, послѣ — Пинтій, а за нимъ
Липаронъ; съ его кончиной Гіеронъ теперь тамъ правитъ.
Правда это?

МЕНЭХМЪ II.

Не ошиблась ты теперь.

МЕССЕНІОНЪ.

О Зевсъ! Уже-ль
И она оттуда родомъ, что тебя такъ знаетъ тонко?

ЕРОТІЯ.

А теперь идешь со мною?

МЕНЭХМЪ II.

Ну, пожалуй!

МЕССЕНІОНЪ.

Ой, останься!—
Пропадешь вѣдь ни за грошъ тамъ.

МЕНЭХМЪ II.

Ну, теперь ты помолчи!
Отойди пока къ сторонкѣ, я вотъ съ нею объяснюсь. (Мессеніонъ отходитъ).
(Въ сторону). Все въ порядкѣ! Соглашусь-ка съ этой барыней во всемъ:
Пусть попотчуетъ (Еротіи).
Съ тобою я, мой другъ, теперь нарочно
Спорилъ и шутилъ все время: вотъ боялся я кого.
(Указываетъ ей на Мессеніона).
Чтобъ женѣ не проболтался о затѣяхъ онъ моихъ.
А теперь пойдемъ, пожалуй.

ЕРОТІЯ.

Парасита подождешь?

МЕНЭХМЪ II.

А зачѣмъ? Да пропади онъ! Не пускай его къ себѣ —
Пусть останется за дверью!

ЕРОТІЯ.

Съ удовольствіемъ исполню.
Знаешь, до тебя есть просьба у меня?

МЕНЭХМЪ II.

На все готовъ!

ЕРОТІЯ.

Покрывало то, что̀ далъ ты мнѣ сегодня, отнеси
Къ мастеру: пусть перешьютъ его по вкусу моему.

МЕНЭХМЪ II.

Это дѣло! Такъ и лучше, чтобъ на улицѣ его
Не узнать моей супругѣ, коли встрѣтится съ тобой.

ЕРОТІЯ.

Ты его съ собой захватишь послѣ пира?

МЕНЭХМЪ II.

Хорошо.

ЕРОТІЯ.

Ну, идемъ.

МЕНЭХМЪ II.

Сейчасъ; вотъ только слова два ему скажу. (Еротія уходитъ).
Эй, Мессеніонъ, сюда!

МЕССЕНІОНЪ.

Что надо?

МЕНЭХМЪ II.

Береги поклажу;
Я иду туда; (указываетъ на домъ Еротія) посмотримъ, выйдетъ что изъ этой встрѣчи!

МЕССЕНІОНЪ.

Да зачѣмъ туда идти-то?

МЕНЭХМЪ II.

А затѣмъ! Молчи!

МЕССЕНІОНЪ.

Тѣмъ хуже

Для тебя!

МЕНЭХМЪ II.

Твоихъ совѣтовъ мнѣ не надобно теперь.
Видишь самъ: пожива будетъ! — На ловца и звѣрь бѣжитъ!
(Указывая на матросовъ).
Отведи-ка поскорѣе ихъ на постоялый дворъ,
А за мною непремѣнно подъ вечеръ сюда приди!

МЕССЕНІОНЪ.

Знаешь-ли, куда идешь ты?

МЕНЭХМЪ II.

Ну, довольно! Уходи!
Не твоя печаль вѣдь будетъ, коль въ просакъ я попаду;
И чего-же тутъ бояться?—Сразу видно, дура-баба!
Поживимся!
(Уходитъ).

МЕССЕНІОНЪ.

Вотъ бѣда-го!... Подожди!.. Ну, онъ пропалъ!
Сей-же часъ его подцѣпитъ тотъ разбойничій корабль.
Впрочемъ, что-жъ?!—Мое-ли дѣло быть указчикомъ ему?
Вѣдь во мнѣ слугу купилъ онъ, а не барина себѣ (Матросамъ).
Ну, идемте, чтобъ скорѣе по приказу мнѣ поспѣть (Уходятъ).

И. Х—къ.

2.

Дѣйствіе четвертое.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входитъ **Менэхмъ II**, потомъ **Матрона.**

МЕНЭХМЪ II.

Преглупо-жъ сдѣлалъ я, довѣривши кошель
И съ деньгами совсѣмъ плуту Мессеніону:
Нырнулъ куда-нибудь въ веселый онъ пріютъ.

МАТРОНА.

А посмотрѣть, нейдетъ-ли мужъ домой!
(Увидя Менэхма II).
Да вотъ онъ!
Прекрасно! Вижу я, принесъ онъ покрывало.

МЕНЭХМЪ II.

Дивлюсь я, гдѣ-то мой Мессеніонъ гуляетъ!

МАТРОНА.

Пойду-ка я къ нему да выбраню, какъ должно.
Несовѣстно тебѣ, мерзавецъ, на глаза
Являться мнѣ съ одеждой этой?

МЕНЭХМЪ II.

Что съ тобой?
Чего взбѣсилась, милая?

МАТРОНА.

Безстыдникъ!—Смѣешь
Ты ротъ свой разѣвать? Ты смѣешь говорить?

МЕНЭХМЪ II.

Да что-же сдѣлалъ я, чтобъ говорить не смѣть?

МАТРОНА.

Еще что за вопросъ, безсовѣстный злодѣй?

МЕНЭХМЪ II.

А знаешь ты, сударыня, за что Гекубу
«Собакой» греки прозвали?

МАТРОНА.

Не знаю я.

МЕНЭХМЪ II.

За то, что безъ разбору тявкала на всѣхъ
Она, ни дать, ни взять—какъ ты со мной грызешься,
На всѣхъ бросалась—вотъ и кличку получила!

МАТРОНА.

Нѣтъ больше силъ терпѣть продѣлки мнѣ такія:
Нѣтъ, лучше разойтись и вѣкъ свой одинокой
Мнѣ коротать, чѣмъ жить съ такимъ, какъ ты, злодѣемъ!

МЕНЭХМЪ II.

Да мнѣ-то что, въ замужествѣ-ли хочешь оставаться,
Иль развестись желаешь? Можетъ, здѣсь обычай,
Чтобъ къ чужестранцамъ лѣзть тотчасъ со всякимъ вздоромъ?

МАТРОНА.

Такъ это вздоръ? Нѣтъ, я ужъ больше не согласна
Терпѣть твои проказы!—Вмѣстѣ намъ не жить!

МЕНЭХМЪ II.

И не живи! Ей-ей, мнѣ это все едино!
Живи себѣ одна хоть цѣлую ты вѣчность!

МАТРОНА.

Коль такъ, клянусь, сейчасъ вотъ позову отца
И разскажу ему всѣ подвиги твои! (Слугѣ, внутрь дома).
Эй, Декіонъ! Сыщи отца и приведи
Съ собой сюда. Скажи, что очень нужно.
Узнаетъ онъ, что̀ ты надѣлалъ!

МЕНЭХМЪ II.

Ты въ умѣ-ли?
Что сдѣлалъ я?

МАТРОНА.

Мою одежду и уборы
Таскаешь изъ дому тихонько отъ жены,
Къ своимъ милашкамъ. Что? Не правду говорю?

МЕНЭХМЪ II.

Охъ! Ты совсѣмъ, ей-ей, взбѣсилась и ряхнулась! —
Ты смѣешь утверждать, что у тебя укралъ я
Тѣ вещи, что другая мнѣ препоручила?

МАТРОНА.

Да давеча вѣдь самъ ужъ въ кражѣ ты сознался, —
Теперь дразнить меня, безсовѣстный, ты вздумалъ?

МЕНЭХМЪ II.

Послушай, милая, дай мнѣ хоть зелья выпить,
Чтобъ бѣшенство твое мнѣ вынести спокойно:

Не знаю, за кого меня ты принимаешь,
А я съ тобой какъ разъ знакомъ — безъ сутокъ часъ!

МАТРОНА.

Шути, шути! Увидимъ, какъ-то посмѣешься
Ты надъ отцомъ моимъ! Вотъ онъ, взгляни назадъ!
Узналъ его? (Входитъ старикъ, отецъ матроны).

МЕНЭХМЪ II.

Калхантъ онъ сущій для меня:
Весною въ декабрѣ мы съ нимъ свели знакомство!

МАТРОНА.

Какъ? — Ни меня, ни моего отца не знаешь?..

МЕНЭХМЪ II.

Хоть дѣда притащи, скажу, ей-ей, я то-же!

МАТРОНА.

И будешь негодяй, какъ и всегда имъ былъ.

И. Х—къ.

3.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Старикъ, отецъ Матроны.

СТАРИКЪ.

Охъ! Старость — не радость! Вишь, нужное дѣло:
Бѣги тутъ, спѣши, торопись, старина!
А легкое дѣло мнѣ бѣгать, скажите?
Ужъ ноги не ходятъ! Пора на покой!
Согнулся я крюкомъ, и крѣпости прежней
Ужъ нѣтъ и въ поминѣ! Охъ, старость — не радость!
Вѣдь сколько невзгодъ ты съ собой принесешь:
Считать ихъ захочешь — во вѣкъ не сочтешь!

* *
*

Однако-жъ тревожиться я начинаю.
Что́ сталося здѣсь и зачѣмъ-бы меня
Внезапно такъ вызвала изъ дому дочка?
«Спѣши», говорятъ мнѣ, а тутъ что стряслось?

А, впрочемъ, смѣкаю и самъ я, въ чемъ штука:
Ужъ вѣрно опять поразладила съ мужемъ!
Ахъ, эти приданницы!—Кто ихъ возьметъ,
Въ свой домъ не жену — госпожу приведетъ!

* * *

То правда, и нашъ братъ не праведникъ тоже,
Не все вѣдь и женамъ терпѣть да молчать;
Но съ жалобой къ намъ пусть идутъ наши дочки
Тогда лишь, какъ мужа вина тутъ во всемъ!
Сейчасъ все узнаю. Да вотъ они оба
Стоятъ передъ домомъ, и зять мой, и дочка.
Надулася дочка, невеселъ и зять,
Ну, такъ я и думалъ: тутъ ссора опять!
Подойду къ нимъ!

МАТРОНА.

Наконецъ-то, вотъ онъ! Здравствуй, батюшка.

СТАРИКЪ.

Здравствуй, дочка! По добру-ль все, по здорову у тебя?
Что ты сердишься? Чего онъ отвернулся и надулся?
Что у васъ за перепалка приключилася вдвоемъ?
Ну? Чего не подѣлили? Поскорѣй, — кто виноватъ?

МАТРОНА.

Ни на грошъ моей вины тутъ нѣтъ, сказать тебѣ должна.
Только жить съ нимъ невтерпежъ мнѣ, и, прошу тебя, отецъ,
Увези меня отсюда!

СТАРИКЪ.

Что-жъ такъ?

МАТРОНА.

Сталъ ужъ надо мной
Издѣваться онъ!

СТАРИКЪ.

Да кто-же?

МАТРОНА.

Муженекъ мой, твой зятекъ!

СТАРИКЪ.

Ссора значитъ? А вѣдь сколько мной тебѣ говорено,
Чтобъ никто изъ васъ не думалъ съ жалобой ко мнѣ бѣжать?

МАТРОНА.

Какъ-же быть, отецъ, скажи мнѣ?

СТАРИКЪ.

Ну, еще что за вопросъ?
Коли-бъ ты была съ догадкой, такъ смекнула-бъ и сама.
Ты-жъ не хочешь, видно! Сколько разъ тебѣ я говорилъ:
Мужа слушайся! Шпіонить перестань за нимъ во всемъ!

МАТРОНА.

А вѣдь онъ себѣ знакомство тутъ завелъ!

СТАРИКЪ.

Его ужъ дѣло!
Тутъ чѣмъ больше ты ревнуешь, тѣмъ знакомство-то прочнѣй!

МАТРОНА.

Тамъ онъ пьянствуетъ!

СТАРИКЪ.

Такъ что-же? Неужель изъ-за тебя
Онъ нигдѣ и пить не долженъ? Что ему ты за указъ?
Заодно ужъ запретила-бъ въ гости ты ему ходить
И къ себѣ гостей сзывать! Ну, развѣ мужъ тебѣ слуга?
Ты-бы вздумала, пожалуй, усадить его за дѣло,
Какъ служанку, да заставить шерсть его себѣ чесать!

МАТРОНА.

Батюшка, тебя призвала я вѣдь мужа вразумить.
Что-жъ меня ты распекаешь?

СТАРИКЪ.

Если онъ въ чемъ виноватъ,
И ему я дамъ разгонку, еще лучше, чѣмъ тебѣ.
Но ужъ если наряжаетъ въ золото тебя твой мужъ,
Полной чашей домъ содержитъ—лучше, дочка, образумься!

МАТРОНА.

Да вѣдь изъ дому таскаетъ онъ уборы всѣ мои
И даритъ своимъ подружкамъ, отнимая у жены!

СТАРИКЪ.

Коли правда—это худо, если-жъ ты его напрасно
Обвиняешь, — не хвалю!

МАТРОНА.

Да видишь самъ ты у него
Покрывало и браслетъ мой, что̀ къ подружкѣ онъ стащилъ,
А теперь принесъ обратно, какъ узнала я о томъ.

СТАРИКЪ.

Вотъ сейчасъ я все узнаю — подойду и разспрошу.
Ну, Менэхмъ, скажи скорѣе, что̀ у васъ тутъ за грызня?
Что̀ ты сердишься? Надулась на тебя за что жена?

МЕНЭХМЪ II.

Кто-бъ ты ни былъ, старецъ, Зевса и боговъ всѣхъ призову
Я въ свидѣтели!..

СТАРИКЪ.

Да въ чемъ-же? Для чего и почему?

МЕНЭХМЪ II.

Въ томъ, что ничего худого ей не сдѣлалъ никогда,
Хотъ она и увѣряетъ, что у ней укралъ я платье.
Сущій вздоръ!—Въ глаза не видѣлъ я ее до этихъ поръ,
Хоть она клянется, будто я браслетъ у ней стащилъ!
Коли я сюда ногою въ жизни разъ хотя вступилъ,
Провалиться мнѣ на мѣстѣ! Ни покрышки мнѣ, ни дна!

СТАРИКЪ.

Сумасшедшій ты! Чего ты? Какъ?—Ужель въ своему дому
Ни ногой ты не былъ вовсе? Что за вздоръ ты вдругъ понесъ?

МЕНЭХМЪ II.

А по твоему, почтенный, въ этомъ домѣ я живу?

СТАРИКЪ.

Будто нѣтъ?

МЕНЭХМЪ II.

Хоть побожиться!

СТАРИКЪ.

Хоть поклясться — ты шутникъ!
Ночью, что-ли переѣхалъ?.. Дочка, подойди сюда!
Что? Убрались вы отсюда?

МАТРОНА.

Какъ? Куда, отецъ? Зачѣмъ?

СТАРИКЪ.

А почемъ мнѣ знать!

МАТРОНА.

Не видишь? — Онъ смѣется надъ тобой!
Ну, Менэхмъ, — довольно шутокъ! Можно къ дѣлу перейти!

МЕНЭХМЪ II.

Да чего ты привязалась? Ну? Откуда ты взялась?
Изъ терпѣнья, что-ль, хотите оба вывести меня?

МАТРОНА.

Ай, смотри, что съ нимъ? — Тускнѣютъ ужъ глаза, и на лицѣ
Блѣдность страшная разлилась; огоньки въ глазахъ мелькаютъ!
Батюшка, бѣда! — Никакъ, вѣдь сходитъ онъ съ ума совсѣмъ!

МЕНЭХМЪ II.

Плохо! Бѣшенымъ считаютъ полоумные меня!

МАТРОНА.

Зашатался онъ! Что дѣлать намъ теперь, скажи, отецъ?

СТАРИКЪ.

Отойди подальше, дочка, отъ него! Иди ко мнѣ!

МЕНЭХМЪ II (въ сторону).

Погоди-жъ! Меня безумнымъ вы сочли! Такъ я и въ правду
Взбѣленюсь: авось, отсюда уберетесь вы тотчасъ! (Громко).
Эй, послушай, Вакхъ! Эй, Бромій. На охоту въ лѣсъ зовешь?
Слышу я, да вотъ уйти-то не могу изъ этихъ мѣстъ!
Слѣва злющая собака караулитъ здѣсь меня,

Справа—козерогъ безшерстный, что̀ не мало погубилъ
Душъ безвинныхъ клеветою и безсовѣстнымъ враньемъ!

СТАРИКЪ.

Эй, опомнись!

МЕНЭХМЪ II.

Что̀ гласитъ мнѣ твой оракулъ, Аполлонъ?—
Слышу: факеломъ горящимъ вонъ у ней спалить глаза!

МАТРОНА.

Батюшки, бѣда! — Грозится онъ глаза мои спалить!

СТАРИКЪ.

Дочка, плохо!

МАТРОНА.

Что-жъ намъ дѣлать?

СТАРИКЪ.

Позову-ка я рабовъ:
Пусть домой его утащутъ да покрѣпче скрутятъ тамъ,
А нето — накуралеситъ!

МЕНЭХМЪ II (въ сторону).

Вотъ-те разъ! Пожалуй, вправду
Сволокутъ меня злодѣи, коли я не умудрюсь! (Громко).
Что?—Я долженъ кулаками ей всю рожу взборонить,
Коли съ глазъ не уберется къ чорту отъ меня она?
Ладно, Аполлонъ, исполню!

СТАРИКЪ (дочери).

Эй, бѣги скорѣй домой,—
Стукнетъ онъ тебя, пожалуй!

МАТРОНА.

Ухожу! А ты, отецъ,
Карауль его прилежнѣй! Вотъ напасть-то для меня! (Убѣгаетъ).

МЕНЭХМЪ II (въ сторону).

Такъ! Одна вотъ убралась ужъ. (Громко).
А поганому Тиеону,
Бородатому трясучкѣ, птичью выродку, сейчасъ,

Какъ велѣлъ ты, кости, ребра и суставы сокрушу
Той дубиной, что̀ въ рукахъ онъ держитъ.

СТАРИКЪ.

Эй, не подходи!
Худо будетъ! Тронь, попробуй! Вотъ поближе подойди!

МЕНЭХМЪ II.

Сдѣлаю, какъ повелѣлъ ты: я возьму топоръ двуострый
И тотчасъ-же старичишку раскромсаю на куски.

СТАРИКЪ.

Вотъ отъ этого, пожалуй, остеречься нужно мнѣ,
Какъ-бы онъ своей угрозы въ исполненье не привелъ.

МЕНЭХМЪ II.

Не довольно-ли приказовъ, Аполлонъ? Теперь велишь,
Бѣшеныхъ коней взнуздавши, въ колесницу мнѣ взойти
И беззубую скотину, старую на мѣстѣ смять?
Въ колесницѣ я и вожжи ужъ съ бичемъ въ рукахъ держу.
Живо, кони! Звонъ копытный пусть окрестность огласитъ,
Взвейтесь птицей, свейте въ кольца ноги быстрыя свои!
(Начинаетъ скакать).

СТАРИКЪ.

На меня ты, что-ли, скачешь?

МЕНЭХМЪ II.

Аполлонъ, опять приказъ?
На него велишь наѣхать и на мѣстѣ пришибить?
Это что?—Кто съ колесницы за вихоръ меня тащитъ,
Волю бога Аполлона, кто дерзаетъ нарушать? (Падаетъ на землю).

СТАРИКЪ.

Ужасная болѣзнь! О боги, помогите!
Какое зрѣлище я вдругъ сейчасъ увидѣлъ! —
Взбѣсился онъ, дотолѣ бывъ совсѣмъ здоровый.
Съ чего ему внезапно лихо приключилось?
Пойти скорѣй призвать врача, ему помочь. (Уходитъ).

МЕНЭХМЪ II (вставая).

Ага! Убрались оба съ глазъ моихъ долой!

Ишь вѣдь какихъ хлопотъ надѣлали, злодѣи:
Изволь для нихъ бѣситься—въ здравомъ ты умѣ!
Убраться поскорѣй до новой мнѣ бѣды! (Къ зрителямъ).
А васъ прошу я всѣхъ, когда старикъ вернется,
Не сказывать ему, куда я убѣжалъ! (Уходитъ).

И. Х—къ.

4.

Дѣйствіе пятое.

ЯВЛЕНІЕ II.

Лекарь и Старикъ.

ЛЕКАРЬ.

Ну, что здѣсь за больной? Скажи-ка мнѣ, почтенный.
Помѣшанъ онъ? Испорченъ? — Знать все должно мнѣ.
Летаргикъ, что-ли онъ? Иль отъ водянки вспухъ?

СТАРИКЪ.

Да это—отъ тебя услышать я желаю
И вылечить прошу.

ЛЕКАРЬ.

Не трудная задача:
Здоровъ онъ будетъ скоро—въ томъ тебѣ ручаюсь!

СТАРИКЪ.

Уходъ чтобы за нимъ былъ должный, позаботься!

ЛЕКАРЬ.

Уходимъ мы его, какъ должно: позабочусь!
Во вѣкъ онъ у меня потомъ не захвораетъ!

СТАРИКЪ.

Да вотъ онъ самъ!

ЛЕКАРЬ.

Посмотримъ, что онъ сотворитъ.

(Входитъ Менэхмъ I).

П. Х—къ.

5.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Менэхмъ I.

МЕНЭХМЪ I.

Дѣло скверно! Это вѣрно! Ну, денекъ мнѣ задался!
Вся затѣя расклеилась: разболталъ все параситъ;
Сколько страху и позору потерпѣлъ я за него:
«О Улисъ! За что владыку своего измучилъ ты?..»
Жить я не хочу, коль съ жизнью не простишься ты, дружокъ!
Впрочемъ, что я?—Вѣдь и такъ ужъ жизнь его совсѣмъ моя:
Мною онъ вскормленъ и вспоенъ: душу у него возьму!
Да и та плутовка, видно, тутъ хотѣла сплутовать.
Требую назадъ уборы, чтобъ къ женѣ ихъ отнести,—
Говоритъ, что отдала ужъ! Просто хоть съ ума сойти!

СТАРИКЪ (лекарю).

Слышишь?

ЛЕКАРЬ.

Да! — Съ ума сойти онъ хочетъ.

СТАРИКЪ.

Подойди къ нему.

ЛЕКАРЬ.

Здравствуй, другъ Менэхмъ! На что-же руку ты себѣ открылъ?
Знаешь-ли? — Въ твоей болѣзни это вредно для тебя.

МЕНЭХМЪ I.

Провались ты!

СТАРИКЪ.

Что? Замѣтилъ?

ЛЕКАРЬ.

Ну, еще-бы не замѣтить!
Чемерица не поможетъ тутъ, какъ вижу, ни на грошъ.
Что, Менэхмъ?

МЕНЭХМЪ I.

Ну, что?

ЛЕКАРЬ.

Отвѣть-ка ты теперь мнѣ на вопросъ:
Красное-ль вино ты любишь, или бѣлое?

МЕНЭХМЪ I.

Отстань!

ЛЕКАРЬ.

Да вѣдь цвѣтъ тутъ много значитъ!

МЕНЭХМЪ I.

Да провалъ тебя возьми!

СТАРИКЪ.

Вотъ ужъ началъ онъ бѣситься!

МЕНЭХМЪ I.

Чтобъ тебѣ еще спросить:
Что за хлѣбъ я ѣмъ: зеленый, красный или голубой?
Птицъ-ли чешуей покрытыхъ, иль пернатыхъ рыбъ?

СТАРИКЪ.

Ай, ай!
Слышишь, что онъ тутъ городитъ? Лекарь, дай ему скорѣй
Выпить что-нибудь, покамѣстъ не ряхнулся онъ въ конецъ.

ЛЕКАРЬ.

Погоди, еще спрошу я кой о чемъ.

СТАРИКЪ.

Какой несносный!

ЛЕКАРЬ (Менэхму I).

А скажи мнѣ: не таращатся-ль глаза твои когда?

МЕНЭХМЪ I.

Что?.. Не вздумалъ-ли, негодный, ракомъ ты меня считать?

ЛЕКАРЬ.

А скажи мнѣ: твой желудокъ все-ль спокоенъ остается?

МЕНЭХМЪ I.

Если полонъ, то спокоенъ, если голоденъ — рычитъ.

ЛЕКАРЬ.

Дѣльно сказано: безумный такъ отвѣтить-бы не могъ!
Спишь всегда-ль ты до разсвѣта? Засыпаешь ты легко?

МЕНЭХМЪ I.

Сплю всегда я до разсвѣта, коль изрядно угощусь,
И легко я засыпаю, коль не долженъ никому!

ЛЕКАРЬ.

Вѣрно говоришь! Покамѣстъ, вижу, въ здравомъ онъ умѣ.
Ну, еще вопросъ: а сколько будетъ этакъ дважды-два?

МЕНЭХМЪ I.

Чтобъ тебя съ твоимъ разспросомъ Зевсъ и боги всѣ сгубили!

ЛЕКАРЬ (старику).

Начинается припадокъ. Ну, теперь ты берегись!

СТАРИКЪ.

Это что! — А вотъ послушалъ ты-бъ, что̀ давеча за гиль
Онъ тутъ несъ: жену собакой бѣшеной онъ обругалъ!

МЕНЭХМЪ I.

Что я говорилъ такое?

СТАРИКЪ.

Чепуху!

МЕНЭХМЪ I.

Какъ, я?..

СТАРИКЪ.

Ну, да! —
На меня хотѣлъ наѣхать и конями растоптать.

МЕНЭХМЪ I.

Что ты бредишь?

СТАРИКЪ.

Я? Нисколько! — Говорю, что̀ видѣлъ самъ.

МЕНЭХМЪ I (въ бѣшенствѣ).

Сонъ я видѣлъ, какъ стащилъ ты у Юпитера вѣнокъ,
Самъ видалъ, какъ ты за это былъ упрятанъ подъ замокъ;

Самъ я видѣлъ, какъ въ колодкахъ ты подъ розгами плясалъ,
Самъ видалъ, какъ мать ты продалъ и отца какъ убивалъ.
Что, неправда? — Платежемъ вѣдь всякій долгъ у насъ красенъ!

СТАРИКЪ.

Эй, послушай, лекарь, дѣлай дѣло ты свое скорѣй!—
Видишь, человѣкъ взбѣсился.

ЛЕКАРЬ.

Знаешь, что всего удобнѣй? —
Сволоки ко мнѣ больного.

СТАРИКЪ.

Думаешь?

ЛЕКАРЬ.

Конечно, такъ!
Тамъ ужъ съ нимъ по-свойски справлюсь.

СТАРИКЪ.

Хорошо, пусть будетъ такъ.

ЛЕКАРЬ (Менэхму).

Чемерицу проглотаешь этакъ ты недѣльки съ три.

МЕНЭХМЪ I.

У меня ты потанцуешь этакъ съ мѣсяцъ подъ кнутомъ.

ЛЕКАРЬ (старику).

Ну, иди, зови людей ты!

СТАРИКЪ.

Сколько нужно человѣкъ?

ЛЕКАРЬ.

Сильно бѣсится онъ, вижу: приведи ужъ четверыхъ.

СТАРИКЪ.

Будутъ здѣсь. Постереги-ка ты его.

ЛЕКАРЬ.

Нѣтъ, я пойду,
Приготовлю все, что̀ нужно, дома; ты-жъ вели рабамъ
Увести ко мнѣ больного.

СТАРИКЪ.

Будетъ такъ.

ЛЕКАРЬ.

Иду.

СТАРИКЪ.

Прощай! (Оба уходятъ).

МЕНЭХМЪ I.

Тесть ушелъ, ушелъ и лекарь, я одинъ. Безсмертный Зевсъ!
Что случилось, что безумнымъ стали всѣ меня считать?
Отродясь ни дня я не былъ боленъ и теперь здоровъ;
Не безумствую, не лѣзу въ драку я ни съ кѣмъ, ни въ споръ;
Самъ здоровъ, они здоровы; не съ чужими говорю!
Сталъ у нихъ я сумасбродомъ — видно, сами не въ умѣ!
Какъ тутъ быть? Домой идти-бы — такъ жена не отопретъ;
И сюда (указывая на домъ Еротіи) никто не впуститъ. Дѣло дрянь, куда ни глянь!
Подожду-ка здѣсь: домой ужъ вѣрно къ ночи попаду.

И. Х—къ.

6.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Менэхмъ I, Мессеніонъ и Менэхмъ II.

МЕНЭХМЪ I (который, выйдя изъ дома Еротіи, говоритъ внутрь дома).

Хоть вы мнѣ перебожитесь, негодяйки, все-жъ отъ васъ
Унесу сегодня, вѣрно, покрывало и браслетъ.

МЕССЕНІОНЪ.

Боги! Что я вижу!

МЕНЭХМЪ II.

Что-же?

МЕССЕНІОНЪ.

Точно въ зеркалѣ—тебя!

МЕНЭХМЪ II.

Что такое?

МЕССЕНІОНЪ.

Какъ двѣ капли — образъ твой: вотъ, посмотри.

МЕНЭХМЪ II.

Правда! Съ нимъ сходны мы очень: на себя какъ погляжу!

МЕНЭХМЪ I (увидя Мессеніона).

Здравствуй, другъ мой и спаситель, кто-бы ты ни былъ, все равно.

МЕССЕНІОНЪ.

Юноша! Не откажися имя мнѣ свое сказать!

МЕНЭХМЪ I.

Ты не заслужилъ, любезный, въ томъ отказа отъ меня.
Ну, изволь: зовусь Менэхмомъ.

МЕНЭХМЪ II.

Да меня вѣдь такъ зовутъ!

МЕНЭХМЪ I.

Въ сицилійскихъ Сиракузахъ родился я.

МЕНЭХМЪ II.

Какъ и я!

МЕНЭХМЪ I.

Что я слышу?

МЕНЭХМЪ II.

Правду!

МЕССЕНІОНЪ (указывая на Менэхма I).

Вотъ онъ! Вотъ кому принадлежу!
Вотъ мой господинъ! А я-то вонъ подумалъ на кого!
(Указываетъ на Менэхма II).
Я съ тобой его смѣшалъ вѣдь да къ нему и приставалъ!
Ну, прости меня, коль глупость я тебѣ тогда сболтнулъ!
(Менэхму I).

МЕНЭХМЪ II.

Что ты бредишь? — Вѣдь сегодня вмѣстѣ мы сюда пришли
Съ корабля?.. Уже-ль не помнишь?

МЕССЕНІОНЪ (узнавъ Менэхма II).

Вотъ что! Дѣло ты сказалъ!

Твой я рабъ! Не онъ мой баринъ (Менэхму II). Здравствуй, ты!
(Менэхму I). А ты — прощай!
(Указывая на Менэхма II).
Вотъ кого зовутъ Менэхмомъ!

МЕНЭХМЪ I.

Нѣтъ, меня!

МЕНЭХМЪ II.

Что тутъ за притча?
Ты Менэхмъ?

МЕНЭХМЪ I.

Ну, да, конечно: Мосхомъ звался мой отецъ.

МЕНЭХМЪ II.

У тебя, знать, мой отецъ былъ?

МЕНЭХМЪ I.

Нѣтъ, свой собственный отецъ!
При тебѣ твое пусть будетъ; не желаю я его!

МЕССЕНІОНЪ.

Боги, дайте-же надеждѣ тутъ исполниться моей!
Иль жестоко заблуждаюсь, или — братья предо мной!
Родину отцовъ — все то-же назвали они сейчасъ.
Дай, покличу господина. Эй, Менэхмъ!

ОБА МЕНЭХМА.

Ну, что?

МЕССЕНІОНЪ.

Обоихъ
Не хочу; со мною вмѣстѣ кто приплылъ сюда?

МЕНЭХМЪ I.

Не я!

МЕНЭХМЪ II.

Это я!

МЕССЕНІОНЪ.

Пойдемъ къ сторонкѣ.

МЕНЭХМЪ II.

Ну, пойдемъ! Чего тебѣ?

МЕССЕНІОНЪ.

Человѣкъ тотъ — иль мошенникъ, или братъ тебѣ родной:
Сходства большаго не видѣлъ я ни разу на людяхъ;
И двѣ капли не бываютъ вѣдь сходнѣй, какъ онъ съ тобой,
Или ты съ нимъ: ту-жъ отчизну и того-же онъ отца
Самъ назвалъ. Пойдемъ да спросимъ у него мы обо всемъ.

МЕНЭХМЪ II.

Дѣльно сказано! За это благодаренъ я тебѣ!
И прошу — ужъ постарайся! Отпущу тебя на волю,
Коли въ немъ найдешь мнѣ брата.

МЕССЕНІОНЪ.

Думаю!

МЕНЭХМЪ II.

Надѣюсь, такъ!

МЕССЕНІОНЪ (Менэхму I).

Что ты скажешь? Вѣдь Менэхмомъ ты себя, кажись, назвалъ?

МЕНЭХМЪ I.

Точно такъ.

МЕССЕНІОНЪ.

Его вѣдь тоже такъ зовутъ. Въ Сициліи,
Въ Сиракузахъ ты родился — вѣдь и онъ родился тамъ.
Твой отецъ былъ Мосхъ, не правда-ль? Точно такъ—и у него,
А теперь мнѣ помогите оба вы, себѣ-жъ на пользу.

МЕНЭХМЪ I.

Помню я твою услугу: все, что хочешь, попроси!
Хоть свободенъ я, но рабски тутъ служить тебѣ готовъ.

МЕССЕНІОНЪ.

Думаю, что вы другъ въ другѣ братьевъ тутъ найти должны,
Близнецовъ, единокровныхъ, въ тотъ-же день на свѣтъ рожденныхъ.

МЕНЭХМЪ I.

Чудно дѣло! Хорошо-бы, кабы удалось тебѣ!

МЕССЕНІОНЪ.

Полагаю. А теперь вы оба мнѣ отвѣтъ держите.

МЕНЭХМЪ I.

Спрашивай, коли угодно: все отвѣчу, не смолчу.

МЕССЕНІОНЪ.

Вѣдь тебя зовутъ Менэхмомъ?

МЕНЭХМЪ I.

Правда!

МЕССЕНІОНЪ.

Такъ-же и тебя?

МЕНЭХМЪ II.

Правда!

МЕССЕНІОНЪ.

Мосхъ отецъ твой звался?

МЕНЭХМЪ I.

Такъ!

МЕНЭХМЪ II.

И мой вѣдь такъ звался!

МЕССЕНІОНЪ.

Въ Сиракузахъ ты родился?

МЕНЭХМЪ I.

Да.

МЕССЕНІОНЪ.

А ты?

МЕНЭХМЪ II.

Конечно, тамъ-же!

МЕССЕНІОНЪ.

До сихъ поръ примѣты сходны. Дальше мы теперь пойдемъ.
Что всего давнѣй ты помнишь, мнѣ скажи, на родинѣ?

МЕНЭХМЪ I.

Помню я—съ отцомъ однажды ѣздилъ на торги въ Тарентъ.
Тамъ въ толпѣ я заблудился и отца тамъ потерялъ.

МЕНЭХМЪ II.

Зевсъ! Спаси меня!

МЕССЕНІОНЪ.

Чего ты? — Помолчи, прошу тебя!
Сколькихъ лѣтъ съ отцомъ уѣхалъ изъ отчизны ты своей?

МЕНЭХМЪ I.

Лѣтъ семи: тогда впервые зубы началъ я мѣнять, —
И отца съ тѣхъ поръ не видѣлъ!

МЕССЕНІОНЪ.

Какъ? — А сколько-жъ васъ въ семьѣ
Было братьевъ?

МЕНЭХМЪ I.

Сколько помню — двое было сыновей.

МЕССЕНІОНЪ.

Кто-же старшимъ былъ?

МЕНЭХМЪ I.

Мы оба съ братомъ были однолѣтки.

МЕССЕНІОНЪ.

Какъ такъ?

МЕНЭХМЪ I.

Были близнецы мы.

МЕНЭХМЪ II.

Боги! Вами я спасенъ!

МЕССЕНІОНЪ.

Замолчи — исто я брошу!

МЕНЭХМЪ II.

Я молчу!

МЕССЕНІОНЪ.

Скажи ты мнѣ,
Имя вы одно-ль носили?

МЕНЭХМЪ I.

Нѣтъ, Менэхмомъ звался я,
Какъ и нынѣ, брата-жъ звали моего тогда Созиклъ!

МЕНЭХМЪ II.

Вѣрно все! Къ нему въ объятья полечу теперь скорѣй!
Здравствуй, братъ единокровный, здравствуй! Это — я, Созиклъ!

МЕНЭХМЪ I.

Какъ-же сталъ потомъ Менэхмомъ называться ты, скажи?

МЕНЭХМЪ II.

Какъ узнали о пропажѣ мы твоей, отецъ скончался, —
Дѣдъ перемѣнилъ мнѣ имя и твоимъ назвалъ меня.

МЕНЭХМЪ I.

Вѣрю я тебѣ. А вотъ что мнѣ отвѣть!

МЕНЭХМЪ II.

Спроси, готовъ!

МЕНЭХМЪ I.

Помнишь, мать какъ звали нашу?

МЕНЭХМЪ II.

Тевксимарха.

МЕНЭХМЪ I.

Вѣрно! такъ!
Здравствуй, братецъ мой нежданный! Здравствуй, послѣ многихъ лѣтъ,
Наконецъ-то!

МЕНЭХМЪ II.

Здравствуй! Сколько мнѣ трудовъ и бѣдъ пришлось
Перенесть, тебя искавши! Какъ-же радъ, что я нашелъ!

МЕССЕНІОНЪ (Менэхму II).

Вотъ причина, что Менэхмомъ назвала тебя тогда
Та особа: приглашала за него она — тебя.

МЕНЭХМЪ I.

Это такъ! Сегодня ужинъ заказалъ вѣдь я у ней
Отъ жены тайкомъ; изъ дому покрывало я стащилъ
И подружкѣ отдалъ!

МЕНЭХМЪ II.

Это, что въ рукахъ вотъ я держу?

МЕНЭХМЪ I.

Какъ оно къ тебѣ попало?

МЕНЭХМЪ II.

Пригласивъ меня на пиръ,
Мнѣ сказала та-жъ хозяйка, что оно — подарокъ мой.
Напился я и наѣлся вмѣстѣ съ ней да эти вещи
Получилъ отъ ней, чтобъ ей-же, передѣлавъ, возвратить.

МЕНЭХМЪ I.

Какъ я радъ, что за меня ты веселился хорошо:
Думала она меня вѣдь звать, пришлось—тебѣ попасть!

МЕССЕНІОНЪ (Менэхму II).

Что-жъ, теперь меня отпустишь ты на волю, какъ сказалъ?

МЕНЭХМЪ I.

Справедлива просьба эта: братъ, исполни для меня!

МЕНЭХМЪ II (Мессеніону).

Будь свободенъ!

МЕНЭХМЪ I.

Какъ доволенъ этимъ я, Мессеніонъ!

МЕССЕНІОНЪ.

Закрѣпить-бы нужно чѣмъ-нибудь свободу мнѣ свою.

МЕНЭХМЪ II (отдавая ему кошель).

Вотъ, возьми себѣ.

МЕССЕНІОНЪ.

Теперь ужъ сталъ свободнымъ я на вѣкъ!

МЕНЭХМЪ II.

Все пришло намъ по желанью, братъ мой! Знаешь что,—теперь
Мы на родину вернемся!

МЕНЭХМЪ I.

Братъ, согласенъ я съ тобой.
Вотъ пущу тотчасъ въ продажу все, что̀ есть. Теперь пойдемъ
Мы ко мнѣ.

МЕНЭХМЪ II.

Идемъ!

МЕССЕНІОНЪ.

Есть просьба у меня къ обоимъ вамъ.

МЕНЭХМЪ I.

Въ чемъ она?

МЕССЕНІОНЪ.

Дозвольте сдѣлать мнѣ объявку.

МЕНЭХМЪ I.

Можешь!

МЕССЕНІОНЪ.

Что-же,

Насегодня объявить мнѣ?

МЕНЭХМЪ I.

Нѣтъ, черезъ недѣлю такъ.

МЕССЕНІОНЪ (зрителямъ).

У Менэхма чрезъ недѣлю будетъ здѣсь аукціонъ:
Все пойдетъ въ продажу — слуги, скарбъ, помѣстья и дома!
Просимъ только по оцѣнкѣ намъ наличными платить,
И жена пойдетъ въ продажу, коль захочетъ кто купить.
Милліоновъ на пять хватитъ хламу тутъ по всѣмъ статьямъ!
А теперь—прощайте! Просимъ хорошенько хлопать намъ!

И. Х—къ.

V. ИЗЪ КОМЕДІИ «ХВАСТЛИВЫЙ ВОИНЪ».

1.

Дѣйствіе первое.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пиргополиникъ и Артотрогъ.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Смотрите, чтобы мой щитъ блестѣлъ чище солнца, когда лучи его жгутъ въ полуденное время,—чтобы, когда нужда случится, если будетъ война, чтобы онъ блескомъ ослѣпилъ въ бою глаза врагамъ. Хочу утѣшить я мой мечъ, чтобы онъ не плакалъ и не скорбѣлъ о томъ, что я такъ давно уже ношу его празд-

нымъ, не даю ему работы, бѣдному, когда ему такъ сильно хочется покрошить враговъ. Гдѣ-же Артотрогъ?

АРТОТРОГЪ.

Здѣсь онъ, стоитъ подлѣ мужа сильнаго и счастливаго, мужа красоты царственной, воителя, предъ которымъ самъ Марсъ не смѣлъ-бы молвить слова, или дѣла свои сравнить съ твоими.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Не тотъ-ли это, котораго я спасъ на поляхъ горгонидонскихъ, гдѣ Бомбомахидъ, Нептуновъ внукъ, былъ главнымъ полководцемъ?

АРТОТРОГЪ.

Помню, помню. Ты говоришь о томъ, что̀ былъ съ золотымъ оружіемъ, котораго полки однимъ дыханіемъ разсѣялъ ты, какъ вѣтеръ листья или солому съ крыши.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Ну, это еще ничего!

АРТОТРОГЪ.

И подлинно, что ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ я еще скажу (въ сторону), чего ты не сдѣлалъ. Если кто видѣлъ когда-нибудь человѣка лживѣе или хвастливѣе вотъ этого молодца, тотъ пусть беретъ меня себѣ; я согласенъ идти къ тому въ кабалу, коли тамъ не черезчуръ голодаютъ, сидя на одномъ несчастномъ сырѣ.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Эй, гдѣ ты?

АРТОТРОГЪ.

Вотъ онъ! Ну, да вотъ хоть какъ ты слону-то въ Индіи руку переломилъ однимъ ударомъ кулака.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Какъ? — Руку?

АРТОТРОГЪ.

То, бишь, ногу, хотѣлъ я сказать.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

А вѣдь я еще не изо всей силы ударилъ.

АРТОТРОГЪ.

Разумѣется!—Вѣдь если-бъ ты немного понатужился, рука твоя прошла-бы черезъ кожу, черезъ кишки и черезъ голову слона.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Не надо теперь объ этомъ.

АРТОТРОГЪ.

Да и не стоитъ, правда, тебѣ разсказывать-то мнѣ!—Я вѣдь знаю всѣ твои доблестные подвиги. (Въ сторону). Охъ, желудокъ причиняетъ мнѣ всѣ эти кручины: и надобно ушамъ слушать, чтобы зубамъ не пришлось попусту щелкать. Вотъ и поддакивай, что̀ ему ни вздумается соврать.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

А то знаешь, что я хочу сказать?

АРТОТРОГЪ.

А, знаю, знаю! Помню, такъ точно было это!

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Что такое?

АРТОТРОГЪ.

Все, что̀ тебѣ угодно!

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Есть у тебя дощечки?

АРТОТРОГЪ.

Нечего и спрашивать. Разумѣется, есть, и стиль есть.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Ты тотчасъ готовъ исполнить мое желаніе.

АРТОТРОГЪ.

Мнѣ слѣдуетъ характеръ твой давно ужъ знать и стараться твои желанія предупреждать.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Что-же? Ты помнишь?

АРТОТРОГЪ.

Помню, помню. Сто пятьдесятъ въ Киликіи, сто въ Крифіолатроніи, тридцать сардійцевъ, шестьдесятъ македонянъ,—всѣхъ этихъ ты въ одинъ день убилъ.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Сколько-же это всего-то?

АРТОТРОГЪ.

Семь тысячъ.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Такъ и должно быть: хорошо сосчиталъ.

АРТОТРОГЪ.

А вѣдь не написано у меня: это я такъ помню.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Славная у тебя память, право.

АРТОТРОГЪ.

Обѣды твои напоминаютъ мнѣ.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Если ты будешь всегда такимъ, какъ до сихъ поръ былъ, ты всегда будешь сытъ, всегда будешь обѣдать у меня.

АРТОТРОГЪ.

А въ Каппадокіи-то ты однимъ ударомъ убилъ было пятьсотъ, если-бы не тупъ былъ мечъ твой. Помнишь?

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Ужъ мнѣ надоѣло убивать, и я оставилъ ихъ жить.

АРТОТРОГЪ.

Да что мнѣ разсказывать тебѣ, что всѣ ужъ люди знаютъ,—что ты одинъ на землѣ Пиргополиникъ, непобѣдимой доблестью, и красотою, и славными дѣлами! Какъ женщины всѣ тебя любятъ! Да и какъ не любить такого красавца? Вотъ хоть тѣ, напримѣръ, что вчера поймали меня за плащъ.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

А что онѣ тебѣ вчера говорили?

АРТОТРОГЪ.

Да онѣ спрашивали: что это,—Ахиллей, говорятъ, съ тобою!—Нѣтъ, говорю, это братъ его. Тутъ другая: Ахъ, говоритъ, какой красивый, благородный видъ у него! Посмотри, говоритъ, какъ пристали къ нему эти длинные волосы! Ахъ, говоритъ, какъ счастливы тѣ женщины, которыя съ нимъ знакомы!

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Такъ онѣ и говорили?

АРТОТРОГЪ.

Да какъ-же не такъ-то, когда онѣ обѣ умоляли меня, чтобы я провелъ тебя сегодня мимо ихъ, какъ чудо какое?

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Это большое несчастье—быть слишкомъ красивымъ мужчиной.

АРТОТРОГЪ.

Надоѣли мнѣ: просятъ, умоляютъ, нельзя-ли какъ-нибудь тебя видѣть, къ себѣ зовутъ; мнѣ нельзя исполнять твоихъ порученій.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Но время ужъ, кажется, идти на площадь, чтобы раздать жалованье солдатамъ, которыхъ я вчера набралъ здѣсь. Царь Селевкъ очень просилъ меня, чтобъ я набралъ и нанялъ ему солдатъ. Я положилъ посвятить нынѣшній день на это.

АРТОТРОГЪ.

Ну, такъ пойдемъ.

ПИРГОПОЛИНИКЪ.

Слѣдуйте за мной, тѣлохранители.

С. Шестаковъ.

2.

Дѣйствіе второе.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сцеледръ, Палэстріонъ и Филокомасія.

ПАЛЭСТРІОНЪ (тихо къ Филокомасіи).

Смотри-же, помни мои наставленія!

ФИЛОКОМАСІЯ.

Удивительно, какъ тебѣ не надоѣло напоминать мнѣ!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Но я боюсь, достаточно-ли ты хитра.

ФИЛОКОМАСІЯ.

Подавай сюда хоть цѣлый десятокъ совсѣмъ не хитрыхъ бабъ,—я выучу ихъ хитрить! У одной меня хитрости хоть отбавляй! Ну-же, начинай свои штуки; я отойду отъ тебя! (Отходитъ въ сторону).

ПАЛЭСТРІОНЪ (подходя къ Сцеледру, весело и непринужденно).

Послушай, Сцеледръ...

СЦЕЛЕДРЪ (не мѣняя позы).

Я дѣлаю свое дѣло. У меня есть уши,—говори. Что тебѣ нужно?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Мнѣ думается, тебѣ придется сейчасъ идти за ворота, съ колодкой, въ такомъ видѣ, въ какомъ стоишь теперь!

СЦЕЛЕДРЪ.

Почему?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Взгляни-ка налѣво!.. (Указывая на Филокомасію). Что это за женщина?

СЦЕЛЕДРЪ.

Батюшки!—Да вѣдь это баринова любовница!!.

ПАЛЭСТРІОНЪ.

По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется... Теперь скажи, когда тебѣ будетъ угодно...

СЦЕЛЕДРЪ.

Что?

ПАЛЭСТРІОНЪ. (Машетъ рукой).

Ахъ, провались ты поскорѣй!

ФИЛОКОМАСІЯ. (Подходя).

А гдѣ тотъ добрый рабъ, который напрасно обвинилъ меня, невинную, въ высшей степени позорномъ преступленіи?

ПАЛЭСТРІОНЪ (указывая на Сцеледра).

Вотъ онъ, полюбуйся!—Онъ сказалъ мнѣ, что я говорилъ тебѣ!

ФИЛОКОМАСІЯ. (Къ Сцеледру).

Ты говоришь, мерзавецъ, что видѣлъ, какъ я цѣловалась здѣсь, въ домѣ сосѣда?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

И съ чужимъ молодымъ человѣкомъ, сказалъ онъ.

СЦЕЛЕДРЪ.

Сказалъ, правда.

ФИЛОКОМАСІЯ.

И ты видѣлъ меня?

СЦЕЛЕДРЪ.

Да, и — божусь — этими глазами.

ФИЛОКОМАСІЯ.

Вѣроятно, у тебя ихъ скоро не будетъ,—они видятъ больше, чѣмъ должны видѣть.

СЦЕЛЕДРЪ.

Тебѣ никогда не помѣшать мнѣ видѣть то, что̀ я видѣлъ, ей богу!

ФИЛОКОМАСІЯ.

Какъ я глупа, какая непроходимая дура,—болтаю съ эгимъ сумасшедшимъ! Право, его надо повѣсить!

СЦЕЛЕДРЪ.

Не грози: я и такъ знаю, что мнѣ суждено умереть на крестѣ, гдѣ кончили жизнь и мои предки, отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, прапрадѣдъ. Своими угрозами тебѣ не выколоть моихъ глазъ... Палэстріонъ, пожалуйста, на пару словъ (тихо): ради бога, скажи, откуда она вышла?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Откуда-же, какъ не изъ дому?

СЦЕЛЕДРЪ.

Изъ дому??

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Вѣришь мнѣ?

СЦЕЛЕДРЪ.

Тебѣ?—Вѣрю... Странно однако, какъ она могла перейти оттуда къ намъ!—Я знаю навѣрное, у насъ нѣтъ и въ поминѣ ни балкона, ни сада; окна всѣ съ рѣшетками... (Къ Филокомасіи). Что ни говори, а я навѣрное видѣлъ тебя тамъ!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Ты, мошенникъ, продолжаешь клеветать на нее? (Дѣлаетъ знакъ Филокомасіи).

ФИЛОКОМАСІЯ.

А, право, послѣ этого нельзя не сказать, что сонъ, который я видѣла сегодня ночью, сонъ этотъ—какъ разъ въ руку!..

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Какой сонъ?

ФИЛОКОМАСІЯ.

Сейчасъ разскажу. Пожалуйста, слушай внимательнѣе. Сегодня ночью мнѣ приснилось, что въ Ефесъ пріѣхала изъ Аѳинъ моя родная сестра, со своимъ любовникомъ. Оба они, какъ мнѣ снилось, остановились здѣсь, у сосѣда.

ПАЛЭСТРІОНЪ (въ сторону).

Палэстріоновъ сонъ разсказываютъ. (Громко). Продолжай.

ФИЛОКОМАСІЯ.

Я радовалась, во снѣ, пріѣзду сестры, но изъ-за нея-же, снилось мнѣ, навлекла на себя сильное подозрѣніе. Снилось мнѣ, будто одинъ рабъ сталъ обвинять меня, что я цѣловалась съ чужимъ молодымъ человѣкомъ, (къ Сцеледру) точь въ точь, какъ обвиняешь теперь меня ты,—между тѣмъ родная-то моя сестра цѣловалась... со своимъ любовникомъ! Такъ, значитъ, и снилось мнѣ, что на меня наклеветали, не разобравъ, въ чемъ дѣло...

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Не то-ли же самое дѣлается съ тобою наяву, что̀, по твоимъ словамъ, было съ тобою во снѣ? Вотъ ужъ, что называется, «сонъ въ руку!» Ей богу!... Иди теперь домой, помолись. (Указывая на Сцеледра). Мнѣ думается, объ этомъ бездѣльникѣ надо разсказать солдату.

ФИЛОКОМАСІЯ.

Обязательно. Я ни за что не позволю безнаказанно обвинять себя совершенно напрасно въ разныхъ гадостяхъ. (Уходитъ. Сцеледръ стоитъ совершенно уничтоженный).

СЦЕЛЕДРЪ (про себя).

Бѣда, что̀ я надѣлалъ! Вся спина такъ и чешется!

ПАЛЭСТРІОНЪ (подходя къ нему).

Сознаешь ты, что пропалъ?

СЦЕЛЕДРЪ.

Теперь я увѣренъ, что она дома. (Отходитъ отъ дверей Перипилекомена и становится у дверей дома Пиргополиника). Но гдѣ-бы она ни была, теперь я навѣрное стану караулить нашъ подъѣздъ.

ПАЛЭСТРІОНЪ.

И скажи, пожалуйста, Сцеледръ, какъ похожъ ея сонъ на правду,—вѣдь показалось-же тебѣ, будто ты видѣлъ, какъ она цѣловалась съ другими!

СЦЕЛЕДРЪ.

Не знаю, могу-ли я вѣрить себѣ,—съ одной стороны, я видѣлъ ее, съ другой—начинаю думать, что не видѣлъ...

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Боюсь, право,—мнѣ кажется, ты поздно берешься за умъ! Если о случившемся узнаетъ баринъ, тебѣ знатно попадетъ...

СЦЕЛЕДРЪ.

Теперь только чувствую я, что въ глазахъ у меня туманъ какой-то...

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Божусь, все давно понятно,—она все время была у насъ!

СЦЕЛЕДРЪ.

Я ни о чемъ не могу сказать съ увѣренностью: хоть я и видѣлъ ее, а все-таки не видѣлъ!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Право, ты чуть было не сгубилъ насъ своей глупостью!—Вздумалъ показать себя преданнымъ барину, а чуть было самъ не пропалъ! Чу-у, скрипнула дверь у сосѣда!.. Тсъ!.. (Изъ дверей дома Периплекомена выходитъ Филокомасія. При первыхъ звукахъ ея голоса Сцеледръ приходитъ въ движеніе, но затѣмъ остается неподвижнымъ, отъ крайняго изумленія. Палэстріонъ наблюдаетъ за нимъ съ ехидною улыбкой).

В. Алексѣевъ.

3.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же.

ФИЛОКОМАСІЯ (выходитъ изъ дома Периплекомена и обращается къ служанкѣ внутрь).

Огня на жертвенникъ! Хвалу и ладанъ аравійскій,
Душой ликуя, вознесу Діанѣ я Ефесской.
Ея покровъ средь бурныхъ волнъ морскихъ, въ Нептуна царствѣ бурномъ,
Меня отъ бѣдъ извелъ въ пути моемъ многострадальномъ.

СЦЕЛЕДРЪ.

Палэстріонъ, Палэстріонъ!!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Сцеледръ, Сцеледръ! Что надо?

СЦЕЛЕДРЪ.

Вѣдь это вышла къ намъ сейчасъ хозяйская подруга?
То Филокома, или нѣтъ?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Ей-ей, она, какъ вижу!

СЦЕЛЕДРЪ.

Вотъ чудо-то! Да какъ она сюда пролѣзть успѣла?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Она-ль, смотри?

СЦЕЛЕДРЪ.

А по тебѣ: она?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Она, конечно!

СЦЕЛЕДРЪ.

Ну, пойдемъ да спросимъ сами... Филокома!! Это что?!
Что ты тамъ забыла въ домѣ? Что за дѣло тутъ тебѣ?
Что-жъ молчишь? Тебѣ я говорю?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Ужъ видно—самъ себѣ.
Слышишь — нѣтъ отвѣта!..

СЦЕЛЕДРЪ.

Слушай ты, безстыдница! Чего
По сосѣдямъ ты шныряешь?

ФИЛОКОМАСІЯ.

Да ты съ кѣмъ-же говоришь?

СЦЕЛЕДРЪ.

Съ кѣмъ?! — Съ тобой!

ФИЛОКОМАСІЯ.

А самъ ты кто-же? И что надобно тебѣ?

СЦЕЛЕДРЪ.

Самъ я кто? Не знаешь, что-ли?

ФИЛОКОМАСІЯ.

Коли знаю, не спрошу.

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Ну, его не признаешь ты, а меня?

ФИЛОКОМАСІЯ.

Поди ты прочь!
Надоѣли оба!

СЦЕЛЕДРЪ.

Насъ не знаешь?

ФИЛОКОМАСІЯ.

Нѣтъ!

СЦЕЛЕДРЪ.

Боюсь я...

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Ну, чего?

СЦЕЛЕДРЪ.

Не растеряли-ль гдѣ-нибудь ужъ мы себя:
Видишь, мы—не мы ужъ стали у нея!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Хотѣлъ-бы знать я,
Наши мы, или чужіе? Какъ-бы тутъ сосѣдъ какой
Насъ не подмѣнилъ съ тобою втихомолку? Такъ, Сцеледръ?

СЦЕЛЕДРЪ.

Ну, ужъ я-то нашъ навѣрно!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Какъ и я!

СЦЕЛЕДРЪ (Филокомасіи).

Ну, берегись!
Слышишь, что-ль? Эй, Филокома!

ФИЛОКОМАСІЯ.

Что тебѣ? Чего ты бредишь?
Что за имя тамъ чужое мнѣ придумалъ ты?

СЦЕЛЕДРЪ.

Да ну?—
Какъ-же звать тебя?

ФИЛОКОМАСІЯ.

Гликера имя мнѣ.

СЦЕЛЕДРЪ.

Ну, полно врать!
Вотъ ужъ впрямь чужое имя, Филокома, ты взяла!
Брось! Некстати! И обиду господину въ томъ чинишь!

ФИЛОКОМАСІЯ.

Я?

СЦЕЛЕДРЪ.

Ну, да!

ФИЛОКОМАСІЯ.

Въ Ефесъ вчера лишь изъ Аѳинъ я прибыла,
Подъ вечеръ, съ аѳинскимъ другомъ молодымъ!

СЦЕЛЕДРЪ.

Скажи ты мнѣ,
Что̀ за надобность въ Ефесѣ у тебя?

ФИЛОКОМАСІЯ.

Сестра-близнецъ
Здѣсь живетъ, какъ слышно: къ ней и прибыла я!

СЦЕЛЀДРЪ.

Ты хитра!

ФИЛОКОМАСІЯ.

Ужъ скорѣй — глупа, что съ вами разговоръ я повела.
Ухожу.

СЦЕЛЕДРЪ.

Нѣтъ, стой: не пустимъ!

ФИЛОКОМАСІЯ.

Прочь!

СЦЕЛЕДРЪ.

Улики на лицо:
Не пущу!

ФИЛОКОМАСІЯ.

Какъ размахнуся, да какъ тресну я тебя,
Коль добромъ не пустишь!

СЦЕЛЕДРЪ (Палэстріону).

Что-жъ ты, чучело?—Держи ее!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Нѣтъ, шалишь! Спина своя, братъ, у меня!—А ну, на грѣхъ,
Да не Филокома это, а чужая—вся въ нее?

ФИЛОКОМАСІЯ.

Пустишь ты, иль нѣтъ?

СЦЕЛЕДРЪ.

Неволей и насильно къ намъ домой
Я стащу тебя, добромъ коль не пойдешь!

ФИЛОКОМАСІЯ.

Да здѣсь я вчужѣ:
Домъ въ Аѳинахъ мой!

СЦЕЛЕДРЪ.

А господинъ-то здѣсь!

ФИЛОКОМАСІЯ.

Да провались
Твой и домъ и съ господиномъ! Знать не знаю васъ совсѣмъ!

СЦЕЛЕДРЪ.

Хоть на судъ—готовъ! А, впрочемъ, слово дай, что вотъ сюда
(указываетъ на домъ воеводы)
Ты войдешь,—пущу, пожалуй!

ФИЛОКОМАСІЯ.

Силѣ уступить должна:
Слово дамъ! Пусти: увидишь, я войду, куда велишь!

СЦЕЛЕДРЪ.

Ну, пустилъ!

ФИЛОКОМАСІЯ.

Пустилъ? Прощай-же!

(Уходитъ въ домъ Перипликомена).

СЦЕЛЕДРЪ.

Всѣ вы на одинъ покрой!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Эхъ, Сцеледръ! Въ рукахъ вѣдь было: что-жъ зѣвалъ?— Она вѣдь это!
Наша барская подруга! Знаешь что? Скорѣй за дѣло!

СЦЕЛЕДРЪ.

За какое?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Сбѣгай за мечемъ домой!

СЦЕЛЕДРЪ.

На что тебѣ?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Въ домъ вонъ тотъ ворвусь сейчасъ-же и въ куски тамъ раскрошу
Я того, кто съ Филокомой поцѣлуется при мнѣ!

СЦЕЛЕДРЪ.

И по твоему,—она вѣдь?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Хоть поклясться!

СЦЕЛЕДРЪ.

А вѣдь какъ
Запиралась ловко!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Ну-же, мечъ давай!

СЦЕЛЕДРЪ.

Сейчасъ несу! (Уходитъ).

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Хоть храбрѣйшаго изъ храбрыхъ взять у насъ въ любомъ полку,—
И того своей отвагой баба за поясъ заткнетъ!
Видѣли?—Двопхъ какъ ловко тутъ представила она,
Въ дуракахъ какихъ остался мой товарищъ-простачекъ?
А вѣдь кстати, что въ стѣнѣ-то я лазейку смастерилъ!

(Входитъ Сцеледръ).

СЦЕЛЕДРЪ.

Эй, Палэстріонъ! меча-то и не надобно!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Какъ такъ?

СЦЕЛЕДРЪ.

Дома вонъ она!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Какъ дома?

СЦЕЛЕДРЪ.

А въ постели: спитъ себѣ!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Если такъ — плохое дѣло! Лиха нажилъ ты себѣ!

СЦЕЛЕДРЪ.

Это какъ?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

За то, что тронуть вздумалъ ты сосѣдку ту!

СЦЕЛЕДРЪ.

Вдвое страхъ береть! Родная, вижу, нашей то̀ сестра:
Ужъ не иначе!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Ея-то ты и ласку подглядѣлъ,
Дѣло ясное! Она вѣдь и была тамъ!

СЦЕЛЕДРЪ.

И какъ разъ
Я за свой доносъ пропалъ-бы!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Напредки тебѣ урокъ:
Не болтай! Слуга хорошій знать все долженъ про себя!
Ну, прощай! Съ тобой некстати быть мнѣ, вижу я, совсѣмъ:
Не по нраву кутерьма мнѣ вся твоя! Иду къ сосѣду;
Коли дома спросятъ,—здѣсь я: ты сюда за мной приди. (Уходитъ).

И. Х—къ.

VI. ИЗЪ КОМЕДІИ «СТИХЪ».

1.

Дѣйствіе первое.

ЯВЛЕНІЕ II.

Антифонтъ, Пинація и Панегириса.

АНТИФОНТЪ.

Плохой слуга тотъ, который дожидается, чтобы ему напомнили объ его обязанности, а самъ не помнитъ. Каждое первое число вы не забываете требовать мѣсячину, а въ домѣ забываете дѣлать то, что̀ нужно. Вотъ какъ я ворочусь, да не будетъ все на своемъ мѣстѣ, такъ я вамъ напомню! Точно не люди со мной живутъ! Смотри-же, чтобы все такъ и блестѣло въ домѣ, когда я ворочусь, а ворочусь скоро: только заверну къ моей старшей дочери! Если меня спросить кто, туда прибѣгите сказать, кто-нибудь; нето — я самъ скоро здѣсь буду.

ПИНАЦІЯ.

Что-же намъ дѣлать, сестра, если отецъ будетъ настаивать на своемъ?

ПАНЕГИРИСА.

Надо терпѣть.

АНТИФОНТЪ.

Если онѣ хотятъ лучше тутъ остаться, чѣмъ выйти за другихъ мужей, пусть ихъ! — Что мнѣ за нужда, на старости лѣтъ, затѣвать съ ними войну, когда онѣ не заслужили этого. Нѣтъ, я не хочу ссоры! Но вотъ что̀, я думаю, мнѣ лучше всего сдѣлать! Я думаю о томъ, какъ мнѣ начать съ ними: издалека-ли, погоньше, начать рѣчь такимъ образомъ, что я, молъ, никогда ни въ чемъ на нихъ не жаловался; что никогда, молъ, не слыхалъ, чтобы онѣ что-нибудь дурное сдѣлали?.. Такъ исподтишка, что̀-ли, или польстить, или посердитѣе? Знаю, будетъ ссора: я знаю своихъ дочерей хорошо.

ПИНАЦІЯ.

Намъ надобно, я думаю, прибѣгнуть къ просьбамъ, а упорствомъ ничего не возьмешь. Если мы будемъ просить отца о милости, то, надѣюсь, упросимъ его. Противиться ему мы не можемъ: это неприлично да и большой грѣхъ.

Этого я не сдѣлаю и тебѣ не совѣтую. Но попросить... Я знаю нашего отца, просьбами можно изъ него что̀ хочешь сдѣлать.

АНТИФОНТЪ.

Вотъ какъ сдѣлаю: покажу видъ, будто онѣ виноваты въ чемъ-нибудь, застращаю ихъ сегодня хорошенько, заведу имъ турусы на колесахъ, а тамъ послѣ и скажу, что̀ у меня на умѣ. Знаю, много словъ придется потратить. Войду въ домъ. Но дверь отворена.

ПИНАЦІЯ.

Точно голосъ отца слышала я.

ПАНЕГИРИСА.

Это онъ, клянусь Касторомъ. Предупредимъ его, побѣжимъ къ нему навстрѣчу, цѣловать его.

ПИНАЦІЯ.

Здравствуй, батюшка!

АНТИФОНТЪ.

И вы обѣ здравствуйте. Прочь, отойдите!

ПИНАЦІЯ.

Поцѣл...

АНТИФОНТЪ.

Довольно ужъ мнѣ съ вашими поцѣлуями!

ПИНАЦІЯ.

Что такое?.. Пожалуйста!.. Сядь здѣсь, батюшка.

АНТИФОНТЪ.

Не сяду тамъ; вы сидите, а я здѣсь сяду, на скамейкѣ.

ПИНАЦІЯ.

Подожди, я подушку...

АНТИФОНТЪ.

Ты слишкомъ заботишься обо мнѣ; довольно и такъ: есть на чемъ сѣсть

ПИНАЦІЯ.

Позволь, батюшка.

АНТИФОНТЪ.

Не нужно. Зачѣмъ это?

ПИНАЦІЯ.

Нужно.

АНТИФОНТЪ.

Ну, послушаюсь тебя. Теперь хорошо.

ПИНАЦІЯ.

Забота дочери о родителѣ своемъ никогда не лишняя. Кого-же намъ и почитать, какъ не тебя, батюшка, а потомъ мужей нашихъ, потому что ты хотѣлъ, чтобы мы были ихъ хозяйками.

АНТИФОНТЪ.

Вы поступаете, какъ слѣдуетъ порядочнымъ женщинамъ, дѣлая для вашихъ отсутствующихъ мужей то-же, что дѣлали-бы для нихъ тогда, когда-бы они были здѣсь.

ПИНАЦІЯ.

Долгъ и приличіе, батюшка, заставляютъ насъ уважать тѣхъ, которые взяли насъ себѣ въ подруги жизни.

АНТИФОНТЪ.

Нѣтъ-ли здѣсь кого-нибудь чужого, чтобы не подслушали нашего разговора?

ПИНАЦІЯ.

Никого нѣтъ, кромѣ насъ да тебя.

АНТИФОНТЪ.

Я хочу, чтобы вы обратили вниманіе на то, что я скажу. Я вѣдь прихожу теперь къ вамъ какъ ученикъ къ наставницамъ, — потому я не знатокъ въ женскихъ дѣлахъ и обычаяхъ. Какъ должна вести себя порядочная женщина? Скажите мнѣ только объ.

ПАНЕГИРИСА.

Что это значитъ, что ты пришелъ сюда разспрашивать о нравахъ женщинъ?

АНТРИФОНТЪ.

Я ищу жены себѣ, послѣ смерти вашей матери.

ПАНЕГИРИСА.

Хуже ея легко найдешь, батюшка, а лучше — и ты не найдешь, и солнце не видитъ.

АНТИФОНТЪ.

Но я у тебя и у сестры твоей спрашиваю.

ПАНЕГИРИСА.

Клянусь Поллукомъ, батюшка, я знаю, какъ надобно жить женщинѣ, если она такова, какъ ей быть должно, по моему мнѣнію.

АНТИФОНТЪ.

Ну, такъ вотъ я хочу знать твое мнѣніе.

ПАНЕГИРИСА.

Чтобы, когда она идетъ по городу, такъ себя держала, чтобы никто не имѣлъ права дурно сказать о ней.

АНТИФОНТЪ.

Ну, теперь ты скажи, въ свою очередь.

ПАНЕГИРИСА.

Что мнѣ сказать тебѣ, батюшка?

АНТИФОНТЪ.

Въ чемъ особенно видно, что женщина хорошаго характера?

ПИНАЦІЯ.

Въ томъ, если она воздерживаетъ себя отъ дурныхъ поступковъ тогда, когда можетъ поступать дурно.

АНТИФОНТЪ.

Это недурно. Ну, ты, другая: лучше-ли мнѣ жениться, или не жениться?

ПАНЕГИРИСА.

По моему глупому разуму, которое меньше зло изъ многихъ золъ, то и меньшее зло. Кто можетъ обойтись безъ женщины, тотъ пусть и живетъ безъ нея: всегда наканунѣ нужно остерегаться дѣлать то, въ чемъ на другой день можно раскаяться.

АНТИФОНТЪ.

Какая женщина кажется тебѣ самою умною?

ПИНАЦІЯ.

Которая не забывается въ счастіи и равнодушно умѣетъ перенести, когда ей бываетъ хуже, чѣмъ было.

АНТИФОНТЪ.

Клянусь Поллукомъ, я хорошо васъ испыталъ и вызналъ ваши мысли. Но

вотъ зачѣмъ я къ вамъ пришелъ, вотъ о чемъ хочу я поговорить съ вами обѣими. Друзья совѣтуютъ мнѣ взять васъ отсюда домой.

ПАНЕГИРИСА.

А мы, до которыхъ это дѣло касается, другое тебѣ посовѣтуемъ: батюшка, или не нужно было насъ отдавать прежде, если мужья наши тебѣ не нравились, или не слѣдуетъ разводить насъ теперь, въ ихъ отсутствіе.

АНТИФОНТЪ.

Могу-ли я, при своей жизни, допустить васъ оставаться съ мужьями нищими?

ПИНАЦІЯ.

Мнѣ и нищій мужъ мой нравится. Та-же душа и въ бѣдности, какая при богатствѣ.

АНТИФОНТЪ.

И вы уважаете наемниковъ и нищихъ людей?

ПАНЕГИРИСА.

Не деньгамъ вѣдь ты меня отдалъ, батюшка, а мужу.

АНТИФОНТЪ.

Какъ-же это?—Вы будете все ждать ихъ, когда уже три года прошло, какъ они отсюда уѣхали. Не лучше-ли вамъ перемѣнить дурное положеніе на хорошее?

ПИНАЦІЯ.

Врагъ мужу та жена, которую противъ воли отдаютъ замужъ.

АНТИФОНТЪ.

Такъ это рѣшено: ни одна изъ васъ не хочетъ исполнить волю отца?

ПАНЕГИРИСА.

Мы исполняемъ, потому что не хотимъ оставить тѣхъ мужей, за которыхъ ты насъ отдалъ.

АНТИФОНТЪ.

Прощайте. Пойду и разскажу друзьямъ ваши мысли.

ПИНАЦІЯ.

Если ты разскажешь хорошимъ людямъ, то, вѣрно, они сочтутъ насъ хорошими женщинами.

АНТИФОНТЪ.

Такъ позаботьтесь какъ можно лучше о вашихъ дѣтяхъ.

ПАНЕГИРИСА.

Вотъ это—мило! Теперь ты доброму учишь, теперь мы тебя послушаемъ. Теперь, сестра, пойдемъ домой — ко мнѣ.

ПИНАЦІЯ.

Нѣтъ, я загляну прежде домой. Если придетъ тебѣ извѣстіе отъ мужа, дай мнѣ знать, пожалуйста.

ПАНЕГИРИСА.

И я отъ тебя не скрою, и ты отъ меня не скрывай, что̀ узнаешь... Эй, Крокотія! Поди, позови ко мнѣ парасита Геласима; съ собой приведи его: я хочу послать его къ гавани, — не пришелъ-ли какой корабль изъ Азіи вчера или сегодня. Цѣлые дни, правда, сидитъ у гавани слуга; но все-таки хочу, чтобы навѣдались. Бѣги и скорѣй назадъ приходи.

С. Шестаковъ.

2.

Дѣйствіе второе.

ЯВЛЕНІЕ II.

Динакій и Геласимъ.

ДИНАКІЙ.

Меркурій, который считается вѣстникомъ Юпитера, никогда не приносилъ своему отцу такого пріятнаго извѣстія, какое я несу своей госпожѣ. Такъ сердце мое полно радости и удовольствія, что и говорить ничего не хочется спроста! Дѣйствительно, несу я удовольствіе выше всѣхъ удовольствій и пріятностей, и сердце мое изъ береговъ выходитъ радостью. Поэтому, Динакій, сдѣлай увѣщаніе ногамъ! Укрась слова дѣлами! Теперь есть тебѣ случай получить славу, похвалу, честь: помоги скорбящей госпожѣ, возвеличь заслуги твоихъ предковъ; она, бѣдная, мучится, ожидая возвращенія мужа — Епигнома. Она очень любитъ своего мужа, какъ слѣдуетъ. Теперь ты, Динакій, покажи свое проворство! Ну, какъ тебѣ хочется! Бѣги, какъ душѣ угодно! Никого ни въ грошъ не ставь! Локтями толкай съ дороги! Сдѣлай себѣ дорогу спокойною!

ГЕЛАСИМЪ.

Что это значитъ, что Динакій такъ рѣзво бѣжитъ? Удочку несетъ, корзину и крючекъ.

ДИНАКІЙ.

Но, однако-жъ, я думаю, что приличнѣе госпожѣ придти ко мнѣ съ поклономъ или послать пословъ ко мнѣ, подарки изъ золота и колесницу четвернею, чтобы везти меня: не могу вѣдь я пѣшкомъ идти. Ворочусь назадъ: я думаю, что слѣдуетъ ко мнѣ съ поклономъ придти. Или ты вздоръ думаешь? Ничего я теперь не понимаю. Такое добро несу я отъ гавани, такую великую радость, что и госпожа сама едва-ли осмѣлилась-бы пожелать этого отъ боговъ, если-бы знала. Что-же мнѣ теперь? Нести дальше самому?—Не хочу, да и не думаю, чтобы это была моя обязанность. Мнѣ кажется гораздо болѣе приличнымъ этому извѣстію, чтобы она вышла навстрѣчу, чтобы попросила меня сообщить ей это извѣстіе. Въ счастіи слѣдуетъ быть гордымъ. Но, наконецъ, какъ подумаю, какъ она можетъ знать, что я знаю это? Нѣтъ, нельзя мнѣ не пойти назадъ домой, не сказать, не выразить, не освободить госпожу отъ печали, не увеличить заслуги моихъ предковъ, а ее—не обрадовать неожиданнымъ добромъ. Унижу я всѣхъ вѣстниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, упражненіемъ въ бѣгѣ, приготовлюсь къ играмъ олимпійскимъ. Но вотъ ужъ и конецъ; коротко было разстояніе для бѣга. Жаль мнѣ. Что это?—Дверь заперта. Пойду, постучу. Отоприте поскорѣй! Отворите двери! Скорѣй! Что они тамъ прохлаждаются? Вишь, какъ я долго стою тутъ и стучу!.. Спите, что-ль, вы?.. Попробую, что̀ крѣпче—двери, или мои локти да ноги. Ужъ какъ-бы желалъ я, чтобы эти двери дали тягу отъ господина, чтобъ имъ досталось за это хорошенько. Усталъ я стучать. Вотъ-же вамъ, наконецъ.

ГЕЛАСИМЪ.

Пойду поговорю съ нимъ. Здравствуй.

ДИНАКІЙ.

Здравствуй и ты.

ГЕЛАСИМЪ.

Ты никакъ рыбакомъ сдѣлался?

ДИНАКІЙ.

Давно-ль ты не ѣлъ?

ГЕЛАСИМЪ.

Откуда ты? Что несешь? Что такъ спѣшишь?

ДИНАКІЙ.

Не заботься о томъ, что̀ до тебя не касается.

ГЕЛАСИМЪ.

Что тамъ у тебя такое?

ДИНАКІЙ.

Змѣи, которыхъ ты будешь ѣсть.

ГЕЛАСИМЪ.

Что это ты такой сердитый?

ДИНАКІЙ.

Если-бы въ тебѣ былъ стыдъ, ты не говорилъ-бы со мной.

ГЕЛАСИМЪ.

Можно узнать отъ тебя правду?

ДИНАКІЙ.

Можно: ты не будешь ужинать сегодня.

С. Шестаковъ.

3.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Панегириса.

ДИНАКІЙ [1]).

Поэтому-то и помощь скоро подана.

ПАНЕГИРИСА.

Кто говоритъ тутъ подлѣ насъ?

ДИНАКІЙ.

Динакій.

ПАНЕГИРИСА.

Гдѣ-же онъ?

---

[1]) Въ текстѣ пропускъ въ началѣ. У Плавта: Панегириса. Скажите, пожалуйста, кто это ломится ко мнѣ въ дверь?.. Гдѣ онъ? (Геласиму). Ты это дѣлаешь? Ты являешься сюда въ качествѣ врага?—Геласимъ. Здравствуй. Я пришелъ сюда по твоему приглашенію.—Панегириса. Потому-то и ломишься въ дверь.—Геласимъ. Вини въ этомъ своихъ, твои ошиблись. Я видѣлъ то, что ты не хотѣла, чтобы я видѣлъ. По крайней мѣрѣ, это должно возбудить состраданіе.

Примѣч. составителя.

ДИНАКІЙ.

Посмотри на меня, Панегириса, и оставь этого нищаго парасита.

ПАНЕГИРИСА.

Динакій...

ДИНАКІЙ.

Это имя дали мнѣ предки.

ПАНЕГИРИСА.

Что ты тутъ дѣлаешь?

ДИНАКІЙ.

Что я дѣлаю, ты спрашиваешь?

ПАНЕГИРИСА.

Какъ-же мнѣ не спрашивать.

ДИНАКІЙ.

Спрашивай, пожалуй!

ПАНЕГИРИСА.

Ты мнѣ грубишь, безстыдный! Говори сейчасъ, Динакій.

ДИНАКІЙ.

Такъ вели пустить меня тѣмъ, которые держатъ.

ПАНЕГИРИСА.

Кто тебя держитъ?

ДИНАКІЙ.

Еще спрашиваешь! — Усталость держитъ всѣ мои члены.

ПАНЕГИРИСА.

Языка, однако-жъ, я вижу, она тебѣ не держитъ.

ДИНАКІЙ.

Я такъ скоро бѣжалъ отъ гавани для тебя.

ПАНЕГИРИСА.

Что-же ты,— принесъ что-нибудь добраго?

ДИНАКІЙ.

Гораздо больше, чѣмъ ты надѣешься.

ПАНЕГИРИСА.

Оживаю!

ДИНАКІЙ.

А я погибаю, потому что усталость выпила у меня мозгъ.

ГЕЛАСИМЪ.

Что-же я то, бѣдный, у котораго отъ голода погибаетъ желудокъ?

ПАНЕГИРИСА.

Что-же ты, — видѣлъ тамъ кого-нибудь?

ДИНАКІЙ.

Многихъ.

ПАНЕГИРИСА.

А мужчину какого-нибудь?

ДИНАКІЙ.

Многихъ; но негоднѣе вотъ этого ни одного не видалъ.

ГЕЛАСИМЪ.

Какъ?.. — Давно ужъ я терплю, что онъ говоритъ со мной не такъ, какъ слѣдуетъ. Смотри, если ты меня еще разсердишь...

ДИНАКІЙ.

Клянусь Поллукомъ, ты еще болѣе голодать будешь.

ГЕЛАСИМЪ.

Постараюсь, чтобы это была неправда.

ДИНАКІЙ.

Я хочу, чтобы чисто было все: вынесите сюда метлы и тростникъ. Я истреблю всю работу пауковъ и сброшу все ихъ тканье.

ГЕЛАСИМЪ.

Бѣдные! — Имъ будетъ холодно послѣ...

ДИНАКІЙ.

Что?—Ты думаешь, что они такъ-же, какъ и ты,—съ однимъ платьемъ?.. Бери эту метлу.

ГЕЛАСИМЪ.

Возьму.

ДИНАКІЙ.

Я здѣсь, а ты тамъ мети.

ГЕЛАСИМЪ.

Хорошо.

ДИНАКІЙ.

Кто вынесетъ сюда лейку съ водою?

ГЕЛАСИМЪ.

Ну, этотъ исправляетъ эдильство, хотя никто не сдѣлалъ его эдиломъ.

ДИНАКІЙ.

Ну, ты! Скорѣй разрисовывай землю! Поливай передъ домомъ.

ГЕЛАСИМЪ.

Хорошо, сдѣлаю.

ДИНАКІЙ.

Надо, чтобы было ужъ сдѣлано. А я вотъ эту паутину сниму съ дверей и со стѣны.

ГЕЛАСИМЪ.

Клянусь Поллукомъ, хлопотливое дѣло!

ПАНЕГИРИСА.

Не знаю, что̀ это значитъ? — Ужъ не придутъ-ли гости?

ДИНАКІЙ.

Вы приготовляйте столы.

ГЕЛАСИМЪ.

Вотъ это мнѣ нравится насчетъ столовъ.

ДИНАКІЙ.

А вы дрова рубите! Вы — рыбу очистите, что̀ рыбникъ принесъ! Окорокъ готовьте!

ГЕЛАСИМЪ.

Клянусь Геркулесомъ, у этого человѣка есть смыслъ!

ПАНЕГИРИСА.

Клянусь Кастеромъ, ты не слишкомъ, кажется, слушаешься госпожи!

ДИНАКІЙ.

Напротивъ, я все брошу, если ты это прикажешь.

ПАНЕГИРИСА.

Такъ ты мнѣ разскажи, наконецъ, зачѣмъ ты посланъ былъ къ гавани.

ДИНАКІЙ.

Скажу. Когда ты меня послала къ гавани, со свѣтомъ вмѣстѣ, вотъ поднималось изъ моря лучезарное солнце. Пока я разспрашивалъ таможенныхъ, не пришелъ-ли какой корабль изъ Азіи, а они говорятъ, что не приходилъ, вижу, между тѣмъ, судно, больше котораго я, кажется, и не видывалъ. Вотъ оно, при попутномъ вѣтрѣ, съ распущенными парусами, входитъ въ гавань. Мы спрашиваемъ другъ друга, чей это корабль, что̀ везетъ? Между тѣмъ вижу я Епигнома, твоего мужа и слугу — Стиха.

ПАНЕГИРИСА.

Что-ты сказалъ? Епигномъ?

ГЕЛАСИМЪ.

Твоего мужа и мою жизнь.

ДИНАКІЙ.

Пріѣхалъ, говорю я тебѣ.

ПАНЕГИРИСА.

Ты видѣлъ его самого?

ДИНАКІЙ.

Да, и съ удовольствіемъ. Золота и серебра много привезъ...

ПАНЕГИРИСА.

Это хорошо.

ГЕЛАСИМЪ.

Клянусь Геркулесомъ, теперь возьму я вѣнокъ и подмету здѣсь съ удовольствіемъ.

ДИНАКІЙ.

Много шерсти пурпуровой.

ГЕЛАСИМЪ.

А!.. чѣмъ животъ-то мнѣ прикрыть!

ДИНАКІЙ.

Диваны изъ кости, позолоченые...

ГЕЛАСИМЪ.

По царски возлежать буду.

ДИНАКІЙ.

Потомъ вавилонскія покрывала, пурпуровые ковры. Очень много добра привезъ...

ГЕЛАСИМЪ.

Клянусь Геркулесомъ, хорошо дѣла ведены!

ДИНАКІЙ.

Потомъ флейтщицъ различныхъ привезъ съ собою, красоты удивительной.

ГЕЛАСИМЪ.

То-то-то!.. Когда выпью, поиграю. Тутъ-то я бываю очень смѣшенъ.

ДИНАКІЙ.

Потомъ мази различныхъ сортовъ...

ГЕЛАСИМЪ.

Кончено! — Не продаю остроты, не дѣлаю больше аукціона: наслѣдство мнѣ досталось. Пусть пропадутъ зложелательные изслѣдователи причинъ аукціоновъ! Геркулесъ! Поздравляю тебя: десятая часть, которую я тебѣ обѣщалъ, теперь увеличилась...

ДИНАКІЙ.

Потомъ — привезъ съ собою параситовъ...

ГЕЛАСИМЪ.

Ай!.. Пропалъ я, несчастный!..

ДИНАКІЙ.

Чрезвычайно смѣшныхъ...

ГЕЛАСИМЪ.

Клянусь Геркулесомъ, намету я на полъ сюда соръ, что̀ я было смелъ.

ПАНЕГИРИСА.

А видѣлъ-ли ты мужа сестры — Памфилиппа?

ДИНАКІЙ.

Нѣтъ.

ПАНЕГИРИСА.

Пріѣхалъ-ли онъ?

ДИНАКІЙ.

Говорили, что онъ вмѣстѣ пріѣхалъ; но я сюда поскорѣй побѣжалъ напередъ, чтобы принесть тебѣ желанное извѣстіе.

ГЕЛАСИМЪ.

Продаются теперь остроты тѣ, которыя я объявилъ было не продажными сейчасъ, и зложелатели могутъ порадоваться моему несчастію. Геркулесъ, а ты былъ-бы доволенъ мною!

ПАНЕГИРИСА.

Ступай въ домъ, Динакій, вели слугамъ приготовить мнѣ все для жертвоприношенія. Будь здоровъ.

ГЕЛАСИМЪ.

Хочешь, я помогу?

ПАНЕГИРИСА.

У меня дома слугъ довольно.

ГЕЛАСИМЪ.

Ну, Геласимъ, ты теперь—какъ сосудъ, который стоять не можетъ, если того нѣтъ, а этотъ, который прибылъ,—не поможетъ. Пойду домой, загляну въ книги, заучу лучшія остроты: если я не выгоню этихъ людей, пропалъ я совсѣмъ!

С. Шестаковъ.

VII. ИЗЪ КОМЕДІИ «ТРИНУММЪ» [1]).

1.

Дѣйствіе первое.

ЯВЛЕНІЕ II.

Мегаронидъ. Калликлъ.

КАЛЛИКЛЪ (выходя изъ дома Хармида и говоря въ дверяхъ).

Жена, укрась вѣнкомъ—домашняго пената и молись, чтобы это жилище принесло намъ счастье и благодать... (въ сторону) и чтобы я возможно скорѣе похоронилъ тебя.

МЕГАРОНИДЪ.

Это тотъ, кто, на старости, поступаетъ, какъ ребенокъ; тотъ, кто достоинъ всякаго порицанія. Заговорю съ нимъ.

---

[1]) Такъ позволяемъ мы замѣнить фантастическое заглавіе, данное этой пьесѣ переводчикомъ. *Примѣч. составителя.*

КАЛЛИКЛЪ.

Кто это говоритъ возлѣ меня?

МЕГАРОНИДЪ.

Нѣкто, любящій тебя, когда ты хорошо ведешь себя, въ противномъ-же случаѣ—твой противникъ, твой отъявленный врагъ.

КАЛЛИКЛЪ.

Здравствуй, другъ!

МЕГАРОНИДЪ.

И тебѣ того желаю. Какъ тебѣ живется и какъ жилось?

КАЛЛИКЛЪ.

Такъ, ничего себѣ.

МЕГАРОНИДЪ.

А твоя жена? Здорова-ли она?

КАЛЛИКЛЪ.

Больше, чѣмъ желательно.

МЕГАРОНИДЪ.

Хорошо, что она поправилась и осталась жива.

КАЛЛИКЛЪ.

Я нахожу, что ты даже радъ, когда мнѣ скверно.

МЕГАРОНИДЪ.

Что̀ мнѣ дано судьбою, того я желаю также всѣмъ друзьямъ.

КАЛЛИКЛЪ.

Ну, а какъ дѣла твоей жены?

МЕГАРОНИДЪ.

Она безсмертна. Она живетъ и будетъ жить.

КАЛЛИКЛЪ.

Такъ и слѣдуетъ. Буду молить небо, чтобы она пережила тебя.

МЕГАРОНИДЪ.

Да, будь это твоя жена, я-бы того-же желалъ!

КАЛЛИКЛЪ.

Не помѣняться-ли? — Я возьму твою, ты — мою.

МЕГАРОНИДЪ.

Кажется, ты хочешь меня обмануть?

КАЛЛИКЛЪ.

Тогда я навѣрное не буду обманутъ тобою.

МЕГАРОНИДЪ.

Храни, что имѣешь; надо нести свой крестъ. Возьми я чужую, я-бы не зналъ, что̀ дѣлать.

КАЛЛИКЛЪ.

Но что ты скоро узналъ-бы, за это я могу поручиться.

МЕГАРОНИДЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше живешь, тѣмъ лучше живется. Но прошу тебя оставить остроты. Я пришелъ сюда съ опредѣленнымъ намѣреніемъ.

КАЛЛИКЛЪ.

Съ какимъ?

МЕГАРОНИДЪ.

Я хотѣлъ попрекнуть тебя строго и жестоко.

КАЛЛИКЛЪ.

Меня?

МЕГАРОНИДЪ.

Кого-же здѣсь, кромѣ меня и тебя?

КАЛЛИКЛЪ.

Никого.

МЕГАРОНИДЪ.

Зачѣмъ-же ты спрашиваешь, тебя-ли это касается, если ты не полагаешь, что я мѣчу въ себя? Если на тебя напала тяжкая болѣзнь, то ты заразишь своихъ друзей, такъ что имъ непріятно будетъ слышать и видѣть тебя.

КАЛЛИКЛЪ.

Что это ты вздумалъ такъ говорить со мной?

МЕГАРОНИДЪ.

Оттого, что каждому человѣку слѣдуетъ позаботиться, чтобы быть внѣ всякаго подозрѣнія и всякой вины.

КАЛЛИКЛЪ.

Для меня невозможно только одно изъ двухъ.

МЕГАРОНИДЪ.

Почему такъ?

КАЛЛИКЛЪ.

Ты спрашиваешь? — Чтобъ быть свободнымъ отъ вины, объ этомъ я самъ забочусь; но подозрѣніе — въ рукахъ другихъ. Если-бы я заподозрилъ тебя, что ты чуть-ли не стащилъ вѣнокъ съ головы Юпитера, въ Капитоліи; если-бы даже ты этого не сдѣлалъ, но мнѣ захотѣлось-бы бросить въ тебя подозрѣніе, развѣ ты могъ-бы помѣшать мнѣ въ этомъ? Все-же я хотѣлъ-бы знать, въ чемъ дѣло?

МЕГАРОНИДЪ.

Скажи, есть у тебя такой другъ, которому ты довѣряешь и у котораго сердце на надлежащемъ мѣстѣ?

КАЛЛИКЛЪ.

Откровенно тебѣ говоря: одни мнѣ друзья, другіе — кажутся такими; но ты — изъ вѣрнѣйшихъ вѣрный. Если тебѣ извѣстно, что я совершилъ какую-либо несправедливость, и ты не говоришь мнѣ, ты достоинъ порицанія.

МЕГАРОНИДЪ.

Да, это мнѣ извѣстно, и ты могъ-бы меня укорять, если-бы я пришелъ съ другою цѣлью.

КАЛЛИКЛЪ.

Мнѣ любопытно знать, чего ты хочешь.

МЕГАРОНИДЪ.

Такъ знай-же! — Во первыхъ, въ обществѣ, говоря о тебѣ, тебя бранятъ; поговариваютъ, что ты жаденъ на постыдную корысть и, какъ хищный звѣрь, набрасываешься на всѣхъ, будь они чужіе или твои сосѣди. Слушать это про тебя — для меня ужасное мученіе.

КАЛЛИКЛЪ.

Предупредить ихъ сплетни я не въ состояніи, но уберечься отъ того, чтобы они оказались правыми, это я могу.

МЕГАРОНИДЪ.

Развѣ Хармидъ не былъ твоимъ другомъ?

КАЛЛИКЛЪ.

Онъ былъ и есть таковымъ. Могу привести тебѣ факты въ доказательство этого. Когда его сынъ промоталъ всѣ деньги, и онъ увидѣлъ себя обреченнымъ на горькую нищету, тогда, уѣзжая въ Селевкію, онъ отдалъ на мое попеченіе свою дочь, все свое состояніе и безпутнаго сына. Будь онъ мнѣ врагомъ, онъ-бы этого не сдѣлалъ.

МЕГАРОНИДЪ.

Почему-же ты не наставилъ на истинный путь — молодого человѣка, отданнаго на твое попеченіе, когда ты видѣлъ, что онъ такъ испорченъ? Ты долженъ былъ дать себѣ трудъ исправить его; тогда ты не подвергся-бы наравнѣ съ нимъ злословію цѣлаго города и не прибавилъ-бы своей вины къ его винѣ.

КАЛЛИКЛЪ.

Что-же такое я сдѣлалъ?

МЕГАРОНИДЪ.

Нѣчто очень низкое.

КАЛЛИКЛЪ.

Навѣрное нѣтъ.

МЕГАРОНИДЪ.

Развѣ ты не купилъ домъ у молодого человѣка? Ты молчишь? Вотъ этотъ домъ, въ которомъ ты живешь!

КАЛЛИКЛЪ.

Я его купилъ и заплатилъ за него 40 минъ.

МЕГАРОНИДЪ.

Ты далъ ему деньги?

КАЛЛИКЛЪ.

Точно такъ, и не жалѣю объ этомъ.

МЕГАРОНИДЪ.

Въ хорошую опеку попалъ молодой человѣкъ! Ты самъ далъ сумасшедшему въ руки мечъ, чтобы онъ могъ убить себя. Можно-ли думать иначе, когда ты

еще деньгами поддерживаешь влюбленнаго, не знающаго удержу, чтобы онъ безпечально продолжалъ свою безпутную жизнь.

КАЛЛИКЛЪ.

Такъ мнѣ слѣдовало не заплатить ему?

МЕГАРОНИДЪ.

Нѣтъ. Ты не долженъ былъ ни продавать ему, ни покупать у него, ни помочь ему опуститься еще ниже. Развѣ ты, такимъ образомъ, не самъ ввелъ его въ соблазнъ? Не выгналъ-ли ты отца, друга твоего, изъ его дома? Право, прелестно ты оправдалъ довѣріе! Если тебѣ довѣриться, смѣло можно уѣзжать.

КАЛЛИКЛЪ.

Твоими упреками ты принуждаешь меня, Мегаронидъ, довѣрить тебѣ дѣло, которое я самъ получилъ, какъ глубокую тайну, подъ печатью молчанія, — хотя я неохотно это дѣлаю.

МЕГАРОНИДЪ.

Все, что ты мнѣ довѣришь, будетъ сохранно.

КАЛЛИКЛЪ.

Такъ оглянись, не подслушалъ-бы насъ кто-нибудь. Прошу тебя, осмотрись хорошенько кругомъ!

МЕГАРОНИДЪ.

Слушаю съ нетерпѣніемъ.

КАЛЛИКЛЪ.

Если будешь молчать, то знай, что Хармидъ предъ отъѣздомъ указалъ мнѣ на кладъ, спрятанный въ одной комнатѣ этого дома. Чтобъ только никто не подслушалъ насъ!

МЕГАРОНИДЪ.

Никого нѣтъ.

КАЛЛИКЛЪ.

Тамъ 3000 филиппов [1]). Подъ большимъ секретомъ заклиналъ онъ меня моею вѣрностью, чтобы я скрылъ эту тайну отъ сына и отъ всякаго, кто могъ-бы

[1]) У переводчика какіе-то «филипперы». *Примѣч. составителя.*

выдать ее ему. Если онъ вернется благополучно, кладъ ему достанется; но если съ нимъ что случится, то я сумѣю доставить ввѣренной мнѣ дочери приданое, которое дастъ ей приличное обезпеченіе.

МЕГАРОНИДЪ.

Праведные боги! — Какъ мало словъ нужно было тебѣ, чтобы совсѣмъ преобразить меня. Съ чѣмъ я сюда пришелъ! Но продолжай такъ, какъ началъ.

КАЛЛИКЛЪ.

Можешь себѣ представить, что вся наша предусмотрительность, благоразуміе друга, моя преданность, тайна — все это чуть-ли не было осрамлено этимъ негодяемъ!

МЕГАРОНИДЪ.

Какимъ образомъ?

КАЛЛИКЛЪ.

Когда я, не подозрѣвая бѣды, отлучился на два дня въ деревню, онъ предложилъ въ продажу свой домъ.

МЕГАРОНИДЪ.

Я думаю, у него аппетитъ разыгрался. Волкъ подстерегалъ, когда заснетъ пудель, чтобы похитить у него все стадо.

КАЛЛИКЛЪ.

Онъ-бы и сдѣлалъ это, если-бы пудель не догадался. Теперь-же я хочу спросить: скажи мнѣ, какъ, по твоему, я долженъ былъ поступить въ данномъ случаѣ? — Долженъ-ли былъ я показать ему кладъ, довѣренный мнѣ на храненіе отцомъ, или я долженъ былъ допустить, чтобы посторонній сдѣлался хозяиномъ дома и получилъ-бы такимъ путемъ и деньги? Я скорѣе самъ на собственныя деньги купилъ этотъ домъ, чтобы сберечь кладъ для моего друга. Такъ обстоитъ дѣло. Дурно-ли, хорошо-ли я поступилъ, я признаюсь тебѣ, мой другъ. Вотъ тебѣ мой поступокъ, моя грязная алчность, изъ-за которой меня такъ оклеветали!

МЕГАРОНИДЪ.

Перестань! Ты видишь своего порицателя пристыженнымъ. Ротъ у меня замкнутъ, я долженъ молчать.

КАЛЛИКЛЪ.

Теперь прошу тебя не отказать мнѣ въ совѣтѣ и содѣйствіи, чтобы исполнить мой долгъ друга.

МЕГАРОНИДЪ.

Я готовъ.

КАЛЛИКЛЪ.

Гдѣ я найду тебя?

МЕГАРОНИДЪ.

Дома. Не надо-ли еще чего?

КАЛЛИКЛЪ.

Держи языкъ за зубами.

МЕГАРОНИДЪ

Разумѣется. Но... послушай!

КАЛЛИКЛЪ.

Что?

МЕГАРОНИДЪ.

Гдѣ живетъ этотъ молодой человѣкъ?

КАЛЛИКЛЪ.

Онъ выговорилъ себѣ, при продажѣ, одинъ флигелекъ.

МЕГАРОНИДЪ.

Только это мнѣ и нужно было знать. Теперь ладно. Еще одно! А дочь ты къ себѣ взялъ?

КАЛЛИКЛЪ.

Конечно, она живетъ у моей дочери.

МЕГАРОНИДЪ.

Такъ и слѣдовало.

КАЛЛИКЛЪ.

Есть у тебя еще что-нибудь на душѣ? Скажи, пока я не ушелъ.

МЕГАРОНИДЪ.

Нѣтъ. (Калликлъ уходитъ). Нѣтъ ничего на свѣтѣ глупѣе, пошлѣе, постыднѣе, ничего безобразнѣе этихъ горожанъ, этихъ гранителей мостовой. А я поставилъ себя на одну ступень съ ними, принявъ на вѣру ихъ пустую болтовню. хотятъ все знать и ничего не понимаютъ; они даже знаютъ, что у другого ѣ, знаютъ, о чемъ говорилъ Юпитеръ съ Юноной, знаютъ и то, чего нине бывало и чего нѣтъ. Справедливо-ли, или нѣтъ, они одного хвалятъ,

другого поносятъ,—объ этомъ они не безпокоятся. И всѣ они упорно утверждали, что Калликлъ весьма недостойно ведетъ себя, лишивъ юношу его имущества. А я, по глупости своей, бѣгу сюда несправедливо укорять друга, изъ-за сплетни. Если-бъ всегда можно было узнавать, откуда то или другое исходитъ, то въ случаѣ, если это окажется сплетней, надо, чтобъ сочинитель платилъ порядочный штрафъ. Это, по моему мнѣнію, необходимо для общаго блага. Тогда мало кто зналъ-бы, чего не знаетъ, и остерегся-бы отъ нелѣпыхъ пересудовъ.

С. Эйнесъ.

2.

Дѣйствіе второе.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лесбоникъ, Стасимъ и Фильтонъ.

(Лесбоникъ и Стасимъ выходятъ изъ дома Хармида. Фильтонъ остается вначалѣ незамѣченнымъ ими).

ЛЕСБОНИКЪ.

Еще нѣтъ двухъ недѣль, какъ ты получилъ за этотъ домъ отъ Калликла 40 минъ. Развѣ не такъ, Стасимъ?

СТАСИМЪ (соображая).

Кажется, должно быть такъ.

ЛЕСБОНИКЪ.

Куда онѣ дѣлись?

СТАСИМЪ.

Мы ихъ прокутили, пропили, на баню истратили. Онѣ теперь у рыбака, булочника, мясника, у повара, овощника, парикмахера. Онѣ такъ быстро исчезаютъ, какъ макъ, разсыпанный близъ муравьиной кучи.

ЛЕСБОНИКЪ.

Но на все сказанное тобою требуется не больше шести минъ.

СТАСИМЪ.

А сколько давали дѣвушкамъ?

ЛЕСБОНИКЪ.

Я это уже включилъ въ счетъ.

СТАСИМЪ.

Значитъ... что я утаилъ?

ЛЕСБОНИКЪ.

Это самая большая статья расхода.

СТАСИМЪ.

Когда постоянно берешь, то ничего не остается, если не считать своихъ денегъ неистощимыми.

ФИЛЬТОНЪ (въ сторону).

Слишкомъ поздно. Этотъ дуракъ вздумалъ, пропустивши время, потребовать отчетъ, когда деньги уже улетучились.

ЛЕСБОНИКЪ.

Все-же счетъ никакъ не сходится.

СТАСИМЪ.

Счетъ самъ по себѣ сходится, денегъ только нѣтъ. Развѣ ты не получилъ 40 минъ отъ Калликла въ уплату за свой домъ?

ЛЕСБОНИКЪ.

Оно такъ.

ФИЛЬТОНЪ (въ сторону).

Оказывается, что сватъ продалъ свой домъ, и будущее жилище отца будетъ у воротъ. Если ему захочется въ свой домъ, пускай лѣзетъ въ желудокъ сына.

СТАСИМЪ.

Мѣнялѣ Олимпику ты заплатилъ 100 драхмъ, занесенныя въ счетъ.

ЛЕСБОНИКЪ.

Ага, за которыя я поручился!

СТАСИМЪ.

Да, ты поручился за того молодого человѣка, который считался богачемъ.

ЛЕСБОНИКЪ.

Совершенно вѣрно.

СТАСИМЪ.

Не правда-ли, эти деньги ушли?

ЛЕСБОНИКЪ.

И это правда; я видѣлъ его въ нуждѣ; мнѣ стало жаль его.

ФИЛЬТОНЪ (выступая).

Заговорю съ нимъ.

ЛЕСБОНИКЪ.

Не Фильтонъ-ли идетъ сюда?

СТАСИМЪ (въ сторону).

Точно такъ, онъ самый. Клянусь небомъ, съ удовольствіемъ хотѣлъ-бы я имѣть его своимъ рабомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ принесъ съ собою все свое состояніе.

ФИЛЬТОНЪ.

Господину Лесбонику и его рабу — Фильтонъ — свидѣтельствую свое нижайшее почтеніе.

ЛЕСБОНИКЪ.

Да исполнятъ боги всѣ твои желанія! Какъ поживаетъ сынъ твой?

ФИЛЬТОНЪ.

Онъ тебѣ кланяется.

ЛЕСБОНИКЪ.

И мы ему кланяемся.

СТАСИМЪ.

Ко мнѣ это не относится; какъ онъ себѣ хочетъ. Онъ можетъ дѣлать, что угодно. Я тоже хотѣлъ-бы быть свободнымъ; но моя воля не имѣетъ значенія. Онъ (указывая на своего господина) хотѣлъ-бы быть степеннымъ, но напрасно, — остается при одномъ желаніи.

ФИЛЬТОНЪ.

Сынъ мой посылаетъ меня къ тебѣ, чтобы завязать между нами узы родства. Онъ проситъ въ жены твою сестру; я съ нимъ согласенъ и прошу о томъ-же.

ЛЕСБОНИКЪ (послѣ короткой паузы).

Это на тебя не похоже. Ты, должно быть, хочешь насмѣхаться надъ моимъ несчастіемъ?

ФИЛЬТОНЪ.

Я человѣкъ, ты — тоже; беру Юпитера въ свидѣтели, что я не пришелъ

смѣяться надъ тобою. О чемъ я тебѣ говорилъ, просилъ меня сегодня мой сынъ,— чтобы я за него сватлъ твою сестру.

ЛЕСБОНИКЪ.

Я лучше другихъ знаю, каковы мои дѣла; эта партія неподходящая для обѣихъ сторонъ. Поэтому совѣтую вамъ искать другого родства.

СТАСИМЪ.

Въ своемъ-ли ты умѣ? Въ разумѣ-ли ты, что отказываешься отъ такого предложенія? Клянусь Вѣрностью, ты-бы здѣсь пріобрѣлъ себѣ друга, который выручилъ-бы тебя изъ нужды!

ЛЕСБОНИКЪ.

Уйдешь ты сейчасъ?

СТАСИМЪ.

Когда я желаю этого, тогда ты не допускаешь.

ЛЕСБОНИКЪ.

Фильтонъ, тебѣ еще что-нибудь угодно?—Я кончилъ.

ФИЛЬТОНЪ.

Надѣюсь, Лесбоникъ, что въ будущемъ ты окажешься болѣе склоннымъ исполнить мое желаніе, потому-что жить вздорно и говорить вздоръ тебѣ, Лесбоникъ, не послужитъ въ пользу.

СТАСИМЪ.

Этотъ человѣкъ правъ.

ЛЕСБОНИКЪ.

Я тебѣ глаза выцарапаю, если еще хоть слово брякнешь.

СТАСИМЪ.

И всетаки я буду говорить, и если ужъ иначе нельзя, то я и слѣпой буду говорить.

ФИЛЬТОНЪ.

Такъ ты думаешь, что непроходима пропасть, раздѣляющая наши состоянія?

ЛЕСБОНИКЪ.

Я такого мнѣнія.

ФИЛЬТОНЪ.

Какъ-же это? Предположимъ, что ты явился въ домъ во время обѣда. Хозяинъ дома богатъ. Если изъ того, что̀ подается, что-либо понравится тебѣ, будешь-ли ты ѣсть, или будешь сидѣть голодный?

ЛЕСБОНИКЪ.

Буду ѣсть, если онъ не запретитъ.

СТАСИМЪ.

А я—даже если онъ запретитъ. Я-бы ѣлъ, уплетая за обѣ щеки, охотнѣе проглатывая то, что ему самому нравится. Я-бы ничего не уступилъ изъ того, что̀ мнѣ нужно для существованія. Никто не долженъ стѣсняться за столомъ. Здѣсь на картѣ—самые высшіе интересы.

ФИЛЬТОНЪ (смѣясь).

Ты попалъ въ самую суть.

СТАСИМЪ.

Да, я тебѣ серьезно это говорю: я уступлю ему дорогу при встрѣчѣ, оставлю за нимъ всякій почетъ, но что̀ относится къ моему желудку, я не уступлю ему до тѣхъ поръ, пока онъ не употребитъ насилія. Свободный столъ—въ настоящее время рѣдкая находка.

ФИЛЬТОНЪ.

Помни, Лесбоникъ, всегда одно: хорошо было-бы, чтобъ ты былъ самый лучшій; но если этого нельзя, то примкни къ лучшимъ. Я желалъ-бы, чтобы ты не пренебрегъ союзомъ, который я тебѣ предложилъ. Предоставь богамъ быть богатыми и сильными, — это имъ такъ идетъ — но мы лишь жалкіе люди, и, чуть искорка нашего духа погаснетъ, мы спускаемся въ адъ равными, были-ли мы прежде нищими, или богачами.

СТАСИМЪ (въ сторону).

Ты-бы радъ взять туда съ собою свои деньги, но разъ ты будешь мертвъ, то будешь имъ вполнѣ.

ФИЛЬТОНЪ.

Чтобы ты убѣдился, что здѣсь дѣло идетъ не только о деньгахъ и что мы цѣнимъ твою благосклонность, я прошу руку твоей сестры — безъ приданаго. Пусть будетъ въ добрый часъ! Ну, какъ-же? Ты молчишь?

СТАСИМЪ.

О вѣчные боги! Какое предложеніе! Слушай-же!

ФИЛЬТОНЪ.

Говори-же: «Небо да благословитъ! Я согласенъ».

СТАСИМЪ.

Когда «я согласенъ» было ему во вредъ, тогда онъ это говорилъ. Гдѣ нужно, — онъ это не можетъ произнести.

ЛЕСБОНИКЪ.

Благодарю васъ сердечно за то, что считаете меня достойнымъ вашего родства, но, хотя я, по своему легкомыслію, обнищалъ, у меня еще есть подгородное имѣніе. Пусть оно будетъ приданымъ для моей сестры. Это — единственное изъ всего моего состоянія, что̀ мнѣ осталось, кромѣ жизни.

ФИЛЬТОНЪ (отказываясь).

Я вѣдь приданаго не прошу.

ЛЕСБОНИКЪ (рѣшительно).

Иначе нельзя.

СТАСИМЪ.

Что̀, господинъ? — Ты намѣреваешься лишить насъ единственной нашей кормилицы? Остерегись! Что-же мы тогда будемъ жрать?

ЛЕСБОНИКЪ.

Ты не успокоишься? — Развѣ я долженъ отдавать тебѣ отчетъ?

СТАСИМЪ (въ сторону).

О горе! — Съ нами все кончено. Погоди, мнѣ что-то пришло въ голову. (Къ Фильтону). Пожалуйста, Фильтонъ...

ФИЛЬТОНЪ.

Что угодно, Стасимъ?

СТАСИМЪ.

Поди сюда въ сторону.

ФИЛЬТОНЪ.

Хорошо.

СТАСИМЪ.

То, что я тебѣ сообщу, скрывай отъ него и ото всѣхъ.

ФИЛЬТОНЪ.

Говори смѣло.

СТАСИМЪ.

Именемъ всѣхъ боговъ, не думай пріобрѣсти это имѣніе ни себѣ, ни твоему сыну. Слушай, какія у меня на это основанія.

ФИЛЬТОНЪ (принимая серьезный видъ).

Съ удовольствіемъ.

СТАСИМЪ.

Во-первыхъ, при вспахиваніи поля, на каждой пятой бороздѣ скотъ падаетъ замертво.

ФИЛЬТОНЪ.

Убирайся!

СТАСИМЪ (съ жаромъ).

Въ нашемъ имѣніи находятся врата ада. Затѣмъ, виноградъ гніетъ на лозѣ, до созрѣванія.

ЛЕСБОНИКЪ (наблюдая обоихъ, въ сторону).

Боюсь, онъ его отговоритъ. Хотя онъ плутъ, но мнѣ очень преданъ.

СТАСИМЪ.

Такъ слушай-же дальше. Когда вездѣ большой урожай, ты получаешь только третью часть сѣмянъ.

ФИЛЬТОНЪ.

Эй, эй! пускай тамъ сѣютъ дурные нравы, если такимъ образомъ можно отъ нихъ избавиться.

СТАСИМЪ.

Ни у кого изъ владѣльцевъ этого имѣнія, сколько-бы ихъ ни было, дѣла не были сколько-нибудь сносны: одни должны были бѣжать, другіе скоро умирали, а иные вѣшались. А теперешній владѣлецъ до какой крайности дошелъ!

ФИЛЬТОНЪ.

Убирайся ты со своимъ имѣніемъ!

СТАСИМЪ.

Выслушай все, и твое отвращеніе еще возрастетъ. Молнія тамъ ударяла въ каждое второе дерево. Свиньи мрутъ отъ жабы, овцы — лысы, вотъ какъ моя ладонь. Затѣмъ, изъ сирійцевъ, самаго выносливаго народа, никто тамъ не выживаетъ больше 6-ти мѣсяцевъ: всѣ умираютъ отъ солнечнаго удара.

ФИЛЬТОНЪ.

Вѣрно; но кампанцы превосходятъ сирійцевъ въ выносливости. Но, по всему, что ты мнѣ говоришь, это такое имѣніе, куда государству слѣдовало-бы прогнать всѣхъ негодяевъ. Точно такъ, какъ объ Островахъ Счастливцевъ говорятъ, что туда собираются всѣ почтенные старики; такъ и въ это имѣніе должны быть собраны всѣ злые, если все это дѣйствительно правда.

СТАСИМЪ.

Это жилище бѣдствій. Что тебѣ еще прибавить?—Всѣхъ бѣдъ тамъ наживешь!

ФИЛЬТОНЪ (смѣясь).

Тебѣ-бы и не только тамъ!

СТАСИМЪ (вспыхнувъ).

Смотри ты у меня (поправляясь), чтобы ты меня не выдалъ.

ФИЛЬТОНЪ.

Можешь быть увѣренъ, останется тайной.

СТАСИМЪ.

Натурально, онъ очень желаетъ избавиться отъ него, если найдетъ, кому навязать его.

ФИЛЬТОНЪ.

Моимъ оно никогда не будетъ.

СТАСИМЪ.

Такъ-то очень умно (въ сторону). Ловко, какъ обошелъ старика съ имѣніемъ! — Намъ-бы не чѣмъ было жить, если-бъ мы его потеряли.

ФИЛЬТОНЪ (къ Лесбонику).

Я опять къ тебѣ.

ЛЕСБОНИКЪ.

Скажи мнѣ, пожалуйста, о чемъ это онъ съ тобой...

ФИЛЬТОНЪ (въ сторону).

Что̀ изъ этого выйдетъ? (Къ Лесбонику). Онъ хочетъ получить свободу; но денегъ у него нѣтъ.

ЛЕСБОНИКЪ.

Я-бы радъ быть богатымъ; но одного желанія мало.

СТАСИМЪ.

Прежде слѣдовало тебѣ этого желать, теперь уже поздно.

ЛЕСБОНИКЪ.

Что такое, Стасимъ?

СТАСИМЪ.

Я отвѣтилъ на твои слова, что у тебя это желаніе поздно явилось.

ФИЛЬТОНЪ.

Что будетъ съ приданымъ, это ко мнѣ не относится. Поговори объ этомъ съ моимъ сыномъ. Теперь я только прошу руку твоей сестры для моего сына и желалъ-бы счастливаго успѣха. Ты еще думаешь?

ЛЕСБОНИКЪ.

Ну, такъ да благословитъ небо! Я согласенъ.

ФИЛЬТОНЪ.

Никто не былъ такъ осчастливленъ рожденіемъ сына, какъ я твоимъ словомъ «согласенъ».

СТАСИМЪ.

Да пошлетъ вамъ небо благословеніе!

ФИЛЬТОНЪ.

Да сбудется все это! Ну, Лесбоникъ, пойдемъ со мною, назначимъ день и обсудимъ все прочее.

ЛЕСБОНИКЪ.

Ступай, Стасимъ, къ Калликлу и къ моей сестрѣ, разскажи имъ, какъ все это случилось.

СТАСИМЪ.

Слушаюсь.

ЛЕСБОНИКЪ.

Пожелай моей сестрѣ счастья.

СТАСИМЪ.

И это могу.

ЛЕСБОНИКЪ.

Скажи Калликлу, чтобы онъ ко мнѣ пожаловалъ.

СТАСИМЪ.

Ступай-же!

ЛЕСБОНИКЪ.

Пусть онъ подумаетъ, какъ быть съ приданымъ.

СТАСИМЪ.

Такъ иди-же!

ЛЕСБОНИКЪ.

Безъ приданаго я не выдамъ.

СТАСИМЪ.

Иди-же себѣ!

ЛЕСБОНИКЪ.

Она не должна пострадать, если...

СТАСИМЪ.

Ну, иди, иди!

ЛЕСБОНИКЪ.

Если я легкомысленъ былъ...

СТАСИМЪ.

Да, иди-же!

ЛЕСБОНИКЪ.

Во всякомъ случаѣ, было-бы справедливо, чтобы мой промахъ...

СТАСИМЪ.

Иди-же!

ЛЕСБОНИКЪ.

Чтобы я самъ искупилъ.

СТАСИМЪ.

Да убирайся-же!

ЛЕСБОНИКЪ.

О отецъ! Увижу-ли я тебя когда-нибудь?!

СТАСИМЪ.

Такъ иди-же, иди-же, иди!

ЛЕСБОНИКЪ.

Иду. Дѣлай то, что̀ я тебѣ приказалъ; я сейчасъ вернусь. (Фильтонъ и Лесбоникъ уходятъ).

С. Эйгесъ.

3.

Дѣйствіе четвертое.

ЯВЛЕНІЕ II.

Хармидъ. Скоморохъ въ смѣшномъ чужестранномъ костюмѣ.

СКОМОРОХЪ.

Этотъ день я хочу назвать «трехгрошовымъ»; я нанялся сегодня за три гроша на эту кукольную комедію. Пришелъ я сюда изъ Селевкіи, Азіи и Аравіи, гдѣ моя нога никогда не была и которыхъ я никогда въ глаза не видалъ. Да, бѣдность доводитъ людей до жалкихъ дѣлъ: такъ, я обязанъ за три гроша говорить, что вотъ эти два письма я получилъ отъ человѣка, котораго я въ жизни не видалъ, о которомъ я даже не знаю, живъ-ли онъ.

ХАРМИДЪ.

Онъ такъ покрытъ своей шляпой, что напоминаетъ грибъ. Онъ, должно быть, изъ Иллиріи, что̀ видно по костюму.

СКОМОРОХЪ.

Когда мой наемщикъ договаривался со мной, то пригласилъ меня къ себѣ на домъ, сказалъ, чего отъ меня требуетъ, и объяснялъ мнѣ, какъ мнѣ себя вести. Если къ этому я накину еще кое-что, то наемщикъ мой будетъ тѣмъ болѣе мною доволенъ. Что̀, если-бъ я еще украсилъ серебромъ этотъ надѣтый на меня костюмъ? Все это онъ взялъ у хорага на свой собственный рискъ. Если я его надую, на этотъ костюмъ, который онъ занялъ для меня, то онъ убѣдится, что я вполнѣ скоморохъ.

ХАРМИДЪ.

Этотъ человѣкъ все меньше и меньше нравится мнѣ. Было-бы чудомъ, если-бы онъ не оказался ночной птицей или карманорѣзомъ. Онъ осматриваетъ мѣстность, шпіонитъ вокругъ дома: навѣрное, производитъ рекогносцировку, гдѣ-бы ему что стащить. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ наблюдать за тѣмъ, что̀ онъ тутъ затѣваетъ.

СКОМОРОХЪ.

Это — то мѣсто, которое мнѣ указалъ мой наемщикъ; въ этомъ домѣ надо пустить въ ходъ мои фокусы. Постучусь.

ХАРМИДЪ.

Онъ прямо направляется къ нашему дому. Неужели мнѣ тотчасъ по прибытіи — стеречь свой домъ и дворъ?

СКОМОРОХЪ (стучится въ домъ Хармида).

Отворите, отворите! Эй! Развѣ у воротъ никого нѣтъ?

ХАРМИДЪ (выступая).

Молодой человѣкъ, что̀ тебѣ нужно? Зачѣмъ ты стучишь?

СКОМОРОХЪ.

Ге, ге, старина, я желалъ-бы знать, гдѣ здѣсь живетъ молодой Лесбоникъ, а также другой такой-же старый хрычъ, какъ ты самъ? Калликломъ его зовутъ, сказалъ мнѣ пославшій меня.

ХАРМИДЪ (въ сторону).

Такъ онъ ищетъ Лесбоника, моего сына, и моего друга, Калликла, которому я довѣрилъ своихъ дѣтей и все свое добро.

СКОМОРОХЪ.

Скажи мнѣ, дѣдушка, не знаешь-ли ты, гдѣ они живутъ?

ХАРМИДЪ.

Для чего они тебѣ? Кто ты? Откуда ты явился?

СКОМОРОХЪ.

Это слишкомъ много заразъ! Съ чего-же мнѣ начать? Если хочешь спрашивать спокойно, одно за другимъ, ладно, тогда ты узнаешь мое имя, мои скитанія, мое занятіе.

ХАРМИДЪ.

Прекрасно! Ну, давай! Скажи мнѣ сначала, какъ тебя зовутъ?

СКОМОРОХЪ.

Слишкомъ многое требуешь.

ХАРМИДЪ.

Какъ такъ?

СКОМОРОХЪ.

Такъ, дѣдушка, если ты начнешь мое имя до зари, то не успѣешь кончить его до ночи.

ХАРМИДЪ.

Э, тогда слѣдуетъ заранѣе обзавестись путевыми издержками!

СКОМОРОХЪ.

У меня есть другое имя, маленькое, въ полкружку пива.

ХАРМИДЪ.

Такъ какъ-же тебя зовутъ, сынокъ?

СКОМОРОХЪ.

Хапъ; это мое имя для домашняго обихода.

ХАРМИДЪ.

Ну, это имя плутовское, будто, хапъ, и все, что̀ тебѣ довѣрили, разомъ исчезло. (Въ сторону). Это мошенникъ безподобный. (Къ Скомороху). Слушай, любезный молодой человѣкъ...

СКОМОРОХЪ.

Что скажешь?

ХАРМИДЪ.

Скажи мнѣ, что̀ тебѣ нужно отъ тѣхъ людей, которыхъ ты здѣсь ищешь.

СКОМОРОХЪ.

Отецъ того молодого человѣка далъ мнѣ эти письма. Онъ мой пріятель.

ХАРМИДЪ (въ сторону).

Дѣло какъ на ладони!—Я давалъ ему письма! Постой, тебѣ не сдобровать!

СКОМОРОХЪ.

Если будешь слушать, то могу продолжать.

ХАРМИДЪ.

Я весь вниманіе.

СКОМОРОХЪ.

Вотъ это письмо я долженъ передать его сыну, Лесбонику, а другое письмо его другу Калликлу. Такъ онъ мнѣ поручилъ.

ХАРМИДЪ (въ сторону).

Ужъ если онъ хочетъ плутовать, то я отплачу той-же монетой. (Къ Скомороху). Онъ самъ далъ тебѣ письма?

СКОМОРОХЪ.

Своими руками мнѣ въ руки.

ХАРМИДЪ.

Каковъ онъ собою на видъ?

СКОМОРОХЪ.

На полтора фута выше тебя.

ХАРМИДЪ (въ сторону).

Удивительно, что я на чужбинѣ выше, чѣмъ дома. (Къ Скомороху). Знаешь-ли ты его?

СКОМОРОХЪ.

Смѣшной вопросъ! — Я ежедневно обѣдаю съ нимъ.

ХАРМИДЪ.

А какъ его зовутъ?

СКОМОРОХЪ (послѣ небольшой паузы, изворачиваясь).

По правдѣ, какъ честный человѣкъ?

ХАРМИДЪ.

Желалъ-бы знать!

СКОМОРОХЪ.

Но его зовутъ... зовутъ... зовутъ... О проклятіе!

ХАРМИДЪ.

Ну, что-жъ?

СКОМОРОХЪ.

Только что проглотилъ это имя.

ХАРМИДЪ.

Не хорошо прятать за зубами—своихъ друзей.

СКОМОРОХЪ (вспоминая).

Только что оно было у меня на языкѣ.

ХАРМИДЪ (въ сторону).

Теперь я его поймалъ!

СКОМОРОХЪ (въ сторону).

Онъ видитъ меня насквозь!

ХАРМИДЪ.

Вспомнилъ имя?

СКОМОРОХЪ (въ сторону).

О, мнѣ стыдно неба и земли!

ХАРМИДЪ (съ усмѣшкой).

Вотъ видишь, какъ ты хорошо зналъ его!

СКОМОРОХЪ (съ жаромъ).

Какъ самого себя! Но такъ бываетъ: что имѣешь въ рукахъ и передъ глазами,—то прежде всего забывается. Но я его сейчасъ вспомню; оно начинается буквою К.

ХАРМИДЪ.

Каллій?

СКОМОРОХЪ.

Нѣтъ.

ХАРМИДЪ.

Каллиппъ?

СКОМОРОХЪ.

Тоже нѣтъ.

ХАРМИДЪ.

Каллиникъ?

СКОМОРОХЪ.

И то нѣтъ!

ХАРМИДЪ.

Каллимахъ?

СКОМОРОХЪ.

Ничуть! А, въ сущности, мнѣ все равно, знаю-ли я.

ХАРМИДЪ.

Но Лесбониковъ здѣсь много; какъ-же я могу указать тебѣ настоящаго, когда ты не знаешь, какъ зовутъ его отца? Какъ, приблизительно хоть, его имя, чтобы можно было догадаться?

СКОМОРОХЪ.

Какъ будто Хар.....

ХАРМИДЪ.

Харетъ? [1]) Или Хармидъ?

---

[1]) Переводъ изобилуетъ сокращеніями и пропусками. Такъ здѣсь послѣ «Харетъ» слѣдуетъ: «Или Хариклъ?» *Примѣч. составителя.*

СКОМОРОХЪ (съ жаромъ, перебивая).

Да, да, Хармидъ; такъ точно, онъ, чортъ его возьми!

ХАРМИДЪ.

Что ты сказалъ?—Такъ бранить своего друга, какъ ты, не подобаетъ.

СКОМОРОХЪ.

Развѣ эта каналья не торчитъ у меня всѣ время на языкѣ?

ХАРМИДЪ.

Не брани-же такъ отсутствующаго друга.

СКОМОРОХЪ.

Зачѣмъ этотъ негодяй запрятался?

ХАРМИДЪ.

Вѣдь онъ тебѣ отозвался, какъ только ты назвалъ его по имени. Но гдѣ онъ находится?

СКОМОРОХЪ.

Я его оставилъ въ Радамѣ, странѣ обезьянъ.

ХАРМИДЪ (въ сторону).

Не олухъ-ли я, что спрашиваю, гдѣ я? Но ничего! (Къ Скомороху). Послушай, разскажешь ты мнѣ, гдѣ ты бывалъ?

СКОМОРОХЪ.

Много приключеній со мною было.

ХАРМИДЪ.

Я-бы хотѣлъ послушать, если тебѣ не трудно.

СКОМОРОХЪ.

Напротивъ! Прежде всего, спустились мы по Черному морю въ Аравію.

ХАРМИДЪ.

Развѣ она лежитъ у Чернаго моря?

СКОМОРОХЪ.

Не та, гдѣ растетъ ладанъ, а та, гдѣ растетъ курчавая мята и петрушка.

ХАРМИДЪ (въ сторону).

Это тонкій плутъ! Очень глупо спрашивать его о томъ, что самъ знаю, и

чего онъ не можетъ знать; но любопытно видѣть, какъ онъ выпутается изъ западни! (Къ Скомороху). Скажи, куда направился ты потомъ?

СКОМОРОХЪ.

Если тебѣ хочется послушать, скажу: къ источнику рѣки, вытекающей изъ трона Юпитера.

ХАРМИДЪ.

Изъ трона Юпитера?

СКОМОРОХЪ.

Такъ говорю.

ХАРМИДЪ.

Съ неба?

СКОМОРОХЪ.

Какъ разъ оттуда.

ХАРМИДЪ.

Развѣ ты поднимался на небо?

СКОМОРОХЪ.

Да, мы въ гондолѣ поднялись вверхъ по рѣкѣ.

ХАРМИДЪ.

Ты и Юпитера видѣлъ?

СКОМОРОХЪ.

Нѣтъ: другіе боги сказали, что онъ теперь на дачѣ, а затѣмъ...

ХАРМИДЪ (нетерпѣливо).

А затѣмъ я хочу, чтобы ты, наконецъ, замолкъ.

СКОМОРОХЪ.

Я молчу, если тебѣ такъ нравится.

ХАРМИДЪ.

Надо думать, что тотъ нахалъ, — кто съ земли подымается на небо.

СКОМОРОХЪ.

Повидимому, ты Ганимеда не долюбливаешь. Но скажи-же, гдѣ мнѣ найти тѣхъ, кому я долженъ передать письма?

ХАРМИДЪ.

Но что ты скажешь, если вдругъ увидишь того самаго Хармида, который, по твоимъ словамъ, поручилъ тебѣ передать эти письма? Узна́ешь-ли ты его?

СКОМОРОХЪ.

За кого-же ты меня принимаешь?—Чтобы я не узналъ того, кто всегда былъ моимъ компаньономъ? Или ты считаешь его такимъ дуракомъ, чтобы онъ вдругъ повѣрилъ мнѣ 1000 золотыхъ филипповъ для передачи сыну и другу, которому онъ довѣрилъ свой домъ? Развѣ онъ повѣрилъ-бы мнѣ ихъ, не зная меня хорошенько?

ХАРМИДЪ (въ сторону).

Теперь я сплутовалъ-бы съ этимъ плутомъ, если-бъ удалось выманить у него эти 1000 филипповъ, которые будто я далъ ему. Я не повѣрилъ-бы денегъ тому, кого я не знаю, кого я никогда не видалъ и кто ни за что въ жизни не получилъ-бы у меня мѣднаго гроша. Надо его перехитрить. (Къ Скомороху). Эй, Хапъ, еще три слова!

СКОМОРОХЪ.

Хоть триста.

ХАРМИДЪ.

При тебѣ золото, полученное отъ Хармида?

СКОМОРОХЪ.

Разумѣется,—тысяча филипповъ, которые онъ отсчиталъ мнѣ на столѣ.

ХАРМИДЪ.

И это былъ самъ Хармидъ, у кого ты ихъ получилъ?

СКОМОРОХЪ.

Ужъ ни въ какомъ случаѣ не его умершій дѣдъ или прадѣдъ.

ХАРМИДЪ.

Молодой человѣкъ, такъ отдай мнѣ золото.

СКОМОРОХЪ.

Какое тебѣ надобно золото?

ХАРМИДЪ.

Которое, по твоимъ словамъ, ты отъ меня получилъ.

СКОМОРОХЪ.

Я... отъ тебя?

ХАРМИДЪ.

Да, безъ сомнѣнія.

СКОМОРОХЪ.

А кто-же ты такой?

ХАРМИДЪ.

Тотъ, кто тебѣ далъ 1000 монетъ, — Хармидъ.

СКОМОРОХЪ.

По отношенію къ золоту ты не тотъ и не будешь тѣмъ. Убирайся, мошенникъ, ты хочешь обмошенничать мошенника!

ХАРМИДЪ.

Я Хармидъ!

СКОМОРОХЪ.

Я тебя обманулъ: у меня нѣтъ золота. Однако, хитро подстерегъ ты меня, улучивъ удобную минуту. Чуть я проговорился, что привезъ съ собою золото, тотчасъ ты сталъ Хармидомъ. Какъ ты захармидился, такъ ты и расхармидься.

ХАРМИДЪ.

Но кто-же я, если я — не я?

СКОМОРОХЪ.

Это мнѣ все равно. Не будь только тѣмъ, чѣмъ я не желаю. Впрочемъ, будь чѣмъ хочешь.

ХАРМИДЪ.

Итакъ, давай!

СКОМОРОХЪ.

Что?

ХАРМИДЪ.

Давай сюда золото.

СКОМОРОХЪ.

Не въ бреду-ли ты, старикъ?

ХАРМИДЪ.

Вѣдь ты признаешь, что Хармидъ далъ тебѣ золото?

СКОМОРОХЪ (указывая на письма).

Но только писанное.

ХАРМИДЪ (съ яростью).

Хочешь ты, мошенникъ, немедленно убраться отсюда? Или мнѣ позаботиться, чтобъ тебя приколотили?

СКОМОРОХЪ.

А за что?

ХАРМИДЪ.

Я самъ тотъ Хармидъ, про котораго ты лжешь, будто онъ тебѣ далъ письма.

СКОМОРОХЪ (послѣ короткаго размышленія).

Скажи, пожалуйста, такъ это ты?

ХАРМИДЪ.

Да, это я!

СКОМОРОХЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, самъ?

ХАРМИДЪ.

Да, въ самомъ дѣлѣ.

СКОМОРОХЪ.

Это ты самъ?

ХАРМИДЪ.

Хармидъ, говорю.

СКОМОРОХЪ.

Самъ?

ХАРМИДЪ.

Самъ наисобственной персоной! Уберешься-ли ты, наконецъ, отсюда?

СКОМОРОХЪ.

Такъ какъ ты поздно явился, то колотить слѣдуетъ — тебя, если судить по-моему и по приказу новыхъ эдиловъ.

ХАРМИДЪ.

Ты еще бранишься!

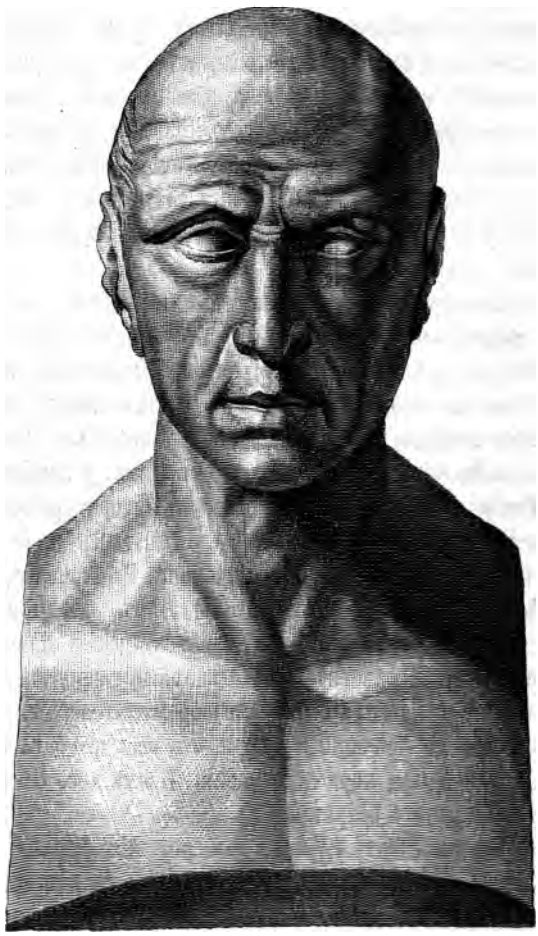
СКОМОРОХЪ.

Хотя ты счастливо прибылъ, но, чертъ меня возьми, огорчился-бы я, если-бъ ты давнымъ давно провалился. Теперь свои деньги я получилъ, а тебѣ желаю всякихъ напастей. Впрочемъ, я и волоска не пожертвую ради того, чтобы узнать, тотъ-ли ты, или не тотъ. Зато пусть тотъ, кто далъ мнѣ 3 гроша, узнаетъ, что онъ далъ мнѣ ихъ даромъ. А ты пропади и прощай! Пусть-бы чертъ тебя побралъ при твоемъ пріѣздѣ, Хармидушка! (Уходитъ).

С. Эйгесъ.

ТЕРЕНЦІЙ.

Единственнымъ источникомъ для жизнеописанія Теренція служитъ его біографія, помѣщенная Светоніемъ въ книгѣ его «De poetis». Біографія эта до-



П. ТЕРЕНЦІЙ.
По древнему бюсту.

шла до насъ въ сокращенной компиляціи Доната въ его комментаріи къ Теренцію.

Публій Теренцій Афръ родился въ Карѳагенѣ въ 185 г., почти въ годъ смерти Плавта. На африканское его происхожденіе указываетъ самое его прозвище. Взятый въ плѣнъ, вѣроятно, нумидійцами, во время ихъ набѣговъ на карѳагенскія владѣнія, онъ былъ проданъ римлянамъ и поступилъ въ домъ сенатора Теренція Лукана въ качествѣ раба. Прельщенный его умомъ и красотою, Теренцій далъ ему прекрасное воспитаніе и, позже, отпустилъ на волю.

Во время жизни въ Римѣ Теренцій былъ принятъ въ лучшемъ римскомъ обществѣ Палатинскаго квартала и успѣлъ сблизиться съ знаменитымъ Цэціліемъ Стаціемъ,—которому онъ долженъ былъ прочесть, по требованію эдиловъ, свою первую комедію,—съ Сципіономъ Африканскимъ Младшимъ и Г. Лэліемъ, его другомъ. Въ кружкѣ Лэлія Теренцій могъ встрѣтить Л. Фурія Фила, Спурія Муммія, брата разрушителя Коринѳа, и сатирика Луцилія; изъ грековъ—историка Полибія и философа Панэтія.

По словамъ біографа Теренція, отношенія послѣдняго къ его литературнымъ друзьямъ набросили даже тѣнь на его репутацію. Судя по стихамъ Порція Лицина, цитируемымъ у Светонія, аристократическіе друзья Теренція не помогли однако ему въ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Но, повидимому, онъ жилъ довольно безбѣдно. По крайней мѣрѣ, у него было 20 югеровъ земли подъ садами, въ очень близкомъ разстояніи отъ Рима, у Аппіевой дороги.

Въ 159 г. Теренцій отправился въ Грецію съ литературною цѣлью, успѣвъ уже снискать себѣ извѣстность драматурга, такъ какъ имъ было написано шесть комедій, сохранившихся до нашего времени. Въ Аркадіи, въ Стимфалѣ, Теренцій заболѣлъ и умеръ. По другимъ извѣстіямъ, онъ утонулъ въ бурю у береговъ Левкадіи, по дорогѣ въ Римъ, куда везъ десять комедій, переведенныхъ имъ изъ Менандра. Наконецъ, третье извѣстіе говоритъ, что онъ уѣхалъ въ Грецію, спасаясь отъ клеветъ своихъ недоброжелателей, или-же изъ любознательности, и умеръ на Левкадіи, съ горя, что весь его багажъ и литературныя сокровища погибли при кораблекрушеніи. Послѣ него осталась дочь, вышедшая потомъ за римскаго всадника.

По Светонію, Теренцій былъ слабаго тѣлосложенія, брюнетъ, средняго роста, со смуглымъ цвѣтомъ лица. Портретъ его находится въ одной старинной ватиканской рукописи IX столѣтія и на медальонѣ, хранящемся въ Готѣ. Въ 1826 г. найденъ былъ его бюстъ съ комической маской на правомъ плечѣ. Тонкія черты лица ничего не говорятъ однако объ его восточномъ происхожденіи. Бюстъ этотъ хранится въ Капитолійскомъ музеѣ.

Литературное наслѣдство отъ Теренція не велико—имъ написано всего шесть комедій: Andria, представленная на 19-мъ году жизни поэта, Несуга, Heauton

timorumenos, Eunuchus, Phormio и Adelphi. Все это талантливо написанныя вещи, кромѣ слабой Несуга. Ихъ несомнѣнныя литературныя достоинства и подали поводъ къ сплетнѣ, распущенной, вѣроятно, изъ зависти современными Теренцію поэтами, будто въ писаніи пьесъ ему помогали Сципіонъ и Лэлій. Самъ поэтъ не только не обращалъ на это никакого вниманія, но какъ будто даже намекалъ косвенно на справедливость слуховъ подобнаго рода.

Выдержанностью характеровъ и легкимъ, изящнымъ языкомъ, навлекшимъ на Теренція подозрѣніе въ плагіатѣ, языкомъ высшаго общества, въ которомъ вращался Теренцій, комедіи его стоятъ выше Плавтовыхъ, но по силѣ юмора и комизма, неподдѣльной свѣжести и живости дѣйствія, тонкости композиціи и оригинальности—далеко уступаютъ имъ.

Онъ годенъ скорѣй для жизни, нежели для сцены. При томъ, Теренцій остается вѣрнымъ и тщательнымъ переводчикомъ греческихъ образцовъ, не отступающимъ отъ нихъ даже въ незначительныхъ подробностяхъ и въ ситуаціи. Онъ самъ хвалится, что буквально держится своихъ оригиналовъ, съ умысломъ избѣгая всѣхъ намековъ на римскую жизнь. Даже заглавія его пьесъ чисто греческія. Работалъ онъ болѣе подъ вліяніемъ рефлексіи. Онъ очевидно чувствовалъ слабость своего дарованія, скромные размѣры своей творческой силы. Пьесы его могутъ называться лучше нашими драмами, нежели комедіями. Комедіи его сочинены по образцамъ новѣйшей аттической комедіи, благодаря чему мы можемъ составить о ней ясное представленіе. Главнымъ образомъ онъ пользовался Менандромъ,—4 пьесы—за что Цезарь, въ шутку, назвалъ Теренція «полу-Менандромъ», и Аполлодоромъ. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы при составленіи комедіи Теренцій бралъ одну какую-либо комедію, напротивъ, для живости и разнообразія, онъ компилировалъ нѣсколько ихъ, заимствуя изъ нихъ отдѣльныя сцены и лица и дѣлая это съ замѣчательнымъ искусствомъ.

Теренцій имѣлъ въ виду не массу, а образованную публику, поэтому въ его комедіяхъ мы видимъ стремленіе къ изящному. Во всемъ замѣтны слѣды греческаго образованія, даже въ характерахъ его комедій и страсти къ размышленію. И по сюжетамъ, и по языку, говоритъ Моммзенъ, Плавтъ вращался въ трактирахъ, Теренцій—въ благопристойной сферѣ домашней жизни. У Теренція или вовсе не встрѣчаются, или встрѣчаются въ улучшенномъ видѣ Плавтовскія площадныя сцены, въ которыхъ являются дѣйствующими лицами очень развязныя, но чрезвычайно любезныя молодыя дѣвушки съ ихъ неразлучными сводниками, гремящіе своимъ оружіемъ наемные солдаты и съ особымъ юморомъ обрисованные холопы, для которыхъ служитъ кровлей потолокъ

подвала и которымъ предназначено судьбой умирать подъ плетью. У Плавта мы, вообще, имѣемъ дѣло съ людьми, которые начинаютъ нисходить или даже низошли на степень сволочи, а у Теренція, напротивъ того, мы постоянно находимся въ средѣ порядочныхъ людей. Если-же у него и случается, что сводникъ молодыхъ дѣвушекъ ограбленъ или-же что молодого человѣка заводятъ, въ домъ публичныхъ женщинъ, то это дѣлается съ нравственною цѣлью, какъ напримѣръ, изъ братской привязанности, или съ намѣреніемъ внушить мальчику отвращеніе къ притонамъ разврата. Въ Плавтовскихъ комедіяхъ постоянно замѣтна филистерская оппозиція кабака противъ семейной сферы: жена постоянно унижается въ утѣху тѣхъ мужчинъ, которые временно сбрасываютъ съ себя брачныя узы и не вполнѣ увѣрены, что найдутъ у себя дома любезный пріемъ. Въ комедіяхъ Теренція господствуетъ не болѣе нравственное, а болѣе пристойное воззрѣніе на женскую натуру и на супружескую жизнь; онѣ всегда оканчиваются согласной съ требованіями нравственности свадьбой или даже двумя такими свадьбами,—вѣдь и Менандра хвалили за то, что у него обольщеніе дѣвушки всегда заглаживается свадьбой. Столь часто встрѣчающееся у Менандра восхваленіе безбрачной жизни повторяется и у его подражателя, но съ характеристической робостью; напротивъ того, въ комедіяхъ «Евнухъ» и «Андрянка» очень привлекательно описаны и влюбленный со своими сердечными страданіями, и нѣжный супругъ у кровати новорожденнаго ребенка, и любящая сестра у постели умирающаго брата, а въ «Тещѣ» даже появляется въ концѣ комедіи, въ качествѣ ангела-избавителя, добродѣтельная публичная женщина. Но ея характеръ обрисованъ совершенно въ духѣ Менандра, и она была справедливо освистана римской публикой. У Плавта отцы выводятся на сцену обыкновенно только для того, чтобы ихъ дурачили и осмѣивали сыновья; у Теренція, въ комедіи «Мучитель самого себя», погибающаго сына исправляетъ отцовская мудрость, а такъ какъ Теренцій, вообще, на все смотрѣлъ глазами хорошаго педагога, то въ лучшей изъ его комедій, въ «Братьяхъ», все вертится на томъ, чтобы отыскать настоящую середину между слишкомъ либеральнымъ воспитаніемъ дяди и слишкомъ строгимъ отцовскимъ воспитаніемъ. Плавтъ писалъ для толпы и вкладывалъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ глумленіе надъ богами, насколько это допускалось театральной цензурой; напротивъ того, Теренцій постоянно старался нравиться хорошимъ людямъ и, подобно Менандру, никого не оскорблять. Это не могло нравиться народу, и не удивительно, что, при представленіи комедіи «Несуга», онъ выбѣжалъ изъ театра, гдѣ шла пьеса Теренція, чтобы посмотрѣть на представленіе канатныхъ плясуновъ и бой гладіаторовъ. Пьесы его ставились еще на

сценѣ спустя нѣсколько десятилѣтій послѣ его смерти, но не могли долго продержаться въ репертуарѣ. Зато онъ продолжалъ оставаться любимцемъ высшаго класса и такихъ писателей, какъ Афраній, Цицеронъ, Варронъ или Цезарь, постоянно читавшихъ и дитировавшихъ его. Въ школьное употребленіе пьесы его были введены еще въ древности. Такъ-же рано начали его комментировать, что̀ не прекращалось даже въ Средніе вѣка и во время реформаціи. Съ Теренціемъ закончился классическій періодъ римской комедіи.

Библіографія. Андрянка. Пер. Д. Подгурскій. (Подъ заглавіемъ «Андріанка», «Труды Кіев. Дух. Академіи» 1873. IV—V, VIII и XI). Тоже. Пер. С. Николаевъ. (Подъ заглавіемъ «Переселенка съ острова Андроса» «Пантеонъ Литературы» 1893, декабрь).—Каратель самаго (sic) себя. Пер. А. Резоали. Кіевъ 1862. Тоже. Пер. А. Деллень. Харьковъ, 1879. («Записки Харьковскаго Университета» 1878—9. Т. I.).—Братья. Пер. М. П. П—скій· («Извѣстія и Учен. Зап. Казанск. Университета. 1873 №№ 2—3).

I. ИЗЪ КОМЕДІИ «АНДРЯНКА».

1.

Дѣйствіе второе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Харинъ, Биррій и Памфилъ.

ХАРИНЪ (въ сторону, въ полголоса, увидавъ вошедшаго Памфила).

Но здѣсь и Памфилъ, какъ вижу я. Итакъ, прежде чѣмъ погибать мнѣ, рѣшусь испытать все, чтобы не жаловаться потомъ на самого себя.

БИРРІЙ (тоже въ сторону).

Что онъ это говоритъ?

ХАРИНЪ (въ сторону).

Я стану просить его самого; брошусь предъ нимъ на колѣна, открою̀сь ему въ любви своей: надѣюсь упросить его, чтобы, по крайней мѣрѣ, онъ отложилъ на нѣсколько дней эту свадьбу, а, между тѣмъ, авось, обстоятельства перемѣнятся.

БИРРІЙ (въ сторону).

Эти обстоятельства ничего добраго не принесутъ тебѣ.

ХАРИНЪ (обращаясь къ Биррію, рабу своему).

Биррій, какъ тебѣ кажется, не пойти-ли мнѣ къ нему?

БИРРІЙ.

Почему не такъ?.. Развѣ для того, чтобы (если не удастся тебѣ упросить его, а онъ, между тѣмъ, женится) навесть его на мысль, что ты готовишься приставить ему рога!

ХАРИНЪ.

Убирайся ты отсюда къ черту, негодяй, съ такимъ подозрѣніемъ своимъ!

ПАМФИЛЪ (подходя къ Харину).

Что я вижу? Это ты, Харинъ? Здравствуй!

ХАРИНЪ.

О, здравствуй, Памфилъ! А я спѣшу къ тебѣ просить у тебя совѣта, помощи, спасенія.

ПАМФИЛЪ.

Право, мнѣ теперь не до того,—я самъ нуждаюсь во всемъ этомъ: и въ совѣтѣ, и въ помощи, и въ спасеніи. А, впрочемъ,—въ чемъ у тебя дѣло?

ХАРИНЪ.

Ты сегодня женишься?

ПАМФИЛЪ.

Говорятъ.

ХАРИНЪ.

Памфилъ, если это такъ, то въ послѣдній разъ видишь ты меня теперь.

ПАМФИЛЪ.

Отчего-же это?

ХАРИНЪ.

О, какъ мнѣ тяжело! Лучше-бы и не спрашивалъ ты меня!—Боюсь высказаться предъ тобою (обращается къ Биррію). Биррій, услужи мнѣ на этотъ разъ, прошу тебя, объяснись съ моимъ Памфиломъ вмѣсто меня!

БИРРІЙ.

Почему-же не услужить? Охотно! Я разскажу обо всемъ.

ПАМФИЛЪ.

Да въ чемъ-же дѣло?

БИРРІЙ (обращаясь къ Памфилу и указывая на Харина).

Этотъ господинъ мой влюбился въ вашу невѣсту.

ПАМФИЛЪ (сперва къ Бирріо).

Увѣрь-же его, что мы съ нимъ на этотъ разъ совершенно расходимся и въ мысляхъ, и въ чувствахъ! (Потомъ къ самому Хариву). Однако, скажи мнѣ, Харинъ, не было-ли у тебя съ нею другихъ какихъ дѣлъ?

ХАРИНЪ.

Ахъ, Памфилъ, никакихъ!

ПАМФИЛЪ (въ сторону, къ зрителямъ).

А какъ-бы я желалъ этого!

ХАРИНЪ.

Теперь я тебя умоляю и заклинаю нашею дружбою и любовію, прежде всего, чтобы ты не женился на ней.

ПАМФИЛЪ.

Даю тебѣ слово, что употреблю все стараніе.

ХАРИНЪ.

А если тебѣ этого невозможно сдѣлать, или этотъ бракъ тебѣ по сердцу...

ПАМФИЛЪ.

По сердцу?!..

ХАРИНЪ.

По крайней мѣрѣ, отложи свадьбу на нѣсколько дней, пока я уѣду куда нибудь, чтобы мнѣ не видать ея...

ПАМФИЛЪ.

Такъ пойми-же меня, наконецъ, Харинъ! Я никакъ не считаю дѣломъ благороднаго человѣка требовать себѣ благодарности тамъ, гдѣ онъ не заслужилъ ея. Знай-же, что я болѣе желаю избавиться отъ этой женитьбы, чѣмъ ты—достигнуть ее!

ХАРИНЪ.

Теперь ты успокоилъ меня.

ПАМФИЛЪ.

Итакъ, дѣлайте со своимъ Бирріемъ, выдумывайте, изобрѣтайте, пускайте въ ходъ все, что только можете, чтобы жениться на ней, а я употреблю, съ своей стороны, всѣ средства, чтобы мнѣ не жениться на ней.

ХАРИНЪ.

О, какъ я доволенъ!

ПАМФИЛЪ.

Кстати, и Давъ идетъ сюда; я вполнѣ полагаюсь на его умъ и надѣюсь на него.

ХАРИНЪ (къ Биррію).

А ты, Биррій, право, ничего мнѣ путнаго не скажешь, развѣ только то, въ чемъ мнѣ нѣтъ никакой надобности и чего я вовсе не желалъ-бы слышать. Не лучше-ли тебѣ убраться отсюда?

БИРРІЙ.

Ну, такъ! — Я и радъ этому. (Уходитъ).

Д. Подгурскій.

2.

Дѣйствіе четвертое.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хреметъ, Мисида и Давъ.

ХРЕМЕТЪ.

Вотъ я и возвращаюсь, сдѣлавъ необходимыя распоряженія къ свадьбѣ дочки. Остается приказать послать за ней. (Замѣчая ребенка) Что это такое?.. Ого, да это ребенокъ?!. (Къ Мисидѣ). Милая, это ты положила его?...

МИСИДА (безпокойно смотритъ по сторонамъ, ища глазами Дава. Тихо).

Гдѣ-же онъ?

ХРЕМЕТЪ.

Ты мнѣ не отвѣчаешь?

МИСИДА (продолжая).

Нигдѣ рѣшительно не видно. Пропала я!—Онъ ушелъ, бросивъ меня одну!

ДАВЪ (дѣлая видъ, что не замѣчаетъ Хремета).

Ба! Что за толкотня на площади! Сколько народу спорятъ тамъ! Должно быть, хлѣбъ въ цѣнѣ... (Тихо, къ публикѣ). Что говорить дальше, не знаю...

МИСИДА (къ Даву).

Скажи пожалуйста, зачѣмъ ты здѣсь меня одну ..

ДАВЪ (перебивая и указывая на ребенка).

Гм! Это что за исторія? Эй, Мисида, откуда этотъ ребенокъ или кто принесъ его сюда?

МИСИДА.

Въ своемъ ты умѣ, задавая мнѣ подобные вопросы?

ДАВЪ.

Кого-же мнѣ спрашивать, разъ я не вижу здѣсь никого другого?

ХРЕМЕТЪ (про себя).

Удивительно, откуда взялся онъ!..

ДАВЪ (сердито).

Станешь ты отвѣчать на мой вопросъ?!

МИСИДА (испуганно).

Ай!

ДАВЪ (громко).

Перейди на правую сторону.

МИСИДА.

Съ ума сошелъ?—Не ты-ли самъ...

ДАВЪ.

Если ты отвѣтишь мнѣ хоть одно слово не на мой вопросъ,—берегись!.. Вздоръ болтаешь, откуда онъ. Говори громче!

МИСИДА.

Отъ насъ...

ДАВЪ.

Отлично! Что-жъ удивительнаго, если такъ поступила негодяйка!

ХРЕМЕТЪ (про себя).

Повидимому, это прислуга андрянки...

ДАВЪ (къ Мисидѣ).

Неужели, по вашему, надъ нами можно смѣяться такъ нахально?

ХРЕМЕТЪ (про себя).

Я пришелъ какъ разъ во время.

ДАВЪ (громко къ Мисидѣ).

Вонъ отъ нашихъ дверей со своимъ ребенкомъ! Живѣй! (Тихо). Оставайся! Смотри, отнюдь не уходи отсюда!

МИСИДА.

Накажи тебя богъ,—такъ пугаешь ты меня, бѣдняжку!

ДАВЪ (громко).

Тебѣ-ли говорятъ, или нѣтъ?

МИСИДА.

Что тебѣ нужно?

ДАВЪ.

Еще спрашиваешь? Скажи, пожалуйста, чьего ребенка положила ты здѣсь? Отвѣчай.

МИСИДА.

Ты не знаешь?..

ДАВЪ.

Оставь, что̀ я знаю. Отвѣчай на мой вопросъ.

МИСИДА.

Вашего.

ДАВЪ.

Кого-же изъ насъ?

МИСИДА.

Памфила.

ХРЕМЕТЪ (про себя).

Гм!

ДАВЪ.

Какъ, Памфила?

МИСИДА.

Развѣ-жъ неправда?

ХРЕМЕТЪ (про себя).

Не даромъ я всегда былъ противъ этой свадьбы... (Давъ, въ изумленіи, всплескиваетъ руками. Пауза).

ДАВЪ.

Этого поступка нельзя оставлять безнаказаннымъ!

МИСИДА.

Что ты раскричался?

ДАВЪ.

Развѣ я не видѣлъ вчера, какъ его принесли въ сумеркахъ къ вамъ?

МИСИДА.

Ахъ ты, нахалъ!

ДАВЪ.

Право! Я видѣлъ, какъ Кантара принесла его подъ платьемъ.

МИСИДА.

Вотъ ужъ именно слава богу, что при его рожденіи было нѣсколько свободныхъ женщинъ.

ДАВЪ.

Она еще не знаетъ, съ кѣмъ начала дѣло. (Перемѣняя голосъ). Думаетъ: «Если Хреметъ увидитъ ребенка на порогѣ, онъ не выдастъ дочери замужъ». Божусь, онъ тѣмъ скорѣй выдастъ ее!

ХРЕМЕТЪ (въ сторону).

Божусь, онъ этого не сдѣлаетъ.

ДАВЪ (къ Мисидѣ).

Слушай-же: если ты сейчасъ не уберешь ребенка, я выброшу его на улицу и тебя съ нимъ вмѣстѣ вываляю въ грязи.

МИСИДА.

Право, ты пріятель, пьянъ!

ДАВЪ.

Обманъ обманъ погоняетъ! — Слышу, они распускаютъ теперь слухъ, будто она аѳинская гражданка...

ХРЕМЕТЪ (про себя).

Гм!

ДАВЪ.

«По закону», говорятъ, «онъ долженъ жениться на ней».

МИСИДА.

А скажи, пожалуйста, развѣ-жъ она не гражданка?

ХРЕМЕТЪ (въ сторону, громче).

Чуть было не поставилъ себя, сдуру, въ смѣшное и опасное положеніе.

ДАВЪ.

Кто это говоритъ?.. (Осматриваясь). А-а, Хреметъ! Ты являешься кстати.. Послушай...

ХРЕМЕТЪ.

Я успѣлъ услышать все.

ДАВЪ.

Неужели все?..

ХРЕМЕТЪ.

Говорятъ тебѣ, слышалъ все съ самаго начала.

ДАВЪ.

А-а, ты слышалъ?.. (Къ Мисидѣ). Ахъ, она мерзавка! Да ее надо сейчасъ-же увести отсюда въ застѣнокъ. (Указывая на Хрисета). Теперь тебѣ придется имѣть дѣло съ нимъ. Это вѣдь не съ Давомъ шутить.

МИСИДА.

Пропала я! (Къ Хрисету). Ей богу, милый дѣдушка, я сказала тебѣ одну правду.

ХРЕМЕТЪ (къ Даву).

Знаю все. Дома Симонъ?

ДАВЪ.

Дома. (Хрисетъ уходитъ къ Симону. Давъ начинаетъ запирывать съ Мисидой).

МИСИДА (отбиваясь).

Не смѣй меня трогать, бездѣльникъ! Не я буду, если обо всемъ этомъ не скажу Гликеріи.

ДАВЪ.

А ты, глупая, не знаешь, почему я такъ поступилъ?

МИСИДА.

Откуда мнѣ знать?

ДАВЪ.

Это будущій тесть! Отнюдь нельзя было поступить иначе,— чтобы онъ зналъ то, что я хотѣлъ сказать ему.

МИСИДА.

Ты долженъ былъ предупредить меня.

ДАВЪ.

Какъ, по-твоему,— есть маленькая разница между тѣмъ, дѣлаешь-ли ты все естественно, или-же по заранѣе обдуманному плану?..

В. Алексѣевъ.

3.

Дѣйствіе пятое.

ЯВЛЕНІЕ I.

Хреметъ и Симонъ.

ХРЕМЕТЪ.

Довольно испыталъ мою ты дружбу, Симонъ,
И сильно я рискнулъ. Оставь теперь ты просьбы.
Стараясь угодить тебѣ, чуть-чуть и жизни
Я не испортилъ дочери моей...

СИМОНЪ.

О Хреметъ!
Теперь я вымоляю, какъ благодѣянье,—
Исполни то, что раньше на словахъ одобрилъ!

ХРЕМЕТЪ.

Смотри, какъ ты несправедливъ въ слѣпомъ усердьи:
Въ заботахъ о своихъ желаньяхъ, ты не думалъ,
Что доброта моя предѣлъ имѣетъ также.
Не знаешь самъ, о чемъ ты просишь, вѣдь иначе
Ты пересталъ-бы обижать меня...

СИМОНЪ.

Да чѣмъ-же?

ХРЕМЕТЪ.

Не знаешь? Самъ ты убѣждалъ меня дочь выдать
За юношу, который брака не желаетъ,
Который связанъ постороннею любовью,—
Чтобъ бракъ непрочный, ссоры жизнь ей отравляли.
Ея несчастіемъ хотѣлъ спасти ты сына.
Я былъ готовъ, пока возможенъ былъ бракъ этотъ.
Теперь нельзя; отъ обѣщанья я свободенъ.
Она—гражданка здѣшняя, у нихъ ребенокъ.
Уволь ты насъ.

СИМОНЪ.

Пожалуйста, не вздумай вѣрить

Ты тѣмъ, которые лишь ищутъ для Памфила.
Всѣ сплетни пущены лишь ради свадьбы этой.
Когда не будетъ повода, онѣ умолкнутъ.

ХРЕМЕТЪ.

Я слышалъ, какъ ругался Давусъ здѣсь съ служанкой.

СИМОНЪ.

Ну, да!

ХРЕМЕТЪ.

Они не видѣли меня...

СИМОНЪ.

Я вѣрю.
Но Давусъ раньше мнѣ сказалъ, что такъ и будетъ,
И я хотѣлъ тебѣ сказать объ этомъ также,
Да какъ-то позабылъ...

С. Николаевъ.

4.

ЯВЛЕНІЕ II.

Давъ, Хреметъ, Симонъ и Дромонъ.

ДАВЪ (выходя изъ дому Гликеріи, съ торжественнымъ видомъ и обращаясь со словами своими къ остававшимся тамъ).

Теперь можете быть совершенно спокойны. За безопасность вашу ручаюсь вамъ своей головой. Говорю вамъ это положительно.

ХРЕМЕТЪ (къ Симону).

Вотъ тебѣ и Давъ твой!

СИМОНЪ (про себя).

Откуда это онъ выходитъ?..

ДАВЪ (продолжаетъ въ томъ-же положеніи свою рѣчь).

И этимъ вы обязаны моей заботливости и прибытію дорогого гостя нашего...

СИМОНЪ (къ Хремету).

Что это за новыя затѣи?

ДАВЪ (все въ сторону).

Мнѣ не случалось еще видѣть, чтобы прибытіе человѣка было такъ благовременно и такъ благодѣтельно.

СИМОНЪ.

Злодѣй! Кого онъ это такъ выхваляетъ?

ДАВЪ (въ сторону).

Словомъ, все дѣло у насъ теперь въ шляпѣ.

СИМОНЪ (нѣсколько погромче).

Ужели я стану молчать?

ДАВЪ.

Ахъ, это господинъ!.. Что мнѣ дѣлать?!..

СИМОНЪ (болѣе съ ироніей, нежели съ выговоромъ, обращаясь къ Даву).

А — а!.. Здравствуй, голубчикъ!..

ДАВЪ (въ смущеніи).

О, это вы, господинъ мой! (Потомъ къ Хремету). А это нашъ дорогой Хреметъ! Пожалуйте,—тамъ все уже готово.

СИМОНЪ (въ такомъ-же тонѣ, какъ и предъ тѣмъ),

Ужъ такъ, — хорошо подготовилъ; нѣчего сказать!

ДАВЪ.

Когда-же прикажете звать?

СИМОНЪ.

Отлично, хорошо! Только этого и не достаетъ. А пойди-ка сюда... Поближе... (Давъ подходитъ). Скажи-ка мнѣ, откуда ты вышелъ и что ты тамъ дѣлалъ (указывая на домъ Гликеріи).

ДАВЪ.

Кто? — Я?

СИМОНЪ.

Да, ты.

ДАВЪ.

Я?..

СИМОНЪ.

Да, говорю-же тебѣ, что ты.

ДАВЪ.

Я только что вышелъ.

СИМОНЪ.

Какъ будто я спрашиваю тебя, какъ давно или какъ долго ты былъ тамъ?

ДАВЪ.

Ни на минуту. Вмѣстѣ съ сыномъ вашимъ.

СИМОНЪ.

Развѣ и Памфилъ тамъ? О, какъ убійственно терзаетъ онъ меня! Не ты-ли, бездѣльникъ, самъ говорилъ мнѣ, что между ними послѣдовалъ разладъ?

ДАВЪ.

Да, дѣйствительно такъ, — они теперь въ разладѣ.

СИМОНЪ.

Зачѣмъ-же онъ тамъ и что̀ дѣлаетъ онъ?

ХРЕМЕТЪ.

Зачѣмъ?.. и что дѣлаетъ?.. Думаешь, (съ горькою ироніей) спорятъ между собою?..

ДАВЪ.

Мало того: вотъ еще какая бѣда угрожаетъ, скажу вамъ. Прошу выслушать. Какой-то старикъ, не знаю, сейчасъ прибылъ изъ Рода. Вотъ онъ тамъ. Человѣкъ положительный, умный. Когда взглянешь на него, то онъ самою осанкою своею внушаетъ къ себѣ какое-то уваженіе. Въ лицѣ и глазахъ его просвѣчивается строгая честность, а въ словахъ высказывается вѣрность и правдивость.

СИМОНЪ.

Что-же ты хочешь сказать намъ этимъ?

ДАВЪ.

Ничего иного, кромѣ того, что̀ слышалъ отъ него.

СИМОНЪ.

Ну, хорошо! А что-же говорилъ онъ?..

ДАВЪ.

Что Гликерія есть гражданка аѳинская; что онъ знаетъ это положительно и утверждаетъ; что...

СИМОНЪ (взволнованный отъ гнѣва и негодованія, вышедши изъ себя, громкимъ голосомъ зоветъ).

Гей, Дромонъ!.. Дромонъ!..

ДАВЪ (въ испугѣ).

Что это значитъ?..

СИМОНЪ.

Дромонъ!..

ДАВЪ.

Но выслушайте!..

СИМОНЪ.

Если ты еще хоть одно слово... Дромонъ!..

ДАВЪ.

Умоляю васъ, выслушайте меня.

ДРОМОНЪ (появляясь на сцену).

Что прикажете?

СИМОНЪ.

Бери его отсюда подальше... Знаешь, куда... Тащи его поскорѣе, на крыльяхъ вѣтра.

ДРОМОНЪ.

Кого?

СИМОНЪ.

Конечно, Дава. А ты думалъ кого?

ДАВЪ.

За что?

СИМОНЪ.

За то, что мнѣ такъ угодно. (Къ Дромону). Слышишь? — Тащи его!

ДАВЪ.

Что-жъ я такого сдѣлалъ?

СИМОНЪ (къ Дромону, который медлитъ исполненіемъ приказанія).

Тащи, говорю тебѣ!

ДАВЪ.

Убей меня, если окажется, что я хотъ однимъ словомъ солгалъ предъ тобою; если я обманывалъ тебя!..

СИМОНЪ.

И слушать ничего не хочу. Вотъ я тебя проучу и найду мѣсто для твоей дѣятельности!

ДАВЪ.

Хотя бы даже все то, что̀ я говорю, было справедливо?

СИМОНЪ.

Хотя-бы даже... ни на что не смотря. (Къ Дромону). Смотри-же зорко за арестантомъ, да, слышишь, свяжи его и по рукамъ, и по ногамъ, по всѣмъ четыремъ, какъ четвероногое. Ступайте! (Къ Даву, котораго Дромонъ тащитъ со сцены). Теперь-то вы будете у меня чувствовать, доколѣ живъ буду: ты—что̀ значитъ обманывать господина, а онъ—что̀ значитъ шутить съ отцомъ, клянусь богами!

ХРЕМЕТЪ.

Ну, ну, не тревожься такъ сильно!

СИМОНЪ.

Охъ, Хреметъ!—Вотъ какова любовь и каково уваженіе отъ дѣтища! Ужели не жалко тебѣ меня? Столько понести заботъ и огорченій изъ-за такого сына!.. (Подходитъ къ дверямъ Гликеріи). Эй, Памфилъ, выходи-ка!.. Не стыдно-ли тебѣ!..

Д. Подгурскій.

5.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Памфилъ.

ПАМФИЛЪ.

Кому я нуженъ? Ахъ, отецъ! Пропалъ...

СИМОНЪ.

Что скажешь?

Негод...

ХРЕМЕТЪ (перебивая).

Оставь-ка брань... Скажи, въ чемъ дѣло, лучше.

СИМОНЪ.

Ничто не слишкомъ строго для него! Скажи-же,
Гликерія — гражданка вправду?

ПАМФИЛЪ.

Утверждаютъ...

СИМОНЪ.

Такъ утверждаютъ? Ахъ, какая смѣлость, наглость!

Подумалъ ты о томъ, что говоришь? И есть-ли
Въ тебѣ раскаянье въ проступкѣ? Посмотрите! —
Онъ даже не краснѣетъ! Такъ онъ малодушенъ,
Что, вопреки законамъ, добрымъ нравамъ гражданъ,
Отцовской волѣ вопреки, онъ жить съ ней хочетъ.
Какой позоръ, и стыдъ, и срамъ!

ПАМФИЛЪ.

О я, несчастный!

СИМОНЪ.

Эге, Памфилъ! Теперь ты только-то замѣтилъ?
Въ тотъ самый день, когда во чтобъ ни стало
Ты захотѣлъ достигнуть своего желанья,
Къ тебѣ ужъ подходило это восклицанье!
А впрочемъ, что-жъ? Зачѣмъ я мучаюсь, стараюсь?
Зачѣмъ изъ-за его я глупостей волнуюсь
На склонѣ лѣтъ моихъ? Ужъ не затѣмъ-ли, чтобы
Несть наказанье за его грѣхи, проступки?! —
Пусть наслаждается, живетъ съ ней на здоровье!

ПАМФИЛЪ.

Отецъ!

СИМОНЪ.

Ну, что, отецъ? Тебѣ онъ развѣ нуженъ? —
Жену, дѣтей, семейство безъ отца имѣешь...
Нашлись и доказательства въ гражданствѣ...
Ты побѣдилъ...

ПАМФИЛЪ.

Отецъ, позволишь-ли немного?

СИМОНЪ.

Что можешь ты теперь сказать?

ХРЕМЕТЪ.

Послушай, Симонъ.

СИМОНЪ.

Послушать?—Нечего мнѣ слушать...

ХРЕМЕТЪ.

Пусть онъ скажетъ...

СИМОНЪ.

Ну, пусть его...

ПАМФИЛЪ.

Я признаюсь, что я Гликерью
Люблю: коль это дурно, признаюсь и въ этомъ.
Отецъ, тебѣ я предаюсь. Скажи, что хочешь?
Жениться долженъ я? Гликерію оставить?—
Исполню все по силамъ, чтобы ты не думалъ,
Что мной подосланъ и подученъ тотъ пріѣзжій.
Позволь мнѣ оправдаться и въ твоемъ присутствіи
Его привесть сюда...

СИМОНЪ.

Привесть?

ПАМФИЛЪ.

Позволь мнѣ это...

ХРЕМЕТЪ.

Онъ правъ, позволь...

ПАМФИЛЪ.

Отецъ, прошу тебя...

СИМОНЪ.

Ну, ладно.

(Памфилъ уходитъ).

На все готовъ я согласиться, если вижу,
Что фальши нѣтъ...

ХРЕМЕТЪ.

Хотя-бъ и былъ большой проступокъ,
Отецъ доволенъ малымъ наказаньемъ сына!

С. Николаевъ.

6.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Критонъ.

КРИТОНЪ (выходитъ изъ дома Гликеріи вмѣстѣ съ Памфиломъ, къ Памфилу).

Перестань просить меня. Чтобы удовлетворить твое желаніе, мнѣ достаточно одной изъ слѣдующихъ причинъ: во первыхъ, просишь ты, во вторыхъ, ты правъ, въ третьихъ—я самъ желаю этого для самой Гликеріи.

ХРЕМЕТЪ.

Кого я вижу? Никакъ андреца Критона? Да, это онъ!

КРИТОНЪ. (Подходя ближе).

Здравствуй, Хреметъ.

ХРЕМЕТЪ.

Какъ это очутился ты въ Аѳинахъ?

КРИТОНЪ.

Случайно. А здѣсь Симонъ?

ХРЕМЕТЪ. (Указывая на Симона).

Здѣсь.

КРИТОНЪ.

Симонъ, ты меня ищешь?

СИМОНЪ.

А-а, такъ это ты говоришь, что Гликерія здѣшняя гражданка?

КРИТОНЪ.

А ты не вѣришь?

СИМОНЪ.

Затѣмъ что-ли и пріѣхалъ ты сюда?

КРИТОНЪ.

Зачѣмъ?

СИМОНЪ.

Еще спрашиваешь? Или думаешь, ты можешь продѣлывать это безнаказанно? Не ты-ли вздумалъ обманывать здѣсь мальчишекъ, правда, неопытныхъ, но изъ хорошихъ фамилій? Это ты сманиваешь ихъ своими наускиваніями и посулами?

КРИТОНЪ.

Въ своемъ ты умѣ?

СИМОНЪ (продолжая).

Это ты женишь на любовницахъ?

ПАМФИЛЪ (про себя).

Пропалъ я!—Боюсь, выдержитъ-ли пріѣзжій.

ХРЕМЕТЪ (указывая на Критона).

Если-бъ, Симонъ, ты близко зналъ его, ты былъ-бы о немъ хорошаго мнѣнія. Онъ человѣкъ честныхъ правилъ.

СИМОНЪ.

Онъ—человѣкъ честныхъ правилъ?! Или вы скажете, онъ пріѣхалъ какъ снѣгъ на голову? Но почему-жъ онъ пріѣхалъ именно сегодня, какъ разъ къ свадьбѣ, не бывавъ здѣсь раньше? (Иронически). Разумѣется, Хреметъ, ему нельзя не вѣрить!

ПАМФИЛЪ (про себя).

Если-бъ я не боялся отца, я могъ-бы отвѣтить ему вполнѣ удовлетворительно.

СИМОНЪ (къ Критону).

Лгунъ.

КРИТОНЪ.

Что??

ХРЕМЕТЪ.

Таковъ ужъ онъ у насъ, Критонъ. Не обращай на него вниманія.

КРИТОНЪ.

Пусть онъ однако слѣдитъ за собою. Если онъ станетъ продолжать говорить, что̀ захочетъ, онъ услышитъ то, чего вовсе не хотѣлъ-бы. (Къ Симону). Развѣ меня интересуютъ, безпокоютъ твои дѣла? Развѣ ты не долженъ спокойно переноситъ свои-же собственныя непріятности? Сейчасъ ты можешь узнать, правду-ли сказалъ я, или-же ты слышалъ ложь. Одинъ аѳинянинъ потерпѣлъ когда-то кораблекрушеніе. Вмѣстѣ съ маленькой дѣвочкай его выбросило на берегъ Андра. Сильно нуждаясь, онъ обратился тогда, прежде всего, къ отцу Хрисиды...

СИМОНЪ.

Начинается сказка.

ХРЕМЕТЪ (къ Симону).

Оставь его.

КРИТОНЪ (къ Хремету).

Что̀, онъ перебиваетъ?

ХРЕМЕТЪ.

Продолжай.

КРИТОНЪ.

Далѣе я долженъ сказать, что принявшій въ немъ участіе приходился мнѣ родственникомъ. Отъ него и у него въ домѣ я узналъ, что бѣднякъ былъ аѳинянинъ. Тамъ онъ и умеръ.

ХРЕМЕТЪ (живо).

Его имя?

КРИТОНЪ.

Ты хочешь, чтобы я такъ скоро сказалъ тебѣ имя? (Пауза, во время которой Критонъ стоитъ задумавшись).

ПАМФИЛЪ (про себя).

Бѣда, я пропалъ!

КРИТОНЪ.

Да, да, его звали Фаніемъ... А что я прекрасно помню, такъ это то, что, по его словамъ, онъ былъ изъ Рамнунта...

ХРЕМЕТЪ.

Боже мой!

КРИТОНЪ.

Объ этомъ, Хреметъ, знали на Андрѣ и многіе другіе...

ХРЕМЕТЪ (тихо).

О, если-бы сбылась моя надежда! (Громко). А скажи мнѣ, пожалуйста, какъ онъ относился тогда къ дѣвочкѣ?—Называлъ онъ ее своею дочерью?

КРИТОНЪ.

Нѣтъ.

ХРЕМЕТЪ.

Тогда какъ-же?

КРИТОНЪ.

Дочерью брата.

ХРЕМЕТЪ.

О, такъ это навѣрное моя дочь!

КРИТОНЪ.

Что ты говоришь?

СИМОНЪ (къ Хремету).

Что ты говоришь?!

ПАМФИЛЪ (про себя).

Насторожи уши, Памфилъ.

СИМОНЪ (къ Хремету).

И ты вѣришь?

ХРЕМЕТЪ.

Фаній тотъ былъ моимъ братомъ.

СИМОНЪ.

Я зналъ его лично.

ХРЕМЕТЪ.

Не желая подвергаться опасностямъ войны, онъ уѣхалъ отсюда въ Азію, чтобы догнать меня. Онъ побоялся тогда оставить дѣвочку дома. Послѣ этого я теперь только въ первый разъ узнаю, что съ нимъ случилось...

ПАМФИЛЪ (про себя).

Едва владѣю собою,—такъ сильно волнуется душа отъ страха и надежды, смѣшанной съ необычайной радостью, вслѣдствіе счастья, такъ неожиданно выпавшаго мнѣ на долю!

КРИТОНЪ.

Я радъ, что ты нашелъ свою дочь. Она твоя, это доказываетъ многое.

ХРЕМЕТЪ.

Вѣрю.

ПАМФИЛЪ.

Батюшка!...

ХРЕМЕТЪ.

Есть еще одно маленькое сомнѣніе, которое безпокоитъ меня...

ПАМФИЛЪ (про себя).

Такъ тебѣ и надо! — Вѣчно со своей мнительностью, противный! Выдумываетъ страхи тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ!

КРИТОНЪ.

Въ чемъ дѣло?

ХРЕМЕТЪ.

Имя не подходитъ.

КРИТОНЪ.

Да, у дѣвочки было другое имя.

ХРЕМЕТЪ.

Какое, Критонъ? Не вспомнишь-ли?

КРИТОНЪ.

Дай богъ память... (Пауза).

ПАМФИЛЪ (про себя).

Если я могу помочь себѣ въ данномъ случаѣ, неужели-же я позволю разбить свое счастье изъ-за его забывчивости?.. Нѣтъ, не позволю!.. (Громко). Послушай, Хреметъ, имя, которое ты хочешь услышать,—Пасибула!

ХРЕМЕТЪ.

Именно.

КРИТОНЪ.

Да.

ПАМФИЛЪ.

Я тысячу разъ слышалъ это отъ нея самой.

СИМОНЪ.

Увѣренъ, Хреметъ, ты вѣришь нашей общей радости.

ХРЕМЕТЪ.

Конечно, вѣрю.

ПАМФИЛЪ.

Остается только съ батюшкой...

СИМОНЪ.

Сами обстоятельства успѣли давно смѣнить мой гнѣвъ на милость.

ПАМФИЛЪ.

О милый батюшка!.. А Хреметъ не откажется выдать ее за меня?..

ХРЕМЕТЪ.

Ничуть, если только не скажетъ чего противъ твой отецъ...

ПАМФИЛЪ.

Навѣрное, не скажетъ.

СИМОНЪ (кивая головой).

Конечно.

ХРЕМЕТЪ.

Я даю за ней, Памфилъ, десять талантовъ.

ПАМФИЛЪ.

Благодарю.

ХРЕМЕТЪ.

Поскорѣй отправлюсь къ дочкѣ. Пойдемъ со мной, Критонъ! — Увѣренъ, она не узнаетъ меня. (Уходятъ).

СИМОНЪ. (Къ Памфилу).

Почему ты не распорядился принести ее сюда?

ПАМФИЛЪ.

Ты подаешь умный совѣтъ. Сейчасъ я дамъ это порученье Даву.

СИМОНЪ.

Это невозможно...

ПАМФИЛЪ.

Почему?

СИМОНЪ (улыбаясь).

Потому, что онъ занятъ другимъ, болѣе важнымъ и серьезнымъ дѣломъ.

ПАМФИЛЪ.

Чѣмъ именно?

СИМОНЪ.

Онъ связанъ.

ПАМФИЛЪ.

Связанъ?—Не хорошо, батюшка.

СИМОНЪ (шутливо).

Нѣтъ, я велѣлъ связать хорошо.

ПАМФИЛЪ.

Вели выпустить его, прошу тебя.

СИМОНЪ.

Ну, ладно.

ПАМФИЛЪ.

Только поскорѣй.

СИМОНЪ.

Иду туда. (Уходитъ).

ПАМФИЛЪ.

Какой радостный и счастливый день!..

В. Алексѣевъ.

II. ИЗЪ КОМЕДІИ «САМЪ СЕБЯ НАКАЗЫВАЮЩІЙ».

Дѣйствіе первое.

ЯВЛЕНІЕ I.

Хреметъ, Менедемъ.

ХРЕМЕТЪ.

Хотя мы между собою знакомы очень недавно, именно, съ тѣхъ поръ какъ ты купилъ сосѣднее поле, и хотя дѣла у насъ съ тобой никакого не было, твои-ли однако достоинства, сосѣдство что-ли наше, что̀ я считаю поводомъ къ тѣсной дружбѣ, причиной тому, что я берусь смѣло и фамиліярно дѣлать тебѣ увѣщеванія. Мнѣ кажется, что ты работаешь не по лѣтамъ и болѣе, нежели этого требуетъ твое состояніе, ибо, клянусь богами и людьми, чего хочешь ты, чего добиваешься?—Тебѣ, какъ я полагаю, съ лишнимъ шестьдесятъ лѣтъ; никто въ этихъ мѣстахъ не имѣетъ лучшаго и болѣе дорогого поля; слугъ у тебя много, а все-таки ты, точно при тебѣ никого нѣтъ, самъ старательно исполняешь ихъ обязанности. Какъ бы рано я по утру ни выходилъ изъ дому и какъ-бы поздно по вечерамъ ни возвращался домой, все вижу тебя занятаго копаніемъ, паханіемъ или ношеніемъ какихъ-нибудь тяжестей. Наконецъ, ты вовсе не отдыхаешь и собою совсѣмъ не занимаешься. Я увѣренъ, что это вовсе не доставляетъ тебѣ удовольствія. Но ты, пожалуй, скажешь: что ни сработаютъ здѣсь, изъ рукъ вонъ дурно. Трудъ, который у тебя пропадаетъ, принесъ-бы больше пользы, если-бъ ты употребилъ его на то, чтобы заставить слугъ работать, какъ слѣдуетъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Неужели, Хреметъ, твое хозяйство оставляетъ тебѣ такъ много досуга, что можешь заниматься чужими дѣлами и именно такими, которыя къ тебѣ никакимъ образомъ не относятся?

ХРЕМЕТЪ.

Я—человѣкъ, и ничто человѣческое, полагаю, мнѣ не чуждо. Считай это за увѣщеваніе или просто за освѣдомленіе; если то, что̀ говорю, справедливо, то пусть я такъ и сдѣлаю, если-же нѣтъ, то пусть я тебя самого отъ этого удержу.

МЕНЕДЕМЪ.

Я такъ привыкъ, а ты дѣлай такъ, какъ считаешь нужнымъ.

ХРЕМЕТЪ.

Развѣ есть такая привычка у человѣка, чтобъ себя мучить?

МЕНЕДЕМЪ.

У меня есть.

ХРЕМЕТЪ.

Если-бы у тебя была какая-нибудь печаль, то я бы—ни слова; но что значатъ эти страданія, скажи, пожалуйста, чѣмъ ты заслужилъ подобныя наказанія?

МЕНЕДЕМЪ.

Увы!

ХРЕМЕТЪ.

Не плачь, а чтобы то ни было, скажи мнѣ, чтобъ я зналъ. Не скрывайся, не бойся, вѣрь мнѣ, говорю: я тебѣ помогу утѣшеніемъ, совѣтомъ или дѣломъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Хочешь знать?

ХРЕМЕТЪ.

Именно по той причинѣ, о которой я тебѣ говорилъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Скажу.

ХРЕМЕТЪ.

Ну, а между тѣмъ грабли эти поставь, перестань работать.

МЕНЕДЕМЪ.

Отнюдь.

ХРЕМЕТЪ.

Что ты дѣлаешь?..

МЕНЕДЕМЪ.

Оставь меня. Пусть не будетъ для меня минуты, не посвященной труду.

ХРЕМЕТЪ.

Говорю, не позволю.

МЕНЕДЕМЪ.

Ты поступаешь несправедливо.

ХРЕМЕТЪ. (Беретъ грабли).

Скажи пожалуйста, какъ тяжелы!

МЕНЕДЕМЪ.

Я это заслужилъ.

ХРЕМЕТЪ.

Теперь говори.

МЕНЕДЕМЪ.

У меня — юноша-сынъ. Ахъ, что я сказалъ! — Былъ когда-то сынъ, Хремет'ъ, а теперь неизвѣстно, есть-ли онъ у меня, или нѣтъ.

ХРЕМЕТЪ.

Какъ-же это такъ?

МЕНЕДЕМЪ.

Узнаешь. Здѣсь живетъ какая-то нищая старуха, пришлая изъ Коринѳа. Онъ сталъ безумно любить ея дочь, точно она у него жена; все это тайкомъ отъ меня. Когда я это узналъ, сталъ обращаться съ нимъ безчеловѣчно и поступать съ нимъ не такъ, какъ слѣдовало-бы съ больною душею молодого человѣка, но насильственно и обыкновеннымъ путемъ отцевъ. Я его ежедневно обвинялъ: долго-ли ты еще, молъ, надѣешься, что тебѣ позволено будетъ, при живомъ отцѣ, держать любовницу, точно жену какую? Ошибаешься, если такъ думаешь, и меня не знаешь, Клиній, — я хочу, чтобы люди до тѣхъ поръ называли тебя моимъ сыномъ, пока будешь поступать прилично; если-же нѣтъ, то я пріищу средство заставить тебя вести себя благопристойно. Все это происходитъ ни отъ чего больше, какъ отъ совершенной праздности. Въ твоихъ лѣтахъ я любовью не занимался, но, по бѣдности своей, я отсюда отправился въ Азію, поступилъ въ военную службу и въ войнѣ пріобрѣлъ славу и состояніе. Наконецъ, дѣло дошло до послѣдней крайности. Молодой человѣкъ слыша, какъ одни и тѣ-же увѣщеванія дѣлались все грознѣе и грознѣе, былъ побѣжденъ; онъ подумалъ, что я, по лѣтамъ своимъ и вслѣдствіе желанія ему блага, его знаю и могу о немъ заботиться лучше, нежели онъ самъ, — и отправился въ Азію служить царю въ военной службѣ, Хремет'ъ.

ХРЕМЕТЪ.

Что ты говоришь?

МЕНЕДЕМЪ.

Ушелъ тайкомъ отъ меня; вотъ уже три мѣсяца, какъ отсутствуетъ.

ХРЕМЕТЪ.

Обоихъ васъ слѣдуетъ обвинить, а все-таки подобная мысль — признакъ совѣстливой и честной души.

МЕНЕДЕМЪ.

Когда я это узналъ отъ тѣхъ, которымъ это было извѣстно, вернулся домой печальнымъ и съ духомъ сильно смущеннымъ и колеблющимся отъ скорби. Сажусь. Слуги прибѣгаютъ; одни снимаютъ съ меня обувь; смотрю, другіе суетятся, стелятъ постели, приготовляютъ ужинъ; каждый прилежно занимается своимъ дѣломъ, желая этимъ облегчить мою печаль. Увидавши это, я началъ думать: «Гм! Всѣ такъ заботятся обо мнѣ одномъ, о томъ, чтобы меня одного удовлетворить! Неужели столько служанокъ станутъ заниматься приготовленіемъ мнѣ платья? Я одинъ стану дѣлать такую роскошь въ домѣ?.. А родного, единственнаго сына, которому также прилично было пользоваться всѣмъ этимъ, или даже больше, чѣмъ мнѣ, ибо его возрастъ болѣе способенъ къ наслажденію благами, я его, несчастнаго, своей несправедливостію изгналъ отсюда! Если-бы я въ самомъ дѣлѣ сталъ-бы пользоваться всѣмъ этимъ добромъ, — считалъ-бы себя достойнымъ какого угодно наказанія. Итакъ, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ вести бѣдственную жизнь, лишенный отечества изъ-за моей обиды, до тѣхъ поръ я себя принесу ему въ жертву, трудясь, скопляя, сберегая, все для его пользы. Такъ я и дѣлаю, — въ своихъ домахъ не оставилъ ни посуды, ни платья; все собралъ я. Служанокъ, слугъ, исключая тѣхъ, которые легко могутъ себѣ заработать хлѣбъ полевыми работами, всѣхъ я вывелъ на рынокъ и продалъ. На домахъ надписалъ наемную цѣну, собралъ около пятнадцати талантовъ, купилъ это поле и имъ занимаюсь. Я, Хреметъ, такого мнѣнія, что, чѣмъ несчастнѣе я, тѣмъ кровному моему безобиднѣе, и, навѣрное, никогда не испытаю ни малѣйшаго удовольствія, если мой сынъ не возвратится сюда здравъ и невредимъ.

ХРЕМЕТЪ.

Я полагаю, что нравъ твой относительно дѣтей кротокъ и что сынъ послушалъ-бы тебя, если-бъ съ нимъ поступить хорошо и по справедливости. Право, ни ты его достаточно не зналъ, ни онъ тебя. Это случается всегда, если люди живутъ между собою не согласно. Ты ему никогда не показалъ, сколько ты имъ дорожишь, а онъ не посмѣлъ тебѣ довѣрить то, что̀ прилично знать отцу. Случись это, ничего подобнаго никогда не было-бы.

МЕНЕДЕМЪ.

Оно въ самомъ дѣлѣ такъ. Каюсь. Ошибка моя велика.

ХРЕМЕТЪ.

Но въ будущемъ надѣюсь, Менедемъ, тебѣ будетъ хорошо. Я увѣренъ, что сынъ твой въ скоромъ времени вернется къ тебѣ здравымъ и невредимымъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Да услышатъ тебя боги!

ХРЕМЕТЪ.

Услышатъ, непремѣнно, а теперь, если тебѣ угодно, будь моимъ гостемъ; сегодня, кстати, праздникъ Бахуса.

МЕНЕДЕМЪ.

Не могу.

ХРЕМЕТЪ.

Почему? Побереги себя, прошу. Самъ далекій сынъ твой этого требуетъ отъ тебя.

МЕНЕДЕМЪ.

Не пристало, чтобы я, который погналъ его на тяжкую работу, самъ бѣжалъ-бы отъ нея.

ХРЕМЕТЪ.

Твердо-ли твое рѣшеніе?

МЕНЕДЕМЪ.

Твердо.

ХРЕМЕТЪ.

Будь-же здоровъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Такъ-же и ты. (Уходитъ).

ХРЕМЕТЪ.

Право, онъ исторгнулъ у меня слезы. Жаль его! Но, такъ какъ уже пора, пойду приглашу сосѣда Фанія къ обѣду. Пойду посмотрю, дома-ли онъ? (Уходитъ и послѣ короткаго времени возвращается). Надобности не было оповѣстить его; люди сказали, что онъ уже давно у меня; какъ-бы мнѣ не заставить гостей дожидаться. Итакъ, пойду домой. Но что это, позади меня заскрипѣли двери?.. Кто вышелъ?.. Спрячусь вотъ здѣсь.

А. Резоали.

2.

ЯВЛЕНІЕ II.

Клитофонтъ, Хреметъ.

КЛИТОФОНТЪ. (Говоритъ въ домѣ).

Итакъ, тебѣ нечего бояться, Клиній, — вѣроятно, что-нибудь ихъ задержало. Знаю навѣрное, что она сегодня-же будетъ у тебя вмѣстѣ съ посланцемъ, а потому перестань мучиться и напрасно раздражаться.

ХРЕМЕТЪ.

Съ кѣмъ это говоритъ мой сынъ?

КЛИТОФОНТЪ.

Отецъ здѣсь. Этого я и хотѣлъ. Пойду къ нему. Отецъ, ты пришелъ кстати.

ХРЕМЕТЪ.

Что тамъ такое?

КЛИТОФОНТЪ.

Знаешь-ли ты Менедема, нашего сосѣда?

ХРЕМЕТЪ.

И очень.

КЛИТОФОНТЪ.

И знаешь также, что у него сынъ?..

ХРЕМЕТЪ.

Слыхалъ, что въ Азіи.

КЛИТОФОНТЪ.

Его ужъ тамъ нѣтъ,—онъ у насъ.

ХРЕМЕТЪ.

Что ты говоришь?

КЛИТОФОНТЪ.

Я былъ при его высадкѣ на берегъ и привелъ его сюда къ обѣду,—вѣдь съ самаго дѣтства насъ связываетъ тѣсная дружба.

ХРЕМЕТЪ.

Ты мнѣ объявляешь большую радость. Какъ-бы мнѣ хотѣлось пригласить Менедема оставаться съ нами подольше, для того, чтобы мнѣ первому въ моемъ домѣ объявить ему радость, которую онъ не ожидаетъ!.. Но на это есть еще время.

КЛИТОФОНТЪ.

Смотри не дѣлай этого, отецъ; совсѣмъ не нужно!

ХРЕМЕТЪ.

Почему?

КЛИТОФОНТЪ.

Потому что неизвѣстно еще, что̀ Клиній съ собою сдѣлаетъ. Онъ только что пріѣхалъ; онъ всего боится—и гнѣва отца, и страшенъ ему вопросъ: все-

ли его любить подруга?—Вѣдь онъ ее до смерти любитъ; оттого-то и произошла эта сумятица и его отъѣздъ.

ХРЕМЕТЪ.

Знаю.

КЛИТОФОНТЪ.

Онъ къ ней отправилъ слугу въ городъ, а я вмѣстѣ съ нимъ отправилъ и нашего Сира.

ХРЕМЕТЪ.

Что-же онъ говоритъ?

КЛИТОФОНТЪ.

Что говоритъ?—Да что онъ несчастливъ.

ХРЕМЕТЪ.

Несчастливъ?.. Кого, какъ не его, слѣдуетъ считать менѣе несчастнымъ?—Развѣ у него не достаетъ чего-нибудь того, что люди называютъ «благами?» У него родители, цвѣтущее отечество, друзья, родные, знакомые, богатства... Конечно, все это настолько слѣдуетъ считать благомъ, насколько позволяетъ состояніе духа того, кто ими обладаетъ; кто умѣетъ ими пользоваться, для того они благо, а кто не умѣетъ, для того они обращаются въ зло.

КЛИТОФОНТЪ.

Напротивъ, старикъ его былъ всегда несправедливъ къ нему, и теперь я сильно боюсь, чтобы, въ сердцахъ, онъ не поступилъ съ нимъ строже, чѣмъ нужно.

ХРЕМЕТЪ.

Онъ то (про себя)... но удержусь... пусть будетъ въ страхѣ; это для него полезно.

КЛИТОФОНТЪ.

Что ты про себя говоришь, отецъ?

ХРЕМЕТЪ.

Я говорю, что каковъ-бы ни былъ отецъ, онъ все-таки долженъ былъ остаться. Можетъ быть, онъ нѣсколько сильно и нападалъ на него за его страсть; но тотъ долженъ былъ терпѣть, ибо кого перенесетъ онъ, если отца не переноситъ? Развѣ не пристойнѣе было сыну жить по нраву отцовскому, чѣмъ отцу—по нраву сына? То, что ему кажется жестокимъ, вовсе не жестоко. Такъ называемыя «обиды» родительскія одни и тѣ-же всегда; онѣ переносятся легко

людьми сколько-нибудь терпѣливыми. Родители не хотятъ, чтобъ дѣти ихъ много водились съ женщинами; чтобъ сильно кутили,—даютъ имъ мало денегъ. Все это они дѣлаютъ, имѣя въ виду одну лишь добродѣтель. По истинѣ, если душа однажды связалась съ порочною страстію, то ей приходится таки, Клитофонтъ, выслушать подобные совѣты. Умно сдѣлаешь, если изъ чужой бѣды выведешь правила — для себя.

КЛИТОФОНТЪ.

Я самъ такъ думаю.

ХРЕМЕТЪ.

Пойду домой и посмотрю, что у насъ къ обѣду, а ты, такъ какъ уже скоро пора обѣдать, не уходи далеко.

А. Резоали.

3.

Дѣйствіе второе.

ЯВЛЕНІЕ II.

Клиній, Клитофонтъ.

КЛИНІЙ (выходитъ изъ дома Хремета).

Если-бы я былъ счастливъ въ своей любви, то, увѣренъ, онѣ пришли-бы давно; но я боюсь, что дѣвушка безъ меня испортилась. Стеклись многія обстоятельства, подтверждающія для меня это предположеніе: удобный случай, мѣсто, молодость, дурная мать, подъ властію которой она находится и для которой деньги слаще всего на свѣтѣ...

КЛИТОФОНТЪ.

Клиній!

КЛИНІЙ.

Ахъ, я несчастный!

КЛИТОФОНТЪ.

Берегись-же, чтобы тебя не увидѣлъ здѣсь кто-нибудь, случайно выходя изъ дома твоего отца.

КЛИНІЙ.

Хорошо! Но, право, душа моя предчувствуетъ что-то недоброе.

КЛИТОФОНТЪ.

А ты все еще разсуждаешь объ этомъ, не зная настоящаго.

КЛИНІЙ.

Если-бы не было ничего дурного, то они уже были-бы здѣсь.

КЛИТОФОНТЪ.

Скоро придутъ.

КЛИНІЙ.

Когда-же будетъ это твое «скоро?»

КЛИТОФОНТЪ.

Подумай-же, что это довольно далеко отсюда. Къ тому-же ты знаешь привычки женщинъ: пока онѣ собираются, пока рѣшаются, годъ пройдетъ.

КЛИНІЙ.

О Клитофонтъ, боюсь! (Сиръ и Дромонъ видны вдали).

КЛИТОФОНТЪ.

Успокойся! Вотъ Дромонъ вмѣстѣ съ Сиромъ. Они уже здѣсь, къ твоему удовольствію.

А. Деллень.

4.

ЯВЛЕНІЕ III.

Сиръ и **Дромонъ** (приходятъ, громко разговаривая между собою). **Клиній** и **Клитофонтъ** (еще незамѣченные своими невольниками, также, но только тихимъ голосомъ, разговариваютъ между собою въ глубинѣ сцены).

СИРЪ.

Такъ-ли это?

ДРОМОНЪ.

Право, такъ.

СИРЪ.

Однако, въ то время, какъ мы тратили слова попусту, онѣ отстали.

КЛИТОФОНТЪ. (Тихимъ голосомъ къ Клинію).

Подруга твоя пришла, слышишь, Клиній?

КЛИНІЙ. (Тихимъ голосомъ къ Клитофонту).

Я только теперь и слышу опять, и вижу, и здравствую, Клитофонтъ.

ДРОМОНЪ.

Не диво, такъ много у нихъ вещей: онѣ ведутъ съ собой цѣлую толпу служанокъ.

КЛИНІЙ. (Тихимъ голосомъ къ Клитофонту).

Пропалъ я,—откуда у нея служанки?..

КЛИТОФОНТЪ. (Тихимъ голосомъ къ Клинію).

Меня-ли спрашиваешь?

СИРЪ.

Не слѣдовало-бы оставлять ихъ,—вещей-то сколько онѣ несутъ...

КЛИНІЙ. (Про себя).

Горе мнѣ!

СИРЪ.

Золотыя вещи, платья; а уже вечеретъ, и дороги онѣ не знаютъ. Глупо мы сдѣлали. Пойди-ка ты, Дромонъ, имъ навстрѣчу. Живѣе, чего стоишь? (Дромонъ убѣгаетъ навстрѣчу женщинамъ; Сиръ, дѣлая нѣсколько шаговъ за нимъ, чтобы убѣдиться въ точномъ исполненіи даннаго Дромону приказанія, также на минуту оставляетъ сцену).

КЛИНІЙ. (Выступая съ Клитофонтомъ на авансцену, громко восклицаетъ).

Горе мнѣ несчастному!—Какая великая надежда рушилась для меня!

КЛИТОФОНТЪ. (Громко къ Клинію).

Какъ такъ? Что, наконецъ, тебя тревожитъ?

КЛИНІЙ.

Ты еще спрашиваешь: «Что»?—Развѣ не понимаешь?.. Служанки, золотыя вещи, платья, какъ ты думаешь, откуда все это взялось у той, которую я оставилъ здѣсь съ одною лишь дѣвчонкой?

КЛИТОФОНТЪ.

А-а!.. Наконецъ-то понимаю.

СИРЪ. (Возвращаясь на сцену).

О боги! Какая толпа! Домъ нашъ, я знаю, едва-ли вмѣститъ ихъ въ себѣ. Чего только онѣ не съѣдятъ! Чего только не выпьютъ онѣ!.. Нашъ старикъ будетъ самымъ жалкимъ существомъ. (Онъ видитъ Клинія и Клитофонта). Но вотъ тѣ, съ которыми я хотѣлъ видѣться.

КЛИНІЙ.

О Юпитеръ, гдѣ-же вѣрность?.. Въ то время, какъ я безумный, изъ-за тебя скитаясь, лишенъ былъ отечества, ты разбогатѣла, Антифила, и оставила меня въ этомъ бѣдствіи, ты, ради которой я опозоренъ и не повинуюсь своему отцу!.. Стыдно мнѣ теперь предъ нимъ и жаль, что онъ, который прожужжалъ мнѣ

уши о нравахъ подобныхъ женщинъ, напрасно предостерегалъ меня, и что онъ никоимъ образомъ не могъ оторвать меня отъ нея. Но теперь я это сдѣлаю, тогда-же не хотѣлъ, когда за это могъ получить благодарность. Никого нѣтъ несчастнѣе меня!

СИРЪ. (Про себя).

Видно, онъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что мы здѣсь говорили. (Онъ обращается къ Клинію). Клиній, ты понимаешь свою возлюбленную иначе, чѣмъ какъ она есть, потому что и образъ жизни ея, и расположеніе ея къ тебѣ такія-же, какъ были прежде, насколько мы могли заключить изъ самаго дѣла.

КЛИНІЙ.

Что такое, умоляю тебя? Вѣдь теперь для меня нѣтъ ничего болѣе желаннаго, какъ чтобы это мое подозрѣніе оказалось пустымъ.

СИРЪ.

Прежде всего,—чтобы все, что до нея касается, было тебѣ извѣстно: старуха, которая до того оказывалось матерью ея, ей вовсе не мать. Она умерла,—я слышалъ случайно, какъ она сама дорогою разсказывала это другой.

КЛИТОФОНТЪ.

Кто эта другая?

СИРЪ.

Погоди.—Хотѣлъ-бы прежде разсказать то, что началъ Клитофонтъ; потомъ перейду къ твоему дѣлу.

КЛИТОФОНТЪ.

Поскорѣе-же.

СИРЪ.

Прежде всего, какъ только мы подошли къ дому ея, Дромонъ стучится въ двери. Выходитъ какая-то старуха. Только-что она отворила двери, какъ онъ бросился въ комнату, а я за нимъ. Старуха запираетъ двери за собой и возвращается къ своей прялкѣ. Тутъ-то лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, Клиній, можно было узнать, въ какихъ занятіяхъ она проводила жизнь во все время твоего отсутствія, когда мы застали ее врасплохъ, потому что это обстоятельство дало намъ возможность судить о ежедневномъ ея образѣ жизни, который лучше всего показываетъ, каковъ дѣйствительно у кого характеръ. Самое ее мы застали за тканьемъ, прилежную, просто одѣтую въ траурное платье, — полагаю, по причинѣ смерти этой старухи — безъ всякаго золотого украшенія, однимъ

словомъ, одѣтую такъ, какъ одѣваются женщины только для себя. Она не была, по дурному обычаю женщинъ, набѣлена и нарумянена; волосы были распущены и небрежно обвиты вокругъ головы. Баста!

КЛИНІЙ.

Сирушка ты мой, умоляю тебя, не приводи меня напрасно въ восторгъ!

СИРЪ.

Старуха права. Кромѣ нея, была тамъ одна только дѣвчонка; она ткала вмѣстѣ съ нею, покрытая лохмотьями, неряшливая, грязная.

КЛИТОФОНТЪ.

Если все это, Клиній, правда,—въ чемъ не сомнѣваюсь—кто тогда счастливѣе тебя? Понимаешь-ли, какъ эта дѣвчонка, по его разсказу, была скверно одѣта и какая грязная? И это сильное доказательство того, что хозяйка безупречна, если ея наперсницы такъ запущены. Вѣдь уже таковъ пріемъ тѣхъ, которые добиваются доступа къ госпожамъ, что они, прежде всего, задариваютъ ихъ служанокъ.

КЛИНІЙ. (Къ Сиру).

Продолжай, умоляю тебя, и смотри, не домогайся незаслуженной неблагодарности. Что-же она сказала, когда ты назвалъ меня?

СИРЪ.

Когда мы стали говорить, что ты возвратился и просишь ее къ себѣ, то она тотчасъ бросаетъ ткань и обливается слезами, такъ что легко видѣть, что это дѣлается съ тоски по тебѣ.

КЛИНІЙ.

Клянусь богами, отъ радости не знаю, гдѣ я: такъ сильно я боялся.

КЛИТОФОНТЪ.

А я зналъ, Клиній, что нечего было бояться. Ну-ка, Сиръ, — моя очередь — скажи, кто эта другая?

СИРЪ.

Мы приводимъ твою Бакхиду.

КЛИТОФОНТЪ.

Эй, что? — Бакхиду?.. Ну, мерзавецъ, куда ведешь ее?

СИРЪ.

Куда веду ее? — Разумѣется, къ намъ.

КЛИТОФОНТЪ.

Не къ отцу-ли?

СИРЪ.

Именно къ нему.

КЛИТОФОНТЪ.

Каково безстыдство, какова дерзость этого человѣка!

СИРЪ.

Послушай, вѣдь безъ отваги-то не совершается никакое великое и достопамятное дѣло.

КЛИТОФОНТЪ.

Вотъ тебѣ! — Цѣною моей жизни, ты хочешь пріобрѣсть себѣ славу, негодяй? Малѣйшая тутъ твоя ошибка — и я погибъ. (Къ Клинію). Что дѣлать съ нимъ.

СИРЪ.

Однако...

КЛИТОФОНТЪ.

Что «однако?»

СИРЪ.

Если позволишь, скажу.

КЛИНІЙ. (Къ Клитофонту).

Позволь ему.

КЛИТОФОНТЪ.

Позволяю.

СИРЪ.

Это дѣло теперь такъ, какъ-бы, когда того...

КЛИТОФОНТЪ.

Какую чепуху, чортъ возьми, начинаетъ онъ мнѣ городить?

КЛИНІЙ. (Къ Сиру).

Правду онъ говоритъ, Сиръ; не виляй въ сторону, прямо къ дѣлу.

СИРЪ.

Я, право, не могу молчать при этомъ; ты все бранишься, Клитофонтъ, и просто невыносимъ.

КЛИНІЙ. (Къ Клитофонту).

Право, надо выслушать его; молчи!

СИРЪ.

Любить-то хочешь, обладать возлюбленною хочешь, доставлять ей подарки хочешь, но подвергаться ради всего этого опасности—не хочешь!.. Правда, ты умница, если только умно—желать того, чего быть не можетъ. Должно или испытывать вмѣстѣ съ удовольствіями также опасности, или вмѣстѣ съ послѣдними отказаться и отъ первыхъ! Смотри теперь, которое изъ этихъ двухъ условій тебѣ больше нравится, хотя я знаю, что составленный мною планъ хорошъ и вѣренъ, потому что такъ достигается то, чтобы подруга твоя была съ тобою въ домѣ твоего отца безъ боязни, и, кромѣ того, этимъ-же самымъ путемъ я достану тѣ деньги, которыя ты ей обѣщалъ, а приставая ко мнѣ, чтобы я это устроилъ, ты ошеломилъ меня. Чего другого еще хочешь?

КЛИТОФОНТЪ.

Если-бы это только осуществилось!

СИРЪ.

Если-бы только! Попробуй и узнаешь.

КЛИТОФОНТЪ.

Ну-ка, ну! Сообщи этотъ свой планъ, въ чемъ состоитъ онъ.

СИРЪ.

Мы притворимся, будто твоя подруга,—его возлюбленная.

КЛИТОФОНТЪ.

Прекрасно! Прошу покорно, что-же онъ съ своей-то сдѣлаетъ? Развѣ и о ней скажемъ, что она принадлежитъ ему, какъ будто эта одна мало его компрометируетъ.

СИРЪ.

Нѣтъ, она будетъ отведена къ твоей матери.

КЛИТОФОНТЪ.

Почему-же туда?

СИРЪ.

Долго, Клитофонтъ, разсказывать тебѣ, почему такъ дѣлаю; но на это есть основательная причина.

КЛИТОФОНТЪ.

Вздоръ!—Не вижу достаточнаго основанія, къ чему мнѣ браться за такое страшное для меня дѣло.

СИРЪ. (Размышляя).

Погоди! Если этого боишься, то имѣю другой планъ, который обоими вами признанъ будетъ безопаснымъ.

КЛИТОФОНТЪ.

Придумай, пожалуйста, что-нибудь подобное.

СИРЪ.

Именно такое и придумалъ. Пойду ей навстрѣчу и скажу, чтобы она вернулась домой.

КЛИТОФОНТЪ.

Эй, что-ты сказалъ?

СИРЪ.

Уже сдѣлаю, чтобы нечего было тебѣ бояться,—такъ, чтобы ты могъ спокойно спать на любомъ ухѣ.

КЛИТОФОНТЪ (Къ Клинію).

Что мнѣ теперь дѣлать?

КЛИНІЙ.

Что тебѣ дѣлать? — Наслаждайся тѣмъ...

КЛИТОФОНТЪ.

Сиръ, говори безъ шутокъ.

СИРЪ.

Рѣшайся тотчасъ. Если позже, хоть и сегодня, пожелаешь имѣть ее, то это будетъ напрасно. (Сиръ медленно уходитъ навстрѣчу женщинамъ).

КЛИНІЙ. (Продолжаетъ начатый свой отвѣтъ, прерванный разговоромъ между Клитофонтомъ и Сиромъ).

Хорошимъ, что̀ тебѣ представляется, пока это возможно, потому что не можешь знать...

КЛИТОФОНТЪ. (Зоветъ Сира).

Сиръ, эй!

СИРЪ. (Продолжая медленно удаляться).

Зови себѣ, зови меня!.. Все-таки я иду исполнить твое желаніе.

КЛИНІЙ. (Оканчиваетъ начатый свой отвѣтъ).

Будетъ-ли это тебѣ возможно послѣ, или уже никогда.

КЛИТОФОНТЪ.

(Къ Клинію, совѣтъ котораго онъ слыхалъ, не смотря на то, что онъ, между тѣмъ, какъ Клиній говорилъ, главное свое вниманіе обращалъ на дѣйствія и слова Сира).

Правду говоришь, ей-ей! (Онъ зоветъ Сира, все еще продолжающаго медленно удаляться). Сиръ, Сиръ! Эй, Сиръ!..

СИРЪ. (Останавливаясь, про себя).

Онъ сталъ воспламеняться страстью. (КъКлитофонту). Что тебѣ угодно?

КЛИТОФОНТЪ.

Вернись! Вернись!

СИРЪ (Быстро возвращаясь).

Вотъ я здѣсь. Скажи, въ чемъ дѣло? Скажешь, что и это тебѣ не нравится?

КЛИТОФОНТЪ.

Напротивъ, Сиръ, и себя, и любовь свою, и репутацію отдаю въ твои руки. Ты теперь судья: но гляди, чтобы ты самъ въ чемъ-нибудь не попался.

СИРЪ.

Смѣшно, что ты, Клитофонтъ, мнѣ объ этомъ напоминаешь, какъ будто въ этомъ твоемъ дѣлѣ менѣе риску для меня, чѣмъ для тебя. Если при этомъ насъ постигнетъ какая-нибудь неудача, то тебѣ будутъ лишь въ уши трещать, а твоему покорнѣйшему слугѣ (онъ показываетъ на себя) —затрещина. Вотъ почему отношусь къ этому дѣлу далеко не небрежно. Но попроси вотъ этого (показываетъ на Клинія), чтобы онъ выдалъ ее за свою.

КЛИНІЙ.

Конечно, я это сдѣлаю; таково уже положеніе дѣла, что это необходимо.

КЛИТОФОНТЪ.

Благодарю тебя, Клиній.

КЛИНІЙ.

Но какъ-бы только Бакхида не дала промаха.

СИРЪ.

Она научена отлично.

КЛИТОФОНТЪ.

Вотъ удивляюсь, какимъ образомъ ты могъ уговорить ее такъ легко, ее, привыкшую пренебрегать какими вѣдь людьми!

СИРЪ.

Я пришелъ къ ней во время, а это во всѣхъ дѣлахъ самое важное. Я засталъ у нея какого-то военнаго, который настоятельно просилъ ее къ себѣ на ночь. Она-же хитро обошлась съ этимъ господиномъ, чтобы отказомъ разжечь его страсть, а вмѣстѣ и заслужить твою наибольшую благодарность. Но ты, пожалуйста, смотри, не испорти дѣла своею неосторожностью! Ты знаешь своего отца, какъ онъ проницателенъ въ этихъ дѣлахъ, а я знаю тебя, какъ мало ты привыкъ владѣть собою. Отъ словъ двусмысленныхъ, отъ поворачиванія головы, отъ вздоровъ и харканія, и кашля, и смѣха удерживайся.

КЛИТОФОНТЪ.

Будешь мною доволенъ.

СИРЪ.

Пожалуйста, смотри!

КЛИТОФОНТЪ.

Самъ ты удивишься.

СИРЪ. (Видя, что Бакхида и Антифила идутъ).

Однако, какъ скоро догнали насъ женщины!

КЛИТОФОНТЪ. (Въ тревогѣ).

Гдѣ-жъ онѣ? (Онъ бросается къ нимъ на встрѣчу; но Сиръ удерживаетъ его рукою). Зачѣмъ ты удерживаешь меня?

СИРЪ.

Она уже не твоя.

КЛИТОФОНТЪ.

Знаю, при отцѣ; но пока еще...

СИРЪ.

Нисколько не болѣе.

КЛИТОФОНТЪ. (Стараясь вырваться изъ рукъ Сира).

Пусти меня!

СИРЪ. (Держа его).

Не пущу, говорю я.

КЛИТОФОНТЪ.

Сдѣлай милость, на минутку.

СИРЪ. (Все держа его).

Нельзя.

КЛИТОФОНТЪ.

По крайней мѣрѣ, позволь мнѣ поздороваться.

СИРЪ.

Удались, пока ты въ умѣ.

КЛИТОФОНТЪ.

Иду. (Показывая на Клинія). А онъ что?

СИРЪ.

Онъ останется.

КЛИТОФОНТЪ.

Счастливецъ!

СИРЪ. (Поворотивъ Клитофонта въ сторону, противоположную той, откуда идутъ женщины).

Ступай! (Клитофонтъ уходитъ).

А. Делленъ.

5.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бакхида и Антифила (приходятъ, разговаривая между собою), **Клиній и Сиръ** (сначала не замѣченные женщинами, потому что стало уже совсѣмъ темно).

БАКХИДА.

По истинѣ, Антифила моя, хвалю тебя и считаю счастливою, потому что ты старалась, чтобы правы твои соотвѣтствовали твоей красотѣ, и, клянусь богами, я нисколько не удивляюсь, если всякій ищетъ твоей любви. Изъ твоей бесѣды я узнала, каковъ твой характеръ, и если я теперь отдаю себѣ отчетъ въ душѣ о твоей жизни, а также о жизни всѣхъ, подобныхъ тебѣ, которыя удаляютъ отъ себя толпу мужчинъ, то мнѣ не удивительно, что вы таковы, а мы—нѣтъ. Ибо вамъ-то ничего не мѣшаетъ быть безупречными, намъ-же этого не позволяютъ тѣ, съ которыми мы имѣемъ дѣло. За нами ухаживаютъ любовники воспламененные нашею красотой. Какъ только она увянетъ, то они сердцемъ своимъ привязываются къ другой, и если мы, между тѣмъ, ничѣмъ не запаслись, то мы должны жить покинутыми. Съ вами, разъ вы рѣшились прожить съ однимъ только мужемъ, сближается только такой мужчина, чей характеръ наиболѣе походитъ на вашъ, и, благодаря этому, ваши взаимныя узы настолько крѣпки, что вашей любви никогда не можетъ постигнуть никакая превратность.

АНТИФИЛА.

Не знаю, какъ другія; про себя-же я знаю, что всегда тщательно заботилась о томъ, что на его счастіи строить свое собственное счастіе.

КЛИНІЙ. (Про себя).

Ахъ! Правда, Антифила моя, ради одной тебя я теперь возвратился въ отечество; пока я былъ въ дали отъ тебя, всѣ страданія, постигшія меня, были для меня ничтожны, исключая того, что я долженъ былъ жить безъ тебя.

СИРЪ.

Вѣрю.

КЛИНІЙ.

Сиръ, едва переношу это! Неужели мнѣ, несчастному, не позволено наслаждаться сообществомъ этого чуднаго существа такъ, какъ желаю?

СИРЪ.

Напротивъ, насколько я знаю мнѣніе людей о твоемъ отцѣ, онъ еще долго будетъ дѣлать тебѣ затрудненія.

БАКХИДА. (Видитъ незнакомаго ей Клинія).

Кто этотъ молодой человѣкъ, который смотритъ на насъ?

АНТИФИЛА. (Теперь только видитъ Клинія и чуть не падаетъ въ обморокъ).

Ахъ, поддержи меня, умоляю!

БАКХИДА.

Что съ тобою, прошу тебя?

АНТИФИЛА.

Окончательно погибла, погибла я, несчастная! (Пристально смотритъ на Клинія).

БАКХИДА.

Что остолбенѣла такъ?

КЛИНІЙ.

Антифила!..

АНТИФИЛА. (Слыша говоръ Клинія).

Клинія-ли вижу, или нѣтъ?

БАКХИДА.

Кого видишь ты?

КЛИНІЙ.

Здравствуй, душа моя!

АНТИФИЛА.

Здравствуй, ненаглядный мой Клиній!

КЛИНІЙ.

Здорова-ли ты?

АНТИФИЛА.

Я рада, что ты вернулся здоровый. (Она бросается въ объятія Клинія).

КЛИНІЙ.

Тебя-ли я обнимаю, Антифила, тебя, самую дорогую моему сердцу?

СИРЪ.

Идите въ домъ, потому что старикъ уже ожидаетъ васъ. (Всѣ отправляются въ домъ Хремета, чтобы тамъ обѣдать и ночевать. Ночь).

А. Деллекъ.

6.

Дѣйствіе третье.

ЯВЛЕНІЕ I.

Хреметъ, Менедемъ.

ХРЕМЕТЪ.

Уже свѣтаетъ. Не постучаться-ли у дверей къ сосѣду, чтобы онъ отъ меня узналъ впервые о возвращеніи сына? Едва-ли, какъ я замѣчаю, молодой человѣкъ этого желаетъ. Однако, какъ посмотрю, какъ бѣднаго отца терзаетъ побѣгъ сына, неужели стану скрывать отъ него такую нечаянную радость, тѣмъ болѣе если отъ сообщенія этой новости никакой опасности не можетъ быть для молодого человѣка? Но нѣтъ, я этого не сдѣлаю, а, насколько могу, постараюсь помочь старику. Точно такъ какъ мой сынъ служитъ и помогаетъ своему другу и товарищу и беретъ участіе въ дѣлахъ его; такъ и мы — старики — должны прислужиться старикамъ.

МЕНЕДЕМЪ (про себя, выходя изъ дома).

Или я созданъ для страданій, или ложно то, что обыкновенно говорятъ, — будто время облегчаетъ муки людей. Меня ежедневно все болѣе и болѣе грызетъ тоска по сынѣ; чѣмъ дольше его нѣтъ, тѣмъ сильнѣе я жажду его видѣть.

ХРЕМЕТЪ.

Да вотъ и самъ изъ дому вышелъ. Пойду къ нему, заговорю. Здравствуй, Менедемъ, я тебѣ принесъ вѣсть, которая навѣрное доставитъ тебѣ большое удовольствіе.

МЕНЕДЕМЪ.

Можетъ быть, ты услышалъ что-нибудь о моемъ сынѣ, Хреметъ?

ХРЕМЕТЪ.

Онъ живъ и здоровъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Но гдѣ онъ, скажи?

ХРЕМЕТЪ.

Онъ въ моемъ домѣ!

МЕНЕДЕМЪ.

Мой сынъ?..

ХРЕМЕТЪ.

Именно онъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Онъ возвратился?

ХРЕМЕТЪ.

Конечно.

МЕНЕДЕМЪ.

Мой Клиній возвратился?

ХРЕМЕТЪ.

Да, возвратился.

МЕНЕДЕМЪ.

Такъ веди меня къ нему, умоляю тебя.

ХРЕМЕТЪ.

Онъ не желаетъ, чтобы ты зналъ объ его пріѣздѣ; онъ убѣгаетъ отъ твоего присутствія по причинѣ своего проступка и боится, чтобы ты не былъ къ нему еще жестокосерднѣе, чѣмъ прежде.

МЕНЕДЕМЪ.

Развѣ ты ему не говорилъ, какого теперь я мнѣнія?

ХРЕМЕТЪ.

Нѣтъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Почему-же нѣтъ, Хреметъ?

ХРЕМЕТЪ.

Потому, что для тебя и для него очень дурно будетъ, если ты покажешься такимъ кроткимъ и съ такимъ смиреннымъ духомъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Ахъ, не могу! — Долго, о, слишкомъ долго я былъ жестокимъ отцомъ!..

ХРЕМЕТЪ.

Ты слишкомъ далеко переступаешь за границы какъ щедрости, такъ и скупости; какъ отъ одной, такъ и отъ другой тебѣ одинаково достанется. Вмѣсто того, чтобы въ началѣ дозволить твоему сыну видѣться съ дѣвушкой, которая тогда была-бы довольна малымъ, которой всѣ было пріятно, ты ее страхомъ изгналъ отсюда. Нужда заставила ее взяться за ремесло, чтобы добыть хлѣба. Теперь, когда ее можно имѣть только цѣною большихъ пожертвованій, ты готовъ отдать ей все. Ибо, чтобы ты зналъ, она теперь отлично научена мужчинъ-то разорять, начать съ того, что привела съ собою болѣе десяти служанокъ, нагруженныхъ золотомъ и всякимъ убранствомъ. Не только что ты, но, будь ея любовникомъ какой-нибудь сатрапъ, и тому подобная роскошь была-бы не по силамъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Въ твоемъ-ли домѣ она?

ХРЕМЕТЪ.

Дома-ли у меня, ты спрашиваешь? — Это далось таки мнѣ почувствовать. Всего одинъ разъ обѣдала она у меня съ своей свитой; если это еще повторится однажды, то я совсѣмъ разоренъ. Одного вина-то она сколько уничтожила, отвѣдывая лишь! «Это вино-де такъ себѣ, а то — терпко; поди, старикъ, посмотри, нѣтъ-ли вина послаще»... Вотъ я всѣ кружки распечаталъ, всѣ бочки; хозяйство все вверхъ ногами. И все это въ одну ночь. Какъ думаешь, что съ тобою будетъ, если онѣ тебя однимъ глоткомъ пожруть?.. Я, право, жалѣю о твоемъ положеніи, Менедемъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Пусть что хочетъ, то и дѣлаетъ; пускай беретъ, истребляетъ, разоряетъ: я рѣшился все терпѣть, лишь-бы только онъ былъ при мнѣ.

ХРЕМЕТЪ.

Если ты рѣшился на это, то я считаю очень важнымъ, чтобы онъ не зналъ, что получаетъ отъ тебя деньги съ твоего вѣдома.

МЕНЕДЕМЪ.

Что-же мнѣ дѣлать?

ХРЕМЕТЪ.

Все, что̀ угодно, лишь-бы не то, что̀ думаешь. Давай ему черезъ другого. Покажи видъ, будто ты обмануть увертками слуги; кстати, я замѣтилъ, что они въ этомъ дѣлѣ ужъ сошлись и что обо всемъ толкуютъ втихомолку между собою. Сиръ шепчется съ вашимъ слугою; свои планы они передаютъ молодымъ людямъ, и для тебя лучше потерять талантъ этимъ путемъ, нежели мину — инымъ. Теперь дѣло не въ деньгахъ, а въ томъ, какъ-бы намъ ихъ съ наименьшей опасностію передать молодому человѣку. Ибо какъ только онъ узнаетъ, что ты готовъ скорѣе отдать жизнь и все состояніе, чѣмъ отпустить его отъ себя, а тогда, повѣрь, будутъ тобою отперты настежь ворота всякому злу. Тогда жизнь потеряла-бы всякую прелесть для тебя, ибо хуже и хуже становимся мы въ распущенности. Все, что ни придетъ ему въ голову, онъ захочетъ исполнить, не разсуждая, хорошо-ли, дурно-ли то, что̀ требуетъ. Ты не потерпишь, чтобы онъ себя погубилъ вмѣстѣ съ состояніемъ, а станешь отказывать въ деньгахъ, то онъ смекнетъ тотчасъ, къ чему прибѣгнуть, чтобы на тебя лучше всего подѣйствовать, и опять дастъ тягу.

МЕНЕДЕМЪ.

Ты, кажется, вѣрно судишь вещи — какъ онѣ есть.

ХРЕМЕТЪ.

Клянусь честью, я глазъ въ прошедшую ночь не смыкалъ: все придумывалъ, какъ-бы мнѣ тебѣ сына возвратить.

МЕНЕДЕМЪ.

Твою руку! Прошу и въ будущемъ заботиться о томъ-же, Хреметъ.

ХРЕМЕТЪ.

Отъ души готовъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Знаешь-ли ты, чего мнѣ хочется, чтобы ты сдѣлалъ?

ХРЕМЕТЪ.

Говори.

МЕНЕДЕМЪ.

Они хотятъ меня обмануть, какъ ты говоришь, что̀ замѣтилъ. Ну, сдѣлай

такъ, чтобы это поскорѣе было. Я жажду дать ему все, что̀ ни пожелаетъ. Страхъ какъ хочется увидать его самого сейчасъ-же.

ХРЕМЕТЪ.

Постараюсь. Но у меня теперь маленькое дѣло: у нашихъ сосѣдей, Сима и Критона, вышло недоразумѣніе насчетъ межи своихъ земель, и меня избрали судьею. Пойду и скажу имъ, что сегодня не могу заниматься ихъ дѣломъ какъ обѣщалъ, и тотчасъ вернусь.

МЕНЕДЕМЪ.

Сдѣлай милость. (Хреметъ уходитъ). Неужели, о боги, ужъ такъ человѣческая природа устроена, что люди лучше понимаютъ и судятъ чужія дѣла, нежели свои собственныя? Отъ того-ли это происходитъ, что въ своихъ дѣлахъ мы слишкомъ сильно поражаемся скорбію или радостію? Какъ далеко его мнѣнія умнѣе и лучше моихъ собственныхъ въ моемъ-же дѣлѣ!

ХРЕМЕТЪ.

Я отъ нихъ отдѣлался, чтобъ, на свободѣ, заняться тобой. Мнѣ нужно поймать Сира и дать ему наставленіе. Не знаю, кто это вышелъ изъ моего дома. Поди ты домой: пусть они не замѣтятъ, что мы переговариваемся.

А. Резоали.

7.

ЯВЛЕНІЕ II.

Сиръ, Хреметъ.

СИРЪ. (Не замѣчая Хремета).

Ну, теперь мнѣ предстоитъ бѣготня! — Надо непремѣнно достать денегъ и старика надуть надо.

ХРЕМЕТЪ.

Развѣ я ошибся, полагая, что они затѣваютъ обманъ? Конечно, Клинія слуга—глуповатъ, вотъ почему дѣло поручено нашему слугѣ.

СИРЪ.

Кто здѣсь говоритъ?.. Ай, ай, ужъ не услышалъ-ли онъ чего-нибудь?

ХРЕМЕТЪ.

Сиръ!

СИРЪ.

А?..

ХРЕМЕТЪ.

Ты что здѣсь дѣлаешь?

СИРЪ.

Кое что хорошее. На тебя, Хреметъ, удивляюсь: такъ рано на ногахъ послѣ вчерашней выпивки?

ХРЕМЕТЪ.

Ну, не очень-то я много и пилъ.

СИРЪ.

Не очень? Разсказывай! — Ты показалъ вчера изъ себя, какъ говорится, орла, что, въ старости, больше пьетъ, чѣмъ ѣстъ.

ХРЕМЕТЪ.

Гэ! гэ!

СИРЪ.

Славная женщина эта гетера и умница какая!..

ХРЕМЕТЪ.

Дѣйствительно, она и мнѣ такой показалась.

СИРЪ.

И, клянусь богами, такая стройная собой!

ХРЕМЕТЪ.

Такъ себѣ.

СИРЪ.

Разумѣется, не то, что была когда-то, но хороша еще для своихъ лѣтъ. Нисколько не удивительно, если Клиній въ нее влюбленъ до смерти. Но у него отецъ скупой, скряга, сущая жила; сосѣдъ онъ нашъ, знаешь-ли его? Сынъ его ушелъ отъ него по причинѣ недостатка, точно будто у него не водились всякія богатства. Тебѣ вѣдь извѣстно, что дѣло было такъ, какъ я разсказываю?

ХРЕМЕТЪ.

Какъ не знать! Этотъ человѣкъ достоинъ каторги...

СИРЪ.

То есть кто?

ХРЕМЕТЪ.

Да слуга этого молодого человѣка.

СИРЪ (про себя).

А я подумалъ, что бѣда, Сиръ, грозитъ тебѣ.

ХРЕМЕТЪ.

За то, что онъ допустилъ это.

СИРЪ.

Что-жъ ему было дѣлать?

ХРЕМЕТЪ.

И ты спрашиваешь? — Надо было выдумать что-нибудь, изобрѣсть какую-нибудь хитрость для того, чтобъ молодому человѣку было чѣмъ обдарить подругу и тѣмъ спасти старика отъ непріятнаго побѣга сына.

СИРЪ.

Шутишь!

ХРЕМЕТЪ.

Такъ ему слѣдовало поступить, Сиръ.

СИРЪ.

Ого, хвалишь слугъ, которые обманываютъ своихъ господъ!

ХРЕМЕТЪ.

Если это на своемъ мѣстѣ и кстати — да.

СИРЪ.

Очень хорошо!

ХРЕМЕТЪ.

Оттого, что это часто хорошее средство противъ большихъ невзгодъ. Случись это—и остался-бы его единственный сынъ дома.

СИРЪ.

Не знаю, шутитъ-ли онъ, или серьезно говоритъ. Во всякомъ случаѣ, онъ меня ободряетъ это сдѣлать.

ХРЕМЕТЪ.

Чего-жъ онъ теперь дожидается, Сиръ? Ужъ не уйти-ли его господину во второй разъ, если онъ не можетъ переносить издержекъ на наряды его дѣвушки? Не думаетъ-ли онъ старику разставить какую-нибудь западню?

СИРЪ.

Да онъ просто глупъ.

ХРЕМЕТЪ.

Если такъ, то тебѣ слѣдуетъ ему помочь, молодого господина ради.

СИРЪ.

Мнѣ это легко, если прикажешь. Кстати, я смыслю, какъ за дѣло взяться.

ХРЕМЕТЪ.

По чести, тѣмъ лучше.

СИРЪ.

Лгать — не по моей части.

ХРЕМЕТЪ.

Итакъ, за дѣло.

СИРЪ.

Но ты слушай, помни слова свои. Если, какъ водится у людей, съ сыномъ твоимъ случилось-бы когда-нибудь что либо-подобное...

ХРЕМЕТЪ.

Надѣюсь, это никогда не случится.

СИРЪ.

Я, право, питаю ту-же надежду и не отъ того я это говорилъ, чтобы я что-нибудь за нимъ примѣтилъ, но если когда-нибудь...то ты меня не того... Вѣдь ты знаешь, онъ молодъ, а ужъ если на то пойдетъ, такъ, клянусь, Хреметъ, я тебѣ славно услужу!

ХРЕМЕТЪ.

Когда дѣло до того дойдетъ, то мы увидимъ, что надо будетъ сдѣлать, а пока займись вотъ этимъ дѣломъ. (Уходитъ).

СИРЪ.

Никогда не слыхалъ отъ своего господина рѣчей болѣе впопадъ. И нечего мнѣ воображать, что, въ случаѣ, если я провинюсь, наказаніе пронесется мимо. Но кто это вышелъ изъ нашего дома?

А. Резоали.

8.

ЯВЛЕНІЕ III.

Хреметъ и Клитофонтъ (выходятъ изъ дома Хремета). **Сиръ.**

ХРЕМЕТЪ. (Разсерженный къ Клитофонту).

Что это такое, прошу тебя?.. Что это за привычка, Клитофонтъ?.. Развѣ прилично такъ поступать?

КЛИТОФОНТЪ.

Что-же я сдѣлалъ?

ХРЕМЕТЪ.

Развѣ я не видѣлъ, какъ ты только что запустилъ руку за пазуху этой распутницы?

СИРЪ. (Про себя).

Дѣло кончено, — я пропалъ!

КЛИТОФОНТЪ. (Къ отцу).

Я-то?..

ХРЕМЕТЪ.

Своими глазами видѣлъ, не отпирайся. Ты даже недостойно оскорбляешь его, давая волю своимъ рукамъ. Вѣдь это просто низость — пріютить у себя друга и добираться до его подруги. Вчера, напримѣръ, во время попойки, какъ ты велъ себя нескромно...

СИРЪ. (Про себя и вмѣстѣ съ Хреметомъ).

Пропало дѣло!

ХРЕМЕТЪ. (Продолжая).

Какъ несносно. Клянусь богами, я сильно боялся, что̀ изъ этого выйдетъ. Знаю я влюбленныхъ: они сближаются и въ тѣхъ случаяхъ, когда совсѣмъ не предполагаешь.

КЛИТОФОНТЪ.

Но онъ довѣряетъ мнѣ, что я ничего такого не буду дѣлать, отецъ!

ХРЕМЕТЪ.

Пусть такъ; но лучше уйди на время отсюда куда-нибудь, чтобы тебя не видѣли. Многое допускаетъ страсть, и твое присутствіе мѣшаетъ имъ въ этомъ. Я сужу по себѣ: изъ друзей моихъ въ настоящее время нѣтъ ни одного такого, передъ которымъ я рѣшился-бы раскрыть всѣ свои тайны, Клитофонтъ. При одномъ, удерживаетъ меня его важность; при другомъ, я устыдился-бы самаго поступка, чтобы не показаться безтолковымъ или наглымъ; а ты долженъ думать, что и онъ такъ дѣлаетъ. Но наше дѣло понять, какъ и когда всякому слѣдуетъ примѣняться къ желаніямъ другихъ.

СИРЪ. (Не вѣря тому, что̀ онъ слышитъ, и показывая пальцемъ на Хремета, про себя).

Что̀ онъ говоритъ?

КЛИТОФОНТЪ. (Про себя).

Бѣда мнѣ!

СИРЪ.

Клитофонтъ, таковы-ли мои наставленія? Правда, ты показалъ себя человѣкомъ умѣреннымъ и сдержаннымъ!..

КЛИТОФОНТЪ. (Съ негодованіемъ).

Молчи, пожалуйста!

СИРЪ.

Браво, браво!

ХРЕМЕТЪ.

Сиръ, мнѣ стыдно за него.

СИРЪ.

Вѣрю — и по дѣломъ; даже и мнѣ досадно.

КЛИТОФОНТЪ (Къ Сиру).

Клянусь, ты меня губишь.

СИРЪ.

Я говорю, кажется, правду.

КЛИТОФОНТЪ. (Прося Хремета).

Могу-ли я подойти къ нимъ?

ХРЕМЕТЪ.

Ну, иди, но только съ однимъ условіемъ...

СИРЪ. (Про себя).

Пропало дѣло: онъ выдастъ себя прежде, чѣмъ я успѣю достать денегъ. (Къ Хремету). Хреметъ, хочешь-ли слушать меня, простофилю?

ХРЕМЕТЪ.

Что мнѣ дѣлать?

СИРЪ.

Прикажи ему убираться отсюда куда-нибудь.

КЛИТОФОНТЪ.

Куда-же мнѣ пойти отсюда?

СИРЪ.

Куда угодно. Не мѣшай имъ, иди себѣ гулять.

КЛИТОФОНТЪ.

Гулять? — Куда?

СИРЪ.

Ба! Какъ будто мѣста нѣтъ. Ступай (показывая рукою направо и налѣво) сюда, туда, куда хочешь.

ХРЕМЕТЪ (Къ Клитофонту).

По моему, онъ говоритъ дѣло.

КЛИТОФОНТЪ.

Да сотрутъ тебя боги съ лица земли, Сиръ, за то, что ты выталкиваешь меня изъ этого мѣста (Онъ очень неохотно отправляется гулять).

СИРЪ (Наконецъ, разсердившись, говоритъ къ удаляющемуся уже Клитофонту).

А ты впредь не давай воли этимъ твоимъ рукамъ. (Къ Хремету). Не такъ-ли это? Что, какъ думаешь, онъ въ состояніи еще сдѣлать, Хреметъ, если ты, насколько боги дадутъ тебѣ силы, не будешь наблюдать за нимъ, наставлять, увѣщевать его?

ХРЕМЕТЪ.

Я приложу все стараніе къ этому.

СИРЪ.

Итакъ, теперь уже ты, баринъ, долженъ присматривать за нимъ.

ХРЕМЕТЪ.

Такъ и будетъ.

СИРЪ.

Если только ты будешь благоразуменъ, ибо меня онъ все меньше и меньше слушаетъ.

ХРЕМЕТЪ.

А ты подвинулся сколько-нибудь въ томъ дѣлѣ, о которомъ давнымъ давно говорилъ тебѣ, Сиръ? Или-же нашелъ ты, что тебѣ нравится, или нѣтъ?

СИРЪ.

Объ обманѣ-то говоришь? Да, только что пришло мнѣ въ голову кое-что!

ХРЕМЕТЪ.

Молодецъ! Скажи-ка, что такое?

СИРЪ.

Скажу, но такъ, какъ одно послѣ другого случилось.

ХРЕМЕТЪ.

Что-же, Сиръ?

СИРЪ.

Эта женщина — прескверная.

ХРЕМЕТЪ.

Такъ, кажется.

СИРЪ.

А если-бы ты еще зналъ! Увы, посмотри, на какое плутовство она рѣшилась! Была здѣсь какая-то старушка-коринѳянка; она ей дала взаймы тысячу драхмъ серебра.

ХРЕМЕТЪ.

Что дальше?

СИРЪ.

Та умерла, оставила маленькую дочь, которая и осталась ей въ залогъ за эти деньги.

ХРЕМЕТЪ.

Понимаю.

СИРЪ.

Ее-то она привела сюда съ собою; это та, которая теперь у твоей жены.

ХРЕМЕТЪ.

Что̀ дальше?

СИРЪ.

Она проситъ Клинія, чтобы онъ далъ ей теперь эти деньги, а тогда она ее передастъ ему; она требуетъ тысячу драхмъ.

ХРЕМЕТЪ.

Именно требуетъ?

СИРЪ.

Э! Можно-ли въ этомъ сомнѣваться?

ХРЕМЕТЪ.

Я думаю такъ. Что-же ты думаешь теперь дѣлать?

СИРЪ.

Я-то? — Пойду къ Менедему, скажу ему, что она похищена изъ Каріи, богата и знатнаго происхожденія, если онъ ее выкупитъ, то отъ нея можно имѣть большой барышъ.

ХРЕМЕТЪ.

Ошибаешься.

СИРЪ.

Какъ такъ?

ХРЕМЕТЪ.

За Менедема я теперь даю тебѣ отвѣтъ: «Не куплю». Что тогда сдѣлаешь?

СИРЪ.

Говоришь то, чего желаю.

ХРЕМЕТЪ.

Какъ?..

СИРЪ.

Не нужно этого.

ХРЕМЕТЪ.

Не нужно?...

СИРЪ.

Клянусь, не нужно.

ХРЕМЕТЪ.

Странно, какой-же смыслъ имѣетъ твой обманъ?

СИРЪ.

Сейчасъ узнаешь. (Въ домѣ Хремета сильно стучатъ въ двери). Погоди, погоди! Что это такъ сильно у насъ загремѣли въ двери?...

А. Деллень.

9.

Дѣйствіе пятое.

ЯВЛЕНІЕ I.

Менедемъ, потомъ **Хреметъ**.

МЕНЕДЕМЪ.

Что я не изъ самыхъ остроумныхъ и не изъ самыхъ проницательныхъ, это я знаю; но вотъ мой помощникъ, мой руководитель и указчикъ Хреметъ, тотъ ушелъ отъ меня подальше. Мнѣ къ лицу всѣ названія, которыми величаютъ

дураковъ: болванъ, дубина, оселъ, тупица; а къ нему ничего не идетъ, — его глупость превосходитъ все это.

ХРЕМЕТЪ (внутри дома говоритъ женѣ).

Да перестань, жена, наконецъ, съ твоими благодареніями о найденной дочери-то оглушать боговъ: ты, вѣроятно, о нихъ судишь по себѣ и думаешь, что они тогда только поймутъ, если имъ одно и тоже твердить сто кратъ. Но что такъ долго сынъ мой и Сиръ не возвращаются?

МЕНЕДЕМЪ.

Кто это не возвращается?..

ХРЕМЕТЪ.

А!.. Менедемъ!.. Рано-же ты сюда пришелъ. Скажи-ка, объявилъ-ли ты Клинію то, что я тебѣ говорилъ?

МЕНЕДЕМЪ.

Все объявилъ.

ХРЕМЕТЪ.

Что-жъ онъ говоритъ?

МЕНЕДЕМЪ.

Обрадовался какъ настоящій женихъ.

ХРЕМЕТЪ.

Ха, ха, ха!..

МЕНЕДЕМЪ.

Чего смѣешься?

ХРЕМЕТЪ.

Мнѣ пришли въ голову проказы моего слуги, Сира.

МЕНЕДЕМЪ.

Такъ-ли!..

ХРЕМЕТЪ.

Экой плутъ! — Онъ даже выраженіе лицъ другихъ передразниваетъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Ты говоришь это потому, что сынъ мой выказывается такимъ веселымъ.

ХРЕМЕТЪ.

Ну да.

МЕНЕДЕМЪ.

Мнѣ самому это въ голову пришло.

ХРЕМЕТЪ.

Хитрецъ!

МЕНЕДЕМЪ.

Если еще кое-что узнаешь, то подумаешь, что оно въ самомъ дѣлѣ такъ.

ХРЕМЕТЪ.

Правда.

МЕНЕДЕМЪ.

Слушай только.

ХРЕМЕТЪ.

Погоди. Прежде всего, я желалъ-бы узнать, на сколько ты сталъ бѣднѣе, ибо, какъ только ты сообщилъ сыну отвѣтъ мой, то Дромонъ, вѣроятно, сталъ тебѣ подсказывать, что невѣстѣ-де нужны платья, наряды, служанки и чтобы ты далъ на это денегъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Нѣтъ.

ХРЕМЕТЪ

Неужели нѣтъ?

МЕНЕДЕМЪ.

Нѣтъ, говорю.

ХРЕМЕТЪ.

И сынъ также нѣтъ?

МЕНЕДЕМЪ.

Ни слова, Хреметъ. Онъ только на одномъ настаивалъ, — онъ хочетъ, чтобы свадьба была сыграна сегодня-же.

ХРЕМЕТЪ.

Чудеса разсказываешь. Ну, а Сиръ мой, онъ тоже ничего?

МЕНЕДЕМЪ.

Ничего.

ХРЕМЕТЪ.

Почему, не знаю.

МЕНЕДЕМЪ.

Удивляюсь также, что ты постороннія вещи такъ хорошо знаешь. Но какъ-бы удивительно Сиръ твой ни научилъ твоего сына скрываться, все-таки не безъ того, что не было сколько-нибудь замѣтно, что Бакхида любовница Клинія.

ХРЕМЕТЪ.

Что ты?..

МЕНЕДЕМЪ.

Не говорю о поцѣлуяхъ и объ объятіяхъ,—считаю это за пустое.

ХРЕМЕТЪ.

Ужъ не увлекаетъ-ли ихъ вымыселъ и дальше?

МЕНЕДЕМЪ.

Ba!

ХРЕМЕТЪ.

Что-жъ это такое?

МЕНЕДЕМЪ.

Слушай только: у меня на заднемъ фасѣ маленькая комнатка; туда принесена кровать, и на ней постлана постель.

ХРЕМЕТЪ.

Ну, а послѣ-то что было?

МЕНЕДЕМЪ.

Тотчасъ Клитофонтъ отправился туда.

ХРЕМЕТЪ.

Одинъ?

МЕНЕДЕМЪ.

Одинъ.

ХРЕМЕТЪ.

Боюсь...

МЕНЕДЕМЪ.

Бакхида пошла за нимъ туда-жъ.

ХРЕМЕТЪ.

Одна?

МЕНЕДЕМЪ.

Одна.

ХРЕМЕТЪ.

Ужъ

[illegible]

[illegible]

ХРЕМЕТЪ

[illegible]

МЕНЕДЕМЪ.

[illegible]

ХРЕМЕТЪ.

[illegible]

МЕНЕДЕМЪ.

Какъ-же это такъ?

ХРЕМЕТЪ.

Состоянія моего едва хватитъ на десять дней.

МЕНЕДЕМЪ.

Какъ?—Тоголь боишься, что онъ другу своему оказываетъ услугу?

ХРЕМЕТЪ.

Не другу, а подругѣ.

МЕНЕДЕМЪ.

Если онъ это сдѣлаетъ!...

ХРЕМЕТЪ.

Развѣ сомнѣваешься?—Ты думаешь, что есть люди до такой степени кроткіе и снисходительные, которые при видѣ подруги стерпѣли-бы...

МЕНЕДЕМЪ.

Почему-же нѣтъ?—Да чтобъ меня легче провести, чѣмъ словами!

ХРЕМЕТЪ.

По праву насмѣхаешься. Я сержусь на самого себя: сколько случилось вещей, которыхъ я могъ-бы замѣтить, если-бъ не былъ болваномъ! Какихъ я не видалъ? Горе мнѣ, несчастному!.. Но они не останутся безъ достойнаго наказанія, клянусь жизнію!.. Хочу тутъ-же...

МЕНЕДЕМЪ.

И ты не умѣришь своего гнѣва, не одумаешься?.. Развѣ не довольно тебѣ моего примѣра?

ХРЕМЕТЪ.

Я, Менедемъ, внѣ себя отъ гнѣва.

МЕНЕДЕМЪ.

Ты-ли это говоришь? Не гнусно-ли давать совѣты другимъ, наружно казаться мудрымъ и не быть въ состояніи — самому себѣ помочь?..

ХРЕМЕТЪ.

Что-жъ мнѣ дѣлать?

МЕНЕДЕМЪ.

То-же самое, что̀ я дѣлалъ и что, какъ ты говорилъ, было недостаточно. Сдѣлай такъ, чтобы онъ почувствовалъ, что ты отецъ; чтобы онъ дерзалъ все тебѣ повѣрить, все у тебя просить и все требовать отъ тебя; чтобъ онъ не сталъ искать другихъ средствъ и не покинулъ-бы тебя.

ХРЕМЕТЪ.

Напротивъ, пускай лучше пойдетъ по міру, чѣмъ пороками своими здѣсь ввергнетъ отца въ нищету. Вѣдь если я стану продолжать давать ему на расходы, Менедемъ, то и въ самомъ дѣлѣ мнѣ придется взяться за грабли.

МЕНЕДЕМЪ.

Сколько непріятностей навлечешь на себя въ этомъ дѣлѣ, если не будешь остороженъ. Сначала ты строгимъ выказываешься, а потомъ все-таки просишь, а онъ благодаренъ тебѣ не будетъ.

ХРЕМЕТЪ.

Ахъ, ты не знаешь, какъ мнѣ больно!..

МЕНЕДЕМЪ.

Ну, какъ угодно. А насчетъ сватовства что?—Выйти-ли ей за моего сына, если у тебя нѣтъ чего-нибудь лучшаго для нея?

ХРЕМЕТЪ.

Напротивъ,—и зять, и родичи нравятся мнѣ.

МЕНЕДЕМЪ.

Что мнѣ ему сказать, какое даешь приданое за дочерью? Что молчишь?

ХРЕМЕТЪ.

Приданое?

МЕНЕДЕМЪ.

Да.

ХРЕМЕТЪ.

Ахъ!..

МЕНЕДЕМЪ.

Не бойся, Хреметъ, если даже оно не велико: намъ до этого дѣла мало.

ХРЕМЕТЪ.

Я разсудилъ, что, по нашимъ обстоятельствамъ, двухъ талантовъ дост точно будетъ; но если ты хочешь спасти меня, моего сына и имущество, то долженъ сказать, что все мое состояніе назначено на это.

МЕНЕДЕМЪ.

Что, что̀ съ тобою?..

ХРЕМЕТЪ.

Представься удивленнымъ и спроси въ то-же время у сына, по какой пр чинѣ я это дѣлаю.

МЕНЕДЕМЪ.

Что касается до меня, то, право, не знаю, для чего это дѣлаешь.

ХРЕМЕТЪ.

Для чего! — Для того, чтобы молодого человѣка, который теперь утопает въ наслажденіяхъ и въ развратѣ, такъ притиснуть и свернуть, чтобы онъ з зналъ, въ какую сторону обратиться.

МЕНЕДЕМЪ.

Что это ты дѣлаешь?

ХРЕМЕТЪ.

Полно! — Дай мнѣ въ этомъ случаѣ дѣйствовать по своему разумѣнію.

МЕНЕДЕМЪ.

Не мѣшаю. Такъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, намѣренъ поступить?

ХРЕМЕТЪ.

Не иначе.

МЕНЕДЕМЪ.

Пусть будетъ!

ХРЕМЕТЪ.

Пусть приготовится жениться! Я ему за это отомщу словами, какъ прилично съ дѣтьми, но Сира...

МЕНЕДЕМЪ.

Ну, что Сира?..

ХРЕМЕТЪ.

Клянусь жизнью, я его такъ уберу да такъ причешу, что будетъ меня помнить, пока живъ будетъ. (Менедемъ уходитъ). Онъ смотритъ на меня какъ на посмѣшище и потѣшается мною. Нѣтъ, клянусь честію, съ какой нибудь вдовой онъ не посмѣлъ-бы поступить такъ, какъ онъ позволилъ себѣ поступить со мной.

А. Резоали.

10.

ЯВЛЕНІЕ V.

Менедемъ. Хреметъ. Состратa. Клитофонтъ.

МЕНЕДЕМЪ (Выходя изъ своего дома, про себя).

Однако, Хреметъ, уже слишкомъ сурово и слишкомъ безчеловѣчно мучитъ молодого человѣка. Итакъ, выхожу, чтобы водворить миръ. Весьма кстати, вотъ они.

ХРЕМЕТЪ (Видя приближнаго Менедема).

Ну-ка, Менедемъ, отчего не приказываешь привести дочь мою и не изъявляешь своего согласія насчетъ назначеннаго мною приданаго?

СОСТРАТА.

Милый мужъ мой, умоляю тебя, не дѣлай этого.

КЛИТОФОНТЪ.

Отецъ, прости меня, умоляю тебя!

МЕНЕДЕМЪ.

Помилуй его, Хреметъ, уважь ихъ просьбы.

ХРЕМЕТЪ.

Чтобы я въ полномъ умѣ подарилъ Бакхидѣ свое имущество?.. Никогда!

МЕНЕДЕМЪ.

Но этого мы не допустимъ.

КЛИТОФОНТЪ.

Если желаешь, чтобы я жилъ на твоемъ свѣтѣ, отецъ, прости!

СОСТРАТА.

Сдѣлай это, мой Хремитъ!

МЕНЕДЕМЪ.

Сдѣлай, прошу тебя, не будь столь упорнымъ, Хремитъ!

ХРЕМЕТЪ.

Ну что? — Вижу, что нельзя мнѣ довершить этого такъ, какъ начать.

МЕНЕДЕМЪ.

Ты поступаешь такъ, какъ тебѣ прилично.

ХРЕМЕТЪ.

Съ тѣмъ однако условіемъ я это сдѣлаю, если онъ, угождая ли Клитофонта сдѣлаетъ то, что я считаю справедливымъ.

КЛИТОФОНТЪ.

Отецъ, я готовъ сдѣлать все. Приказывай!

ХРЕМЕТЪ.

Чтобы ты женился.

КЛИТОФОНТЪ.

Отецъ!.. (*Беретъ его за руку*).

ХРЕМЕТЪ (*Отвергая руку*).

Слушать не хочу.

СОСТРАТА.

Я беру это на себя, онъ сдѣлаетъ это.

ХРЕМЕТЪ.

Все отъ него еще ничего не слышу.

КЛИТОФОНТЪ.

Я пропалъ!

СОСТРАТА.

Ты затрудняешься, Клитофонтъ?

ХРЕМЕТЪ (Къ Состратѣ).

Предоставляю ему выбирать то или другое.

СОСТРАТА.

Онъ сдѣлаетъ все.

МЕНЕДЕМЪ (Къ Клитофонту).

Это тяжело только вначалѣ, пока еще не знаешь; когда узнаешь, будетъ легко.

КЛИТОФОНТЪ.

Я сдѣлаю, отецъ!

СОСТРАТА.

Сынъ мой, женю тебя, клянусь, на этой хорошенькой, которую вѣрно полюбишь,—на дочери нашего Фанократа.

КЛИТОФОНТЪ.

Не на той-ли рыжей дѣвицѣ, сѣроглазой, съ лицомъ, покрытымъ веснушками, съ крючковатымъ носомъ? (Къ отцу). Не могу, отецъ.

ХРЕМЕТЪ.

Ишь, какъ разборчивъ онъ! Это занятіе, должно думать, ему по душѣ.

СОСТРАТА (Къ Клитофонту).

Женю тебя на другой.

КЛИТОФОНТЪ (почесывая затылокъ).

Не нужно. Такъ какъ уже долженъ жениться, то у меня есть на примѣтѣ дѣвица, которую желаю.

ХРЕМЕТЪ.

Теперь хвалю тебя, сынъ.

КЛИТОФОНТЪ.

Дочь вотъ этого Архонида. (Онъ показываетъ на домъ Архонида).

СОСТРАТА.

Я одобряю твой выборъ.

КЛИТОФОНТЪ.

Отецъ, теперь еще остается вотъ что.

ХРЕМЕТЪ.

Что такое?

КЛИТОФОНТЪ.

Я желаю, чтобы ты простилъ Сиру все, что онъ сдѣлалъ для меня.

ХРЕМЕТЪ.

Пусть будетъ такъ.

2 (къ публикѣ).

А вы прощайте и апплодируйте.

А. Делленъ.

III. ИЗЪ КОМЕДІИ «БРАТЬЯ».

1.

Дѣйствіе первое.

ЯВЛЕНІЕ II.

Микіонъ и Демей.

МИКІОНЪ.

Здорово, братъ!.. Весьма пріятно встрѣтить...

ДЕМЕЙ.

А! Микіонъ! Тебя-то и ищу.

МИКІОНЪ.

Что такъ печаленъ ты?

ДЕМЕЙ.

Что такъ печаленъ—
Спросилъ ты—а Эсхинъ то!

МИКІОНЪ.

Такъ и есть!
Вѣдь говорилъ я!.. Что-же сдѣлалъ онъ?

ДЕМЕЙ.

Что сдѣлалъ?.. Потерялъ и стыдъ, и страхъ,
Не думаетъ о томъ, что существуютъ
Законы здѣсь... О прошломъ ужъ молчу я,
Нѣтъ,—что теперь надѣлалъ!

МИКІОНЪ.

Что-жъ такое?

ДЕМЕЙ.

Что?—Двери выломалъ, въ чужой ворвался домъ,
Хозяина, семью избилъ до смерти
И отнялъ женщину, которую любилъ.
Вѣдь всѣ кричатъ, что подло поступилъ онъ.
Ахъ, Микіонъ! Ужъ сколько разъ объ этомъ,
Пока тебя искалъ, пришлось мнѣ слышать!
Молва о томъ въ устахъ всего народа.
Да хоть-бы взялъ онъ для примѣра брата,
Который любитъ дѣломъ заниматься;
Воздержно, бережливо онъ живетъ
Въ деревнѣ; а Эсхинъ на Ктесифонта
Ни мало не походитъ. Этимъ самымъ
Я и тебѣ хотѣлъ напомнить, братъ,
Что у тебя испортился онъ...

МИКІОНЪ.

Есть-ли
На свѣтѣ кто нибудь несправедливѣй
Невѣжды?—Человѣкъ такой всегда
Считаетъ то единственно хорошимъ,
Что̀ самъ творитъ.

ДЕМЕЙ.

Къ чему-же это ты
Ведешь?

МИКІОНЪ.

Да все къ тому, что очень криво
Толкуешь ты! Повѣрь: тому, кто молодъ,
Не стыдно и за женщинами бѣгать,
Не стыдно выпить, даже не безчестье
И выбить дверь... И если мы съ тобой
Не дѣлали подобныхъ преступленій,
То бѣдность насъ къ тому не допускала.
Что̀ дѣлалось въ ту пору по неволѣ,
Тѣмъ нечего теперь и похваляться.
Не правъ ты: только было бы на что—
Мы сами то-же дѣлали-бы. Если-бъ

Ты былъ почеловѣчнѣе, Демей,
То далъ-бы сыну больше воли; это
Вѣдь дань лѣтамъ... И несравненно лучше,
Чѣмъ, проводя тебя въ послѣдній путь,
Онъ, послѣ столькихъ долгихъ ожиданій,
Несвоевременно за то-же бы взялся!

ДЕМЕЙ.

О боги! Съ человѣчностью своей
Съ ума меня ты сводишь! Не безчестье
Для юноши подобные поступки!...

МИКІОНЪ.

Зачѣмъ твердить одно и тоже? Слушай:
Вѣдь ты позволилъ мнѣ усыновить
Эсхина?—Стало быть, онъ сталъ моимъ
И, если провинится въ чемъ-нибудь,
Онъ предо мной, конечно, провинится;
Въ его винѣ отвѣтчикъ буду—я.
Его пиры, попойки, благовонья—
На мой вѣдь счетъ. Онъ любитъ женщинъ—что-же?
Вѣдь я плачу̀, покуда деньги есть;
Не будетъ—пусть ему покажутъ двери;
Сломалъ онъ дверь—ну, что-жъ! опять навѣсятъ;
Онъ платье изорвалъ—по милости боговъ
Все это мы исправить еще въ силахъ.
Повѣрь—все это сносно... Перестань-же
Ворчать, или посредника возьмемъ:
Я докажу тебѣ, что въ этомъ дѣлѣ
Грѣшишь ты болѣе меня.

ДЕМЕЙ.

О боги!

Спроси того, что̀ значитъ быть отцомъ,
Кто испыталъ на самомъ дѣлѣ это.

МИКІОНЪ.

Но ты ему отецъ по плоти только,
По духу—я отецъ ему...

ДЕМЕЙ.

Такъ ты
Подобные даешь ему совѣты?!

МИКІОНЪ.

Не замолчишь — такъ я сейчасъ уйду.

ДЕМЕЙ.

Такъ это ты...

МИКІОНЪ.

Ужъ сколько разъ объ этомъ
Мнѣ слушать приходилось!

ДЕМЕЙ.

Да кому-же
Заботиться о немъ, какъ не отцу?!

МИКІОНЪ.

И я о немъ заботиться обязанъ.
Не лучше-ли намъ раздѣлить заботы:
Ты за своимъ смотри, я стану—за своимъ.
Вѣдь о двоихъ заботиться—все тоже
Что у меня Эсхина снова взять!

ДЕМЕЙ.

Ахъ, Микіонъ!..

МИКІОНЪ.

Мнѣ кажется, что такъ.

ДЕМЕЙ.

Когда тебѣ угодно, пусть онъ мотомъ
Останется; пусть самъ погибнетъ онъ!
Теперь я васъ ужь больше не затрону.
И если послѣ этого хоть слово...

МИКІОНЪ.

Опять, Демей, ты изъ себя выходишь!

ДЕМЕЙ.

Не вѣришь?.. Не потребую назадъ
Эсхина: вѣдь его тебѣ я ввѣрилъ...

Но горько... я ему вѣдь не чужой...
И если иногда противорѣчу...
Но замолчу... Ты хочешь, чтобы я
Лишь объ одномъ изъ сыновей пекся—
Да будетъ такъ! Благодарю васъ, боги!
За то, что Ктесифонтъ таковъ, какимъ его
Всегда желательно мнѣ было видѣть...
Ужъ говорить не хочется...

М. П—скій.

2.

Дѣйствіе третье.

ЯВЛЕНІЕ III.

Демей, потомъ Сиръ.

ДЕМЕЙ.

Боги!
Съ Эсхиномъ, говорятъ, и Ктесифонтъ
Участвовалъ въ насильи... Вотъ чего
Мнѣ бѣдному еще не доставало!
И онъ, еще надежды подававшій,
Ужъ тоже до безпутства доведенъ!
Куда пойду искать его? Ужь, вѣрно,
Онъ завлеченъ въ какой-нибудь негодный домъ:
И я увѣренъ, виноватъ въ томъ—братецъ.
Но это Сиръ! Узнаю отъ него,
Гдѣ Ктесифонтъ, но, Геркулесъ свидѣтель,—
Того-же поля ягода и онъ...
Пронюхай онъ, что нужно мнѣ узнать,
Гдѣ Ктесифонтъ, такъ ни за что не скажетъ,
Разбойникъ! Но не дамъ ему замѣтить...

СИРЪ.

Вотъ мы и разсказали Микіону
Все дѣло по порядку. Ужъ какъ радъ-то!

ДЕМЕЙ.

Клянусь Юпитеромъ!.. Какая глупость!

СИРЪ.

И сына расхвалилъ, да за совѣтъ и мнѣ
Сказалъ спасибо.

ДЕМЕЙ.

Боги! Задохнусь я!

СИРЪ.

И тутъ-же, отсчитавши деньги, далъ
И намъ полъ-мины на расходы. Мы,
Какъ онъ хотѣлъ, такъ съ ней и поступили.

ДЕМЕЙ.

Къ нему въ нуждѣ и нужно обращаться:
Ужъ дѣло аккуратно поведетъ!

СИРЪ.

Демей!.. Да я тебя и не примѣтилъ!..
Что скажешь?

ДЕМЕЙ.

Что скажу тебѣ?—Да вотъ
Все досыта еще не надивуюсь
Всей нашей мудрости.

СИРЪ.

Клянусь, она
Нелѣпа, ежели пойдетъ на правду
(обращается къ дому).
Дромонъ! Смотри-же остальную рыбу
Всю вычисти и только одного
Оставь ходить въ водѣ большого угря.
Какъ я приду, управимся и съ нимъ.
Не раньше. Слышишь?..

ДЕМЕЙ.

Гадости!

СИРЪ.

И мнѣ ужъ

Досадно это, и нерѣдко самъ
Я крупно говорю объ этомъ
(опять обращается къ дому).
Въ воду.
Стефаніонъ, селедки положи;
Пусть вымокнутъ онѣ какъ можно больше.

ДЕМЕЙ.

О боги правосудные! Ужели
Считаетъ онъ похвальнымъ даже то,
Что погубилъ Эсхина! Я предвижу
Тотъ день, когда Эсхинъ отъ нищеты
Бѣжитъ за тѣмъ, чтобы наняться въ службу
Военную...

СИРЪ.

Тотъ только и уменъ,
Кто не одно, что̀ только подъ ногами,
Но и впередъ и далѣе провидитъ.

ДЕМЕЙ.

Ну, а пѣвица та—у васъ?

СИРЪ.

У насъ.

ДЕМЕЙ.

Ужели у себя ее оставишь?

СИРЪ.

Навѣрное, по глупости...

ДЕМЕЙ.

Ужели?..

СИРЪ.

Глупа и снисходительность отца,
И гибельна потачка сыну.

ДЕМЕЙ.

Жаль,
А, вмѣстѣ съ тѣмъ, и стыдно мнѣ за брата.

СИРЪ.

Другъ на́ друга вы вовсе не похожи,—
Такъ говорю не потому, Демей,
Что самъ ты здѣсь,—нѣтъ, съ головы до ногъ
Весь мудрость—ты, а братъ твой—сумасшедшій.
Вѣдь Ктесифонта ты не допустилъ-бы
До этого?

ДЕМЕЙ.

Чтобъ я то допустилъ?
Какъ, въ по́лгода, и я-бы не пронюхалъ,
За что взялся онъ?!

СИРЪ.

Ужь не говори мнѣ
Про бдительность свою!

ДЕМЕЙ.

Желаю только,
Чтобъ и всегда такимъ-же оставался,
Каковъ теперь онъ.

СИРЪ.

Кто какимъ желаетъ
Свое дитя имѣть, такимъ и будетъ
Оно.

ДЕМЕЙ.

Ты не видалъ его сегодня?

СИРЪ.

Сегодня?—Ктесифонта твоего?
(Въ деревню я его спроважу)... Онъ,
Я полагаю, ужъ давно въ деревнѣ
Надъ чѣмъ-нибудь трудится.

ДЕМЕЙ.

Точно знаешь,
Что тамъ онъ?

СИРЪ.

Самъ его и провожалъ.

ДЕМЕЙ.

Прекрасно! А ужъ я, было, боялся,
Чтобъ здѣсь онъ не остался!

СИРЪ.

Онъ былъ очень
Сердитъ.

ДЕМЕЙ.

На что?

СИРЪ.

Да съ братомъ побранились
На форумѣ, изъ-за пѣвицы этой.

ДЕМЕЙ.

Ужъ правда-ли?

СИРЪ.

Хотъ-бы о чемъ смолчалъ!
Пришелъ, когда отсчитывались деньги,
Да какъ начнетъ: «Что дѣлаешь, Эсхинъ?—
Не стыдно ли?—Вѣдь этимъ ты позоришь
Нашъ родъ!..»

ДЕМЕЙ.

Отъ радости я плачу.

СИРЪ.

«Жизнь,
Не только деньги, ты вѣдь промотаешь!..»

ДЕМЕЙ.

Да сохранятъ его благіе боги!..
По предкамъ Ктесифонтъ пошелъ...

СИРЪ.

Еще-бы!..

ДЕМЕЙ.

Пропитанъ весь уроками отцовъ!

СИРЪ.

Все жилъ съ тобой, такъ могъ пока учиться.

ДЕМЕЙ.

Стараюсь, какъ могу. Ужъ ничего
Не упускаю изъ виду; велю,
Чтобы побольше вглядывался онъ,
Какъ въ зеркало, въ людскую жизнь и нравы,
Чтобъ извлекалъ оттуда образцы.
«Вотъ это дѣлай», говорю я...

СИРЪ.

Дѣльно!

ДЕМЕЙ.

«А этого старайся избѣгать».

СИРЪ.

Прекрасно!

ДЕМЕЙ.

«Это вотъ похвально»!

СИРЪ.

Дѣло!

ДЕМЕЙ.

«А это—дурно».

СИРЪ.

И отлично!

ДЕМЕЙ.

Послѣ
Того....

СИРЪ.

Повѣрь: мнѣ, право недосугъ
Теперь все это слушать,—лучшей рыбы,
Какой хотѣлось, я досталъ; такъ нужно
И поберечь ее, чтобъ уцѣлѣла.
Вѣдь и для насъ, рабовъ, какъ и для васъ,
Не хорошо не исполнять на дѣлѣ
Того, о чемъ сейчасъ ты говорилъ.
И я вѣдь точно также, какъ могу,

Учу своихъ товарищей тому-же:
«Здѣсь много соли».... «Это сожжено,
«А это не промыто хорошенько!»....
«Вотъ это ладно! И впередъ такъ дѣлай»,—
Учу, чему могу, на сколько знаю самъ.
Потомъ велю я имъ смотрѣться въ блюда
Какъ въ зеркало; напоминаю имъ,
Что̀ нужно дѣлать. Правда, все что мы
Ни дѣлаемъ, я знаю—очень дурно;
Но что-же станешь дѣлать?—Вѣдь слуга
Обязанъ господину угождать!
Не нужно-ли еще чего?

ДЕМЕЙ.

Ума
Побольше-бы вамъ надобно!

СИРЪ.

Послушай,
Въ деревню ты пойдешь теперь отсюда?

ДЕМЕЙ.

Прямехонько.

СИРЪ.

Что̀ здѣсь тебѣ и дѣлать,
Когда никто не слушаетъ твоихъ
Полезныхъ наставленій!

ДЕМЕЙ.

Да ужъ если
И тотъ, за кѣмъ сюда пришелъ я, дома,
Такъ я уйду отсюда. Онъ—одна
Моя забота! Брату такъ угодно!
И за Эсхиномъ пусть онъ смотритъ самъ.
А это кто? Кого еще тамъ вижу?
Не Гегіонъ-ли это, мой товарищъ
По трибѣ? Если я не ошибаюсь,
То это онъ, клянуся Геркулесомъ,

Товарищъ дѣтства, другъ.... Благіе боги!
У насъ въ такихъ согражданахъ теперь
Ужасный недостатокъ. Гегіонъ-же—
Старинныхъ, прежнихъ правилъ человѣкъ!
Республикѣ вреда не нанесетъ онъ!
Какъ веселъ я, какъ радъ всегда бываю,
Когда случится видѣть мнѣ въ живыхъ
Людей того, былого поколѣнья!...
И жизнь тогда пріятнѣе! Дождусь
Его; да, поздоровавшись, нехудо
О томъ, о семъ и перемолвить съ нимъ.

М. П-скій.

3.

Дѣйствіе четвертое.

ЯВЛЕНІЕ II.

Демей, Сиръ. Ктесифонтъ за сценой.

ДЕМЕЙ.

Рѣшительно несчастье мнѣ!—Во первыхъ,
Я брата не нашелъ, а во вторыхъ,
Когда его искалъ я, мнѣ попался
Навстрѣчу мой работникъ съ виллы. Онъ
Мнѣ говорилъ, что сына—нѣтъ на виллѣ.
Не знаю, право, что и дѣлать....

КТЕСИФОНТЪ (изъ-за дверей).

Сиръ!

СИРЪ.

Ну, что?

КТЕСИФОНТЪ.

Ужъ не меня-ли ищетъ?

СИРЪ.

Да.

КТЕСИФОНТЪ

Ну, я совсѣмъ пропалъ!

СИРЪ.

Да успокойся!

ДЕМЕЙ (съ собой).

Что за несчастье—просто не могу я
Взять въ толкъ! Ужъ видно такъ мнѣ на роду
Написано: повсюду неудачи
Однѣ встрѣчать! Семейныя несчастья
Я первый чувствую и узнаю
И первый говорю о нихъ; за всѣхъ,
Что ни случись, всегда одинъ забочусь.

СИРЪ (съ собой).

Какъ онъ смѣшонъ!—Сейчасъ вѣдь онъ сказалъ,
Что первый онъ все узнаетъ, да онъ-то
Одинъ вѣдь и не смыслитъ ничего.

ДЕМЕЙ.

Пойти назадъ.... Быть можетъ, воротился
Мой братъ.

КТЕСИФОНТЪ.

Смотри-же, Сиръ, чтобы сюда
Онъ не вломился.

СИРЪ (Ктесифонту).

Ты молчи. Ужъ я
Постерегу.

КТЕСИФОНТЪ.

Клянусь, теперь тебѣ
Я этого не ввѣрю. Лучше съ нею
Въ какой-нибудь хоть уголъ я забьюсь...
Вѣрнѣе это будетъ.

СИРЪ.

Хорошо.
А я его сейчасъ спроважу.

ДЕМЕЙ.

Сиръ,
Бездѣльникъ!!..

СИРЪ (какъ-бы не примѣчая Демея).

Нѣтъ, терпѣнья не достанетъ
Здѣсь жить, когда у насъ все такъ пойдетъ.
Желалъ-бы знать я, сколько у меня
Однихъ господъ?

ДЕМЕЙ.

На что еще ворчитъ онъ?
Чего еще онъ хочетъ? (Сиру) Что такое
Ты говоришь тутъ, честная душа?
Что̀, дома, братъ?..

СИРЪ.

О злоба! Что ты хочешь
Сказать мнѣ этимъ?—Я совсѣмъ погибъ!

ДЕМЕЙ.

Да что-жъ съ тобой такое?

СИРЪ.

Что такое!—
Меня, несчастнаго, съ пѣвицей этой
Твой Ктесифонтъ избилъ до полусмерти.

ДЕМЕЙ.

Что говоришь ты?..

СИРЪ.

Видишь, какъ разсѣкъ
Мнѣ губу?

ДЕМЕЙ.

Но за что-же?

СИРЪ.

Говоритъ онъ,
Что будто-бы купили ту пѣвицу
По моему совѣту.

ДЕМЕЙ.

Да не ты-ли

Сейчасъ сказалъ, что самъ и провожалъ
До виллы Ктесифонта?

СИРЪ.

Это правда;
Но онъ опять, взбѣшенный, прибѣжалъ...
Не пожалѣлъ ни мало... И не стыдно
Избить такъ старика, что̀ на рукахъ
Носилъ его вотъ этакимъ!.. (Показываетъ рукой).

ДЕМЕЙ.

Похвально!
Ай, Ктесифонтъ,—да это по отцовски!..
Ну, истый мужъ!..

СИРЪ.

Ты хвалишь?.. Если онъ
Дѣйствительно уменъ, то впредь ужъ, вѣрно,
Своимъ рукамъ не дастъ онъ больше воли.

ДЕМЕЙ.

Какая смѣлость!

СИРЪ.

Смѣлость, что осилилъ
Меня, раба, который не посмѣлъ
Ему сопротивляться, да еще
Ту женщину несчастную?.. Геройство!

ДЕМЕЙ.

Чего-же больше?.. Такъ-же, какъ и я,
Онъ полагалъ, что ты всему виною...
Что, дома братъ мой?

СИРЪ.

Нѣтъ!

ДЕМЕЙ.

Куда-же мнѣ
Идти искать его?

СИРЪ.

Я знаю, только
Сегодня этого ужъ не скажу.

ДЕМЕЙ.

Что говоришъ ты?

СИРЪ.

Такъ-то!

ДЕМЕЙ.

Видно, ты
Надѣешься на крѣпость лба?.. Смотри-же!

СИРЪ.

Я имени хозяина не знаю,
А знаю только домъ, гдѣ онъ теперь.

ДЕМЕЙ.

Такъ говори.

СИРЪ.

Конечно, ты вѣдь знаешь
Тотъ портикъ, отъ Съѣстного рынка книзу?..

ДЕМЕЙ.

Ну, какъ не знать!

СИРЪ.

Ступай-же прямо вверхъ;
Потомъ, когда поднимешься, увидишь
Тотчасъ-же спускъ; по спуску и иди;
По эту руку будетъ храмъ, а возлѣ
Пойдетъ проулокъ... Ну, еще тамъ есть
Высокая смоковница...

ДЕМЕЙ.

Ну, знаю.

СИРЪ.

Такъ дальше и иди себѣ...

ДЕМЕЙ.

Куда-же?
Вѣдь тамъ глухой проулокъ!

СИРЪ.

Вѣдь и точно!..
Что я за человѣкъ!.. Ошибся!.. Ты назадъ
Сверни опять на портикъ: ближе будетъ
И меньше крюку. Знаешь еще тамъ
Палаты богача Кратина?..

ДЕМЕЙ.

Знаю.

СИРЪ.

Когда-же ихъ минуешь, то возьми
Налѣво, все по улицѣ; потомъ,
Съ Діаной поравнявшись, повернешь
Направо. Прежде чѣмъ придешь къ воротамъ,
Увидишь мельницу у водоема;
На противъ-же и будетъ мастерская
Столярная. Теперь онъ—тамъ!

ДЕМЕЙ.

Но что-же
Ему тамъ дѣлать?

СИРЪ.

Видишь-ли ты: ложи
На ясеневыхъ ножкахъ заказалъ онъ,
Для ужиновъ на воздухѣ.

ДЕМЕЙ.

Чтобъ было
Гдѣ пьянствовать вамъ?

СИРЪ.

Какъ-же!

ДЕМЕЙ.

Что-же я
Нейду къ нему?.. (*Уходитъ*).

СИРЪ (*одинъ*).

Ступай... Ужъ я-жъ порядкомъ
Сегодня, старый хрычъ, тебя помучу.

Эсхинъ ужасно медлитъ, и обѣдъ
Испортится, а Ктесифонтъ въ любви
Совсѣмъ погрязъ; такъ я похлопочу
И о себѣ: пойду да что получше
Возьму и понемногу цѣлый день,
Кіаѳами глотая, проведу я...

М. П—скій.

4.

ЯВЛЕНІЕ V.

Микіонъ и Эсхинъ.

МИКІОНЪ (выходя изъ дому Сострaты, говоритъ ей).

Такъ вы и поступайте, какъ сказалъ я,
А я пойду къ Эсхину, чтобы онъ
Узналъ, на чемъ мы съ вами порѣшили...
Стучатся въ двери...

ЭСХИНЪ.

Мой отецъ!.. О ужасъ!..

МИКІОНЪ.

Эсхинъ!

ЭСХИНЪ.

Зачѣмъ-бы быть ему у нихъ?..

МИКІОНЪ.

Не ты-ли здѣсь стучался?.. (Онъ молчитъ.
Постой-же, подшучу я, въ наказанье
За то, что онъ скрывался предо мной).
Ну, что-же ничего не отвѣчаешь?

ЭСХИНЪ.

Насколько знаю, здѣсь я не стучался.

МИКІОНЪ.

А я ужъ подивился,—что за крайность
Заставила тебя сюда придти!
(Онъ покраснѣлъ... хорошій знакъ)!

ЭСХИНЪ.

А что-же
За дѣло привело сюда тебя,
Мой батюшка?

МИКІОНЪ.

Да у меня-то дѣла,
Конечно, нѣтъ, а вотъ, одинъ пріятель
Увелъ, сейчасъ лишь съ форума меня
По собственному дѣлу.

ЭСХИНЪ.

По какому?

МИКІОНЪ.

Да вотъ какое дѣло: здѣсь живутъ
Двѣ женщины—онѣ весьма бѣдны,
И ты, я думаю, да и увѣренъ въ этомъ,
Не можешь ихъ и знать—еще недавно
Онѣ и переѣхали сюда.

ЭСХИНЪ.

Ну, что-жъ?

МИКІОНЪ.

Дѣвица съ матерью...

ЭСХИНЪ.

Потомъ?

МИКІОНЪ.

Отца она лишилась. Мой пріятель—
Ей родственникъ ближайшій, и законъ
Велитъ ему на ней жениться...

ЭСХИНЪ.

Боги!

МИКІОНЪ.

Да что съ тобой?

ЭСХИНЪ.

Нѣтъ... такъ я... продолжай.

МИКІОНЪ.

Вотъ онъ за ней нарочно и пріѣхалъ:
Онъ самъ живетъ въ Милетѣ.

ЭСХИНЪ.

Такъ съ собой
Онъ увезетъ ее?

МИКІОНЪ.

Ну, да!

ЭСХИНЪ.

Въ Милетъ?

МИКІОНЪ.

Конечно.

ЭСХИНЪ.

Боги!.. Ну, а сами, сами
Онѣ что говорятъ объ этомъ?

МИКІОНЪ.

Какъ-бы
Ты думалъ?—Ровно ничего! И мать
Изволитъ сочинять еще, что будто
У дочери ребенокъ родился,—
А отъ кого, не говорятъ онѣ—
И будто-бы ей должно быть женой
Того, кто былъ отцомъ ея малютки,
А не женой милетца.

ЭСХИНЪ.

Неужели
Ея слова несправедливы?

МИКІОНЪ.

Нѣтъ!

ЭСХИНЪ.

Да какъ-же—нѣтъ, прошу тебя? Отсюда
Онъ увезетъ ее?

МИКІОНЪ.

А почему-же
Не увозить?

ЭСХИНЪ.

Безжалостно, сурово
И, если прямо говорить, нечестно
Вы поступили!

МИКІОНЪ.

Это почему?..

ЭСХИНЪ.

И ты еще спросилъ!... Но каково-же
Тому несчастному, кому она
Впервые отдалась,—тому, который
Влюбленъ въ нее, быть можетъ, и теперь—
Когда при немъ возьмутъ ее насильно
И уведутъ далеко съ глазъ долой?!..
Нѣтъ, батюшка, поступокъ нехорошій!

МИКІОНЪ.

Да почему? Кто сговорилъ ее
И выдавалъ? Когда свершился бракъ?
И какъ-бы онъ жениться могъ на ней—
Другому предназначенной закономъ?

ЭСХИНЪ.

Такъ, видно, зрѣлой дѣвушкѣ лишь дома
Сидѣть да ждать, покуда къ ней придетъ,
Невѣсть откуда, родственникъ?... Такъ вотъ что
Тебѣ-бы нужно было говорить
И защищать!

МИКІОНЪ.

Смѣшно!—Съ какой-же стати
Я выскажусь теперь противъ того,
Чью сторону я принялъ прежде?.. Впрочемъ,
Что съ ними общаго у насъ, Эсхинъ?
Какая намъ нужда! Пойдемъ отсюда!..
Что это?—Плачешь?..

ЭСХИНЪ.

Батюшка, молю
Узнай-же все...

МИКІОНЪ.

И слышалъ все, и знаю.
Вѣдь я люблю тебя и потому
О всемъ, что ты ни дѣлаешь, забочусь.

ЭСХИНЪ.

Но я желалъ-бы, батюшка, чтобъ ты,
Покуда дни твои не прекратились,
Любилъ меня не даромъ,—по заслугамъ.
Поэтому проступокъ мой мнѣ въ тягость;
Мнѣ совѣстно, повѣрь, передъ тобой.

МИКІОНЪ.

Клянусь тебѣ, что вѣрю, потому
Что знаю благородный твой характеръ,
Но все-таки боюсь, чтобъ черезчуръ
Не сдѣлался ты вѣтренымъ!.. Подумай,
О томъ, гдѣ ты живешь!—Вѣдь обольстить
Дѣвицу, до которой, по законамъ,
Не долженъ былъ касаться ты,—большой
Проступокъ... Впрочемъ, онъ еще въ порядкѣ
Вещей. Случалось это и съ другими,
Съ людьми весьма порядочными тоже.
Ну, а потомъ заглядывалъ-ли ты
Впередъ—и самъ себѣ порой вопросы:
И что и какъ то будетъ, задавалъ-ли?
И какъ-же я узналъ-бы, если самъ ты
Стыдился обо всемъ мнѣ разсказать?
И вотъ, пока ты медлилъ мнѣ признаться,
Прошло ужъ десять мѣсяцевъ! Вѣдь этимъ
Ты страшно провинился предъ собой,
Предъ женщиной, повѣрившей тебѣ,
И предъ своимъ малюткой! Посуди:
Ужели думалъ ты, что сами боги,

Безъ твоего старанья, все покончатъ
И въ спальню приведутъ ее къ тебѣ,
А ты дремать все время сладко будешь?..
Прискорбно-бы мнѣ было, если-бъ ты
Во всемъ другомъ настолько былъ небреженъ.
Ну, успокойся: женишься на ней!

ЭСХИНЪ.

Ужели?

МИКІОНЪ.

Ужъ сказалъ, что не печалься!

ЭСХИНЪ.

О батюшка! И если ты не шутишь...

МИКІОНЪ.

Шутитъ?.. Зачѣмъ?..

ЭСХИНЪ.

Ужъ я не знаю самъ;
Чѣмъ болѣе желаю, чтобъ сбылись
Твои слова на дѣлѣ, тѣмъ все больше
Боюсь...

МИКІОНЪ.

Ступай теперь, моли боговъ,
Чтобы твой бракъ устроили скорѣе...
Ступай...

ЭСХИНЪ.

Такъ я женюсь на ней?!..

МИКІОНЪ.

Ну, да!

ЭСХИНЪ.

Теперь женюсь?..

МИКІОНЪ.

Какъ только будетъ можно.

ЭСХИНЪ.

О, пусть меня накажутъ боги, если

Не больше жизни я люблю тебя,
Мой батюшка!..

МИКІОНЪ.

Что?—Больше, чѣмъ ее?..

ЭСХИНЪ.

Равно люблю!

МИКІОНЪ.

Ужъ это слишкомъ много!

ЭСХИНЪ.

А гдѣ-же тотъ милетецъ?

МИКІОНЪ.

На корабль
Успѣлъ онъ сѣсть, отправиться отсюда
И утонуть!.. Но ты чего-же ждешь?

ЭСХИНЪ.

Ужъ лучше самъ ты, батюшка, пошелъ-бы
Молить боговъ: они къ твоимъ мольбамъ
Тѣмъ легче склонятъ слухъ, чѣмъ самъ ты лучше
Меня.

МИКІОНЪ.

Теперь пойду домой, чтобъ все,
Что̀ нужно, приготовить тамъ, а ты,
Какъ знаешь, дѣлай что̀ тебѣ сказалъ я.

ЭСХИНЪ.

Но какъ же это?!.. Онъ вѣдь—мой отецъ,
Я—сынъ его!.. Да если-бъ онъ былъ братъ,
Товарищъ мнѣ—то могъ-ли сдѣлать больше?
О, какъ его сердечно не любить!
Такая снисходительность невольно
Внушаетъ опасенье, чтобъ не сдѣлать
Нечаянно того, что̀ онъ не любитъ...
Пойду домой, чтобъ самому не быть
Виною остановки нашей свадьбы.

М. П—скій.

5.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДЕМЕЙ (одинъ).

Какъ я усталъ!.. Довольно погулялъ!
Спасибо, Сиръ! Чтобы тебя великій
Юпитеръ покаралъ за указанье!—
Вѣдь я почти весь городъ исходилъ!
И у воротъ, и у озеръ, и гдѣ ужъ
Я не былъ! Тамъ и фабрики-то нѣтъ,
Да говорятъ и брата не видали.
Зайду теперь сюда да буду ждать,
Пока онъ самъ воротится домой.

М. П—скій.

6.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Микіонъ, Демей.

МИКІОНЪ.

Пойду, скажу, что дѣло не за нами.

ДЕМЕЙ.

А! Вотъ онъ! Ужъ давно тебя ищу.

МИКІОНЪ.

Зачѣмъ?

ДЕМЕЙ.

Увѣдомить тебя спѣшу я
О новыхъ подвигахъ прекраснаго сынка.

МИКІОНЪ.

Опять?

ДЕМЕЙ.

О новыхъ, уголовныхъ.

МИКІОНЪ.

Полно!

ДЕМЕЙ.

Нѣтъ, ты его еще не знаешь.

МИКІОНЪ.

Знаю.

ДЕМЕЙ.

Какой ты, право, глупый!—Все ты бредишь,
Что я о той пѣвицѣ говорю! —
Онъ дѣвушку-гражданку обезчестилъ...

МИКІОНЪ.

И это знаю.

ДЕМЕЙ.

Знаешь и молчишь?

МИКІОНЪ.

А что-жъ прикажешь дѣлать?

ДЕМЕЙ.

Ну, пожалуй,
Скажи? И не кричать? И не бѣситься?

МИКІОНЪ.

О, нѣтъ, скорѣе...

ДЕМЕЙ.

Мальчикъ родился...

МИКІОНЪ.

Да сохранятъ его благіе боги!

ДЕМЕЙ.

За нею — ровно ничего.

МИКІОНЪ.

Я слышалъ.

ДЕМЕЙ.

И безъ приданаго ее придется брать!

МИКІОНЪ.

Конечно.

ДЕМЕЙ.

Ну, а что-же дальше будетъ?

МИКІОНЪ.

Да то, чему и слѣдовало быть:
Ко мнѣ переведутъ ее отсюда!

ДЕМЕЙ.

Юпитеръ! Что-же?—Будто такъ и должно?

МИКІОНЪ.

А что-же больше дѣлать?

ДЕМЕЙ.

Что-же дѣлать? —
Когда ни мало сына не жалѣешь,
Такъ ты, по крайней мѣрѣ, притворись,
Какъ дѣлаютъ порядочные люди.

МИКІОНЪ.

Да вѣдь она сосватана совсѣмъ:
Мы порѣшили дѣло, и ужъ идутъ
Приготовленья къ свадьбѣ: разогналъ я
Всѣ опасенья ихъ на этотъ счетъ,
Какъ дѣлаютъ порядочные люди!

ДЕМЕЙ.

И ты вполнѣ доволенъ всѣмъ?

МИКІОНЪ.

О, нѣтъ!—
Вотъ если-бъ могъ я это передѣлать,
А такъ какъ не могу, то остается
Переносить все это равнодушно.
Вѣдь наша жизнь—не то ли-же, что въ кости
Извѣстная игра? Когда упало
Не то число, какое ты желалъ-бы,—
И изъ него сумѣй извлечь что можно!

ДЕМЕЙ.

Прекрасно, Микіонъ! Да по чьему-же
Вмѣшательству погибло двадцать минъ
За ту пѣвицу?—Вѣдь куда-нибудь,
Конечно, не за деньги ужъ, а даромъ,
Намъ сбыть ее необходимо съ рукъ.

МИКІОНЪ.

И продавать ее я не намѣренъ.

ДЕМЕЙ.

Такъ что-жъ теперь ты будешь дѣлать съ ней?

МИКІОНЪ.

Пусть дома у меня и остается.

ДЕМЕЙ.

О боги!—Мать семейства будетъ жить
Съ любовницей въ одномъ и томъ-же домѣ?..

МИКІОНЪ.

Такъ что-жъ?

ДЕМЕЙ.

Въ умѣ-ли ты?

МИКІОНЪ.

Да, полагаю.

ДЕМЕЙ.

Клянусь богами, ты ее затѣмъ,
По глупости, оставилъ, чтобы было
Съ кѣмъ пѣть тебѣ?

МИКІОНЪ.

Такъ что-жъ!

ДЕМЕЙ.

И молодая
Научится тому-же...

МИКІОНЪ.

Да!

ДЕМЕЙ.

А самъ
Пойдешь плясать, схватившись за веревку!..

МИКІОНЪ.

И славно!

ДЕМЕЙ.

Славно?

МИКІОНЪ.

Если будетъ нужно,
И ты вѣдь съ нами пустишься плясать?..

ДЕМЕЙ.

О боги! Какъ тебѣ не стыдно это!

МИКІОНЪ.

Ну, полно, брось свою всегдашнюю брюзгливость
И веселъ будь, какъ слѣдуетъ на свадьбѣ
У сына! Я зайду покуда къ нимъ
И ворочусь сейчасъ-же... (Уходитъ).

ДЕМЕЙ.

О Юпитеръ!
Какая жизнь, какіе нравы,—ужасъ!
Безуміе!.. Жена изъ безприданницъ!
Да вмѣстѣ съ ней—пѣвица будетъ жить!..
Въ хозяйствѣ—расточительность во всемъ!..
Сынокъ вдался безъ всякой мѣры въ роскошь!..
Помѣшанный старикъ!.. Само Спасенье,
При всемъ желаніи, не въ силахъ имъ помочь!..

М. П—скій.

7.

Дѣйствіе пятое.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Микіонъ, Демей, Эсхинъ.

МИКІОНЪ (выходитъ изъ дому).

Такъ братъ велѣлъ?.. А гдѣ онъ?..
(Демею). Это ты,
Демей, распорядился?

ДЕМЕЙ.

Я!—Хочу,
Чтобы во всемъ, не только черезъ это,
Одну семью составили мы съ ними;

Служили имъ, гдѣ нужно — помогали,
Сроднились съ ними...

ЭСХИНЪ.

Я прошу о томъ-же,
Мой батюшка!

МИКІОНЪ.

И самъ я тоже думалъ.

ДЕМЕЙ.

Клянуся, такъ и слѣдуетъ: во-первыхъ,
Она вѣдь мать женѣ Эсхина...

МИКІОНЪ.

Ну?

ДЕМЕЙ.

Она—одна изъ честныхъ, скромныхъ женщинъ.

МИКІОНЪ.

Да! Говорятъ...

ДЕМЕЙ.

Уже преклонныхъ лѣтъ.

МИКІОНЪ.

И это знаю.

ДЕМЕЙ.

Ужъ родить не можетъ;
Она одна, и не кому за ней
Ходить.

МИКІОНЪ.

Къ чему онъ клонитъ рѣчь?..

ДЕМЕЙ.

Къ тому,
Что слѣдуетъ тебѣ на ней жениться...
И ты, Эсхинъ, похлопочи объ этомъ.

МИКІОНЪ.

Жениться?!.. Мнѣ?..

ДЕМЕЙ.

Тебѣ!

МИКІОНЪ.

Такъ мнѣ жениться?

ДЕМЕЙ.

Тебѣ.

МИКІОНЪ.

Да ты нелѣпицу городишь!

ДЕМЕЙ (Эсхину).

Проси его: онъ, вѣрно, согласится!

ЭСХИНЪ.

О батюшка!..

МИКІОНЪ.

И ты, оселъ, туда-же?

ДЕМЕЙ.

Да какъ ужъ хочешь, а не миновать...

МИКІОНЪ.

Съ ума сошелъ ты.

ЭСХИНЪ.

Батюшка, позволь-же
Просить тебя...

МИКІОНЪ.

Съ ума сошелъ ты!.. Прочь!..

ДЕМЕЙ.

Послушайся-же сына..

МИКІОНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ,
Здоровъ-ли ты?—Чтобъ въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Жениться на старухѣ, столь-же дряхлой!..
И вы еще совѣтуете мнѣ!..

ЭСХИНЪ.

Я обѣщалъ имъ это.

МИКІОНЪ.

Слишкомъ рано!
Дари людей — своимъ добромъ!

ДЕМЕЙ.

А если-бъ
Случилась просьба поважнѣе этой?

МИКІОНЪ.

Какъ будто эта просьба такъ ничтожна!

ДЕМЕЙ.

Послушайся!

ЭСХИНЪ.

Не принимай такъ строго.

ДЕМЕЙ.

Послушай насъ!—Скажи, что ты согласенъ!

МИКІОНЪ.

Да отвяжитесь!

ЭСХИНЪ.

Ни за что, пока
Не выпрошу согласія.

МИКІОНЪ.

Но это —
Насиліе!

ДЕМЕЙ.

Рѣшайся, Микіонъ!

МИКІОНЪ.

Хоть это для меня и непріятно,
И кажется и глупымъ, и смѣшнымъ;
Хоть и чужда была мнѣ мысль о бракѣ,
Но, если вы такъ этого хотите,
Да будетъ такъ.

ЭСХИНЪ.

Прекрасно: ты достоинъ
Любви!

ДЕМЕЙ.

Теперь не знаю самъ, чего-бы
Еще желать. За что-бы ни взялся я,—
Во всемъ удача!

МИКІОНЪ.

Что?—Еще не все?

ДЕМЕЙ.

Вѣдь Гегіонъ—имъ родственникъ ближайшій,
По нимъ—и намъ; онъ бѣденъ—такъ не худо
И для него-бы сдѣлать что-нибудь!

МИКІОНЪ.

Да что-же сдѣлать?

ДЕМЕЙ.

У тебя, отсюда
Недалеко, есть лоскутокъ земли,
Который отдаешь-же ты въ аренду.
Вотъ этотъ лоскутокъ и подарить-бы...
Пускай онъ имъ владѣетъ...

МИКІОНЪ.

Лоскутокъ?..

ДЕМЕЙ.

Да если и не лоскутокъ, положимъ,
А все ему-бы должно уступить:
Вѣдь онъ Намфилѣ замѣнялъ отца;
Хорошій человѣкъ и намъ не дальній,—
Такъ, стало быть, не даромъ подаримъ.
Теперь тебѣ напоминаю то, что́ прежде
Сказалъ ты мнѣ,—и кстати, и умно:
«У старости единственный порокъ—
Чрезъ мѣру прилѣпляется къ богатству»...
Не на словахъ, на самомъ дѣлѣ нужно
Подобныхъ недостатковъ избѣгать.

МИКІОНЪ.

Что дѣлать!—Видно, надо уступить,
Чтобы его желаніе исполнить...

ЭСХИНЪ.

О батюшка!..

ДЕМЕЙ.

Теперь душой и тѣломъ
Ты мнѣ родной.

МИКІОНЪ.

И очень радъ!

ДЕМЕЙ.

Его-же
Оружіемъ его и побиваю.

М. П—скій.

8.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Сиръ. Демей. Микіонъ. Эсхинъ.

СИРЪ.

Исполнено, что̀ ты, Демей, велѣлъ.

ДЕМЕЙ.

Ты добрый малый, Сиръ! Еще сегодня
Ему-бы нужно было дать свободу.

МИКІОНЪ.

Ему свободу? За какой-же подвигъ?

ДЕМЕЙ.

За многіе.

СИРЪ.

О добрый нашъ Демей!
Старательно ходилъ я за твоими
Обоими дѣтьми, отъ ихъ рожденья,
Училъ и наставлялъ, какъ только могъ!

ДЕМЕЙ.

Дѣйствительно! Притомъ, всегда исправно
Имъ доставлялъ провизію къ столу,

Приготовлять имъ дорогія блюда,
Устраивать любовныя дѣла,
Заготовлять пирушки спозаранку...
На это вѣдь не каждый-же способенъ!

СИРЪ.

Какой онъ добрый!

ДЕМЕЙ.

Даже и сегодня
Онъ помогалъ пѣвицу ту купить.
Вездѣ, во всемъ его заботы видны:
Его необходимо наградить —
Другіе станутъ болѣе стараться...
Да и Эсхинъ вѣдь этого желаетъ...

МИКІОНЪ.

И ты желаешь?

ЭСХИНЪ.

Да!

МИКІОНЪ.

Ужъ если такъ,
То подойди сюда
(кладетъ ему на голову руку). Будь, Спръ, свободенъ!

СИРЪ.

Какой ты добрый!.. Каждому изъ васъ
Обязанъ я, но больше всѣхъ — тебѣ,
Демей!

ДЕМЕЙ.

И очень радъ!

ЭСХИНЪ.

И я.

СИРЪ.

О, вѣрю!
Но если-бъ это счастье было полно! —
Вотъ если-бы и Фригію мою
Увидѣть мнѣ на волѣ!..

ДЕМЕЙ.

Что-жъ!—Она
Вѣдь женщина прекрасная!

СИРЪ.

Впервые
Кормила грудью внучка твоего
Сегодня.
О, клянуся Геркулесомъ!—
Ужъ если въ первый разъ кормила грудью,
То, безъ сомнѣнья, должно и ее
На волю отпустить!

МИКІОНЪ.

За это только?..

ДЕМЕЙ.

За это! Да возьми съ меня хоть деньги,—
Во что она тебѣ пришлась.

СИРЪ.

О, боги
Да исполняютъ всѣ твои желанья!

МИКІОНЪ (Сиру).

Ну, выдался тебѣ счастливый день!..

ДЕМЕЙ.

Конечно, если выполнишь свой долгъ
И дашь ему хоть что-нибудь на время:
Онъ скоро возвратитъ тебѣ твой долгъ.

МИКІОНЪ.

Не возвратитъ ни обола.

ДЕМЕЙ.

Онъ—малый
Довольно честный!

СИРЪ.

Возвращу, клянусь!
Ссуди лишь...

ЭСХИНЪ.

Батюшка!..

МИКІОНЪ.

Объ этомъ—послѣ
Подумаю.

ДЕМЕЙ.

И—сдѣлаетъ потомъ.

СИРЪ.

О превосходный человѣкъ!..

ЭСХИНЪ.

Добрѣйшій
Мой батюшка!..

МИКІОНЪ (Демею).

Что такъ скоропостижно
Характеръ твой могло перемѣнить?
И что это за прихоть? Что за щедрость
Нежданно такъ напала на тебя?

ДЕМЕЙ.

А выслушай: мнѣ показать хотѣлось,
Что добрымъ, снисходительнымъ тебя
Считаютъ вовсе не за образъ жизни,
Не за правдивый мягкій твой характеръ,
А за одно потворство и за щедрость
(Эсхину).
И такъ какъ вамъ противна жизнь моя
За то, что я порой не соглашаюсь
Въ понятіяхъ—что̀ хорошо, что̀ дурно,
То я готовъ не спорить больше съ вами:
Творите, что угодно будетъ вамъ!
Бросайте, расточайте ваши средства.
Но если вы желаете, чтобъ я
Порою васъ журилъ и разъяснялъ-бы
Все то, въ чемъ вы, по молодости, сами
Неопытны, къ чему стремитесь пылко

И судите поверхностно, порою
И поощрялъ-бы васъ, то я готовъ
За это взяться...

ЭСХИНЪ.

Батюшка, мы рады
Во власть тебѣ отдаться!—ты вѣдь знаешь
Получше насъ, что̀ нужно намъ... Рѣши-же,
Что̀ дѣлать Ктесифонту?

ДЕМЕЙ.

Ктесифонту?—
Прощаю. Пусть Каллидіей владѣетъ,
Но чтобы тѣмъ и былъ всему конецъ.

МИКІОНЪ.

Вотъ это дѣло! Что-жъ?—Рукоплещите!

М. П—скій.

КАТУЛЛЪ.

Въ лицѣ Катулла мы имѣемъ одного изъ величайшихъ представителей римской лирики, основателя и истиннаго «предтечу» ея золотого вѣка. Латинская поэзія не создала другого такого поэта, въ которомъ художественность содержанія проявлялась-бы въ столь гармоническомъ соединеніи съ художественностью формъ, какъ у Катулла, и въ этомъ смыслѣ собраніе его стихотвореній дѣйствительно является самымъ совершеннымъ изъ всего, на что, вообще, можно указать въ латинской поэзіи.

Данныя относительно его жизни мы должны черпать преимущественно и почти исключительно изъ его собственныхъ произведеній. Они представляютъ богатый матеріалъ для характеристики Катулла.

Гай Валерій Катуллъ родился въ 87 г. до Р. Х. въ Веронѣ. У отца его, близкаго друга Цезаря, былъ еще нѣжно любимый имъ сынъ; но онъ умеръ преждевременно въ Азіи. Этимъ и оканчиваются наши свѣдѣнія о семейной жизни поэта. Гдѣ получилъ онъ свое образованіе, кто были его учителя, мы не знаемъ. Извѣстно только, что его образованіе было весьма тщательно и, слѣдуя модѣ, носило исключительно греческій характеръ.

Приблизительно лѣтъ двадцати, Катуллъ переселился въ Римъ, гдѣ по-

знакомился съ Цицерономъ, Гортенсіемъ и Корнеліемъ Непотомъ, а затѣмъ сдѣлался и самъ главой кружка поэтовъ, члены котораго были въ близкихъ, товарищескихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ. Между ними выдѣлялись Г. Лициній Кальвъ, Валерій Катонъ, Гельвій Цинна, Тацида и др.

Молодой, страстный и чувственный Катуллъ, располагавшій къ тому-же порядочными матеріальными средствами,—у него была вилла въ окрестностяхъ Вероны и другая вблизи Тибура—не могъ устоять противъ соблазновъ богатой ими міровой столицы и окунулся въ омутъ столичной жизни. Этимъ, быть можетъ, и объясняется то обстоятельство, что онъ не служилъ на государственной службѣ и, вообще, не занималъ никакой должности. Только разъ, желая забыть свою любовь, отправился онъ въ Виѳинію, въ свитѣ претора Г. Меммія. Повидимому, поэтъ надѣялся поправить и свое разстроенное состояніе, но обманулся. Виѳинія оказалась бѣдною провинціей, Меммій-же завистливымъ скупцомъ. Не смотря на уваженіе претора къ даровитымъ поэтамъ, общество которыхъ онъ взялъ съ собою, Катуллъ не поладилъ съ нимъ и весною, разсорившись съ Мемміемъ, уѣхалъ на родину. Въ Виѳиніи онъ купилъ себѣ яхту и, послѣ краткаго пребыванія въ Веронѣ, вернулся въ Римъ.

Между тѣмъ политическія событія принимали оборотъ, нежелательный для Катулла и его друзей. Горячіе приверженцы республики, они встрѣтили возвышеніе Цезаря враждою. Послѣдній подвергся разнымъ нападкамъ сатиры поэта, въ особенности за покровительство Цезаря развратному Мамуррѣ. Изящныя и мѣткія эпиграммы Катулла съ быстротою молніи облетали всю Италію и вѣрно попадали въ цѣль. Въ нихъ Катуллъ полонъ злобнаго презрѣнія къ «великому Цезарю», къ «единственному полководцу», къ ласковому тестю и зятю, которые вмѣстѣ губятъ всю землю, чтобы дать своимъ любимцамъ случай парадировать на улицахъ Рима, величаясь имуществомъ награбленнымъ въ Галліи, устраивать царскіе пиры на счетъ добычи съ острововъ далекой Британніи и, въ качествѣ несмѣтно богатыхъ соперниковъ, лишать честную молодежь любви римлянокъ. Республика, въ своей агоніи, задыхалась въ бѣшеномъ наслажденіи или глубокомъ отчаяніи.

Умный Цезарь прекрасно понималъ, что нельзя презирать эту оппозицію, какъ нельзя уничтожить ее простымъ приказомъ. При случаѣ, онъ умѣлъ быть великодушнымъ—и противъ озлобленнаго Катулла. Въ 54 г., въ самый годъ примиренія, Катуллъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, быстро растративъ свои силы среди чувственныхъ наслажденій. За нимъ послѣдовалъ въ могилу и вѣрный другъ его, Кальвъ.

Отъ Катулла мы имѣемъ 116 стихотвореній, къ сожалѣнію, не вполнѣ со

хранившихся. Стихотворенія эти посвящены Корнелію Непоту и въ первый разъ изданы самимъ авторомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ занимаютъ не болѣе двухъ строкъ, другія-же заключаютъ болѣе четерехъ сотъ стиховъ. Такъ-же разнообразно и содержаніе этихъ произведеній; но любимой ихъ темой остается всегда любовь. Лесбія—повидимому, псевдонимъ сестры знаменитаго демагога Клодія—играла выдающуюся роль въ бурной жизни Катулла. Женщина эта была для него всѣмъ; любовь къ ней свѣтлою полосою легла въ его жизни. Въ полныхъ страсти, игривой фантазіи и поэтическаго вдохновенія стихахъ описываетъ онъ все счастье обладанія ею. Но легкомысленная Клодія предпочла поэта другому. Не смотря на это, Катуллъ не разлюбилъ ея, и въ его стихахъ не разъ просвѣчиваетъ грустное воспоминаніе объ утраченномъ счастьи. Теперь онъ пересталъ быть жизнерадостнымъ и лишился спокойной выдержки, необходимой такому крупному поэтическому таланту, какъ онъ.

Остальныя стихотворенія представляютъ посланія къ друзьямъ, эпиграммы, отличающіяся несомнѣннымъ талантомъ и, по силѣ ненависти и сарказма, нисколько не уступающія ямбамъ Архилоха, оды, свадебныя пѣсни и элегіи, довольно слабыя.

Во всѣхъ произведеніяхъ Катулла мы встрѣчаемъ качества, присущія истинному поэту—силу чувства и фантазіи, впечатлительность и чудный, картинный языкъ. Таковы въ особенности его стихотворенія къ Лесбіи или на смерть младшаго брата. Катуллъ расчистилъ дорогу для Горація — формѣ его произведеній нужно было лишь придать послѣднюю обработку. Рядомъ съ хитросплетенными модными стихами мы встрѣчаемъ жалобныя мелодіи настоящихъ элегій, праздничную поэзію во всей красѣ индивидуальнаго, почти драматическаго творчества, самую точную детальную картину нравовъ образованнаго общества, и, наконецъ, сатиру. Поэзія Катулла переноситъ насъ послѣдовательно то въ долину Нила, то въ долину По.

И все-таки Катуллъ не великій поэтъ. Богато одаренный отъ природы, изящный, онъ писалъ, выражаясь его собственными словами, только для «шутки и шалости». Онъ, говоритъ Тейффель, остался незавершеннымъ, въ процессѣ броженія, когда мутныя составныя части еще не выдѣлились и не осѣли; онъ не дошелъ до спокойной ясности, красоты и соразмѣрности художественнаго творенія: онъ остался на вѣки юношей, горячимъ и безпощаднымъ, преданнымъ и честнымъ, полнымъ фантазіи и прелести, но отчасти безъ такта и вкуса и, вообще, не зрѣлымъ.

Поэтъ, въ произведеніяхъ котораго вѣетъ республиканскимъ духомъ, Катуллъ не пользовался популярностью въ первое время имперіи. Къ тому-же,

его оттѣсняли на задній планъ другіе поэты; но слава его заблестѣла въ позднѣйшій періодъ имперіи. Если Горацій не особенно благопріятно отзывается о немъ, Марціалъ изучалъ его самымъ тщательнымъ образомъ.

Библіографія. Стихотворенія Катулла. Пер. А. Фета. М. 1886.—О подругѣ Форміана. Пер. К. С—скій(«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1886. VII).

---

1. ПОСВЯЩЕНІЕ.

(I).

Книжку мнѣ подарить свою кому-бы,
Книжку новенькую, красу-вещицу,
Что̀ блеститъ полировки свѣжимъ лоскомъ?—
Безъ сомнѣнья, тебѣ, конечно, Непотъ;
Ты вѣдь только одинъ мои бездѣлки,
Ты призналъ не совсѣмъ ничтожной вещью,
Ты, который, одинъ изъ италійцевъ,
Всѣ вѣка описать дерзнулъ и въ трехъ лишь
Свиткахъ, правда, ученыхъ, кропотливыхъ.
Оттого-то бери изъ этой книжки
То лишь, впрочемъ, что̀ есть въ ней такого,
Что̀ одно проживетъ хотя столѣтье
Или болѣе,—если ты захочешь,
Муза, дѣвственная моя богиня! [1])

К. Котельниковъ.

---

2. НА СМЕРТЬ ВОРОБЬЯ.

(II).

Плачьте, граціи, со мною,
Съ поколѣніемъ людей,
Одаренныхъ красотою:
Умеръ бѣдный воробей
Милой дѣвушки моей,
Воробей, утѣха милой,
Радость друга моего,

---

[1]) Переводъ этотъ любезно присланъ для нашего сборника преподавателемъ владивостокской гимназіи К. А. Котельниковымъ.

Тотъ, кого она хранила
Пунце глаза своего!
Какъ онъ ласковъ былъ съ тобою!
Какъ младенецъ мать свою
Зналъ онъ милую мою.
Неразлученъ съ госпожею,
Онъ попрыгивалъ вокругъ
И чириканьемъ, порою,
Веселилъ и нѣжилъ слухъ.
А теперь—увы!—онъ бродитъ
По печальнымъ берегамъ
Той рѣки, съ которой къ намъ
Вновь никто ужь не приходитъ.
Прочь изъ глазъ, скорѣе прочь,
Смерти сумрачная ночь,
Ты, что мчишь въ Аидъ съ собою
Все, что блещетъ красотою!
А онъ былъ такъ дорогъ ей,
Этотъ ласковый, тобою
Похищенный воробей!..
О судьба! О мой несчастный!
Чрезъ тебя глаза прекрасной
Милой дѣвушки моей
Отъ горячихъ слезъ распухли,
Покраснѣли и потухли.

Н. Гербель [1]).

---

3. КЪ ЛЕСБІИ.

(V).

Давай любить и жить, о Лесбія, со мной!
За толки стариковъ угрюмыхъ мы съ тобой,
За всѣ ихъ не дадимъ одной монеты мѣдной.
Пускай восходитъ день и меркнетъ тѣнью блѣдной,—
Для насъ, какъ краткій день зайдетъ за небосклонъ,

---

[1]) Это скорѣй подражаніе извѣстному Катулловскому стихотворенію, — которое, кстати, Гербель невѣрно приписываетъ Горацію,—нежели переводъ. Но это подражаніе очень изящно, и мы предпочитаемъ его плохому переводу.

Настанетъ ночь одна и безконечный сонъ!
Сто разъ цѣлуй меня, и тысячу, и снова
Еще до тысячи, опять до ста другова,
До новой тысячи, до новыхъ сотъ опять!
Когда-же много ихъ придется насчитать,
Смѣшаемъ счетъ тогда, чтобъ мы его не знали;
Чтобъ злые намъ съ тобой завидовать не стали,
Узнавъ, какъ много разъ тебя я цѣловалъ!

А. Фетъ.

4. КЪ САМОМУ СЕБѢ.

(VIII).

Бѣднякъ Катуллъ, не будь ты болѣе шутомъ!—
Коль видишь, что прошло,—считай, оно пропало.
Свѣтило солнышко тебѣ живымъ лучемъ,
Когда ты хаживалъ, какъ дѣва указала,
Любимая тобой тогда, какъ ни одна!..
Какія игры тутъ бывали между вами!
Ты ихъ желалъ; отъ нихъ не прочь была—она.
Живило солнышко и, впрямь, тебя лучами...
Не хочетъ ужъ она, ты—тоже не хоти!
За убѣгающимъ ты не гонись, будь гордымъ,
Душею твердъ сноси, волненья укроти!
Прощай-же, дѣва ты! Уже Катуллъ сталъ твердымъ:
Не станетъ онъ тебя отыскивать, молить!
Какъ не пойдетъ никто, такъ станешь ты унылой,
Преступная! Увы, придется тяжко жить!—
Кто за тобой пойдетъ? Кому казаться милой?
Кого тебѣ любить? Кому назвать своей?
Кого поцѣловать? Кого куснуть больнѣй?..
А ты, Катуллъ, терпи съ незыблемою силой!..

А. Фетъ.

5. КЪ ФУРІЮ И АВРЕЛІЮ.

(XI)

Фурій съ Авреліемъ, вы за Катулломъ,
Хоть-бы увлекъ онъ васъ къ индамъ съ собою,
Гдѣ вдоль восточнаго берега звонкой
Плещетъ волною,

Хоть до гирканов̀ъ иль нѣжныхъ арабов̀ъ,
Или до парѳов̀ъ, гдѣ стрѣлы—ихъ сила,
Или до мѣстъ, гдѣ окрашено море
Устьями Нила;
Хоть-бы онъ шелъ за высокіе Альпы,
Цезаря видя на подвигахъ хвальныхъ,
Къ Рейну-ли галлов̀ъ, иль къ морю британцев̀ъ
Грозныхъ и дальнихъ:
Весь этотъ трудъ и что̀ боги судили
Мнѣ вы готовы стерпѣть, подвижные,
Только моей передайте вы дѣвѣ
Рѣчи плохія.
Средь волокитъ пусть живя на здоровье,
Триста она ихъ заразъ обнимаетъ,—
Хоть ни одинъ ей не милъ,—а развратомъ
Всѣхъ надрываетъ!—
Прежней любви ей моей не дождаться,
Той, что убита ея-же недугомъ,
Словно цвѣтокъ на окраинѣ поля,
Срѣзанный плугомъ...

А. Фетъ.

6. КЪ КОЛОНІИ.

(XVII).

О Колонія, ты поиграть на мосту-бы желала
Длинномъ и поплясать-бы готова, но только боишься
Свай мостишки плохихъ, стоящихъ на дряхлыхъ подпоркахъ,
Чтобъ кувыркомъ-то онъ весь въ глубину не свалился болота.
Пусть, по желаньямъ своимъ, дождешься хорошаго моста,
По которому можно салійскую праздновать пляску;
Только великимъ утѣшь ты меня, Колонія, смѣхомъ,—
Нѣкоего изъ моихъ согражданъ, хочу съ твоего я
Моста въ грязь снаровить черезъ голову кверху ногами,
Да и туда, гдѣ въ озерѣ цѣломъ и въ тухломъ болотѣ
Плѣсенью все зацвѣло и самая пропасть нучины.
Несоленѣйшій онъ человѣкъ и не болѣе смыслитъ
Мальчика только двухъ лѣтъ, что̀ спитъ, отцомъ убаюканъ.

Вѣдь жена у него въ едва наступившемъ расцвѣтѣ
И избалованнѣй всякаго нѣжнаго даже козленка:
Надо за ней приглядѣть, какъ за гроздомъ самымъ чернѣйшимъ;
Онъ же—даетъ ей играть, какъ хочетъ, и думать забылъ онъ,
Самъ не подымется съ мѣста, а словно ольха, что подсѣкли
Лигурійской сѣкирой, лежитъ, завалившись въ канавѣ,
И настолько въ ней чувствъ, какъ будто ея не бывало:
Такъ и мой-то болванъ, ничего онъ не видитъ, не слышитъ,
Кто онъ самъ то, и есть или нѣтъ, и того онъ не знаетъ.
Вотъ его-то хочу съ твоего я моста низвергнуть:
Можетъ быть, это-бы вдругъ потрясло тупую въ немъ спячку,
И въ густой онъ грязи свою-бы оставилъ сонливость,
Какъ подкову желѣзную въ липкомъ болотѣ ослица.

А. Фетъ.

---

7. КЪ ФУРІЮ.

(XXIII).

Ты, Фурій!—У тебя ни скрини, ни раба,
Клопа иль паука, иль уголька не видно;
Отца и мачиху дала тебѣ судьба
Такихъ, что камни грызть зубамъ ихъ безобидно...
И хорошо тебѣ съ родителемъ твоимъ
Да и съ родительской супругой деревянной!—
Немудрено: дано здоровье вамъ троимъ,
Варитъ съ исправностью желудокъ постоянный.
Землетрясеніе, пожаръ—вамъ не во вредъ,
Ни кражи дерзкія, ни яды, ни тревога,
И никакихъ иныхъ вы не боитесь бѣдъ;
А самыя тѣла—гораздо суше рога;
И, можетъ быть, могли васъ больше изсушить
И солнце, и морозъ, и сила голоданья...
Ну, какъ тебѣ легко и весело не жить!—
Нѣтъ поту у тебя и слюнь нѣтъ изліянья,
Мокроты вовсе нѣтъ, и нечѣмъ лить носамъ.
Въ такой опрятности опрятность поневолѣ:
Солонки чище то, на чемъ сидишь ты самъ;

Ты очищаешься въ годъ десять разъ, не болѣ,
И твердымъ, словно бобъ или какой голышъ,—
Хоть перетри въ рукахъ все это равномѣрно—
Ты даже пальчика себѣ не загрязнишь.
Такихъ большихъ удобствъ ты, Фурій, лицемѣрно
Не презирай; нельзя бездѣлкой ихъ считать,
И сотни нечего сестерцій вымогать,
Какъ ты привыкъ,—и такъ ты обезпеченъ вѣрно!

А. Фетъ.

---

8. МАЛЬЧИКУ.

(XXVII).

Пьяной горечью фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!—
Какъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты-же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,—
Строгихъ постниковъ довольствуй!—
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

А. Пушкинъ.

---

9. КЪ ЦЕЗАРЮ.

(XXIX).

Кто это видѣть можетъ, кто перенесетъ,
Коль не безстыдникъ онъ, распутникъ и игрокъ,
Что у Мамурры—то, чѣмъ прежде Галлія
Косматая владѣла и Британнія?
Безпутный Ромулъ, видишь все и терпишь ты?
А тотъ теперь и въ гордости, и въ роскоши
Пойдетъ ходить по всѣмъ постелямъ по чужимъ,
Какъ словно бѣлый голубокъ иль Адонидъ!
Безпутный Ромулъ, видишь все и терпишь ты!—
Вѣдь ты безстыдникъ и распутникъ, и игрокъ.
Не съ этой-ли ты цѣлью, вождь единственный,
На самомъ крайнемъ островѣ былъ Запада,

Чтобъ этотъ хлыщъ истрепанный у васъ глоталъ
По двѣсти или триста тысячъ тамъ заразъ?
Иначе, что-же значитъ щедрость вредная?
Иль мало размоталъ онъ, мало расшвырялъ?—
Сперва онъ погубилъ отцовское добро,
Затѣмъ понтійскую добычу, въ третьихъ-же
Иберскую, что̀ знаетъ златоносный Тагъ.
Не для него-ль и Галлія съ Британніей?
Что эту дрянь лелѣетъ? Что можетъ онъ,
Какъ не глотать отцовское наслѣдіе?..
Не въ силу-ли ужъ этого, нѣжнѣйшіе
Вы тесть и зять, весь разорили кругъ земной?

А. Фетъ.

10. КЪ ПОЛУОСТРОВУ СИРМІОНУ.

(XXXI).

Всѣхъ полуостововъ, всѣхъ островововъ зеница—
Ты, милый Сирміонъ, насколько средь озеръ
Иль на моряхъ ихъ есть двоякаго Нептуна,
Тебя доволенъ такъ, такъ радъ я увидать!
Едва мнѣ вѣрится, что, съ тинскихъ и виѳинскихъ
Вернувшися полей, я вижу твой пріютъ!
О, что̀ отраднѣе покинутой заботы,
Какъ, бремя снявъ съ души и путника трудомъ
Измучась, мы идемъ опять къ родному лару,
Чтобъ на желанную давно возлечь кровать!
Вотъ эта всѣхъ трудовъ единая награда!
О, здравствуй, Сирміонъ! Владѣльцу будь-же радъ!
Вы, волны озера сквозныя, веселитесь,
Все смѣйся, что въ дому хохочущаго есть!

А. Фетъ.

11. КЪ ДІАНѢ.

(XXXIV).

Мы, подъ защитою Діаниной,
Чистыя дѣвы и мальчики,
Встрѣтимъ Діану мы, чистые,
Пѣснью благочестивой.

О Латонія, вышняго
Дочь Громовержца великая,
Ты, породила которую
Мать подъ делосской оливой,

Чтобы была ты владычицей
Горъ и лѣсовъ зеленѣющихъ
И по сокрытымъ ущельямъ
Рѣкъ съ громозвучной волною!

Ты и Луцина--томящимся,
Ты и Юнона—родильницамъ!
Тривія то-же, съ заемнымъ ты
Свѣтомъ—зовешься Луною.

Ты, въ обращеніи мѣсячномъ,
Мѣря теченье годичное,
Въ закромы сельскаго пахаря
Сыплешь и сборъ нарочитый.

Будь, подъ какимъ-бы ты именемъ
Ни пожелала, священною
И, какъ издревле, будь правнукамъ
Ромула вѣчной защитой!

А. Фетъ.

---

12. КЪ «АННАЛАМЪ» ВОЛЮЗІЯ.

(XXXVI).

«Анналъ» Волюзія зловонное маранье,
Исполни ты моей дѣвицѣ обѣщанье!—
Венера слышала обѣтъ и Купидонъ—
Что если буду я ей снова возвращенъ
И злой мой ямбъ искать не станетъ въ ней предмета,
То сочиненіе мерзѣйшаго поэта
Пожертвуетъ она хромому богу въ даръ,
Чтобы мучительный ихъ охватилъ пожаръ.
И думалось тогда дѣвицѣ своенравной,
Что это былъ обѣтъ и милый, и забавный.

О, ты, что̀ рождена морскою синевой,
Кого Идалій чтитъ и Уріонъ морской;
Чей Книдъ, средь камышей, любимый и Анкона,
Чей Аматунтъ, чья власть простерта до Голгона
И до Диррахія, гдѣ Адріи притонъ!—
Прими обѣтъ, и будь тобой онъ разрѣшенъ,
Коль нѣтъ безвкуснаго и пошлаго въ затѣѣ!..
А вы, межъ тѣмъ, въ огонь ступайте поскорѣе,
Мужиковатые, полны нечистоты,
«Анналъ» Волюзія зловонные листы!..

А. Фетъ.

13. КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ.

(XLII).

Сюда вы, ямбы, сколько васъ найдется,
Всѣ, сколько есть и сколько васъ сберется!—
Вотъ дѣвка-дрянь смѣется надо мной:
Не возвращаетъ книжки записной,
Въ которой вы! Вамъ, вѣрно, непріятно.
Поймавъ ее, потребуемъ обратно.
А кто она, вы спросите?.. Да вотъ,
Что ходитъ дерзко, смѣхомъ корчитъ ротъ,
Какъ галльская собака безобразно!
Ее поймавъ, пристаньте безотвязно:
«Ты, дѣвка-дрянь, намъ возврати стихи,
Дрянь-дѣвка, ты намъ возврати стихи!..»
Не слушаешь?.. О грязь изъ подлой лужи
Иль что̀ того еще быть можетъ хуже!
Однако-жъ, мало этимъ заключить!—
Коль не беретъ, то въ краску приводить
Желѣзную собачью морду станемъ!
Опять кричать мы громче не отстанемъ:
«Ты, дѣвка-дрянь, намъ возврати стихи,
Дрянь-дѣвка, ты намъ возврати стихи!»
Напрасно все!—Никакъ не поддается!..
Такъ свой пріемъ вамъ измѣнить придется,
Чтобъ средства снова не были плохи!..
«Ты, честная, отдай-же намъ стихи!..»

А. Фетъ.

14. О ПОДРУГѢ ФОРМІАНА.

(XLIII).

Такъ вотъ подруга Форміана,
Вотъ слава всѣхъ окрестныхъ селъ!
Я ничего въ ней не нашелъ:
Ни строгой правильности стана,
Ни черныхъ пламенныхъ очей,
Ни устъ съ плѣнительной улыбкой,
Ни блѣднорозовыхъ ногтей.
Ужели рѣчью неискусной
Ей удалось его плѣнить?..
И эту—съ Лесбіей сравнить!?
О вѣкъ пустой, о вѣкъ безвкусный!

К. С—скій.

---

15. ОБЪ АКМѢ И СЕПТИМІИ.

(XLV).

Милую Акму сжимая въ объятьяхъ,
Молвилъ Септимій: «О другъ ты мой, Акма,
Если тебя не люблю я сердечно
И не готовъ такъ любить непрестанно,
Какъ полюбить кто лишь можетъ всей силой,—
Въ Либіи пусть я иль въ Индіи жаркой
Встрѣчу глазастаго льва въ одиночку!..»
Это услыша, Амуръ, прежде мрачный,
Выразилъ, чхнувши, свое одобренье.
Голову мягко закинувши Акма
И у влюбленнаго юноши очи
Пурпуромъ устъ своихъ нѣжно цѣлуя:
«Жизнь ты моя», возгласила, «Септимій,
Будь-же любовь намъ одна господиномъ!..
Страстный огонь еще шире и жарче
Пышетъ въ груди моей болѣе нѣжной!»
Это услыша, Амуръ, прежде мрачный,
Выразилъ, чхнувши, свое одобренье.
Нынѣ, оправясь отъ доброй примѣты,

Любятъ взаимно они и любимы.
Акку—Септимій считаетъ дороже
Сиріи всей и Британніи всякой;
Передъ Септиміемъ—Акка единымъ
Всю свою прелесть и пылъ расточаетъ...
Счастье людское кто большее видѣлъ
Или Венеру еще благосклоннѣй?

А. Фетъ.

---

16. КЪ САМОМУ СЕБѢ О ПРИХОДѢ ВЕСНЫ.

(XLVI).

Уже весна намъ тепло возвращаетъ;
Ужъ равноденствія злобныя бури
Въ нѣжномъ дыханьи зефира смолкаютъ.
Брось-же, Катуллъ, ты фригійскіе долы,
Также и тучныя нивы Никеи!—
Къ славнымъ летимъ городамъ азіатскимъ!
Рвется душа на просторъ ужъ заранѣ;
Просятся весело ноги на службу...
Такъ ужъ прощайте, товарищи-други!
Васъ, что отправились изъ дому вмѣстѣ,
Порознь теперь возвращаютъ дороги.

А. Фетъ.

---

17. КЪ ЛЕСБІИ.

(LI).

Тотъ богоравный былъ избранъ судьбою,
Тотъ и блаженствомъ божественнымъ дышитъ,
Кто зачастую сидитъ предъ тобою,
Смотритъ и слышитъ

Сладостный смѣхъ твой. А я то несчастный
Смыслъ весь теряю, а взоръ повстрѣчаю,
Лесбія, твой, такъ—безумный и страстный—
Словъ ужъ не знаю.

Молкнетъ языкъ мой, и тонкое пламя
Льется по членамъ моимъ; начинаетъ

Звонъ раздаваться въ ушахъ; предъ глазами
Ночь наступаетъ.

Праздность, Катуллъ, насылаетъ мытарства;
Праздность и блажь на тебя напустила;
Праздность царей и блаженныя царства
Часто губила [1]).

А. Фетъ.

18. НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ ВИНІИ И МАНЛІЯ.

(LXI).

Ты, Геликона холмистаго
Житель, потомокъ Ураніи,
Къ мужу ты мчишь всѣхъ смѣлѣе
Дѣву. О Гименея, Гименъ,
Гименъ, о Гименея!

Кудри цвѣтами украсивши
Ты майорана душистыми,
Съ пышнымъ покровомъ въ чертоги
Веселъ иди, желтой обувью
Вырядивъ бѣлыя ноги.

Самъ вдохновенный, въ веселый день,
Брачную пѣснь припѣваючи,
Гимнъ затяни голосистый,
Въ землю ногами бей, дланію
Факелъ вздымай ты смолистый!

Винія нынѣ за Манлія,
Какъ идалійская нѣкогда
Выбравъ фригійца царица
Въ судьи, хорошая, въ добрый часъ,
Замужъ выходитъ дѣвица.

Точно вкругъ миртовой вѣточки,
Въ Азіи цвѣтомъ осыпанной,
Гамадріады толпою

[1]) Ср. стихотвореніе Сапфо «Прощаніе». См. наше «Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», стр. 201.

Холятъ богини любимицу
И напояютъ росою.

Такъ поспѣшай и покинь поскорѣй
Гротъ аонійскій таинственный
Ты подъ Тесніи скалами,
Сверху которыхъ холодными
Льетъ Аганиппа струями.

Въ домъ ты его госпожу зови,
Съ новымъ супругомъ свяжи ты ей
Мысли любовью горячей,
Словно-бы плющъ, что и тамъ, и сямъ
Дерево обнялъ бродячій.

Тоже и вы, непорочныя
Дѣвы, которымъ подобнаго
Дня-бы дождаться скорѣе,
Пойте: о Гименея, Гименъ,
Гименъ, о Гименея!—

Чтобы, заслыша усердіе,
Не замедляяся, шелъ сюда,
Собственной службы рачитель,
Доброй Венерѣ предшествуя,
Доброй любви устроитель.

Болѣ желанный какой-же богъ
Можетъ быть призванъ влюбленными
Кто изъ небесныхъ милѣе
Людямъ? О Гименея, Гименъ,
Гименъ, о Гименея!

Самъ и дрожащій къ своимъ тебя
Кличетъ родитель, и жертвуютъ
Поясомъ дѣвы нарядным,
Въ страхѣ къ тебѣ новобрачный
Слухомъ склоняется жадным.

На руки къ юношѣ пылкому
Сдать ты цвѣтущую дѣвочку
Ищешь, хоть мать съ ней нѣжнѣе

Прежняго. О Гименея, Гименъ,
Гименъ, о Гименея!

Даже Венера не справится
Мимо тебя съ доброй славою
Въ дѣлѣ никакъ, но свершится,
Если захочешь. Дерзнетъ-ли кто
Съ богомъ подобнымъ сравниться?

Домъ ни одинъ безъ тебя дѣтей
Дать не сумѣетъ, родителю
Быть безъ внучатъ, а случится—
Если захочешь. Дерзнетъ-ли кто
Съ богомъ подобнымъ сравниться?

Кто можетъ быть безъ святынь твоихъ?—
Вѣдь и защиты не можетъ вдаль
Выслать земля, но родится,
Если захочешь. Дерзнетъ-ли кто
Съ богомъ подобнымъ сравниться?

Двери засовы откройте вы,—
Дѣва идетъ. Иль не видите,
Факелы плещутъ, пылая?
Медлитъ еще прирожденный стыдъ...
Нужно идти, хотъ рыдая [1]).

Плакать оставь и не бойся ты,
Аврункулея, чтобъ гдѣ-либо
Женщинѣ больше цвѣтущей
Видѣть пришлося блестящій день
Изъ Океана встающій.

Такъ у владѣльца богатаго
Въ пестромъ саду озирается
Цвѣтъ гіацинта, вставая.
Что-же ты медлишь?—Уходитъ день,—
Къ намъ подходи, молодая.

---

1) Въ текстѣ пропускъ одного стиха въ одной строфѣ и четырехъ въ другой. Мы ихъ соединяемъ.

Ты подходи, коль надумалась,
Къ намъ, молодая, и выслушай
Насъ. Иль не видишь?—Пылая,
Факелы плещутъ златистые!—
Къ намъ подходи, молодая.

Мужъ твой никакъ легкомысленно
Въ любодѣянья не кинется;
Страсти предавшись мятежной,
Ложа чужого не взыщетъ онъ,
Вмѣсто груди твоей нѣжной.

Словно лоза, изгибаяся,
Вьется вкругъ дерева близкаго;
Такъ ты его, обнимая,
Будешь держать. Но уходитъ день,—
Къ намъ подходи, молодая.

О постеля, что всякому
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . [1])
Ножками бѣлой кровати.

Сколько сулишь господину ты
Радостей; сколько ночей ему,
Дней сколько свѣтлыхъ встрѣчая,
Радоваться! Но уходитъ день,—
Къ намъ подходи, молодая.

Выше вы, мальчики, факелы!—
Вонъ покрывало завидѣлъ я.
Выйдя, запойте дружнѣе:
«Іо, Гименъ, Гименея, іо!
Іо, Гименъ, Гименея!»

Пусть не безмолвствуютъ болѣе
И фесценнинскія шуточки;
Пусть ужъ орѣховъ мальчишкамъ

[1]) Пропускъ въ текстѣ.

Самъ дастъ наперсникъ,—къ любви иной
Тянетъ хозяина слишкомъ.

Дай-же орѣховъ ты мальчикамъ,
Праздный наперсникъ. Орѣхами
Ты избалованъ. Успѣховъ
Время желать и Талассію.
Дай-же, наперсникъ, орѣховъ.

Пухъ твой, наперсникъ, со щекъ торчалъ
Только вчера и по этотъ день;
Нынѣ-же, точно для смѣховъ,—
Брѣютъ тебя! О бѣднякъ, бѣднякъ!
Дай-же, наперсникъ, орѣховъ.

Слышно, тебѣ раздушенному
Мужу отстать тутъ не хочется;
Только отстань ты скорѣе!
Іо, Гименъ, Гименея, іо!
Іо, Гименъ, Гименея!

Знаемъ, однимъ ты дозволеннымъ
Лишь обладалъ; но не кстати ужъ—
Мужу такія затѣи.
Іо, Гименъ, Гименея, іо!
Іо, Гименъ, Гименея!

Ты-жъ, молодая, на просьбы всѣ
Мужа, старайся быть доброю,
Чтобъ не искалъ онъ добрѣе!
Іо, Гименъ, Гименея, іо!
Іо, Гименъ, Гименея!

Вотъ предъ тобою и мужнинъ домъ
Пышный, богатый. Дозволь ему
Въ службу вступить поскорѣе.
Іо, Гименъ, Гименея, іо!
Іо, Гименъ, Гименея!

Такъ до поры, какъ дрожащая
Старость сѣдая, отнявши все,
Станетъ кивать всѣмъ сильнѣе.

Іо, Гименъ, Гименея, іо!
Іо, Гименъ, Гименея!

Черезъ порогъ ты въ счастливый часъ
Стань драгоцѣнными ножками
Въ дверь, что̀ натерта свѣтлѣе.
Іо, Гименъ, Гименея, іо!
Іо, Гименъ, Гименея!

Глянь-ка ты внутрь,—какъ на тирскомъ тамъ
Ложѣ твой мужъ порывается
Къ милой прижаться тѣснѣе.
Іо, Гименъ, Гименея, іо!
Іо, Гименъ, Гименея!

Пышетъ не меньше въ груди его
Внутренно, какъ и въ тебѣ самой,
Пламя, но даже сильнѣе.
Іо, Гименъ, Гименея, іо!
Іо, Гименъ, Гименея!

Брось округленную ручку ты,
Дружка, красавицы-дѣвушки!—
Къ мужнину ложу скорѣе!
Іо, Гименъ, Гименея, іо!
Іо, Гименъ, Гименея!

Вы-же, старушки, извѣстныя
Людямъ стариннымъ, вы, добрыя,
Дѣву сберите дружнѣе.
Іо, Гименъ, Гименея, іо!
Іо, Гименъ, Гименея!

Время идти новобрачному:
Уже супруга ждетъ въ горницѣ;
Краска въ лицѣ расцвѣтаетъ,
Словно пареника бѣлая
Или же макъ, что̀ пылаетъ.

Ты-же, супругъ,—поклянулся я
Небомъ—красивъ тѣмъ не менѣе

Самъ: у Венеры вѣдь въ холѣ
Ты повсегда. Но уходитъ день,—
Смѣло, не медли ты болѣ!

Медлилъ не долго ты, подлинно,—
Вотъ ты! Венера привѣтная
Въ помощь тебѣ! Получаешь
Ты, что̀ хотѣлъ, и на этотъ разъ
Честной любви не скрываешь.

Тотъ ужъ скорѣй африканскіе
Счелъ-бы пески или звѣзды всѣ,
Что̀ въ небесахъ заблестѣли,
Кто перечислить помыслилъ-бы
Тысячи вашихъ веселій.

Вдоволь играйте и вскорости
Дайте дѣтей,—какъ столь древнему
Роду бездѣтнымъ остаться?
А подобаетъ, поэтому,
Вѣчно ему возрождаться,

Чтобы Торкватъ еще крошечный,
Съ лона родимаго матери
Ручки свои простирая,
Сладко смѣялся родителю,
Губки слегка разѣвая.

Пусть онъ отцу уподобится
Манлію; даже сторонніе
Сходство увидятъ пусть сами;
Также стыдливость и матери
Пусть подтверждаетъ чертами;

Пусть по добрѣйшей онъ матери
Той-же хвалы удостоится
Общей, съ такого-же права,
Какъ съ Телемахомъ, по матери,—
Вся Пенелопина слава.

Двери закройте вы, дѣвушки,—
Нѣли довольно! Вы-жъ, добрые,

Въ счастьи, супруги, живите
И приношеньями чистыми
Мощную юность почтите.

А. Фетъ.

19. БРАЧНАЯ ПѢСНЬ.

(LXII).

ЮНОШИ.

Весперъ явился,—вставайте-же, юноши: Весперъ съ Олимпа
Долго ожиданный свѣтъ свой уже, наконецъ, подымаетъ.
Время настало вставать, покинувши столъ изобильный.
Вотъ уже дѣва идетъ—и славить начнутъ Гименея.
Гименъ, о Гименея, Гименъ, приди, Гименея!

ДѢВЫ.

Видите-ль, дѣвушки, юношей?—Къ нимъ подымитесь навстрѣчу:
Вѣстникъ ночи уже огонь свой кажетъ этейскій.
Нѣтъ сомнѣнья: вы видите, какъ они быстро вскочили,
Не напрасно вскочили,—имъ пѣть, чтобъ съ побѣдой остаться.
Гименъ, о Гименея, Гименъ, приди, Гименея!

ЮНОШИ.

Не легко намъ, товарищи, нынѣ достанется пальма:
Посмотрите, какъ дѣвушки ищутъ въ себя углубиться;
Не напрасны ихъ думы,—нашли достойное нѣчто.
Не удивительно, такъ какъ онѣ весь умъ напрягаютъ.
Умъ нашъ—къ другому склоненъ, къ другому мы слухъ преклоняемъ;
Насъ подѣломъ побѣдятъ: старанья желаетъ побѣда.
Такъ соберите-же вы теперь свое все вниманье!—
Вотъ собираются пѣть: сейчасъ отвѣчать подобаетъ.
Гименъ, о Гименея, Гименъ, приди, Гименея!

ДѢВЫ.

Гесперъ, какая звѣзда есть болѣ жестокая въ небѣ?—
Въ силахъ лишь ты исторгать изъ объятій матери дочку,
Исторгать изъ объятій матери дочь, что̀ прильнула,
И предавать воспылавшему юношѣ чистую дѣву!

Можетъ-ли болѣ жестокъ въ завоеванномъ городѣ—врагъ быть?
Гименъ, о Гименея, Гименъ, приди, Гименея!

ЮНОШИ.

Гесперъ, какая звѣзда быть можетъ отраднѣе въ небѣ?—
Ты, чье пламя одно обѣщанный бракъ закрѣпляетъ,
Что̀ у мужей рѣшено, что̀ раньше отцы порѣшили,
То сочетается лишь,—какъ твое вознесется сіянье!
Что могутъ боги послать желаннѣй счастливаго часа?
Гименъ, о Гименея, Гименъ, приди, Гименея!

ДѢВЫ.

Гесперъ одну изъ насъ умчалъ, дорогія подруги, [1])
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Гименъ, о Гименея, Гименъ, приди, Гименея!

ЮНОШИ.

Ибо, съ приходомъ твоимъ, не спитъ постоянная стража.
Воры таятся въ ночи; но часто ты ихъ, возвращаясь,
Гесперъ, ловишь и самъ, свое измѣняя названье.
Дѣвамъ пріятно тебя бранить съ поддѣльнымъ укоромъ.
Что-жъ изъ того, что онѣ бранятъ,—чего сердцемъ желаютъ?
Гименъ, о Гименея, Гименъ, приди, Гименея!

ДѢВЫ.

Какъ родится цвѣтокъ сокрытъ за садовой оградой,
Безопасный отъ стадъ, никакимъ нетронутый плугомъ;
Вѣтръ его холитъ и солнце крѣпитъ, и дождикъ питаетъ.
. . . . . .
Многимъ онъ юношамъ милъ и многимъ также дѣвицамъ.
Но какъ скоро завялъ онъ, тонкимъ надрѣзанный ногтемъ,
То ужъ ни юношамъ онъ, ни одной онъ дѣвѣ не нуженъ;
Такъ и дѣва, пока непорочна, мила всѣмъ домашнимъ,

[1]) Въ текстѣ пропускъ.

Но лишь цвѣтъ чистоты утратитъ невиннаго тѣла,
То ни юношамъ ужъ не мила, не мила и дѣвицамъ.
Гименъ, о Гименея, Гименъ, приди, Гименея!

ЮНОШИ.

Какъ одиноко растетъ лоза средь открытаго поля,
Не подымается вверхъ и не даетъ усладительныхъ гроздій,
А податливый стволъ сгибая подъ собственной ношей,
Не достаетъ чуть-чуть до корней макушкой побѣговъ;—
Ни оратай его, ни пашущій волъ не замѣтитъ;
Но, коль случай ее сочеталъ съ супружескимъ вязомъ,
То оратай потомъ и пашущій волъ—къ ней съ уходомъ:
Такъ и дѣва, оставшись нетронутой, старится втуне;
Если-же въ возрастѣ зрѣломъ въ супружество съ ровней вступила,—
Болѣе мужу мила и меньше родителю въ тягость.
Гименъ, о Гименея, Гименъ, приди Гименея!
Ты же, о дѣва, не спорь никакъ съ подобнымъ супругомъ:
Съ тѣмъ не правъ будетъ споръ, кому самъ тебя отдалъ родитель,
Самъ родитель и мать, которымъ покорствовать должно.
Дѣвство не все вѣдь твое,—родителей тоже въ немъ части;
Третья часть въ немъ отца, часть матери тоже въ немъ третья,
Третья одна лишь твоя. Со споромъ на двухъ не ходи ты,
Тѣмъ, что зятю свои права передали съ приданымъ.
Гименъ, о Гименея, Гименъ, приди, Гименея!

А. Фетъ.

20. АТТІЙ.

(LXIII).

Аттій, моря глубь проѣхавъ на проворномъ кораблѣ,
Лишь достигнулъ до фригійской рощи быстрою стопой
И вступилъ подъ сѣнь лѣсную, гдѣ богини былъ пріютъ,
То безумствомъ подстрекаемъ, со смятенною душой,
Острымъ онъ кремнемъ отторгнулъ признакъ пола у себя.
Тутъ почувствовавъ, что, сбросивъ все, ужъ сталъ не мужемъ онъ,
И лице земли пятная свѣжей кровію своей,
Бѣлоснѣжными руками подняла она тимпанъ,
Твой тимпанъ, Цибеба, легкій, мать-богиня, твой снарядъ,

И, въ кружокъ воловой кожи нѣжной ручкою стуча,
Такъ, дрожа, она пустилась приближеннымъ пѣть своимъ:
«Вы скорѣй неситесь, галлы, вверхъ, въ лѣса Цибелы всѣ,
Вмѣстѣ мчитесь, Диндимены властной быстрыя стада,
Вы, которыя въ чужбину какъ изгнанницы неслись
Вслѣдъ за мною, мнѣ послушны, какъ сопутницы мои,
Бури моря претерпѣли и опасности пучинъ
И свое сказнили тѣло!—такъ Венера вамъ претитъ.
Быстрымъ бѣгомъ веселите духъ владычицы самой!
Бросимъ медленность тупую—вмѣстѣ въ путь!—и побѣжимъ
Въ домъ фригійской мы Цибебы, во фригійскіе лѣса,
Гдѣ кимваловъ слышенъ голосъ; гдѣ тимпаны вдаль гремятъ;
Гдѣ фригійскій флейтщикъ зычно дудкой загнутой гудетъ;
Гдѣ менады изгибаютъ страстно головы, въ плющахъ;
Гдѣ онѣ, справляя тайны, подымаютъ рѣзкій вой;
Гдѣ бродячій хоръ богини рвется бѣшено впередъ:
Въ тѣ мѣста, куда намъ должно торопиться въ три ноги!»
Какъ вѣщала то подругамъ Аттій, ложная жена,
Вдругъ завылъ весь хоръ свирѣпый изъ дрожащихъ устъ своихъ;
Загремѣлъ тимпанъ летучій, зазвенѣлъ пустой кимвалъ—
И на верхъ зеленой Иды быстроногій хоръ спѣшитъ,
Задышавъ безумствомъ, мчится, еле духъ переводя.
Всѣхъ своимъ тимпаномъ Аттій по лѣсной глуши ведетъ,
Словно телка, что̀ умчалась съ непривычки отъ ярма.
За вожатой рѣзвоногой галлы быстрые бѣгутъ;
Но какъ въ домъ онѣ Цибебы утомленные пришли,
То, измучены чрезмѣрно, безъ Цереры впали въ сонъ.
Сонъ лѣнивый закрываетъ шаткой слабостью глаза,
И въ покоѣ мягкомъ тонетъ ярость лютая души.
Но когда лучистымъ взоромъ золотистый солнца ликъ
Озарилъ эѳиръ прозрачный, грудь земли и зыбь морей
И прогналъ ночныя тѣни, звуконогихъ прибодря,
То отъ Аттья пробужденной убѣжалъ немедля Сонъ,
И богиня Пасиѳея приняла его на грудь.
Такъ отъ нѣжнаго покоя пробудясь безъ ярыхъ грезъ,
Разбирала Аттій въ сердцѣ всѣ дѣла свои сама—
И умомъ спокойнымъ видитъ, безъ чего и гдѣ она.

И, вскипѣвъ душой, обратно къ морю вновь она спѣшитъ.
Тамъ, увидя волнъ равнину, взоромъ полнымъ слезъ, она
Грустнымъ голосомъ къ отчизнѣ обратилась въ горѣ такъ:
«О родимая отчизна, о отчизна, мать моя,
Ты, которую—несчастный—бросилъ я какъ бѣглый рабъ!
Отъ господъ своихъ, къ идейскимъ я лѣсамъ направилъ путь,
Чтобы жить въ снѣгахъ холодныхъ средь звѣриныхъ логовищъ;
Чтобы яростной носиться близъ убѣжищъ ихъ во мглѣ.
Гдѣ, въ какой тебя, отчизна, сторонѣ мнѣ полагать?
Глазъ стремится самъ собою на тебя направить взоръ,
Въ краткій срокъ, покуда злая ярость смолкнула въ душѣ.
Я-ли изъ родного дома понесусь тутъ по лѣсамъ?
Брошу всѳ, друзей, отчизну и родителей своихъ,
Брошу форумъ и палестру, стадій и гимназій я?..
Бѣдный, бѣдный, плакать вѣчно—вотъ судьба твоя, душа!
Есть-ли родъ такого лика, чтобъ его я не носилъ?—
Я и юноша, и отрокъ, взрослый я и мальчикъ я;
Я гимназія цвѣткомъ былъ, я елея былъ красой;
У меня въ дверяхъ толпились; мой порогъ не остывалъ,
Былъ цвѣточными вѣнками мой всегда разубранъ домъ,
Какъ, съ восходомъ солнца, долженъ былъ покинуть ложе я.
Я-ль теперь Цибелы жрицей и служанкой быть должна?
Я-ль менадой, я-ли частью лишь себя—какъ тщетный мужъ?
Я-ль наверхъ зеленой Иды въ снѣгъ застывшій убѣгу?
Я-ли стану на фригійскихъ жить на горныхъ высотахъ,
Гдѣ олень, жилецъ полѣсья, гдѣ кабанъ, лѣсной жилецъ?
Жаль мнѣ, жаль, что такъ я сдѣлалъ, больно, больно мнѣ терпѣть!..»
Но лишь только звукъ поспѣшный съ губокъ розовыхъ слетѣлъ
И богинѣ въ оба уха съ вѣстью новою дошелъ,
То Цибела, разрѣшая львовъ запряженныхъ ярмы,
Такъ, дразня, врага скотины стала лѣваго учить:
«Ну, свирѣпый,—въ путь и сдѣлай, чтобы въ ярость тотъ вступилъ,
Сдѣлай, чтобъ, въ порывѣ яромъ, тотъ опять ушелъ въ лѣса,
Кто, свободенъ больно, власти избѣжать моей дерзнулъ.
Бей хвостомъ себя, свою-же спину бей своимъ бичемъ,—
Пусть разносится повсюду громъ отъ рева твоего;
Крѣпкой шеею встряхни ты гриву рыжую свою».

Такъ рекла Цибеба въ гнѣвѣ и ярмо сняла рукой.
Звѣрь свирѣпый раздражаетъ самъ свой духъ на быстрый бѣгъ,
Онъ идетъ, реветъ и топчетъ подъ ногой своей кусты.
Но лишь влажныхъ мѣстъ достигнулъ, гдѣ бѣлѣли берега,
То у мраморнаго моря Аттью нѣжную узрѣлъ.
Вдругъ онъ кинулся. Та въ дебри, обезумѣвши, ушла.
Тамъ на цѣлую осталась жизнь прислужницей она.
О великая Цибеба, ты, Диндима божество,
Пусть на вѣкъ мой домъ не знаетъ страшной ярости твоей:
Возбуждай уже другихъ ты и другихъ быстрѣй гони!

А. Фетъ.

21. СВАДЬБА ПЕЛЕЯ И ѲЕТИДЫ.

(LXIV).

На вершинѣ пелійской рожденныя нѣкогда сосны
Плыли, какъ говорятъ, по взволнованной влагѣ Нептуна,
Къ Фасида устьямъ самимъ и до границъ эетейскихъ,
Какъ тѣхъ юношей цвѣтъ, ядро молодежи аргивской,
Изъ Колхиды увезть пожелавши руно золотое,
Быстрой дерзнула кормой побѣжать по соленой пучинѣ,
Разгребая еловыми веслами синее море.
Имъ богиня сама, городскихъ владычица башенъ,
Легкимъ дыханьемъ своимъ придала летучести въ бѣгѣ,
Остовъ сосновый связавъ сначала—съ изогнутымъ килемъ.
Онъ то первый побѣгомъ нарушилъ покой Амфитриты,
Только что носъ корабля разрѣзалъ бурливую влагу,
И, завиваясь, волна подъ весломъ забѣлѣла отъ пѣны,
Изъ бѣлѣющей бездны самой приподняли лица
Нереиды морскія, подобному чуду дивяся.
Въ этотъ счастливый день впервые увидѣли очи
Смертныхъ, какъ нимфы свои нагія тѣла выставляли,
Изъ бѣлѣющихъ волнъ воздымаясь по самыя груди.
Тутъ, говорятъ, и Пелей воспылалъ любовью къ Ѳетидѣ,
Тутъ и Ѳетида сама людскимъ не побрезгала бракомъ,
Тутъ порѣшилъ и Отецъ сочетать Пелея съ Ѳетидой.
О порожденные вы въ такое блаженное время,
Вамъ мой, герои, привѣтъ, отродье боговъ, о потомки

Отъ матерей благородныхъ, привѣтъ вамъ снова...
Часто васъ пѣснью моей, призывать я часто васъ стану.
Да и тебя высоко озареннаго факеломъ брачнымъ,
Ты, оплотъ Θессалiи,—Нелей, кому самъ Юпитеръ,
Самъ родитель боговъ любовью своей поступился.
Избранъ не ты-ли Θетидой, прекраснѣйшею нереидой?
Не тебѣ-ль свою внучку увесть разрѣшила Тѳѳиса
И Океанъ, что̀ объемлетъ всю землю морскою волною?
Какъ окончился срокъ и желанные дни наступили,
То собирается въ домъ, столпившися, вся Θессалiя,
И наполняется весь дворецъ веселящимся людомъ;
Всѣ приносятъ дары, выражая веселье на лицахъ.
Весь опустѣлъ Кiеронъ, фтiотiйскiя брошены Темпы
И Краннона дома, и высокiя стѣны Лариссы,—
Всѣ поспѣшаютъ въ Фарсалъ и къ фарсальскому дому стремятся.
Поля не пашетъ никто; у воловъ размягчаются шеи;
Низкихъ не чистятъ уже виноградниковъ—грабли кривыя,
Плугомъ понуристымъ волъ не ворочаетъ болѣе глыбу;
Не убавляетъ серпомъ обрѣзальщикъ на деревѣ тѣни;
Ржавчиной тусклой плуги покрываться забытые стали.
А въ жилищѣ самомъ, повсюду, куда распростерся
Царскiй дворецъ, все блеститъ серебромъ и золотомъ яркимъ;
Троны изъ кости слоновой; столы бокалами блещутъ,
Весь чертогъ выставляетъ богатую царскую утварь.
Но въ срединѣ дворца богинино брачное ложе,
Зубомъ индiйскимъ блестя, стоитъ, и его покрываетъ
Пологъ пурпурный, окрашенный раковинъ розовымъ сокомъ.
Этотъ покровъ, испещренный рисунками древняго люда,
Изображаетъ съ великимъ искусствомъ дѣянья героевъ,
Ибо тамъ, съ берега Дiи, звучащаго громкимъ прибоемъ,
Смотритъ Тезею во слѣдъ, на судахъ уходящему быстрыхъ,
Аріадна, въ душѣ неудержныя страсти питая,
И не вѣритъ себѣ, что дѣйствительно видитъ, что̀ видитъ,
Такъ какъ, только проснувшись отъ сна и обманныхъ видѣнiй,
Видитъ бѣдняжка себя на пустынномъ пескѣ позабытой...
А безпамятный юноша, въ бѣгствѣ, бьетъ веслами волны
И обѣщанья пустыя онъ буйному вѣтру бросаетъ,

А изъ травы вдалекѣ Миноида тоскующимъ взоромъ
Смотритъ вослѣдъ, какъ вакхическій образъ изъ камня... Эвоэ!..
Смотритъ она и заботъ предается великимъ волненьямъ;
На головѣ бѣлокурой ужъ нѣтъ и прекрасной повязки;
Не прикрываетъ уже одежда ей легкая шею,
Не сожимаетъ грудей ей пышныхъ и поясъ плетеный;
Все, что съ тѣла у ней со всего по частямъ соскользнуло,
Орошаютъ у ногъ ея тутъ-же соленыя волны.
Но, позабывъ и повязки уже, и летучей одежды
Положенье, всѣмъ сердцемъ своимъ, Тезей, за тобою,
Всею душой, всею мыслью она, потерявшись, стремится.
О бѣдняжка, которую Ерицина въ ту пору
Истомила рыданьемъ, колючихъ заботъ ей посѣявъ
Въ грудь, въ то самое время, когда Тезей безпощадный,
Отъ береговъ удалившись уже искривленныхъ Пирея,
До гортинскихъ жилищъ царя-нечестивца добрался,
Ибо, какъ говорятъ, удрученный жестокой чумою
Нѣкогда, чтобъ искупить Андрогея убійство, былъ долженъ
Юношей самыхъ отборныхъ и съ ними дѣвицъ наилучшихъ
Кекропа городъ обычно на пищу сдавать минотавру.
Какъ притѣсняемый городъ такою бѣдой удрученъ былъ,
То изъ-за милыхъ Аѳинъ Тезей пожелалъ свое тѣло
Кинуть на жертву скорѣй, чѣмъ, чтобъ подобные трупы,
Хоть и не трупы еще, изъ Аѳинъ отправлялися къ Криту.
Легкій направивъ корабль, на веслахъ и съ вѣтромъ попутнымъ
Прибылъ къ Миною онъ пышному и къ горделивымъ жилищамъ.
Какъ увидала его дочь царская алчущимъ взоромъ,
Та, что дотолѣ росла посреди благовоній отрадныхъ
Чистой постели своей, въ объятіяхъ матери нѣжной,—
Какъ у Еврота растутъ надъ самымъ теченіемъ мирты,
Иль какъ дыханье весны выводитъ различныя краски,—
То не раньше съ него свела воспылавшія очи,
Какъ когда всѣмъ тѣломъ она огонь воспріяла
И до мозга костей потаеннаго вся возгорѣлась.
О жестокій душой, богъ-мальчикъ, ты, въ ярость вводящій
Жалкихъ и къ горю людей прибавляющій радости тоже;
Также и ты, чей Голгосъ, чей Идалій, лѣсомъ покрытый,—

Что за волненьемъ наполнили душу вы пылкую дѣвы,
Часто вздыхающей нынѣ при мысли о русомъ пришельцѣ!
Сколько вынесла страху она въ томящемся сердцѣ;
Часто бывала она и золота даже блѣднѣе,
Какъ, съ чудовищемъ грознымъ желая вступить въ состязанье,
Или смерти Тезей добивался, иль славы въ награду.
Но не напрасно она, не безплодно богамъ обѣщала
Молча дары, хоть уста при обѣтахъ хранили молчанье:
Ибо какъ дубъ, что, махалъ вѣтвями на самой вершинѣ
Тавра, иль сосну, что въ корѣ потливой и въ шишкахъ
Вихрь безпощадный, дохнувъ, со всѣмъ ихъ стволомъ вырываетъ,
А они далеко съ исторгнутымъ падаютъ корнемъ
И, широко на пути низвергаяся, все раздробляютъ:
Такъ и Тезей побѣжденное тѣло чудовища ринулъ,
И напрасно оно бодаетъ рогами на вѣтеръ.
Цѣлъ, повернулъ онъ стопы оттуда съ великою славой,
Путь блудящій управивши тонкою ниткой, чтобъ сбиться,
Изъ лабиринта идя, не могъ онъ по разнымъ извивамъ
Храмины, гдѣ разобрать безъ того ничего невозможно.
Но зачѣмъ, уклонясь отъ начала пѣсни, я стану
Далѣе припоминать, какъ съ глазъ у отца убѣжала
Дочь; какъ объятья сестры и матери даже покинувъ,
Хоть бѣдняжка свою погибшую дочь такъ любила,
Та отдала это все за сладкое чувство къ Тезею;
Иль какъ корабль ее несъ къ опѣненному берегу Діи;
Иль какъ ее, погруженную въ сонъ, смежившій ей очи,
Непостоянный душой покинулъ супругъ уходящій?
Часто она, говорятъ, раздражаясь пылающимъ сердцемъ,
Изъ глубины своей груди пронзительный вопль испускала;
Послѣ всходила она, въ тоскѣ, на отвѣсныя горы,
Чтобы оттуда глядѣть по волнамъ необъятнаго моря.
То бѣжала она противъ всплесковъ соленыхъ прибоя,
Обнаженными икрами мягкій покровъ разверзая,
И, съ предсмертной тоской, такія слова говорила,
Испуская рыданья съ лицомъ орошеннымъ слезами:
«Такъ-то, увезши меня съ береговъ родимыхъ, коварный,
Ты коварно, Тезей, меня бросилъ на взморьѣ пустынномъ?

Такъ-то ты убѣжалъ и, боговъ всемогущихъ не помня,
Клятвопреступность своихъ обѣщаній домой ты уносишь?
Развѣ ничто не могло измѣнить рѣшимости духа
Жестокосердной? Ужель не нашлось состраданья настолько,
Чтобы меня пожалѣть захотѣлъ въ безжалостномъ сердцѣ?
А не такіе, бывало, обѣты давалъ ты мнѣ льстивой
Рѣчью и мнѣ ты внушалъ не на горе такое надежды,
А на веселую свадьбу, на милый союзъ Гименея!
Все это тщетно теперь развѣваютъ по воздуху вѣтры.
Клятвамъ мужскимъ ни одна пусть женщина больше не вѣритъ
И ни одна не считаетъ надежными рѣчи мужчины...
Какъ только жадно чего душа ихъ стремится достигнуть,
Клятвъ не боятся они, не щадятъ никакихъ обѣщаній;
Но лишь алчной души у нихъ насытилась похоть,
То не помнятъ рѣчей и, что ложно клялись,—забываютъ.
Я, безъ сомнѣнья, тебя, какъ вращался въ пучинѣ ты смерти,
Извлекла и скорѣй-бы рѣшилась я брата покинуть,
Чѣмъ въ минуту опасности бросить тебя, вѣроломный.
Вотъ за все я звѣрямъ въ растерзанье достанусь и птицамъ
Въ снѣдь, и надъ мертвою мною холма изъ земли не насыплютъ!
Львица какая тебя родила подъ пустынной скалою?
Море какое, зачавъ изъ волнъ опѣненныхъ, извергло?
Сиртъ-ли какой, или Сцилла-напасть, или бездна-Харибда,
Что ты платишь такою цѣною за жизнь дорогую?
Если не по сердцу было тебѣ сочетаніе бракомъ,
Такъ какъ отца-старика ты строгихъ наказовъ боялся,
Все-же могъ-бы меня увезти къ своему ты жилищу,
Гдѣ, въ веселомъ трудѣ, я была-бы твоею служанкой,
Умывая прозрачной струей твои бѣлыя ноги
И пурпурнымъ покровомъ твою застилая постелю.
Но зачѣмъ понапрасну я жалуюсь вѣтрамъ бездумнымъ,
Вся истомившись въ бѣдѣ, коль они—безо всякаго чувства
И не могутъ ни голосу внять, ни на вопли отвѣтить?...
Тотъ, между тѣмъ, на средину почти выбирается моря,
И никто у прибрежной травы не замѣтенъ изъ смертныхъ.
Такъ-то въ отчаянный часъ судьба непомѣрно жестока
Хочетъ, чтобъ жалобъ моихъ никакое не слышало ухо.

Ты, всемогущій Юпитеръ! О, пусть никогда-бы отъ вѣка
Кекропійскій корабль до гносскихъ береговъ не касался,
И, направляясь къ быку свирѣпому съ данью жестокой,
Въ Критѣ не чалилъ у насъ каната пловецъ вѣроломный,
И никогда-бъ этотъ злой, скрывая подъ сладостнымъ видомъ
Мыслей жестокость, у насъ не бывалъ отдыхающимъ гостемъ!..
Но куда обращусь? Чего мнѣ надѣяться, бѣдной?—
Или къ идейскимъ пойду я горамъ?.. Но бездной широкой
Иль не отторгнула ихъ свирѣпая влага морская?..
Ждать-ли защиты отца?—Отъ него не сама-ль я бѣжала
Слѣдомъ за юношею, убійствомъ запятнаннымъ брата?..
Ужъ не утѣшиться-ль мнѣ вѣрной любовью супруга?—
Не бѣжитъ-ли онъ, весла свои выгибая въ пучинѣ?..
На берегу, между тѣмъ, ни кровли,—весь островъ пустыненъ—
Нѣтъ и выхода: все окружили тутъ волны морскія.
Для побѣга нѣтъ средствъ, никакой нѣтъ надежды! Все нѣмо,
Все пустынно вокругъ и все на смерть указуетъ.
Но не прежде мои потухнутъ глаза при кончинѣ
И не прежде сознанье оставитъ усталое тѣло,
Чѣмъ испрошу у боговъ предательству должную кару
И, въ послѣдній мой часъ, не вымолю правды у неба!
Вы, карающія дѣянья мужей вашей местью,
Евмениды, у коихъ чело, змѣями увито,
Возвѣщаетъ впередъ о гнѣвѣ пылающемъ въ сердцѣ,—
Поспѣшайте сюда вы, сюда, и плачъ мой услышьте,
Тотъ, что̀ бѣдняжка—увы!—я должна испускать поневолѣ,
Беззащитна, въ пылу, ослѣпленная злобой безумной!
Такъ какъ по правдѣ мой вопль со дна моей груди исходитъ,
То не дайте моимъ рыданьямъ пропасть понапрасну,
А такъ точно, какъ бросилъ меня Тезей одинокой:
Такъ-же пусть точно, богини, себя и своихъ онъ погубитъ!»
Какъ изъ печальной груди излила она эти моленья,
Боязливо прося наказанья жестокимъ поступкамъ,
То Правитель небесныхъ ей знакомъ кивнулъ безотмѣннымъ—
И отъ кивка задрожала земля и угрюмое море,
И потряслися на небѣ блестящія искрами звѣзды.
Самъ-же Тезей между тѣмъ, ослѣпленной душей, какъ въ туманѣ,

Изъ забывчивой груди всѣ потерялъ наставленья,
Что̀ дотолѣ хранилъ постоянно онъ въ памяти строго,
И не поднялъ отраднаго знака, отца извѣщая
Грустнаго, что невредимъ онъ портъ ерехтейскій завидѣлъ!
Ибо когда, говорятъ, изъ стѣнъ цѣломудрой богини
Сына Эгей отпускалъ, его вѣтрамъ довѣряя,
То онъ юношу обнялъ и далъ приказанье такое:
«Сынъ мой единый, который мнѣ жизни далеко милѣе,
Сынъ, котораго я принужденъ отпустить въ неизвѣстность,
Ты, возвращенный недавно къ концу мнѣ старости дряхлой!
Такъ какъ доля моя и твоя горячая доблесть
Отнимаютъ тебя у меня, хоть мой взоръ утомленный
Не успѣлъ еще вдоволь насытиться обликомъ сына,
То не съ весельемъ тебя, не въ радости сердца отправляю
И не хочу, чтобы везъ благосклоннаго счастья ты знаки.
Нѣтъ, сперва изъ души испущу я множество жалобъ,
Безобразя землей и посыпаннымъ прахомъ сѣдины,
А затѣмъ подыму я темный парусъ на мачту,
Чтобы о плачѣ моемъ, о моей пылающей скорби,
Возвѣщала мнѣ ткань зачерненная ржею иберской!
Если-жъ дозволитъ тебѣ жилица святого Итона,
Та, что̀ и родъ нашъ, и домъ Ерехтея взяла подъ защиту,
Чтобы кровью быка свою ты обрызгалъ десницу,
То постарайся, чтобы въ твоемъ незабывчивомъ сердцѣ
Приказанье вотъ это жило и не стерлось съ годами:
Только что наши холмы ты своими глазами увидишь,
Всюду пусть реи сейчасъ покровы печальные спустятъ
И витые канаты бѣлѣющій парусъ подтянутъ,
Чтобы на первый я взглядъ угадалъ отрадную новость,
Что возвращаешься ты, сохраненный счастливо судьбою!»
Этотъ наказъ, что̀ сперва у Тезея сохраненъ былъ въ мысляхъ,
Такъ утерялъ онъ, какъ облака дыханіемъ вѣтра
Съ горныхъ снѣгомъ покрытыхъ вершинъ ускользаютъ на воздухъ.
А отецъ-то, прилежно смотрѣвши съ башни высокой,
Непрестанно слезами томя боязливыя очи,
Какъ впервой увидалъ раздутаго паруса ткани,
То съ вершины скалы стремглавъ низринулся тотчасъ,

Думая, что Тезей погубленъ жестокой судьбою!
Такъ, вступивши подъ кровъ, унылый отъ смерти отцовской,
То-же горе жестокій Тезей, что̀ и Миноидѣ
Причинилъ онъ, безпамятнымъ сердцемъ, самъ-же и принялъ.
А она-то, во слѣдъ кораблю съ печалью взирая,
Въ уязвленной душѣ разнородныя скорби вращала.
А съ другой стороны, цвѣтущій Іакхъ уже мчался,
Съ хороводомъ сатировъ и Низой рожденныхъ силеновъ,
Прямо къ тебѣ, Аріадна, любовью къ тебѣ воспылавши.
. . . . . .
Въ запуски тутъ веселились они въ опьяненіи яромъ
И бушевали: Эвой! Эвой! головами качая.
Тирсами часть изъ нихъ съ увитымъ концомъ потрясала,
А другіе швырялись кусками растерзанной телки;
Тѣ—изъ змѣи перевитыхъ себѣ пояса надѣвали,
Тѣ—справляли завѣтныя оргіи въ полыхъ ковчегахъ,
Оргіи тѣ, что напрасно желали-бы слышать профаны;
Эти—въ тимпанъ ударяли, высоко приподнявши руки,
Или изъ мѣди округлой трепещущій звонъ извлекали;
Многіе ревомъ хрипливо звучащимъ рога надували,
И чужеземная дудка свистѣла ужаснымъ напѣвомъ.
Вотъ такими рисунками убранный пологъ роскошно,
Всю занимая постелю, своимъ прикрывалъ одѣяньемъ.
Послѣ того какъ насытила взоръ ѳессалійская юность
Этимъ, священнымъ богамъ начала уступать она мѣсто.
Тутъ, какъ зефиръ, что̀ дыханіемъ утреннимъ спящее море
Пробуждаетъ и, падая вкось, вызываетъ въ немъ волны,
Чуть лишь Аврора возстанетъ съ порога подвижнаго Солнца,—
Тихо вначалѣ онѣ, дыханіемъ кроткимъ гонимы,
Движутся; легкіе звуки ихъ плеска съ хихиканьемъ сходны!
Послѣ, подъ крѣпнущимъ вѣтромъ, вздымаются больше и больше
И, пурпурнымъ вдали отливая сіяньемъ, катятся,—
Такъ, покидая преддверіе царскихъ покоевъ всѣ вмѣстѣ,
Порознь каждый къ себѣ проворной стопой расходились.
Послѣ ухода ихъ, первымъ изъ всѣхъ, съ вершинъ Пеліона,
Прибылъ Хиронъ, принося съ собою лѣсные подарки,
Ибо все, что родится въ поляхъ, что̀ на высяхъ есть горныхъ

Θессалійскаго берега, всѣ тѣ цвѣты, что выводитъ
Западный вѣтръ, плодотворно дыша надъ струями рѣчными,
Онъ принесъ, повязавши ихъ самъ безъ разбору вѣнками,
Такъ, что, ихъ запахомъ сладкимъ пропитанный, домъ улыбнулся.
Слѣдомъ предсталъ и Пеней, покрытыя зеленью Темпы,
Темпы, которыя всѣ опоясаны лѣсомъ нависшимъ,
Предоставляя вполнѣ хороводамъ наядъ разнороднымъ (?),
Не пустымъ онъ пришелъ: принесъ онъ буковъ высокихъ
Съ корнями и со стволами прямыми и лавровъ истяжныхъ,
Не безъ платановъ кивающихъ да и сестеръ мягкоствольныхъ
Фаэтонта сгорѣвшаго и кипарисовъ воздушныхъ;
Ихъ онъ, смежая, кругомъ по широкому дому разставилъ,
Чтобъ зеленѣло преддверье, одѣтое мягкой листвою.
Слѣдомъ за нимъ Прометей съ измыслительнымъ сердцемъ явился,
Древней казни слѣды еще сохраняющій слабо,
Что̀ когда то, при членахъ, закованныхъ въ скиѳскія цѣпи,
Онъ претерпѣлъ, вися на вершинѣ обрывистой горной.
Тутъ родитель боговъ съ дѣтьми и священной супругой
Прибылъ, тебя лишь Фэбъ одного на небѣ оставивъ
И близнеца твоего, на горахъ возсѣвшую Идра,—
Ибо вмѣстѣ съ тобой и сестра не любила Пелея
И не хотѣла почтить она факеловъ брачныхъ Ѳетиды.
Какъ на сидѣньяхъ они бѣлоснѣжныхъ члены согнули,
То имъ покрыли столы, наставивши блюдъ разнородныхъ,
А между тѣмъ, сотрясая тѣла свои дряхлымъ движеньемъ,
Правду гласящія пѣсни свои затѣяли парки.
Ихъ дрожащее тѣло кругомъ обнимала одежда
Бѣлая, красной каймой до щиколотокъ простираясь.
На головѣ бѣлоснѣжной у нихъ краснѣли повязки,
А привычныя руки надъ вѣчной корпѣли работой.
Лѣвая прялку держала, увитую мягкою шерстью,
Правая-же то легко, приподнявши персты, отводила
Нить, что̀ пряла, то, пальцемъ большимъ кругя, запускала
Веретено равновѣсное, словно кубарь закруживши.
Зубы равняли, межъ тѣмъ, постоянно работу щипками,
И приставали къ засохшимъ губамъ окуски отъ шерсти,
Что̀ торчала сперва комками по сглаженной ниткѣ.

Мягкую шерсть, между тѣмъ, бѣлизною сверкающей волны
Сохраняли у ногъ корзины изъ прутьевъ лозовыхъ.
Такъ, прядя свою пряжу, онѣ громозвучнымъ напѣвомъ
Изливали такую, въ божественной пѣснѣ, судьбину,
Въ пѣснѣ, какой уличить въ неправдѣ вѣкамъ не придется:
«О умножающій честь красотою подвиговъ многихъ,
Ематійскаго царства оплотъ, славнѣйшій по сыну!
Слушай, какое тебѣ, въ день радости, сестры откроютъ
Прорицаніе вѣрное. Вы-же, судьбу предваряя,
Мчитесь быстрѣй, выводящія нити, быстрѣй, веретена!
Уже подходитъ къ тебѣ со всѣмъ для мужей вожделѣннымъ
Гесперъ, и близится тожъ подъ звѣздою счастливой супруга,
Что, наполнивши душу твою всепобѣдной любовью,
Въ сладкомъ томительномъ снѣ съ тобой сочетаться готова,
Крѣпкую шею твою, огибая нѣжно руками.
Мчитесь быстрѣй, выводящія нити, быстрѣй, веретена!
Домъ ни одинъ не сближалъ любви такой-же, какъ эта,
Не сочетала любовь подобнымъ союзомъ влюбленныхъ,
Какъ у Θетиды теперь и какъ у Пелея согласье.
Мчитесь быстрѣй, выводящія нити, быстрѣй, веретена!
Породится отъ васъ Ахиллей, не знающій страха,
Не съ затылка врагамъ, а съ мощной лишь груди знакомый.
И побѣдителемъ—часто на состязаніи въ бѣгѣ
Опередитъ на ходу онъ и лань, что̀ какъ молнія мчится.
Мчитесь быстрѣй, выводящія нити, быстрѣй, веретена!
Ни одинъ съ нимъ герой никогда на войнѣ не сравнится,
Какъ оросятся поля фригійскія кровію тевкровъ,
Какъ, во слѣдъ долголѣтней осадѣ, троянскія стѣны
Клятвопреступнаго Пелопа третій наслѣдникъ разрушитъ.
Мчитесь быстрѣй, выводящія нити, быстрѣй, веретена!
Про высокую доблесть его и славу дѣяній
Вспомнить не разъ матерямъ придется надъ прахомъ сыновнимъ,
Какъ начнутъ онѣ волосы рвать съ головы посѣдѣлой
И безсильной рукой пятнать увядшія груди.
Мчитесь быстрѣй, выводящія нити, быстрѣй, веретена!
Ибо какъ предъ собой косецъ, подъ пылающимъ солнцемъ,
Колосъ густорастущій срѣзаетъ по желтому полю;

Такъ подкоситъ тѣла онъ троянцевъ враждебнымъ желѣзомъ.
Мчитесь быстрѣй, выводящія нити, быстрѣй, веретена!
Будутъ свидѣтелями той доблести волны Скамандра,
Что широкой струей въ Геллеспонтъ изливается быстрый,
Какъ стѣснитъ онъ имъ путь, заваливъ ихъ тѣлами убитыхъ.
И примѣшанной кровью согрѣетъ глубокую рѣку.
Мчитесь быстрѣй, выводящія нити, быстрѣй, веретена!
Будетъ свидѣтельницей и добыча, врученная Смерти,
Какъ на возвышенной насыпи холмъ подъ костеръ наваленный
Бѣлоснѣжные члены поверженной дѣвы воспримetъ.
Мчитесь, быстрѣй, выводящія нити, быстрѣй, веретена!
Ибо какъ только Судьба поможетъ усталымъ ахэйцамъ,
Стѣны Нептуна прорвавъ, въ дарданскій городъ проникнуть,
То и могилу высокую кровь ороситъ Поликсены,
А она, словно жертва, убита двуострымъ желѣзомъ,
Ринетъ во прахъ, колѣна согнувши, безглавое тѣло.
Мчитесь быстрѣй, выводящія нити, быстрѣй, веретена!
Такъ сочетайте скорѣе любовью желанной вы души:
Пусть-же приметъ супругъ въ счастливомъ союзѣ богиню,
Чтобъ поступила невѣста давно вождѣленная къ мужу.
Мчитесь быстрѣй, выводящія нити, быстрѣй, веретена!
Чтобы кормилица, къ ней подойдя при сіяньи востока,
Шею уже не могла окружить ей вчерашнею ниткой,
Также и мать, безпокоясь насчетъ упрямства невѣсты,
Не была-бъ безъ надежды на внуковъ—отъ спавшихъ отдѣльно.
Мчитесь быстрѣй, выводящія нити, быстрѣй веретена!
Такъ, предвѣщая великое нѣкогда счастье Пелею,
Пѣли пѣсни изъ груди своей божественной парки,
Ибо нѣкогда лично въ дома честные героевъ
Нисходили и сами являлись въ собранія смертныхъ
Жители неба охотно, пока благочестье хранилось.
Часто родитель боговъ, во храмѣ сіяющемъ сидя,
Какъ во дни торжества появились годичныя жертвы,
Видѣлъ сотню быковъ поверженныхъ тутъ-же на землю;
Часто и Либеръ бродящій съ вершины самой Парнасса
Велъ тіадъ, растрепавшихъ волосы съ крикомъ восторговъ,
А дельфійцы, стремясь изъ города другъ передъ другомъ,

Съ радостью у алтарей дымящихся бога встрѣчали.—
Часто Марсъ, на войнѣ, посреди смертоносныхъ сраженій,
Или Тритона владычица, или рамнунтская дѣва
Вооруженные строи людей, явясь, возбуждали.
Но съ тѣхъ поръ какъ земля осквернилась ужаснымъ злодѣйствомъ,
И правосудіе всѣ изъ алчнаго духа изгнали,
Братья руки свои запятнали кровію братней,
Сталъ уже сынъ о смерти родителей плакать,
Началъ родитель—желать кончины юнаго сына,
Чтобы свободно владѣть новобрачной мачихи цвѣтомъ;
Нечестивая мать соблазняетъ невиннаго сына,
Не страшась оскорбить родимыхъ боговъ непотребствомъ.
Все и зло и добро, помѣшавшись въ безумствѣ преступномъ,
Отвратили отъ насъ и мысли боговъ правосудныхъ:
Вотъ почему не хотятъ почтить своимъ появленіемъ
Сборищъ подобныхъ они и при свѣтѣ дневномъ показаться.

А. Фетъ

22. КЪ ГОРТАЛУ.

(LXV).

Хоть постоянно меня, отягчая заботою, горе
Отъ вдохновенныхъ, Горталъ, дѣвъ отклоняетъ совсѣмъ,
И не въ силахъ плодами отрадными музъ разрѣшиться
Умъ мой, который такой нынѣ взволнованъ бѣдой,—
Ибо недавно еще моего побѣднѣвшаго брата
Ноги въ потокѣ своемъ Лета омыла волной;
Трои берегъ его рэтійскій, своею землею
Прикрывая, отъ глазъ нашихъ совсѣмъ удалилъ.

. . . . . .

Стану-ль съ тобой говорить? Услышу-ль твои похожденья,
Иль никогда ужъ тебя, жизни милѣйшій мнѣ братъ,
Болѣе не увидать?.. Но вѣчно любить тебя буду,
Вѣчно о смерти твоей скорбныя пѣсни мнѣ пѣть,
Тѣ, что подъ тѣнью густой нависшихъ вѣтвей напѣваетъ
Прогна, о горестной ей Итила смерти скорбя,—
Но и въ горѣ такомъ тебѣ я, Горталъ, посылаю
Эти стихи, что писалъ я Батгіаду во слѣдъ,

Чтобъ ты не счелъ, что слова свои ты бросилъ на вѣтеръ
И что, можетъ быть, ихъ я потерялъ изъ души,—
Словно яблоко, что̀, женихомъ подаренное тайно,
Изъ непорочной скользнувъ пазухи дѣвы, бѣжитъ;
То у бѣдняжки забывчивой спрятано было въ одеждѣ,
А у прыгнувшей, когда мать къ ней вошла, сотряслось
И по наклону оно проворно движется въ бѣгѣ,
А у нея на лицѣ вспыхнула краска стыда.

А. Фетъ

23. КОСА БЕРЕНИКИ.

(LXVI).

Тотъ, что̀ успѣлъ разглядѣть свѣтила пространнаго міра;
Кто восхожденіе звѣздъ точно позналъ и закатъ,—
Какъ затмевается пламенный блескъ бѣгущаго солнца;
Какъ извѣстной порой скрыться созвѣздья спѣшатъ;
Какъ къ латмійской скалѣ, увлекая, Тривію тайно
Нѣгой своею любовь сводитъ съ воздушныхъ путей,—
Тотъ-то Кононъ меня увидалъ въ небесномъ сіяньи,
Косу, что̀ на челѣ у Береники была,
Возсіявшей свѣтло,—ее вѣдь она обѣщала
Многимъ богамъ, приподнявъ бѣлыя руки свои,
Тою порою, когда, гименеемъ недавнимъ довольный,
Съ опустошеніемъ царь шелъ въ ассирійскій предѣлъ,
Унося и слѣды ночной той сладостной битвы,
Гдѣ онъ доспѣхи уже дѣвственной жизни отбилъ.
Или такъ ненавистна Венера невѣстамъ? Иль нужно
Радость родителей имъ ложью тѣхъ слезъ обмануть,
Что такъ обильно онѣ проливаютъ за спальнымъ порогомъ?
Только, богами клянусь, стонутъ напрасно онѣ.
Это царица моя доказала мнѣ плачемъ великимъ,
Какъ пошелъ на войну грозную юный супругъ.
Иль—одинокая—ты не о сирой постели рыдала,
А о разлукѣ одной съ братомъ твоимъ дорогимъ?
Какъ твое сердце насквозь пронзила печалью забота,
Такъ, что изъ груди больной чувства утратились всѣ,

И исторгнутый умъ исчезъ! А я тебя знала
Въ малолѣтствѣ еще дѣвочкой съ твердой душой.
Или тотъ добрый забыла ты подвигъ, какимъ ты достигла
Царскаго брака? Никто быть-бы отважнѣй не могъ;
Но, разставаясь съ мужемъ, какія ты рѣчи сказала!
Какъ, о Юпитеръ! глаза терла ты часто рукой!
Кто изъ боговъ такъ тебя измѣнилъ? Иль любящимъ трудно
Отъ любезнаго имъ тѣла вдали пребывать?
Тутъ-то всѣмъ и богамъ, супруга желаннаго ради,
Ты обѣщала меня, кровь проливая быковъ,
Если вернется онъ цѣлъ. А тотъ, по времени маломъ,
Азію силой забравъ, къ царству Эгипта примкнулъ.
За такіе успѣхи, вступя въ собранье небесныхъ,
Прежнихъ обѣтовъ твоихъ я искупительный даръ,
Нехотя, о царица, твое я покинула темя,
Нехотя,—въ томъ поклянусь даже твоей головой.
Пусть по заслугамъ накажется тотъ, кто напрасно клянется,—
Кто-же мечтаетъ въ борьбу противъ желѣза вступить?
Гору свалило оно всѣхъ выше на цѣломъ прибрежьи,
Что̀ переѣхать спѣшитъ Тіи блистающій сынъ,
Какъ породили мидійцы новое море, и съ флотомъ
Варваровъ вся молодежь прямо плыла чрезъ Аеонъ.
Какъ волосамъ устоять, коль вотъ что желѣзу сдается?
О Юпитеръ, пускай гибнетъ халибовъ весь родъ,
Какъ и тотъ, что̀ впервой отыскивать сталъ подъ землею
Жилы и послѣ того твердость желѣза ковать!
Обо мнѣ, что отрѣзана я, предъ тѣмъ мои сестры
Плакали, какъ, на крылахъ шаткихъ по воздуху мчась,
Братъ эѳіопа-Мемнона меня Арсинои-Киприды
Конь подхватилъ и помчалъ, птицей будучи самъ.
Онъ, принесши меня по воздушному мраку, на лоно
Непорочной своей, чистой Венеры сложилъ.
Вѣдь сама своего слугу Зефирита гречанка
Съ тѣмъ и послала, чтобъ къ ней онъ воротился въ Канопъ
И что-бы тамъ не одинъ, отливая огнемъ разноцвѣтнымъ,
У Аріадны съ висковъ взятый вѣнецъ золотой
Былъ навсегда прикрѣпленъ, но чтобы и я засверкала,

Благочестивой души дань бѣлокурыхъ волосъ.
Какъ, слезами увлажена, къ храму боговъ я неслася,
Новымъ созвѣздьемъ меня къ старымъ богиня ввела,
Ибо и Дѣвы и Льва свирѣпаго близко къ созвѣздьямъ,
И съ ликаонскою то-жъ рядомъ Каллистой свѣтя,
Я обращаюсь къ закату, водя лѣнивца-Боота,
Что̀ погружается лишь поздно слегка въ Океанъ.
Но, хоть ночью меня стопы боговъ попираютъ,
День-же Тефисѣ сѣдой снова меня отдаетъ;
(Лишь не въ обиду тебѣ то сказать, рамнунтская дѣва,
Ибо изъ страха никакъ правды не стану таить,
Хоть-бы созвѣздья меня поносили дурными словами,
Что изливаю я тутъ правду изъ скромной груди),
Не настолько всему я рада, насколько быть розно,
Розно съ моей госпожей я постоянно крушусь:
Вѣдь у нея-то, когда она дѣвой заботы не знала,
Я впивала въ себя тысячи сирскихъ мастей.
Вы-же, кого сочеталъ вожделѣннымъ сіяніемъ факелъ,
Не предавайте вы тѣлъ единодушно мужьямъ,
Сбросивъ одежду свою и грудь обнажая, доколѣ
Дара отраднаго мнѣ не изготовитъ ониксъ,
Вашъ ониксъ, вы, которыя ложе въ законѣ блюдете;
Но отъ той, что̀ себя блудомъ дала замарать,
Даромъ пустымъ и худымъ пусть прахъ упивается легкій:
Отъ недостойныхъ такихъ я не желаю даровъ.
Но у васъ, о замужнія, пусть и согласіе вѣчно,
И постоянно любовь царствуетъ въ вашихъ домахъ!
Ты-же, царица, когда, взглянувши на небо, богинѣ
Въ праздничный день приносить станешь Венерѣ дары,
Не помысли меня лишить твоихъ благовоній,
А, напротивъ того, щедро даровъ принеси.
Что-жъ въ небесахъ я держусь?—О, будь на челѣ я царицы,
Хоть съ Водолеемъ тогда рядомъ блистай Оріонъ!

А. Фетъ.

24. КЪ АЛЛІЮ.

(LXVIII).

I.

Что, удрученный судьбою и горемъ жестокимъ, ты шлешь мнѣ
Это посланье свое, что̀ ты слезами писалъ,
Чтобы извергнутаго, въ крушеньи, кипящей волною
И подкрѣпилъ, и того съ смерти порога увелъ
Я, кому ни почить не даетъ благая Венера,
Сладостнымъ сномъ, положа на холостую постель,
Ни отрадною пѣснею старыхъ поэтовъ не взыщутъ
Музы, когда истомитъ душу безсонницы страхъ,—
Этому радуюсь я, знать другомъ меня ты считаешь,
Ежели просишь даровъ музъ и Венеры ты тутъ.
Но, чтобъ не скрыть отъ тебя моего злополучія, Малій,
Иль чтобъ не думалъ ты, что гостя я долгъ позабылъ,
Выслушай, какъ поглощенъ я самъ волнами судьбины,—
Чтобъ отъ несчастнаго ты счастья даровъ не просилъ.
Въ тѣ времена, какъ впервой получилъ я бѣлую тогу,
Какъ веселой весной мчалась цвѣтущая жизнь,
Много я пѣсенъ пропѣлъ, и знаетъ меня та богиня,
Что̀ умѣетъ съ тоской сладкую горечь мѣшать.
Но смерть брата мое все рвенье, въ вопляхъ, умчала...
О я, несчастный!—Зачѣмъ, братъ мой, ты взятъ у меня?!
Ты, умирая, мой братъ, мое все счастье разрушилъ;
Вмѣстѣ съ тобою теперь весь мой и домъ погребенъ,
Вмѣстѣ съ тобой заодно погибли мои наслажденья,
Что̀ ты, при жизни своей, сладкой любовью питалъ.
Я, при утратѣ его, изгналъ совершенно изъ мыслей
Всѣ такіе труды, всѣ наслажденья души.
Вотъ почему, что ты пишешь: «Стыдно Катуллу въ Веронѣ
Быть, потому что вѣдь тутъ, кто лишь почище другихъ,
Грѣетъ холодные члены свои въ одинокой постели»,
Такъ это, Малій, не стыдъ, а злополучье скорѣй!
Такъ извини, что даровъ у меня отнятыхъ печально
Не посылаю тебѣ, такъ какъ послать не могу,

Ибо что книгъ у меня обилье весьма небольшое,
Это затѣмъ, что живу въ Римѣ я больше: тамъ домъ,
Тамъ и осѣдлость моя, тамъ я провожу свои годы,
А изъ премногихъ со мной ящичекъ книжный—одинъ.
Коль это такъ, то, прошу, не сочти, чтобъ съ намѣреньемъ злостнымъ
Я поступаю, или не съ прямотою души,
Если на просьбу твою не является то и другое!
Самъ-бы тебѣ предложилъ, если-бы было, что̀ дать.

II.

Я не могу умолчать, богини, въ чемъ собственно Аллій
Мнѣ помогалъ и, притомъ, сколько услугъ оказалъ,
Чтобы съ забывчивыми вѣками бѣгущее время
Не покрыло слѣпой ночью заботы его;
Но я вамъ разскажу, а вы, передавши премногимъ
Тысячамъ, сдѣлайте такъ, чтобъ этотъ старый мой листъ,
. . . . . .
Чтобы извѣстнымъ онъ сталъ больше и больше въ гробу;
Чтобы висящій паукъ, сплетающій нѣжныя ткани
Надъ забытымъ не сталъ именемъ Аллія плесть.
Вамъ вѣдь извѣстно, какимъ меня Аматузіи лживость
Горемъ постигла и какъ зло изсушила меня;
Какъ пылалъ я не хуже скалы на Тринакріи самой,
Или малійскихъ ключей Эты среди Термопилъ;
Какъ отъ слезъ постоянныхъ все таяли взоры сильнѣе,
И по ланитамъ моимъ ливень печали бѣжалъ,—
Какъ на воздушной вершинѣ горы блестящій источникъ,
Изъ покрытаго мхомъ камня пробившись, стремглавъ
Падаетъ, прямо съ отвѣсныхъ высотъ низвергаясь въ долину,
И перерѣзать спѣшитъ путь, гдѣ тѣснится народъ,
Путнику, въ потѣ соленомъ бредущему, ставши отрадой.
Какъ нестерпимый припекъ нивы горячія рветъ.
Тутъ, какъ пловцамъ истомленнымъ порывами чернаго вихря
Вѣтеръ попутный начнетъ болѣе кротко дышать,
Уже Поллуку они, уже и Кастору молились,—
Точно такой для меня Аллія помощь была.

Онъ стѣсненное поле просторной расширивъ границей,
Онъ меня принялъ и въ домъ, онъ мнѣ и милую далъ,
Близъ которой я могъ дышать взаимной любовью.
Тутъ богиня моя нѣжной своею ногой,
Снѣга бѣлѣе сама, вошла, на порогъ налощенный
Ставя красивый башмакъ съ ясной подошвой подъ нимъ,
Какъ когда-то вошла, пылая любовью къ супругу,
Лаодамія сама въ Протезилаевъ дворецъ,
Понапрасну застроенный, ибо священная жертва
Не ублажала еще кровью небесныхъ владыкъ.
Я ничѣмъ до того не прельщаюсь, рамнунтская дѣва,
Чтобъ, противъ воли владыкъ, что-либо смѣлъ предпринять.
Какъ алтарю восхотѣлось упиться набожной кровью,
Лаодамія могла, мужа утративъ, узнать:
Вскорѣ принуждена оторваться отъ шеи супруга,
Прежде, чѣмъ первой во слѣдъ, вновь наступая, зима
Насладиться дала ей любовію въ долгія ночи,
Чтобы могла она жить, брачную связь утерявъ,
Ибо вѣдали парки, что вскорѣ и жизни лишится,
Если какъ воинъ пойдетъ онъ къ иліонскимъ стѣнамъ.
Вѣдь тогда, похищеньемъ Елены, первѣйшихъ аргивцевъ
Начинала уже Троя себѣ привлекать,
Троя, общій погостъ для Азіи и для Европы,
Троя, мужей и ихъ дѣлъ славныхъ безвременный прахъ:
Не она-ль принесла моему несчастному брату
Смерть? О горе мое, отнятъ ты, братъ, у меня,
О несчастный мой братъ, отраднаго свѣта лишенный,
(Вмѣстѣ съ тобою теперь весь мой и домъ погребенъ;
Всѣ съ тобой заодно погибли мои наслажденья,
Что ты, при жизни своей, сладкой любовью питалъ)
Какъ далеко ты теперь,—не между могилъ намъ знакомыхъ,
Не среди праха родныхъ похороненный лежишь,
А въ нечестивой ты Троѣ, въ Троѣ этой злосчастной,
Въ той отдаленной странѣ принятъ чужою землей!..
Къ ней тогда, говорятъ, отовсюду сходяся, стремилась
Греческая молодежь, отчій бросая очагъ,
Чтобы Паридъ, увезя любовницу, въ радости праздной

Мирно не могъ проживать въ опочивальнѣ у ней.
Вотъ причина тебѣ, прелестная Лаодамія,
Изъ-за которой супругъ, жизни милѣй и души,
Отнятъ былъ у тебя! И тутъ-то любовнаго пыла
Вихорь отвѣсныхъ высотъ въ пропасть низринулъ тебя,
Въ родѣ той, что, болото спустивъ на килленскомъ Фенеѣ,
Почву сушила, какъ намъ греки о томъ говорятъ.
И говорятъ, что ее сочтенный ложно за сына
Амфитріона пробилъ въ нѣдрѣ горы той порой,
Какъ стимфалійскихъ чудовищъ своею мѣткой стрѣлою
Онъ поражалъ, какъ велѣлъ низшій владыка ему,
Чтобы въ небесную дверь боговъ побольше вступало;
Чтобы не долго затѣмъ дѣвственной Геба была.
Но любви глубина у тебя была глубже той бездны
И научила тебя волей склоняться въ ярмо,
Ибо не такъ дорожитъ лѣтами согбенный родитель
Позднимъ внукомъ, что̀ дочь только одна родила
И что, явясь, наконецъ, желаннымъ наслѣдникомъ дѣда,
Имя котораго тотъ ужъ въ завѣщаніе внесъ,
Нечестивую радость родни отдаленной унесши,
Отъ убѣленной главы коршуна прочь отогналъ;
Такъ не рада сама бѣлоснѣжному голубю дружка,
Что страстнѣй, говорятъ, клювомъ кусливымъ своимъ
Непрестанно готова опять срывать поцѣлуи,
Чѣмъ даже женщина та, что похотливѣй другихъ.
Ты-же только одна изступленье ихъ всѣхъ побѣдила,
Какъ съ бѣлокурымъ своимъ мужемъ сошлась навсегда.
Или ничѣмъ, или малымъ ей уступая, явилась,
Солнце мое, проходя прямо въ объятья мои,
Какъ туда и сюда Купидонъ вокругъ нея увиваясь,
Желтой туникой своей самъ бѣлоснѣжный блисталъ.
Если она навсегда однимъ довольна Катулломъ,
То ужъ владычицы мы чистой проказы снесемъ,
Чтобъ по примѣру глупцовъ не быть безмѣрно тяжелымъ.
Часто Юнона сама, высшая между богинь,
Сдерживать гнѣвный свой пылъ должна при проказахъ супруга,
Зная, что много вездѣ тайнъ у Юпитера есть.

А съ богами никакъ равняться людямъ не должно,

. . . . . .

. . . . . .

Такъ непріятную сбрось тягость отца-старика.
Но ко мнѣ вѣдь она не введенная отчей рукою
Въ домъ вошла, гдѣ стоялъ запахъ ассирскихъ духовъ,
А, въ молчаніи ночи, дала подарочекъ тайно,
Изъ объятій его мужа схвативъ самого.
Пусть-же довольно того, что одинъ мнѣ тотъ отдается
День, что бѣлѣйшей чертой можетъ отмѣтить она!

III.

Вотъ тебѣ пѣснью, какъ могъ, изготовленный мною подарокъ,
Аллій, за многія пусть будетъ услуги твои,
Чтобы ѣдкою ржавчиной вашихъ именъ не коснулся
Ни сегодняшній день, ни другой, ни снова другой;
Пусть еще боги прибавятъ вамъ все, что древле Ѳемида
Ниспосылала въ дары благочестивымъ мужамъ.
Будьте вы счастливы оба,—и ты, и твоя дорогая,
Также и домъ твой, гдѣ я съ милой моею игралъ,
Да и тотъ, кто не взялъ земли, которую далъ намъ,
Отъ котораго всѣ блага мои изошли
И, всѣхъ болѣе, та, что себя самого мнѣ дороже,
Свѣтъ мой!—При жизни ея, самъ я отрадно живу.

А. Фетъ.

---

25. КЪ РУФУ.

(LXIX).

Не удивляйся ты, Руфъ, почему ни одна не желаетъ
Женщина къ нѣжной своей груди тебя прижимать,
Хотъ-бы подаркомъ ее искушалъ ты рѣдкаго платья
Или прелестныхъ для глазъ блескомъ каменьевъ сквозныхъ:
Вредъ приноситъ тебѣ разсказъ нехорошій, что будто
Въ ямкахъ подъ мышкой твоей водится страшный козелъ.
Всѣ боятся его—и не диво: ужасно опасенъ

Звѣрь этотъ; съ нимъ ни одной дѣвѣ прелестной не жить.
Такъ, или эту чуму, для носовъ нестерпимую, сбудь ты,
Иль удивляться оставь, что отъ тебя всѣ бѣгутъ!

А. Фетъ.

26. КЪ САМОМУ СЕБѢ.

(LXXVI).

Если отрада въ томъ есть—о дѣлахъ своихъ добрыхъ припомнить [1])
Для человѣка, коль онъ чистымъ считаетъ себя,
Такъ какъ, вѣрность храня, ни въ какомъ онъ союзѣ облыжно
Не призывалъ божества, чтобы людей обмануть:
Много отрады, Катуллъ, благочестіемъ долгимъ сготовилъ
Ты изъ этой себѣ неблагодарной любви,
Ибо то доброе все, что̀ люди кому-нибудь могутъ
Сдѣлать иль только сказать,—сдѣлалъ ты все и сказалъ,
Неблагодарной душѣ ты все это ввѣрилъ напрасно!
Ежели такъ, то чего-жъ дальше крушиться тебѣ?
Что-жъ не окрѣпнешь душой и оттуда назадъ не вернешься,
А, противъ воли боговъ, хочешь несчастнымъ ты быть?
Трудно отъ долгой любви внезапно тебѣ отрѣшиться,
Трудно, но должно тебѣ какъ-нибудь въ этомъ успѣть.
Въ этомъ спасенье одномъ, и съ этимъ ты справиться долженъ.
Такъ поступи и теперь,—можешь-ли ты, или нѣтъ.
Боги, ежели есть у васъ состраданье; коль помощь
Вы подавали инымъ даже и въ смерти самой:
То на меня оглянитесь и, если я въ жизни былъ чистымъ,
Вырвите эту чуму, эту погибель мою!
Горе мнѣ! — Словно какое въ меня онѣмѣнье, прокравшись,
Всякую радость мою выгнало вонъ изъ груди.
Я не о томъ ужъ прошу, чтобъ меня она тоже любила
Или, чтобъ быть—чѣмъ нельзя—честной рѣшилась она:
Самъ о здоровьи молю, чтобъ сбросить болѣзнь мнѣ лихую.
Боги, я этого жду за благочестье свое!

А. Фетъ.

[1]) Одно изъ тѣхъ двухъ стихотвореній, надъ которыми плакалъ Маколей, всякій разъ какъ перечитывалъ Катулла. Понятно, о какой женщинѣ идетъ здѣсь рѣчь.
Примѣч. составителя.

27. КАЛЬВУ О КВИНТИЛІИ.

(XCVI).

Если въ нѣмыя могилы отрадно и сладостно можетъ,
Кальвъ, проникнуть хотя нѣчто изъ нашей тоски,
Какъ давнишнюю мы любовь обновляемъ стремленьемъ,
Иль о дружбѣ давно скрывшейся слезы мы льемъ:
Вѣрно, не столько скорбитъ о ранней Квинтилія смерти,
Сколько твоя принесетъ ей утѣшенья любовь...

А. Фетъ.

28. У МОГИЛЫ БРАТА.

(CI).

Много народовъ узрѣвъ и много морей переплывши,
Къ грустнымъ поминкамъ твоимъ, братъ, я теперь подхожу,
Чтобы усопшему даръ тебѣ принести мой послѣдній
И безмолвный твой прахъ рѣчью напрасной почтить,
Такъ какъ тебя самого у меня судьбина исторгла,
О несчастный мой братъ, отнятый зло у меня!
Нынѣ однако межъ тѣмъ, что праотцевъ древній обычай—
Въ грустныхъ поминкахъ блюдетъ, эти пріемли дары,
Со слезами обильно текущими братскихъ рыданій,
И навѣчно уже «здравствуй» ты, братъ, и «прощай!»

А. Фетъ.

ВЕРГИЛІЙ.

Величайшій изъ римскихъ эпиковъ, Публій Вергилій Маронъ, родился 15 октября 70 г. до Р. Х.—говорятъ, въ день смерти Лукреція—въ деревнѣ Андахъ (н. Pietola), на берегу рѣки Минчіо, въ Умбріи, вблизи Мантуи. Родился онъ въ незнатной, но достаточной семьѣ гончара. По другимъ, отецъ его, Вергилій, былъ поденщикомъ у нѣкоего Магія, или Маія. Честный и трудолюбивый, отецъ Вергилія заслужилъ полное довѣріе хозяина, поэтому онъ выдалъ за него дочь свою Магію Поллу.

Рожденіе Вергилія сопровождалось предзнаменованіями. По преданію, его

беременной матери снилось, будто она родила лавровую вѣтвь. Вѣтвь эта, наклонившись къ землѣ, тотчасъ превратилась въ большое дерево съ цвѣтами и плодами. Малютка, продолжаетъ легенда, не кричалъ; посаженный при его рожденіи тополь вдругъ переросъ всѣ другіе. Родился Вергилій въ то время, какъ его мать шла въ полѣ къ мужу.

П. ВЕРГИЛІЙ МАРОНЪ.
По старинному рисунку.

Вѣроятнѣе однако, что Магія вышла за Вергилія вдовой. По крайней мѣрѣ, она ввела въ семью пасынка—Валерія Прокула. Въ семьѣ Публія былъ третьимъ сыномъ; Силонъ и Флаккъ, его родные братья, умерли въ дѣтствѣ; но отецъ и мать Вергилія дожили до славы старшаго своего сына, съ любовью поддерживавшаго ихъ въ старости.

Получивъ первоначальное образованіе въ римской колоніи въ Галліи, бога-

той Кремонѣ, гдѣ вѣроятно были лучшіе учителя, чѣмъ въ Мантуѣ, будущій поэтъ отправился на 16-мъ году, въ славившійся тогда своею образованностію Миланъ, затѣмъ въ Неаполь, гдѣ слушалъ греческаго поэта и грамматика, Партенія. Черезъ два года Вергилій уѣхалъ въ Римъ для занятія краснорѣчіемъ. Учителемъ его былъ, между прочимъ, философъ-епикуреецъ Сиронъ, другъ Цицерона. Но Вергилію приходилось больше по душѣ ученіе стоиковъ и система Платона. Онъ оставался однако эклектикомъ. По разсказамъ, Вергилій занимался исторіей, астрономіей, медициной и, въ особенности, математикой. Едвали это было въ дѣйствительности. Разсказъ этотъ сочиненъ, быть можетъ, въ Средніе вѣка, когда Вергилій слылъ колдуномъ.

Способности къ изученію краснорѣчія у поэта однако не оказалось. Онъ только разъ въ жизни выступилъ въ качествѣ оратора. Вѣроятно, на 25-мъ году закончилось образованіе Вергилія, и онъ уѣхалъ въ родныя Анды, гдѣ развился, вдали отъ столичнаго шума, среди тихой и страстно любимой имъ деревенской жизни, его поэтическій талантъ.

Вскорѣ однако мирная жизнь его была нарушена политическими событіями. Ветеранамъ-колонистамъ показалось мало земли въ Кремонѣ, и они просили прибавить имъ 15.000 шаговъ. Восемь самыхъ цвѣтущихъ городовъ Италіи съ ихъ округами были отданы солдатамъ за свою приверженность республикѣ. Въ 41 г. имѣніе Вергилія конфисковали и назначили центуріону Аррію, одному изъ ветерановъ недавно убитаго Цезаря. Вмѣстѣ съ Вергиліемъ одинаковая судьба постигла и трехъ другихъ поэтовъ—Горація, Тибулла и Проперція.

Счастливый случай помогъ Вергилію. Въ лицѣ познакомившагося еще раньше съ нимъ полководца Антонія, Азинія Поліона, поэтъ встрѣтилъ поклонника своего поэтическаго таланта. Азиній успѣлъ уже прочесть вышедшія въ свѣтъ двѣ эклоги: «Буколикъ», и, благодаря его ходатайству, имѣніе Вергилія было спасено отъ конфискаціи. Поліонъ сдѣлалъ для поэта еще болѣе—посылая Вергилія для окончательнаго улаженія дѣла въ Римъ, онъ далъ ему рекомендательное письмо къ Октавіану. Поэтъ долженъ былъ ѣздить въ столицу два раза, но добился своего, хотя и съ трудомъ. При содѣйствіи Мецената, ему удалось заручиться обѣщаніемъ Октавіана, что имѣніе его не будетъ конфисковано, или если и будетъ, то его, Вергилія, вознаградятъ помѣстьемъ въ Кампаніи. Обѣщаніе это было, повидимому, исполнено, такъ какъ упоминаютъ о помѣстьи Вергилія вблизи Нолы.

Благодарный поэтъ воспѣлъ Октавіана въ одномъ изъ своихъ произведеній. Радость его оказалась однако преждевременной. Вскорѣ началась война Антонія съ Октавіаномъ. Азиній уѣхалъ изъ Галліи, которая, вмѣстѣ съ Мантуей и

ея округомъ, была занята арміей Октавіана. Имѣніе Вергилія было конфисковано вторично, не смотря на всѣ его просьбы. Мало того, онъ съ трудомъ спасъ свою жизнь отъ новаго владѣльца. Когда Вергилій сталъ указывать на рѣшеніе Октавіана, грубый солдатъ кинулся на него съ обнаженнымъ мечемъ. Это былъ примипиляръ Миліенъ Торонъ. Вергилій бросился въ рѣку и спасся вплавь; по другимъ разсказамъ, онъ бѣжалъ въ лавку угольщика, откуда вышелъ заднимъ ходомъ.

Вергилій опять уѣхалъ въ Римъ. Счастье улыбнулось ему и на этотъ разъ. Въ Галліи встрѣтилъ онъ своего товарища по школѣ Сирона,—Альфена Вара, занявшаго мѣсто антоніанца Поліона. Послѣ заключенія мира, Вергилій, по протекціи Вара, получилъ свое имѣніе обратно и снова воспѣлъ миръ и новаго своего покровителя.

Теперь поэтъ занялъ опредѣленное положеніе, переѣхалъ въ Римъ и вошелъ въ лучшій кругъ столичнаго общества. Жилъ онъ въ своемъ домѣ на Есквилинѣ, рядомъ съ садами Мецената, предпринимая время отъ времени поѣздки въ Кампанію или по Сициліи. Онъ могъ уже быть покровителемъ другихъ, не нуждаясь въ покровительствѣ самъ, и успѣлъ нажить порядочное состояніе. Въ числѣ молодыхъ талантовъ, рекомендованныхъ имъ Меценату, былъ и Горацій.

Въ 38 г. Вергилій, передъ отправленіемъ въ путешествіе вмѣстѣ съ Меценатомъ, Варіемъ и Гораціемъ, закончилъ свои буколическія произведенія, 10 эклогъ, посвященныхъ имъ извѣстному Корнелію Галлу, поэту изъ кружка Мецената. Затѣмъ, по совѣту Мецената, Вергилій занялся обработкою своихъ «Георгикъ», которыя онъ посвятилъ своему покровителю.

Между тѣмъ, состояніе здоровья поэта требовало переселенія его въ болѣе теплый климатъ, и Вергилій переѣхалъ въ горячо любимый имъ Неаполь. Въ 30 г. вышли его «Георгики», и онъ сталъ трудиться надъ послѣднимъ своимъ крупнымъ произведеніемъ—«Энеидой».

Трудъ этотъ требовалъ усиленныхъ занятій, и Вергилій отдался имъ вполнѣ. Живя безвыѣздно въ Неаполѣ, онъ, послѣ десяти-лѣтней работы, рѣшился для ближайшаго знакомства съ мѣстами, воспѣтыми въ его поэмѣ, отправиться въ Грецію и Азію. Уѣхавъ изъ Рима, онъ встрѣтился въ Аѳинахъ съ возвращавшимся съ Востока Октавіаномъ и, по его просьбѣ, согласился вернуться въ Италію. Къ тому-же онъ чувствовалъ себя нездоровымъ, а въ Мегарахъ даже серьезно захворалъ отъ жары. Конецъ наступилъ такъ скоро, какъ не ожидалъ никто. Немедленно по пріѣздѣ въ Брундизій, Вергилій слегъ въ постель и больше не вставалъ. 22 сентября 19 г. до Р. Х. онъ скончался на 52 году жизни.

Онъ умеръ холостымъ. Состояніе его доходило до десяти милліоновъ сестерцій. Половину его получилъ, по завѣщанію, Валерій Прокулъ, 1/4 Октавіанъ и по 1/12—Меценатъ, Варъ и Тукка. Вергилія похоронили, по его желанію, въ Неаполѣ. На гробницѣ его были написаны сочиненные, говорятъ, имъ-же стихи.

Какъ человѣкъ, Вергилій пользовался общею любовью и уваженіемъ въ средѣ тѣснаго кружка своихъ знакомыхъ, благодаря своему тихому и доброму характеру, чистому сердцу,—anima candida, незлобію и безпристрастію. Онъ не зналъ зависти и былъ такъ услужливъ, что забывалъ о своей собственности. Человѣкъ болѣзненный, онъ отличался раздражительностью; но ему прощалось все. Симпатичными чертами рисуетъ его Горацій и его біографы; таковъ онъ и въ своихъ произведеніяхъ. Онъ отличался, кромѣ того, крайней конфузливостью и робостью, краснѣя при нападкахъ на него. Въ Римѣ, онъ убѣгалъ отъ любопытныхъ въ первый попавшійся домъ.

Для лучшаго знакомства съ этою свѣтлою личностью необходимо обратиться къ его произведеніямъ. Въ нихъ мы встрѣчаемъ гуманныя воззрѣнія и добродушіе — черты, которыми не можетъ похвалиться римская литература. Вергилій горячо сочувствуетъ людскимъ страданіямъ; онъ самъ страдаетъ вмѣстѣ со своими героями. Еще болѣе влечетъ къ нему его пламенная любовь къ природѣ. Любовь эта вполнѣ искренна. Онъ дѣйствительно любитъ деревню съ ея привольемъ и просторомъ, съ ея безыскусственностью и ищетъ ее не потому, что хочетъ на время спастись отъ городского шума, подобно Горацію, — она мила ему потому, что ему легче дышется тамъ; потому, что онъ любитъ ее не идиллическою, а дѣйствительною любовью. Этимъ чувствомъ проникнуты не только «Буколики» и «Георгики»—имъ можно объяснить и лучшія описанія природы въ «Энеидѣ».

Что касается наружности Вергилія, это былъ мужчина высокаго роста съ грубыми чертами лица, смуглый. Здоровьемъ онъ далеко не отличался, часто страдалъ желудочными и горловыми болями и харкалъ кровью. Все это заставляло его быть крайне воздержнымъ въ пищѣ и употребленіи вина. Болѣзненное его состояніе обязывало его вести уединенную жизнь. Въ молодости, Вергилій не отличался нравственностью, но въ болѣе зрѣлые годы заслужилъ отъ неаполитанцевъ прозваніе «дѣвственника».

Схожаго портрета его не сохранилось. Дошедшія до насъ его изображенія на камеяхъ, монетахъ, мраморѣ и рукописяхъ не имѣютъ ничего общаго между собою.

Біографій его дошло до насъ нѣсколько. Самая полная, хотя и испорченная вставками, принадлежитъ извѣстному грамматику Элію Донату.

Поэзіею Вергилій началъ заниматься еще въ школьномъ возрастѣ. Первымъ его опытомъ въ этомъ направленіи была, по словамъ Доната, эпитафія на разбойника Баллисту. Къ этому-же періоду его жизни относятся и нѣсколько отдѣльныхъ стихотвореній и поэмъ, частью дошедшихъ до насъ, частью едва-ли принадлежащихъ Вергилію. Въ эти годы его даже занимала мысль создать національную поэму — Reges Romani или Reges Albanorum; но онъ не справился со своею задачей и отказался отъ своей попытки. Творческаго вдохновенія у него не было; онъ былъ не поэтическимъ геніемъ, а лишь талантомъ, который доводилъ свои произведенія до желаемаго совершенства только при помощи добросовѣстнаго усердія и упорнаго труда: въ день онъ писалъ лишь нѣсколько стиховъ.

Несомнѣнными произведеніями Вергилія можно считать, въ хронологическомъ порядкѣ, слѣдующія: «Буколики» (41—38 г.), «Георгики» (37—30 г.) и «Энеиду» (30—19 г.).

Въ «Буколикахъ» Вергилій впервые доказалъ всю силу своего поэтическаго таланта, вслѣдствіе чего это произведеніе произвело сильное впечатлѣніе. Его нерѣдко декламировали на сценѣ. Но въ «Буколикахъ» Вергилій такъ-же мало оригиналенъ, какъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ,—онѣ написаны очевидно подъ вліяніемъ Теокрита. Кромѣ него, образцами для Вергилія служили Ксенофонтъ, Магонъ, Демокритъ, Ератосѳенъ и Аратъ. Отсутствія оригинальности въ «Буколикахъ» не выкупаетъ ихъ блестящій, изящный языкъ и мастерская, строго выдержанная отдѣлка стиха.

Болѣе высокими поэтическими достоинствами отличаются «Георгики». Здѣсь видна рука мастера, описывающаго красоты любимой имъ природы. Въ «Георгикахъ» Вергилій пользовался, главнымъ образомъ, греческими поэтами и, между прочимъ, Гесіодомъ, хотя и не подражалъ ему въ частностяхъ. Онъ зналъ природу ничуть не хуже грека, поэтому его нельзя назвать слѣдующимъ въ «Георгикахъ», во всемъ чужимъ образцамъ. У грековъ онъ беретъ лишь то, что отвѣчаетъ его цѣли, умѣя слить отдѣльныя наставленія въ наглядныя картины и оживить ихъ удачно вставленными эпизодами. Для римскаго хозяина-помѣщика «Георгики» служили настольною книгой. Выбрать такую тему, которая не была обработана еще ни однимъ изъ римскихъ поэтовъ, побудило Вергилія, кромѣ собственной его привязанности къ сельской жизни, и патріотическая цѣль. Онъ думалъ снова возбудить въ римлянахъ любовь къ земледѣлію, угасшую вслѣдствіе многочисленныхъ войнъ, любовь, бывшую, по мнѣнію поэта, крѣпкой опорой древне-римской жизни.

Величайшее произведеніе Вергилія, создавшее ему славу, осталось неокон-

ченнымъ. Матеріалами для ея первой части служили автору сочиненія греческихъ эпиковъ, обработывавшихъ циклъ сказаній о Троянской войнѣ, для 2-й части — главнымъ образомъ Аполлоній Родійскій и римскія преданія, обработанныя Катономъ, Варрономъ, Энніемъ и Нэвіемъ.

Слухи о томъ, что Вергилій работаетъ надъ большою эпопеей, давно проникли въ общество и интересовали всѣхъ, въ особенности, Августа. Самъ поэтъ боялся умереть, не кончивъ своего труда. Предчувствія его оправдались. Больной, лишенный возможности встать, онъ требовалъ подать ему рукопись «Энеиды», желая сжечь ее. Рукопись эту, передъ своимъ отъѣздомъ въ Грецію, Вергилій оставилъ другу своему, Варію. Варій отказался уничтожить ее по требованію поэта, и послѣдній завѣщалъ издать ее Варію и Плоцію Туккѣ такъ, какъ издалъ-бы ее, при жизни, самъ авторъ. «Энеида» издана однако въ неотдѣланномъ видѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и неоконченные стихи, и прибавленія, и повторенія. Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ недостаткахъ своей формы, «Энеида» — величайшій памятникъ латинскаго языка (хотя, въ художественномъ отношеніи, далеко уступаетъ «Георгикамъ»), и, кромѣ того, въ полномъ смыслѣ слова національная поэма, благодаря выбору сюжета. Если мы сравнимъ, въ свою очередь, лишенную оригинальности «Энеиду» съ «Иліадой», которой Вергилій несомнѣнно подражалъ въ своей эпопеѣ, преимущество останется безспорно на сторонѣ греческаго поэта. Герои «Энеиды» движутся какъ автоматы. Поэма страдаетъ отсутствіемъ жизни, тусклостью красокъ; міръ чудеснаго безжизненъ; дѣйствіе, въ общемъ, однообразно, въ особенности, во второй части поэмы, хотя не слѣдуетъ забывать, что Вергилій не кончилъ своего труда.

Съ другой стороны, въ «Энеидѣ» видна любовь поэта къ природѣ, позволяющая ему набросать нѣсколько прекрасныхъ картинъ, его ученость, выражающаяся въ знакомствѣ его съ историческими и религіозными преданіями Рима, его патріотизмъ и его гуманность. Онъ одинаково человѣчно относится къ грекамъ и римлянамъ, къ варварамъ и троянцамъ. Языкъ его поэмы звученъ и изященъ,—это образецъ поэтическаго языка римлянъ. Все это заставляло преклоняться предъ Вергиліемъ и новыхъ, и древнихъ писателей, хотя, какъ замѣчаетъ уже Донатъ, obtrectatores Vergilio nunquam defuerunt [1]). Слава его ярко сіяетъ до сихъ поръ. Въ Средніе вѣка Мантуя выбила въ честь его монеты съ его изображеніемъ, поставила ему статую и назвала одни изъ своихъ

[1]) Дѣйствительно, «Энеида» Вергилія — по мнѣнію многихъ, въ высшей степени скучная вещь.

воротъ Porta Vergiliana. Еще въ XV столѣтіи въ Мантуѣ, въ мессѣ Св. Павла, пѣлись стихи, гдѣ разсказывалось, что св. Апостолъ Павелъ посѣтилъ въ Неаполѣ гробницу Вергилія и съ горькими слезами воскликнулъ надъ ней: «Чѣмъ сдѣлался-бы ты, величайшій изъ поэтовъ, если-бъ я засталъ тебя въ живыхъ!» Силій Италикъ праздновалъ день рожденія Вергилія, предъ которымъ благоговѣлъ, торжественнѣе, чѣмъ собственный, и подходилъ къ его надгробному памятнику какъ къ храму. Квинтиліанъ, подобно Стацію, смѣло ставилъ Вергилія на одну доску съ Гомеромъ. Недостойный любимецъ Клавдія, Полибій, перевелъ его на греческій. Его изящно переплетенныя стихотворенія дарили въ первый день Сатурналій. Блаженный Августинъ, въ знаменитой своей «Исповѣди», цитируетъ изъ языческихъ поэтовъ одного Вергилія. Славы его не могли затмить и нападенія его современниковъ, между которыми онъ называетъ Бавія, Мэвія и Анзера.

Вергилія рано стали читать въ школахъ — уже при Августѣ. Изученіемъ его занимались даже въ Средніе вѣка, когда онъ слылъ, какъ мы говорили выше, колдуномъ. Изъ комментаріевъ къ нему первое мѣсто занимаютъ комментеріи Проба и Сервія; послѣдній — ко всѣмъ произведеніямъ Вергилія. Списки его поэмъ дошли во множествѣ; древнѣйшій изъ нихъ относится къ 1-му вѣку нашей эры.

Библіографія. Виргилія Эклоги. Пер. съ лат. А. Мерзляковъ. М. 1807. Тоже. Пер. И. Сосницкій. М. 1873. (Вмѣстѣ съ «Георгиками»). Отдѣльно: I-я эклога. Пер. М. Шелгунова, въ книгѣ «Великіе римскіе писатели», Г. Штолля, Спб. 1889, стр. 266—8.—IV-я эклога. Пер. А. В. Плотниковъ, («Учен. Зап. Каз. Унив.» 1854. кн. IV, стр. 69—120. Разборъ эклоги сдѣланъ Р. Шарбе). Тоже. Пер. В. Сахаровъ. Ibid. 1866, стр. 461—496. Тоже. Пер. В. Соловьевъ. («Рус. Обозрѣніе», 1891, Сентябрь. Георгики. Пер. А. Р(анча). М. 1821.—Энеида. Виргилія Энеи. Пер. В. Петровъ. Спб. 1781 — 1786. Тоже. Пер. І. Шершеневичъ. Варшава, 1868. (Первыя пѣсни начали появляться съ 1845 г. отдѣльно, продолжали печататься въ «Современникѣ» 1852 и 1853 гг. и, наконецъ, появились въ отдѣльномъ изданіи). Тоже. Пер. И. Сосницкій. М. 1878. Тоже. Пер. А. Фетъ. М. 1888. (Собственно Фетомъ переведено только пять первыхъ книгъ, шестая переведена имъ вмѣстѣ съ Вл. С. Соловьевымъ, затѣмъ остальныя, до конца, — однимъ г. Соловьевымъ). Тоже. Пер. Н. Квашнинъ-Самаринъ. Спб. 1893. Жуковскій изъ «Энеиды» перевелъ только вторую книгу.—Шинкарка. Пер. К. Котельниковъ. («Гимназія», 1894. Октябрь-Ноябрь). — Похлебка. Пер. Н. Благовѣщенскій. («Отечественныя Записки» (?), 1852, въ статьѣ «Гостинницы въ древности»).

I. ИЗЪ «БУКОЛИКЪ».

1.

Первая эклога.

Мелибэй и Титиръ.

МЕЛИБЭЙ.

Титиръ, покоясь подъ кровлей зеленой широкаго бука,
Учишься сельскія пѣсни играть ты на тонкой свирѣли,
Я-же отеческій край и поля покидаю родныя,
Я изъ отчизны бѣгу; ты, Титиръ, покоясь подъ тѣнью,
Амариллиды красу воспѣваешь отзвучною пѣсней.

ТИТИРЪ.

О Мелибэй! Досугъ этотъ богомъ самимъ мнѣ дарованъ;
Богомъ всегда для меня онъ останется; часто я буду
Въ жертву ему закалать ягнятъ молодыхъ изъ овчарни.
Онъ разрѣшилъ мнѣ свободно пасти мое стадо, какъ видишь,
И любимыя пѣсни играть на сельской свирѣли.

МЕЛИБЭЙ.

Я не завидую, нѣтъ, но дивлюся: окрестныя нивы
Полны смятеніемъ всѣ. Вотъ и самъ я, съ тоскующимъ сердцемъ,
Козъ своихъ дальше гоню, а эту насилу веду я,
Титиръ. Здѣсь, между орѣшинъ густыхъ, на камняхъ обнаженныхъ,
Парой козлятъ, всего стада надеждой, она разрѣшилась.
Часто несчастіе это — но былъ ослѣпленъ мой разсудокъ —
Дубы, разбитые молніей, помню я, мнѣ предвѣщали.
Кто-жъ этотъ бо́гъ твой, повѣдать ты все-таки долженъ мнѣ, Титиръ.

ТИТИРЪ.

Городъ, что̀ Римомъ зовется, считалъ, Мелибэй, я безумно
Съ городомъ схожимъ у насъ по сосѣдству, куда мы нерѣдко
Съ горъ, пастухи, пригоняемъ ягнятъ молодыхъ на продажу.
Зналъ я, что схожи щенята съ собаками, схожи козлята
Съ матерью: такъ я привыкъ великое сравнивать съ малымъ.
Но онъ настолько-же всѣ города превосходитъ другіе,
Какъ кипарисъ высотой побѣждаетъ боярышникъ гибкій.

МЕЛИБЭЙ.

Что за причина, что Римъ тебѣ довелося увидѣть?

ТИТИРЪ.

Воля, ее хоть и поздно, но все-же увидѣлъ лѣнивецъ,
Уже когда волоса на моей бородѣ побѣлѣли;
Послѣ долгихъ она появилася лѣтъ; Галатеей
Кинутый, былъ я тогда подъ властію Амариллиды.
Да, я признаюсь, пока я подъ властію былъ Галатеи,
Я ни надеждъ на свободу не зналъ, ни о выкупѣ думы.
Хоть изъ ограды моей много въ жертву овецъ приносилъ я;
Хоть много жирныхъ сыровъ выжималъ на продажу я въ городъ,
Но никогда своей выручки не приносилъ я съ собою.

МЕЛИБЭЙ.

Что съ такой скорбью боговъ призывала ты, Амариллида,
Я удивлялся, кому оставляла на деревѣ фрукты:
Титиръ отсутствовалъ. Титиръ, въ то время тебя эти ели,
Эти источники даже и эти кусты призывали.

ТИТИРЪ.

Что оставалось мнѣ дѣлать? — Иначе добиться свободы
Я вѣдь не могъ и познать присутствіе близкое бога.
Здѣсь, Мелибэй, увидалъ я и юношу, жертвой дымится
Каждый которому мѣсяцъ нашъ жертвенникъ скромный, домашній.
Первый на просьбу мою онъ далъ мнѣ отвѣтъ благосклонный:
«Дѣти, стада вы, какъ прежде, пасите, быковъ возращайте!»

МЕЛИБЭЙ.

Старецъ счастливый, такъ значитъ, свою сохраняешь ты землю.
Ей ты доволенъ, хоть голые камни и любящій тину
Ситникъ густой покрываетъ болотистый выгонъ твой, Титиръ.
Не повредятъ твоимъ овцамъ тяжелымъ ни земли чужбины,
Ни ихъ близость подчасъ съ зараженнымъ болѣзнію стадомъ.
Старецъ счастливый, ты здѣсь у рѣки, тебѣ съ дѣтства знакомой,
И у священныхъ ключей насладишься прохладною тѣнью.
Здѣсь, передъ ивовымъ плетнемъ сосѣда, какъ въ годы былые,
Пчелы Гиблеи, питаясь цвѣтами ограды, жужжаньемъ

Тихимъ своимъ на тебя навѣваютъ отрадную дрему.
Тамъ подъ высокой скалою на воздухъ поетъ виноградарь,
Здѣсь-же на вязѣ высокомъ немолчно воркуетъ голубка,
Дикаго голубя храпъ, столь любимый тобой, раздается.

ТИТИРЪ.

Ранѣе легкая лань запасется по зыбкому морю,
Или извергнетъ пучина на берегъ безпомощныхъ рыбокъ;
Раньше, пройдя на чужбину чрезъ земли другъ друга, парѳяне
Пить будутъ Арара воды, а воду изъ Тигра германцы,
Чѣмъ изъ души моей образъ его незабвенный исчезнетъ.

МЕЛИБЭЙ.

Мы-же отсюда уйдемъ или въ знойныя Африки степи,
Или-же въ Скиѳію и доберемся до быстраго Окса,
Или къ британнцамъ, живущимъ отдѣльно отъ цѣлаго свѣта.
Видѣть придется-ль когда мнѣ васъ снова, поля мнѣ родныя,
И моей хижины бѣдную кровлю, покрытую дерномъ!
Нѣсколько только колосьевъ на царствѣ моемъ я увижу!
Полемъ любимымъ моимъ будетъ вопнъ владѣть нечестивый,
Варвары—нивой моей: вотъ куда насъ доводятъ раздоры
Гражданъ несчастныхъ; для нихъ мы поля свои засѣвали!
Сѣй ты теперь свои лозы, теперь прививай свои груши!
Козочки, стадо счастливое нѣкогда, дальше идите!
Больше не видѣть мнѣ васъ, покоясь въ пещерѣ зеленой,
Какъ по заросшимъ терновникомъ скаламъ вы бродите смѣло;
Больше мнѣ пѣсенъ не пѣть; не буду я, козочки, видѣть,
Щиплете какъ вы цвѣточки и горькіе ивы побѣги.

ТИТИРЪ.

Но вѣдь ты можешь со мной эту ночь отдохнуть подъ зеленымъ
Кровомъ моимъ; у меня есть яблокъ созрѣвшихъ запасы,
Нѣжные вкусомъ каштаны и множество свѣжаго сыра.
Видишь, вдали, надъ вершинами хижинъ, дымокъ показался
И отъ высокихъ тѣхъ горъ потянулись вечернія тѣни?..

М. Шелуновъ.

2.

Четвертая эклога.

О музы Сициліи! Пѣсню начнемъ поважнѣе,—
Не всѣмъ-то пріятны кусты да ползучія травы,
И если ужъ пѣть, такъ достойную консула пѣсню!
По книгамъ сибиллы, приходитъ послѣднее время,
И новый, великій порядокъ вѣковъ наступаетъ.
Мы снова увидимъ Астрею и царство Сатурна,
И новые люди появятся съ неба на землю.
Лишь будь благосклонна, о чистая дѣва Діана,
Къ младенцу, который положитъ желѣзному вѣку
Конецъ, и начнутся повсюду вѣка золотые!
Твой братъ Аполлонъ ужъ на тронѣ! Въ твое управленье,
О другъ Поліонъ, мы увидимъ то чудное время;
Тогда-то великіе мѣсяцы снова настанутъ.
Изгладивъ у насъ остальные слѣды преступленій,
Ты этимъ избавишь всю землю отъ вѣчнаго страха.
Младенецъ, участникъ божественной жизни, увидитъ
Боговъ и героевъ; онъ явится первымъ въ ихъ сонмѣ
И міръ, успокоенный предкомъ, получитъ въ наслѣдство.
Земля-же, въ то время, безъ всякихъ трудовъ и стараній,
Тебѣ, о дитя, принесетъ свои первые дары:
Причудливо вьющійся плющъ и пахучія травы,
Бобы изъ Эгипта съ цвѣтущей акаціей вмѣстѣ;
И сами домой возвратятся съ обильными козы
Сосцами, и хищные львы не потрогаютъ стада.
Твоя колыбель уберется красиво цвѣтами;
Не будетъ ни змѣй, ни обманчивыхъ травъ ядовитыхъ;
Повсюду въ то время амомъ зацвѣтетъ ассирійскій.
А послѣ, какъ скоро ты будешь читать въ состояньи
О разныхъ герояхъ, о подвигахъ предковъ; какъ скоро
Узнаешь изъ книгъ добродѣтель: тогда незамѣтно
Въ поляхъ зажелтѣютъ зерномъ налитые колосья;
Пурпурные грозды повиснутъ на тернахъ, и медомъ,
Какъ будто росою, закаплютъ могучіе дубы.
Но въ людяхъ не скоро исчезнутъ слѣды преступленій.

По прежнему станутъ пускаться въ открытое море,
Въ стѣнахъ городскихъ запираться, рыть поле сохою.
Вновь явится Тифій, вновь «Арго» отборныхъ героевъ
Помчитъ по волнамъ, и настанутъ вновь прежнія битвы;
Опять противъ Трои поѣдетъ Ахиллъ знаменитый.
Потомъ-же, когда возмужаешь, окрѣпнувъ съ годами,
Пловцы ужъ не будутъ пускаться въ открытое море,
Сосновый корабль для мѣны не поѣдетъ съ товаромъ.
Родная земля намъ доставитъ, что̀ нужно, съ избыткомъ;
Полямъ будетъ заступъ не нуженъ, а ножъ—винограду;
Воловъ ужъ не будетъ ярмомъ тяготить земледѣлецъ,
И цвѣтомъ различнымъ не станутъ подкрашивать во̀лну:
Животное само, свободно гуляя, получитъ
Цвѣтъ шерсти иль нѣжно-пурпурный, иль желто-шафранный;
Оранжевымъ цвѣтомъ ягнята покроются сами,
Въ судьбахъ всемогущихъ согласныя парки промолвятъ,
Пустивъ веретена: «Бѣгите вѣка золотые!»
Ужъ время. Приди-же скорѣе, любезная отрасль
Небесныхъ боговъ и Юпитера мощный питомецъ!
Ужь время облечься тебѣ столь высокою властью.
Взгляни, какъ нашъ міръ всколебался своею громадой,
Взгляни-же на землю, на море, на дальнее небо!
Смотри, какъ все радо златому грядущему вѣку!
О, если-бы могъ я продлить моей жизни остатокъ
И въ пѣсняхъ моихъ сохранилась-бы прежняя сила!—
Со мной-бы ни Линъ, ни ѳракійскій Орфей не сравнялись,
Пусть мать-Калліопа помощницей будетъ Орфею,
А Лину—родитель его, Аполлонъ благовидный!
И, если-бы Панъ самъ предъ цѣлой Аркадіей вздумалъ
Со мной состязаться,—самъ Панъ сладкозвучный, по мнѣнью
Аркадіи цѣлой, призналъ-бы себя побѣжденнымъ.
Начни-же, дитя, узнавать свою мать по улыбкѣ;
Мать много терпѣла отъ десятимѣсячной скуки.
Начни-же скорѣе: вѣдь кто изъ дѣтей, при рожденьи,
Лишенъ былъ улыбки родителей, тотъ недостоинъ
За трапезой бога узрѣть, а богиню—на ложѣ.

А. Плотниковъ.

3.

Пятая эклога.

Меналкъ и Мопсъ.

МЕНАЛКЪ.

Мопсъ, почему-бы, когда сошлись мы и равны искусствомъ,—
Ты на легкой свирѣли играть и стихи говорить я,—
Здѣсь не присѣсть намъ подъ тѣнью орѣшниковъ частыхъ и вязовъ?

МОПСЪ.

Старше, Меналка, вѣдь ты, и тебѣ покориться я долженъ.
Сядемъ въ невѣрной тѣни, колеблемой легкимъ зефиромъ,
Или-же лучше въ пещеру войдемъ,—взгляни, какъ кистями
Рѣдкими гротъ обложила лоза винограда лѣсного.

МЕНАЛКЪ.

Въ нашихъ горахъ лишь Аминта сумѣлъ-бы съ тобою поспорить.

МОПСЪ.

Какъ-же, когда превзойти и Фэба пытается пѣньемъ!

МЕНАЛКЪ.

Мопсъ, начинай-же, когда имѣешь о страсти Филлиды
Пѣсни, о славѣ Алкона, о злобныхъ проклятіяхъ Кодра.
Пѣсню начни, а Титиръ за козлами присмотритъ покуда.

МОПСЪ.

Спѣть попытаюсь я то, что̀ недавно на букѣ зеленомъ
Я записалъ на корѣ и отмѣтилъ подъ звуки свирѣли.
Ты-же потомъ накажи со мной состязаться Аминтѣ.

МЕНАЛКЪ.

Такъ-же, какъ тонкій ивнякъ уступаетъ блѣдной оливѣ,
Такъ-же, какъ розамъ багрянымъ тростникъ уступаетъ несчастный:
Такъ-же, предъ нашимъ судомъ, тебѣ уступаетъ Аминта.
Но прекрати разговоры,—дошли мы до самой пещеры.

МОПСЪ.

Плакали нимфы по бѣдномъ Дафнидѣ, похищенномъ злою
Смертью (свидѣтели нимфамъ вы, рѣки, ты, частый орѣшникъ).

Тутъ, злополучное тѣло обвивши родимаго сына,
Звѣзды и вышнихъ боговъ жестокими мать называла.
Въ эти печальные дни никто на студеную рѣку
Сытыхъ быковъ не повелъ, изъ рѣки ни одно не испило
Четвероногое и муравы не коснулось зеленой.
Даже пунійскіе львы, Дафнидъ, о твоей застенали
Гибели, — такъ говорятъ лѣса и пустынныя скалы.
Тигровъ армянскихъ Дафнидъ научилъ запрягать въ колесницу,
Въ хорахъ ликующихъ Вакха Дафнидъ научилъ насъ нестися
И заплетать молодою листвою гибкіе тирсы.
Какъ украшаетъ лоза деревà, а лозы — ихъ гроздья,
Стадо — быки и посѣвъ украшаетъ тучную пашню:
Ты вся краса для твоихъ! Чуть только ты рокомъ похищенъ,
Нивы Палесой самой, Аполлономъ покинуты нивы.
И въ бороздахъ, которымъ ячмень поручали мы часто,
Горькій родится репейникъ, безплодный овесъ проростаетъ;
Вмѣсто прелестной фіалки, пурпурнаго вмѣсто нарцисса
Дикій волчецъ да терновникъ колючими всходитъ шипами.
Сѣйте на землю листы, покройте источники тѣнью,
О пастухи (велитъ для себя Дафнидъ это сдѣлать),
Холмъ насыпьте могильный и пѣснь на могилѣ оставьте:
«Здѣсь я покоюсь въ лѣсахъ, Дафнидъ, до созвѣздій извѣстный,
Стада пастухъ, красотою сіявшаго, самъ еще краше».

МЕНАЛКЪ.

Пѣсня твоя такова-же для насъ, пѣвецъ вдохновенный,
Какъ утомленному сонъ на травѣ, какъ, въ знойное лѣто,
Жажды своей утоленье водой родниковою сладкой.
Ты не одною свирѣлью — и голосомъ равенъ Дафниду.
Счастливъ ты, юноша, будешь вторымъ за Дафнидомъ считаться.
Мы, въ свой чередъ, какъ умѣемъ, и наше споемъ пѣснопѣнье
И твоего вознесемъ до звѣздъ небесныхъ Дафнида, —
Да, до звѣздъ вознесемъ: и я былъ любимцемъ Дафнида.

МОПСЪ.

Что-же пріятнѣе намъ подобнаго дара? И самый
Юноша былъ прославленья достоинъ, и эти ужъ раньше
Пѣсни твои Стимихонъ при мнѣ поминалъ съ похвалою.

МЕНАЛКЪ.

Свѣтлый дивится Дафнидъ незнакомымъ чергамъ Олимпа
И подъ ногами своими и тучи видитъ, и звѣзды.
Вотъ уже рѣзвая радость въ лѣсахъ и селеньяхъ окрестныхъ
И пастухами владѣетъ, и Паномъ, и дѣвами лѣса.
Волки засады стадамъ и сѣти — оленямъ обмана
Не замышляютъ; но добрый Дафнидъ спокойствіе любитъ.
И, веселясь, голоса къ звѣздамъ возвышаютъ небеснымъ
Даже косматыя горы, и пѣснями самыя скалы,
Самый кустарникъ звенитъ: «Это богъ, Меналка, да, богъ нашъ!»
Благостенъ буди къ своимъ! Алтаря я четыре поставлю,—
Два, Дафнидъ, для тебя, два другіе для Фэба, и по два
Кубка налью молокомъ, ежегодно дымящихся новымъ,
Пару кратеровъ тебѣ поставлю я съ тучной оливкой.
И среди первыхъ, пиры услаждая обиліемъ Вакха,
Предъ очагомъ въ морозные дни, а въ жатву — подъ тѣнью
Новый я нектаръ полью, аріузскія вина изъ чаши.
Пѣсни споютъ намъ Дамэта съ ликтійскимъ Эгономъ, и станетъ
Алфезибэй подражать сатирамъ рѣзвою пляской.
Это навѣки тебѣ, — и когда торжественно жертвы
Нимфамъ мы вознесемъ, и когда мы поля освящаемъ.
Вепрю покудова — горы и рыбѣ любезны — потоки,
Пчелы доколѣ тимьяномъ живутъ и росою — цикады:
Вѣчно и почесть твоя, и имя, и слава пребудетъ.
Такъ-же какъ Вакху съ Церерой, тебѣ каждогодно обѣты
Будутъ творить земледѣльцы, и мстить за обѣты ты станешь.

МОПСЪ.

Чѣмъ-же тебя отдарю, о, чѣмъ-же за пѣсню такую?—
Сердцу не столько отраденъ и свистъ подходящаго австра,
Такъ не отрадны удары волны въ побережье и рѣки,
Между неровныхъ, скалистыхъ долинъ бѣгущія долу.

МЕНАЛКЪ.

Раньше тебя подаримъ вотъ этою тонкою дудкой.
Это она — «Коридонъ къ красавцу пылалъ Алексиду»,
Это она научила насъ: «Чей это скотъ? Мелибэя?»

МОПСЪ.

Ты-же мой посохъ возьми (его-то вымаливалъ столько,
Но не унесъ Антигенъ, а стоилъ онъ страсти когда-то!).
Равными весь изукрашенъ узлами и мѣдью, Меналка.

Д Шестаковъ [1]).

4.

Седьмая эклога.

МЕЛИБЭЙ.

Подъ дубомъ могучимъ съ шумящей листвой
Покоится Дафнидъ; Коридонъ и Тирсидъ,
Аркадяне родомъ, во цвѣтѣ лѣтъ оба,
Стада ужъ собрали,—овецъ своихъ Тирсидъ,
Коридонъ-же козокъ съ тугими сосцами.
Коридонъ и Тирсидъ, искусные въ пѣньи,
Хотятъ состязаться въ искусствѣ другъ съ другомъ.
Межъ тѣмъ какъ стараюсь свои защитить я
Отъ холода мирты, козелъ бородатый,
Вожакъ всего стада, пропалъ безъ извѣстья.
Тогда примѣчаю я Дафнида. Онъ-же,
Меня запримѣтивъ, вскричалъ издалека:
«Бѣги, другъ Мелибэй, сюда поскорѣе,—
Козелъ и козлятки твои безопасно
На травкѣ пасутся... И, если досугъ есть,
Приди, посиди здѣсь подъ листвой густою.
Бычки дойдутъ сами по мягкому лугу
Напиться изъ рѣчки. Здѣсь Минчіо берегъ
Зеленый и влажный въ тростникъ наряжаетъ;
Въ дуплѣ раздается священнаго дуба
Жужжаніе пчелокъ». Что дѣлать? Со мною
Алкиппы, Филлиды тогда не случилось,
Чтобъ вмѣстѣ загнать намъ ягняточекъ юныхъ,
Отнятыхъ недавно отъ матокъ-кормилицъ;

---

[1]) Этотъ переводъ, какъ и другіе, изъ «Георгикъ», сдѣланы спеціально для нашего изданія Д. П. Шестаковымъ. Прим. составителя.

Да, сверхъ того, споръ здѣсь тогда загорался
Между Коридономъ и между Тирсидомъ:
Кто въ сладостномъ пѣньи искуснѣе будетъ?
Я бросилъ работу и принялъ участье
Въ торжественныхъ играхъ. Коридонъ и Тирсидъ
Другъ за другомъ пѣли: хотѣли такъ музы.
Пѣть началъ Коридонъ, а Тирсидъ залился
Отвѣтною пѣснью...

КОРИДОНЪ.

О нимфы Либетры,
Которыхъ люблю я, внушите мнѣ пѣсни,
Подобныя пѣснямъ, которыя пѣлись
Возлюбленнымъ Кодромъ. (Онъ пѣснями могъ-бы
Сравняться и съ Фэбомъ)... Но, если искусство
Такое на долю не всѣхъ достается,
Повѣшу свирѣль я на эту вотъ сосну.

ТИРСИДЪ.

Аркадіи милой всѣхъ пастырей племя,
Плющемъ увѣнчайте чело вы поэта,
Чтобъ Кодръ ненавистный завидовать могъ мнѣ.
Но, если захочетъ меня онъ прославить,
Хвалить меня будетъ обильнѣй, чѣмъ стою.
Тогда окружите чело вы поэта
Волшебнымъ баккаромъ, затѣмъ, чтобъ опасный
Языкъ того Кодра вреда не нанесъ-бы.

КОРИДОНЪ.

Миконъ посвящаетъ тебѣ, Артемида,
Рога отъ оленя и голову вепря
Съ длиннѣйшею шерстью. Когда-же вновь счастье
Ему постоянно потворствовать будетъ,
Воздвигнетъ тебѣ онъ, Діана, статую
Изъ мрамора-камня, а ноги статуи
Въ котурны обуетъ пурпурнаго цвѣта.

ТИРСИДЪ.

Пріапъ, обѣщаю тебѣ ежегодно

Кувшинъ молока я и нѣсколько хлѣбцевъ,
И вотъ приношенья, которыхъ ты можешь
Отъ насъ дожидаться. Вѣдь ты охраняешь
Плохой огородецъ. Когда-то воздвигнулъ
Тебѣ я статую изъ мрамора; нынѣ,
Когда мое стадо пополнено будетъ
Немножко, тебя я—изъ золота вылью.

КОРИДОНЪ.

Бѣлѣе, чѣмъ лебедь, прекраснѣе много
Плюща съ серебристымъ оттѣнкомъ и слаще—
Чѣмъ тимъ горы Гиблы, дочь старца Нерея,
О ты, Галатея! Лишь только подъ кровлю
На отдыхъ сойдутся бычки, ужъ насытясь,
Приди, умоляю, когда твой Коридонъ
По прежнему дорогъ.

ТИРСИДЪ.

А я—я хотѣлъ-бы
Тебѣ показаться горчѣе, чѣмъ травы
Сардиніи знойной, быть больше косматымъ,
Чѣмъ цѣпкій кустарникъ, быть хуже растеній,
Которыя море кидаетъ на берегъ,
Когда этотъ день мнѣ не кажется дольше,
Чѣмъ годъ самый долгій. Ступайте-жъ по стойламъ,
Бычки дорогіе,—не стыдно-ль такъ долго
Пастись вамъ на волѣ?

КОРИДОНЪ.

Покрытые мохомъ
Источники, травка, для сна дорогая,
И ты, мой кустарникъ, зеленый и влажный,
Дающій прохладу и тѣнью одѣвшій
Завѣтныя воды, защитою стада
Любезнаго будьте, спасите отъ солнца:
Ужъ знойное лѣто опять наступаетъ,
Ужъ почками полонъ вездѣ виноградникъ.

ТИРСИДЪ.

У насъ есть очагъ здѣсь, смолистыя ели,
Огонь есть и эти столбы, что̀ отъ дыма
Давно почернѣли. Здѣсь также мы мало
Заботимся, право, о льдистомъ дыханьи
Борея, какъ мало заботятся волки
О счетѣ овечекъ, иль волны потока—
О берегѣ близкомъ.

КОРИДОНЪ.

Теперь посмотрите,
Какъ выросъ каштанникъ; усѣялъ плодами
Онъ самую землю, и все ужъ ликуетъ.
Но если-бъ Алексидъ прекрасный покинулъ
Лишь горы крутыя, то рѣки засохли-бъ.

ТИРСИДЪ.

Поля наши сохнутъ. Трава умираетъ
Въ лугахъ пересохшихъ, и нѣтъ винограда;
Но, если Филлида прибудетъ, заблещутъ
Зеленою листвой лѣса, и дождями
Юпитеръ на землю сойдетъ въ изобильи.

КОРИДОНЪ.

Алкиду милъ тополь, прекрасной Венерѣ—
Мила очень мирта, а Бахусу-богу—
Плоды винограда, Филлида-же любитъ
Одинъ лишь орѣшникъ. Покуда Филлидѣ
По нраву орѣхи, орѣшникъ не хуже
Ни лавровъ всѣхъ Фэба, ни миртъ Афродиты.

ТИРСИДЪ.

Лѣсъ дубомъ украшенъ, сады-же сосною,
А ель украшаетъ высокія горы,
Прибрежье-же тополь; но только придешь ты,
Ликидъ мой прекрасный,—и дубъ нашихъ рощей,
Равно какъ и сосны тотчасъ поблѣднѣютъ.

МЕЛИБЭЙ.

Такъ вотъ они пѣсни, которыя помню!
Тирсидъ побѣжденный напрасно старался
Награды достигнуть. Съ тѣхъ поръ Коридона
Привыкъ называть я «божественнымъ» вѣчно.

И. Сосновскій.

II. ИЗЪ «ГЕОРГИКЪ».

1. Вступленіе. — Полевыя работы.

Что плодородіе нивамъ дастъ, подъ какою звѣздою
Слѣдуетъ вновь подымать, Мэценатъ, и связывать лозы
Съ вязами, какъ за быками, за стадомъ ухаживать надо,
Что за обычай, что за нравы у пчелъ домовитыхъ, —
Съ этого пѣть я начну. А вы, лучезарные міра
Свѣточи, съ неба скользящій ведущіе годъ за собою,
Либеръ съ Церерой благой, — когда, по милости вашей,
Жолудь хаонскій земля сѣнила на колосъ тяжелый
И Ахелоевы воды смѣшала съ открытой лозою —
Также и вы, божества земледѣльцу присущія, фавны,
Вмѣстѣ сойдите ко мнѣ съ дріадами, дѣвами лѣса:
Ваши пою я дары. И ты, кто дрожащую лошадь
Первую создалъ, могучимъ трезубцемъ ударивши въ землю,
Ты, о Нептунъ, и хранитель лѣсовъ, въ чью славу на Косѣ
Триста тельцовъ бѣлоснѣжныхъ кустарники щиплютъ густые,
Самъ, покидая и рощу отца, и ущелья Ликэя,
Панъ, охранитель овецъ, коль заботишься ты о Мэналѣ,
Сиюди, тегеецъ, ко мнѣ благосклонно, и ты, о Минерва,
Матерь оливы, и юный создатель плуга кривого,
И Сильванъ, въ рукахъ со стволомъ молодымъ кипариса,
Всѣ вы, богини и боги хранящіе благостно нивы,
Вы, что безъ всякихъ съѣмянъ возращаете новые всходы
И въ изобиліи нивамъ съ небесъ посылаете ливень;
Также и ты, кого скоро не знаемъ, какія собранья
Божьи увидятъ съ собой, городами-ли править, о Цезарь,

И надъ вселенной захочешь царить,— и тебя величайшій
Міръ за владыку плодовъ, за мощнаго бурь господина
Приметъ, миртомъ чело вѣнчая себѣ материнскимъ,—
Иль безграничнаго моря ты явишься богомъ, тебѣ лишь
Станутъ молиться пловцы и служить далекая Ѳула,
И Ѳетида въ зятья тебя купить за власть надъ водами,
Или-же новой звѣздою пристанешь ты къ мѣсяцамъ позднимъ,
Гдѣ посреди Еригоны и Хелъ сосѣднихъ свободно
Мѣсто (ужъ самъ Скорпіонъ для тебя сдвигаетъ горячій
Лапы и часть оставляетъ тебѣ достойную неба),—
Кѣмъ-бы ни сталъ ты (тебя царемъ не надѣется видѣть
Тартаръ, и жажда такая къ престолу тебя не захватитъ,
Хоть Елисейскимъ полямъ удивляются греки, и снова
Ужъ Прозерпина не хочетъ вернуться на зовъ материнскій):
Легкій мнѣ бѣгъ приготовь, согласись съ начинаніемъ смѣлымъ,
И, незнакомыхъ съ дорогой, какъ я, пожалѣвъ земледѣльцевъ,
Въ путь выступай и въ мольбахъ ужъ теперь навыкай призываться!
Съ новой весною, когда съ горъ сѣдыхъ ледяные потоки
Льются; когда подъ зефиромъ вскрывается рыхлая глыба,
Пусть уже волъ начинаетъ тогда-жъ надъ вонзаемымъ плугомъ
Тяжко дышать, и сошникъ, бороздою натертый, сверкаетъ.
Тотъ лишь посѣвъ отвѣчаетъ желаніямъ всѣмъ земледѣльца
Жаднаго, дважды который и солнце видѣлъ, и холодъ;
Ломятся житницы лишь у того подъ тяжкою жатвой.
Но еще раньше, чѣмъ новь незнакомую взрѣзать желѣзомъ,
Вѣтры старайся узнать и климата разныя свойства,
И положенье полей и пріемы отцовъ-земледѣльцевъ,
Все, что рождается въ каждой странѣ и чего не родится.
Здѣсь плодороднѣе нивы, а тамъ — виноградныя лозы,
Иль-жъ побѣги деревьевъ и сами собой зеленѣютъ
Травы. И развѣ не видишь, какъ Тмолъ — благовонья шафрана,
Индія — кость высылаетъ, сабеецъ изнѣженный — ладанъ,
Сталь отъ халибовъ нагихъ приходитъ, боберъ ядовитый
Съ Понта, побѣдныя пальмы елидскихъ коней — изъ Епира?
Эти законы на вѣкъ и условья на вѣкъ положила
Мѣстности каждой природа, въ то время, въ какое впервые
Девкаліонъ свои камни металъ на пустынную землю

И родилось отъ камней суровое племя людское.
Пусть-же богатую почву отъ перваго мѣсяца года
Сильные пашутъ быки, и глыбы, лежащія въ полѣ,
Пыльное лѣто сожжетъ лучами горячаго солнца.
Если-жъ не очень обильна земля, достаточно будетъ
Къ арктуру ближе поднять новину бороздой неглубокой,
Въ тучной землѣ,— чтобъ трава не губила веселаго всхода,
Въ бѣдной — чтобъ слабая влага песковъ не покинула бѣдныхъ.
Въ очередь также дозволь покоиться сжатому полю
И безмятежно, подъ паромъ, исполниться крѣпости новой.
Желтаго тамъ ячменя засѣвай подъ новой звѣздою
Бодро, гдѣ ранѣе овощь, дрожа шелухою, стояла,
Или-же тонкіе стебли гороха и горькихъ лупиновъ,
Ломкіе тамъ оставляй тростники и звучную чащу.
Сушатъ ниву льняные посѣвы, овсяные сушатъ,
Сушатъ и полные снами летейскими пышные маки;
А съ перемѣнами легче работа,— лишь ты не стыдися
Тучнымъ навозомъ насытить засохшую землю, а также
Пепелъ нечистый раскинуть вокругъ на поляхъ истощенныхъ.
Такъ, измѣняя плоды, отдыхаютъ усталыя пашни,
Такъ изобильнѣе плодъ — порою невспаханной нивы.
Часто и пламя полезно пустить по безсильному полю,
Легкіе стебли соломы трещащимъ огнемъ пожигая:
Скрытыя-ль силы притомъ и тучныя залежи почвы
Жаръ добываетъ, иль только у нивы тѣмъ пламенемъ всякій
Выжженъ бываетъ порокъ, испарится ненужная влага,
Или-же больше тотъ жаръ путей открываетъ и тайныхъ
Прòдуховъ въ почвѣ, и къ юнымъ сочатся тамъ соки былинкамъ,
Или-жъ скрѣпляетъ сильнѣй и сжимаетъ отверстыя вены,
Чтобы ни капли дождя, ни сила горячаго солнца,
Ни проницающій холодъ Борея земли не попортилъ.
Много и тотъ помогаетъ полямъ, кто лѣнивыя глыбы
Бьетъ граблями и послѣ пройдетъ бороной,—не напрасно
Смотритъ Церера на тѣхъ золотая съ вершины Олимпа,—
Кто, приподнявъ новину на свѣжей поверхности поля,
Снова ее разобьетъ назадъ обращенной сохою,
Часто поля упражняетъ и пашнею правитъ своею.

Влажнаго лѣта молите и ясной зимы, земледѣльцы:
Радостно хлѣбная нива подъ зимней покоится пылью,
Радостно поле, ничѣмъ не хвалится Мизія столько,
Гаргары диву и сами даются—на тучныя жатвы.
Что-же о томъ я скажу, кто, сѣмя раскинувъ, проходитъ
Ниву съ киркою, холмы худого песку разбивая,
Далѣе, рѣку на ниву приводитъ и слѣдомъ каналы
И къ умирающимъ травамъ и къ полю, сожженному зноемъ,
Вдругъ изъ откоса скалистой тропинки волну выпускаетъ,—
Падаетъ тихо вода и хриплый шопотъ по легкимъ
Камешкамъ будитъ, струей утоляя посохшія пашни,—
Кто, чтобъ подъ колосомъ тяжкимъ къ землѣ стебелекъ не клонился,
Пышный избытокъ плода на тонкой срѣзаетъ былинкѣ,
Чуть съ бороздами сравняются всходы, и кто изъ болота
Взятую влагу на ниву приводитъ въ пескѣ напоенномъ?
Такъ особливо, когда весною рѣка, подымаясь,
Иломъ обводитъ поля и всю покрываетъ окрестность,
Теплою влагой подолгу сочатся глубокія лужи.

Д. Шестаковъ.

2. Практическія указанія относительно погоды. — Эпизодъ междоусобныхъ войнахъ.

Что мнѣ о буряхъ сказать осеннихъ и звѣздахъ осеннихъ
И, когда уже дни короче и лѣто слабѣе,
Какъ надо бодрствовать, иль, какъ весна разразится дождями,
Острой щетиной когда въ поляхъ подымается жатва,
Хлѣбъ-же въ зеленомъ стеблѣ наливается сокомъ молочнымъ?
Часто, когда выводилъ жнеца на желтую ниву
Поселянинъ, срѣзая ячмень на ломкихъ колосьяхъ,
Видѣлъ я, бурною схваткой слетались могучіе вихри,
И широко тяжелые всходы, отъ самаго корня,
Вырвавъ, несли въ высотѣ,— такъ точно, какъ черною бурей
Вдругъ расхищаетъ зима былинки летучей соломы.
Часто нисходитъ съ небесъ великая водная сила,
И непогоду крутую приносятъ, и темные ливни,
Въ выси сбираясь, тучи; эѳиръ разверзается вышній

Ливнемъ великимъ, работы быковъ и веселыя нивы
Онъ заливаетъ; полны всѣ рвы, подымаются рѣки
Съ гуломъ, и дико кипитъ и дышитъ пучинами море.
Самъ-же Родитель, въ ночи́, межъ облачной грозною мглою,
Молніи движетъ десницей; весь міръ подъ его мановеньемъ
Въ страхѣ трепещетъ, и звѣри бѣгутъ, а смертное сердце
Ужасъ тоскливый объялъ; владыка-жъ горящей стрѣлою
То поражаетъ Аѳонъ, то Родопу, то выси Керавна.
Съ новою силой бушуютъ и австры, и дождь непроглядный.
Вѣтеръ жестокій то рощи, то берегъ морской поражаетъ.
Бойся-жъ того и, небесъ наблюдая и мѣсяцъ и звѣзды,
Зорко слѣди ты, куда Сатурнъ обращается хладный,
И килленійскій огонь въ которой блуждаетъ орбитѣ.
Прежде-жъ всего почитай боговъ и великой Церерѣ
Жертвы ты возноси каждогодно въ веселыхъ полянахъ
Ближе къ концу холодовъ, подъ весеннимъ безоблачнымъ небомъ.
Тучны ягнята тогда и трепетны мягкія лозы,
Сладки тогда сновидѣнья и сумрачны горныя тѣни.
Сельская вся молодежь пускай умоляетъ Цереру;
Ей возливай молоко и медъ, и мягкія вина;
Трижды пусть новые всходы обходитъ безгрѣшная жертва,
Слѣдомъ за нею пусть хоромъ ликующимъ идутъ сосѣди,
Кликомъ Цереру подъ кровли свои призывая, и раньше
Пусть ни единый серпа не приложитъ къ назрѣвшимъ колосьямъ,
Прежде чѣмъ, вѣткой дубовой чело вѣнчая, Цереру
Вольною пляской прославитъ и пѣньемъ прославитъ богиню.
Дабы-жъ могли мы того дожидаться по знаменьямъ вѣрнымъ,
Знойнаго жара и ливней, и стужу несущаго вѣтра,
Самъ уставилъ Отецъ, что̀ вѣщаютъ луны измѣненья,
И подъ какою звѣздою приносятся австры, — чтобъ пахарь,
Видя тѣ знаменья, ближе у стойла придерживалъ стадо.
Лишь подымаются вѣтры, всегда и воды морскія
Станутъ волнами вспухать, и шорохъ сухой по высокимъ
Слышится горнымъ вершинамъ, а то побережья далеко
Гулъ оглашаетъ морской, и трепетно шепчутся рощи.
Тутъ ужъ недолго волна пощадитъ вогнутыя лодки,
Если съ открытаго моря проворно нырки отлетаютъ,

Съ крикомъ несясь къ берегамъ, и если лысухи морскія
Рѣзвой игрѣ предаются на сушѣ, и топи родныя
Броситъ и въ самыя тучи высоко возносится цапля.
Часто, коль вѣтеръ грозитъ, замѣтишь ты также, какъ звѣзды
Падаютъ наземь съ небесъ, замѣтишь, какъ въ сумракѣ ночи
Пламеннымъ длиннымъ хвостомъ позади озаряются звѣзды;
Легкая часто мякина и шаткія трещлются вѣтки,
Иль на поверхности водъ плывутъ и сшибаются перья.
Если-же молнія блещетъ въ странѣ у злого Борея;
Если зефира и евра чертоги гремятъ,— тутъ всплываютъ
Села подъ полными рвами, и каждый морякъ въ океанѣ
Влажный свой парусъ слагаетъ. Но ливень врасплохъ не застанетъ
Насъ никогда: чуть лишь онъ подымается, съ низменныхъ доловъ
Кверху летятъ журавли, а то корова на небо
Взглянетъ и жадно впиваетъ ноздрями открытыми вѣтеръ,
Или болтливая ласточка вкругъ облетаетъ озера,
И старинную жалобу тянутъ средь ила лягушки.
Часто яйца также выноситъ изъ тайныхъ убѣжищъ
Узкимъ путемъ муравей, и длинная радуга воду
Пьетъ, и, домой возвращаясь отъ пастбищъ великимъ отрядомъ,
Вороновъ армія шумно трепещетъ густыми крылами.
Вотъ ужъ и разныя моря пернатыя, Азіи птицы,
Около сладостныхъ водъ Каистра питаясь лугами,
На перегонки — широкой струею плещутъ на крылья,
Голову то приподымутъ изъ водъ, то прыгаютъ въ волны,
Кажется, точно безплодно омыть пытаются тѣло.
Въ голосъ дожди призываетъ и лживая также ворона
И одиноко пески сухіе мѣряетъ шагомъ.
Даже и дѣвушки, сидя за пряжей своею ночною,
Близость зимы признаютъ, лишь только въ горящей лампадѣ
Примется масло трещать и зловонный нагаръ наростаетъ.
Но за дождями и солнечный день, и тихое вёдро
Предупреждать и провидѣть ты можешь по знакамъ надежнымъ:
Тутъ не замѣтишь у звѣздъ небесныхъ тусклаго блеска,
И, при всходѣ, Луна лучамъ не обязана брата,
И не бѣгутъ въ небесахъ волокнами тонкими тучки,
И подъ горячее солнце не станутъ протягивать крыльевъ,

На берегу, альціоны, Θетидѣ любезныя, или
Грязныя свиньи кидать изъ мордъ разрытыя кучи.
Тучи-же болѣе низомъ несутся, въ поляхъ осѣдая,
И наблюдающій солнца заходъ на далекой вершинѣ
Позднія пѣсни свои напрасно ужъ сычъ запѣваетъ.
Вотъ появляется Низъ въ вышинѣ ослѣпительной неба,
И за пурпуровый волосъ несетъ наказаніе Сцилла:
Гдѣ-бы та воздухъ прозрачный, спасаясь, ни била крылами,—
Врагъ безпощадный ее съ пронзительнымъ шумомъ чрезъ небо
Низъ настигаетъ; куда-жъ направится Низъ черезъ небо,
Та, убѣгая украдкой, эѳиръ разсѣкаетъ крылами.
Тутъ-же и воронъ изъ сжатой гортани звучные крики
Дѣлаетъ, три иль четыре, и часто на гнѣздахъ высокихъ,
Ужъ и не знаю, какою чрезмѣрною радостью тѣшась,
Между собою шумятъ въ листвѣ: такъ сладко за ливнемъ
Малыхъ увидѣть птенцовъ и въ милыя гнѣзда вернуться.
Только не вѣрю, чтобъ имъ божество даровало разсудокъ,
Или-же высшее рока дано имъ предвидѣнье было,
Нѣтъ, но когда непогода — небесною зыбкою влагой
Вдругъ замѣнится; когда ужъ австрами влажный Юпитеръ
Рѣдкое прежде сгуститъ, разрѣжая съ тѣмъ вмѣстѣ густое,—
Тутъ настроенье души измѣняется, въ сердцѣ движенья
Ужъ не такія родятся, какія при тучахъ и вѣтрѣ;
Вотъ оттого-то пернатыхъ согласные хоры въ полянахъ,
И ликованье въ стадахъ, и радостный ворона возгласъ.
Если за солнцемъ ты быстрымъ, за каждымъ луны превращеньемъ
Будешь усердно слѣдить, тебя никогда не обманетъ
Завтрашній часъ, не поддашься ты ковамъ безоблачной ночи.
Только что снова луна обратно свой свѣтъ собираетъ,
Ежели рогомъ стемнѣвшимъ захватитъ чернаго мрака,
Ливень великій грозитъ разразиться надъ нивой и моремъ;
Если-же дѣвственноалой ланиты подернутся краской,
Вѣтрено будетъ: при вѣтрѣ всегда разрумянится Фэба.
Въ фазѣ-жъ четвертой, когда (и знаменья нѣтъ ужъ надежнѣй)
Чистая, не помрачая роговъ, проплываетъ по небу,
Цѣлый и день тотъ, и всѣ, за нимъ приходящіе слѣдомъ,
Раньше чѣмъ кончится мѣсяцъ, дождя не увидятъ и вѣтра,

И съ береговъ вознесутъ моряки за спасеніе жертвы
Главку и Панопеѣ и сыну Ино, Меликерту.
И восходящее солнце, и тихо сходящее въ волны
Знаменья дастъ, и по солнцу вѣрнѣйшія знаменья будутъ —
Тѣ, что даетъ на зарѣ, и тѣ, что при звѣздномъ восходѣ.
Ежели пятнами ранній восходъ уберетъ и рожденье,
Если, укрывшися въ тучѣ къ срединѣ лишь выглянетъ неба,
Ливня ты долженъ страшиться, — ужъ дуетъ съ открытаго моря
Нотъ, и деревьямъ твоимъ, и посѣвамъ, и стаду зловѣщій.
Или, когда на разсвѣтѣ межъ облакъ сгустившихся рвутся
Въ разныя стороны — свѣта лучи, или блѣдная встанетъ,
Яркозлатистое ложе Тиѳона покинувъ, Аврора, —
Горе! наврядъ на лозѣ сохранятся мягкія кисти:
Столько по кровлѣ, треща, запрыгаетъ грознаго града!
То же, когда ужъ, измѣривъ Олимпъ, къ покою отходитъ,
Надобно лучше примѣтить, затѣмъ, что нерѣдко мы видимъ, —
Бродятъ и разныя краски на ликѣ блистательномъ солнца:
Синій дожди предвѣщаетъ, а пламенный — южные вѣтры;
Если-же пятна начнутъ съ огнемъ и багрянцемъ мѣшаться,
Все, ты увидишь, тогда закипитъ и мятелью, и вихремъ.
Въ ночи такія никто меня не заставилъ-бы выйти
Въ шумное море, канатъ оторвавъ корабельный отъ суши.
Если-же солнце, и день возвращая, и снова скрывая,
Дискомъ горитъ лучезарнымъ, — напрасно бояться мятелей,
Ясный едва аквилонъ предъ тобою лѣса заколышитъ.
И, напослѣдокъ, — что поздній приноситъ весперъ, откуда
Вѣтеръ легкихъ нагналъ облаковъ, что влажный замыслилъ
Австръ, — все солнце раскроетъ. Кто-жъ солнце осмѣлится лживымъ
Звать? Открываетъ оно-же, что близко слѣпыя волненья;
Что наростаетъ обманъ; что вспыхнутъ открытыя войны.
Солнце-жъ и Римъ пожалѣло за гибелью Цезаря, въ пору,
Какъ ослѣпительный ликъ одѣлся мрачнымъ туманомъ,
И вѣковѣчная ночь нечестивому вѣку грозила.
Въ это несчастное время и суша, и лоно морское,
И зловѣщіе псы, и пернатыхъ не въ пору явленье —
Все было знаменьемъ. Часто мы видѣли, — въ полѣ, циклоповъ
Горны прорвавъ, клокотала волнами кипучими Этна,

Пламени тучи катила и камней расплавленныхъ груды!
Грохотъ оружія слышатъ германцы по цѣлому небу.
Отъ необычныхъ ударовъ дрожатъ, сотрясаются Альпы.
Зовъ исполинскій услышанъ народомъ въ безмолвіи рощи,
Блѣдныя тѣни, видѣнья являлися образомъ дивнымъ,
Видимы въ сумракѣ ночи; стада говорили, какъ люди...
Страхъ несказанный! — рѣки встаютъ, разверзаются земли,
Скорбная кость прослезилась во храмахъ, и мѣдь запотѣла.
Всталъ изъ русла и безумной пучиной лѣса увлекаетъ
Царь, повелитель всѣхъ рѣкъ, — Ериданъ, и по нивамъ окрестнымъ
Стойла крутитъ и стада. И въ эти-же дни непрестанно
Въ жертвахъ печальныхъ являлись грозящія гибелью жилы,
И непрестанно колодцы струились кровью, а въ старыхъ
Градахъ по цѣлымъ ночамъ волковъ завыванья звучали.
И не безплодно съ небесъ безоблачныхъ падало столько
Молній и столько ночей загорались злыя кометы.
Вотъ и увидѣли снова Филиппы, какъ равнымъ оружьемъ
Бились между собою двѣ римскія арміи на смерть;
И не казалось богамъ недостойно, что нашею кровью
Дважды Ематія, дважды поля утучнялися Гэма!
Время навѣрно настанетъ, когда во владѣніяхъ нашихъ
Пахарь, изогнутымъ плугомъ вздымая тяжелую землю,
Выроетъ копья, упорной изъѣдены ржавчиной, или
Тяжкія грабли свои ударитъ о шлемъ опустѣлый
И подивится великимъ костямъ изъ разрытой могилы.
Отчіе боги родные, ты, Ромулъ, ты, мать наша Веста,
Тусскій хранящая Тибръ, Палатинъ хранящая римскій,
Этому юношѣ вы — помочь пораженному вѣку
Не помѣшайте! Довольно ужъ ранѣе нашею кровью
Лаомедонтовой Трои мы лживый обѣтъ искупили;
Намъ ужъ давно за тебя завидуетъ вышнее царство,
Цезарь, жалѣя, что ты надъ людьми учреждаешь тріумфы.
Смѣшано должное здѣсь и преступное; столько-же войнъ здѣсь,
Сколько различныхъ видовъ злодѣйства; нѣтъ почести плугу
Должной нисколько, пустѣютъ поля, и далеко работникъ,
И на безжалостный мечъ перекованъ нашъ серпъ искривленный.
Здѣсь подымаетъ Евфратъ, а тамъ Германія войны;

Всѣ договоры порвавъ, города сосѣдніе бьются
Между собою; надъ міромъ свирѣпствуетъ Марсъ ненасытный:
Такъ изъ оградъ четверни-колесницы ворвутся въ арену,
Дальше — сильнѣй наддаютъ, и, тщетно бразды напрягая,
Мчится съ конями возница, и вожжей не слушаютъ кони.

Д. Шестаковъ.

3. Картины деревенской жизни.

Слишкомъ-бы счастливъ, когда-бъ свое благо они сознавали,
Былъ земледѣльцевъ удѣлъ, которымъ земля справедливо
Легкую пищу даруетъ вдали отъ военной тревоги.
Если, въ высокомъ чертогѣ съ порталами гордыми, утромъ
Не собираются всюду, его поздравляя, кліенты;
Если колоннъ, черепахой одѣтыхъ, одеждъ золоченыхъ
И коринѳскихъ сосудовъ ихъ жадные взоры не видятъ;
Если бѣла его тога, не скрытая пурпуромъ яркимъ,
И натирается онъ не смѣшаннымъ съ кассіей масломъ:
Мирною жизнью зато онъ живетъ здѣсь, не зная обмана,
Всѣми дарами богатый, а сельскій досугъ утѣшаютъ
Гроты, живыя озера, прохлада темпейской долины,
Стада мычанье и сладкія грезы подъ древомъ тѣнистымъ;
Есть у него здѣсь и горы, и полныя дичью дубровы,
Малымъ довольныя, къ разнымъ трудамъ пріученныя дѣти,
Праздники, чтимые старцы; съ земли удаляясь на небо,
Слѣдъ свой послѣдній—межъ ними оставила Правда.
Музы, которыя мнѣ милѣй всего міра, которымъ,
Страстной любовью горя, я служу, не отриньте
Просьбы пѣвца, да небесныхъ свѣтилъ онъ узнаетъ теченье,
Солнца затменья и всѣ перемѣны луны многотрудной,
Землетрясеній причину, ту силу, что̀ море подъемлетъ
И, сокрушивши преграды, на уровень прежній низводитъ,
И почему въ Океанѣ, въ годину зимы, такъ поспѣшно
Солнце заходитъ, а долгія ночи съ землей неразлучны.
Если-же таинства эти природы постигнуть разсудкомъ
Кровь его сердца холодная не дозволяетъ поэту,—
То, не мечтая о славѣ, журчанье ручья по долинѣ,

Рѣки, поля и лѣса возлюблю я. О, гдѣ вы, Сперхея
Долы, и ты, о Тайгетъ, гдѣ лаконскія дѣвы во славу
Вакха сбираются? Кто меня въ хладныя Гэма равнины
Перенесетъ и укроетъ подъ сѣнію лѣса густого?
Счастливъ, кто мыслію могъ всѣ тайны природы постигнуть;
Кто попираетъ пятою своею тревоги людскія,
Рокъ безпощадный и гулъ ненасытныхъ водъ Ахеронта!
Счастье извѣдалъ и тотъ, кому сельскія боги знакомы,—
Панъ, престарѣлый Сильванъ и нимфъ-сестеръ хороводы.
Не соблазняютъ его ни отличія власти, ни царскій
Пурпуръ, ни братьевъ невѣрныхъ раздоры свирѣпые или
Даки, возстанье и войны несущіе съ берега Истра,
Ни могущество Рима, ни гибель монархій; жалѣя
Бѣднаго, завистью онъ не страдаетъ къ имущимъ достатокъ.
Плодъ, на вѣтвяхъ созрѣвающій, даръ приносимый землею
Безъ принужденія, онъ собираетъ, законовъ желѣзныхъ
Шумнаго форума или архивовъ народныхъ не зная.
Веслами рѣжутъ одни невѣрное море, другіе
Бьются мечемъ и въ царскихъ дверяхъ и чертогахъ тѣснятся;
Этотъ—вноситъ погибель въ жилье бѣдняка городское,
Пить изъ чашъ дорогихъ, спать на пурпурѣ Тира желая,
Тотъ—накопляетъ богатства и спитъ на закопанномъ златѣ,
Этого—каѳедра манитъ оратора, тѣхъ—соблазняютъ
Рукоплесканья театра, гдѣ и бѣднякъ, и сенаторъ
Вмѣстѣ имъ шлютъ одобренье; тотъ—братскую кровь проливаетъ
И, покидая свой домъ и милой отчизны предѣлы,
Родину ищетъ вторую, въ изгнаньи, подъ небомъ чужбины.
Землю кривымъ своимъ плугомъ взрываетъ себѣ земледѣлецъ,
Ею живетъ онъ весь годъ, ей родину, малыхъ пенатовъ
Ею содержитъ своихъ, стада и лучшихъ бычковъ изъ приплода.
Нѣтъ ему отдыха,—то изобильна плодами година,
То приплодами стадъ, то даровъ Цереры снопами
Онъ покрываетъ поля и амбары свои наполняетъ.
А настанетъ зима,—выжимаетъ онъ прессомъ оливки;
Весело сытыя свиньи въ свинарню спѣшатъ, толокнянку
Лѣсъ приноситъ, а осень—обильна дарами своими,
И на солнцемъ палимыхъ скалахъ виноградъ созрѣваетъ.

Милыя дѣти кругомъ къ отцу съ поцѣлуемъ тѣснятся;
Домъ его чистъ и невиненъ; коровы обильное млеко
Изъ сосцовъ источаютъ своихъ, и на лугѣ зеленомъ
Жирные бьются другъ съ другомъ рогами своими барашки.
Самъ онъ праздники празднуетъ и, на травѣ развалившись,
Гдѣ, предъ кострами, друзья сосуды вѣнками вѣнчаютъ,
Онъ возліяньемъ тебя, о Леней, призываетъ и къ вязу
Цѣль для дротиковъ быстрыхъ пастушескихъ ставитъ, а пастырь
Грубое тѣло свое обнажаетъ для сельскихъ ристаній.
Этою жизнью когда-то сабиняне древніе жили,
Ромулъ и братъ его Ремъ; это мощь даровало—этрускамъ;
Этимъ путемъ сталъ и Римъ прекраснѣйшимъ городомъ міра,
Семь непреступныхъ холмовъ обнимавшимъ своими стѣнами.
Раньше, чѣмъ царскій престолъ Диктею достался и раньше,
Чѣмъ нечестивый народъ сталъ быковъ закалать себѣ въ пищу,
Жизнью такой на землѣ самъ Сатурнъ золотой наслаждался;
Не было слышно еще ни трубъ боевыхъ, ни ударовъ
Шумнаго млата, на жесткой ковавшаго мечъ наковальнѣ.
Но обогнули весь кругъ мы на нашей громадной аренѣ,
И наступила пора снять иго съ коней утомленныхъ.

М. Шелуновъ.

4. Любовь въ царствѣ животныхъ.

...Чтобъ сохранялась въ быкахъ всѣхъ и коняхъ
Потребная сила, то вѣрное средство—
Любовь гнать подальше съ опаснымъ могучимъ
Ея искушеньемъ. Вотъ съ этой-то цѣлью
Быка угоняютъ на пастбище дальше,
Въ пустынное мѣсто; его отдѣляютъ
Отъ стада горою высокой иль даже
Широкой рѣкою, въ хлѣву-жъ оставляютъ,
Снабдивъ его прежде обильною пищей.
Одинъ видъ коровы иль юной телицы
Снѣдаетъ въ немъ силы, вводя въ истощенье;
Для нихъ забываетъ луга онъ и рощи.
Онѣ-жъ заставляютъ нерѣдко двухъ гордыхъ

Соперниковъ биться другъ съ другомъ рогами.
Спокойно телица одна себѣ ходитъ
По рощамъ силійскимъ, межъ тѣмъ, заклятые
Любовники страшно воюютъ другъ съ другомъ.
На тѣлѣ ихъ видны глубокія раны,
Бока ихъ покрыты сгустившейся кровью.
Упершися лбами, сплетаются крѣпко
Рогами и сильно разятъ, гдѣ попало.
Ихъ ревъ раздается, ревъ грозный, и эхомъ
Несется по рощамъ, холмамъ и доходитъ
До самаго неба. Ужъ съ этихъ поръ общій
Имъ хлѣвъ невозможенъ — и вотъ побѣжденный
Уходитъ въ изгнанье. Идетъ онъ, стоная,
Скрыть въ дальнихъ предѣлахъ свой стыдъ пораженья,
Всѣ данныя раны соперникомъ гордымъ,
Погибшія страсти свои безъ отмщенья,
И, взоръ обративши на хлѣвъ, покидаетъ
Жилище родное, пріютъ своихъ предковъ.
Вдали неустанно стремится возставить
Онъ прежнія силы. Ложася на скалы,
Онъ ночью ѣстъ только лишь горькія травы
И дикій терновникъ, а днемъ подвергаетъ
Себя испытанью: рогами разитъ онъ
Древесные пенья, ударами воздухъ
Приводитъ въ волненье, готовится къ битвѣ,
Крутя и бросая вдаль землю ногами.
Но вотъ возвратились угасшія силы, —
И снова могучъ онъ, какъ было недавно;
Бѣжитъ онъ и тотчасъ врага поражаетъ,
Который забылъ ужъ, что онъ существуетъ.
Такъ часто бываетъ и съ валомъ, возникшимъ
Изъ нѣдръ океана: валъ этотъ сначала
Бѣлѣетъ и шумно стремится на берегъ,
Потомъ, ударяясь объ острые камни,
Взлетаетъ на воздухъ и падаетъ снова,
Обрызгавъ ихъ пѣной; внутри него влага
Кипитъ и бросаетъ потомъ на поверхность

Песокъ черноватый. Итакъ, все живое,
Что̀ міръ населяетъ,—и люди, и звѣри,
Стада, даже рыбы, живущія также
Въ воздушныхъ предѣлахъ пернатыя птицы —
Все, все предается любовнымъ порывамъ,
Любовь производитъ явленія тѣ-же
Во всѣхъ почти тваряхъ. Такъ, львица не бродитъ,
Дѣтей забывая, по рощамъ и полю
Съ подобною злобой, какъ въ пору любовныхъ,
Всесильныхъ инстинктовъ; медвѣди не сѣютъ
Съ неистовствомъ бо̀льшимъ убійства по рощамъ;
Тогда вепрь свирѣпѣй и тигръ удвояетъ
Свою кровожадность. Бѣда тѣмъ, кто будетъ
Въ подобное время въ пустыняхъ либійскихъ!
Ты видишь-ли трепетъ, который волнуетъ
Всѣ гибкіе члены коня ретивого,
Едва онъ почуетъ инстинкта влеченье?
Тогда ужъ ни узды, ни бичъ, ни овраги,
Ни скалы, ни рѣки, кипящія бурно
Отъ горныхъ обломковъ, его не удержатъ.
Вепрь даже сабинскій готовится къ битвѣ;
Клыки направляетъ онъ, землю ногою
Взрываетъ и трется плечемъ и боками
О кожу деревьевъ и ихъ укрѣпляетъ
Для ранъ предстоящихъ. На что не рѣшится
И юноша пылкій, когда пламень страсти
Его пожираетъ?—Въ жестокую бурю
Пускается ночью онъ въ шумное море,
Покрытое мракомъ. Напрасно все небо
Надъ нимъ раскрываетъ кипящія хляби,
И молнія вьется во мракѣ змѣею;
Напрасно и волны такъ бьются о скалы,—
Ничто не удержитъ его: ни моленья
Несчастныхъ родимыхъ, ни просьбы невѣсты,
Которая тотчасъ разстанется съ жизнью,
Лишь только погибнетъ онъ, другъ ея милый.
Что̀ скажемъ о рысяхъ веселаго Вакха,

О хищной породѣ волковъ и родныхъ имъ
Собакъ самыхъ злобныхъ? И даже олени,
Столь кроткіе звѣри, и тѣ совершаютъ
Жестокія битвы. Но больше всѣхъ страшны
Въ любовную пору всегда кобылицы.
Сама въ нихъ Венера огонь свой вдохнула,
Когда кобылицы въ поляхъ Бэотіи
Пожрали всѣ члены несчастнаго Главка.
Любовь переноситъ ихъ выше Гаргара,
Несетъ и за волны рѣки многошумной,
Которая носитъ Асканія имя;
Онѣ пробѣгаютъ по горнымъ вершинамъ
И вплавь переходятъ потоки и рѣки.
Лишь только любовный инстинктъ загорится
Въ ихъ жилахъ весною (весной особливо
Страсть эта бушуетъ), онѣ пробѣгаютъ
По скаламъ высокимъ и вотъ, обратяся
Къ зефиру, вдыхаютъ его дуновенье,
И часто — о чудо! — одно лишь дыханье
Кладетъ въ нихъ зародышъ. Тогда убѣгаютъ
Онѣ всѣ по скаламъ, плывутъ по потокамъ,
Стремятся въ долины и мчатся не къ евру,
Не къ странамъ, согрѣтымъ возникнувшимъ солнцемъ,
Но прямо къ борею, въ тѣ страны, гдѣ австеръ,
Облекшись въ густую и черную тучу,
Все небо скрываетъ въ дождяхъ ледянистыхъ.
Тогда-то теряютъ ядъ тотъ онѣ тонкій,
Который правдиво зовутъ «гиппоманой»,
Его собираютъ всѣ мачехи злыя,
Чтобы смѣшивать съ сокомъ всѣхъ вредныхъ растеній,
Шепча надъ всѣмъ этимъ преступныя рѣчи.

И. Сосненкій.

5. Чума.

Не столько въ морѣ волнъ о грудь дробится скалъ,
Сколь много немощей убійственныхъ для стада...
И гдѣ предѣлы имъ, гдѣ вѣрная преграда? —
Не сытыя, онѣ изъ края въ край идутъ,
И дѣти, и отцы, и матери падутъ,
И гаснетъ цѣлый родъ на мѣстѣ разрушенья.
Тотъ зрѣлъ обширнаго слѣды опустошенья,
Кто Альповъ высоты и Норики предѣлъ
И дремлющи брега тимавскіе прешелъ.
Уже листы съ древесъ стократно облетѣли,
Какъ паствы, мирныя для стадъ, осиротѣли;
Гдѣ нѣкогда былъ край счастливыхъ пастуховъ,
Тамъ вѣтры томные надъ степью воютъ мховъ;
Тамъ язва лютая подъ знойнымъ лѣта небомъ
Взросла, питаема огнеродящимъ Фэбомъ;
Въ туманахъ осени тлѣтворный ядъ созрѣлъ
И воды заразилъ и пажитей удѣлъ...
Все было смерти плѣнъ — и украшенье стада,
Дебелые волы, и мрачныхъ дебрей чада.
Кончина ихъ была — ужасный муки часъ:
По жиламъ черный огнь трепещущимъ ліясь,
Съ палящей жаждою перебирался въ члены,
И вдругъ, съ потокомъ влагъ кипящимъ растворенный,
По слякшимся костямъ съ отравой пробѣгалъ
И тающую жизнь по каплямъ истощалъ...
И жертвы многія, представшія божницѣ,
Тѣмъ временемъ какъ ножъ дремалъ еще въ десницѣ,
Какъ лентіемъ главы вѣнчалися жрецовъ,
Безкровны падали на жесткій одръ песковъ;
Иль кровь закланныхъ жертвъ до часу рокового
Едва багрила зыбь помоста золотого.
Угасли алтари; безплодно волю жрецъ
Испытывалъ боговъ во внутреннихъ сердецъ.
Смерть рыщетъ по лугамъ, обходитъ мирны селы,

Забытъ и пажитей, и яслей пиръ веселый;
Простерта всюду скорбь: тамъ палъ овенъ младой,
Тамъ — гибнетъ крѣпкій волъ надъ лакомой травой;
Тамъ — вѣрный дома стражъ, объятый солнца зноемъ,
Пророчитъ смерть свою протяжно-томнымъ воемъ.
Питомецъ славы, конь, задумчиво стоитъ,
И шумный гипподромъ, и лѣсъ знаменъ забытъ;
Не щиплетъ муравы, бѣжитъ потоковъ хладныхъ,
Копытомъ землю бьетъ въ мученьяхъ безотрадныхъ
И уши чуткія небрежно опустилъ;
По членамъ хладнымъ — потъ; взоръ мутенъ и унылъ,
Изсякъ и отвердѣлъ покровъ костей наружный...
Но если потерялъ надежду всю недужный;
Но если въ немъ разящъ неисцѣлимый ядъ, —
Мученье новое: глаза огнемъ горятъ;
Дыханье томное изводитъ стонъ страданій;
Вся внутренность дрожитъ; языкъ, прильнувъ къ гортани,
Рождаетъ огнь въ устахъ, и духъ спираетъ вновь,
И хлещетъ изъ ноздрей потокомъ чернымъ кровь.
Недужному — вино отраду приносило;
Но скоро, побѣжденъ неистовою силой,
Въ приливахъ ярости сгорающій огнемъ,
Несчастный открывалъ источникъ смерти въ немъ
И, скорбной жизни врагъ, въ послѣднія минуты, —
О небо, отврати отъ насъ ударъ сей лютый! —
Онъ зубы острые на гибель отверзалъ,
И съ скрежетомъ себя въ безпамятствѣ терзалъ.
Въ поляхъ унывшихъ, волъ, дымящійся надъ плугомъ,
Надъ зыбкой бороздой застигнутый недугомъ,
Упалъ, — изъ устъ и кровь, и пѣна бьетъ волной.
Печальный земледѣлъ дрожащею рукой,
Сложивъ яремъ съ тельца, скорбящаго о братѣ,
Идетъ къ женѣ своей вздыхать о горькой тратѣ,
И рало сирое надъ хрупкой глыбой спитъ.
Ни дебрей горныхъ сѣнь, — отъ зноя вѣрный щитъ —
Ни красные брега, ни токи водъ кристальныхъ,
Шумящихъ радостно по дну песковъ янтарныхъ,

Ничто не возвратитъ страдальцамъ прежнихъ силъ;
Изсякли ихъ чресла: взоръ мутенъ и унылъ;
Отяготѣвшая склонилась долу выя.
Что ревностнымъ въ трудахъ работы полевыя,
Что, въ потѣ ихъ, объятія земли
Отверсты сѣменамъ — что пользы принесли?...
Отколь несчастнымъ зло? — И сокъ Ленея пѣнный,
И брашны чужды имъ, искусствомъ утонченны;
Ихъ пиршество — струи у полныхъ береговъ,
Младыя вѣтви древъ и мурава луговъ;
Ни жизни суеты, ни мрачныя печали
Сновъ кроткихъ никогда у нихъ не похищали.
Въ тѣ дни, гласитъ молва, чтобъ гнѣвъ смягчить боговъ,
Вотще на пажитяхъ искали двухъ воловъ;
Съ завѣтной жертвою въ Юнонину божницу
Два буйвола влекли неровныхъ колесницу.
Оратай раздиралъ и въ потѣ, и въ пыли,
Тяжелымъ заступомъ дебелу грудь земли,
Ввѣрялъ ей сѣмена холодными перстами,
Кропимы не росой — горючими слезами,
И, выю подклонивъ, чрезъ топкіе пески
На выси горны влекъ скрыпучіе возки.
Несытный прежде волкъ, — недугомъ пораженный
Овецъ не стережетъ въ засадѣ потаенной,
И серна робкая, и быстронога лань
Въ станицахъ бродятъ псовъ межъ кровами селянъ.
Какъ снасти корабля, разбитаго волнами,
Простерты по брегамъ питомцы волнъ стадами;
Въ пещерахъ смертію застигнута змѣя,
И дыбомъ возстаетъ на гидрахъ чешуя;
Погибшихъ стаи птицъ, въ эѳирѣ полномъ яда,
Безъ жизни падаютъ на землю тучей града.
Безъ пользы преселялъ заботливый пастухъ
Страдальцевъ немощныхъ изъ луга въ новый лугъ, —
Харонъ и самъ Меламп не притупляли жала;
Врачующая длань болѣзни умножала;
Мегера блѣдная отверзла мрачный Адъ —

Ей Страхъ сопутствуетъ, недуги предлетятъ;
Подъявшая главу надъ трупами высоко,
Питаетъ тьмами жертвъ ненасытимо око.
Блеяніе овновъ и ревъ падущихъ кравъ
Лiется по водамъ и будитъ сонъ дубравъ,
Смущаетъ берега, наводитъ грусть на долы,
И полны мертвыхъ тѣлъ и пажити, и селы;
Погибшія землѣ ввѣряются съ руномъ.
Вотще струями водъ и рдѣющимъ огнемъ
Ихъ волну мягкую отъ яду свобождали —
Возросшей немощи ничѣмъ не побѣждали,
И горе смертному, кто дерзкою рукой
Касался вредныхъ рукъ и ткани роковой! —
По тѣлу краплины вздымались воспаленны;
Тлетворный потъ росой переливался въ члены,
Неугасимый огнь по жиламъ пробѣгалъ
И смерти близкій часъ страдальцу прорекалъ.

А. Р.

6. Жизнь пчелъ.

. . . Хочу разсказать я
О чудныхъ инстинктахъ, которые пчелкамъ
Даны самимъ Зевсомъ, когда, услыхавши
Звукъ мѣди, а также кимваловъ куретскихъ,
Онѣ приносили царю неба пищу
Въ пещерѣ диктейской. Одиѣ только пчелы
Питаютъ всѣмъ роемъ имъ общую матку,
Однѣ населяютъ всѣмъ общій имъ городъ,
Однѣ соблюдаютъ всѣ свято законы,
Однѣ только знаютъ отчизну, пенатовъ.
Предчувствуя зиму, онѣ всѣ усердно
Работаютъ лѣтомъ и общимъ считаютъ,
Что набрано ими. У каждой есть должность:
Однѣ о припасахъ пекутся, о пищѣ,
И въ полѣ летаютъ за этой добычей;
Другія имѣютъ въ виду приготовить

Фундаментъ для зданья, поэтому въ ульѣ
Онѣ остаются, мѣшаютъ со слезкой
Нарцисса сокъ клейкій смолистыхъ деревьевъ
И воскомъ скрѣпляютъ ряды своихъ келій.
Вотъ эти — выводятъ молоденькихъ пчелокъ,
Надежду народа, а тѣ — медъ готовятъ
И ячейки сотовъ онѣ наполняютъ
Чудеснымъ нектàромъ. Тѣмъ выпала доля
Стеречь въ ульѣ входы: какъ бодрые стражи,
Онѣ наблюдаютъ и признаки вѣтра,
И признаки ливня; онѣ принимаютъ
Нерѣдко и ношу со пчелъ прилетѣвшихъ,
Иль, массой собравшись, онѣ выгоняютъ
Лѣниваго трутня. Все дышетъ работой,
И воздухъ пропитанъ весь запахомъ тима.
Такъ точно циклопы ковать поспѣшаютъ
Перуны для Зевса, — одни, подымая огромные мѣхи,
Изъ кожи бычачьей, то воздухъ вбираютъ,
То вонъ выпускаютъ, питая тѣмъ пламя;
Другіе металлы горячіе въ воду
Бросаютъ поспѣшно, и Этна вся стонетъ
Отъ тяжкихъ ударовъ. Одни подымаютъ
Вверхъ сильныя руки и дружно ихъ снова
Назадъ опускаютъ, желѣзо-же вертятъ
Большими клещами. Такая-же пылкость,
Коль можно большое намъ сравнивать съ малымъ,
И въ пчелахъ замѣтна: и каждая пчелка
Ее переноситъ въ то дѣло, какое
На долю досталось. Такъ, старыя пчелки
Пекутся о домѣ, о всякомъ хозяйствѣ,
Онѣ-жъ укрѣпляютъ и соты, выводятъ
Красивыя зданья. А младшія пчелы
Домой прилетаютъ лишь вечеромъ только,
Усталыя очень, неся въ своихъ ножкахъ
Пыль тима для воска. Онѣ точно также
Берутъ сокъ съ арбуза и съ ивы зеленой,
Потомъ съ розмарина, съ шафрана и съ липы,

И темный цвѣтъ любятъ онѣ гіацинта.
Пора и работы, и отдыха разомъ
Для всѣхъ наступаетъ трудящихся пчелокъ.
По утру, немедля, онѣ вылетаютъ
Изъ улья родного, когда-же восходятъ
Вечернія звѣзды и ихъ извѣщаютъ,
Что время покинуть зеленыя травы,
Онѣ прилетаютъ опять всѣ въ жилища,
Чтобъ тамъ успокоить усталые члены.
Вотъ слышно жужжанье: онѣ собрались
При входѣ, пробрались и внутрь укрѣпленій
Но, только что входятъ всѣ въ кельи, мгновенно
Вездѣ все смолкаетъ, и длится молчанье
Всю ночь непрерывно. Тогда сонъ спокойный
Лелѣетъ и нѣжитъ усталые члены.
Почуявши дождикъ, онѣ не покинутъ
Своихъ милыхъ ульевъ: лишь вѣтеръ подуетъ,
Онѣ не посмѣютъ подняться на воздухъ.
Толпяся близъ ульевъ, онѣ за водою
Летаютъ на ближній источникъ, и этимъ
Кончается дѣло. Порою, съ собою
Онѣ поднимаютъ песчаныя зерна,
Чтобъ зерна служили надежнымъ балластомъ,
Какъ камень тяжелый — на легонькой лодкѣ.
При помощи зеренъ, ужъ пчелы надежно
Взлетаютъ на воздухъ, не чувствуя страха.
Но что̀ еще больше тебя въ удивленье
Повергнетъ, такъ это, что пчелы понятья
Совсѣмъ не имѣютъ о ласкахъ любовныхъ.
Онѣ собираютъ своимъ хоботочкомъ
Зародыши, кои на листикахъ нѣжныхъ,
На самыхъ пріятныхъ, прекрасныхъ растеньяхъ;
Вотъ тамъ-то находятъ другого владыку
И новыхъ ужъ гражданъ; для нихъ поправляютъ
Дворецъ да и царство еще восковое.
Случается часто, что, въ быстромъ полетѣ,
Онѣ отрѣзаютъ крыло объ кремешекъ

И падаютъ часто по собственной винѣ
Подъ ношей ужъ слишкомъ большой и тяжелой:
Такъ страстно пчелами любимы цвѣточки;
Такъ пчелки гордятся, что медъ производятъ!
Хоть жизнь ихъ и въ тѣсныхъ хранится предѣлахъ,
(Пчела существуетъ лѣтъ семь, но не больше),
Однако-же племя, порода — безмертны;
Семья сохраняетъ значенье, богатство
Въ теченье лѣтъ многихъ, и вотъ поколѣнья,
Смѣняя другъ друга, считать могутъ многихъ,
Безчисленныхъ предковъ. Но этого мало:
Эгипетъ, Лидія, парѳяне, мидійцы
Къ царю не питаютъ такого почтенья,
Какъ кроткія пчелки. Пока ихъ владыка
Живъ, пчелки имѣютъ одинъ духъ и разумъ;
Но, только царь умеръ — все рушится тотчасъ;
Онѣ грабятъ сами свои магазины
И всѣ разрушаютъ мгновенно постройки.
Царь смотритъ за дѣломъ; ему воздаются
Привѣтъ и почтенье; его окружаютъ
Съ умильнымъ жужжаньемъ; его провожаютъ
Огромною свитой. Его часто носятъ
Въ тріумфѣ на крыльяхъ, во время-же битвы
Его охраняютъ своими тѣлами
И, ранъ не страшася, вкушаютъ охотно
Смерть славную, въ битвѣ, въ глазахъ у владыки.
По признакамъ этимъ, по этимъ чудеснымъ,
Высокимъ инстинктамъ, философы въ пчелахъ
Считали то искрой небеснаго свѣта,
Въ нихъ видѣли разумъ. Духъ вѣчный, по мнѣнью
Философовъ этихъ, наполнилъ собою
Всю землю, всѣ бездны глубокаго моря,
Предѣлы всѣ неба. Отъ этого духа
И люди, и звѣри, при самомъ рожденьи,
Въ себя принимаютъ дыханіе жизни;
Къ нему-же, по смерти, идетъ все живое;
Животныя вовсе не мрутъ, но, какъ были,

Съ своими тѣлами, сливаются тѣсно
Съ свѣтилами неба и такъ остаются
На высяхъ небесныхъ. Желаешь взглянуть ты
Во внутренность ульевъ? Желаешь похитить
Всѣ эти богатства? Сперва ты достанешь
Воды самой свѣжей, лицо все намочишь
И ею наполнишь свой ротъ совершенно;
Потомъ возьмешь въ руку горящій обрубокъ
И дымомъ прогонишь всѣхъ пчелокъ изъ улья.
Два раза ихъ улья наполнены медомъ,
И медъ точно такъ-же два раза ломаютъ:
Во первыхъ, въ то время, когда поднимаетъ
Свой лобъ чистой дѣвы плеяда Тайгета,
Ногою толкая валы Океана,
Въ другой разъ—въ то время, когда, убѣгая
Отъ взоровъ слезливыхъ созвѣздія Рыбы,
Съ глубокой печалью она вновь уходитъ
Въ холодныя волны. Ужасныя въ гнѣвѣ,
Когда ихъ раздразнишь, онѣ мстятъ жестоко
Своимъ укушеньемъ, которымъ вливаютъ
Ядъ, ими хранимый; впиваются жаломъ
Онѣ стрѣловиднымъ и, въ ранѣ оставивъ,
Лишаются жизни. Но если боишься
Для роевъ зимы ты, когда ихъ печали
Въ тебѣ пробуждаютъ глубокую жалость,
Тогда, не колеблясь, кури въ ульяхъ тимомъ
И выломай воскъ весь, ненужный для пчелокъ.
Случается часто, что ящуръ тихонько
Съѣдаетъ всѣ соты; въ ульѣ многоножка
Убѣжища ищетъ отъ свѣта дневного;
Оса-гунеядка чужимъ проживаетъ,
И трутень смѣется надъ жаломъ пчелинымъ;
Червякъ заползаетъ; паукъ, ненавистный
Минервѣ-Палладѣ, свои разставляетъ
Противныя сѣти. Но пчелы, чѣмъ больше
Теряютъ припасовъ, тѣмъ съ большей заботой

Стараются снова пополнить убытокъ
И новые склады готовять поспѣшно
Изъ соковъ цвѣточныхъ. Но если болѣзни
Охватятъ ихъ тѣло (онѣ, какъ и люди,
Доступны страданьямъ), то это увидишь
По признакамъ явнымъ: въ болѣзняхъ, всѣ пчелки
Свой цвѣтъ измѣняютъ; тѣла ихъ худѣютъ;
Потомъ онѣ носятъ изъ ульевъ всѣ трупы,
Свершая надъ ними обрядъ погребенья;
Другія-же, сплетшись другъ съ другомъ, на лапкахъ
Всѣ виснутъ у входа иль вонъ не выходятъ
Изъ келій печальныхъ, гдѣ всѣ погибаютъ
Онѣ и отъ стужи, и смертью голодной.
Тогда раздается жужжаніе громче;
Оно уже — ночью — совсѣмъ не смолкаетъ,
Какъ будто ревъ вѣтра въ лѣсу непроходномъ,
Какъ будто шумъ грозный бурливаго моря
Во время отлива, какъ пламени ропотъ
Внутри затворенной клокочущей печи.
Вотъ въ это-то время обкуривай ульи
Галбаномъ душистымъ, подкладывай меду
Въ котлахъ тростниковыхъ, чтобъ вывести пчелокъ
Изъ ихъ апатіи; чтобъ дать имъ возможность
Вновь съ силой собраться любимою пищей.
Считаютъ полезнымъ класть цвѣтъ туда розы,
Орѣховыхъ ядеръ, вина вливать также,
Его вскипятивши, подкладывать тиму,
Равно какъ растенья пахучаго свойства.
Въ лугахъ есть растенье, котораго житель
Полей называетъ амелломъ. Его мы
Легко распознаемъ: цвѣтокъ его желтый,
А листья густые пурпурно лиловый
Имѣютъ оттѣнокъ. Вѣнками амелла
Порой украшаютъ и храмы безсмертныхъ.
На вкусъ оно кисло; пастухъ собираетъ
Его по уборкѣ съ луговъ уже сѣна,

На гибкихъ прибрежьяхъ, идущихъ вдоль Меллы.
Свари его корни въ винѣ самомъ лучшемъ,
Потомъ эту пищу поставишь у входа
Тѣхъ ульевъ, гдѣ пчелки страдаютъ недугомъ.

И. Сосницкій.

7. Легенда объ Аристэѣ.

... Если всѣ пчелы погибли, и средства
Ты вновь не находишь бѣду ту исправить,
Ужь время настало узнать то открытье,
Которое сдѣлалъ въ Аркадіи пастырь,
И какъ изъ истлѣвшихъ тѣхъ жертвъ зарождались
Вновь сильные рои прекраснѣйшихъ пчелокъ.
Сказавъ, какъ возникло все это преданье,
Тебѣ разскажу я подробно, что̀ знаю.
Въ мѣстахъ тѣхъ, гдѣ тиной поля покрываетъ
Нилъ въ сильныхъ разливахъ; гдѣ житель Канопа
Поля объѣзжаетъ на баркѣ красивой;
Въ странахъ тѣхъ, гдѣ Нила
Волна обмываетъ персидскую область;
Гдѣ онъ оставляетъ свой илъ плодотворный
На почвѣ Эгипта и дальше стремится,
Коснувшись отчизны индѣйца, подъ солнцемъ
Спаленнаго знойнымъ, и въ море втекаетъ
Семью рукавами, такое открытье
Считается вѣрнымъ, испытаннымъ средствомъ.
Сначала находятъ участокъ, удобный
Для этого дѣла; его окружаютъ
Стѣнами и крюютъ его черепицей,
Потомъ пробиваютъ четыре окошка,
Въ которыя сбоку весь свѣтъ проникаетъ,
И ихъ обращаютъ на стороны вѣтровъ.
Двухлѣтняго послѣ бычка отыскавши,
Котораго рожки лишь только загнулись,
Какъ онъ-бы ни бился, ему затыкаютъ
Ротъ вмѣстѣ съ ноздрями и тѣмъ отнимаютъ

Способность дыханья. Убивъ его тотчасъ,
Быка покрываютъ ударами палокъ,
Но шкуры не рѣжутъ. Въ такомъ-то вотъ видѣ
Его оставляютъ въ построенномъ зданьи,
Устлавъ его листвой розмарина, тима,
Лишь нарванной только для этакой цѣли.
Все это свершаютъ въ то время, какъ рябью
Зефиръ покрываетъ спокойныя воды,
Когда не пробилась въ лугахъ еще зелень,
И ласточки даже еще не являлись
Со щебетомъ въ гнѣзда подъ кровлею дома.
Межъ тѣмъ уже въ трупѣ волнуются газы,
И тотчасъ — о чудо! — оттуда выходятъ
Толпы насѣкомыхъ, безъ ногъ, безобразныхъ.
Но вотъ зашумѣли у гадинъ тѣхъ крылья;
Все громче и громче ихъ шумъ раздается,
Еще мигъ—на воздухъ вся ринулась стая,
Какъ будто-бы дождикъ, какъ быстрыя стрѣлы,
Гонимыя парѳомъ предъ самымъ сраженьемъ.
Скажите мнѣ, музы, какой богъ придумалъ
Такое искусство? Какъ это открытье
Явилось на свѣтѣ? Гласитъ такъ преданье:
Пастухъ Аристэй былъ въ давнишнее время.
Покинулъ онъ берегъ Пенея, лишившись
Всѣхъ пчелъ отъ недуговъ и смерти голодной.
Печальный, пришелъ онъ къ священнымъ истокамъ
Рѣки и, заплакавъ, самъ съ жалобой кроткой
Вотъ такъ обратился къ его зародившей:
«Кирена! О матерь! Живешь ты въ предѣлахъ
Рѣки этой сильной. Зачѣмъ зародила
Меня ты отъ крови безсмертнаго бога
(Коль то справедливо, что Фэбъ—мой родитель),
Когда такъ жестоко судьбы меня гонятъ?
Куда-же дѣвалась твоя ко мнѣ нѣжность?
Къ чему мнѣ надежда на жительство въ небѣ?—
Единое благо, которое было
Усладою жизни моей въ этомъ мірѣ,

То, благо, которымъ я могъ наслаждаться,
Отдавъ ему столько трудовъ и заботы, —
Богатыя нивы и тучное стадо —
Я этого блага на-вѣки лишаюсь,
А ты — моя матерь!.. Ну, что-жъ! — Довершай-же:
Возьми всѣ деревья своею рукою,
Внеси грозный пламень въ хлѣвы дорогіе,
Повытопчи нивы, сожги мои зерна,
Весь мой виноградникъ топоръ двухлезвейный
Пускай вырубаетъ, когда къ чести сына
Ты вовсе безъ чувства». При голосѣ этомъ,
Кирена во влажномъ жилищѣ смутилась.
Вокругъ нея нимфы шерсть пряли Милета,
Съ лазурнозеленымъ чудеснымъ отливомъ.
То были: Лигея, Ксантò, еще Дрѝмо;
Потомъ Филлодока,— ихъ волосы чудно
Струились по шеѣ прямой бѣлоснѣжной—
Еще Кимодока, Незэя и Спіо,
Талія, Кидиппа, невинная дѣва,
Потомъ Ликорія, лишь только впервые
Узнавшая боли богини Луцины,
И, кромѣ нихъ, Кліо съ сестрою Бероей,
Одѣтыя обѣ въ пятнистыя кожи,
Носящія обѣ изъ золота поясъ;
Ефорія, Опса, потомъ Деіопа,
А тамъ Аретуза, унесшая въ волны
Колчанъ свой звенящій. Среди сихъ красавицъ
Климена разсказъ свой вела о безплодныхъ
Попыткахъ Вулкана и хитростяхъ Марса,
О двухъ похищеньяхъ его, объ интригахъ,
Любви межъ богами, считая съ Хаоса.
Внимая разсказу, всѣ нимфы роняли
Свои веретена, когда ужъ вторично
Упрекъ Аристэя коснулся до слуха
Богини Кирены. На ложахъ кристальныхъ
Всѣ вдругъ содрогнулись; но вотъ Аретуза,
Быстрѣе всѣхъ прочихъ, изъ водъ поднимаетъ

Головку съ кудрями, какъ ленъ шелковистый,
И издали вотъ какъ сказала Киренѣ:
«Совсѣмъ не напрасно, сестра, твое сердце
Такъ сильно забилось отъ жалобы этой, —
Онъ самъ, кого любишь ты нѣжно и сильно,
Аристэй, стоитъ тамъ, предъ отчей рѣкою,
Покрытый слезами; тебя обвиняетъ
Въ жестокости лютой». При этомъ извѣстьи,
Гораздо сильнѣе забилося сердце
Въ груди у Кирены. Она восклицаетъ:
«О сынъ мой!.. Веди-же скорѣй ко мнѣ сына! —
Онъ право имѣетъ въ дворцѣ быть безсмертныхъ!»
Сказала и тотчасъ даетъ приказанье
Рѣкѣ разступиться, чтобъ юношѣ можно
Пройти было лучше, — и волны мгновенно
Поднялись горою. Онѣ принимаютъ
Аристэя въ нѣдра и прямо доводятъ
До ложа Пенея. Идетъ онъ, любуясь
Жилищемъ родимой и областью влажной,
Озерами, въ нѣдрахъ пещеръ запертыми,
Лѣсами, въ которыхъ кругомъ все звучало.
Аристэй, дивися водамъ, по срединѣ
Которыхъ внезапно онъ такъ очутился,
Увидѣлъ, подъ сводомъ подземнымъ, тѣ рѣки,
Которыя въ мірѣ въ различныхъ предѣлахъ
Несли свои воды: Фазъ, Ликъ и источникъ
Глубокій, откуда выходитъ Енипей,
Тибръ, римлянъ кормилецъ, и Аній спокойный,
Гипанисъ, о скалы гремящій волнами,
Ериданъ, подобный быку съ золотыми
Крутыми рогами, Ериданъ, свирѣпѣй
Всѣхъ рѣкъ въ бѣломъ свѣтѣ, по чуднымъ равнинамъ
Катящій всѣ волны къ глубокому морю.
Когда-же Аристэй дошелъ до жилища
Родимой богини, до сводовъ, покрытыхъ
Богатствомъ несчетнымъ, и матерь узнала
Его всѣ печали, то нимфы свершаютъ

Надъ нимъ омовенье, подавъ воды чистой
И ткани поднесши, чтобъ могъ обтереть онъ
Омытыя руки; другія-же ставятъ
На столъ яствъ различныхъ огромныя блюда
И въ чаши вливаютъ до края напитки,
На жертвенникъ — носятъ тьму травъ благовонныхъ.
Кирена сказала: «Возьми эту чашу
Съ виномъ мэонійскимъ, — свершимъ возліянье
Отцу-Океану!» Потомъ призываетъ
Она Океана, отца всего въ мірѣ,
И нимфъ, сестеръ моря, подъ кровомъ которыхъ
Лѣса всѣ и рѣки. И нектаромъ трижды
Она орошаетъ зажженное пламя,
И трижды то пламя во свѣтъ ударяетъ.
Она, успокоясь такимъ предвѣщаньемъ,
Вотъ такъ начинаетъ: «Вблизи горъ Карпатскихъ,
Въ имперіи славной Нептуна-владыки,
Живетъ прорицатель Протей, въ колесницѣ
Бѣгущій по морю на чудахъ двуногихъ,—
На рыбъ походящихъ и, вмѣстѣ, на коней.
Теперь онъ намѣренъ отправиться въ порты
Ематіи славной и въ порты Паллены,
Отчизны Протея. Его чтимъ глубоко
Мы всѣ и со старцемъ почтеннымъ Нереемъ:
Онъ знаетъ, что было, что есть и что будетъ
Въ грядущее время, — хотѣлъ такъ Посидонъ:
Протей охраняетъ Нептуново стадо,
Чудовищъ, амфибій. Ты долженъ, о сынъ мой,
Схватить его, крѣпко сковавши цѣпями,
Коль хочешь узнать ты причину болѣзни
И средство, какъ бѣды такія поправить.
Когда не принудить его, онъ ни слова
Не скажетъ, повѣрь мнѣ: моленья и просьбы
Ему недоступны. Ты долженъ собраться
Со всей своей силой, чтобъ цѣпи набросить,
Когда будетъ взятъ онъ совсѣмъ ужъ тобою:
Лишь только предъ силой хитрить перестанетъ.

Когда солнце встанетъ на самой срединѣ
Высокаго неба,—лучи его будутъ
Какъ острыя копья—когда даже травы
Почувствуютъ жажду; когда будетъ тѣни
Отыскивать стадо, сама провожу я
Въ укромное мѣсто, гдѣ ляжетъ на отдыхъ,
Разставшись съ волнами, старикъ утомленный:
Во время сна можешь легко ты съ нимъ сладить.
Но даже въ то время, когда его схватишь;
Когда будетъ связанъ онъ крѣпко цѣпями,—
Чтобъ вырваться, приметъ различные виды:
То явится тотчасъ щетинистымъ вепремъ,
То тигромъ ужаснымъ, то грознымъ дракономъ
Съ чешуйчатой кожей, то львицей свирѣпой,
То пламенемъ яркимъ, то грозной волною,
И рваться онъ будетъ изъ рукъ и изъ цѣпи.
Но, чѣмъ будетъ чаще мѣнять онъ свой образъ,
Тѣмъ крѣпче, о сынъ мой, держи ты Протея,
До тѣхъ поръ, покуда видъ приметъ такой-же,
Въ какомъ легъ на отдыхъ». Сказавши, плеснула
На сына душистой амброзіей, чудной;
Она разлилася мгновенно по тѣлу;
Отъ кудрей понесся пріятнѣйшій запахъ,
А члены проникліись полезною силой.
Въ боку опустѣвшемъ горы, при подошвѣ
Которой всѣ волны гонимыя вѣтромъ
Сбираются въ кучу, а послѣ, разбившись,
Расходятся порознь по двумъ направленьямъ,
Замѣтна пещера; въ ней всѣ мореходцы,
Страдая отъ бури, убѣжище могутъ
Найти отъ ненастья. Вотъ въ ней-то покою
Протей предается подъ твердой защитой
Огромнаго камня. За этимъ-то камнемъ
Кирена скрываетъ любезнаго сына,
Сама-же, одѣвшись туманною тучкой,
Осталась поодаль. Уже жгучій Сирій
Бросалъ съ небесъ пламя, которое сильно

Сжигаетъ индѣйца; ужъ солнце съ лучами
Дошло до средины небеснаго свода;
Трава засыхала, не чувствуя влаги,
Русла рѣкъ изсохшихъ кипѣли отъ зноя:
Когда Протей, волны покинувъ, выходитъ
На берегъ, въ предѣлахъ знакомой пещеры.
Вокругъ него скачетъ народъ мокрый моря,
Пуская на воздухъ соленую влагу.
Ложатся тюлени, чтобы освѣжиться.
Какъ будто-бы пастырь усердный нагорный,
Который, завидѣвъ вдругъ на небѣ Весперъ,
Сзываетъ стада всѣ и гонитъ ихъ въ хлѣвы,—
Ягнятки-жъ блеяньемъ въ волкахъ возбуждаютъ
Обычную алчность,—Протей сѣлъ въ средину
Ужасныхъ чудовищъ на камнѣ громадномъ
И началъ считать онъ рачительно стадо.
Аристэй находитъ минуту удобной:
Едва утерпѣлъ онъ дать время Протею
Раскинуть свободно усталые члены,
Какъ ринулся прямо съ ужаснѣйшимъ крикомъ,
Желая скорѣе связать ему руки.
Но, хитростямъ вѣрный, Протей принимаетъ
Тьму видовъ различныхъ: въ огонь переходитъ,
Въ ужаснаго звѣря, въ шумящую рѣку.
Но, видя, что хитрость ему не поможетъ,
Не дастъ ему средства избѣгнуть неволи,
Смиряется тотчасъ и, снова принявши
Свой видъ настоящій, онъ голосомъ молвитъ:
«Скажи, дерзновенный, кто далъ повелѣнье
Тебѣ появиться въ предѣлахъ мнѣ милыхъ?
Чего ты желаешь?» — «Оставь свою хитрость»,
Такъ молвитъ Аристэй,— «тебѣ все извѣстно;
Тебя, знаю вѣрно, никто не обманетъ;
И ты точно также ужъ полно глумиться.
По волѣ безсмертныхъ, узнать я явился
Твои предсказанья, чтобъ средство найти мнѣ
Отъ лютыхъ несчастій». Протей, обращая

Блестящія очи и свѣтомъ лазурнымъ
Облившись, со стономъ ему открываетъ
Глубокія тайны всесильный судьбины:
«Богъ гнѣвный воздвигнулъ гоненіе это
За тяжкое, злое твое преступленье.
Орфей злополучный тебѣ наказанье
Такое назначилъ. Еще-бы ты бо́льшей
Заслуживалъ кары, когда-бы судьбины
Тому не мѣшали. Орфей тебя гонитъ
За то, что похитилъ его ты супругу.
Когда Евридика поспѣшно летѣла
Вдоль берега рѣчки, желая избѣгнуть
Твоихъ домогательствъ, она не видала
Змѣи, подъ густою сокрытой травою.
Дріады мгновенно наполнили крикомъ
Высокія горы; вершины Родопа
Покрылись слезами; высоты Пангеи,
Отчизны Резуса, отечество гетовъ,
Всѣ области Ебро, предѣлы тѣ, въ кои
Борей Оритію отнесъ,—все рыдало,
Лишась Евридики. Орфей только въ лирѣ
Искалъ утѣшенья отъ скорби глубокой;
Одинъ надъ рѣкою тебя все, супруга,
Онъ пѣлъ при восходѣ свѣтила и ночью.
Проникнулъ онъ также въ ущелья Тэнара,
Въ глубокій входъ Ада, въ тѣнистыя рощи,
Гдѣ царствуетъ ужасъ; къ тѣнямъ обращался
Орфей и къ владыкѣ могучему тѣней,
И къ тѣмъ, сердце коихъ къ моленіямъ глухо
Людей горемычныхъ. Плѣненныя пѣньемъ
Изъ бездны Ереба воздушныя тѣни
Сбѣгались толпами, такими-жъ густыми,
Какъ стаи пернатыхъ, летящія въ рощи,
Лишь ночь наступаетъ иль близится буря.
Здѣсь матери были, супруги, герои,
Погибшіе въ битвахъ; здѣсь юныя дѣвы,
Сыны точно также, сгорѣвшіе вживѣ

Въ глазахъ у родимыхъ, печальныя жертвы,
Живущія въ безднахъ туманныхъ Коцита,
Запертыя Стиксомъ съ водою сгущенной.
Самъ Тартаръ, жилище ужасное Смерти,
Пришелъ въ удивленье, глубоко былъ тронутъ;
Уже евмениды дразнить перестали
Змѣй, голову фурій обвившихъ собою,
И церберъ не лаялъ ужъ пастью тройною,
И кругъ ужъ колесный царя Иксіона
Забылъ самый вѣтеръ. И вотъ, возвращаясь,
Орфей ужъ избѣгнулъ всѣхъ бѣдъ, угрожавшихъ
Ему отовсюду; за нимъ Евридика
Шла также на землю, къ источнику свѣта,
Свой шагъ размѣряя съ шагами супруга.
(Такъ сказано было самой Прозерпиной).
Но вотъ его нѣжность мгновенно все губитъ;
Конечно, вина та могла-бы проститься,
Коль жалость была-бы доступною тѣнямъ.
Орфей оглянулся — и тотчасъ погибли
Плоды всѣхъ страданій и столькихъ усилій!
Не сдержано слово, которое далъ онъ
Плутону въ Аидѣ, и трижды раздался
Звукъ страшный въ болотахъ безбрежныхъ Аверна.
«О, кто меня губитъ?!» кричитъ Евридика,
«Кто насъ съ тобой губитъ, Орфей мой безцѣнный?
Откуда взялося такое насилье?
Вотъ снова уносятъ меня уже парки,
Сонъ вѣчный смыкаетъ тяжелыя вѣки!..
Прощай! Вновь иду я въ обитель тьмы вѣчной,
Къ тебѣ простираю упавшія руки!
Увы, не могу я, Орфей, быть твоею!..»
Сказала и тотчасъ какъ дымъ унеслася
И въ воздухѣ скрылась. Напрасно желаетъ
Орфей дорогую тѣнь вызвать въ объятья,
Напрасно желаетъ и голосъ услышать.
Съ тѣхъ поръ Евридика уже не видала
Во вѣки Орфея; къ тому-жъ, перевозчикъ

Харонъ не позволилъ ему переѣхать
Еще разъ чрезъ рѣку, которая смертнымъ
Служила преградой. Что дѣлать? Два раза
Лишившись супруги, какими слезами
Могъ тронуть онъ тѣни? Какою мольбою
Склонить къ состраданью всѣ адскія силы?
Межъ тѣмъ Евридика, вновь ставшая тѣнью
Безъ всякаго чувства, плыла уже къ Стиксу.
Есть слухъ, что онъ цѣлыхъ семь мѣсяцевъ прожилъ
Одинъ среди лѣса, сидя при подошвѣ
Скалы колоссальной, на берегѣ голомъ
Потока Стримона. Онъ плакалъ и тутъ-же
Въ плѣнительныхъ звукахъ несъ жалобы эти
По рощамъ и камнямъ, и звукъ его лиры
Расплавливалъ камни и тигровъ свирѣпыхъ —
Овечками дѣлалъ, и даже деревья
Уныло качали своими вѣтвями.
Такъ точно подъ тѣнью деревъ Филомела
Малютокъ все ищетъ, которыя были
Взяты нтицеловомъ, гнѣздо разорившимъ,
Межъ тѣмъ какъ малютки ея только пухомъ
Слегка покрывались... Ночь цѣлую плачетъ
Въ тоскѣ Филомела и, сѣвши на вѣтку,
Она начинаетъ вновь горькую пѣсню,
И пѣсня несется далеко, далеко...
Онъ вновь не увлекся ни страстью, ни бракомъ:
Убитое сердце любовь отвергало, —
Одинъ совершенно блуждалъ по снѣгамъ онъ,
Въ предѣлахъ Борея—въ глуши Танаида,
Вблизи горъ Рифейскихъ, покрытыхъ туманомъ,
Вездѣ проливалъ онъ горячія слезы,
Вездѣ все искалъ онъ свою Евридику,
Съ тоской вспоминая о дарѣ Плутона,
Ему измѣнившемъ. Ѳракійскія жены,
Принявшія къ сердцу холодность Орфея,
Среди самыхъ таинствъ въ честь Бахуса-бога,
Его разорвали на мелкія части,

Разсѣявши члены по чистому полю.
Языкъ-же Орфея, совсѣмъ замирая,
Несясь, съ головою, по быстрому Эбро,
Твердилъ безпрестанно: «Гдѣ ты, Евридика?»
«Откликнись-же, гдѣ ты, моя Евридика?»
Твердилъ вздохъ послѣдній; прибрежное эхо
Съ тоской повторило: «Гдѣ ты, Евридика?..»
Сказавши все это, Протей погрузился
Вновь въ бездну морскую, и волны, отпрянувъ,
Сошлися кругами. Кирена на помощь
Является къ сыну, его утѣшаетъ
Такими словами: «Мой сынъ, не печалься,
Изъ сердца страхъ вырви. Ты знаешь причину
Своихъ всѣхъ несчастій. Тѣ самыя нимфы,
Которыя были въ лѣсу съ Евридикой,
Наслали болѣзни на всѣхъ твоихъ пчелокъ.
Ступай, принеси имъ подарки и жертвы,—
Моли о прощеньи, молися усердно
Ты нимфамъ-напеямъ: навѣрно, услышатъ
Онѣ тѣ моленья, и нимфъ раздраженныхъ
Гнѣвъ грозный минуетъ. Но прежде узнай ты,
Какъ должно взывать къ нимъ. Въ стадахъ твоихъ, кои
Питаешь на высяхъ зеленыхъ Ликэя,
Возьми четырехъ ты бычковъ самыхъ лучшихъ
И столько-жъ телушекъ, ярма не носившихъ;
Четыре ты храма воздвигни въ честь нимфамъ,
Избранныхъ животныхъ зарѣжешь имъ въ жертву,
А трупы оставишь подъ тѣнью древесной.
Когда въ день девятый проглянетъ Аврора
Съ высей горизонта, предложишь вѣтвь маку
Въ честь тѣни Орфея, какъ символъ забвенья;
Съ почтеніемъ будешь взывать къ Евридикѣ,
Ей въ жертву принесши телицу; потомъ ты
Зарѣжь еще овцу, всю черную цвѣтомъ,
И, сдѣлавъ все это, ступай прямо въ рощу!»
Аристэй исполнилъ совѣты Кирены.
Онъ храмы воздвигнулъ, привелъ туда жертвы,—

Двѣ пары красивыхъ быковъ и телушекъ,
Ярма не носившихъ. Потомъ, при девятой
Зарѣ, онъ приноситъ въ честь тѣни Орфея
Вѣтвь пышную мака и входитъ самъ въ рощу,
Какъ вдругъ—кто повѣритъ?—изъ нѣдръ жертвъ истлѣвшихъ,
Жужжа, вылетаютъ тьмы роевъ пчелиныхъ,
Которые, тучей поднявшись на воздухъ,
Повисли тотчасъ-же какъ спѣлыя кисти
На самой вершинѣ могучихъ деревьевъ,
Къ землѣ преклонивши ихъ гибкія вѣтви.

И. Сосницкій.

III. ИЗЪ «ЭНЕИДЫ».

1. Разрушеніе Трои.

Всѣ молчатъ, устремивъ на Энея внимательны лица.
Съ ложа высокаго такъ начинаетъ Эней-прародитель:
«О царица, велишь объявить несказанное горе,
Какъ погибла Троя, какъ Пріамово царство
Греки низринули, все, чему я плачевный свидѣтель,
Все, чего я былъ главная часть... Повѣствуя объ этомъ,
Кто—мирмидонъ-ли, долопъ-ли, свирѣпый-ли ратникъ Улисса—
Слезъ не прольетъ! Но влажная ночь уже низлетѣла
Съ тихаго неба; ко сну приглашаютъ сходящія звѣзды...
Если-жъ толь сильно желаніе слышать о нашихъ страданьяхъ,
Слышать о страшномъ послѣднемъ часѣ разрушенной Трои:
Сколь ни тяжко душѣ вспоминать о бѣдахъ толь великихъ,
Я повинуюсь. Войной утомленны, отвержены рокомъ,
Столько напрасно утративши лѣтъ, полководцы данаевъ
Хитрымъ искусствомъ небесной Паллады коня сотворили,
Дивно огромнаго,—плотныя ребра изъ крѣпкія сосны—
Въ жертву богамъ, при отплытіи (такъ молва разгласила).
Тутъ избранныхъ мужей, назначенныхъ жребіемъ, тайно
Скрыли они въ пространныя нѣдра чудовища; полно
Сдѣлалось чрево громады одѣянныхъ бронею ратныхъ.

[illegible]
[illegible]
[illegible]

Юношу, руки ему на хребетъ заковавши, къ Пріаму
Силой влекутъ. Онъ самъ, невѣдомый имъ, замышляя
Хитрость и средство ахэянъ впустить въ Иліонъ, произвольно
Предалъ себя, отважный, на все готовый заранѣ:
Козни-ль свои совершить, иль вѣрною смертью погибнуть.
Жадно троянскіе бросились юноши грека увидѣть,
Стали кругомъ и спорятъ другъ съ другомъ, чтобъ плѣннымъ ругаться...
Свѣдай-же хитрость ахэянъ, въ злодѣйствѣ единомъ
Всѣхъ ихъ узнай!
Стоя одинъ, посреди толпы, смятенъ, безоруженъ,
Робко водилъ онъ кругомъ недовѣрчивый взоръ; напослѣдокъ:
«О, какая земля, какое море», воскликнулъ,
«Примутъ меня, и что мнѣ теперь несчастливцу осталось?—
Мѣста межъ греками нѣтъ, а здѣсь раздраженная Троя,
Полная праведной мести, погибелью мнѣ угрожаетъ!..»
Жалоба плѣнника тронула наши сердца; замолчало
Буйство толпы. Вопрошаемъ,—какой онъ породы, откуда,
Что намѣренъ начать, за что судьбу упрекаетъ,
Бремя страха сломивши, Пріаму отвѣтствовалъ плѣнникъ:
«Чтобъ ни случилось, о царь, ничего не сокрою. Во-первыхъ,
Родомъ я грекъ, не таюсь. Синонъ, быть можетъ, несчастенъ,—
Воля судьбы!—но коварнымъ лжецомъ никогда онъ не будетъ.
Вѣрно, молва донесла до тебя знаменитое имя,
Вѣрно, слыхалъ о дѣлахъ Паламеда, Белова сына;
Славный вождь, но безвинно, по злымъ наущеньямъ пеласговъ,
Только за то, что войны не оправдывалъ, преданный смерти,
Нынѣ-же, свѣта лишенный, отъ нихъ-же свирѣпыхъ оплаканъ.
Сродникъ его, мой убогій отецъ, его попеченьямъ
Въ юности ввѣрилъ меня, снарядивъ на войну, и, доколѣ
Былъ почтенъ Паламедъ, засѣдая съ вождями въ совѣтѣ,
Былъ и я не безъ имени, было и мнѣ уваженье.
Но съ тѣхъ поръ, какъ палъ онъ жертвой Улиссовой злобы,
Тяжкую жизнь во мракѣ печальномъ влачилъ я, безплодно
Въ сердцѣ своемъ негодуя на гибель невиннаго друга.
О безразсудный! Я не смолчалъ, но смѣло грозился
Мстить за него, лишь только-бъ въ Аргосъ возвратиться съ побѣдой
Боги велѣли!.. Угрозы мои раскалили ихъ злобу.

Съ этой минуты бѣды за бѣдами. Улиссъ неусыпно,
Самъ виноватый, меня обвинялъ во зломышленьяхъ, коварно
Сѣялъ навѣты въ толпѣ и губилъ меня клеветами.
Прежде не могъ успокоиться онъ, доколѣ Калханта...
Но почто продолжать безполезно прискорбную повѣсть?..
Что прибавлю? Когда вамъ всѣ греки равно ненавистны,—
Вѣдать довольно: я грекъ; поражайте меня, вы Улиссу
Тѣмъ угодите, и щедро за то наградятъ васъ Атриды»...
Чужды сомнѣнья, не зная всего вѣроломства пеласговъ,
Мы, любопытствомъ горя, вопрошать продолжаемъ Синона.
Снова началъ онъ робкую рѣчь съ лицемѣрнымъ смиреньемъ:
«Долгой осадой наскучивъ, безплодной войной утомленны,
Греки не разъ отъ упорныя Трои бѣжать замышляли,—
О, почто сего не свершилось! Но бури отъ моря
Часто имъ путь заграждали, и южный вѣтеръ страшилъ ихъ.
Съ той-же поры, какъ построенъ былъ конь сей изъ брусьевъ сосновыхъ,
Грозы съ небесъ не сходили, и ливень шумѣлъ непрестанно.
Въ трепетѣ, Еврипила узнать, что̀ велитъ намъ оракулъ,
Въ Дельфы послали. Съ ужаснымъ отвѣтомъ онъ возратился:
Греки, плывя къ Иліону, кровію дѣвы закланной
Вѣчныхъ склонили боговъ даровать имъ вѣтеръ попутный:
Крови аргосскаго мужа и нынѣ, за вѣтеръ возвратный,
Требуетъ небо... Едва разнеслось прорицанье въ народѣ,
Всѣ возмутились умы, сердца охладѣли, и трепетъ
Кости проникнулъ. Кому-же жребій? Кто Фэбова жертва?
Съ шумомъ тогда Улиссъ ухищренный Калханта-пророка
Силой привлекъ предъ народъ, да откроетъ волю безсмертныхъ.
Многіе тутъ-же, зная Улисса, мнѣ предсказали
Умыселъ злой на меня и ждали въ смятеньи, что̀ будетъ.
Десять дней прорицатель молчалъ и, таясь, отрекался
Жертву назвать и слово изречь, предающее смерти.
Но, наконецъ, приневоленъ докучнымъ Улиссовымъ воплемъ,
Онъ произнесъ... то было мое несчастное имя!
Всѣ одобрили выборъ, и всякъ за себя трепетавшій
Радъ былъ, что грозное всѣмъ — одному обратилось въ погибель.
День роковой наступалъ; меня ужъ готовили въ жертву;
Были готовы и соль, и священный пирогъ, и повязка

Мнѣ ужъ чело украшала... Но я — не скрою — разрушилъ
Цѣпи, скрылся въ болотѣ, чтобъ они, поднявъ паруса удалились...
Нѣтъ теперь мнѣ надежды отчизну древнюю видѣть!..
Вѣчно милыхъ родныхъ и отца желаннаго вѣчно
Я не увижу! Быть можетъ, и то, что ихъ-же, невинныхъ,
Мнѣ взамѣну, за бѣгство мое убійцы погубятъ...
О, всевышними, зрящими вѣчную правду богами,
О, правотой неизмѣнною,— если еще сохранилась
Гдѣ на землѣ правота — молю: яви сожалѣнье
Бѣдному мнѣ и тронься на мой незаслуженный жребій!»
Мы, сострадая, скорбѣли надъ нимъ, проливающимъ слезы.
Самъ благодушный Пріамъ повелѣлъ тяготящія узы
Съ плѣнника снять и ему съ утѣшительной ласкою молвилъ:
«Кто-бы ты ни былъ, забудь о своихъ непріязненныхъ грекахъ! —
Нашъ ты теперь! Ободрись и друзьямъ откровенно повѣдай,
Что̀ знаменуетъ громадный сей конь? На что̀ онъ воздвигнутъ?
Кѣмъ? Приношеніе-ль богу какому? Орудіе-ль брани?».
Такъ Пріамъ вопрошалъ, и полный коварства пеласговъ
Плѣнникъ, поднявши къ священному небу свободныя руки:
«Вы, свѣтила небесныя, вы, надзвѣздные боги,
Васъ призываю», воскликнулъ, «васъ, отъ которыхъ бѣжалъ я,—
Жертвенный ножъ, алтарь, роковая повязка! Отнынѣ
Я навсегда разорвалъ ненавистныя съ греками узы:
Греки враги мнѣ; свободно открою троянамъ ихъ тайны,—
Чуждый отчизнѣ, я чуждъ навсегда и законамъ отчизны.
Ты-же мнѣ данный обѣтъ сохрани, сохраненная Троя,
Если тебѣ во спасенье великую истину молвлю.
Всѣхъ упованій подпорой, надежной помощницей въ битвахъ,
Грекамъ Паллада была искони; но съ тѣхъ поръ, какъ преступный
Сынъ Тидеевъ и съ нимъ Улиссъ, вымышлятель коварныхъ
Козней, изъ храма палладіумъ, стражей высокаго замка
Смерти предавъ, унесли и рукой отъ убійства кровавой
Дѣвственно-чистыхъ богини одеждъ прикоснуться дерзнули,—
Кончилась наша довѣренность къ ней; охладѣла надежда;
Сила упала; отъ насъ отконилась богиня, и зрѣлись
Явные знаки гнѣва Тритоны: лишь только во станѣ
Былъ утвержденъ похищенный идолъ, ожившія очи

Вдругъ ослѣпительнымъ блескомъ зажглись; по членамъ соленый
Потъ проступилъ, и трикраты — о страшное чудо! — богиня,
Прянувъ, воздвигнула щитъ и копьемъ потрясла, угрожая.
Намъ устрашеннымъ Калхантъ не медля совѣтуетъ бѣгство.
«Троѣ не пасть отъ аргивскія силы», прорекъ онъ, «иль снова
Греки должны вопросить оракулъ въ Аргосѣ и, моремъ,
Взятый въ отчизну палладіумъ вновь привезти къ Иліону».
Знайте-жъ: теперь, переплывши въ Аргосъ съ благовѣющимъ вѣтромъ,
Рать и сопутныхъ боговъ они собираютъ, чтобъ снова
Вслѣдъ за Калхантомъ войной на Пергамъ неожиданной грянуть.
Въ даръ-же богамъ за палладіумъ, въ честь оскорбленной Тритоны
Ими воздвигнутъ сей идолъ, чтобъ ихъ святотатство загладить;
Самъ Калхантъ повелѣлъ, чтобъ конь сей чудовищный созданъ
Былъ изъ крѣпкихъ досокъ и высился ростомъ огромнымъ
Къ небу, дабы не пройти во врата и не стать, въ Иліонѣ,
Грозной защитой народу, по древнимъ сказаніямъ предковъ.
Вѣдай-же, Троя: когда оскорбите святыню Минервы,
Гибель великая — о, да обрушатъ ее на Калханта
Праведны боги! — постигнетъ Пріамовъ престолъ и фригіянъ;
Если-же сами коня возведете во внутренность града:
Нѣкогда Азія стѣны Пелопсовы сильной оступитъ
Ратью, и нашихъ потомковъ постигнетъ мстящая гибель».
Боги, боги! Притворнымъ рѣчамъ вѣроломца-Синона
Жадно повѣрили мы, и тѣ, кого ни Тидеевъ
Сынъ, ни Ахиллъ ѳессаліецъ, ни десять лѣтъ непрерывной
Брани, ни тысяча ихъ кораблей покорить не умѣли, —
Тѣ единому слову, одной слезѣ покорились!
Тутъ явилось другое неслыханно-страшное чудо
Нашимъ очамъ и вселило въ сердца неописанный трепетъ.
Лаокоонъ, Нептуновъ избранный жрецъ, всенародно
Тучнаго богу вола приносилъ передъ храмомъ на жертву, —
Вдругъ, четой отъ страны Тенеда, по тихому морю
(Вспомнивъ о томъ, трепещу!) два змѣя, возлегши на воды,
Рядомъ плывутъ и медленно тянутся къ нашему брегу;
Груди изъ волнъ поднялись; надъ водами кровавые гребни
Дыбомъ; глубокій, излучистый слѣдъ за собой покидая,
Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаясь, вздымаются спины;

Пѣняся, влага подъ ними шумитъ; всползаютъ на берегъ;
Ярконалитые кровью глаза и рдѣютъ, и блещутъ;
Съ свистомъ проворными жалами лижутъ разинуты пасти.
Мы, поблѣднѣвъ, разбѣжались. Чудовища прянули дружно
Къ Лаокоону и, двухъ сыновъ его малолѣтнихъ
Разомъ настигнувъ, скрутили ихъ тѣло и, жадные втиснувъ
Зубы имъ въ члены, загрызли мгновенно обоихъ; на помощь
Къ дѣтямъ отецъ со стрѣлами бѣжитъ; но змѣи, напавши
Вдругъ на него и спутавшись крѣпкими кольцами, дважды
Чрево и грудь и дважды выю ему окружили
Тѣломъ чешуйчатымъ и грозно надъ нимъ поднялись головами.
Тщетно узлы разорвать напрягаетъ онъ слабыя руки—
Черный ядъ и пѣна текутъ по священнымъ повязкамъ.
Тщетно, терзаемъ, пронзительный стонъ къ звѣздамъ онъ подъемлетъ.
Такъ, отряхая топоръ, невѣрно въ шею вонзенный,
Бѣсится волъ и реветъ, оторвавшись отъ жертвенной цѣпи...
Быстро вiясь, побѣжали по храму высокому змѣи;
Тамъ, достигши святилища гнѣвной Тритоны, припали
Мирно къ стопамъ божества и подъ щитъ улеглися огромный.
Всѣмъ намъ тогда предвѣщательный ужасъ глубоко проникнулъ
Въ сердце; въ трепетѣ мыслимъ: достойно былъ дерзкiй наказанъ
Лаокоонъ, оскорбитель святыни, копьемъ святотатнымъ
Нѣдра пронзившiй коню, посвященному чистой Палладѣ...
«Ввесть коня въ Iлiонъ! Молить о пощадѣ Палладу!»
Весь народъ возопилъ...
Стѣны поспѣшно пронзаемъ; разломаны града твердыни;
Всѣ на работу бѣгутъ: подъ коня подкативши колеса,
Ставятъ громаду на нихъ и, шею канатомъ опутавъ,
Тянутъ... Шатнулось чудовище; воиновъ полное, въ городъ
Медленно движется; юноши вкругъ и безбрачныя дѣвы
Гимны поютъ и тѣснятся, чтобъ вервей коснуться руками...
Вдвинулся конь и идетъ, угрожающiй, стогнами Трои...
О отчизна! О градъ боговъ, Iлiонъ! О во брани
Славныя стѣны дарданскiя!.. Трижды въ воротахъ громада
Остановилась; трижды внутри зазвучало желѣзо...
Мы-жъ, ослѣпленные, разумъ утративъ, не зримъ и не слышимъ...
Въ замокъ Пергама введенъ, наконецъ, истуканъ бѣдоносный.

Тутъ Кассандра, безъ вѣры внимаема нами, напрасно
Вѣщій языкъ разрѣшила, чтобъ намъ предсказать о грядущемъ.
Мы, слѣпцы, для которыхъ сей день былъ послѣдній, цвѣтами
Храмы боговъ украшали, спокойно по стогнамъ ликуя...
Небо, тѣмъ временемъ, кругъ совершило, и ночь налетѣла
Съ моря, и землю, и твердь, и обманъ мирмидонянъ объемля
Тѣнью великой... По граду безпечно разсыпались тевкры.
Всѣ умолкнули: сонъ обнималъ утомленные члены.
Тою порой отъ береговъ Тенедоса фалангу аргивянъ
Строемъ несли корабли, въ благосклонномъ безлунія мракѣ,
Прямо къ знакомымъ брегамъ, и, лишь только подъ царской кормою
Вспыхнуло пламя, — судьбою боговъ намъ враждебныхъ хранимый
Тихо сосновыя двери замкнутымъ въ громадѣ данаямъ
Отперъ коварный Синонъ. Растворившися, грековъ на воздухъ
Конь возвратилъ. Спѣшатъ изъ душнаго мрака темницы
Выйти вожди: Стенелъ и Тессандръ и Улиссъ кровожадный,
Смѣло по верви скользя, и за ними — Тоантъ съ Акамантомъ,
Внукъ Пелеевъ, Неоптолемъ, Махаонъ, напослѣдокъ,
Самъ Менелай и съ нимъ громады создатель — Епеосъ.
Быстро напали на сонный, виномъ обезумленный городъ.
Стража изрѣзана; твердыя сбиты врата, и, на встрѣчу
Ждущимъ у входа вождямъ, мирмидоняне хлынули въ Трою.
Было то время, когда на усталыхъ сходить начинаетъ
Первый сонъ, боговъ благодать, успокоитель сладкій.
Вдругъ... мнѣ, заснувшему, видится, будто Гекторъ печальный
Сталъ предо мной, проливая обильно горькія слезы,
Тотъ-же, какимъ онъ являлся конями размыканный, — черенъ.
Пылью кровавой, истерты ремнями опухшія ноги.
Горе!.. Такимъ-ли видалъ я его! Какъ былъ несходенъ
Съ Гекторомъ прежнимъ, гордо бѣгущимъ въ Ахилловой бронѣ
Иль запалившимъ фригійскій пожаръ въ корабляхъ супостата! —
Всклочена густо брада; отъ крови склеилися кудри;
Тѣло истерзано ранами, нѣкогда вкругъ иліонскихъ
Стѣнъ полученными. Самъ, заливаясь слезами, казалось,
Такъ во снѣ я привѣтствовалъ Гектора жалобной рѣчью:
«О свѣтило Дарданіи! Вѣрная Трои надежда!
Гдѣ такъ долго ты медлилъ? Гекторъ желанный, откуда

Нынѣ пришелъ ты? О, сколь-же ты насъ, по утратѣ толикихъ
Храбрыхъ друзей, по толикихъ бѣдствіяхъ гражданъ и града,
Сердцемъ унылыхъ обрелъ? И что недостойное свѣтлый
Образъ твой затемнило? Откуда толикія раны?..»
Онъ—ни слова; безплоднымъ вопросамъ онъ не далъ вниманья,
Но, протяжный, тяжелый вздохъ исторгнувъ изъ груди,
Молвилъ: «Бѣги, сынъ богини, спасайся! Пергамъ погибаетъ,—
Врагъ во градѣ... Падаетъ Троя... Пріаму, отчизнѣ
Мы отслужили! Когда-бы отъ смертной руки для Пергама
Было спасенье,—Пергамъ-бы спасенъ былъ этой рукою:
Троя пенатовъ своихъ тебѣ повѣряетъ, прими ихъ
Въ спутники жизни; для нихъ завоюй обреченныя небомъ
Стѣны державныя, ихъ-же воздвигнешь, исплававши море!»
Кончилъ—и вынесъ изъ тайны святилища утварь, повязки,
Вѣчно пылающій огнь и ликъ всемогущія Весты.
Тою порою по граду шумя, разливалася гибель.
Болѣ и болѣ—хотя въ сторонѣ, хотя одинокъ и не пышенъ,
Домъ Анхиза-родителя сѣнью закрытъ былъ древесной,—
Шумъ приближался; явственнѣй слышно волненіе брани...
Я очнулся и ложе покинулъ, на верхнюю кровлю
Дома взбѣжалъ и стою, внимательнымъ слушая ухомъ.
Такъ, когда, раздуваемый бурей, свирѣпствуетъ пламень
Въ жатвѣ, иль ливнемъ потокъ наводненный, съ горы загремѣвши,
Губитъ поля и веселыя нивы, и трудъ земледѣльца,
Съ корнями рветъ и уноситъ деревья: съ вершины утеса,
Въ смутномъ невѣдѣньи, силится къ шуму прислушаться пастырь.
Все мнѣ тогда—и видѣнія тайна, и козни данаевъ,
Вдругъ объяснилось.
Уже домъ Деифобовъ горитъ и огромной
Грудой развалинъ, дымящійся, падаетъ; съ нимъ пламенѣетъ
Укалегоновъ, и заревомъ блещутъ сигэйскія воды;
Слышны и крики людей, и звонкой трубы дребезжанье.
Я какъ безумный—за мечъ... Но куда съ мечемъ обратиться?..
Рвусь съ нетерпѣньемъ дружину созвать, чтобъ броситься въ замокъ:
Ярость и бѣшенство душу стремительно мчатъ, и погибнуть
Смертью прекрасной въ бою съ тоскою мучительной жажду.
Вдругъ явился Пантесъ, убѣжавшій отъ копій ахэйскихъ,

Старецъ Пантесъ Отріадъ и въ замкѣ жрецъ Аполлоновъ.
Утварь и лики боговъ побѣжденныхъ похитивъ, младого
Внука онъ влекъ за собой и безпамятенъ мчался къ Анхизу.
«Есть-ли надежда, Пантесъ? Уцѣлѣли-ль замка твердыни?»
Я вопросилъ. Отчаяннымъ стономъ отвѣтствовалъ старецъ:
«День послѣдній насталъ; неизбѣжное время настало
Царству. Мы были трояне, былъ Иліонъ, и великой
Тевкріи слава была... на аргивянъ жестокій Юпитеръ
Все перенесъ; господствуютъ греки въ пылающемъ градѣ;
Гибельно высясь надъ площадью замка, ратниковъ сонмы
Конь извергаетъ; Синонъ, торжествуя, пожарное пламя
Тщится усилить; тамъ — непрестанно двумя воротами
Войска безчисленны входятъ, какихъ не видали Микены;
Здѣсь — захвативши тѣсные входы, сильная стража
Сдвинула копья, и грозно, вонзится готовое, блещетъ
Ихъ остріе; безнадежно, разстроенной, слабой дружиной,
Бьются привратные воины, силясь напрасно отбиться».
Страшною вѣстью Панта и силой безсмертныхъ влекомый,
Я побѣжалъ, куда призывали Эриннисъ и шумный
Говоръ сраженья, и пламень, и стонъ, ко звѣздамъ восходящій.
Слѣдомъ за мною,— Рипей и зрѣлый мужествомъ Епитъ;
Къ намъ пристали, при блескѣ пожара, Димантъ съ Гипаномъ,
Къ намъ и Корэбъ Мигдонидъ, въ Иліонъ приведенный судьбою
За день предъ тѣмъ, горящій безумной къ Кассандрѣ любовью,
Съ вѣрной помощью къ тестю Пріаму и Троѣ... Несчастный! —
Купно съ другими, вѣщимъ рѣчамъ вдохновенной невѣсты
Онъ не повѣрилъ...
Я-же, ихъ видя рѣшительныхъ, жаждущихъ боя, воскликнулъ:
«Юные други! Сердца, толь напрасно безстрашныя нынѣ!
Если, отважась на все, испытать вы со мною готовы
Силы послѣдней (что-же фортуна рѣшила, вы зрите:
Наши святилища бросили, наши покинули храмы
Боги-хранители Трои; святой Иліонъ исчезаетъ
Дымомъ), на смерть побѣжимъ, ударимъ въ средину оружій.
Други, спасенья не ждать — одно побѣжденнымъ спасенье!»
Вспыхнула бодрая младость. Подобно какъ въ темномъ туманѣ
Рыщутъ, почуя добычу, гонимые бѣшенствомъ глада,

Хищные волки, и, пасти засохшія жадно разинувъ,
Ихъ волчата ждутъ въ логовищахъ: сквозь копья и сонмы
Такъ на погибель ударились мы, пролагая въ средину
Города путь, облетаемы ночи огромною тѣнью...
Ночь несказанная! Гдѣ слова для ея разрушеній?
Кто и какими слезами такую погибель оплачетъ?
Падаетъ древній градъ, многолѣтній властитель народовъ;
Всюду разбросаны трупы; лежатъ неподвижно во прахѣ
Улицъ, на прагахъ домовъ, при дверяхъ, во святилищахъ храмовъ.
Но не одну безотчетную смерть принимаетъ троянецъ,—
Часто горитъ въ побѣжденномъ привычная бодрость, и гибнетъ
Грекъ побѣдитель... Вездѣ, отовсюду являются взору
Ужасъ и бой, и кровавая смерть въ неисчисленныхъ видахъ...
Первый изъ грековъ, дружиною встрѣченный нашей на стогнахъ,
Былъ Андрогей. Въ обманчивомъ сумракѣ ночи пріемля
Насъ за данаевъ союзныхъ, онъ такъ дружелюбно воскликнулъ:
«Братья, спѣшите! Гдѣ-же такъ долго васъ задержала
Праздная лѣнь?—Давно расхищаютъ горящую Трою
Греки, а вы едва съ кораблями разстаться успѣли!..»
Такъ онъ сказалъ, но, узрѣвъ безотвѣтную нашу суровость,
Вмигъ догадался, кто передъ нимъ, отскочилъ и умолкнулъ,
Скованный страхомъ. Какъ путникъ, змѣю разбудившій ногою,
Трепетенъ рвется назадъ, узрѣвъ, какъ она, развернувшись,
Гнѣвъ воздымаетъ и свищетъ, поднявъ чешуи голубыя:
Такъ, задрожавши, отъ насъ побѣжалъ Андрогей—но напрасно!
Мы за нимъ, разорвали ихъ строй, и, не вѣдая града,
Вдругъ осажденные страхомъ, внезапностью, ночью и нами,
Всѣ до единаго пали враги. Улыбнулась фортуна
Первому нашему бою. Корэбъ, воспаленный удачей,
«Други», воскликнулъ, «отважимся ввѣриться первому счастью!
Намъ благосклонно судьба указуетъ нашъ путь; облачимся
Въ брони данаевъ, щиты перемѣнимъ, обманомъ иль силой—
Все равно для врага. И нынѣ оружіе сами
Греки троянамъ дадутъ».
Сказалъ и надѣлъ Андрогеевъ
Гривистый шлемъ, завоеванный щитъ надвинулъ на шуйцу,
Греческій мечъ утвердилъ—на бедрѣ. Ему подражая,

Бодро Димантъ и Рипей, и вся молодая дружина
Свѣжей добычей оружій себя ополчила. Въ средину
Грековъ бѣжимъ... Но боги отчизны были не съ нами.
Подвиговъ много, врагами неузнаны, въ сумракѣ ночи,
Мы совершили; много данаевъ низринуто въ Оркусъ.
Въ страхѣ, одни къ кораблямъ, къ безопасному берегу моря,
Мчатся изъ града; иныхъ загоняетъ постыдная робость
Въ нѣдра коня, и пріемлетъ ихъ снова знакомое чрево.
Но... богамъ отвратившимся, поздно ввѣряться надеждѣ!..
Вдругъ изъ храма Паллады влекутъ за власы распущенны
Вырвавъ ее изъ святилища, дочь Пріама Кассандру,
Къ темному небу напрасно подъемлющу пламенны очи—
Очи одни: окованы были невинныя руки...
Страшнаго вида сего не стерпѣло сердце Корэба;
Онъ обезумленный,—прямо въ средину толпы ихъ, и, сдвинувъ
Груди и копья, мы дружно за нимъ; но плачевно-ужасный
Бой тогда закипѣлъ: трояне, обмануты видомъ
Нашихъ греческихъ латъ и сверканіемъ шлемовъ косматыхъ,
Съ кровли высокаго храма пустили въ насъ тучею стрѣлы;
Стонъ пораженныхъ намъ измѣнилъ; на Кассандрины вопли
Бросился врагъ. Мы всѣ опрокинуты; съ бурнымъ Эантомъ
Оба явились Атрида — за ними толпами данаи...
Такъ, подымаясь крутящимся вихремъ, сшибаются вѣтры,
Нотъ и зефиръ, и на легкихъ несомый коняхъ отъ востока
Евръ, и бушуютъ лѣса, и Нерей опѣненнымъ трезубцемъ
Бьетъ по водамъ, и до самаго дна содрогается море.
Скоро и греки, испуганы мракомъ ночнымъ и по граду
Нашей дружиной разсѣяны, вышли изъ тайныхъ убѣжищъ,
Первые насъ по щитамъ и обманчивымъ бронямъ узнали,
Вслушались въ наши слова и чужіе замѣтили звуки.
Множество насъ задавило. Первый мечемъ Пенелея
Палъ Корэбъ предъ святымъ алтаремъ броненосной Паллады;
Палъ и Рипей, изъ троянъ непорочнѣйшій, правды блюститель
(Иначе боги судили о немъ); Димантъ съ Гипанисомъ
Пали отъ копій—троянскихъ; ни Фэбова риза, ни святость
Чистыя жизни тебя не спасли, о Пантъ благодушный!
Прахъ Иліона, всѣ блага мои поглотившее пламя,

Васъ призываю!—Вы зрѣли, что я не чуждался ни копій
Вражьихъ, ни славы врага, и, когда-бы назначилъ мнѣ жребій
Пасть,—я паденье свое заслужилъ. Но изъ битвы, (за мною
Ифитъ одинъ съ Пеліасомъ, Ифитъ, уже отягченный
Дряхлостью лѣтъ, Пеліасъ умирающій, раненъ Улиссомъ)
Я устремился на стонъ, огласившій чертоги Пріама.
Тамъ всѣ ужасы брани стеклися: какъ будто во градѣ
Не было битвы иной и нигдѣ никого не разили,—
Тамъ свирѣпствовалъ Марсъ: такъ бѣшено греки рвалися
Въ замокъ и, сдвинувъ щиты черепахой, на входъ напирали.
Множествомъ лѣстницъ унизаны стѣны; вверхъ по ступенямъ
Лѣзутъ данаи, шуйцей щиты надъ главами подъ копья
Наши подставивъ, десной—за вершины ограды хватаясь;
Тевкры, готовя отпоръ, разоряютъ и башни, и домы,
Вмѣсто оружій сбираютъ обломки съ намѣреньемъ грознымъ—
Въ битвѣ отчаянной ими врага раздавить, погибая.
Съ шумомъ державнаго дома царей позлащенны убранства
Падаютъ. Мечъ обнаживши, другіе, у вратъ осажденныхъ
Тѣсной дружиной столпясь, ограждаютъ святилище прага.
Взорванный гнѣвомъ, стремлюсь на защиту Пріамова дома,
Ратныхъ усилить и бодраго духа придать побѣжденнымъ.
Были сокрытыя двери въ стѣнахъ высокаго замка,
Ходъ потаенный изъ внѣшняго града въ царево жилище.
Часто, во дни благоденствія Трои, ко свекру Пріаму
Онымъ путемъ Андромаха несчастная тайно ходила,
Взоръ престарѣлаго дѣда порадовать внукомъ цвѣтущимъ.
Онымъ путемъ пробираюсь къ тому возвышенью, откуда
Тщетно послѣднія стрѣлы на грековъ бросали трояне.
Тамъ возвышалась стремнистая башня, весь градъ перевыся;
Съ кровли ея неприступной видимы были вся Троя,
Всѣ корабли мирмидонянъ, весь греческій станъ отдаленный.
Тамъ, гдѣ она со стѣны висѣла громадою всею
Грозно надъ градомъ, какъ туча, мы острымъ желѣзомъ подрыли
Сплоченны камни и двинули башню... Гремя и дымяся,
Вдругъ она повалилась и страшной развалиной пала
Вся на грековъ. Погибшихъ смѣнили другіе, и градомъ
Стрѣлы, копья и камни опять полетѣли.

Всѣхъ опредя, напиралъ на преддверіе Пирръ бѣдоносный,
Грозенъ, какъ пламенный,—мѣдной броней и стрѣлами сіяя.
Такъ на солнцѣ змѣя, напитавшися ядомъ растеній,
Долго лежавъ неподвижно надъ тягостнымъ холодомъ снѣга,
Вдругъ, чешуи обновивъ, расправляетъ красы молодыя,
Скользкій волнуетъ хребетъ, золотистую грудь надуваетъ,
Вьется въ лучахъ и жаломъ тройнымъ, разыгравшися, блещетъ.
Съ нимъ великанъ Перифантъ и правитель Ахилловыхъ коней
Оруженосецъ Автомедонтъ и дружина скиріянъ
Шумно къ чертогамъ тѣснятся и пламень бросаютъ на кровли.
Самъ-же, у всѣхъ впереди, онъ огромной двуострой сѣкирой
Рушитъ затворы, съ притолокъ тяжкихъ, окованныхъ мѣдью,
Петли сбиваетъ, брусья дробитъ—и плотныя доски
Вдругъ прорубилъ: широкою щелью разинулись двери...
Видимы стали и внутренній дворъ, и ряды переходовъ,
Видима прежняя храмина прежнихъ царей и Пріама,
Видимы въ сѣняхъ и стражи, хранители царскаго прага...
Въ самомъ-же домѣ—и жалобный крикъ, и шумъ и волненье;
Звонкіе своды чертоговъ наполнивъ пронзительнымъ стономъ,
Жены рыдаютъ; къ звѣздамъ подымаетъ отчаянье голосъ.
Блѣдныя матери, бѣгая въ смутномъ безуміи страха,
Праги объемлютъ дверей и къ нимъ прилипаютъ устами.
Вдругъ вторгается Пирръ, какъ отецъ,—неизбѣжно-ужасный.
Тщетны заграды; низвергнута стража; таранъ стѣнобойный
Сшибъ ворота; расколовшись, огромныя рухнули створы;
Силѣ прочистился путь, и въ проломъ, опрокинувъ переднихъ,
Ринулся грекъ, и врагами обители всѣ закишѣли...
Менѣе грозенъ, плотину прорвавъ и разрушивши стѣну,
Съ ревомъ и съ пѣной стремится потокъ и, равнину
Шумнымъ разливомъ окрестъ затопивъ, стада и заграды
Мчитъ по полямъ. Я видѣлъ убійствомъ яримаго Пирра,
Видѣлъ обоихъ Атридовъ, дымящихся кровью въ обители царской,
Видѣлъ Гекабу и сто невѣстокъ ея, и Пріама,
Кровью своею воздвигнутый ими алтарь обагрившихъ.
Вдругъ пятьдесятъ сыновнихъ брачныхъ чертоговъ, надежда
Столькихъ внуковъ, и стѣны, добычъ многочисленныхъ златомъ
Гордыя, пали; пожаромъ забытое—схвачено грекомъ!..

Знать пожелаешь, быть можетъ, царица, что было съ Пріамомъ.
Видя паденіе града, видя пылающій замокъ,
Видя врага, захватившаго внутренность царскаго дома,
Старецъ даво позабытую броню на хилыя плечи,
Сгорбленный тяжестью лѣтъ, черезъ силу надѣлъ, безполезный
Мечъ опоясалъ и въ сонмы враговъ пошелъ на погибель.
Въ самой срединѣ царскихъ чертоговъ, подъ небомъ открытымъ,
Былъ великій алтарь; надъ нимъ многолѣтняго лавра
Сѣнь наклонялась и лики домашнихъ боговъ обнимала.
Тамъ съ дочерьми сидѣла Гекаба. Напрасно укрывшись
Робко подъ жертвенникъ,—словно какъ стая пугливая горлицъ,
Въ грозу, подъ вѣтви—кумиры безсмертныхъ онѣ обнимали.
Вдругъ царица одѣтаго бронею младости бранной
Видитъ Пріама. «Куда ты, бѣдный супругъ», возгласила,
«Что ополчило тебя? Къ чему безразсудная бодрость?—
Нынѣ, такая-ли помощь, такой-ли заступникъ Пергаму
Нужны? Пергама не спасъ-бы теперь и великій мой Гекторъ.
Съ нами останься, Пріамъ! Алтарь защититъ насъ—
Или умремъ неразлучны»...
Сказала и, руку супругу
Давши, старца съ собой посадила на мѣстѣ священномъ.
Вдругъ изъ убійственныхъ Пирровыхъ рукъ убѣжавшій Политесъ,
Сынъ послѣдній Пріама, сквозь копья, сквозь сонмища вражьи,
Вдоль переходовъ, пустыми чертогами, раненый мчится...
Быстро за нимъ сверкающій Пирръ съ неизбѣжнымъ убійствомъ
Гонится... близко... нагналъ, достигнулъ желѣзомъ... Пронзенный,
Къ лону родителей кинулся юноша въ страхѣ, предъ ними
Палъ, содрогнулся... и жизнь пролилася потоками крови!..
Тутъ закипѣло Пріамово сердце. Самъ погибая,
Онъ не стерпѣлъ столь великаго горя и гнѣвно воскликнулъ:
«О чудовище!.. Боги тебѣ, святотатный убійца,
Боги—если живетъ въ небесахъ правосудная жалость—
Мзду ниспошлютъ; по заслугѣ получишь награду, губитель,
Ты, предо мной моего растерзавшій послѣдняго сына!!
То-ли Ахиллъ, отъ тебя названьемъ «отца» поносимый,
Сдѣлалъ съ Пріамомъ-врагомъ?—Онъ, краснѣя, почтилъ униженье

Старца молящаго, далъ схоронить мнѣ бездушное тѣло
Гектора-сына и въ Трою меня отпустилъ безобидно!..»
Такъ онъ сказалъ и копье безсильное слабой рукою
Бросилъ; оно, ударяяся въ мѣдь, зазвенѣвшую глухо,
Тронуло выгибъ щита и на немъ безъ движенья повисло.
Яростно Пирръ возопилъ: «Иди-же съ покорной отсюда
Вѣстью къ Пелиду-отцу; не забудь о безславныхъ дѣяньяхъ
Пирра повѣдать ему, теперь-же умри!» Безпощадно
Онъ передъ жертвенникъ дрогнувшій старца повлекъ сѣдинами,
Шуйцу, облитую кровью сыновней, опуталъ, десницей,—
Мечъ замахнулъ и въ ребра до самой вонзилъ рукояти...
Такъ совершилася участь Пріама, такъ онъ покинулъ
Землю, зрѣвши добычей пожара Пергамъ и паденье
Трои,—нѣкогда сильный властитель народовъ, державный
Азіи царь... И великое тѣло на брегѣ пустынномъ
Нынѣ безъ чести лежитъ, обезглавлено, трупъ безымянный.

В. Жуковскій.

2. Свиданіе Энея въ Андромахой.

Скоро сокрылись отъ насъ высокія горы фэаковъ;
Мы обогнули берегъ Епира, въ хаонскую пристань
Тихо вошли и вступили въ высокій городъ Бутроту.
Чудныя вѣсти въ Бутротѣ дошли до нашего слуха,—
Будто подъ власть Гелена, Пріамова сына, подпали
Земли данайцевъ и онъ овладѣлъ ужъ Пирровымъ скиптромъ,
На Андромахѣ женился, бывшей въ замужствѣ за Пирромъ.
Такъ Андромаха вышла опять за троянскаго мужа.
Я изумился, услышавъ это; мнѣ очень хотѣлось
Видѣть Гелена, узнать о чудесныхъ его приключеньяхъ.
Бросивъ у пристани флотъ, я къ городу путь свой направилъ.
Въ это время, близъ самаго города, въ тѣнистой рощѣ,
Тамъ, гдѣ Симоентъ новый по нивѣ бѣжалъ, Андромаха
Пиръ похоронный свершала и жертвы обрядъ погребальный
Пепламъ несчастнаго Гектора; звала усопшія тѣни
Передъ могилой его. На могилѣ зеленыя вѣтви,
Два алтаря—въ сторонѣ, причина столькихъ рыданій.
Видя меня и кругомъ отрядъ молодежи троянской,

Видя сверканье родной, знакомой брони, Андромаха
Съ дикимъ безумьемъ глядѣла и, будто испугана чудомъ,
Взоръ неподвижный на насъ устремила; потомъ зашаталась —
Ей измѣнили силы — и только по долгомъ молчаньи
Такъ начала: «О сынъ богини, тебя-ли я вижу,
Твой-ли образъ, Эней? И твой-ли голосъ я слышу?
Живъ-ли ты, — ахъ! — говори: ты, можетъ быть, призракъ Энея?
Если ты умеръ уже, скажи мнѣ, гдѣ-же мой Гекторъ?»
Такъ говорила она, потомъ залилася слезами;
Плачъ прерывали стоны и рощу кругомъ оглашали.
Долго не могъ говорить я: слова умирали въ гортани.
«Живъ я еще», отвѣчалъ я, «но жизнь моя незавидна.
Не сомнѣвайся, я живъ: ты видишь меня предъ собою.
Ахъ, какая участь постигла тебя, Андромаха,
Послѣ кончины супруга? Пль, можетъ быть, прежняя радость
Вновь посѣтила тебя? Но что-же ту радость замѣнитъ? —
Гектора прежде супруга, ты-ль стала супругою Пирра?»
Взоръ потупила она и со вздохомъ такъ продолжала:
«О блаженна Пріамова дочь, погибшая жертвой
Тамъ, на могилѣ врага, подъ Трои великой стѣнами!
Нѣтъ для нея ужъ печали, не знаетъ она злополучій,
Съ наглымъ врагомъ не дѣлитъ она постыднаго ложа!
Я, злополучная, послѣ сожженія Трои, скиталась
По различнымъ странамъ и, томяся въ плѣну ненавистномъ,
Гордому Пирру служила, надменному сыну Ахилла.
Вскорѣ потомъ вступилъ онъ въ союзъ съ Герміоной спартанкой,
А меня, какъ рабу, передалъ во владѣнье Гелену.
Но Орестъ, негодуя за честь похищенной невѣсты,
Местью къ нему запылалъ и, въ припадкѣ безумной печали,
Тайно его подстерегъ, и мщенье насытилъ убійствомъ.
Послѣ кончины Пирра, та часть владѣній, которой
Правилъ Геленъ, перешла навсегда во владѣнье Гелена.
Царство свое онъ Хаоньей назвалъ, отъ троянца Хаона,
Новый Пергамъ построилъ и замокъ ильонскій воздвигнулъ.
Но какими судьбами, какимъ ты здѣсь чудомъ явился?
Или какая сила боговъ тебя занесла къ намъ?
Что твой малютка Асканій? Гдѣ онъ? Живетъ-ли; здоровъ-ли?

Въ Троѣ онъ былъ у тебя...
Помнитъ-ли мать онъ свою и часто-ль о ней вспоминаетъ?
Гекторъ, дядя его, и твоя благородная храбрость
Въ немъ возбуждаетъ-ли духъ и жажду славы геройской?»...
Такъ говорила она, проливая напрасныя слезы;
Вздохи мѣшали словамъ...
Но вотъ къ намъ вышелъ навстрѣчу
Храбрый Геленъ, а за нимъ толпа многочисленной свиты.
Скоро узналъ онъ своихъ и, въ восторгѣ, повелъ насъ въ жилища.
Долго онъ плакалъ, идя, и слезы рѣчь прерывали.
Вотъ приближаясь, я вижу подобіе маленькой Трои:
Здѣсь — подражанье Пергаму, тамъ Ксанта берегъ песчаный
Я узнаю и Скэйскихъ воротъ порогъ обнимаю.
Наши троянцы встрѣчаютъ повсюду радушныя лица.
Царь угощаетъ ихъ пышнымъ столомъ въ колоннадѣ широкой:
Въ царскихъ чертогахъ сидѣли они и держали бокалы
Съ влагой душистою Вакха, и блюда златыя дымились.
Вотъ ужъ проходитъ и день и другой, и южные вѣтры
Въ путь насъ зовутъ и тихимъ дыханьемъ вздуваютъ вѣтрила.
Я обратился къ Гелену жрецу и такъ вопрошаю:
«Воли боговъ толкователь, ты мудрость постигъ Аполлона;
Ты понимаешь и птицъ щебетанья, и трепетъ ихъ крыльевъ,—
Дай наставленье: какія бѣды мнѣ въ пути угрожаютъ?
Я, ободренный счастливымъ гаданьемъ, пустился въ дорогу;
Всѣ божества мнѣ вѣщали одно: къ землѣ италійской
Плыть и тамъ поискать жилища въ странахъ отдаленныхъ.
Только гарпія Целэна вѣщаетъ мнѣ новое чудо,
Только гарпія одна предсказала намъ (вымолвить страшно!)
Слѣдствіе гнѣва боговъ,—ужасный, мучительный голодъ.
Что-же мнѣ дѣлать, скажи, и какъ отвратить ту опасность?»...
Вотъ Геленъ сперва закололъ, по обычаю, жертву,
Молитъ боговъ, распустилъ на челѣ священныя ленты,
За руку взялъ меня и повелъ къ святому порогу
Фэбова храма,—и страхомъ священнымъ наполнился духъ мой.
Вотъ, наконецъ, изъ божественныхъ устъ онъ такъ мнѣ вѣщаетъ:
«Сынъ богини, внимай,—предстоитъ вамъ путь неизбѣжный!
Съ этимъ согласны гаданья; такъ и владыкою неба

Брошенъ твой жребій, и ты покоришься велѣнію рока.
Много я могъ-бы сказать, но я объясню покороче,
Какъ безопаснѣе можешь проплыть ты по бурному морю,
Чтобы достигнуть завѣтной земли,—береговъ италійскихъ.
Прочаго знать ты не можешь: не хочетъ суровая парка,
И богиня Юнона мнѣ говорить запрещаетъ.
Слушай: думаешь-ли, берега италійскіе близко?
Думаешь-ли, что скоро достигнешь желаемой цѣли?
Нѣтъ!—Далекъ твой путь, далекъ и опасенъ, и труденъ.
Нѣтъ, ты прежде весло оросишь тринакійской волною,
Прежде, Авзоніи влажную стень кораблями измѣришь,
Адскія воды увидишь и островъ эейской Цирцеи,
Чѣмъ на завѣтной землѣ построишь высокія стѣны.
Я наставленіе дамъ, а ты со вниманіемъ слушай:
Если ты, озабоченный дѣломъ, случайно увидишь
На берегу отдаленной рѣки, подъ дубовою рощей,
Вепря огромную самку и съ нею тридцать малютокъ,—
Бѣлая будетъ она и малютки бѣлыя будутъ—
Тамъ построишь ты городъ, и миръ поселится съ тобою.
Будетъ-ли голодъ, ты не страшись предсказаній Целэны:
Дѣло пойдетъ хорошо, и Фэбъ тебя не оставитъ.
Но бѣги ближайшихъ земель береговъ италійскихъ,
Гдѣ разбиваются волны нашего моря, бѣги ихъ:
Злые данайцы повсюду на тѣхъ берегахъ обитаютъ.
Тамъ въ городахъ обитаютъ пришельцы изъ дальней Локриды;
Критскій Идоменей осадилъ тамъ поля саллентиновъ
Сильною ратью данайцевъ; тамъ и вождя Мелибэя
Маленькій городъ, Петелія, гордый стѣной Филоктета.
Помни: когда корабли проплывутъ чрезъ бурное море,
И на алтарь принесешь ты богамъ священную жертву,
Долженъ не медля чело осѣнить покрываломъ багрянымъ,
Чтобы враждебныя лица тогда не нарушили мира,
Между священныхъ огней, зажженныхъ богамъ, появляясь.
Этотъ обрядъ и ты, и товарищи пусть сохраняютъ;
Внукамъ его передай ты, какъ завѣщанье святое.
Но, какъ вѣтеръ пригонитъ тебя къ берегамъ сицилійскимъ,
Тѣсный пелорскій проходъ начнетъ исчезать за тобою;

Ты обогнешь берега и влѣво направишься съ флотомъ;
Влѣво далеко бери, но никакъ не плыви ты направо.
Нѣкогда, земли эти одну лишь страну составляли,
Но, потрясенныя страшно подземной губительной силой,
Вдругъ разступились, и волны морскія ворвались въ средину.
Столь сокрушительна сила вѣковъ, что̀ все разрушаетъ!
Нивы Гисперьи далеко теперь отъ полей сицилійскихъ;
Ихъ города разлучились, и бездна клокочетъ въ срединѣ.
Скилла на правой рукѣ, а по лѣвую — злая Харибда.
Страшно Харибда глотаетъ въ пучины бездоннаго чрева
Воды широкаго моря и, вновь извергая изъ пасти,
Къ небу бросаетъ волну, и фонтанами хлещетъ на звѣзды.
Въ нѣдрахъ мрачной пещеры кроется дивная Скилла,
Пасть выставляя свою и таща корабли на утесы.
Дѣва она по самыя чресла, съ прекрасною грудью;
Далѣе, видны громадные члены кита, а подъ ними
Волчье чрево лежитъ и машетъ хвостами дельфина.
Лучше объѣхать утесъ тринакрійскаго мыса Пахина
Лучше помедлить и, дѣлая кругъ, обогнуть берега тѣ,
Нежели разъ безобразную Скиллу въ пещерѣ увидѣть,
Или услышать, какъ лаютъ въ ущельяхъ псы голубые.
Слушай: если я столько владѣю пророческимъ даромъ;
Если я, точно, проникнуть святымъ вдохновеньемъ отъ Фэба:
Я безпрестанно тебѣ повторяю свое наставленье
И никогда еще и еще повторять не оставлю.
Помни, Эней: молись ты великой богинѣ Юнонѣ,
Ей ты обѣты твори и могучей владычицы неба
Сердце старайся смягчить, — тогда побѣдителемъ выйдешь,
Бросишь Тринакрію и поплывешь къ берегамъ италійскимъ.
Но, когда кораблемъ приплывешь ты въ городъ кумейскій,
Къ водамъ священнымъ и въ адскія страны, шумящія лѣсомъ,
Тамъ ты увидишь въ пещерѣ скалы вдохновенную жрицу.
Эта жрица-вѣщунья пишетъ на листьяхъ отвѣты.
Все, что̀ напишетъ на листьяхъ она, приводитъ въ порядокъ,
Въ рядъ разлагаетъ листочки и такъ оставляетъ въ пещерѣ.
Тамъ остаются они неподвижно въ стройности цѣлой.
Но, когда въ пещерѣ подуетъ дыханіе вѣтра,

Легкіе листья взлетятъ и кружатся по своду пещеры.
Жрица не думаетъ вновь собирать разсыпанныхъ листьевъ,
Чтобы устроить снова въ ряды и въ прежній порядокъ,—
И безразсудные люди за то ненавидятъ сибиллу.
Но для того, чтобъ ты не понесъ столь великой потери
И не встрѣчалъ затрудненій въ пути,— хотя-бы роптали
Спутники всѣ на тебя, и вѣтеръ въ путь призывалъ-бы,
Парусъ надулся-бъ уже отъ дыханья попутнаго вѣтра, —
Ты не внимай, но къ жрицѣ иди и проси предсказанья.
Жрица сама отвѣтитъ тебѣ, и отвѣтитъ охотно.
Ты отъ нея узнаешь подробно о будущихъ битвахъ,
Объ италійскихъ народахъ и что̀ испытаешь въ дорогѣ;
Какъ избѣжать грозящей бѣды, разскажетъ подробно.
Все, что̀ было во власти моей, тебѣ разсказалъ я.
Съ богомъ иди и мечемъ озари ты славу троянцевъ!»

Вотъ и добрый Геленъ, окончивъ свое предсказанье,
Къ намъ на суда посылаетъ дары испещренные блескомъ
Золота и драгоцѣнной кости слоновой и сыплетъ
Множество денегъ, и много посуды додонской даетъ намъ.
Далъ намъ панцырь витой, тройной, позолоченный панцырь,
Шлемъ дорогой, прекрасный, съ гребнемъ высокимъ, косматымъ,—
Бывшее Пирра оружье. Онъ далъ и Анхизу подарки;
Далъ намъ еще лошадей и вожатыхъ и даже пополнилъ
Нашихъ гребцовъ, и товарищей всѣхъ снабдилъ онъ оружьемъ.

Между тѣмъ, Анхизъ приказалъ корабли приготовить,
Чтобъ не терять напрасно дней и попутнаго вѣтра.
Жрецъ Аполлона, Геленъ, говоритъ, обратившись къ Анхизу:
«О Анхизъ, удостоенный гордаго ложа Венеры,
Ты, любимецъ боговъ, спасенный дважды отъ смерти!
Вотъ предъ тобою Авзонія: мчись къ ней на полныхъ вѣтрилахъ;
Но ты долженъ ее миновать непремѣнно: далеко
Тѣ берега, которые Фэбъ для васъ назначаетъ.
Старецъ, счастливый любовію сына, иди; я напрасно
Васъ замедляю словами: вамъ дуютъ попутные вѣтры»...

И Андромаха, печали полна при послѣднемъ прощаньи,
Въ даръ принесла намъ расшитую золотомъ чудно одежду,
И для Асканія — плащъ дорогой, изъ ткани фригійской.

Много прекрасныхъ тканей даетъ онъ, нѣжно прощаясь,
«Милый Асканій, прими», говоритъ, «Андромахи подарки:
Я ихъ соткала сама; быть можетъ, ты нѣкогда вспомнишь
Гектора-дяди жену. Прими отъ своихъ, мой малютка;
Ты мнѣ приводишь на память образъ несчастнаго сына:
Тѣ-же глаза и ростъ, и походка и личко такое...
Какъ похожъ!.. Онъ былъ-бы и лѣтъ одинакихъ съ тобою!»
Такъ говорила она, и слезы изъ глазъ заструились.
«Будьте счастливы», сказалъ я, «окончено поприще ваше;
Насъ — призываетъ еще неизвѣстная участь. Счастливцы,
Вы наслаждаетесь миромъ; не нужно вамъ плыть черезъ море,
Вамъ не искать береговъ, которые вѣчно бѣгутъ васъ.
Вотъ предъ вами струится Ксантъ; вы видите Трою,
Сами создали ее; быть можетъ, счастливѣе будетъ,
Можетъ быть, васъ не найдетъ здѣсь злоба жестокихъ данаевъ!
Если увижу когда берега, орошенные Тибромъ;
Если троянцамъ моимъ построю желанныя стѣны,—
О, тогда всѣ страны родныя, родные народы,
Дѣти того-же Дардана, въ Епирѣ, Гесперіи, всюду,
Всѣ мы составимъ тогда одну, нераздѣльную Трою!
Это единство оставимъ въ наслѣдіе нашимъ потомкамъ!»

І. Шершеневичъ.

3. Киклопъ Полифемъ.

Сбившись съ пути, мы пристали къ землѣ, отчизнѣ киклоповъ.
Пристань была широка, недоступна для вѣтровъ; но тутъ-же
Грозная Этна реветъ, грозя разрушеньемъ природѣ.
То изъ нея прорываются къ небу черныя тучи
Дыму густого, подобно смолѣ, и блестящія искры;
Пламя, взвиваясь вихремъ, небесныхъ свѣтилъ досягаетъ;
То извергаетъ она громадныя глыбы и камни,
То изъ горячаго чрева летятъ раскаленныя скалы,
Съ воплемъ и стономъ, и рвутся взлетѣть въ поднебесье.
Тамъ,— говорятъ — подъ этой громадой давно ужъ томится
Молньей полу-опаленный гигантъ Енкеладъ; онъ подъ Этной
Жмется и стонетъ, и пламенемъ дышетъ сквозь горныя щели.

Всякій разъ, когда, утомившись лежать неподвижно,
Съ боку на бокъ перевалится онъ, — Сицилія дрогнетъ,
Съ ревомъ подземнымъ, и небо затмится отъ чернаго дыму.
Ночь провели мы въ лѣсу, среди чудесныхъ явленій,
Но не могли угадать, откуда несутся тѣ звуки:
На небѣ не было видно ни звѣздъ, ни блестящихъ созвѣздій.
Черныя тучи скрывали отъ насъ небесные своды,
И непогодная ночь луну погрузила въ туманы.
Вотъ, едва зарумянилось только восточное небо,
Влажныя тѣни разсѣялись прочь отъ дыханья Авроры,—
Вдругъ изъ лѣсовъ выходитъ какое-то диво и руки
Тощія, словно скелетъ, съ мольбой простираетъ. Мы смотримъ:
Въ немъ — человѣческій образъ, но страшный и дикій, и жалкій.
Грязью запачканный весь; борода въ безпорядкѣ и дыбомъ;
Всюду въ одеждѣ колючки торчатъ, а въ прочемъ — на грека
Былъ онъ похожъ, въ народной бронѣ приходившаго къ Троѣ.
Видя дарданскихъ мужей и узнавъ оружье троянцевъ,
Онъ испугался сперва и, ставъ въ сторонѣ неподвижно,
Долго глядѣлъ, а потомъ съ быстротою бросился къ морю,
Съ плачемъ и стономъ. «Ради небесныхъ свѣтилъ», говорилъ онъ,
«Ради боговъ и этого солнца, и свѣта дневного,
Тевкры, примите меня! Въ какія-бы страны вселенной
Вы ни умчали меня, — и это будетъ довольно!
Грекъ я, изъ греческихъ войскъ; сознаюсь передъ вами, троянцы,
Грекъ я и мечъ поднималъ я, въ войнѣ, на вашихъ пенатовъ!
Если мое преступленье вашей пощады не стоитъ,
Бросьте меня въ океанъ, въ глубокихъ волнахъ утопите:
Если погибнуть, то лучше погибнуть отъ рукъ человѣка!»
Такъ говорилъ онъ, рыдалъ, обнимая колѣни троянцевъ.
Мы ободрили его и тотчасъ разспрашивать стали,
Чтобъ разсказалъ намъ свой родъ и странные случаи жизни.
Самъ родитель Анхизъ подошелъ и, за руку взявши,
Этимъ дружескимъ знакомъ его ободрилъ совершенно.
Вотъ, оставивъ напрасный свой страхъ, онъ такъ говоритъ намъ:
«Я уроженецъ итакскій, вѣрный товарищъ Улисса,
Ахемэнидомъ зовусь. Я былъ и въ походѣ на Трою
Вмѣстѣ съ Улиссомъ. Звали отца моего Адамастомъ.

Онъ былъ бѣденъ; зачѣмъ не остался я въ томъ состояньи!
Эту ужасную землю бросая, товарищи, въ страхѣ,
Бросили здѣсь и меня и забыли въ пещерѣ киклопа.
Страшно киклопа жилье, — нечисто, кроваво и мрачно.
Самъ онъ огроменъ, ужасенъ, до звѣздъ головой досягаетъ.
Ахъ, отвратите, боги, отъ насъ такое несчастье!
Нѣтъ, невозможно смотрѣть и въ словахъ описать невозможно!—
Мясомъ несчастныхъ питается онъ и черною кровью.
Самъ я видѣлъ, какъ онъ, схвативъ огромной рукою
Двухъ изъ товарищей нашихъ, потомъ о скалу размозживъ ихъ,
Легъ по срединѣ пещеры, залитой потоками крови;
Самъ я видѣлъ, какъ онъ пожиралъ ихъ теплые члены.
Но Улиссъ не могъ перенесть такого позора.
Даже въ несчастьи такомъ не забылъ онъ о мщеньи киклопу.
Вотъ, едва насытился тотъ и, виномъ упоенный,
Легъ, растянувшись въ огромной пещерѣ, сквозь сонъ извергая
Части добычи и кровь, и вино, обагренное кровью,
Мы, помолившись великимъ богамъ и бросивши жребій,
Вдругъ окружили его и въ глазъ вонзили желѣзо:
Глазъ огромный одинъ сверкалъ на челѣ его дикомъ,
Точно аргивскій щитъ иль, лучше, кругъ полнолунный.
Такъ мы отмстили ему за смерть товарищей нашихъ!
Но удалитесь, — ахъ! — удалитесь, несчастные тевкры,
Скоро бѣгите отсюда, отъ берега рвите канаты! —
Много киклоповъ другихъ, подобныхъ тому Полифему,
По берегамъ обитаютъ крутымъ и по горнымъ вершинамъ.
Здѣсь на горахъ руноносныя овцы пасутся: киклопы
Ихъ загоняютъ на ночь въ пещеры и сами доятъ ихъ.
Вотъ ужъ въ третій разъ и рога у луны появились,
Какъ провожу я несчастную жизнь по лѣсамъ лишь дремучимъ.
Гдѣ кровожадные звѣри живутъ, и на страшныхъ киклоповъ
Часто съ утеса гляжу и со страхомъ рѣчамъ ихъ внимаю,
Или тяжелымъ шагамъ, — и морозъ пробѣгаетъ по тѣлу...
Дикія ягоды, травы были мнѣ скудною пищей;
Часто сухіе коренья изъ тощей земли вырываю.
Къ берегу взоръ обративъ, я увидѣлъ флотъ вашъ, плывущій

Прямо сюда, и мысленно сталъ ужъ товарищемъ вашимъ,
Кто-бы вы ни были. Но для меня и того ужъ довольно,
Что избѣгу я чудовищъ и страшной, позорной кончины.
Дайте мнѣ смерть: я умру, но умру отъ руки человѣка!»
Такъ онъ едва сказалъ, какъ увидѣли мы на утесѣ,
Между пасущихся стадъ, великана громадное тѣло;
Это былъ Полифемъ; къ знакомому берегу шелъ онъ.
Страшно, громадно чудовище было, лишенное зрѣнья:
Въ длани сосна у него; сосной подпираясь, идетъ онъ;
Съ нимъ руноносныя овцы, одно утѣшеніе въ горѣ,
Радость, въ несчастьи, одна, и свирѣль на шеѣ висѣла.
Вотъ едва онъ въ воду вошелъ, на глубокое мѣсто,—
Дланью воды зачерпнулъ и глазную рану полощетъ,
Зубомъ скрежещетъ отъ боли. И вотъ ужъ вошелъ онъ
Въ полное море, а море едва до колѣнъ достигаетъ...
Мы, отъ страха дрожа, на суда поскорѣе усѣлись,
Взяли съ собою несчастнаго грека и, тихо отчаливъ,
Разомъ ударили въ весла потомъ и гребли безпрерывно.
Видно, услышалъ киклопъ — и на голосъ шаги онъ направилъ.
Но, напрасно стараясь поймать насъ огромной рукою,
Иль вышиной поравняться съ глубокими водами моря,
Такъ заревѣлъ великанъ, что дрогнуло море и волны.
Все встрепенулось; народы Италіи странъ отдаленныхъ
Въ ужасъ пришли, и Этны кривыя пещеры завыли.
Все поколѣнье киклоповъ сбѣжалось на ревъ Полифема,
Тѣ—изъ лѣсовъ, а другіе изъ горъ, и стали надъ моремъ.
Видѣли мы ихъ угрозы и мрачные взоры. Напрасно!
Долго стояли Вулкановы братья,—по самое небо
Головы ихъ, громадное тѣло—точно какъ дубы
Въ небо вонзаютъ вершины; точно стоятъ кипарисы,
Темный Юпитеровъ лѣсъ иль роща богини Діаны.
Мы, торопясь въ испугѣ, плыли и, сами не зная,
Какъ и куда, за вѣтромъ пошли и раскинули парусъ.
Но Геленъ говорилъ, что между Харибдой и Скиллой,
Съ той иль другой стороны, неминуема гибель для флота.
Нечего дѣлать! — и мы назадъ корабли повернули.
Вотъ и борей подулъ намъ отъ узкихъ ущелій Пелора.

Вскорѣ устье Пантага, гдѣ вѣчнозеленыя скалы,
Вскорѣ Мегарскій заливъ и Тапсъ мелькнули предъ нами.
Такъ показывалъ намъ несчастный спутникъ Улисса,
Ахэменидъ, обратно плывя по знакомому морю.

І. Шершеневичъ.

4. Любовь и смерть Дидоны.

...Царица, давно уязвленная тяжкою страстью,
Носитъ на сердцѣ рану и въ пламени тайномъ сгараетъ.
Только и мыслитъ она о славѣ троянскаго мужа,
Славѣ народа его, а чудный разсказъ приключеній,
Образъ героя—глубоко въ душѣ ея впечатлѣлись.
Мысли волнуютъ ее, не знаетъ ни сна, ни покоя.
Вотъ ужъ луна послѣдній свой лучъ проливала на землю,
И Аврора съ небесъ удалила влажныя тѣни,
Какъ Дидона сестру подозвала и такъ говоритъ ей:
«Анна, сестра, скажи, отчего уснуть не могу я?
Ахъ, сестра, какого гостя судьба намъ послала!
Какъ онъ хорошъ, нашъ гость, какая геройская храбрость! —
Видно, что сынъ богини. О, я увѣрена въ этомъ:
Страхъ лишь сердцамъ малодушнымъ доступенъ, герои—безстрашны.
Гдѣ онъ скитался! Гдѣ не бывалъ и битвы какія
Онъ испыталъ! О, если-бы я не давала обѣта;
Если-бы въ сердцѣ моемъ глубоко не лежало желанье
Не съединяться ни съ кѣмъ священными узами брака,
Послѣ того какъ исчезла любовь со смертію мужа;
Если-бы я не имѣла того отвращенія къ браку, —
Можетъ быть, сердце мое покорилось-бы только Энею!..
Милая Анна, я признаюсь тебѣ откровенно,
Послѣ несчастной кончины Сихэя, когда обагрились
Братнею кровью пенаты, я признаюсь откровенно, —
Онъ одинъ побѣдилъ меня и павшую душу
Вновь воскресилъ во мнѣ и сердце согрѣлъ мнѣ любовью.
Чувствую, Анна, что прежнее пламя во мнѣ оживаетъ...
Нѣтъ, никогда!—Пусть прежде земля подо мной развалится;
Пусть всемогущій отецъ ударомъ небеснаго грома

Къ тѣнямъ меня низвергнетъ, къ блѣднымъ тѣнямъ Ереба;
Прежде меня пусть адъ обниметъ вѣчною мглою, —
Прежде, чѣмъ я тебя, о стыдъ, и клятву нарушу!
Нѣтъ, кто первый владѣлъ моею любовью, тотъ первый
Эту любовь за собою унесъ въ сырую могилу:
Пусть-же она остается при немъ и въ темной могилѣ!»
Такъ говорила она, и слезы на грудь ей струились.
Ей отвѣчаетъ Анна: «Сестра ты милая, свѣтъ мой,
Ты-ли одна проведешь всю юность въ горькой печали?
Ты-ль не узнаешь ни сладкой любви, ни милыхъ малютокъ?
Развѣ объ этомъ заботятся пеплы и тѣни усопшихъ?
Пусть такъ: ты, прежде, въ печали, всѣмъ женихамъ отказала,—
Въ Либіи, въ Тирѣ еще; отвергнула руку Ярбанта;
Много другихъ царей богатой страны африканской
Тотъ-же имѣли успѣхъ; пусть такъ; положимъ, ты права,—
Но теперь ты-ль будешь противна желанію сердца?
Только подумай, сестра, въ какой ты странѣ обитаешь:
Здѣсь — угрожаютъ гетулы, непобѣдимые въ брани,
Здѣсь нумидійцы, свирѣпый народъ, и враждебная Сирта;
Далѣе, степи безводныхъ пустынь, кочевые баркейцы,
Дикое племя... А Тиръ, а брата угрозы ты ужъ забыла?.
Да, сестра, по волѣ боговъ и доброй Юноны,
Къ намъ пришли корабли троянцевъ, гонимые вѣтромъ.
Славенъ твой городъ будетъ, сестра, отъ этого брака;
Славное будетъ царство; а съ помощью храбрыхъ троянцевъ,
Какъ увеличится слава и ратные подвиги пуновъ!
Ты лишь боговъ умоляй, принеси имъ пріятную жертву,
Гостя прими хорошо и старайся отыскивать средства
Для замедленья отъѣзда, пока дождливый Оріонъ
На морѣ воды вздымаетъ и флотъ еще не исправленъ»...
Такъ говоря, она согрѣла ей душу любовью
И облегчила надеждою сердце, и разрѣшила сомнѣнье.
Вотъ онѣ отправляются въ храмъ, творятъ тамъ молитву
И молодыхъ ягнятъ, по обычаю, въ жертву приносятъ,—
И Церерѣ, давшей законы, и Фэбу, и Вакху,
Болѣе прочихъ—Юнонѣ, матери брачныхъ союзовъ.
Взявъ бокалъ, сама Дидона красы несравненной

Льетъ на рога прекрасной телицы душистую влагу,
Или предъ алтаремъ, орошеннымъ жертвенной кровью,
Ходитъ она; то снова дары готовитъ, то снова
Грудь разсѣкаетъ у жертвы и, ставъ со вниманьемъ надъ нею,
Долго смотритъ, какъ дышатъ еще не остывшія нѣдра.
Ахъ, безумные люди! Вамъ облегчатъ-ли сердечную муку
Жертвы, обѣты? Тайное пламя слегка пожираетъ
Кости и кровь, и въ сердцѣ слегка растравляется рана.
Жжетъ Дидону сердечный огонь: подобно безумной,
Бродитъ повсюду она. Такъ точно лань молодая,
Въ критскихъ лѣсахъ пастухомъ уязвленная мѣткой стрѣлою,
Мчится по рощамъ, лѣсамъ и стрѣлу за собою уноситъ:
Крѣпко увязла пернатая трость, а пастырь не знаетъ.
То Энея съ собой по обширному городу водитъ,
Чтобы ему показать богатства и новыя зданья;
Вдругъ начнетъ говорить—и вдругъ прерываетъ разсказъ свой.
То, съ захожденіемъ солнца, снова на пиръ созываетъ,
Снова въ безумномъ восторгѣ слушаетъ бѣдствія Трои
И отъ очей Энея своихъ очей не отводитъ.
Послѣ того, какъ всѣ разойдутся, и мѣсяцъ туманный
Тихо всплыветъ и землю освѣтитъ тусклымъ сіяньемъ,
А золотыя звѣзды, склоняясь съ небесъ, ко сну призываютъ,
Молча тоскуетъ она въ опустѣлыхъ чертогахъ; приляжетъ
На одинокомъ одрѣ—и, въ грезахъ, видитъ Энея,
Слышитъ разсказы его! Иль Асканья на грудь прижимая,
Видитъ въ немъ образъ отца и не можетъ разстаться съ малюткой,
Хочетъ себя обмануть, хотя-бы мечтой насладиться.
Ужъ не встаютъ громады полувоздвигнутыхъ зданій;
Ужъ молодежь не идетъ предаваться воинскимъ забавамъ;
Въ пристани стука не слышно; стоитъ неокончена крѣпость,
Грозныя стѣны стоятъ, стоятъ поднебесныя башни.
Вотъ лишь только супруга Зевеса узнала объ этой
Страсти Дидоны, которой ничѣмъ побѣдить невозможно,
Дочь Сатурна подходитъ къ Венерѣ и такъ говоритъ ей:
«Подлинно, славы и чести великой достойны вы оба,
Сынъ твой и ты; ужъ не даромъ носите славное имя:
Два божества одержали побѣду надъ слабой женою!

Ты Карѳагена боишься, вѣдь я хорошо понимаю,
Да, для тебя, подозрительны домы мои, понимаю.
Чѣмъ-же кончится это? Къ чему такія невзгоды?
Что?—Не лучше-ли намъ помириться и бракомъ счастливымъ
Кончить всѣ споры наши? Вѣдь ты ужъ цѣли достигла:
Ужъ Дидона страдаетъ; ужъ въ сердцѣ любовь загорѣлась.
Будемъ-же дѣйствовать дружно и общими силами сладимъ
Счастіе этихъ народовъ: дадимъ ей троянскаго мужа,
А ему въ приданое—будутъ тирійцы... Согласна-ль?..»
Знала Венера, что въ рѣчи Юноны скрывается хитрость,
(Чтобы, оставивъ съ Дидоной, лишить италійскаго царства
Сына ея) однако такъ отвѣчала Юнонѣ:
«Кто-бъ такъ дерзокъ былъ, чтобъ спорить съ тобою, богиня,
Или такъ простъ, чтобъ могъ отвергать такіе совѣты,
Если только за этимъ дѣломъ послѣдуетъ счастье?
Но я не знаю, захочетъ-ли царь нашъ великій, Юпитеръ,
Въ городъ одинъ съединить тирійцевъ и выходцевъ Трои
И одобритъ-ли смѣшенье этихъ племенъ и союзъ ихъ?
Ты вѣдь супруга: ты можешь спросить у него и узнаешь,
Только начни, а я не отстану».
Царица Юнона
Такъ говоритъ: «Я этотъ трудъ—на себя принимаю.
Но намъ нужно уладить сперва обстоятельства дѣла.
Вотъ, послушай, я разскажу, какъ можно-бы сдѣлать:
Нашъ Эней собирается завтра съ несчастной Дидоной
Въ лѣсъ на охоту идти, какъ только изъ бездны тумана
Свѣтлый Титанъ подниметъ чело и лучами заблещетъ.
И когда поѣздъ зашумитъ и темную рощу
Сѣтью обдастъ, тогда соберу я черныя тучи:
Громъ зареветъ, и съ градомъ вода польется на землю.
Спутники всѣ разбѣгутся, и темная ночь ихъ покроетъ.
А Эней съ Дидоной укроется въ сводѣ пещеры.
Я тамъ буду и, если ты захочешь помочь мнѣ,
Соединю ихъ тамъ неразрывными узами брака;
И Гименэй тамъ будетъ». Богиня Любви улыбнулась
И согласилась охотно на эту хитрую шутку.
Между тѣмъ, поднялась Аврора изъ водъ Океана,

Солнце взошло, и охотники двинулись за городъ, въ поле;
Сѣти несутъ и тенёта, и копья съ широкимъ желѣзомъ;
Скачутъ массальскіе кони и чуткіе псы за конями.
Ставъ у порога дворца, тирійская знать ожидаетъ
Лишь появленья царицы: она одѣвается долго.
А у подъѣзда стоитъ, золотою сбруей покрытый,
Звонкокопытный конь и грызетъ стальныя удила.
Вотъ, наконецъ, выходитъ царица съ блестящею свитой;
Мантія ткани сидонской на ней съ вырѣзной бахромою
И золотой колчанъ на плечѣ, и легкія стрѣлы;
Пышную косу ея золотое колечко свиваетъ,
И золотая пряжка держитъ багряное платье.
Двинулись въ путь и троянцы, и съ ними маленькій Юлій;
И Эней, красотою спутниковъ всѣхъ побѣждая,
Бодро идетъ, окруженный отрядомъ охотниковъ юныхъ.
Точно такъ Фэбъ, покинувъ Ликіи снѣжныя горы
Иль берега серебристаго Ксанта, родного Делоса
Берегъ увидитъ и въ радости хоры ведетъ за собою;
Стоя вокругъ алтарей, дрожатъ критійцы, дріопы
И агатирсы съ раскрашеннымъ тѣломъ, а онъ по вершинѣ
Кинта идетъ; у него на челѣ золотистая вѣтка
Съ кудрями листья свиваетъ, и въ локонахъ золото блещетъ;
Стрѣлы звенятъ на плечѣ: такъ точно Эней красовался
Между толпою; прелесть сіяла въ очахъ и въ ланитахъ.
Вотъ, едва взошли на высокія горы и въ чащу лѣсную,
Какъ съ нагорныхъ вершинъ, устрашенныя кликами ловчихъ,
Дикія козы сбѣжали; съ другой стороны, по долинѣ
И по широкому полю олени бѣгутъ, покидая
Горныя выси, и пыль за собою столбами взвиваютъ.
А малютка Асканій по полю скачетъ, рѣзвится,
Бодрымъ конемъ любуясь, и въ запуски смѣло несется,
То одного обгоняя, то вновь обгоняя другого.
Онъ не глядитъ на оленя: онъ опѣненнаго вепря
Хочетъ увидѣть иль рыжаго льва на горной вершинѣ.
Между тѣмъ, нагрянули тучи, и громъ прокатился
По небесамъ, и съ градомъ дождь пустился на землю.
Въ разныя стороны вдругъ разбѣжались тирійцы, троянцы,

Чтобъ укрыться подъ кровлями хижинъ, раскинутыхъ въ полѣ,
И Асканій съ ними... А съ горъ валятся сѣдые потоки.
Вождь троянскій съ Дидоной укрылись подъ сводомъ пещеры.
Знакъ подаетъ Земля и матерь браковъ, Юнона:
Вдругъ сверкнули огни и воздухъ, свидѣтель союза,
И на горныхъ вершинахъ въ ужасѣ нимфы завыли.
Этотъ день былъ первымъ началомъ и первой причиной
Всѣхъ несчастій. Дидона молвѣ и слухамъ не внемлетъ;
Нѣтъ, Дидона страсти своей таить ужъ не хочетъ
И прикрываетъ вину священнымъ именемъ брака.
Вотъ Молва ужъ по Либіи ходитъ изъ города въ городъ,—
Злая Молва, съ которой ничто быстротой не сравнится.
Вѣчно въ движеньи она: идетъ и растетъ безпрерывно.
Въ первомъ движеньи мала, а потомъ поднимается выше,
Быстро шагаетъ и голову кроетъ въ поднебныя тучи.
Матерь Земля, раздраженная гнѣвомъ боговъ, породила
Эту Молву, сестру Енкелада и Кэя гигантовъ,
Это быстролетящее, быстробѣгущее чудо,
Страшное, дивное чудо. Сколько перьевъ на тѣлѣ,
Столько безсонныхъ очей у него,—непонятно и странно!—
Столько ушей, языковъ и столько-же устъ громкозвучныхъ.
Ночью летаетъ между землею и небомъ и въ мракѣ
Говоръ несетъ и сладкимъ забвеньемъ очей не смыкаетъ:
Днемъ сторожитъ она иль высокую кровли вершину,
Или на башнѣ сидитъ, иль городъ высокій тревожитъ.
Сколько истины въ ней, столько-же лжи и обмана.
Въ это время она гремѣла у разныхъ народовъ,
Радуясь случаю, и съ небылицами были мѣшала,—
Будто прибылъ Эней, рожденный отъ крови троянской,
Въ брачный союзъ желаетъ вступить съ прекрасной Дидоной;
Будто она проводитъ всю зиму въ роскоши, въ нѣгѣ,
Царство свое позабывъ, предается влеченію страсти.
Такъ говорила злая Молва устами народа...
Вскорѣ Молва направляетъ шаги на царство Ярбанта,
Слухи разноситъ и гнѣвомъ сердце его раздражаетъ.
Сынъ Аммона, Ярбантъ, и нимфы младой Гараманты,
Сто огромныхъ храмовъ воздвигнулъ въ обширныхъ владѣньяхъ,

Сто алтарей владыкѣ небесъ, и вѣчное пламя,
Сторожевое пламя зажегъ, и жертвенной кровью
Землю онъ напоилъ, и храмы украсилъ цвѣтами.
Онъ, говорятъ, раздраженный печальною вѣстью, въ безумьи,
Ставъ посреди алтарей и боговъ и, съ теплой молитвой
Длани поднявъ къ небесамъ, молился владыкѣ Олимпа:
«О всемогущій Юпитеръ! О ты, котораго славу
Маврское племя ликуя теперь на раскрашенныхъ ложахъ,
Въ честь тебѣ прекрасные Вакха дары разливаетъ,—
Видишь-ли это? Иль, можетъ быть, мы напрасно страшимся
Громовъ твоихъ, о отецъ, и ничтожное пламя, сверкая
Въ тучахъ, и грохотъ пустой напрасно смертныхъ тревожитъ?
Ахъ, погляди: та жена, что, блуждая по нашимъ владѣньямъ,
Городъ ничтожный успѣла построить цѣною металла,—
Та, для которой я уступилъ берега, и гдѣ прежде
Самъ я законы давалъ, отвергнувъ мое предложенье,
Приняла въ царство свое пришельца Энея, и этотъ
Женоподобный Паридъ, съ толпою другихъ полумужей,
Митрой лидійской покрывъ свои душистыя кудри,
Ею совсѣмъ овладѣлъ, а я, твой вѣрный поклонникъ,
Жертвы тебѣ приношу и пользуюсь славой—напрасно».
Такъ молился Ярбантъ, боговъ алтари обнимая.
Внялъ Всемогущій мольбамъ и, бросивъ всевидящій взоръ свой,
На чертоги счастливой четы, въ любви позабывшей
Лучшую славу, Меркурья позвалъ и даетъ порученье:
«Слушай, мой сынъ, отправляйся въ путь, на крыльяхъ летучихъ,
Къ князю троянцевъ, который теперь въ Карѳагенѣ тирійскомъ
Медлитъ, а данныхъ судьбой городовъ не хочетъ увидѣть.
Ты передай ему поскорѣе мое повелѣнье.
Мнѣ не то обѣщала его прекрасная матерь,
Не для того отъ данайскихъ мечей два раза спасала,—
Но для того, чтобъ онъ усмирилъ возмущенную бранью
Землю Италію, далъ-бы намъ новое племя, отъ крови
Древняго Тевкра, и міру всему предписалъ-бы законы.
Если все это въ немъ жажды къ славѣ не возбуждаетъ,
Ни предстоящій подвигъ, выше нынѣшней славы,
Онъ-ли Асканію-сыну завидуетъ римское царство?

Что онъ задумалъ? Съ какою онъ цѣлью тамъ остается
Между врагами? Не хочетъ увидѣть лавинскаго царства?
Пусть онъ плыветъ, скажи: такова Всевышняго воля».
Такъ онъ сказалъ, а тотъ святую родителя волю
Вдругъ исполняетъ; сперва, къ ногамъ прикрѣпилъ золотыя
Крылья, которыми взапуски съ вѣтромъ несется, летая
Иль надъ равниною моря, иль быстро паря надъ землею.
Взялъ потомъ и жезлъ, которымъ изъ ада выводитъ
Блѣдныя тѣни иль въ темный адъ посылаетъ обратно,
Или наводитъ сонъ на людей, иль безсонницей мучитъ,
Иль закрываетъ очи смертельною мглою, иль гонитъ
Быстрые вѣтры, иль разсѣкаетъ бурныя тучи.
Вотъ онъ летитъ ужъ мимо высокой вершины Атланта,
Мимо высокой главы, на которой покоится небо,—
Страшной Атланта главы, сокрытой въ черныхъ туманахъ;
Тамъ, гдѣ растутъ поднебесныя сосны; гдѣ дождь омываетъ
Твердое темя, а буйные вѣтры чело потрясаютъ,
Снѣгъ покрываетъ широкія плечи; изъ устъ великана
Рѣки бѣгутъ, а ледъ поставилъ бороду дыбомъ.
Тамъ Меркурій сперва, на блестящихъ крыльяхъ колеблясь,
Сталъ, а потомъ стремглавъ погрузился въ широкія волны.
Точно какъ птица, порхая вокругъ прибрежныхъ утесовъ,
Вдругъ завидя добычу, бросается въ воду за рыбкой:
Такъ и килленскій богъ, рожденный отъ матери-Маи,
Между землею и небомъ парилъ, направляя полетъ свой,
Прямо къ либійской странѣ и вѣтры крыломъ разсѣкая.
Вотъ едва онъ коснулся домовъ окрыленной пятою,
Видитъ, что князь троянскій строитъ палаты и замки.
Мечъ у него алмазами блещетъ, какъ звѣздами—небо,
И драгоцѣнный плащъ, отъ плечъ до земли ниспадая,
Пурпуромъ яркимъ горитъ, сливаясь съ палевымъ блескомъ
Золототканыхъ узоровъ,—подарокъ богатой Дидоны.
Такъ говоритъ Меркурій: «Ты строишь прекрасные домы,
Женоподобный мужъ? И ты Карѳагена твердыни
Строишь? Увы, ты забылъ о своемъ назначеньи и царствѣ!
Самъ повелитель боговъ, который однимъ мановеньемъ
Двигаетъ землю и небо, меня къ тебѣ посылаетъ,

Самъ онъ велѣлъ объявить тебѣ свое повелѣнье:
Что ты задумалъ? Съ какою ты цѣлью здѣсь остаешься,
На берегахъ либійскихъ, и тратишь время напрасно?
Если ты не заботишься самъ о будущей славѣ;
Если боишься трудовъ, славнѣе подвиговъ прежнихъ,
Вспомни, что сынъ твой Асканій, этотъ маленькій Юлій—
Твой преемникъ и дано ему на поляхъ италійскихъ
Римское царство.
Такъ говорилъ посланникъ Зевеса
И, оставляя въ недоумѣніи смертныя очи,
Мало по малу исчезъ, сливаясь съ свѣтлымъ эѳиромъ.
Остолбенѣлъ Эней: онъ глядѣлъ какъ безумный на бога;
Волосы стали дыбомъ, и голосъ замеръ въ гортани.
Хочетъ бѣжать, устрашенный такимъ боговъ повелѣньемъ,
Хочетъ бѣжать, оставить милую землю,—но горе!—
Какъ бѣжать? И какъ сказать объ этомъ царицѣ?
Какъ приступить къ разлукѣ? Съ чего начать разговоръ свой?
Онъ то одно избираетъ средство, то снова другое;
То колеблется вновь, то вновь размышляетъ, какъ прежде.
Но, наконецъ, рѣшился избрать онъ средство такое:
Онъ зоветъ Мнестея, Сергеста, зоветъ и Клоанта,
И велитъ снаряжать весь флотъ и товарищей къ морю
Тихо собрать и, приготовивъ на случай оружье,
Ждать, но не говорить никому о причинѣ движенья.
Между тѣмъ, какъ царица еще не знаетъ объ этомъ
И о разрывѣ столь тѣсной любви и думать не можетъ,
Онъ отправится къ ней и, выждавъ удобное время
Для разговора объ этомъ дѣлѣ, онъ съ нею простится.
Въ радости, всѣ поспѣшили исполнить его приказанье.
Но царица (какъ обмануть любовь?) угадала
Тайну Энея. Страшась малѣйшаго знака измѣны,
Прежде всѣхъ объ этомъ узнала: молва донесла ей
Объ оснащеніи флота и приготовленьи къ отплытью.
Въ ярость она пришла и, въ отчаяніи, бродитъ повсюду:
Точно какъ Вакха безумная жрица, во время восторга,
Чуя пришествіе бога и радости оргій трилѣтнихъ,
Воетъ, кричитъ, а Киѳэронъ вторитъ ночнымъ завываньямъ.

Вотъ, наконецъ, царица такъ начинаетъ къ Энею:
«Могъ-ли ты думать, измѣнникъ, что можно скрыть предо мною
Гнусный поступокъ и тайно бѣжать отъ нашихъ владѣній?
Какъ?—Ни наша любовь, ни союзъ, ни священная дружба,
Ни жестокая смерть моя тебя не удержитъ?
Ты готовишься плыть въ столь бурное море, зимою,
И навстрѣчу идти лихимъ аквилонамъ? Жестокій!
Если-бы ты не плылъ къ берегамъ неизвѣстнымъ, далеко;
Если-бы древняя Троя еще, какъ прежде, стояла,
Что—ты отплылъ-бы въ Трою по зимнему, бурному морю?
Ты отъ меня бѣжишь? Иль тебя не трогаютъ просьбы,
Слезы мои?.. Мнѣ только просьбы и слезы остались!
Ахъ, не бѣги, умоляю тебя священнымъ союзомъ,
Начатымъ бракомъ нашимъ, если я заслужила
Сколько-нибудь любви твоей и если въ чемъ-либо
Счастливъ ты былъ со мною, сжалься надъ бѣдной Дидоной,
Не отвергай ты просьбы, оставь ты мысль объ отъѣздѣ:
Вѣдь за тебя ненавидятъ меня цари нумидійцевъ,
Либія вся, и даже тирійцы роптать начинаютъ!
Я принесла на жертву тебѣ, свою честь, свою славу,
Славу, которая, прежде, меня до небесъ возносила.
Ты покидаешь меня? Кому покидаешь ты, гость мой?..
«Гость мой»—это одно отъ «супруга» названье осталось!..
Буду-ль я ждать, пока Пигмальонъ разрушитъ мой городъ,
Или жестокій Ярбантъ уведетъ за собою въ неволю?
Если-бъ, по крайней мѣрѣ, я знала, что ты, отъѣзжая,
Мнѣ оставляешь потомка,— по крайней мѣрѣ, въ печали
Этотъ малютка Эней меня утѣшалъ-бы собою,
Напоминалъ-бы твой образъ и имя твое лепеталъ-бы:
Мнѣ-бы казалось тогда, что я не совсѣмъ одинока...»

Такъ говорила. Но онъ, послушный боговъ повелѣнью,
Очи къ землѣ опустивъ, стоялъ въ размышленьи глубокомъ
И, наконецъ, сказалъ: «Царица, ты много умѣешь
Истины дать словамъ и что любви ты достойна,
Я никогда отрицать не буду, напротивъ, съ любовью
Воспоминать о тебѣ, царица, мнѣ будетъ отрадно.
Я никогда не забуду тебя, прекрасной Елиссы,

Нѣтъ, доколѣ съ жизнію память во мнѣ не угаснетъ!
Выслушай-же и меня: никогда я не думалъ
Передъ тобою отъѣзда скрывать,—повѣрь мнѣ, царица,—
И никогда я не думалъ о брачномъ союзѣ съ тобою,
Не для того я пришелъ, чтобы заключать договоры.
Если-бы я не внималъ священному голосу Рока;
Если-бы жизнь моя отъ меня зависѣла только,
Я-бы скорѣе отплылъ къ роднымъ берегамъ Иліона;
Снова возстала-бы Троя и замокъ высокій Пріама,
И побѣжденныя стѣны возстали-бы снова изъ праха.
Но теперь, послушный велѣнью гринейскаго Фэба,
Противъ желанія, долженъ я плыть къ берегамъ италійскимъ:
Тамъ отечество наше. И если тебѣ, тиріянкѣ,
Такъ милы карѳагенскія стѣны и городъ либійскій,
То для чего-жъ не желаешь ты намъ, несчастнымъ троянамъ,
На италійской землѣ поселиться?—Развѣ не можемъ
Мы, подобно тебѣ, избрать любую отчизну?
Сколько разъ на землю сойдутъ ночные туманы,
Сколько разъ золотыя звѣзды на небѣ заблещутъ:
Блѣдная тѣнь Анхиза встаетъ предо мною изъ гроба
И упрекаетъ меня, и страшитъ родительскимъ гнѣвомъ.
Я-ль позавидую славѣ Асканія, милаго сына?
Я-ль обману надежду его на авзонское царство?
А теперь посланникъ небесъ, представъ предо мною,
Самъ посланникъ небесъ, клянусь предъ тобою, царица,
Мнѣ объявилъ неизмѣнную волю всевышнаго бога.
Самъ я видѣлъ, какъ онъ, средь бѣлаго дня появляясь,
Въ городъ вошелъ, и самъ я услышалъ божественный голосъ.
Ахъ, перестань и меня, и себя напрасно печалить:
Противъ желанія долженъ я плыть къ берегамъ италійскимъ».

Такъ говорилъ Эней; но царица давно ужъ не внемлетъ,
Взоромъ поводитъ быстро и молча глядитъ на Энея.
Вдругъ запылала отъ гнѣва и такъ говорить начинаетъ:
«Нѣтъ, измѣнникъ, не вѣрю,—мать твоя не богиня,
И не Дарданъ отецъ столь низкаго чада, но скалы,
Твердыя, дикія скалы Кавказа тебя породили,
Тигры вскормили грудью тебя, гирканскіе тигры!

Что мнѣ таиться? Чего мнѣ еще ожидать, злополучной?
Внялъ ли рыданьямъ моимъ? Смягчилось-ли твердое сердце?
Тронули-ль слезы его? И сжалился-ль онъ надо мною?
Что мнѣ еще остается? О горе,—уже и Юнона,
И всемогущій отецъ не смотритъ праведнымъ окомъ;
Нѣтъ ужъ вѣры нигдѣ! Разбитаго бурей, въ несчастьи,
Приняла въ царство свое и властію съ нимъ раздѣлилась,
Флотъ и товарищей всѣхъ спасла отъ погибели вѣрной.
А! безуміе мною владѣло, и Фэбовъ оракулъ,
И ликійскій оракулъ, теперь и посланникъ Зевеса,
Самъ посланникъ Зевеса приноситъ такія велѣнья!
Это-ль занятье боговъ? Такая-ль забота о смертныхъ?
Я не держу тебя: плыви къ берегамъ италійскимъ,
Я не противлюсь: иди, ищи за морями престола;
Но ты погибнешь въ пучинахъ морскихъ, разбитый о скалы,
Боги накажутъ тебя, если безсмертные боги
Власть имѣютъ еще. Часто имя Дидоны
Будешь на помощь звать; но я какъ адское пламя
Вслѣдъ за тобою пойду. А когда сырая могила
Приметъ меня и разлучитъ съ душею холодное тѣло,
Блѣдною тѣнью пойду за тобою и буду тревожить!
Да, злодѣй, я узнаю о казни твоей, я узнаю:
Эта молва дойдетъ до меня и въ подземныя страны!».
Тутъ она прервала рѣчь и, подобно безумной,
Вдругъ побѣжала быстро и скрылась отъ взоровъ Энея.
Онъ, пораженный словами, долго стоялъ въ онѣмѣньи.
Что-то хотѣлъ говорить; но слова на устахъ умирали.
А царица, въ печали, безъ чувствъ упала на землю.
Слуги подняли съ земли ея полумертвые члены
И уложили въ мраморной спальнѣ на царское ложе.
А боговѣрный Эней, страдая много отъ горя
И разрывая сердце своею и любовью, и вѣрой,
Хочетъ утѣшить царицу нѣжною рѣчью и лаской;
Но, исполняя велѣнье боговъ, отправляется къ флоту.
Засуетились троянцы вокругъ кораблей и выводятъ
Въ море свой флотъ—и флотъ закачался на влагѣ зыбучей.
Рубятъ въ ближнемъ лѣсу и снасти, и весла для флота,

Къ берегу все тащàтъ и готовятся выступить въ море:
Видно, какъ всѣ бѣгутъ, толпами стремятся на пристань,
Точно какъ муравьи, обсѣвъ громаду пшеницы,
Въ норы свои тащатъ, запасаясь на зимнее время,
По полю черною ратью идутъ и уносятъ добычу,
Узкой тропинкой въ травѣ пробираясь къ жильямъ подземельнымъ.
Тѣ на плечахъ тащатъ огромныя зерна, другіе
Гонятъ и вновь собираютъ толпы, понуждая къ работѣ;
Вся дорожка чернѣетъ: кипятъ муравьи надъ работой.
Что̀ ощущаешь, Дидона, глядя на это движенье?
Какъ ты рыдала, когда изъ окна высокихъ чертоговъ
Видѣла берегъ, покрытый толпами кипящихъ троянцевъ,
Слышала говоръ пловцовъ, сливавшійся съ говоромъ моря!
Снова ударилась въ слезы; снова и слезы, и просьбы;
Снова любовь одолѣла ее; еще попытаться
Хочетъ она, чтобъ потомъ не роптать предъ смертью напрасно.
О любовь, любовь, до чего ты смертныхъ доводишь!
«Анна», сказала она, «ты видишь, что къ берегу моря
Всѣ собрались уже, и вѣтеръ вздуваетъ вѣтрила;
Въ радости, всѣ пловцы ужъ кормы кораблей увѣнчали.
Если я могла ожидать такого несчастья,
Я и могу—перенесть. Сестра ты милая, Анна,
Выслушай просьбу мою, помоги сестрѣ злополучной.
Этотъ измѣнникъ только тебя одну уважаетъ,
Только одной тебѣ ввѣрялъ онъ душевныя тайны,
Ты хорошо узнала его и сердце, и мысли.
Милая Анна, иди, скажи надменному гостю:
Я не клялась, въ Авлидѣ, губить троянское племя;
Не посылала своихъ кораблей я противъ Пергама;
Не оскорбила ничѣмъ ни пепловъ, ни тѣни Анхиза;
Что-жъ онъ не хочетъ внимать ни моимъ увѣщаньямъ, ни просьбамъ?
Что̀ онъ спѣшитъ?—Пускай подождетъ попутнаго вѣтра;
Это послѣдняя милость, которой проситъ Дидона.
Я не прошу ужъ прежней любви,—вѣдь онъ измѣнилъ ей,—
Я не хочу лишать его италійскаго царства.
Времени только прошу,—быть можетъ, время излечитъ
Рану мою; я, быть можетъ, свыкнусь съ горькой судьбою.

Это просьба моя. Пожалѣй о сестрѣ злополучной.
Я не забуду услуги твоей и въ темной могилѣ.
Такъ просила она, а сестра, заливаясь слезами,
Носитъ просьбы ея и обратно приноситъ; напрасно:
Ни рыданья, ни просьбы—ничто не поможетъ. Подобно
Твердой скалѣ, онъ не видитъ ни слезъ, ни рыданій не слышитъ:
Онъ внимаетъ лишь голосу неумолимаго рока.
Какъ бореи, сражаясь противъ столѣтняго дуба,
Страшнымъ дыханьемъ низвергнуть хотятъ великана и вмѣстѣ
Спорятъ о силѣ, то съ той, то съ другой стороны ударяя,—
Грозно шумитъ великанъ и борется съ ними упорно;
Вѣтви и листья летятъ, устилая бранное поле;
Онъ уперся въ скалу и сколько косматой главою
Къ небу несется, столько пятой досягаетъ онъ ада,—
Такъ и герой, безпрерывно томимый напрасною просьбой,
Твердо стоитъ, а широкую грудь терзаютъ заботы;
Мысль неподвижна; но слезы нѣмыя текутъ по ланитамъ.
И тогда, устрашась непреклоннаго рока, Дидона
Жаждетъ смерти: ей скучно смотрѣть на свѣтлое небо,
Эта жажда усилилась болѣе чуднымъ видѣньемъ.
Лишь положила она дары на алтарь благовонный,—
Страшно сказать!—священная влага вдругъ почернѣла,
И, наконецъ, вино въ нечистую кровь превратилось.
Но она никому и, даже сестрѣ, не сказала.
Былъ еще въ дворцѣ посвященный пепламъ Сихэя
Мраморный храмъ, въ которомъ она любила молиться.
Только ночь осѣнила землю чернымъ покровомъ,
Слышны въ храмѣ голосъ и стоны усопшаго мужа,
И на кровлѣ сова поетъ могильныя пѣсни,
Жалобно плачетъ, стонетъ, выводитъ протяжные звуки;
Кромѣ того, ночныя видѣнья и страшныя грезы
Часто терзаютъ ее, наполняя ужасомъ сердце.
Грезитъ Дидона, во снѣ, какъ Эней, неистовства полный,
Гонитъ повсюду ее,—и она вездѣ одинока;
Часто кажется ей, что она по пустыннымъ дорогамъ
Ходитъ одна въ далекія страны и ищетъ тирійцевъ;
Такъ безумный Пентей, убѣгая неистовыхъ фурій,

На небѣ видѣлъ два солнца, а долу—Ѳивы двойныя,
Или безумный Орестъ, потомокъ Агамемнона,
Такъ бѣжалъ, устрашенный разгнѣваннымъ матери взоромъ;
Адское пламя въ рукахъ у нея, и черныя змѣи
Вьются по ней, а Проклятье и Месть сидятъ у порога.
Вотъ, когда отчаянье заняло мѣсто печали,
Твердо рѣшилась на смерть и, выждавъ удобное время,
Въ сердцѣ сокрыла тайну, и, взоръ проясняя улыбкой,
Вдругъ подходитъ къ печальной сестрѣ и такъ говоритъ ей:
«Ну, сестра, поздравь меня,—я придумала средство,
Средство, которое иль возвратитъ мнѣ его непремѣнно,
Или разлучитъ со мной, и память о немъ истребится.
Тамъ, гдѣ конецъ Океана; гдѣ свѣтлое солнце заходитъ,
Есть послѣдній предѣлъ эѳіоповъ. Атлантъ необъятный
Двигаетъ тамъ на плечахъ съ золотистыми звѣздами небо.
Есть у насъ изъ тѣхъ странъ массильская жрица-колдунья,
Бывшая стражемъ садовъ гесперійскихъ; она подавала
Пищу дракону и вѣтви завѣтныхъ деревъ сторожила,
И окропляла ихъ медомъ и усыпительнымъ макомъ.
Эта колдунья можетъ лечить сердца отъ печали
Иль наводить на нихъ тоску и злыя заботы,
Остановить рѣку иль двигать свѣтило обратно;
Можетъ ночныхъ духовъ вызывать; у нея подъ ногами,
Слышно, какъ стонетъ земля и съ горъ нисходятъ деревья
Всѣми богами клянусь и твоей драгоцѣнною жизнью,
Милая Анна, я за чары принимаюсь невольно:
Ты, сестра, посрединѣ двора костеръ приготовишь
И положи на него и броню, и оружье злодѣя,
Все, что̀ въ спальнѣ виситъ на стѣнѣ, и брачное ложе
Брось на костеръ, то ложе, гдѣ я невозвратно погибла,—
Все, что̀ осталось по немъ, истребить приказала колдунья»...
Такъ сказавъ, умолкла и вдругъ въ лицѣ измѣнилась.
Анна не знаетъ, что въ этомъ новомъ обрядѣ Дидона
Тайно могилу готовитъ себѣ; для нея непонятна
Сила любви; она не предвидитъ ужасныхъ послѣдствій,
Хуже Сихэевой смерти, и просьбу сестры исполняетъ.
Вотъ уже принесли сосновыхъ, ясѐневыхъ прутьевъ

И посрединѣ двора костеръ сложили какъ гору.
А царица—цвѣтовъ принесла, погребальныя вѣтви,
И, украсивъ костеръ, на немъ положила добычу,
И оставленный мечъ и портретъ на одрѣ положила.
Знала она, для чего такіе обряды готовитъ.
Вкругъ стоятъ алтари, а жрица, власы распустивши,
Громко молитвой боговъ призываетъ—Ереба, Хаоса,
И тройную Гекату, въ трехъ лицахъ дѣву Діану;
Тутъ изліяла и воду, подобіе адскихъ потоковъ;
Ищутъ юнаго зелья, при свѣтѣ лунномъ, серпами
Жнутъ и варятъ въ котлѣ, съ молокомъ и черной отравой.
Ищутъ и жеребятъ молодыхъ и, во время рожденья,
Всю любовь матерей у нихъ отъ чела отнимаютъ.
А царица сама, распахнувъ, распоясавъ одежду
И обнаживши ногу, и взявши въ чистыя руки
Жертвенный хлѣбъ, призываетъ боговъ и ночныя свѣтила,
На свидѣтельство смерти и неумолимаго рока.
Молитъ потомъ у боговъ милосердія, правды, защиты,
Если богамъ не противна любовь незаконнаго брака...
Полночь была. Ужъ все погрузилось въ забвенье и нѣгу,—
Сладкую нѣгу покоя, когда и сердитое море
Дремлетъ во снѣ, не шелохнется лѣсъ, а ночныя свѣтила
Тихо плывутъ въ небесахъ, совершая полночные круги;
Спятъ безмолвныя нивы, стада; живописныя птицы
И прозрачныя воды озеръ, и дикія степи,—
Все отдыхаетъ въ покоѣ, среди безмолвія ночи,
Все,—лишь Дидона одна безсонныхъ очей не смыкаетъ;
Не прилетаетъ къ ней сонъ; въ ней бодрость сугубитъ заботы.
Вновь запылала любовь и съ бѣшенствомъ прежнимъ пылаетъ:
Снова и гнѣвъ запылалъ и борьбу начинаетъ съ любовью.
«Ахъ, злополучная!»—такъ про себя разсуждаетъ Дидона,—
«Что мнѣ дѣлать? Снова-ли къ тѣмъ женихамъ обратиться,
Къ тѣмъ женихамъ, надъ которыми я насмѣхалась такъ долго?
Я-ли унижу себя и руки у царей нумидійскихъ
Буду просить, которую я отвергала такъ часто?
Что-жъ?—За троянскимъ флотомъ идти и судьбы повелѣнье
Съ нимъ раздѣлить? Почему?—Потому-ли, что я оказала

Помощь несчастнымъ? Но развѣ они не забыли объ этомъ?
Ну, положимъ; да кто-жъ мнѣ позволитъ отечество бросить?
Кто-же приметъ меня на корабль?—Меня ненавидятъ!
Ахъ, погибла Дидона, погибла! Ты-ли не знаешь,
Ты-ли не видишь еще, что троянцы тебѣ измѣнили?
И неужель я одна сопутствовать буду троянцамъ?
Иль соберу всѣхъ тирійцевъ и съ ними вмѣстѣ въ далекій
Путь уплыву? И снова пожертвую вѣтрамъ и морю
Тѣми, которыхъ съ трудомъ спасла отъ враждебнаго Тира?
Нѣтъ, Дидона, лучше умри, какъ прилично несчастной,
Лучше ударомъ однимъ прекрати всѣ жестокія муки!
Ахъ, сестра! Ты тронулась горемъ моимъ и слезами;
Ты мнѣ хотѣла помочь—и бросила въ жертву злодѣю!
Нѣтъ, безъ брачныхъ узъ безгрѣшная жизнь невозможна:
Такъ лишь звѣри живутъ, а я согрѣшила предъ небомъ,
Я измѣнила любви, обѣщанной пепламъ Сихэя!»
Такъ говоря про себя, Дидона горько рыдала.

А Эней, приготовивъ заранѣе все для похода,
Легъ на высокой кормѣ и уснулъ, ожидая разсвѣта.
Снова, во снѣ, предсталъ предъ него божественный образъ,
Тотъ-же Меркурія образъ и голосъ, и поступь,
Тѣ-жъ бѣлокурыя кудри, красою блестящіе члены.
Снова началъ его упрекать такими словами:
«Сынъ богини, время-ли спать въ такую минуту?—
Или не видишь, какая опасность тебѣ угрожаетъ?
Ахъ, безумный! не слышишь, какъ дуютъ попутные вѣтры?
Въ сердцѣ ея преступленье; она умышляетъ засаду,
Уже рѣшилась на смерть и отчаяннымъ гнѣвомъ пылаетъ.
Пользуйся этой минутой, бѣги, удались поскорѣе:
Вскорѣ вражьи ладьи все море взволнуютъ; увидишь
Грозныхъ факеловъ блескъ и пламенемъ берегъ объятый,
Если Аврора тебя на этомъ мѣстѣ застанетъ.
Женщинамъ ты не вѣрь: онѣ перемѣнчивы, шатки!»
Такъ говоря, онъ исчезъ и слился съ туманами ночи.

И тогда Эней, испуганный чуднымъ видѣньемъ,
Быстро вскочилъ отъ сна, идетъ и товарищей будитъ:
«Встаньте, товарищи, бодрствуйте; весла скорѣе берите

И паруса поднимайте!—Сошедши съ высотъ поднебесныхъ,
Самъ посланникъ боговъ, во снѣ представъ предо мною,
Вновь повелѣлъ мнѣ отплыть и немедля отрѣзать канаты.
Кто-бы ты ни былъ, святой обитатель великаго неба,
Я повинуюсь тебѣ и волю твою исполняю.
Боги, прибудьте на помощь и путь ниспошлите счастливый!»
Такъ говоря, онъ выхватилъ мечъ молньеносный и рубитъ
Острымъ булатомъ канаты, сѣчетъ—и лопнули вервья.
Бросились къ дѣлу троянцы, рѣжутъ канаты и въ море
Быстро уходятъ. Отъ нихъ удаляется берегъ; лишь волны
Пѣною брызжутъ отъ веселъ. И пристань вмигъ опустѣла.
Вотъ и Аврора проснулась и, вставъ съ багрянаго ложа,
Брызнула свѣтомъ румянымъ на спящія земли и воды,—
И, едва востокъ загорѣлся первымъ разсвѣтомъ,
Какъ царица увидѣла флотъ, удалявшійся въ море.
Бросила взоры на пристань: въ пристани не было флота...
Впала въ безумье царица; дланью грудь поражаетъ,
Рветъ бѣлокурыя кудри и плачетъ: «О Всемогущій!
Этотъ пришлецъ уплыветъ и надъ царствомъ моимъ посмѣется?
Какъ?—Не вооружится никто, не ударитъ въ погоню?..
И не берутъ кораблей изъ верфи?.. Идите, идите,
Пламя несите скорѣе, бѣгите, летите въ погоню!
Бейте весла̀ми скорѣе, скорѣй паруса поднимайте!..
Что̀ говорю я?.. Гдѣ я?.. Ахъ, какое безумье!..
Ты гнушаешься низкимъ поступкомъ? Несчастна Дидона!
А тогда, какъ скипетръ давала, тогда не гнушалась?
Вотъ Энеева вѣрность, вотъ благочестье Энея!
Этотъ мужъ... съ собою унесъ пенатовъ изъ Трои?
Этотъ мужъ... на плечахъ уносилъ родителя-старца?
Я-ль не могла растерзать его и въ волны морскія
Бросить, товарищей всѣхъ умертвить иль, тѣло Асканья
Въ радостный пиръ обративъ, насытить родителя—сыномъ?
Но вѣдь битвы успѣхъ сомнителенъ былъ-бы... Положимъ.
Что-жъ мнѣ бояться?—Я понесла-бы въ лагерь троянцевъ
Факелъ пожара; я-бы сожгла корабли, истребила
И на развалинахъ ихъ сама-бы бросилась въ пламя!
Солнце, солнце! ты освѣщаешь дѣянія смертныхъ!

Матерь Юнона, тебѣ извѣстны всѣ наши страданья!
Ты, о Геката, которая, въ ночь, на распутіи воешь!
Мстящія фуріи! Боги Дидоны, жаждущей смерти!—
Вы внемлите мольбамъ, обратите взоръ милосердный
На страданья мои! И, если судьбѣ такъ угодно,
Чтобы злодѣй пришлылъ и увидѣлъ завѣтную землю;
Если такъ небу угодно, чтобъ я непремѣнно погибла,—
Пусть-же злодѣй, побѣжденный на брани храбрымъ народомъ,
Въ вѣчной разлукѣ съ сыномъ, скитаясь какъ жалкій изгнанникъ,
Молитъ пощады; пусть будетъ свидѣтелемъ смерти собратовъ,
Миръ заключитъ съ врагомъ на самыхъ тяжкихъ условьяхъ,
И тогда, лишенный престола, всѣхъ радостей свѣта,
Пусть погибнетъ,—но пусть погибнетъ на прахѣ, безъ гроба!
Боги! эту молитву съ послѣднею каплею крови
Вамъ посылаю. А вы, о тирійцы, къ ихъ племени, роду
Ненависть вѣчно питайте, утѣшьте мой пепелъ въ могилѣ!—
Пусть между ними и вами не будетъ союза, ни дружбы;
Пусть изъ могилы моей имъ грозный мститель возстанетъ
И преслѣдуетъ Дардана родъ мечемъ и пожаромъ,
И теперь, и всегда,—лишь будутъ силы для мести;
Пусть берега съ берегами и волны съ волнами враждуютъ;
Мечъ пусть враждуетъ съ мечемъ, съ отцами дѣти и внуки!»
Такъ сказала она и всюду взоромъ поводитъ;
Свѣтъ ей постылъ: Дидона жаждетъ сѣни могильной.
Вотъ, позвавъ къ себѣ Сихэя кормилицу, Барку
(А ея кормилица въ прежней отчизнѣ скончалась),
Такъ говоритъ: «Позови мнѣ Анну, любезная Барка.
Прежде скажи, пусть скорѣе омоется рѣчной водою;
Пусть приведетъ и жертву и все приготовитъ, что нужно.
Ты и сама покрой чело священной повязкой:
Я давно приготовила жертву Юпитеру ада,
А теперь совершить хочу и окончить заботы,
Въ пламени сжечь на кострѣ остатки дарданскаго мужа».
И старушка, дрожа, поплелась приказанье исполнить...
Въ страхѣ и въ страшномъ какомъ-то восторгѣ, Дидона вбѣжала
На середину двора, гдѣ огромный костеръ возвышался;
Очи налитыя кровью быстро ходили повсюду;

Пятна покрыли ланиты ея и предсмертная блѣдность.
Быстро, въ волненьи, взошла на костеръ и мечъ обнажила,
Мечъ дарданскій, не для такой предназначенный цѣли,
И, увидавъ Энея броню и знакомое ложе,
Начала плакать, потомъ, собравшись нѣсколько съ духомъ,
Къ ложу склонилась и такъ въ послѣдній разъ говорила:
«Милые сердцу остатки, когда улыбалось мнѣ счастье!
Вы примите душу мою, разрѣшите отъ горя.
Я жила и исполнила путь, предназначенный рокомъ,
А теперь—моя тѣнь удалится въ подземныя страны!
Я основала городъ, я видѣла славныя стѣны,
Я отмстила за смерть супруга коварному брату!
Счастлива, ахъ! и счастлива слишкомъ была-бы Дидона,
Если-бы этотъ берегъ не видѣлъ дарданскаго флота!»
И, коснувшись ложа устами, «я умираю безъ мести,
Но я умру», сказала, «мнѣ смерть отрадна и сладка.
Пусть жестокій взираетъ на пламя съ глубокаго моря,
Пусть унесетъ съ собою извѣстье о смерти Дидоны!..»
Такъ окончивъ, упала на одръ. Прибѣжали подруги;
Видятъ мечъ, дымящійся кровью, пронзенныя перси
И обагренныя руки царицы. Крики и вопли
Вдругъ огласили дворецъ, и молва пронеслась въ Карѳагенѣ.
Плачъ и рыданіе всюду: жены плачутъ и воютъ;
Домы дрожатъ, и воздухъ трепещетъ отъ страшнаго стона.
Точно, казалось, какъ будто-бы врагъ овладѣлъ Карѳагеномъ
Или древнимъ Тиромъ; будто пожарное пламя
Вдругъ охватило кровли домовъ и божественныхъ храмовъ.
А сестра, услышавъ шумъ и смятенье въ чертогахъ,
Рветъ руками лицо и, дланію грудь поражая,
Сквозь толпу пробиваясь, летитъ и сестру призываетъ:
«Вотъ что, родная, было! Меня обмануть ты хотѣла?
Ахъ, для того-ли костеръ, для того-ль алтари я воздвигла?
Что-жъ одинокой мнѣ дѣлать теперь? И ты, умирая,
Ты обо мнѣ забыла? Зачѣмъ ты меня не призвала?
Тотъ-же мечъ однимъ ударомъ пронзилъ-бы два сердца.
Ахъ, сестра жестокая! Я для того-ль положила
Этотъ костеръ? Для того-ли боговъ призывала въ молитвѣ,

Чтобы увидѣть тебя и на вѣкъ разлучиться съ тобою?
Я погубила тебя и себя, и сидонскихъ собратовъ,
Я погубила твой городъ! Дайте воды: я омою
Рану ея и, если душа не совсѣмъ улетѣла,
Пусть я вдохну въ себя ея послѣдніе вздохи!»
Такъ говоря, она взошла по ступенямъ высокимъ,
Пала на тѣло сестры и, обнявъ, согрѣваетъ дыханьемъ,
Плачетъ и стонетъ, и платьемъ черную кровь отираетъ..
А Дидона хотѣла поднять тяжелыя вѣки
И сомкнула снова: хрипитъ подъ грудію рана.
Трижды она приподнялась, рукой опираясь усильно:
Трижды упала на одръ и мутнымъ взоромъ искала
Милаго свѣта небесъ, нашла—и вздохнула глубоко...
Сжалилась матерь-Юнона и, видя тяжкія муки
Трудной кончины, съ высотъ Олимпа послала Ириду,
Чтобы она разрѣшила бореніе персти съ душою.
Не по велѣнью судьбы умирала царица, не смертью
Грѣшныхъ людей, но сраженная горемъ, какъ жертва безумья.
Ей Прозерпина еще не отсѣкла волосъ бѣлокурыхъ,
Не осудила тѣни ея скитаться по аду.
Вотъ Ирида слетѣла съ небесъ на крыльяхъ росистыхъ.
Тысячи разныхъ цвѣтовъ влечетъ за собою отъ солнца
И, прилетѣвъ и ставъ надъ главою Дидоны, сказала:
«Эту жертву я приношу подземному богу
И разрѣшаю душу твою отъ бреннаго тѣла».
Такъ говоря, отсѣкла жизненный волосъ; мгновенно
Вся теплота удалилась, и жизнь улетѣла на вѣтеръ.

І. Шершеневичъ.

5. Игры въ память Анхиза.

День желанный насталъ, и девятую въ ясномъ сіяньи
Фаэтонтовы ужъ вывозили кони Аврору,
Какъ и сосѣдей молва и славное имя Ацеста
Привлекли; берега наполнились радостнымъ сборомъ,
Чтобъ посмотрѣть Энеадъ, а часть и сразиться готова.
Передъ глазами и вкругъ сначала дары размѣщаютъ

Посреди, для святынь треножники, зелень вѣнками,
Для наградъ побѣдителямъ пальмы, оружье и пурпуръ
Яркихъ одеждъ и талантъ серебра и золота вмѣстѣ;
И съ возвышенья труба о начатіи игръ возглашаетъ.
Первые входятъ въ борьбу, тяжелыми веслами равны,
Четверо кораблей, изъ всего избранные флота.
Быстраго движетъ «Кита» Мнестей силачами-гребцами,
Тотъ италійскій Мнестей, отъ котораго Мемміи родомъ,
И громаду Гіасъ, огромную тяжесть «Химэру»,
Городъ на видъ, что, засѣвъ въ три ряда, молодежь изъ дарданцевъ
Гонитъ, и весла на немъ въ тройномъ возникаютъ порядкѣ;
И Сергестъ, отъ кого домъ Сергіевъ имя воспринялъ,
На «Центаврѣ» плыветъ большомъ, а на «Сциллѣ» лазурной
Тотъ Клоантъ, отъ кого твое имя, о римскій Клуенцій.
Въ морѣ далеко стоитъ скала противу опѣненныхъ
Береговъ, и въ нее, заливая, бьютъ волны напучась,
Въ пору, какъ сѣверный вѣтръ зимою сокроетъ созвѣздья;
Въ тихое время она молчитъ, и надъ влагой недвижной
Поле встаетъ, гдѣ пріютъ ныркамъ на припекѣ любимый.
Тутъ поставилъ отецъ Эней метою зеленой
Дубъ съ листвою, какъ знакъ пловцамъ, откуда-бы знали
Ворочаться и гдѣ побѣгъ закруживать долгій.
Тутъ избираютъ мѣста по жребію, сами вожди-же
Издалека на кормахъ сіяютъ въ багрянцахъ и въ златѣ;
Тополевой листвой молодежь остальная вѣнчалась
И, обнажая плеча, залитая елеемъ блистаетъ.
Сѣли они на скамьи, протянувши руки на весла;
Въ нетерпѣніи ждутъ всѣ знака, и сердца порывы
Бьетъ ударяющій страхъ и похвалъ тревожная алчность.
Тутъ только ясный свой звукъ труба издала, всѣ вскочили
Въ то-же мгновеніе съ мѣстъ; промчался крикъ корабельный
Въ воздухѣ, и отъ рукъ подтянутыхъ вспѣнилось море.
Борозды рѣжутъ равно, и, веслами вся перерыта
И тройными судовъ носами, разверзлась пучина.
Не столь быстро летятъ въ состязаніи парнемъ промчаться
По полю и, изъ оградъ вырываясь, бѣгутъ колесницы,
Такъ возницы вожжей не потрясаютъ волнистыхъ,

Какъ ужъ запустятъ коней, не склоняются такъ для ударовъ.
Тутъ отъ плесковъ мужей и кликовъ и рвенья усердныхъ
Грянулъ весь лѣсъ, и помчалъ голоса весь берегъ стѣсненный,
И отозвались кругомъ холмы, пораженные воплемъ.
Выбѣгаетъ изъ всѣхъ и изъ волнъ выскользаетъ переднихъ
Средь шумящей толпы Гіасъ, а за нимъ поспѣваетъ
И Клоантъ, что по весламъ сильнѣй, но корабль его медленъ
Грузомъ своимъ. Послѣ нихъ на разстояніи равномъ
«Китъ» съ «Центавромъ» занять стараются первое мѣсто,
И то «Китъ» впереди, то громадный «Центавръ» обгоняетъ
Побѣжденнаго, то они оба носы содвигаютъ
И протяженнымъ килемъ бороздятъ соленую влагу.
Ужъ приближались они къ утесу, меты достигая,
Какъ передній Гіасъ, на влагѣ морской побѣдитель,
Кормчему корабля кричитъ громогласно Менэту:
«Вправо куда у меня такъ забралъ? Держись-ка сюда вотъ.
Къ берегу правь, и весло пусть лѣвое трогаетъ камни;
Въ море пусть правитъ другой». Сказалъ, но Менэтъ, убоявшись
Скрытыхъ скалъ, передомъ въ открытое море воротитъ.
«Что воротишь-то прочь? Ты, Менэтъ, къ каменьямъ держися»,
Крикнулъ снова Гіасъ,—и вдругъ увидалъ онъ Клоанта,
Что за спиной на него насѣлъ и сталъ приближаться.
Тотъ между кораблемъ Гіаса и влѣво скалами
Среднимъ несется путемъ и передняго вдругъ обгоняетъ
И, покидая мету, въ безопасное море управилъ.
Тутъ у юноши скорбь ужасно въ костяхъ возгорѣлась;
Не безъ слезъ на щекахъ, непроворнаго тутъ онъ Менэта,
Все приличье забывъ и товарищей съ нимъ безопасность,
Въ море сбросилъ стремглавъ съ высокой кормы корабельной.
Самъ подошелъ онъ къ рулю, самъ кормчій и самъ-же начальникъ,
И увѣщаетъ мужей, и къ берегу гнетъ онъ кормило.
А тяжелый Менэтъ, какъ едва со дна появился,
Уже въ лѣтахъ, и, струи испуская изъ мокрой одежды,
Камня вершины достигъ и сѣлъ на сухомъ на утесѣ.
Тевкры смѣялись надъ нимъ, какъ онъ валился и плавалъ,
И смѣялись, какъ онъ изрыгаетъ соленую воду.
Тутъ у двухъ отсталыхъ отрадно блеснула надежда,

У Сергеста и у Мнестея взять верхъ надъ Гіасомъ.
Ранѣе мѣсто занялъ Сергестъ и приблизился къ камню.
Но не всѣмъ кораблемъ подававшимся вышелъ онъ первымъ, —
Частію лишь; часть, носомъ равняяся, «Китъ» припираетъ,
Но, посреди корабля проходя межь товарищей самыхъ,
Увѣщеваетъ Мнестей: «Вотъ, вотъ наляге на весла,
Гектора спутники, вы, которыхъ въ послѣдній часъ Трои
Я въ сотоварищи взялъ; теперь покажите тѣ силы,
Мужество то, что въ Сиртахъ гетульскихъ вы проявляли,
Въ іонійскихъ зыбяхъ и въ тѣсныхъ бурунахъ Малеи.
Ужъ не награды прошу я, Мнестей, и не бьюсь изъ побѣды,
Хоть и, о!—побѣждай, кому ты, Нептунъ, то дозволишь;
Стыдно отстать ото всѣхъ; вотъ въ томъ побѣдите, граждане,
И отстраните бѣду». Они въ состязаніи крайнемъ
Налегаютъ. Дрожитъ въ мѣди корма отъ ударовъ;
Влага подъ ними бѣжитъ, тугъ тяжкой одышкой колотитъ
Члены и высохшій ротъ; потъ всюду катится ручьями.
Вожделѣнную честь мужамъ самъ случай доставилъ,
Ибо когда, воспылавъ въ душѣ, къ скаламъ протѣснялся,
Носъ направляя, Сергестъ и взошелъ на неловкое мѣсто,
То несчастный завязъ на выдающихся камняхъ.
Содрогнулись скалы, и весла на остромъ утесѣ
Треснули, какъ уперлись, и передъ, взлѣзая, повиснулъ.
Повскочили пловцы и замедлились съ крикомъ великимъ,
Тащатъ съ желѣзомъ шесты и багры съ наконечникомъ острымъ
И переломленныя собираютъ весла въ пучинѣ.
А довольный Мнестей, самимъ распаленный успѣхомъ,
Быстрыми взмахами веселъ и при помощи вѣтра
Въ море направилъ корабль и бѣжитъ по открытой пучинѣ.
Какъ потревожена вдругъ изъ пещеры голубка, у коей
Домъ и милое ей гнѣздо въ издырявленной пемзѣ,
Мчится летя на поля и напугана сильно заплещетъ
Крыльями близко жилья, но скоро по воздуху тихо
Мчится текучимъ путемъ и проворныхъ не двигаетъ крыльевъ:
Такъ Мнестей, такъ самъ «Китъ» разсѣкаетъ дальнѣйшія волны,
Въ бѣгѣ летящаго такъ его разбѣгомъ уноситъ.
И сперва обошелъ онъ Сергеста, который все бился

На высокой скалѣ и на отмели, помощь напрасно
Лишь призывалъ онъ и плыть собирался на сломленныхъ веслахъ.
Послѣ Гіаса уже и громаду большую «Химэры»
Онъ догналъ; та сдалась, потому что похищенъ былъ кормчій.
Только одинъ, подъ конецъ, уже Клоантъ остается;
Онъ за нимъ и, собравъ всю мощь, на него напираетъ.
Тутъ удвояется кликъ, нагонявшаго всѣ подстрекаютъ
Сильнымъ участьемъ къ нему, и гудетъ восклицаньями воздухъ.
Тѣ отличьемъ своимъ и добытою брезгаютъ честью,
Если не выдержатъ ихъ; рады жизнью пожертвовать славѣ;
Этихъ питаетъ успѣхъ: имъ можно, коль видимо могутъ.
И, быть можетъ, они, поравнявшись, пріяли-бъ наградуу,
Если-бы къ морю Клоантъ, обѣ руки свои простирая,
Не излился въ мольбахъ и боговъ не позвалъ-бы на помощь:
«Боги, владыки морей, по влагѣ которыхъ бѣгу я,
Вамъ съ отрадой быка я бѣлаго на берегу тутъ
Выставлю предъ алтаремъ и, связанъ обѣтомъ, утробу
Кину въ соленую глубь, и вина текучаго вылью».
Молвилъ и весь его тутъ, подъ волнами на днѣ погруженный,
Хоръ нереидъ услыхалъ и Форкъ съ Панопеею дѣвой.
И отецъ самъ Портунъ плывущаго мощной рукою
Подогналъ; тотъ стрѣлы оперенной и вѣтра быстрѣе
До земли добѣжалъ и въ портѣ глубокомъ сокрылся.
Сынъ Анхиза тогда, по обычаю, всѣхъ подозвавши,
Побѣдителемъ чрезъ глашатая громко Клоанта
Объявилъ и чело ему лавромъ зеленымъ украсилъ;
И въ дары кораблямъ онъ по три быка обряжаетъ
И вина, и большой талантъ серебра шлетъ при этомъ.
Почести онъ воздаетъ предводителямъ самымъ особо:
Побѣдителю всю золотую хламиду, вкругъ коей
Мелибэйскій бѣжалъ двойными извивами пурпуръ;
Царственный мальчикъ затѣмъ былъ вытканъ на Идѣ тѣнистой,
Какъ на бѣгу и копьемъ утомляетъ онъ быстрыхъ оленей,
Будто запыхавшись самъ; его-же кривыми когтями,
Бросившись съ Иды, схватилъ оруженосецъ Зевеса;
Старые стражи вотще къ звѣздамъ свои руки подъемлютъ,
И по воздуху лай жестокій собакъ раздается.

Но тому, кто стяжалъ по доблести мѣсто второе,
Этому онъ изъ гладкихъ колецъ въ три съ золотомъ нити
Панцырь даетъ, что̀ самъ снялъ съ Демолеонта, сразивши
Надъ Симоентомъ его быстроводнымъ, подъ Троей высокой,
Мужу, чтобъ былъ онъ красой да и защитою въ битвахъ.
Слуги насилу его сплетенье, Фегей съ Сагарисомъ,
Только несли, напружа плеча, а въ немъ-же когда-то
Демолеонтъ на бѣгу гонялъ вразсыпную троянцевъ.
Въ третій назначилъ онъ даръ изъ мѣди пару лоханей
Съ чарами изъ серебра.съ превосходнымъ высокимъ чеканомъ.
Ужъ одаренные всѣ и своимъ гордяся богатствомъ,
Шли, увивши свое чело пурпурной повязкой,
Какъ съ искусствомъ большимъ, едва отцѣпившись съ утеса,
Уже безъ веселъ совсѣмъ и съ одной стороной поврежденной,
Велъ осмѣянный свой корабль Сергестъ безъ почета.
Какъ нерѣдко змѣя, что̀ захвачена сверху дороги,
Гдѣ по ней перешло колесо, иль ударомъ прохожій
Сильнымъ на камнѣ ее полумертвой, разбитой оставилъ,
Тщетно тѣло она, убѣгая, въ длину извиваетъ,
Частію только сердясь и глазами горя, она круто
Шею подъемлетъ, шипя; часть, раной увѣчна, мѣшаетъ
Ей, на извивы свои опираяся, въ членахъ свиваться:
Съ греблей подобной корабль лишь медленно такъ подвигался;
(Но паруса онъ подъялъ и въ устье вошелъ съ парусами).
Даръ обѣщанный свой Эней вручаетъ Сергесту:
Радъ тому, что спасенъ корабль и товарищи цѣлы.
Далъ онъ рабыню ему, знакомую съ дѣломъ Минервы,
Фолою; съ Крита она и мальчиковъ двойня у груди.

Благочестивый Эней направился, бой сей покинувъ,
Въ поле травяное, что̀ съ холмовъ волнистыхъ отвсюду
Окружали лѣса, въ долинѣ-же какъ театральный
Циркъ былъ, въ который герой, провожаемый множествомъ тысячъ,
Прямо въ средину вошелъ и, сидѣнье подстроивъ, усѣлся.
Здѣсь кто-бы могъ восхотѣть состязаться въ бѣгѣ проворномъ
Онъ дарами бодритъ и полагаетъ награды.
Отовсюду стеклись, межъ тевкровъ вмѣшавшись, сиканцы.
Низъ и съ нимъ Евріалъ были первыми,—

Блещетъ своею красой Евріалъ и юнымъ расцвѣтомъ,
Къ мальчику — чистой своей любовью Низъ,— а за ними
Царственный слѣдомъ Діоръ изъ знатнаго рода Пріама;
Салій затѣмъ и Патронъ, изъ коихъ одинъ акарнанецъ,
А по крови другой аркадецъ тегейскаго рода;
Тринакрійскихъ юношей двое, Гелимъ съ Панопеемъ,
Оба привычны къ лѣсамъ, провожатые старца Ацеста;
Многіе, кромѣ того, коихъ темная слава сокрыла.
Посереди̇нѣ ихъ всѣхъ Эней, наконецъ, такъ промолвилъ:
«Вотъ что примите душой и съ веселіемъ это замѣтьте, —
Изо всего тутъ числа никто не пойдетъ безъ подарка.
По два гносскихъ копья съ блестящимъ и гладкимъ желѣзомъ
Дамъ я унесть и съ сребромъ по насѣчкѣ двойную сѣкиру;
Честь будетъ всѣмъ та одна. Три первыхъ получатъ награды,
И обовьется у нихъ чело желтоватой оливой.
Въ славномъ уборѣ коня пусть первый возьметъ побѣдитель;
Для второго колчанъ амазонскій, исполненъ ѳракійскихъ
Стрѣлъ, который кругомъ охватилъ золотой и широкій
Поясъ, и пряжка его съ округлымъ камнемъ сцѣпляетъ.
Третій уходитъ пускай арголійскимъ вотъ шлемомъ довольный».
Только онъ это сказалъ, занимаютъ мѣста и проворно,
Знакъ заслыша, чтобъ стать въ ряды, покидаютъ предѣлы,
Хлынувъ подобно дождю, и на цѣль они вмѣстѣ взираютъ.
Первымъ спѣшитъ и, изъ всѣхъ далеко выдаваясь, мелькаетъ
Тѣломъ Низъ и быстрѣй онъ и вѣтровъ, и молніи крыльевъ;
Слѣдомъ за нимъ, но слѣдомъ-же все съ большимъ промежуткомъ,
Салій спѣшитъ; а затѣмъ за послѣднимъ уже отдаленьемъ
Третьимъ и Евріалъ;
За Евріаломъ Гелимъ, за которымъ сейчасъ-же за самымъ
Вотъ пролетаетъ Діоръ и пяткою топчетъ ужъ пятку,
Навалившись плечемъ; и, останься лишь больше пространства,
Онъ перегналъ-бы его или дѣло оставилъ въ сомнѣньи.
Ужъ до предѣла почти и до конца достигали,
Утомившись, они, какъ Низъ по крови скользящей,
Бѣдный, упалъ, гдѣ она, изъ убитыхъ быковъ изливаясь,
Землю и траву, на ней растущую, сверху смочила.
Тутъ побѣдитель уже и ликующій юноша шаткихъ

Стопъ своихъ удержать не могъ на землѣ, а въ растяжку
Палъ въ нечистый навозъ и въ кровь священную прямо.
Но Евріала межъ тѣмъ и взаимной любви не забылъ онъ,
Ибо, со скользкаго вставъ, онъ Салію вышелъ навстрѣчу;
Тотъ-же споткнулся и легъ, на глубокомъ пескѣ протянувшись.
Промелькнулъ Евріалъ и, съ помощью друга, въ побѣдѣ
Первымъ изъ всѣхъ и летитъ при сочувственномъ плескѣ и шумѣ.
Вслѣдъ подбываетъ Гелимъ и Діоръ побѣдителемъ третьимъ.
Тутъ огромный весь кругъ засѣданья и первыя старшихъ
Всѣ наполняетъ мѣста великими воплями Салій,
Честь прося возвратить, что похищена только обманомъ.
Защищенъ Евріалъ умиленныхъ слезъ красотою,
Также и доблестью, что проявляется въ тѣлѣ прекрасномъ.
Помогаетъ межь тѣмъ и Діоръ, восклицающій громко,
Что съ побѣдой поспѣлъ и напрасно къ послѣдней наградѣ
Прибылъ, когда-бъ воздана была Салію первая почесть.
Тутъ воскликнулъ отецъ Эней: «Дары ваши вѣрны
Будутъ, о юноши, ихъ никто не нарушитъ порядка;
Дайте мнѣ пожалѣть о паденьи невиннаго друга».
Такъ говоря, подаетъ онъ огромную львиную шкуру
Салію, въ вѣской шерсти и съ золотыми когтями.
Низъ тутъ воскликнулъ: «Когда такова побѣжденнымъ награда
И объ упавшихъ ты такъ сожалѣешь, какой-же достойный
Даръ ты Низу вручишь, которому первый вѣнецъ-бы
Взять, когда-бы меня, какъ и Салія, рокъ не низвергнулъ?» —
И при этихъ словахъ онъ лице показалъ да и члены
Въ жидкой навозной грязи. Улыбнувшись, отецъ тутъ добрѣйшій
Щитъ велѣлъ принести Дидимаонта работы,
Что со священныхъ дверей Нептуна сорвали данаи.
Юношѣ дивному онъ этотъ даръ превосходный вручаетъ.
Послѣ того какъ и бѣгъ былъ оконченъ и роздалъ дары онъ:
«Вотъ теперь, у кого въ груди и отвага, и сила,
Пусть подходитъ подъять съ кулаками обвитыми руки».
Такъ онъ сказалъ и къ борьбѣ устрояетъ двойную награду:
Побѣдителю дать быка въ повязкахъ и въ златѣ,
Побѣжденному—мечъ и блистательный шлемъ въ утѣшенье.
Нѣтъ задержки: сейчасъ Даретъ могучій по силѣ

Кажетъ лице и встаетъ при великомъ мужей одобреньи;
Онъ, который одинъ привыкъ состязаться съ Паридомъ
И у того-же холма, гдѣ великій покоится Гекторъ,
Побѣдителя Бута, огромнаго тѣломъ, который
Отъ Амика своей бебриційскою хвасталъ породой,
Сшибъ и на желтомъ пескѣ умирающимъ бросилъ врастяжку.
Къ битвѣ впервые Даретъ таковъ-то голову поднялъ
И, показавъ ширину своихъ плечъ, въ перемежку онъ обѣ
Выставя руки, швырять ими сталъ, ударяя на воздухъ.
Нуженъ къ нему и другой; но никто изъ толпы столь великой
Къ мужу не смѣетъ идти и обвязывать поручнемъ руки.
Бодръ потому и, сочтя, что всѣ отъ побѣды отстали,
Подступилъ онъ къ ногамъ Энея, и, болѣ не медля,
Лѣвой рукою за рогъ схватилъ онъ быка и промолвилъ:
«Сынъ богини, когда никто не ввѣряется битвѣ,
Что-же за цѣль тутъ стоять? И доколѣ меня тутъ продержать?
Даръ мнѣ позволь увести». Всѣ крикнули разомъ дарданцы
И присуждали отдать, что было обѣщано мужу.
Тутъ достойный Ацестъ укорилъ словами Ентелла,
Что съ нимъ рядомъ сидѣлъ на подстилкѣ зеленой изъ дерна:
«О Ентеллъ, понапрасну герой сильнѣйшій когда-то,
Или покойно ты взять безъ всякаго боя дозволишь
Даръ подобный? И гдѣ-жъ нашъ богъ, гдѣ нашъ нынѣ наставникъ?
Ерикъ помянутъ вотще? Гдѣ въ цѣлой Тринакріи слава
И доспѣхи, въ твоемъ висящіе нынѣ жилищѣ?»
Тотъ въ отвѣтъ: «Не любовь къ похвалѣ, не слава исчезла,
Страхомъ гонимая прочь; но холодная въ старости вялой
Кровь скудѣетъ, и мощь въ отупѣвшемъ тѣлѣ застыла.
Если-бы та, что была у меня когда-то и коей
Тотъ нечестивый такъ гордъ, еще сохранилася юность,
Все-же наградой-бы я и дивнымъ быкомъ привлеченный
Не пришелъ и не льщусь на дары». Промолвивши это,
Пару поручней онъ громаднаго выбросилъ вѣса
На средину, съ которыми Ерикъ могучій, бывало,
Въ битвы ходилъ, обтянувъ свои руки жесткою кожей.
Всѣ изумились въ душѣ; семь шкуръ вѣдь огромныхъ торчали,
Да съ подобныхъ быковъ, свинцомъ и желѣзомъ подшиты.

Самъ Даретъ пуще всѣхъ изумленъ и вполнѣ отвергаетъ.
Великодушный затѣмъ Анхизовъ сынъ эту тяжесть
Смотритъ и страшный объемъ завязокъ туда и обратно.
Тутъ старикъ испустилъ слова такія изъ груди:
«Что, если-бъ поручни кто, самого Геркулеса оружье,
Видѣлъ и горестный бой на этомъ вотъ берегѣ самомъ?
Ерикъ, братъ твой, носилъ когда-то оружіе это,—
Видишь, доселѣ оно забрызгано кровью и мозгомъ?—
Противъ Алкида стоялъ онъ съ нимъ; къ нему былъ привыченъ
Я, какъ лучшихъ мнѣ силъ подавала кровь и ревниво
Старость обоихъ висковъ, разбросавшись по нимъ, не бѣлила.
Но коль троянецъ Даретъ отвергаетъ это оружье,
Съ тѣмъ-же согласенъ Эней да и Ацестъ приглашавшій,
То уравняемъ мы бой. Я Ерика кожи откину,—
Страхъ свой оставь,—да и ты троянскіе поручни скинешь».
Это промолвивши, съ плечъ двойную онъ сбросилъ одежду,
Члены огромные и огромныя кости и мышцы
Онъ раздѣлъ и среди песка остался, громадный.
Тутъ Анхизомъ отецъ порожденный два поручня равныхъ
Вынесъ и равнымъ скрѣпилъ оружіемъ руки обоихъ.
Оба на пальцахъ сейчасъ они поднялися, и руки
Каждый безстрашно свои на воздухъ кверху приподнялъ.
Отъ удара назадъ отвели свои головы круто,
Руку хватаютъ рукой и вызываютъ на битву,
Тотъ движеніемъ ногъ сильнѣй и въ надеждѣ на юность,
Этотъ станомъ могучъ и вѣсомъ; но шатки колѣна
Подъ дрожащимъ, и бьетъ одышка болѣзненно члены.
Много ударовъ вотще другъ другу мужи наносятъ,
Много по полымъ бокамъ удвояютъ, и груди ихъ сильный
Гулъ издаютъ, и вокругъ ушей и висковъ ихъ блуждаетъ
Часто рука, и трещатъ подъ ударами сильными скулы.
Неколебимый стоитъ Ентеллъ все съ тѣмъ-же упоромъ,
Тѣломъ да бдительнымъ лишь избѣгаетъ онъ взоромъ ударовъ.
Тотъ, какъ-бы осаждающій городъ высокій тараномъ,
Или сидящій вокругъ на горной твердынѣ съ оружьемъ,
То однихъ, то другихъ ища подходовъ, все мѣсто
Ловко проходитъ и все нашираетъ въ напрасныхъ наскокахъ.

Правую вдругъ показалъ, подымая, Ентеллъ и высоко
Взнесъ: тотъ сверху ударъ идущій, проворенъ, предвидѣлъ
И сейчасъ ускользнулъ, подвижнымъ откинувшись тѣломъ.
Силы Ентеллъ расточилъ на вѣтеръ свои, да и самъ онъ
Грузный грузно упалъ на землю вѣсомъ громаднымъ,
Какъ порою съ дупломъ на Еримантѣ иль въ высяхъ
Иды, съ корнями совсѣмъ повалясь, сосна упадаетъ.
Тевкры съ участьемъ встаютъ и тринакрійская юность.
Вопль до неба возникъ, и первый Ацестъ прибѣгаетъ
И, сострадая, съ земли ровесника-друга подъемлетъ.
Но паденьемъ герой не замедленъ и не испуганъ,
Злѣй возвращается въ бой, и гнѣвъ возбуждаетъ въ немъ силы;
Стыдъ тутъ силы возжегъ и сознаніе доблести, вспыхнувъ;
Онъ Дарета по всей бѣгущаго гонитъ равнинѣ
И удары рукой учащаетъ то правой, то лѣвой;
Срока и отдыха нѣтъ; какъ дождикъ съ градомъ обильнымъ
Сверху по крышѣ трещитъ: такъ точно герой, учащая
Каждой рукою толчки, вертитъ и колотитъ Дарета.
Тутъ родитель Эней продолжаться болѣе гнѣву
И въ огорченной душѣ свирѣпѣть не дозволилъ Ентеллу,
Но конецъ положилъ борьбѣ и, вырвавъ Дарета
Изнеможеннаго, сталъ унимать его рѣчью, промолвя:
«Бѣдный, какое твоимъ овладѣло духомъ безумство?—
Или силъ ты иныхъ и боговъ измѣненныхъ не чуешь?
Богу ты уступи». Сказалъ и расторгнулъ онъ битву,
А того однолѣтки его, какъ влачилъ онъ колѣна
Слабыя и головой качаясь и ртомъ извергая
Кровь густую, гдѣ тожъ примѣшаны были и зубы,
Повели на корабль и, позваны, приняли также
Мечъ со шлемомъ, быка и побѣду оставя Ентеллу.
Этотъ побѣдой въ душѣ возносясь и быкомъ возгордившись:
«Сынъ богини и вы», воскликнулъ, «тевкры, признайте,
Что за сила была у меня при юности въ тѣлѣ
И отъ какой отвели вы смерти, спасая, Дарета!»
Молвилъ и сталъ противъ лба онъ быка, стоящаго противъ,
Какъ награда за бой, и, приподнявши десницу,
Крѣпкій наручень онъ опустилъ межъ роговъ въ середину,

Выпрямясь самъ, и, мозги вышибая, онъ кости расплющилъ.
Палъ безъ дыханія быкъ и, дрожа, повалился на землю.
Тотъ изъ груди еще слова изливаетъ такія:
«Ерикъ, вотъ лучшей душой я смертъ искупаю Дарета,
Здѣсь побѣдитель, кладу и наручень я, и искусство».
Тотчасъ проситъ Эней помѣряться быстрой стрѣлою
Тѣхъ, что, быть можетъ, хотятъ, и полагаетъ награды.
И могучей рукой съ корабля Сергеста онъ мачту
Выставилъ и порхать на веревкѣ свободной голубку,
Цѣлить желѣзомъ въ нее, привѣсилъ на мачтѣ высокой.
Мужи кругомъ собрались, и ввержены жребіи были
Въ мѣдный шлемъ, и сперва при сочувственномъ возгласѣ вышелъ
Жребій ранѣе всѣхъ Гиртацида Гиппокоонта,
За которымъ Мнестей, побѣдитель недавній на морѣ,
Слѣдовалъ; былъ Мнестей зеленой увѣнчанъ оливой.
Третьимъ Евритіонъ, твой братъ, о прославленный Пандаръ,
Ты, что, разстроить союзъ приказъ получивши когда-то,
Первый свою стрѣлу запустилъ въ середину ахэйцевъ.
Въ шлемѣ послѣднимъ на днѣ еще Ацестъ оставался,
Тоже дерзнувшій рукой испробовать трудъ молодежи.
Тутъ кривые луки выгибаютъ съ могучею силой
Мужи всякъ про себя и стрѣлы влекутъ изъ колчановъ.
Первая подъ небеса стрѣла съ тетивы задрожавшей,
У Гиртацида взлетѣвъ, у юноши, воздухъ разсѣкла
И дошла, и съ лица на мачтѣ въ древо воткнулась.
Мачта дрогнула вся, и въ испугѣ забила крылами
Птица, и все кругомъ огласилось плескомъ великимъ.
Вслѣдъ отважный Мнестей подступилъ съ натянутымъ лукомъ,
Цѣляся вверхъ, и равно стрѣлой и глазами намѣтилъ.
Только птицы самой бѣднякъ коснуться желѣзомъ
Не угодилъ; онъ узлы перервалъ и привязь льняную,
На которой ногой та съ мачты высокой висѣла;
Та, улетая на вѣтръ, подъ черную тучу помчалась.
Тутъ проворный, давно держа напряженной на лукѣ
Стрѣлу, брата призвалъ Евритіонъ, возмолясь,
И, средь открытыхъ небесъ веселую видя голубку,
Въ черной тучѣ пронзилъ ее, что плескала крылами.

Мертвой упала она и жизнь покинула въ звѣздномъ
Небѣ, и принесла, упадая, воткнутую стрѣлу.
Послѣ утраты наградъ одинъ Ацестъ оставался.
Но въ воздушную высь стрѣлу запустилъ онъ однако,
Силясь, отецъ, показать и искусство, и лукъ зазвенѣвшій.
Тутъ внезапно глазамъ и съ большимъ предсказаньемъ въ грядущемъ
Чудо предстало; исходъ громадный явилъ это послѣ,
И, опоздавъ, чудеса объяснили въ испугѣ авгуры,
Ибо, въ прозрачныхъ летя облакахъ, стрѣла загорѣлась
И обозначила путь огнемъ и, растаявъ, исчезла
Въ воздухѣ тонкомъ совсѣмъ; такъ часто недвижныя въ небѣ
Звѣзды несутся по немъ, волоса налету увлекая.
Съ потрясенной душой стояли, молясь ко всевышнимъ,
Мужи Тринакріи, какъ и тевкры; не презрѣлъ примѣты
И великій Эней, но, обнимая Ацеста
Радостнаго и покрывъ дарами великими, молвилъ:
«Вотъ бери ты, отецъ, ибо царь великій Олимпа
Знакомъ такимъ восхотѣлъ, чтобъ почетъ изъ всѣхъ получилъ ты.
Даръ долголѣтняго ты самого получишь Анхиза,
Чашу съ чеканомъ, что̀ далъ отцу Анхизу когда-то
Въ даръ великій Циссей ѳракійскій, съ тѣмъ назначеньемъ,
Чтобы память хранить о немъ и любви быть залогомъ».
Это сказавши, его вѣнчаетъ онъ лавромъ зеленымъ
И объявляетъ изъ всѣхъ побѣдителемъ первымъ Ацеста.
Добрый Евритіонъ не завидуетъ чести предвзятой,
Хоть одинъ онъ съ небесъ высокихъ птицу низвергнулъ.
Даръ ближайшій понесъ за тѣмъ, кто привязь расторгнулъ,
А послѣдній, что трость вогналъ летучую въ мачту.
Но родитель Эней, еще состязанья не конча,
Стража и спутника-же къ себѣ молодого Іула,—
Эпитида — позвалъ и въ вѣрное вымолвилъ ухо:
«Ты ступай и скажи Асканію, если сготовилъ
Мальчиковъ строй при себѣ и бѣгъ коней онъ устроилъ,
Взводы въ честь дѣда пускай онъ ведетъ и себя подъ оружьемъ
Явитъ, скажи». А самъ толпѣ изъ пространнаго цирка
Тѣсной всей онъ велитъ уйти и поле очистить.
Передъ глазами отцовъ въ одинаковомъ блескѣ вступаютъ

Мальчики на коняхъ зауздaнныхъ, коимъ дивится,
Рукоплеща, молодежь вся Тринакріи, какъ и изъ Трои.
Волосъ какъ должно у всѣхъ остриженъ и скрытъ подъ вѣнками;
По два дрота у нихъ изъ дерена, сверху въ желѣзѣ;
Часть за плечами везетъ колчаны; надъ самою грудью
Золотое кольцо на шеѣ гибкое видно.
Взводовъ всадниковъ трое числомъ и трое вожатыхъ
Около нихъ; въ строю одинаковомъ слѣдомъ за каждымъ
Дважды шесть мальчиковъ тутъ, при вождяхъ одинаковыхъ тоже.
Юношей строй здѣсь одинъ ликующій, коимъ предводитъ
Мальчикъ въ честь дѣда Пріамъ, Политъ преславный, твой отпрыскъ,
Что италовъ плодить назначенъ; въ отмѣтинахъ бѣлыхъ
Конь двушерстный подъ нимъ ѳракійскій, передніе бабки
Бѣлыя, также и лобъ приподнятый видимо бѣлый.
Атій другой, отъ кого родъ Атіевъ шелъ у латинцевъ,
Юный Атій, и милъ Іулу, мальчику — мальчикъ.
Ѣхалъ послѣднимъ Іулъ, изъ всѣхъ собою красивѣй,
На сидонскомъ конѣ, что былъ блестящей Дидоной
Въ память ея подаренъ и любви служившій залогомъ.
Прочая вся молодежь на коняхъ старца Ацеста
Ѣхала.
Робкихъ, рукоплеща, встрѣчаютъ дарданцы и рады
Видѣть, и узнаютъ старинныхъ родителей лица.
Послѣ того какъ они оглядѣли въ весельи собранье
Все и взоры своихъ, Епитидъ приготовленнымъ подалъ
Издали голосомъ знакъ и бичемъ, въ заключеніе, хлопнулъ.
Тѣ разъѣхались врознь одинаковымъ строемъ и по три,
Отдѣленьями всѣ разойдясь, но вновь по приказу
Завернули кругомъ, обращая враждебно и копья.
Тутъ начинаютъ впередъ они бѣгать и бѣгать обратно,
Обращаются внутрь и въ круги круги все другіе
Путаютъ, и создаютъ подобіе битвы оружьемъ;
То, убѣгая, они открываютъ спины, то дроты
Обращаютъ съ враждой, то, мирясь, проѣзжаютъ рядами.
Какъ, говорятъ, лабиринтъ на высокомъ Критѣ когда-то
Въ темныхъ стѣнахъ проводилъ дороги и тысячью лживыхъ
Велъ къ смущенью путей, чтобъ знаки того, кто проходитъ,

Въ незамѣтный обманъ и невозвратный вводили.
Въ бѣгѣ подобномъ тому слѣды свои дѣти и тевкровъ
Путаютъ и въ игрѣ сплетаютъ сраженье и бѣгство,
Какъ дельфины, что вплавь по влагѣ морской разсѣкаютъ
Море Карпатское иль Либійское (въ зыби играя).
Родъ этотъ самый бѣговъ и состязанія первый,
Какъ стѣной окружилъ онъ Альбу-Лонгу,—Асканій
Возобновилъ, торжеству обучивши древнихъ латиновъ,
Что онъ мальчикомъ самъ совершалъ съ молодежью троянской;
И албанцы своихъ научили; отсюда восприняль
Дальше великій и Римъ, отцовъ празднество сохраняя;
«Троей» то нынѣ слыветъ и мальчики—«строемъ троянскимъ».
Игры священному въ честь родителю длились дотуда.

А. Фетъ

6. Эней въ подземномъ царствѣ.

...Спѣшитъ онъ завѣтъ исполнить сибиллы.
Тамъ пещера была глубокая съ зѣвомъ огромнымъ,
Каменистая, мракомъ лѣсовъ и озеромъ чернымъ
Скрыта; надъ ней не могли никакія летящія птицы
Путь свой держать: такимъ изъ чернаго зѣва дыханьемъ,
Отдавая, несло къ самому надземному своду:
(Мѣсту граи зато даютъ прозванье Аорна).
Здѣсь сперва четырехъ выставляетъ тельцовъ черноспинныхъ
Жрица и имъ на лбы вино выливаетъ, и верхней
Шерсти между роговъ срѣзаетъ, затѣмъ возлагаетъ
На священный огонь, приношеніемъ первымъ, взывая
Громко къ Гекатѣ, она-жъ сильна въ небесахъ и въ Еребѣ.
Подставляютъ ножи другіе и кровь собираютъ
Теплую въ чаши. А самъ Эней чернорунную ярку
Матери Евменидъ и сестрѣ великой желѣзомъ
Колетъ и яловую тебѣ, Прозерпина, корову.
Тутъ ночной онъ царю стигійскому жертвенникъ ставитъ
И быковъ цѣликомъ возлагаетъ мясо на пламя,
Сверху елеемъ густымъ поливая горящіе туки.
Вотъ между тѣмъ, при лучахъ едва восходящаго солнца,

Подъ ногами земля застонала, и лѣса вершины
Двигаться стали, и псовъ передъ приходомъ богини
Вой во мглѣ раздался. «Прочь, прочь, недостойные входа!»
Жрица громко вопитъ, «изо всей удалитесь вы рощи;
Ты-же въ путь выступай и мечъ изъ ноженъ свой исторгни;
Вотъ гдѣ храбрость нужна, Эней, гдѣ твердое сердце!»
Такъ сказавъ, разъярясь, въ пещеру открытую входитъ
Онъ, за ведущей вослѣдъ идетъ неробкой стопою.
Боги, властители вы и душъ, и тѣней молчаливыхъ,
И съ Флегетонтомъ Хаосъ, мѣста ночного безмолвья,
Будь дано мнѣ сказать, что слышалъ; при вашемъ наитьи
Вскрыть дѣла, что̀ въ земной глубинѣ и во мракѣ таятся.
Шли въ одинокой ночи они черезъ мрачныя тѣни,
Черезъ Дитовъ чертогъ пустой и пустынное царство.
Такъ при невѣрной лунѣ и подъ обманчивымъ свѣтомъ
Путь бываетъ въ лѣсахъ, коль тѣнью Зевесъ покрываетъ
Небо, и черная ночь у всего цвѣта отнимаетъ.
Передъ входомъ самимъ и вначалѣ Оркова зѣва
Плачъ и ложа свои утвердили мстящія Думы,
Блѣдные Недуги тутъ и тутъ-же печальная Старость,
Страхъ, и наставникъ дурной тутъ Голодъ, и гнусная Бѣдность.
Страшные лики на видъ, и съ ними Смерть и Работа;
Смерти тутъ сродственный Сонъ и злыя Радости сердца,
И смертоносная тожъ Война, на порогѣ напротивъ
Изъ желѣза чертогъ евменидъ и безумная Распря,
Что̀ свой волосъ изъ змѣй повязкой кровавой сплетаетъ.
Посрединѣ, суки вѣковые развѣся какъ руки,
Темный ильмъ пребольшой, обитель, гдѣ лживыя Грёзы
Держатся, какъ говорятъ, и подъ всѣми листами витаютъ.
Множество, кромѣ того, различныхъ чудищъ звѣриныхъ,
Стойла центавровъ въ дверяхъ и тутъ-же двувидныя сциллы,
Съ сотнею рукъ Бріарей и подлѣ чудовище Лерны;
Съ шипомъ ужаснымъ своимъ и огнемъ воюетъ Химэра.
Гарпіи близъ горгонъ и образъ тѣни трехтѣлой.
Въ страхѣ дрожащій Эней тутъ разомъ хватаетъ желѣзо
И обнаженный клинокъ навстрѣчу идущимъ наставилъ
И, когда-бъ вразумленъ онъ не былъ спутницей вѣщей,

Что тутъ души безъ тѣлъ подъ пустымъ обличьемъ летаютъ,
Онъ-бы напалъ и вотще поражалъ-бы тѣни желѣзомъ.
Тутъ дорога пошла къ волнамъ Ахеронта подземнымъ.
Здѣсь огромный провалъ съ завоемъ, мутнымъ отъ грязи,
Плещетъ, вскипая, и весь песокъ въ Коцитъ изрыгаетъ.
Эти воды блюдетъ и рѣки паромщикъ ужасный
Въ страшной грязи—Харонъ; у него-жъ подбородокъ густою
Сѣдиною покрытъ, нечесанъ и очи сверкаютъ.
Грязное платье узломъ съ плеча у него ниспадаетъ,
Самъ ладью онъ багромъ проводитъ и парусами
Правитъ, и въ темномъ своемъ челнѣ тѣла перевозитъ;
Онъ ужъ старикъ; но крѣпка и цвѣтуща старость у бога.
Вся, разливаясь, толпа сюда къ берегамъ устремлялась,
Жены и мужи, тѣла великихъ героевъ, скончавшихъ
Жизнь, и отроки тутъ и незамужнія дѣвы,
И предъ глазами отцевъ на костры возложенныя чада:
Какъ въ лѣсахъ подъ морозъ осенній первый слетаетъ
Множество павшихъ листовъ, иль къ землѣ съ пучины высокой
Множество скучится птицъ, когда зима ледяная
Гонитъ ихъ чрезъ моря и къ теплымъ землямъ посылаетъ.
Первые тутъ стоятъ, моля о своей переправѣ,
И простираютъ, стремясь къ противному берегу, руки.
Но перевощикъ то тѣхъ, то другихъ принимаетъ, угрюмый,
А иныхъ далеко отъ берега прочь отгоняетъ.
Тутъ, удивляясь, Эней и тронутъ смятеніемъ, молвилъ:
«Дѣва, скажи, для чего у потока такое собранье?
Души тутъ просятъ чего? По какому различію берегъ
Тѣ оставляютъ, а тѣ гребутъ черезъ сизыя волны?»
Тутъ ему кратко на то многолѣтняя молвила жрица:
«Сынъ Анхиза, о ты, боговъ несомнѣнная отрасль,
Топь Коцита ты здѣсь и Стикса видишь болота,
Чьимъ клянясь божествомъ, обманывать боги страшатся.
Это, что видишь ты, вся толпа незарытыхъ, несчастныхъ.
Это паромщикъ Харонъ, а плывутъ по волнамъ, что въ могилахъ.
И не дано по волнамъ глухимъ и ужаснымъ на берегъ
Раньше ихъ перевезть, чѣмъ почіютъ на мѣстѣ ихъ кости.
Бродятъ они сто лѣтъ и на берегѣ этомъ кружатся,

Ихъ тогда, наконецъ, допустятъ къ желаннымъ болотамъ».
Остановился тутъ сынъ Анхиза и шагъ свой замедлилъ,
Въ сильномъ раздумьи скорбя въ душѣ о долѣ неправой.
Видитъ тоскующихъ здѣсь и чести посмертной лишенныхъ
Онъ Левкаспа съ вождемъ ликійскаго флота Оронтомъ,
Тѣхъ, что по бурнымъ зыбямъ отъ Трои вмѣстѣ плывущихъ
Австеръ, схватя, погрузилъ и мужей, и судно въ пучину.
Кормчій вотъ Палинуръ навстрѣчу несется, тотъ самый,
Что на либійскомъ пути, когда наблюдалъ онъ созвѣздья,
Нѣкогда павши съ кормы, въ середину волнъ погрузился.
Грустнаго только призналъ его въ тѣни онъ глубокой,
Первый вымолвилъ такъ: «О, кто-же тебя изъ безсмертныхъ
Вырвалъ у насъ, Палинуръ, въ глубину погрузивши пучины?
Ты разскажи, ибо мнѣ, дотоль не являвшійся ложнымъ,
Въ этомъ отвѣтѣ одномъ Аполлонъ ввелъ духъ въ заблужденье,
Возвѣстивши, что ты, уцѣлѣвъ на морѣ, прибудешь
Въ авзонійскій предѣлъ? Такова-ль обѣщанія вѣрность?»
Онъ-же въ отвѣтъ: «Ни тебя не обманывалъ Фэбовъ треножникъ,
Вождь мой Анхизіадъ, ни я не потопленъ былъ богомъ,
Ибо оторванный руль внезапно съ великою силой,
За который, какъ стражъ, я держался, побѣгъ направляя,
Падая, снесъ я съ собой. Клянусь суровой пучиной,
Что за себя самого не столько набрался я страха,
Сколько за то, чтобы твой, безоруженъ и кормчимъ покинутъ,
Не погибъ-бы корабль при такомъ встающемъ волненьи.
Нотъ средь безбрежной меня пучины три бурныя ночи,
Злобный, металъ по водамъ, и лишь на четвертомъ разсвѣтѣ
Я съ высочайшей волны Италію, взброшенъ, увидѣлъ.
Понемногу я плылъ и ужъ твердой земли достигалъ я;
Но жестокій народъ отягченнаго мокрой одеждой
И хватающаго руками цѣпкими скалы,
Поражая мечемъ, по незнанью счелъ за добычу.
Вотъ я въ морѣ теперь и носимъ по прибрежью вѣтрами.
Такъ отраднымъ молю я свѣтомъ неба и жизнью,
И родителемъ, и Іула надеждой встающей,
Непобѣдимый, изъ бѣдъ исторгни меня, иль земли мнѣ
Вскинь, вѣдь можешь-же ты, и ищи велинскаго порта.

Или-жь, коль способъ тутъ есть; коль тебѣ онъ указанъ богиней
Матерью, — ибо я мню, что ты не безъ божіей воли
Рѣки такія готовъ и стигійскую топь переѣхать —
Руку несчастному дай и съ собой переправь черезъ волны,
Чтобы хоть въ смерти я могъ опочить въ безмятежномъ пріютѣ».
Такъ сказалъ онъ, когда въ отвѣтъ промолвила жрица:
«Что за безумное то у тебя, Палинуръ, вожделѣнье?—
Непогребенный ты мнишь увидѣть стигійскія воды,
Грозный потокъ евменидъ, и выйти на берегъ запретный?
Рокъ боговъ преклонить мольбами оставь ты надежду,
Но запомни слова, утѣшеніе въ тяжкой судьбинѣ,
Ибо окольный народъ, въ городахъ вездѣ побуждаемъ
Чудесами съ небесъ, твои кости жертвой очиститъ
И устроитъ курганъ и празднествò на курганѣ,
И то мѣсто навѣкъ сохранитъ Палинура названье».
Изгнаны рѣчью такой, заботы и скорбь отступаютъ
Отъ печальной души; земли онъ прозваньемъ утѣшенъ.
Такъ продолжаютъ они свой путь и къ рѣкѣ подступаютъ.
Только что ихъ увидалъ съ волны стигійской паромщикъ,
Шедшихъ по рощѣ нѣмой и къ брегу стопы обратившихъ,
Первый онъ сталъ говорить и такъ укорять издалека:
«Кто-бъ ты ни былъ, что къ рѣкамъ идешь съ оружіемъ къ нашимъ,
Молви съ мѣста, зачѣмъ ты идешь, и шагъ удержи свой.
Здѣсь обитель тѣней и грезъ, и ночи снотворной;
Тѣлъ живыхъ на ладьѣ стигійской возить я не долженъ.
Мало радости мнѣ и Алкида идущаго было
Здѣсь принять на водѣ и Тезея, и Пиритоя,
Хоть отъ боговъ родились и силами непобѣдимы.
Тартара сторожа тотъ рукой своей ввергнулъ въ оковы,
У престола царя самого, и дрожащаго влекъ онъ,
Эти-жъ рѣшились увесть изъ спальни Дита супругу».
Кратко въ отвѣтъ говоритъ ему амфризійская жрица:
«Козней подобныхъ тутъ нѣтъ, и ты перестань волноваться,
Нѣтъ въ оружьи угрозъ; пускай огромный привратникъ
Вѣчнымъ лаемъ своимъ устрашаетъ безкровныя тѣни,
Чистая пусть хранитъ у дяди порогъ Прозерпина.
Тутъ троянецъ Эней, благочестьемъ великъ и оружьемъ,

Къ нижнимъ Ереба тѣнямъ, къ своему родителю сходитъ.
Ежели образъ тебя такой благочестья не тронетъ,
То эту вѣтвь»—и вѣтвь, что подъ платьемъ скрывалась, открыла—
«Ты признай». Тутъ со зла кипящее сердце утихло.
И ни слова затѣмъ. Онъ, даромъ почтеннымъ любуясь
Вѣтви той роковой, невиданной долгое время,
Голубую корму обращаетъ и къ берегу гонитъ.
Души другія оттоль, на лавкахъ сидящія длинныхъ,
Разогналъ и корму очистилъ, и въ лодку Энея
Принялъ огромнаго. Челнъ застоналъ подъ грузомъ обшитый
И потресканный весь зачерпнулъ болота обильно.
Черезъ потокъ, наконецъ, невредимыми мужа и жрицу
Высадилъ въ гнусную грязь среди тростниковъ сѣроватыхъ.
Царство это Цербѣръ чудовищный лаемъ трехзѣвнымъ
Оглашаетъ, простертъ, свирѣпый, въ пещерѣ напротивъ.
Какъ ужъ дыбящихся змѣй увидала жрица на шеѣ,
Комъ снотворный ему изъ меду и зелій волшебныхъ
Кинула. Съ голоду онъ ярясь и три пасти разинувъ,
Эту подачку схватилъ и спиной огромной разслабнулъ,
На земь свалясь, и по всей растянулся пещерѣ, огроменъ
Входомъ Эней овладѣлъ, привратника такъ схоронивши,
И проворно прошелъ черезъ берегъ волны невозвратной.
Слышны стали тотчасъ голоса и плачъ превеликій,
Дѣтскихъ рыданія душъ на первомъ порогѣ, которыхъ,
Сладостной жизни лишивъ и отъ груди родимой похитивъ,
День унесъ роковой и горькой отдалъ могилѣ.
Подлѣ тѣ, что на смерть казнены, обвиненные ложно.
Но не безъ жребія иль безъ судьи тутъ мѣста раздаются;
Урну Миной-судія сотрясаетъ и онъ-же безмолвныхъ
Сонмы сзываетъ и ихъ преступленья и жизнь испытуетъ.
Рядомъ для грустныхъ затѣмъ мѣста, что своею рукою
Смерть себѣ нанесли безъ вины и, свѣтъ ненавидя,
Кинули души свои. О, какъ-бы въ надземномъ эоирѣ
Нынѣ желали они и бѣдность терпѣть, и работы!
Рокъ не велитъ, и волной печальной враждебныя топи
Вяжутъ, и девять разъ обѣгающій Стиксъ возбраняетъ.
Недалеко оттоль виднѣются, всюду раздавшись,

Скорби поля; такимъ-же и именемъ ихъ прозываютъ.
Тѣхъ тутъ, которыхъ любовь жестокимъ ядомъ изъѣла,
Тайно тропинки хранятъ и закрываетъ отвсюду
Миртовый лѣсъ; ихъ печаль не покидаетъ и въ смерти.
Фэдру съ Прокридою тутъ и грустную тожъ Ерифилу,
Кажущую свои отъ сына злобнаго раны,
И Евадну онъ зритъ съ Пазифаей, и Лаодамія
Слѣдомъ идетъ, и Ценей, когда-то юноша, нынѣ-жъ
Женщина, волей судебъ вернувшись къ прежнему виду.
Финикійка межъ нихъ съ недавнею раной Дидона
Въ рощѣ блуждаетъ большой. Какъ только витязь троянскій
Сталъ передъ ней и призналъ ее, омраченную тѣнью,—
Такъ въ новый мѣсяцъ иной завидитъ иль полагаетъ,
Что луну увидалъ, за дымкой встающую тучи,—
Слезы пролилъ и такъ съ любовью сладкою молвилъ:
«О злополучная ты, Дидона, знать, вѣрный мнѣ вѣстникъ
Передалъ, что умерла и конца ты достигла желѣзомъ?
Смерти, увы, тебѣ я-ль причиной? Клянуся звѣздами,
Неба богами и всей, коль есть подъ землей она, правдой,
Противъ воли я твой, царица, берегъ покинулъ.
Но повелѣнья боговъ, что нынѣ идти межъ тѣнями
По тернистымъ путямъ въ глубокой ночи принуждаютъ,
Властью изгнали своей; не могъ и помыслить я даже,
Что уходомъ тебѣ причиню столь великое горе.
Шагъ замедли ты свой, не скрывайся отъ нашего взора.
Отъ кого ты бѣжишь? Въ послѣдній съ тобой говорю я».
Рѣчью такою Эней у кипящей и косо глядящей
Духъ старался смягчить и слезы у ней-же исторгнуть.
Та, отвернувшись, глаза опущенными въ землю держала,
И не болѣе ликъ начатою тронулся рѣчью,
Какъ чѣмъ была-бы она кремнемъ иль марпезской скалою.
Бросилась прочь, наконецъ, и, враждебная, въ рощѣ тѣнистой
Скрылась, гдѣ прежній ея супругъ Сихэй отвѣчаетъ
Ей заботой своей, встрѣчая любовью взаимной.
Все-же Эней, потрясенъ ея судьбиной жестокой,
Издали, плача, слѣдитъ и объ идущей жалѣетъ.

Дальше въ дозволенный путь онъ идетъ, и полей ужь достигли

Крайнихъ, гдѣ, отдѣлясь, знаменитые въ браняхъ витаютъ.
Тутъ навстрѣчу ему Тидей, тутъ оружіемъ славный
Партенопей, а затѣмъ и образъ блѣдный Адраста;
Тутъ оплаканные вверху и павшіе въ войнахъ
Дарданиды; ихъ всѣхъ, онъ, въ длинномъ ряду увидавши,
Застоналъ, и Главка, Медонта, затѣмъ Терсилоха,
Антеноридовъ всѣхъ трехъ и Цереры жреца Полифэта,
И Идэя, еще съ колесницей, еще при оружьи.
Души толпою его обступаютъ и справа, и слѣва,
И не довольно имъ разъ поглядѣть: имъ любо промедлить
Съ нимъ и вмѣстѣ идти, и узнать причину прихода.
И данаевъ вожди съ Агамемнона фалангой,
Мужа едва увидавъ и оружія блескъ межъ тѣнями,
Дрогнули въ страхѣ большомъ, и часть ихъ тылъ обратила,
Какъ, бывало, къ судамъ бѣжали, а часть подымала
Голосъ слабый; но звукъ въ раскрытыхъ устахъ замираетъ.
Тутъ Пріамида онъ Деифоба съ изрѣзаннымъ тѣломъ
Видитъ, какъ у него лицо истерзано страшно,
Да и обѣ руки, и виски, гдѣ отрѣзаны уши,
Какъ оголились, и носъ, искалѣченный раной позорной.
Лишь дрожащаго онъ и скрывавшаго страшныя язвы
Опозналъ, то его знакомымъ голосомъ кликнулъ:
«Мощный къ войнѣ Деифобъ, отъ крови Тевкра рожденный,
Кто жестокій тебѣ такія казни назначилъ?
Кто это смогъ надъ тобой? Молва мнѣ ночью послѣдней
Донесла про тебя, что въ сѣчѣ великой пеласговъ
Ты истомленный полегъ на груду нестройную павшихъ.
Тутъ на рэтейскомъ я самъ берегу пустую могилу
Навалилъ и воззвалъ троекратно къ манамъ я громко.
Имя то мѣсто хранитъ и оружье; о другъ, тебя видѣть
Я не могъ и въ родной землѣ схоронить, отъѣзжая».
Сынъ Пріама на то: «Ничего, о другъ, не забылъ ты;
Все Деифобу воздалъ и его ты тѣни могильной.
Но мой рокъ лишь меня да лаконки преступныя козни
Въ это повергнули зло; отъ нея эта память осталась,
Ибо, какъ ночь провели мы послѣднюю въ радостяхъ ложныхъ,
Знаешь ты, и вспоминать поневолѣ приходится слишкомъ.

Какъ уже конь роковой прыжкомъ черезъ стѣны крутыя
Прибылъ въ Пергамъ и принесъ, отягченный, во чревѣ пѣхоту,
То съ притворствомъ вокругъ фригіекъ ликующихъ хоры
Предводила она, и въ срединѣ факелъ огромный
Подняла, и звала съ вершины замка данаевъ.
Тутъ, заботами весь измученъ и сномъ отягченный,
Въ спальнѣ злосчастной я былъ, и лежащаго сладостный обнялъ
И глубокій покой, безмятежной смерти подобный.
Славная временемъ тѣмъ жена все оружье изъ дома
Удаляетъ и, мечъ подъ главою вѣрный похитивъ,
Въ домъ Менелая зоветъ, и двери ему раскрываетъ,
Мысля, что это большой заслугой предъ любящимъ будетъ
И въ состояньи покрыть злодѣяній давнишнюю славу.
Что говорить?—Ворвалися въ покой; сопутникомъ тутъ-же
Золъ всѣхъ вожакъ—Эолидъ. О боги, вы грекамъ воздайте
Тѣмъ-же, коль набожными устами прошу я отмщенья.
Но живого какой сюда привелъ тебя случай,
Разскажи мнѣ взамѣнъ; блужданьемъ-ли по морю пригнанъ,
Или внушеньемъ боговъ? Иль что за судьба тебя гонитъ,
Что ты къ смутнымъ мѣстамъ, въ жилища безъ солнца вступаешь?»
Между этихъ рѣчей на пурпурной четверкѣ Аврора
Ужъ половины пути воздушнаго въ небѣ достигла,
И могли-бъ они такъ провести все данное время;
Но сопутница тутъ коротко вмѣшалась сибилла:
«Ночь наступаетъ, Эней; мы, плача, часы провожаемъ.
Вотъ то мѣсто, гдѣ путь раздѣляется на двѣ дороги;
Правая та, что ведетъ къ стѣнамъ великаго Дита, —
Ею въ Елизій намъ путь; а лѣвая, гдѣ происходятъ
Казни злодѣевъ, она—въ нечестивый Тартаръ низводитъ».
Ей на то Деифобъ: «Не сердись, великая жрица;
Я уйду, восполню число и во мракъ возвращуся.
Ты-же, наша краса, иди; будь жребій твой лучше».
Такъ сказалъ онъ и вспять на словѣ такомъ обратился.
Оглянулся Эней, и вдругъ подъ скалой, что налѣво,
Замокъ обширный онъ зритъ, тройной окруженный стѣною,
Что стремительный токъ, огнемъ пылая, обходитъ
Тартаровъ Флегетонтъ и мчитъ гремящіе камни.

Противъ—большія врата и столбы изъ булата литые,
Что ни сила мужей, ни самихъ небожителей въ битвѣ
Не могла-бъ истребить; желѣзная высится башня,
И Тизифона, сидя въ подобранномъ платьѣ кровавомъ,
Сна не зная, и день и ночь охраняетъ преддверье.
Слышны стенанья оттоль и звуки жестокихъ ударовъ;
Тутъ и бряцанье желѣзъ, и волочимыя цѣпи.
Остановился Эней и въ испугѣ прислушался къ шуму:
«Что за образы золъ? Скажи, о дѣва, какими
Казнями мучаютъ здѣсь? Что за шумъ доходитъ до слуха?»
Жрица тогда начала: «О вождь прославленный тевкровъ,
Чистому стать никому не дано на порогѣ злодѣйскомъ;
Но поручала когда мнѣ Геката авернскія рощи,
Казнямъ божьимъ сама научила, повсюду проведши.
Гносскій тутъ Радамантъ владѣетъ царствомъ жестокимъ,
Слушаетъ онъ и казнитъ, и ковы признать вынуждаетъ,
Съ коими, кто, наверху веселившись тщетнымъ обманомъ,
Искупленье грѣховъ отложилъ до поздней кончины.
Вооружившись бичемъ, съ-наскоку тотчасъ Тизифона
Мстящая грѣшныхъ разитъ и змѣй, крутящихся въ лѣвой,
Выставляя, зоветъ сестеръ жестокіе сонмы.
Тутъ, наконецъ, на петляхъ, ужасно звучащихъ, раскрылись
Гнусныя съ визгомъ врата. Ты видишь-ли, стража какая
У преддверья сидитъ? Что за ликъ порогъ охраняетъ?
Гидра съ пятидесятью чернѣющихъ зѣвовъ огромна
Злѣйшая тамъ-же внутри. А тамъ уже самый и Тартаръ
Вдвое срывается въ глубь, къ тѣнямъ спускаясь настолько,
Видимъ насколько Олимпъ воздушный, стремящійся въ небо.
Древній здѣсь родъ Земли, титановъ племя, которыхъ
Молнія свергла, на днѣ преисподней вращается самой.
Видѣла тутъ я тѣла огромныя двухъ Алоидовъ,
Что хотѣли пробить великое небо руками
И столкнуть самого Юпитера съ вышняго царства.
Видѣла, какъ Салмоней жестокую казнь отбываетъ,
Тотъ, что Зевеса огнямъ подражалъ и грому Олимпа.
Онъ, на четверкѣ коней сидя и лампадой махая,
Черезъ граевъ народъ и чрезъ городъ срединной Елиды

Шелъ въ торжествѣ и себѣ поклоненій требовалъ божьихъ;
Онъ, безумецъ! грозу и неподражаемый пламень
Мѣдью и топомъ коней рогоногихъ представить пытался.
Но всемогущій отецъ черезъ тучи густыя стрѣлою
Ринулъ, не свѣточемъ ужъ, не факела дымнаго блескомъ,
И стремглавъ онъ его въ ужасномъ вихрѣ низвергнулъ.
Также и Титія тутъ, Земли всеродящей питомца,
Видѣла, какъ его растянулося тѣло на девять
Всѣхъ десятинъ, и кровавымъ клювомъ коршунъ огромный
Печень безсмертную рветъ и для мукъ плодущу́ю утробу,
Роясь за пищею въ ней, и подъ грудью высокой витаетъ;
И возникающей нѣтъ никакого отдыха плоти.
О лапитахъ скажу-ль Иксіонѣ и Пиритоѣ?—
Черный надъ ними утесъ вотъ вотъ упадетъ и, какъ будто
Обрываясь, грозитъ. Золотыя высоко сіяютъ
Ножки у праздничныхъ ложъ и у рта готовыя яства
Съ роскошью царской; но тутъ изъ фурій главная рядомъ
Возлежитъ и столовъ возбраняетъ касаться руками,
Факелъ подъявши, встаетъ и голосомъ громкимъ взываетъ.
Тутъ, кто братьевъ своихъ, какъ длилася жизнь, ненавидѣлъ;
Кто отца оскорблялъ; кто обманомъ опуталъ кліента,
Тѣ-ли, что, клады найдя, одни надъ ними лежали,
Доли не давши своимъ,—толпа подобныхъ всѣхъ больше,—
Въ прелюбодѣйствѣ затѣмъ убитые и къ нечестивымъ
Войнамъ приставшіе и господамъ измѣнившіе въ клятвѣ
Казни ждутъ взаперти. И ты узнать не старайся,
Что за казнь и пріемъ, иль судьба какая ихъ ввергла.
Камень огромный одни вращаютъ, на спицахъ колесныхъ
Эти распяты висятъ; сидитъ, и сидѣть ему вѣчно,
Злополучный Тезей, и всѣхъ несчастнѣйшій Флегій
Увѣщеваетъ, вопя межъ тѣнями, голосомъ громкимъ:
«Правдѣ учитесь на мнѣ и боговъ презирать вы страшитесь!»
Продалъ родину тотъ и могучаго въ ней властелина
Онъ водворилъ, и давалъ, и смѣнялъ за деньги законы;
Ложе вотъ тотъ осквернилъ дочернее бракомъ запретнымъ;
Всѣ, на огромное зло дерзнувъ, въ дерзновеньи успѣли.
Будь хотя сто у меня языковъ и сотня-же глотокъ,

Голосъ желѣзный, я все-жъ объять всѣ виды злодѣйства
И имена перечесть наказаній всѣхъ не смогла-бы».
Эту окончивши рѣчь, долголѣтняя Фэбова жрица,
«Но ужъ», сказала, «ступай въ свой путь и начатое дѣло
Довершай; поспѣшимъ. Въ горнахъ циклоповъ литыя
Стѣны завидѣла я и въ ближайшемъ сводѣ ворота
Тѣ, у которыхъ велитъ намъ заповѣдь даръ свой оставить».
Молвила и, проходя по пути тѣнистому рядомъ,
Посерединѣ идутъ и близко къ воротамъ подходятъ.
Входа достигнулъ Эней и тѣло онъ свѣжей водою
Окропляетъ, и вѣтвь къ косяку предъ собой прикрѣпляетъ.
Это свершивъ, наконецъ, и честь богинѣ воздавши,
Достигаютъ они до отрадныхъ мѣстъ и лужаекъ,
Средь счастливыхъ лѣсовъ, и до жилища блаженныхъ.
Здѣсь просторнѣй эѳиръ и свѣтомъ поля облекаетъ
Пурпурнымъ онъ, и свое у нихъ солнце и звѣзды свои-же.
Часть на обильныхъ травой упражняетъ члены палестрахъ,
Спорятъ въ игрѣ и въ борьбу вступаютъ на желтой аренѣ.
Часть съ отбоями ногъ хороводы ведетъ, распѣвая.
Въ длинной одеждѣ тутъ жрецъ ѳракійскій тожъ сочетаетъ
Звуки лиры своей семиструнной, въ нее ударяя
То перстами, а то смычкомъ изъ кости слоновой.
Древній Тевкра здѣсь родъ, его прекрасное племя,
Мощные духомъ вожди, въ годахъ рожденные лучшихъ,
Илъ и съ нимъ Ассаракъ и Трои Дарданъ основатель.
Тотъ дивится вдали колесницамъ мужей и доспѣхамъ
Праздным. Копья стоятъ, воткнутыя въ землю, и кони
Вольно пасутся въ поляхъ. Насколько тѣхъ колесницы
И оружье—живыхъ—утѣшало, насколько любили
Гладкихъ пасти лошадей, страсть та-же у мертвыхъ осталась.
Справа и слѣва другихъ, на травѣ пирующихъ, видитъ
Онъ и веселую пѣснь пэана хоромъ поющихъ
Между лавровыхъ рощъ благовонныхъ, а сверху оттуда
Еридана потокъ многоводный по лѣсу мчится.
Здѣсь за отчизну въ бою принявшихъ раны дружина,
Также и тѣ, что въ жрецахъ всю жизнь чистоту сохраняли;
И прорицатели тутъ, что вѣщали достойное Фэба,

Тѣ, что украсили жизнь изобрѣтеньемъ художествъ,
Тѣ, что другимъ о себѣ оставили память заслугой.
Бѣлоснѣжная всѣмъ имъ чело увиваетъ повязка.
Къ нимъ, что стеклися кругомъ, сибилла такъ провѣщала,
Но къ Муззю сперва,—ибо онъ возвышался плечами
Средь многолюдной толпы, на него лишь снизу взиравшей:
«Души блаженныхъ и ты, прорицатель достойный, скажите,
Гдѣ Анхиза тутъ край, въ какомъ онъ мѣстѣ? Пришли мы
Изъ-за него, переплывъ великія рѣки Ереба».
Ей въ короткихъ словахъ герой на это отвѣтилъ:
«Мѣстъ тутъ назначенныхъ нѣтъ; въ лѣсахъ обитаемъ тѣнистыхъ,
На высотахъ береговъ, на лугахъ, орошенныхъ рѣками,
Мы живемъ. Но вы, коль вамъ это по сердцу будетъ,
Вотъ перейдите хребетъ; укажу вамъ и легкую стежку».
Молвилъ и самъ напередъ пошелъ, и свѣтлыя сверху
Кажетъ поля, и оттоль высоты они оставляютъ.
А родитель Анхизъ въ глубинѣ зеленой долины
Души въ затворѣ, чтобъ имъ идти къ надземному свѣту,
Обозрѣвалъ, съ любовью глядя, и какъ разъ тутъ своихъ-же
Перебиралъ по числу онъ всѣхъ и возлюбленныхъ внуковъ,
Долю мужей, и судьбы, и нравы, и рукъ ихъ дѣянья.
Какъ направлявшагося по травѣ навстрѣчу завидѣлъ
Онъ Энея, къ нему простеръ обѣ длани проворно;
Слезы текутъ по щекамъ и рѣчи изъ устъ вылетаютъ:
«Наконецъ, ты пришелъ и тѣмъ, что я ждалъ, благочестьемъ
Трудный путь одолѣлъ. Твой ликъ дано мнѣ увидѣть,
Сынъ, и тебѣ отвѣчать, заслыша голосъ знакомый;
Такъ я въ душѣ полагалъ и размышлялъ о грядущемъ,
Времени счетъ выводя, и своей не обманутъ заботой.
Сколько земель и морей тебя исходившаго вижу
Я, о чадо! Въ какихъ тебя не кидало напастяхъ!
Какъ я боялся тебѣ вреда отъ либійскаго царства!»
Онъ-же: «Твой, о отецъ, твой часто образъ печальный,
Посѣщая меня, прибыть къ симъ предѣламъ заставилъ.
Въ морѣ Тирренскомъ мой флотъ. О, дай сочетать намъ десницы,
Дай, отецъ, отъ моихъ не уклоняйся объятій».
Такъ говоря, орошалъ лице онъ обильно слезами.

Трижды силился тутъ охватить онъ шею руками,
Трижды образъ, вотще объятый, отъ рукъ ускользаетъ,
Легкій словно-бы вѣтръ и снамъ окрыленнымъ подобный.
Видитъ Эней между тѣмъ въ уединенной долинѣ
Отдѣленный лѣсокъ и въ немъ шумящій кустарникъ,
И летейскій потокъ, что течетъ у жилищъ безмятежныхъ.
Тутъ кругомъ безъ числа летало племенъ и народовъ;
И, какъ-бы на лугахъ, гдѣ пчелы въ ясное лѣто
На различныхъ цвѣтахъ сидятъ и къ лиліямъ бѣлымъ
Льнутъ, летая кругомъ; гудетъ отъ шуму все поле.
Видитъ вдругъ, устрашенъ, и о причинахъ, въ незнаньи,
Вопрошаетъ Эней, вдали-то рѣки какія,
Что за мужи такой берега наполняютъ толпою.
Тутъ родитель Анхизъ: «То души, которымъ судьбою
Новыя будутъ тѣла, у волнъ летейскаго тока
Влагу безпечную пьютъ и въ ней—надолго забвенье.
Ихъ вотъ тебѣ помянуть и предъ тобой обнаружить,
Это потомство свое давно ужь хочу я исчислить,
Чтобы тѣмъ больше со мной ты найденной Италіи радъ былъ».
—«О родитель, ужель допустить, что къ небу отсюда
Нѣкія души, взлетѣвъ, идутъ,—чтобы снова вернуться
Въ косное тѣло? И что у бѣдныхъ за рвеніе къ свѣту?»
—«Я и скажу и тебя въ сомнѣніи, сынъ, не оставлю»,
Началъ Анхизъ и тутъ все по порядку подробно раскрылъ онъ.
«Небо вначалѣ съ землей и съ водяною равниной
И сіяющій шаръ луны и свѣтило Титана
Духъ питаетъ внутри, и всею, разлившись по членамъ,
Движетъ громадою умъ, смѣсившись съ тѣломъ великимъ.
Родъ оттуда людей и скотовъ, и животныхъ пернатыхъ,
И чудовищъ, что понтъ подъ мраморной носитъ пучиной.
Сила въ тѣхъ сѣменахъ огневая съ небеснымъ зачаткомъ,
Ежели ихъ не гнетутъ тѣла вредоносныя только
И не тупитъ составъ земляной и смертные члены.
Вотъ страшатся съ чего, вожделѣютъ, горюютъ и рады,
И въ небеса не глядятъ, въ темницѣ слѣпой запертые.
Вотъ почему и, когда ихъ жизнь и свѣтъ покидаетъ,
Зло отъ несчастныхъ не все и не всѣ тѣлесныя скверны

Вдругъ отпадаютъ, но то, что долго внутри сочеталось,
Дивнымъ родомъ еще должно оставаться сращеннымъ.
Ради того и несутъ они муку и казнь отбываютъ
Старыхъ злодѣйствъ: одни раскинуты въ вѣтрѣ безплодномъ
Носятся, а у другихъ въ обширномъ омутѣ скверный
Омывается грѣхъ, иль огнемъ его выжигаютъ.
Терпимъ, какъ маны, мы всѣ. Затѣмъ чрезъ Елизій обширный
Шлютъ насъ, и въ свѣтлыхъ поляхъ немногіе мы обитаемъ,
Долгій покуда и день и времени кругъ завершенный
Вросшее сниметъ пятно и въ чистомъ видѣ оставитъ
Смыслъ эѳирный и съ нимъ огонь простого состава.
Всѣхъ ихъ, какъ времени кругъ черезъ тысячу лѣтъ оборотятъ,
Богъ къ летейской рѣкѣ вызываетъ толпою великой
Съ тѣмъ, чтобъ, не помня, они небосклонъ увидѣли снова
И начали-бы хотѣть въ земныя тѣла возвратиться».
Такъ промолвилъ Анхизъ и сына, и вмѣстѣ сибиллу,
Прямо въ толпу онъ влечетъ, въ середину шумящаго сонма,
И восходитъ на холмъ, откуда всѣхъ перебрать онъ
Могъ-бы въ длинной чредѣ, узнавая въ лице подходящихъ.
«Слушай, какую затѣмъ дарданское племя получитъ
Славу, какихъ тебѣ ждать италійскаго рода потомковъ,
Свѣтлыхъ душъ, что отъ насъ воспримутъ имя въ наслѣдство,
Словомъ я возвѣщу и тебѣ твою долю открою.
Юноша, что оперся на копье безъ насадки, какъ видишь,
Жребіемъ первый займетъ на свѣтѣ мѣсто и первый
Выйдетъ въ воздушный эѳиръ, италійскою смѣшанный кровью,—
Сильвій,—имя его албанское,—сынъ твой позднѣйшій,
Что супруга тебѣ Лавинія къ старости долгой
Воспитаетъ въ лѣсахъ, царя и царскаго предка,
Отъ него-же нашъ родъ завладѣетъ и Альбою-Лонгой.
Ближній вотъ тотъ Прока, троянскаго племени слава,
Капій, затѣмъ Нумиторъ, и тотъ, что вернетъ твое имя,
Сильвій Эней, равно знаменитъ въ благочестьи и въ браняхъ,
Если когда-либо онъ получитъ въ Альбѣ правленье.
Вотъ молодежь! Посмотри, какія въ нихъ видимы силы,
И осѣняютъ чело имъ вѣнцы гражданскаго дуба!
Эти тебѣ Номентъ, и Габій, и городъ Фидену,

Эти на высяхъ горъ коллатинскую крѣпость заложатъ,
Инуя Кастръ и Помеціи тожъ, и Болу, и Кору.
Будутъ то имена, а нынѣ безъ прозвища земли.
Даже дѣду вослѣдъ появится Марсомъ рожденный
Ромулъ, что Илія мать отъ Ассараковой крови
Выведетъ. Видишь-ли, какъ на макушкѣ стали два гребня,
И отецъ уже самъ его мѣтитъ грядущею честью?
Вотъ подъ чьими, мой сынъ, примѣтами оный преславный
Римъ владѣнье землей и духъ ограничитъ Олимпомъ,
И одинъ изо всѣхъ семь вершинъ обведетъ онъ стѣною,
Счастливъ потомствомъ мужей: такова Берецинтія-матерь,
Башней вѣнчанная, чрезъ фригійскіе шествуетъ грады
На колесницѣ, боговъ рожденью и сотнѣ потомковъ
Рада, что небожители всѣ, всѣ вверху обитаютъ.
Взоры очей ты сюда обрати; на это взгляни ты
Племя, на римлянъ своихъ. Вотъ Цезарь и весь отъ Іула
Родъ, что выдти готовъ подъ ось великую неба,
Здѣсь тотъ мужъ; онъ здѣсь, тебѣ возвѣщенный такъ часто,—
Августъ Цезарь, тотъ сынъ божества, что вновь золотые
Въ Лаціи вѣка возвратитъ, въ поля, гдѣ царствовалъ древле
Самъ Сатурнъ; пронесетъ онъ власть къ гарамантамъ и къ индамъ,—
Та земля далеко за предѣлами нашихъ созвѣздій,
Далѣе солнца путей годовыхъ, гдѣ Атлантъ-небоносецъ
Ось въ блестящихъ звѣздахъ на плечѣ своемъ обращаетъ.
Передъ приходомъ того уже нынѣ каспійскія царства
По прорицанью боговъ трепещутъ и край мэотидскій,
И въ смятеньи дрожатъ семиричнаго устія Нила.
Вѣрно, ни самый Алкидъ земли не выходилъ столько,—
Какъ мѣдноногую лань поразилъ, или Ериманта
Лѣсу далъ миръ, и самой былъ Лернѣ лукомъ ужасенъ,—
Ни на лозовыхъ браздахъ ярмо направляющій Либеръ
Побѣдоносный, съ вершинъ низейскихъ тигровъ гонящій.
И усомнимся-ль еще дѣлами доблесть расширить,
Или препятствуетъ страхъ въ авзонской землѣ основаться?
Кто-жъ тотъ однако вдали, вѣтвями украшенъ оливы,
Со святыней въ рукахъ? Волоса и сѣдой подбородокъ
Римскаго я призналъ царя, что законами городъ

Также изъ мрамора пусть живые лики выводятъ,
Тяжбы лучше ведутъ и также неба движенья
Тростію лучше чертятъ и восходъ свѣтилъ возвѣщаютъ:
Ты-же народы вести, о римлянинъ, властію помни,—
Вотъ искусства твои—налагать обычаи мира,
Подчиненныхъ щадить и завоевывать гордыхъ!»
Такъ родитель Анхизъ и изумленнымъ добавилъ:
«Погляди, какъ Марцеллъ, добычею царскою славенъ,
Побѣдитель идетъ и всѣхъ мужей превышаетъ!
Онъ-то римскую власть, потрясенную смутой великой,
Утвердитъ, на конѣ разобьетъ онъ пуновъ и галловъ,
Третье оружье забравъ, отцу повѣситъ Квирину».
Тутъ Эней, ибо онъ идущаго рядомъ увидѣлъ
Юношу дивной красы и при блестящемъ оружьи,
Но съ невеселымъ челомъ и лице съ опущеннымъ взоромъ:
«Кто-же сей, о отецъ, что тому сопутствуетъ мужу?
Сынъ-ли, или какой изъ потомковъ великаго рода?
Вкругъ въ толпѣ что за шумъ и въ самомъ какое величье?
Но облетаетъ ужъ ночь главу печальною тѣнью».
Тутъ родитель Анхизъ со слезами такъ начинаетъ:
«О, не спрашивай, сынъ, о великой печали твоихъ-же!
Міру такимъ вотъ судьба его покажетъ и дольше
Быть запретитъ. Черезчуръ-бы вамъ, боги, римское племя
Мощнымъ явилось, когда-бъ сей даръ за нимъ-бы остался.
Что за стоны мужей понесетъ къ великому граду
Марсово поле, или какую, Тибръ, ты увидишь
Тризну, когда потечешь ты мимо свѣжей могилы!
Отрокъ другой ни одинъ въ иліонскомъ родѣ латинскимъ
Дѣдамъ подобныхъ надеждъ не подастъ, и Ромула краю
Больше питомцемъ такимъ уже во вѣкъ не гордиться.
О благочестіе, о старинная вѣрность и въ войнахъ
Непобѣдимая длань! Никто не дерзнулъ-бы сразиться
Съ нимъ при оружьи, хотя пошелъ на врага-бы онъ пѣшій
Или въ лопатки вонзилъ коню опѣненному шпоры.
Горестный отрокъ, увы, сокруши лишь злую судьбину
Быть Марцелломъ тебѣ! О, дайте полныя руки
Лилій вы мнѣ, я цвѣтовъ разбросаю алыхъ и внука

Я душѣ принесу хоть этихъ даровъ, и даяньемъ
Слабымъ почту». По странѣ воздушной такъ они бродятъ
Всюду по всей, въ широкихъ поляхъ, и все озираютъ.
Послѣ, какъ сына Анхизъ провелъ по каждому мѣсту
И возжегъ его духъ къ грядущей славѣ любовью,
Мужу затѣмъ помянулъ о наступающихъ войнахъ
И лаврентійскій народъ указалъ, и городъ Латина,
И тотъ способъ, какимъ онъ трудовъ избѣжитъ и снесетъ ихъ.
Двое воротъ у Сна; одни, говорятъ, роговыя, —
Ими легкій исходъ дается тѣнямъ правдивымъ;—
А другія блестятъ работой изъ кости слоновой,
Лживыя къ небу изъ нихъ посылаются манами грезы.
Сына когда ужъ Анхизъ съ сибиллою вмѣстѣ рѣчами
Такъ проводилъ и ихъ изъ вратъ костяныхъ отпустилъ онъ,
Тотъ пошелъ къ кораблямъ и свою дружину увидѣлъ.

А. Фетъ и Вл. Соловьевъ.

7. Венера у Вулкана. — Щитъ Энея.

Ночь устремилась и черными крыльями міръ обнимаетъ.
Матерь Венера, не тщетнымъ—увы!—возмущенная страхомъ,
Злобой лаврентовъ и лютымъ смятеньемъ страшимая въ сердцѣ,
Рѣчь обращаетъ къ Вулкану и въ брачномъ златомъ ихъ чертогѣ
Такъ говоритъ, и супругу божественный пламень внушаетъ:
«Лютой войною пока пустошили князья арголійцевъ
Имъ обреченный Пергамъ и огней ожидавшія стѣны,
Помощи бѣднымъ никоей, никоихъ искусныхъ доспѣховъ
Я не просила у мудраго, ниже, супругъ мой дрожайшій,
Тщетной работой тебя упражнять Киѳерея желала,
Многимъ хотя и обязана славному роду Пріама,
Много хотя сожалѣла о трудной Энеевой долѣ.
Нынѣ велѣніемъ Зевсовымъ въ рутуловъ страны онъ прибылъ;
Нынѣ, напротивъ, прошу и у бога, Венерѣ святого,
Сыну оружія—матерь—молю. Возмогла Нереида
Плачемъ тебя преклонить, возмогла и супруга Тиѳона.
Видишь, какіе полки собрались и въ затворенныхъ градахъ
Стрѣлы какія острятъ: все въ меня и моимъ на погибель!»

Молвитъ и снѣжными бога руками обнявъ обоюду,
Въ сладкомъ объятіи нѣжитъ упрямаго; онъ-же внезапно
Пламя знакомое принялъ, и въ самое сердце обычный
Жаръ проникаетъ ему и бѣжитъ по костямъ сотрясеннымъ,
Точно при ясномъ перунѣ на небѣ бразда, расщепившись,
Блещетъ огнемъ и сіяющимъ свѣтомъ расходится въ тучахъ.
Чуетъ, успѣхомъ гордясь и красу сознавая, супруга.
Такъ отвѣчаетъ родитель, любовію вѣчной опутанъ:
«Что вымышляешь причины далекія?—Или, богиня,
Вѣру въ меня ты утратила? Если-бы такъ попросила,
Можно-бы намъ и тогда для троянцевъ готовить оружье.
Развѣ отецъ всемогущій и рокъ не дозволили-бъ Троѣ
Дольше стоять, а Пергаму еще десять лѣтъ возвышаться?
Я и теперь, если войны готовишь и такъ ужъ рѣшила,
Все, что отъ мудрости нашей зависитъ, тебѣ обѣщаю;
Все, что желѣзо творитъ и янтарь создаетъ растопленный,
Все, что доступно огню и мѣхамъ. Перестань-же мольбами
Силы свои унижать». Таковыя онъ вымолвивъ рѣчи,
Тотчасъ въ объятья желанныя палъ и въ усталые члены
Сладостный принялъ покой, задремавъ на Венериномъ лонѣ.

Только проснулся отъ перваго сна, какъ пути половину
Ночи повозка свершила,—въ то время, какъ съ ложа возставши,
Женщина, коей назначено прялкой и скудной Минервой
Семью поддерживать, пепелъ и огнь пробуждаетъ уснувшій,
Ночь прибавляя къ трудамъ, и рабынь при огнѣ упражняетъ
Длинной куделью хозяйка затѣмъ, чтобъ супружнее ложе
Ей въ чистотѣ сохранить и дѣтей чтобы выкормить малыхъ;
Такъ-то и самъ Огневластный, ничѣмъ не позднѣе поднявшись,
Съ мягкаго ложа къ работѣ кузнечной своей поспѣшаетъ.

Островъ у брега сиканскаго, противъ Эоловой оной (?)
Виденъ Липары: въ дымящихся скалахъ подъ небо встаетъ онъ.
Снизу—пещеры, и печью киклоповъ разъѣденный стонетъ
Этнѣ подобный вертепъ, подъ ударами тяжкими въ коемъ
Вѣчно желѣзо звучитъ и въ глубокихъ норахъ завываютъ

Руды халибовъ и въ горнахъ пыхтитъ несказанное пламя.
Служитъ жилищемъ Вулкану земля и отъ бога зовется;
Въ оную съ неба высокаго тутъ Огневластный нисходитъ.
Руды въ обширной пещерѣ киклопы ковали усердно:
Бронтъ и великій Стеропъ, и нагой помогалъ имъ Пиракмонъ.
Въ дланяхъ начатую молнію съ отдѣланной нѣкоей частью
Мужи держали,—изъ тѣхъ, что во множествѣ Юпитеръ съ неба
Сыплетъ порой отовсюду; неконченной часть оставалась. —
Три дождевые крутили луча, три изъ тучъ прибавляли
Влажныхъ и три изъ златого огня и крылатаго австра.
Страшные громы туда-же и грохотъ великій, и ужасъ
Въ дѣло мѣшали, и гнѣвы, и огнь, вслѣдъ за ними идущій.
Марту повозку другіе и быстрыя къ оной колеса
Спѣшно работали, ими-жъ людей возмущаетъ и грады.
Страшную также эгиду, смятенной оружье Паллады,
Взапуски змѣй чешуями и златомъ драгимъ убирали,
Сплетшихся змѣевъ ковали и грудь защищали богини
Горгоной лютой, главой отсѣченной, что очи вращаетъ.
«Все уберите», глаголетъ, «и трудъ начатой отложите,
Мужи киклопы этнейскіе, умъ на другое направьте!
Храброму мужу обѣщанъ доспѣхъ; нынѣ силы потребны,
Нынѣ въ рукахъ быстрота, нынѣ все призовите искусство,
Мѣшкать не слѣдуетъ». Больше не вымолвилъ слова, а мужи
Тотчасъ за дѣло берутся и поровну всѣ раздѣляютъ
Трудъ предназначенный: хлынула мѣдь, заструилося злато,—
Сталь смертоносная въ горнѣ пространномъ давно растопилась.
Щитъ зачинаютъ великій, одинъ противъ всѣхъ авзонійскихъ
Коній и стрѣлъ: изъ семи исполинскихъ круговъ составляютъ
Мощную доску; мѣхами свистящими мужи другіе
Вѣтеръ впускаютъ и гонятъ; иные-жъ въ студеную влагу
Мѣдь окунаютъ шипящую; млатами стонетъ пещера.
Руки съ великою силой этнейскіе братья чредою,
Кверху стремятъ и клещами упорными сплавъ обращаютъ.

Въ тучахъ небесныхъ межъ тѣмъ бѣлоснѣжная мчалась Венера,
Князю подарки неся, и, въ долинѣ укромной увидѣвъ

Издали чадо свое, отдѣленнаго токомъ студенымъ,
Рѣчи такія глаголетъ, богиней предъ сыномъ представши:
«Мужнимъ искусствомъ исполненъ обѣщанный мною подарокъ;
Онъ предъ тобою, возьми и лаврентовъ затѣмъ горделивыхъ
Или удалаго Турна на бой вызывай дерзновенно».
Молвитъ и къ сыну въ объятія мать Киѳерея упала,
Ясный доспѣхъ положивъ подъ сосѣднимъ раскидистымъ дубомъ.
Витязь, дарами богини и честью обрадованъ многой,
Смотритъ очами несытыми; въ сердцѣ дивясь, по порядку
Все изучаетъ и въ длаияхъ своихъ изумленныхъ вращаетъ
Страшный, гребнистый шеломъ, изрыгающій лютое пламя,
Мечъ роковой и мѣдяную оную крѣпкую броню,
Кровью горящую, точно какъ синее облако въ небѣ
Солнца лучами горитъ и далече по воздуху блещетъ,
Гладкій сапогъ изъ электра и золота дважды литого,
Лютую сталь копія и щита несказанный рисунокъ...

Тамъ италійцевъ судьбы и великіе римлянъ тріумфы,
Вѣдая рѣчи пророковъ и съ будущимъ вѣкомъ знакомый,
Вырѣзалъ богъ огневластный, на семъ начерталъ онъ доспѣхѣ
Все поколѣнье Асканія, всѣ по порядку сраженья.
Сдѣлалъ въ зеленой пещерѣ Маворта волчиху щенную,
Кротко лежащую; двое младенцевъ веселыхъ повисли,
Звѣря сосцы обхвативъ, и, играючи, лижутъ безстрашно
Лютую мать, а волчица, закинувъ великую выю,
Оныхъ ласкаетъ чредой и своимъ языкомъ образуетъ.
Римскій по близости градъ и сабинянокъ, противъ закона,
Въ шумномъ собраньи, при играхъ великихъ похищенныхъ въ циркѣ,
Онъ сотворилъ и внезапно возставшую новую сѣчу
Ромула съ Татіемъ старымъ и съ племенемъ Курій суровымъ.
Далѣе тѣ-же цари, прекративъ межъ собой состязанье,
Оба, у требища Зевсова, чаши въ рукахъ, при оружьи,
Рядомъ стоятъ и, свинью заколая, союзъ подтверждаютъ.
Вотъ недалеко отъ нихъ быстротечныя Метта квадриги
Рвутъ на куски (а зачѣмъ-же, албанецъ, въ словахъ не стоялъ ты?),
Лживаго мужа утробу карающій Туллъ по дубровѣ

Всю разносилъ, и сочились облитые кровію терны.
Тамъ и Порсенна приказывалъ бѣглыхъ Тарквиніевъ въ городъ
Снова принять и великой тѣснилъ онъ осадою римлянъ.
Мечъ ухвативъ, за свободу стремились на бой Энеады.
Онъ негодующій зрѣлся, грозящему мужу подобный.
Видя, какъ мостъ разрываетъ дерзновенный предъ воинствомъ Коклетъ,
Цѣпи разбивъ, какъ плыла горделивая Клэлія дѣва.
Выше всего охранитель тарпейскаго Манлій оплота
Храма на прагѣ стоялъ и высокій стерегъ Капитолій.
Свѣжей соломой щетинилась Ромула рядомъ палата;
Въ сѣняхъ порхая златыхъ, гусь серебряный римлянъ тревожилъ,
Спящихъ будилъ и на прагѣ стоящихъ имъ галловъ вѣщалъ онъ.
Галлы сквозь терны ползли и высокимъ ужъ замкомъ владѣли,
Мракомъ хранимы густымъ и дарами тѣнистыя ночи.
Кудри златыя у нихъ и изъ золота сдѣланы ризы;
Тканью блестятъ полосатою; млечныя воиновъ выи
Золотомъ яснымъ обвиты и по два альпійскіе геса
Каждый колеблетъ въ рукѣ, закрываясь щитомъ исполинскимъ,
Тутъ-же и саліевъ пляску, и рой обнаженныхъ луперковъ,
Шапки жрецовъ шерстоносныя, съ неба щитовъ нисхожденье
Вырѣзалъ богъ: непорочныя жены святыню по граду
Въ мягкихъ качалкахъ носили; далеко отъ нихъ онъ прибавилъ
Тартаровъ темныхъ обители, Дита высокіе праги,
Грѣшниковъ кары, тебя, Катилина, на грозномъ утесѣ
Вѣчно висящаго тамъ и предъ ликомъ дрожащаго фурій;
Тутъ-же и добрыхъ предѣлъ и судящаго онымъ Катона.

Между сего широко расходилось бурливое море,
Златомъ сіяло; но волны его бѣлизной отливались,
Окрестъ-же ихъ серебромъ красовались дельфины и въ кругѣ
Море хвостами мели, и надувшійся понтъ разсѣкали.
Мѣдные флоты въ срединѣ, актійскія лютыя битвы
Зрѣлись очамъ: ополчившись на бой, закипала Левката
Воинствомъ вся, и блистали отъ яснаго злата пучины.
Вотъ Августъ Кесарь, италовъ на грозную сѣчу ведущій,
Съ ликомъ отцовъ и съ народомъ, и съ сонмомъ великихъ пенатовъ,

Сталъ на высокой кормѣ; испускаютъ веселое пламя
Оба виска, и на темени блещетъ родное свѣтило;
Съ боку другого Агриппа, и вѣтромъ несомъ, и богами,
Воинство гордо ведетъ; у сего воздаяньемъ воинскимъ
Блещутъ виски, знаменитой горятъ ростроносной короной.
Слѣва Антоній съ полкомъ чужеземнымъ и войскомъ различнымъ,
Всѣхъ побѣдитель народовъ Авроры и Чермнаго моря,
Гордый Эгипетъ и силу востока, и крайнія даже
Бактры везетъ, и свою, о позоръ! эгиптянку-супругу.
Ринулись разомъ на бой, и ужъ пѣнится все безъ остатка
Взрытое веслами ихъ и тризубыми рострами море.
Къ понту стремятся открытому: точно какъ, съ мѣста сорвавшись,
Вдругъ-бы Киклады поплыли иль горы съ горами сразились.
Такъ-то воители кормы, покрытыя башнями, движутъ,
Паклю горящую сыплютъ и быстрое мечутъ желѣзо;
Лютой и новою сѣчей багрятся Нептуновы нивы.
Систромъ отеческимъ воиновъ кличетъ на битву царица,
Аспидовъ двухъ смертоносныхъ не чуетъ еще за плечами.
Лики боговъ иноземныхъ и лающій нильскій Анубисъ
Противъ Нептуна съ Венерой и противъ могучей Минервы
Копья подъемлютъ, свирѣпствуетъ лютый Мавортъ посрединѣ,
Мѣдью окованъ, и фуріи въ воздухѣ стали, и бродитъ
Между бойцами въ растерзанной ризѣ довольная Распря.
Оной во слѣдъ поспѣшаетъ съ бичемъ обагреннымъ Беллона.
Видя бѣду съ высоты, Аполлонъ напрягаетъ актійскій
Пагубный лукъ, и, исполнившись страха, Эгипетъ и инды
Тылъ обращаютъ, и всякій бѣжитъ и арабъ, и сабеецъ.
Вѣтеръ, казалось, царица звала, расширяла вѣтрила,
Бѣгствомъ своимъ торопясь, отпускала скорѣе канаты.
Оную, въ сѣчѣ дрожащую, блѣдную смертью грядущей,
Волны и япигъ искусствомъ Вулкановымъ въ даль уносили.
Ей супротивъ написалъ онъ великое Нилово тѣло.
Пазуху Нилъ раскрывалъ, раскрывалъ одѣянье и въ лоно
Синее звалъ и въ свои сокровенныя воды побитыхъ.
Кесарь-же временемъ тѣмъ, во тріумфѣ трегубомъ вступая
Въ римскія гордыя стѣны, богамъ посвящалъ италійскимъ
Вѣчный обѣтъ и по городу триста закладывалъ храмовъ;

Радостью, играми стогны и плескомъ гремѣли великимъ;
Въ капищѣ каждомъ матроны поютъ, въ каждомъ жертвенникъ храмѣ
Землю тельцы устилаютъ, у требищъ закланные божьихъ.
Самъ онъ, на свѣтломъ порогѣ сидя бѣлоснѣжнаго Фэба,
Дани народовъ считалъ и вдоль стѣнъ размѣщалъ горделивыхъ.
Идутъ чредой безконечной на битвѣ сраженныя страны:
Сколько языкомъ различны, настолько-жъ оружьемъ и ризой.
Тамъ непослушныхъ номадовъ и всѣхъ распоясанныхъ афровъ,
Тамъ и лелеговъ, и каровъ, и рой стрѣлоносныхъ гелоновъ
Мульциберъ дланью создалъ; выступалъ и Евфратъ усмиренный,
Крайніе люди Морины и Реновъ потокъ двоерогій,
Буйные даги, свирѣпый Араксъ, негодующій на мостъ.

Битвы такія на божьемъ доспѣхѣ, Венериномъ дарѣ,
Смотритъ Эней и, не вѣдая смысла, картинамъ дивится,
Правнуковъ славу и рокъ на могучихъ плечахъ поднимая.

Н. Квашнинъ-Самаринъ.

8. Низъ и Евріалъ.

Смотрятъ... со стѣны троянцы и наготовѣ
Держатъ оружіе, и не безъ опасенья ворота
Обозрѣваютъ, мостятъ мосты, укрѣпленья связуя,
Сносятъ доспѣхи. Блюдутъ Мнестей съ отважнымъ Серестомъ,
Коихъ назначилъ отецъ-Эней на случай опасный
Быть вождями мужей и надъ дѣлами начальствомъ.
Воины всѣ на стѣнахъ, раздѣливъ опасность по жребью,
Что̀ кому тамъ смотрѣть, сторожатъ и другъ друга смѣняютъ.
Низъ былъ стражемъ воротъ однихъ, храбрѣйшій въ сраженьяхъ,
Сынъ Гиртака; его въ дружину Энея послала
Ида-охотница; быстръ онъ былъ дротомъ и легкой стрѣлою.
Вмѣстѣ съ нимъ Евріалъ; красивѣй его не нашлось-бы
Средь Энеадъ никого и подъ оружьемъ троянскимъ.
Первая юность его безбородный ликъ отмѣчала.
Ихъ единила любовь, и заразъ они въ бой устремлялись.
Такъ и тутъ заодно они у воротъ сторожили.
Низъ говоритъ: «Этотъ пылъ посылаютъ-ли боги намъ въ душу,

О Евріалъ, или страсть становится каждому богомъ?
Въ битву или въ иной великій броситься подвигъ
Духъ побуждаетъ меня,—ему тихаго мало покоя.
Видишь-ли, какъ велика увѣренность рутуловъ въ дѣлѣ?—
Рѣдкіе блещутъ огни; въ вино и сонъ погрузившись,
Улеглись; далеко молчанье повсюду. Внемли-же,
Мыслю о чемъ, и въ душѣ какое рѣшенье возникло.
Требуютъ всѣ—и народъ, и отцы—возвращенья Энея
И хотѣли-бъ мужей послать съ надежнымъ извѣстьемъ.
Если, чего я хочу, тебѣ обѣщаютъ,—мнѣ-жъ славы
Дѣла довольно—подъ тѣмъ холмомъ, мнѣ кажется, можно
Путь къ стѣнамъ отыскать и къ паллантейской твердынѣ».
Остолбенѣлъ, пораженъ великою жаждою славы,
Тутъ Евріалъ, и онъ такъ обратился къ пылкому другу:
«Въ спутники ты меня-ль не примешь для дѣлъ величайшихъ,
Низъ, и тебя-ль одного въ такую пущу я опасность?
Такъ-ли родитель меня Офельтъ, къ войнѣ пріученный,
Въ ужасахъ сихъ воспитавъ арголійскихъ и бѣдствіяхъ Трои,
Наставлялъ, и съ тобой я такъ-ли здѣсь подвизался,
За вѣролюбивымъ идя Энеемъ до крайней судьбины?
Есть здѣсь, есть тотъ духъ, что, свѣтъ презирая, считаетъ
Дешево жизнью купить ту честь, къ какой ты стремишься».
Низъ на это: «Ничуть я такого въ тебѣ не страшился;
Да и не слѣдъ. Такъ меня съ торжествомъ да вернетъ къ тебѣ мощный
Зевсъ, или кто на сіе благосклоннымъ окомъ взираетъ.
Но если,—много чего при такомъ ты рѣшеніи видишь—
Если случай какой или богъ меня ввергнетъ въ несчастье,
Пусть-бы ты уцѣлѣлъ: твой возрастъ достойнѣе жизни.
Былъ-бы кто, боемъ меня исхитивъ иль выкупивъ златомъ,
Предалъ землѣ; если-жъ Рокъ обычный того не дозволитъ,—
Тризну заочно свершилъ и возвеличилъ гробницей.
Горя такого виной не хочу быть матери бѣдной,
Той, что одна изъ всѣхъ матерей, о отрокъ, пустилась
Вслѣдъ за тобою, презрѣвъ великой стѣны Ацесты».
Тотъ-же въ отвѣтъ: «Ты плетешь напрасно пустыя причины,
И мое, измѣнясь, уже не отступитъ рѣшенье;
Но поспѣшимъ», говоритъ и стражей будитъ. На смѣну

Выступаютъ они, а самъ, караулъ покидая,
Вмѣстѣ онъ съ Низомъ идетъ, и царя разыскивать стали.
Прочее все на землѣ живущее сну предавалось,
Всѣ забывая труды, сердца отъ заботъ облегчали:
Тевкровъ начальные лишь вожди, избранные мужи,
О важнѣйшихъ дѣлахъ державы своей совѣщались,
Что̀ предпринять имъ и кто ужъ къ Энею вѣстникомъ будетъ.
Со щитами стоятъ, опершися на длинныя копья
Лагеря посреди. Тутъ Низъ заодно съ Евріаломъ
Пылкіе стали просить, чтобъ ихъ допустили немедля.
«Важное дѣло у нихъ и стоитъ задержки». Ихъ первый
Трепетныхъ пріялъ Іулъ и Низу рѣчь предоставилъ.
Сынъ Гиртака тогда: «Внемлите правдивой душою,
О Энеады; того, что приносимъ, годами не мѣрьте
Нашими. Сномъ и виномъ разрѣшенные рутулы смолкли.
Сами мѣсто уже для затѣи мы присмотрѣли.
Тамъ гдѣ дѣлится путь у воротъ, что̀ къ морю всѣхъ ближе,
Прерваны тамъ ихъ огни, и черный лишь къ звѣздамъ восходитъ
Дымъ. Коль пользу извлечь изъ случая вы разрѣшите,
Намъ Энея сыскать и паллантейскія стѣны,
Скоро съ добычей его, свершившаго страшную сѣчу,
Вы увидите здѣсь, а насъ не обманетъ дорога.
Города самаго край изъ темныхъ долинъ мы видали,
Часто охотясь, и всю притомъ распознали мы рѣку».
Тутъ годами Алетъ отягченный и духомъ созрѣвшій:
«Отчіе боги, чья власть надъ Троей всегда пребываетъ,
Нѣтъ, не совсѣмъ истребить рѣшили вы тевкровъ, коль поднятъ
Вами въ юношахъ духъ такой и столь твердое сердце!»
Такъ говоря, пожималъ онъ и плечи, и правыя руки
У обоихъ, лицо и уста орошая слезами.
«Мзду-бы какую воздать, какую, о мужи, достойно
Можно-бъ за подвигъ такой? Во-первыхъ, лучшую боги
Да и вашъ духъ воздадутъ, затѣмъ, остальное заплатитъ
Благочестивый Эней и возрастомъ юный Асканій,
Что̀ навѣрно такой никогда не забудетъ заслуги.»
— «Также я васъ, для кого одно спасенье въ возвратѣ
Отчемъ», Асканій вскричалъ, «во имя мощныхъ пенатовъ,

Низъ, тутъ молю Ассараковымъ ларомъ и Весты старинной
Храмами! Сколько ни есть у меня и счастья, и вѣры,
Въ ваше я лоно кладу, отца вы лишь возвратите,
Видѣть дайте его; при немъ мнѣ ничто не печально.
Два я изъ серебра дамъ кубка съ высокимъ чеканомъ,
Что̀ родитель унесъ изъ покоренной Арисбы,
Два треножника и два таланта тяжелаго злата
Съ древнею чашей, что̀ мнѣ сидонской Дидоны подарокъ.
Если-жъ Италію взять и побѣдителю скиптромъ
Будетъ дано овладѣть и жребій назначить добычу,—
Видѣлъ ты, Турнъ на какомъ конѣ и въ какихъ раззолоченъ
Шелъ доспѣхахъ?—Коня и щитъ, и красные гребни
Выну изъ жребія, Низъ; ужъ теперь твоя та награда.
Кромѣ того, тебѣ дастъ отецъ двѣнадцать избранныхъ
Женщинъ и столько-жъ мужей плѣненныхъ и все ихъ оружье,
Да и поля, самаго Латина-царя достоянье.
Ты-же, къ кому я еще приближаюсь больше годами,
Отрокъ почтенный, ужъ всѣмъ тебя принимаю я сердцемъ
И обнимаю тебя какъ спутника въ случаяхъ всякихъ,
Славы искать никакой безъ тебя дѣлами не стану;
Миръ-ли, войну-ль поведу,—тебѣ величайшая вѣра
И на словахъ, и въ дѣлахъ». Въ отвѣтъ на это промолвилъ
Такъ Евріалъ: «Никакой меня день не окажетъ несроднымъ
Къ столь отважнымъ дѣламъ, мнѣ только-бы жребій счастливый,
Не злополучный, упалъ. Но тебя мимо всякихъ подарковъ
Лишь молю объ одномъ: у меня изъ Пріамова дома—
Старая мать, что̀ со мной уходящую не удержали,
Бѣдную, ни Иліонъ, ни стѣны владыки Ацеста.
Нынѣ въ незнаньи ее объ опасности здѣсь предстоящей
И не простившися съ ней оставляю; ночь и десница
Мнѣ свидѣтель твоя,—не вынесу слезъ материнскихъ.
Ты-же бѣднягу утѣшь и одинокой дай помощь.
Эту надежду унесть мнѣ дозволь, и пойду я смѣлѣе
Противъ случайностей всѣхъ». Потрясенные духомъ, пролили
Дарданы слезы, Іулъ прекрасный—болѣе прочихъ,
И сей образъ любви сыновней сжалъ его душу.
Такъ онъ потомъ говоритъ:

«Обѣщай себѣ все, что̀ твоихъ начинаній достойно.
Будетъ она мнѣ за мать, и только названья Креузы
Не достанетъ; и ей благодарность не малая будетъ,
Что таковой ей рожденъ. Успѣхъ какой-бы ни вышелъ,
Этой клянусь головой, которою клялся отецъ мой,
То, что̀ тебѣ обѣщалъ на случай возврата и счастья,
Все за матерію твоей и за родомъ пребудетъ».
Плача, такъ онъ сказалъ и съ плеча снялъ мечъ позлащенный—
Дивнымъ искусствомъ его гнозійскій сдѣлалъ Лика̀онъ
И удобный пригналъ къ ножнамъ изъ кости слоновой.
Низу Мнестей отдаетъ со льва ужаснаго шкуру
Снятую; вѣрный Алетъ мѣняется съ юношей шлемомъ.
Вооруженные такъ, выступаютъ они, и къ воротамъ
Сонмъ весь вождей, старики и юноши, вслѣдъ уходящимъ
Шлютъ пожеланья, и имъ прекрасный Іулъ, не по лѣтамъ
Духомъ и думами мужъ, отцу снести порученья
Многія передавалъ; но лишь дыханіе вѣтра,
Все разнося, облакамъ ввѣряло тщетныя рѣчи.
Выйдя, рвы перешли и, подъ тѣнію ночи, стремятся
Къ стану враговъ; но сперва они многимъ гибелью будутъ.
Всюду они по травѣ тѣла поверженныхъ видятъ
Сномъ и виномъ; стоймя стоятъ колесницы на брегѣ,
Между колесъ и вожжей, и мужи, и тутъ-же оружье,
Тутъ-же и вина. Сперва Гиртакидъ такое промолвилъ:
«О Евріалъ, теперь не плошать,—само дѣло зоветъ насъ.
Путь вотъ здѣсь. Чтобъ на насъ толпа какая не встала,
Съ тылу ты сторожи и вдаль гляди, я-жъ открою
Здѣсь просторъ и тебя проведу стезею широкой».
Молвилъ онъ такъ и голосъ сдержалъ, и съ мечемъ на Рамнета
Гордаго бросился, что̀, на ковры высокіе тутъ-же
Взгромоздившися, сонъ выдувалъ всею грудью своею.
Царь онъ самъ и авгуръ, царю пріятнѣйшій Турну,
Но авгурствомъ не смогъ отъ себя отстранить онъ напасти!
Тутъ-же подлѣ трехъ слугъ, межъ оружья лежащихъ безпечно,
Съ оруженосцемъ сразилъ онъ Ремовымъ, и у возницы,
Изъ подъ коней доставъ, мечемъ снялъ свисшую шею.
У господина потомъ самого снесъ голову, бросивъ

Брызжущій кровію трупъ; потокомъ горячимъ и ложе,
И земля смочена, еще Ламира и Лама (?)
Съ юнымъ Серраномъ, что въ ночь ту больше всѣхъ забавлялся,
И, прекрасенъ на видъ, излишнимъ Вакхомъ сраженный,
Члены раскинувъ, лежалъ; счастливецъ,—если-бы эту
Съ ночью игру онъ сравнялъ и до свѣта ее протянулъ-бы!
Словно не кормленный левъ по полной овчарнѣ бушуетъ—
Движетъ имъ яростный гладъ—влачитъ и крушитъ онъ безсильныхъ
Въ стадѣ безмолвныхъ овецъ и пастью крававой рыкаетъ:
Бойня не меньшая и у Евріала, и самъ воспаленный
Средь безымянной толпы свирѣпствуетъ онъ, поражая
Фада, Гербеза еще и Рэта, и съ нимъ Абариса.
Безъ сознанія тѣхъ, а Рэту, что̀ бдящій все видѣлъ,
Но, въ испугѣ большомъ, позади кратера скрывался,
Тотъ во встрѣчную грудь, совсѣмъ подступивши, весь мечъ свой,
Какъ привставалъ онъ, вонзилъ и, съ вѣрною смертію, вынулъ.
Душу багровую онъ извергаетъ и съ кровію вмѣстѣ
Возвращаетъ вино, умирая; а тотъ продолжаетъ
Втайнѣ ярясь; добрался уже до дружины Мессапа,
Гдѣ послѣдній огонь догоралъ, и въ распряжкѣ, какъ должно,
Щиплющихъ траву коней онъ видѣлъ. Но Низъ ему кратко—
Чуя-ль, что слишкомъ заноситъ его убійство и жадность,—
«Перестанемъ», сказалъ, «ибо свѣтъ непріязненный близокъ.
Казни исчерпаны всѣ, чрезъ враговъ открыта дорога».
Много доспѣховъ они серебряныхъ тамъ оставляютъ
И оружья, и чашъ съ коврами красивыми вмѣстѣ;
Лишь Рамнета уборъ Евріалъ да съ застежкой изъ злата
Поясъ,—что въ даръ послалъ тибуртинскому Ремулу древле
Цэдикъ богачъ, чтобъ связать гостепріимствомъ заочнымъ.
Тотъ, умирая, его оставилъ въ наслѣдіе внуку,
Рутулы послѣ войной и битвою имъ завладѣли.
Это схватилъ онъ и вздѣлъ—вотще—на могучія плечи;
Шлемъ Мессапа затѣмъ красивый и гребнемъ блестящій
Онъ надѣлъ. Они станъ покидаютъ и ищутъ простора.
Всадники, между тѣмъ, изъ латинскаго посланы града,—
Прочій пока легіонъ въ поляхъ, устроившись, медлитъ,—
Ѣхали, чтобы царю отвѣты Турну доставить.

Триста ихъ и у всѣхъ щиты; Вольсцентъ—предводитель.
Близились къ стану уже они и къ стѣнамъ подходили,
Какъ, въ отдаленіи, тѣхъ, огибающихъ путь, замѣчаютъ
Слѣва,—и шлемомъ своимъ Евріалъ недогадливый выданъ:
Въ полумракѣ зари засверкалъ онъ навстрѣчу лучами.
Видятъ недаромъ они; Вольсцентъ восклицаетъ изъ строя:
«Стойте, мужи! Зачѣмъ на пути? И кто вы въ оружьи?
Вамъ дорога куда?» Они на это — ни слова,
Но ускоряютъ побѣгъ въ лѣса, довѣряяся ночи.
Бросились всадники тутъ по обходнымъ дорогамъ знакомымъ
Здѣсь и тамъ, и они всѣ выходы стражей вѣнчаютъ.
Лѣсъ терновникомъ былъ и падубомъ чернымъ торчащій;
Чащу широкую всю кусты наполняли, и рѣдкій
Между ними проходъ свѣтился тропинкою тайной.
Бремя добычи и мракъ вѣтвей Евріалу мѣшаютъ,
И сбиваетъ боязнь его въ направленьи дороги.
Низъ уходитъ; враговъ, опрометчивый, онъ ужъ избѣгнулъ
И лѣсовъ, что звались «альбанскими» —именемъ Альбы—
Послѣ, тогда-же царя Латина тамъ были загоны.
Ставъ, оглянулся вотще онъ тутъ на отставшаго друга.
«Евріалъ злосчастный, въ какомъ тебя мѣстѣ я кинулъ?
Гдѣ прослѣжу я, опять въ запутанный путь возвращаясь
Лѣса коварнаго?» Тутъ, по слѣдамъ, замѣченнымъ снова,
Обращается онъ и въ кустахъ безмолвныхъ блуждаетъ,
Слышитъ коней и шумъ и слышитъ сигналы погони,—
И, недолго спустя, какъ крикъ до слуха достигнулъ,
И Евріала онъ зритъ, что обманутъ мѣстомъ и ночью,
Шумомъ внезапнымъ смущенъ и всею толпой окруженный,
Тщетно усилья свои туда и сюда расточаетъ.
Что предпринять ему? Силой какой, какимъ онъ оружьемъ
Юношу вырвать дерзнетъ? Въ средину-ль враговъ на погибель
Бросится и ускорить прекрасную смерть черезъ раны?
Быстро въ поднятой рукѣ копье свое обращая
И глядя на луну высокую, такъ онъ взмолился:
«Ты, богиня, ты здѣсь, помоги ты нашему дѣлу,
Звѣздъ краса и лѣсовъ, о дочь Латоны, охрана!
Если когда за меня отецъ Гиртакъ приношенья

Дѣлалъ твоимъ алтарямъ; если самъ я снабжалъ ихъ уловомъ,
Вѣшалъ надъ дверью или прибивалъ подъ кровлей священной,—
Эту толпу дай смутить и направь по вѣтру оружье!»
Молвилъ и, всѣмъ онъ своимъ напрягшися тѣломъ, желѣзо
Кинулъ. Копье на лету прорѣзаетъ тѣни ночныя
И попало въ хребетъ Сульмону сзади и тутъ-же
Ломится и расщепленнымъ древкомъ пронзаетъ предсердье.
Валится онъ и потокъ извергаетъ горячій изъ груди,
Хладный, и долгимъ свое нутро сотрясаетъ хрипѣньемъ.
Смотрятъ туда и сюда, а тотъ еще съ большимъ усильемъ
Вотъ ужъ другое копье потрясалъ изъ-за самаго уха.
Средь смятенія, дротъ свистящій Тагу проходитъ
Оба виска и засѣлъ въ мозгу пронзенномъ, согрѣвшись.
Бѣсится ярый Вольсцентъ, не видя причины ударовъ
И не зная, куда-бъ ему обратить свою ярость.
«Ты однако, межъ тѣмъ, горячей мнѣ кровью возмездье
Дашь за обоихъ», сказалъ и тотчасъ съ мечемъ обнаженнымъ
На Евріала идетъ. Тогда устрашенный, безумный
Низъ воскликнулъ,—не въ мочь ему во мракѣ скрываться
Долѣе или сносить такое великое горе:
«Я, я здѣсь, это я, на меня обратите желѣзо,
Рутулы, мой весь обманъ, а тотъ не посмѣлъ и не смогъ-бы!
Небо это мнѣ будь свидѣтель и вѣщія звѣзды,—
Онъ только слишкомъ любилъ, увы, несчастнаго друга!..»
Такъ говорилъ онъ; но мечъ, направленный сильной рукою,
Черезъ ребра прошелъ и бѣлую грудь перерѣзалъ.
На смерть сраженъ Евріалъ, и кровь по членамъ прекраснымъ
Льется, и на плеча поникшая клонится шея:
Пурпурной словно цвѣтокъ, подрѣзанный плугомъ, томится,
Умирая, иль макъ съ усталаго стебля головку
Клонитъ въ ту пору, когда его дожди отягчаютъ.
Низъ-же въ средину летитъ и одного между всѣми
Ищетъ Вольсцента, одинъ Вольсцентъ его занимаетъ.
Вкругъ него кучей враги, то здѣсь, то тамъ подступая,
Нагнетаютъ, онъ все-жъ упоренъ и мечъ свой вращаетъ
Молніевидный, пока кричащему рутулу въ глотку
Не всадилъ, и унесъ, умирая, вражію душу.

•Тутъ, наконецъ, онъ и самъ надъ другомъ бездушнымъ простерся,
Весь исколанъ, и тамъ опочилъ безмятежною смертью.
Счастливы оба! Мои если пѣсни что-нибудь могутъ,
Не исторгнетъ васъ день никакой изъ памяти вѣчной,
Домъ Энеевъ пока Капитолія камень недвижный
Занимаетъ и власть за римскимъ Отцомъ сохранится!

Вл. Соловьевъ.

9. Смерть Камиллы.

Быструю, временемъ тѣмъ, въ небесныхъ чертогахъ Опію,
Лишь одну изъ дѣвицъ приспѣшныхъ и сонма святого,
Кличетъ къ себѣ и изъ устъ Латонія грустныя эти
Молвитъ рѣчи: «Идетъ къ войнѣ жестокой Камилла
И, о дѣва, вотще облекается въ наше оружье,
Мнѣ дорогая изъ всѣхъ! Не новость вѣдь это—въ Діанѣ
Вдругъ появилась любовь и сладостно тронула душу.
Какъ насильемъ Метабъ и завистью изгнанъ изъ царства
Былъ Приверна и сталъ уходитъ изъ стариннаго града,
То, при уходѣ, дитя изъ разгара самаго битвы
Взялъ въ изгнанье съ собой и далъ материнское имя
Ей Касмиллы, едва измѣнивши его на Камиллу.
Самъ неся на груди ее предъ собой, отдаленныхъ
Горныхъ лѣсовъ онъ искалъ: отвсюду тѣснило оружье
Дикое, и, обступя, носились воинственно вольски.
Вотъ, средь бѣгства его, Амазенъ, запѣнившись, вышелъ
Изъ крутыхъ береговъ,—такой изъ тучи прорвался
Дождь. Собираясь поплыть, задержанъ любовью къ ребенку,
Ноши онъ дорогой пожалѣлъ. Средь всякихъ раздумій,
Вдругъ насилу-то въ немъ такое запало рѣшенье:
Въ пикѣ огромной, что тутъ въ рукѣ могучей воитель
Кстати держалъ; что была крѣпка и узлами, и древомъ,
Къ ней онъ дочь, обмотавъ ее лыкомъ и пробкой лѣсною,
Ловко къ срединѣ самой копья привязалъ и приладилъ.
Ту, огромной рукой пуская, такъ молвилъ онъ къ небу:
«Эту тебѣ я, лѣсовъ властелинка, Латонія дѣва,
Самъ посвящаю—отецъ—въ служанки. Твою ухвативши

Пику впервой, отъ врага съ мольбою она убѣгаетъ;
Ту, о богиня, прими, что̀ ввѣряю сомнительнымъ вѣтрамъ».
Молвилъ и, размахнувъ рукой, занесенную пику
Кинулъ. Шумѣла волна, и черезъ быструю рѣку
На свистящемъ копьѣ унеслась бѣдняжка Камилла.
А Метабъ, какъ уже толпа напирала все ближе,
Предалъ потоку себя и копье—побѣдитель—съ дѣвицей
Вырвалъ, какъ Тривіи даръ, изъ травянистаго дерна.
Никакое жилье, никакой его въ зданіяхъ городъ
Не воспріялъ, да и самъ-бы, изъ дикости, рукъ не простеръ онъ:
Вѣкъ онъ провелъ пастухомъ да на горахъ одинокихъ.
Тутъ въ терновникахъ дочь и между логовищъ страшныхъ
Конскимъ вскормилъ молокомъ пасущейся матки сосцами,
Вымя которой онъ самъ выдаивалъ въ нѣжныя губы.
Только подошвами ногъ ребенокъ началъ впервые
Слѣдъ класть, вооружилъ копьемъ онъ острымъ ей руки
Да привѣсилъ и лукъ на плечи малюткѣ и стрѣлы.
Злату взамѣнъ въ волосахъ и вмѣсто мантіи длинной
Тигрова кожа виситъ вдоль спины отъ маковки самой.
Дѣтскія стрѣлы тогда она ужъ метала рукою
И пращей на ремнѣ витомъ надъ главою вращала,
Бѣлыхъ разя лебедей иль журавля со Стримона.
Многія по городамъ тирренскимъ матери тщетно
Звали въ невѣстки ее,—одна и довольна Діаной
Вѣчную только любовь къ оружью питаетъ и къ дѣвству:
Ненарушимо она. Желала-бъ я, чтобы такъ битвой
Не увлекалась она, задумавъ на тевкровъ пуститься;
Нынѣ-бы милой мнѣ быть ей одной изъ моихъ провожатыхъ.
Но коль подъ гнетомъ она уже жестокаго рока,
Съ неба, о нимфа, несись, къ предѣламъ направься латиновъ,
Гдѣ возникаетъ война подъ предсказаньемъ печальнымъ.
Вотъ возьми и стрѣлу отмщенья достань изъ колчана:
Кто-бы—троянецъ онъ будь или италъ—священнаго тѣла
Раною ни оскорбилъ, своей пусть отвѣтитъ мнѣ кровью.
Въ облакѣ поломъ затѣмъ я тѣло несчастной съ оружьемъ
Въ цѣлости перенесу къ холму, успокоить въ отчизнѣ».

Молвила, та-же съ небесъ по легкому вѣтру скользнула
Съ шумомъ, тѣло свое за вихремъ чернымъ укрывши.
А къ стѣнамъ, между тѣмъ, отрядъ троянскій подходитъ
И етрусковъ вожди, и конницы все ополченье
Счетомъ повзводно въ рядахъ. По всей топочетъ равнинѣ
Звуконогій скача и рвется, налегши на поводъ,
То туда воротя, то сюда, и далеко въ желѣзныхъ
Копьяхъ нива торчитъ, и поля отъ насадокъ сверкаютъ.
Тѣмъ не меньше Мессапъ и быстрые также латины
Съ братомъ Кора и крыло, ведомое дѣвой Камиллой,
Въ поле навстрѣчу идутъ и копья впередъ выставляютъ,
Руки откинувъ назадъ, или-же дротами машутъ,
И приближенье мужей, и ржанье коней закипаетъ.
Ужъ какъ сошлись на полетъ копья, наступленье обоихъ
Чуть задержалось; но вдругъ, накинувшись съ крикомъ, задорятъ
Ярыхъ коней, и летитъ отовсюду оружіе разомъ
Густо, какъ будто-бы снѣгъ, и небо скрывается тѣнью.
Копья сейчасъ устремя, Тирренъ съ отважнымъ Аконтомъ
Бросились, силы набравъ, и первые, съ гуломъ ужаснымъ,
Гибель несутъ, и своихъ четвероногихъ сшибаютъ,
Грудь разбивая о грудь. Аконтъ отъ удара, подобно
Молніи или какой баллистою брошенной глыбѣ,
Растянулся, упавъ, и выдыхнулъ душу на воздухъ.
Тотчасъ смутились ряды, и, повернувши, латины,
На спину взбросивъ щиты, коней къ стѣнамъ обращаютъ.
Гонятъ троянцы; ведетъ предводителемъ строи Азила.
Ужъ приближались къ вратамъ, какъ вдругъ латины подъемлютъ
Восклицанья и вспять направляютъ мягкія шеи:
Тѣ убѣгаютъ, несясь на ослабленныхъ вовсе поводьяхъ,
Точно какъ море, когда своей перемѣнчивой бездной
То понесется къ землѣ и пѣною волнъ заливаетъ
Скалы и дальній песокъ обдаетъ напухающимъ валомъ,
То назадъ съ быстротой убѣгаетъ, глотая обратно
Хрящъ, нанесенный волной, и съ берега сходитъ, спадая.
Дважды туски къ стѣнамъ обращавшихся рутуловъ гнали,
Дважды отбиты, они озиралися, тылъ прикрывая.
Но какъ въ третьемъ бою сошлись, то всѣ межъ собою

Перемѣшались ряды, и мужа лишь мужъ выбираетъ.
Тутъ умирающихъ стонъ поднялся, и оружье въ глубокой
Крови, и между мужей убитыхъ валяются кони
Полуживые; встаетъ ожесточенная битва.
Ремулу тутъ Орсилохъ, къ самому-то боясь подступиться,
Пикой въ коня угодилъ и оставилъ желѣзо подъ ухомъ.
Этимъ ударомъ взбѣшенъ, звуконогій дыбится и, раны
Не вынося, высоко и грудью встаетъ, и лягаетъ.
Валится сброшенный тотъ на землю. Катиллъ Іоллана
Валитъ и, слѣдомъ затѣмъ, Герминія мощнаго духомъ,
Мощнаго тѣломъ своимъ и оружьемъ, у коего свѣтлый
Волосъ съ чела и плеча нагія; онъ ранъ не страшится, —
Такъ онъ оружью открытъ. Копье ему въ мощныя плечи
Входитъ дрожа и, пронзивъ, болѣзненно мужа сгибаетъ.
Всюду черная кровь проливается; множатъ желѣзомъ
Трупы борцы и отъ ранъ прекрасной смерти алкаютъ.
Но, посединѣ убійствъ, восторгомъ кипитъ амазонка,
Выставя грудь на бою одну, подъ колчаномъ Камилла,
То, расточая, рукой она гибкіе дротики мечетъ,
То неустанной десной топоръ тяжелый хватаетъ;
Лукъ звенитъ золотой за плечемъ и оружье Діаны;
И она если, въ тылъ гонима, порой отступаетъ,
Стрѣлы пускаетъ, свой лукъ назадъ на бѣгу обращая.
Но отборныя съ ней сопутницы, дѣва Ларина,
Тулла и мѣдный топоръ возносящая грозно—Тарпея,
Италійки; сама божественная ихъ Камилла
Добрыхъ прислужницъ въ войнѣ и въ мирѣ избрала красою.
Вотъ ѳракійскія такъ амазонки, когда попираютъ
Ледъ Термодонта рѣки и пестрымъ бьются оружьемъ
Вкругъ Гипполиты, или, какъ Марсова дочь въ колесницѣ
Пентезилея грядетъ, со великимъ шумомъ и гамомъ
Мечутся женщинъ толпы со щитами какъ выгнутый мѣсяцъ.
Перваго пикой кого, кого послѣдняго, дѣва
Строгая, нынѣ разишь? Тѣлъ сколько на смерть низвергаешь? —
Клитія сына, сперва, Евнея, которому прямо
Длинною елью она открытую грудь проколола.
Кровь изрыгая, упалъ на берегъ и землю кусаетъ

Окровавленную онъ и вертится на собственной ранѣ.
И Лириса къ тому-жъ съ Пагазомъ; изъ коихъ, какъ поводъ
Подбирая, одинъ съ коня пронзеннаго падалъ,
А другой, чтобъ помочь, простеръ безоружную руку,
Падаютъ оба стремглавъ. И къ нимъ Гиппотада Амастра
Прибавляетъ, гоня издалека пикой упорно,
Гарпалика съ Терееmъ, Демофоонта и Хрома;
Сколько дротовъ своей рукой ни кинула дѣва,
Столько-же пало мужей фригійскихъ. Издали Орнитъ,
Въ странномъ оружьи, ловецъ на конѣ япигскомъ несется.
Съ буйнаго кожа быка ему широкія плеча
Крыла, а голову всей широко разверстою пастью
Волчья челюсть, полна зубовъ бѣлоснѣжныхъ, скрывала;
Дротъ деревенскій въ рукахъ у него, а самъ въ серединѣ
Полчищъ движется онъ и на цѣлую голову выше.
Этого та отхвативъ, что въ строѣ бѣгущемъ нетрудно,
Колетъ насквозь и къ тому-жъ произноситъ съ враждующимъ сердцемъ:
«Иль ты, тирренецъ, считалъ, что звѣря ты по лѣсу гонишь?
День наступилъ, что слова доспѣхами женскими ваши
Опровергнетъ, и ты не легкое имя къ отцовскимъ
Манамъ снесешь, что ты былъ оружьемъ низвергнутъ Камиллы».
Орсилоха и Бута, громаднѣйшихъ тѣломъ двухъ тевкровъ,—
Только Буту она съ затылка копьемъ угодила
Между кольчуги и шлема, гдѣ свѣтится всадника шея,
И на лѣвомъ плечѣ спускается щитъ; Орсилоха
Вводитъ въ обманъ, отъ него на большомъ кругу убѣгая,
Дѣлаетъ внутренній кругъ и того, что гнался, нагоняетъ;
Тяжкимъ тогда топоромъ по костямъ и оружію мужа,
Приподнявшись, она при мольбахъ его сильныхъ и просьбахъ,
Бьетъ многократно; лицо орошается мозгомъ горячимъ.
Встрѣтился съ нею и—вдругъ ея испуганный видомъ,
Сталъ воинственный сынъ Аппеннинъ обитателя—Авна,
Изъ лигурійцевъ не плохъ обмануть, гдѣ судьбы дозволяли.
Онъ, когда увидалъ, что отдѣлаться бѣгствомъ отъ битвы
Или напоръ устранить царицы онъ больше не въ силахъ,
Сталъ обманы въ умѣ и хитрости строить и началъ
Такъ: «Что славнаго въ томъ, если, женщина, храброму вѣришь

Ты коню? Вотъ откинь ты бѣгство и почвѣ довѣрься
Ровной, сошедшись со мною, и къ битвѣ пѣшкомъ соберися:
Вотъ ты узнаешь, кого обманетъ пустое тщеславье».
Молвилъ, а та, разъярясь и вспыхнувъ отъ боли жестокой,
Спутницѣ передаетъ коня и, въ оружіи равномъ
Съ голымъ мечемъ, предстоитъ пѣшкомъ и щитомъ лишь безстрашно.
Юноша-же убѣжденъ въ побѣдѣ обмана, немедля
Самъ бѣжитъ; повода повернувши назадъ, онъ несется
И желѣзной томитъ четвероногаго шпорой.
«Лживый лигурецъ, вотще напыщенный гордостью духа,
Ты къ искусствамъ отцовъ, хитрецъ, прибѣгалъ понапрасну,
И не доставитъ обманъ тебя къ лживому Авну безвреднымъ»,
Дѣва промолвила такъ и какъ молнія, быстрой стопою,
Опередила коня, и, взявъ супостата поводья,
Сходится съ нимъ, и въ крови врага почерпаетъ возмездье;
Такъ-то съ утеса легко и ястребъ, священная птица,
Мчится на крыльяхъ вослѣдъ поднявшейся въ тучи голубкѣ
И, схвативши ее, кривыми терзаетъ ногами;
Тутъ и кровь съ высоты, и рваныя падаютъ перья.
Не безучастнымъ, межъ тѣмъ, людей и безсмертныхъ родитель
Взоромъ за этимъ слѣдитъ, сидя на вершинѣ Олимпа.
Возбуждаетъ Отецъ тирренца Тархона къ свирѣпымъ
Битвамъ и гнѣвъ у него вызываетъ не кроткимъ стрекаломъ.
Вотъ средь убитыхъ Тархонъ и отступающихъ строевъ,
Мчась на конѣ, бодритъ восклицаньями разными фланги,
Всякаго лично назвавъ, и въ сраженіе вводитъ отбитыхъ.
«Что за страхъ, о безчестные вы, тирренцы, о вѣчно
Нерадивые; что за трусость въ сердца вамъ вселилась?—
Женщина гонитъ вразбродъ и въ бѣгство полки обращаетъ!
Это желѣзо къ чему-жъ иль оружье ненужное—въ дланяхъ?
Вы, не лѣнивы служить Венерѣ, на битвы ночныя
Шли, коль флейтой кривой возвѣщался Вакховы хоры,
Яствъ дожидались, къ тому-жъ со столовъ переполненныхъ кубковъ,—
Тутъ-то любовь, тутъ задоръ,—когда предсказатель удачи
Съ таинствомъ ждетъ, а въ лѣса призываетъ васъ тучная жертва».
Это сказавъ, онъ коня въ середину враговъ самъ, на гибель,
Гонитъ и Венулу онъ навстрѣчу несется какъ буря,

И, сорвавши съ коня, десною врага обнимаетъ,
И передъ грудью своей съ великою силой уноситъ.
Къ небу подъемлется кликъ, и всѣ обратили латины
Взоры на это. Летитъ Тархонъ какъ молнія степью,
Мужа въ доспѣхахъ неся, и затѣмъ, у него-же съ верхушки
Пики желѣзо сломивъ, онъ ищетъ открытаго мѣста
Смертную рану нанесть. А тотъ, отбиваясь, напротивъ,
Руку отъ горла ведетъ и силѣ противится силой.
Какъ, летя высоко, похищеннаго змѣя уноситъ
Желтоватый орелъ, ногами схвативъ и когтями,
Раненый змѣй-же, вертя крутые извивы, подъемлетъ
Вверхъ чешуи и шипитъ изъ пасти, вздымаяся прямо,—
Тѣмъ не менѣе тотъ супротивнаго въ битвѣ стѣсняетъ
Согнутымъ клювомъ, а самъ въ эѳиръ ударяетъ крылами:
Такъ-же изъ строя Тархонъ свою добычу, тибурта,
Мчитъ, ликуя. Вослѣдъ за примѣромъ вождя и удачей
И мэониды летятъ. Тутъ Аррунтъ, обреченный судьбами,
Вьется сначала съ копьемъ и искусствомъ вкругъ быстрой Камиллы
И старается ждать мгновенье легчайшаго счастья.
Дѣва куда-бъ ни неслась разъяренная въ самые строи,
Все туда-же Аррунтъ и молчкомъ ея слѣдъ караулитъ.
Гдѣ съ побѣдой она изъ враговъ свои ноги выноситъ,
Юноша тамъ-же тайкомъ обращаетъ проворно поводья.
Доступа ищетъ и здѣсь онъ, и тамъ, по кругу блуждая,
И—нечестивецъ—своимъ копьемъ потрясаетъ надежнымъ.
Вотъ Хлорей, посвященъ Цибелѣ и жрецъ ея бывшій,
Издали вдругъ засіялъ, замѣтенъ фригійскимъ оружьемъ,
Въ пѣнѣ коня горяча, котораго сцѣплена златомъ
Шкура подъ сходной съ перомъ чешуей изъ мѣди скрывала.
Пурпуромъ самъ онъ блестя и иноземною краской,
Лукомъ ликійскимъ своимъ металъ гортинскія стрѣлы;
За плечами колчанъ золотой звенѣлъ у пророка;
Шлемъ его тожъ золотой; шафранный плащъ да и складки
Шумной холстины сбиралъ онъ въ узелъ золотомъ свѣтлымъ;
Вышитъ иглою хитонъ и въ варварскомъ голени платьѣ.
Дѣва за нимъ-то, на то-ль, чтобъ въ храмахъ доспѣхи изъ Трои
Вывѣсить, или чтобъ ей въ захваченномъ златѣ явиться,

Изъ всей свалки въ бою за единымъ — охотница — слѣпо
Слѣдомъ неслась и по всѣмъ рядамъ безъ опаски стремилась,
Женскою страстью горя къ добычѣ и снятымъ доспѣхамъ.
Тутъ изъ засады копье, наконецъ-то, время избравши,
Устремляетъ Аррунтъ и молится сими словами:
«Высшій ты богъ, Аполлонъ, священнаго стражъ ты Сорakта,
Коего первые чтимъ, предъ кѣмъ на кострѣ все питаемъ
Жаръ сосновый и мы, въ благочестьи, поклонники, съ вѣрой
Прямо черезъ огонь шаги направляемъ по углямъ!
Дай, всемогущій отецъ, оружіемъ нашимъ очистить
Этотъ позоръ! Не ищу съ побѣжденной я дѣвы доспѣховъ
Или трофеевъ, или добычи какой (принесутъ мнѣ
Славу иныя дѣла), лишь эта-бы злая зараза
Пала отъ раны моей,—и безъ славы вернусь я въ отчизну!»
Фэбъ моленію внялъ и одной исполниться части
Въ духѣ дозволилъ, а часть на воздухъ летучій развѣялъ:
Свергнуть смущенную вдругъ внезапною смертью Камиллу
Онъ просящему далъ, но видѣть отчизнѣ высокой
Не далъ возврата его, — слова тѣ разсѣяла буря.
Такъ-то, лишь прямо съ руки засвистѣла по воздуху пика,
Обратили свой духъ возбужденный и очи всѣ вольски
На царицу. Она сама не замѣтила звука
Въ воздухѣ, ни копья, что̀ къ ней приносилось съ эѳира,
До тѣхъ поръ, какъ копье, подъ грудью открытой вонзаясь,
Не засѣло во глубь и дѣвичьей не выпило крови.
Прибѣжали, дрожа, провожатыя и подхватили
Падавшую госпожу. Аррунтъ убѣгаетъ всѣхъ прежде,
Радость мѣшая и страхъ, и далѣе онъ не дерзаетъ
Вѣрить копью иль идти дѣвичьимъ стрѣламъ навстрѣчу.
Точно тотъ волкъ, что̀ пока не гонимъ враждебнымъ оружьемъ,
Тотчасъ скрывается въ глушь высокихъ горъ, растерзавши
Иль пастуха, иль быка огромнаго, чуя всю дерзость
Дѣла, которое онъ совершилъ, свой хвостъ боязливо
Къ самому брюху поджалъ и прямо въ лѣса убѣгаетъ:
Точно такъ-же изъ глазъ и Аррунтъ сокрылся смущенный
И, замышляя побѣгъ, въ середину ратныхъ вмѣшался.
Та, умирая, копье рукою влечетъ; но желѣзный

Между костями конецъ стоитъ, проникая до реберъ.
Гаснетъ безъ жизни она, и гаснутъ застывшія въ смерти
Очи, и пурпурный цвѣтъ былой на лицѣ исчезаетъ.
Тутъ, умирая, она одной изъ ровесницъ лишь Аккѣ
Молвила, такъ какъ была вѣрнѣй она прочихъ Камиллѣ,
Съ нею заботы дѣля, и рѣчи такія сказала:
«Силъ моихъ, Акка сестра, хватило досель; нынѣ злая
Рана изводитъ меня, и все кругомъ омрачилось.
Мчись и послѣднее вотъ передай порученіе Турну:
Въ битву онъ вступитъ пускай и отъ города гонитъ троянцевъ.
И ужь прощай»... При такихъ словахъ, уронила поводья,
На земь невольно катясь. Тогда, холодѣя всѣмъ тѣломъ,
Стала она отходить и съ слабою шеей сложила
Голову смерти во власть, оружье свое покидая,
И со стѣнаніемъ жизнь неохотно къ тѣнямъ убѣгаетъ.
Крикъ величайшій тогда, возникнувъ, поднялся до самыхъ
Звѣздъ золотыхъ. Разрослось сраженье съ паденьемъ Камиллы,—
Бросились разомъ впередъ, тѣснясь, всѣ тевкровъ отряды
И тирренцевъ вожди, и аркадскіе фланги Евандра.

Вл. Соловьевъ.

10. Пораженіе и смерть Турна.

Эней прародитель, какъ Турново имя услышалъ,
Стѣны покинулъ и вышніе города замки оставилъ,
Всѣ презираетъ задержки и всѣ забываетъ заботы,
Радостно мчится и въ лютомъ оружіи страшно грохочетъ,
Словно Аѳонъ или Ерикъ великій, иль тотъ, что въ блестящихъ
Падубахъ шумъ издаетъ и, челомъ бѣлоснѣжнымъ гордяся,
Къ ясному небу восходитъ,—отецъ Аппеннинъ знаменитый.
Взапуски рутулы тутъ и трояне, и всѣ италійцы
Очи свои обратили, и тѣ, что вершины оплотовъ
Ратью щитили, и тѣ, что тараномъ низы разбивали,
Съ плечъ низлагаютъ оружіе. Самъ тутъ Латинъ изумился,
Видя, какъ въ разныхъ рожденные странахъ вселенной сошлися
Вмѣстѣ великіе мужи и споръ разрѣшаютъ желѣзомъ.

Оные-жъ витязи, только очистилось на полѣ мѣсто,
Быстро идутъ и ужъ издали, копья великія кинувъ,
Марта заводятъ, щитами сшибаясь и мѣдью звенящей;
Стонетъ земля; вотъ мечами могучими частыя руки
Множатъ удары двойные, сливаются доблесть и случай.
Такъ-то на Силѣ великой, на высяхъ ледяныхъ Табурна,
Къ битвѣ свирѣпой, широкіе лбы обративъ другъ ко другу,
Два соступились вола, отбѣгаютъ и пастыри въ страхѣ;
Скотъ онѣмѣлый недвижимъ стоитъ и не знаютъ телицы,
Кто повелителемъ будетъ лѣсовъ, кто начальникомъ стада.
Оные съ силою многой взаимныя раны наносятъ,
Бьются, рога упирая, и кровью обильною моютъ
Выю и плечи себѣ; завываютъ мычаніемъ рощи.
Такъ-то воитель троянскій и витязь неистовый давновъ
Бьются щитами; великій наполнился грохотомъ воздухъ.
Юпитеръ самъ, уравнявши, вѣсовъ одинакія чашки
Держитъ и жребій различный бойцовъ на вѣсы возлагаетъ.
Смотритъ, кого бой осудитъ, чье бѣдствіе чашку наклонитъ.
Ринулся вдругъ, безнаказанно выполнить мня, и всѣмъ тѣломъ
Турнъ подымается мощный, и, мечъ высоко воздвигая,
Рубитъ герой. Завопили и трои, и рутулы въ страхѣ,
Очи направя къ бойцамъ; но внезапно крушится коварный
Витязя мечъ и кипящаго въ самомъ ударѣ покинулъ.
Только на бѣгство надежда. Помчался подвижнѣе евра,
Чуть лишь пустую узрѣлъ рукоять и безсильную руку.
Молвятъ, что въ часъ, какъ на битву спѣшилъ и на двухъ запряженныхъ
Коней садился, забылъ онъ родителя Давна желѣзо,
Взялъ второпяхъ—злополучный—оружье возницы Метиска.
Долго оно, убѣгали пока оробѣлые тевкры,
Князю служило; но, чуть лишь коснулось доспѣховъ Вулкана,
Тотчасъ-же смертный булатъ словно ледъ сокрушился ничтожный
Разомъ однимъ, только блещетъ обломокъ въ пескѣ золотистомъ.
Тутъ, обезумѣвъ, въ различныя стороны Турнъ убѣгаетъ,
Круги невѣрные онъ то туда, то сюда заплетаетъ.
Тевкры его съ двухъ сторонъ окружили оградою тѣсной:
Съ третьей великое блато, высокія стѣны—съ четвертой.

Турна не тише Эней—хоть стрѣлой замедляемы лютой
Временемъ слабнутъ колѣна, отъ службы своей отрекаясь,—
Гонится вслѣдъ, за ногой бѣглеца ногу быструю ставя.
Точно, какъ если оленя отыщетъ, рѣкой запертого,
Иль огражденнаго страхомъ багряныхъ и трепетныхъ перьевъ,
Псомъ и бѣгущимъ и лающимъ хитрый пугаетъ охотникъ,
Тотъ-же, засадой смущенъ и высокимъ удержанный брегомъ,
Тысячу тропъ испытаетъ и кинетъ, а бодрый умбріецъ
Гонитъ, зіяя; вотъ, вотъ ужъ возьметъ—и, какъ будто схвативши,
Челюсти щелкнутъ, но тщетнымъ обманутъ ловецъ угрызеньемъ.
Тутъ подымается кликъ несказанный, и береги и плесо
Вкругъ завываютъ, смятеніемъ цѣлое полнится небо.
Онъ и бѣжитъ, и съ мольбой обращается къ рутульскимъ воямъ,
Кличетъ по имени каждаго, мечъ принести заклинаетъ.
Смертью, напротивъ, Эней и немедленнымъ мщеньемъ грозится,
Если приблизится кто-либо, робкихъ еще устрашаетъ,
Градъ разорить обѣщая, и раненый вслѣдъ поспѣшаетъ.
Пять совершили круговъ и еще описали ихъ столько-жъ,
Мчатся туда и сюда: не пустыхъ вѣдь наградъ, не игорныхъ
Ищутъ они, но о жизни и крови стязуются Турна.

Дикая маслина съ горькой листвою и Фавну святая
Тамъ находилася встарь, для пловцовъ досточтимое древо.
Тамъ обычайно дары, изъ волненья спасясь, прибивали
Богу Лаврента и вѣшали ризы свои по обѣту.
Впрочемъ, святого ствола не уваживъ нисколько, трояне
Сняли его, чтобы на полѣ имъ безъ помѣхи сражаться.
Тамъ-то и стала Энеева пика, туда долетѣла
Въ мощномъ полетѣ и, въ корень вонзившись, глубоко засѣла.
Вотъ навалился и хочетъ руками желѣзо исторгнуть
Мужъ дарданидъ и настигнуть копьемъ бѣглеца, если бѣгомъ
Онъ не настигнетъ. Тогда, обезумѣвъ отъ ужаса, рутулъ:
«Фавнъ, умоляю, спаси, ты, земля», говоритъ онъ, «святая!
Пику врага удержи, если честь вамъ всегда воздавалъ я,
Тевкры-жъ, напротивъ, войной алтари уничтожили ваши».
Молвилъ—и бога не тщетной молитвой на помощь позвалъ онъ,
Ибо, трудившись не мало и крѣпкимъ задержанный корнемъ,

Древа объятій не могъ никакими тутъ силами мощный
Дардановъ князь разомкнуть. Вотъ, покамѣстъ онъ силился тщетно,
Снова въ Метисковомъ образѣ Давново чадо, Ютурна,
Къ мѣсту бѣжитъ и оружье забытое брату приноситъ.
Это Венера нашла черезчуръ дерзновеннымъ для нимфы,—
Идетъ сама и копье изъ глубокихъ корней исторгаетъ.
Стали, оружье пріявши и храбростью новою сильны.
Сей довѣряетъ мечу, копіемъ крѣпокъ—недругъ высокій.
Другъ противъ друга стоятъ, запыхавшись отъ Мартова спора.

Вѣчной Юнонѣ межъ тѣмъ всемогущій владыко Олимпа
Такъ говоритъ, созерцая изъ облака сизаго битву:
«Гдѣ-же конецъ мы положимъ, жена? Что еще остается?
Знаешь сама, что Эней мѣстный богъ; не отвергнешь, что небу
Онъ обреченъ и судьбами ко звѣздамъ возвыситься долженъ.
Что-жъ затѣваешь и въ облакѣ хладномъ зачѣмъ ты коснѣешь?
Смертнымъ оружіемъ бога прилично-ли въ битвѣ безчестить
Или утраченный мечъ (безъ тебя не дерзнула-бъ Ютурна)
Мужу опять возвращать, побѣжденнаго мощь умножая?
Брось, наконецъ, и на наши, супруга, склонись увѣщанья,
Да не грызетъ молчаливую горе такое и самъ я
Частой докуки отъ сладостныхъ этихъ устенъ да не вижу.
Дѣло къ концу ужъ приходитъ. Тѣснить на землѣ и на морѣ
Дардановъ ты возмогла и зажечь несказанную битву,
Домъ опечалить Латиновъ и браки смѣшать со слезами.
Дальше идти запрещаю!» Такія-то молвилъ онъ рѣчи.
Такъ-то богиня Сатурнія съ видомъ покорнымъ глаголетъ:
«Ради того, что извѣстно твое мнѣ хотѣнье, великій!
Нынѣ и Турна, и землю покинула я противъ воли.
Иначе въ домѣ эѳирномъ одну-бы меня не нашелъ ты,
Доброе-ль, злое-ль терпящій, но въ войскѣ-бъ теперь я стояла,
Пламенемъ злымъ препоясана, тевкровъ на гибель влекла-бы.
Я сознаюсь, что внушила Ютурнѣ злосчастному брату
Помощь подать и что все для спасенья его разрѣшила,
Кромѣ однако стрѣлы, кромѣ выстрѣловъ съ лука тугого.
Въ этомъ стигійскій свидѣтелемъ неумолимый источникъ
Ставлю тебѣ: для боговъ лишь сія существуетъ святыня.

Нынѣ-жъ на все соглашаюсь, соскучившись, бой покидаю.
Дай лишь одно, никакимъ не противное рока законамъ,
Латіемъ нынѣ молю и величіемъ нашего рода,
Бракомъ счастливымъ когда ужъ союзъ укрѣпить долженствуютъ,—
Буди, но, вмѣстѣ законы свои и уставы смѣшавши,
Пусть-же туземцы стариннаго имени тутъ не утратятъ;
Троями имъ или тевкрами ты не вели прозываться
Или языкъ измѣнять, или даже одежду родную.
Латій, албанскія царства пускай чрезъ столѣтія будутъ,
Доблестью пусть италійскою римлянъ возможетъ порода;
Сгибла, такъ дай-же погибнуть и съ самымъ названіемъ Троѣ!»

Ей, улыбаясь, сказалъ и людей, и вещей сотворитель:
«Зевса ты вправду сестра и второе Сатурново чадо,—
Гнѣва потоки толикіе нынѣ подъ сердцемъ вращаешь.
Впрочемъ, вотще устремленную ярость смири-же, супруга.
Дамъ по желанью, тобой побѣжденъ, уступаю охотно.
Рѣчь авзонійцы родную и старый обычай удержатъ,
Имя по прежнему будетъ, лишь кровью одной и породой
Тевкры вольются въ италовъ, обрядовъ и жертвъ имъ прибавя,
Образъ единый пріимутъ и всѣ сотворятся латины.
Племя сіе, что отъ смѣшанной крови авзонской возникнетъ,
Ты благочестьемъ—людей и боговъ превзошедшимъ увидишь,
Нѣту народа такого, чтобъ столько-жъ тебя возвеличилъ.»
Тутъ согласилась Юнона и съ радостью мысль измѣнила;
Съ неба сошла вслѣдъ затѣмъ и покинула синюю тучу.

Кончивъ сіе, самъ съ собой замышляетъ иное родитель:
Хочетъ отъ братняго боя скорѣй удалить онъ Ютурну.
Молвятъ, что есть двѣ чумы, подъ названьемъ слывущія лютыхъ;
Бурная Ночь ихъ обѣихъ и съ тартарской оной мегерой
Разомъ троихъ родила; одинаково всѣхъ повязала
Змѣевъ извивами злыхъ и свистящія крылья дала имъ.
Зевса предъ тономъ онѣ и на прагѣ свирѣпаго князя
Часомъ являются, ужасъ будя для несчастнѣйшихъ смертныхъ,
Если ужасную смерть и болѣзни боговъ повелитель
Хочетъ наслать или ратью виновные грады смущаетъ.

Съ высей воздушныхъ изъ сихъ тучъ единую быструю мощный
Зевсъ ниспослалъ, чтобъ Ютурнѣ предвѣстіемъ лютымъ предстала.
Оная мчится и на землю вихремъ летучимъ стремится.
Словно сквозь тучу желѣзо, тугимъ напряженное лукомъ,
Въ битвѣ, что пареъ удалой, смертоноснымъ снабженное ядомъ,
Пареъ-ли, кидонъ-ли стрѣлу неисцѣльную въ недруга кинулъ,
Свищетъ она и текучій туманъ невидимкой проходитъ:
Такъ и рожденная Ночью помчалась, къ землямъ направляясь.
Войско узрѣвъ Иліона и рати великія Турна,
Въ малую птицу богиня свирѣпая въ мигъ сократилась,
Въ ту, что порой на курганахъ высокихъ, на скалахъ пустынныхъ
Ночью сидитъ и во тьмѣ, непріятная, мракъ воспѣваетъ.
Образъ такой-то принявъ, передъ Турновымъ, мерзкая, ликомъ
Носится съ шумомъ и крыльями хлопаетъ, щитъ задѣвая.
Оному члены внезапная слабость и дрожь разрѣшаетъ;
Дыбомъ поднялись власы, и пресѣкся отъ ужаса голосъ.

Лютую издали только по свисту и крыльямъ узнала,
Рветъ распущенныя косы несчастная нимфа Ютурна,
Щеки ногтями сквернитъ и ударами грудь поражаетъ.
«Что-же мнѣ дѣлать теперь? чѣмъ-же, Турнъ, чѣмъ, сестра! помогу я?
Что для меня злополучной осталось? какимъ-же искусствомъ
Жизнь я твою продолжу? воспротивлюсь-ли звѣрю такому?
Нѣтъ, покидаю войну: не страшите меня, не страшите,
Птицы поганыя! крылій удары и такъ понимаю,
Слышу могильные звуки, свирѣпые чую приказы
Мощнаго Зевса; такъ вотъ чѣмъ меня награждаетъ за дѣвство!
Вѣчная жизнь для чего-же дана, для чего-же людскую
Отняли участь? могла-бы толикія скорби окончить
Нынѣ-же я и сопутствовать брату несчастному къ манамъ!
Дали безсмертье; но развѣ мнѣ что-либо сладостнымъ будетъ,
Братъ, безъ тебя? о, какая-жъ настолько глубокая пропасть
Сможетъ раскрыться, богиню къ тѣнямъ чтобъ отправила дольнимъ!»
Такъ говоритъ и главу покрываломъ лазурнымъ обвила,
Громко стеня, и въ потокѣ глубокомъ богиня сокрылась.

Идетъ Эней на врага и копьемъ исполинскимъ сверкаетъ,
Древомъ великимъ герой, и свирѣпою грудью вѣщаетъ:
«Что-же? какая задержка еще и куда уклонишься?
Днесь не ногами, но лютымъ оружіемъ спорить должны мы.
Всѣмъ обернись, если хочешь; спасайся, какъ знаешь, отъ смерти,
Духъ и искусство насколько властны; подъ высокія звѣзды
Ты на крылахъ поспѣшай, замыкайся въ пещерахъ подземныхъ».
Врагъ, потрясая, главу: «Не твои устрашаютъ, свирѣпый,
Рѣчи кипящія; боги смущаютъ и Юпитеръ недругъ!»
Только и молвилъ всего и взглянулъ онъ на камень великій,
Камень великій, старинный, по случаю въ полѣ лежавшій;
Пашни границей служилъ и разсуживалъ распри о нивахъ.
Шесть-бы отборныхъ съ трудомъ возложили его на рамена
Сильныхъ мужей, каковые землей порождаются нынѣ,
Онъ-же поспѣшной рукой ухватилъ и въ Энея нацѣлилъ,
Выше вставая и бѣгомъ могучимъ—герой—возбужденный.
Тутъ не узналъ онъ себя, ни бѣжавшимъ, ни къ недругу шедшимъ,
Ниже десницу поднявшимъ и движущимъ камень великій.
Ноги дрожатъ и сгущается кровь отъ ледянаго страха,
Такъ что и самый тотъ камень, сквозь воздухъ пустой устремленный,
Даже пространства всего не прошелъ и ударомъ не грянулъ.
Словно во снѣ, какъ холодный усталыя очи закроетъ
Ночью покой, тутъ нерѣдко въ мечтахъ вожделѣнное бѣгство
Мы зачинаемъ вотще и въ срединѣ усилій внезапно
Падаемъ слабые,—тутъ ни языкъ не речетъ, ни довлѣютъ
Силы знакомыя, рѣчь и слова не выходятъ изъ горла,—
Такъ-то и Турну, какимъ онъ усильемъ побѣды ни ищетъ,
Лютая дѣва удачи не дастъ. Между тѣмъ возникаютъ
Разныя на сердцѣ мысли; на рутуловъ смотритъ, на городъ,
Страхомъ смущается, видя копье занесеннымъ, трепещетъ;
Какъ отступить—онъ не знаетъ, не знаетъ, какъ съ недругомъ биться,
Ниже своей колесницы не зритъ и возницы Ютурны.
Въ коснаго славный Эней копіемъ обреченнымъ сверкаетъ,
Мигъ улучивши очами, и, цѣлымъ онъ тѣломъ подъемлясь,
Издали выстрѣлилъ. Такъ ни махиною кинутый грозной
Камень не свищетъ большой, ни отъ молніи самой подобный
Трескъ не расходится въ воздухѣ. Мчится, какъ черная буря,

Пика, свирѣпую гибель неся, разверзаетъ покровы
Брони тройной и щита семислойнаго крайнюю доску,
Свищетъ и—прямо въ средину бедра. Упадаетъ пронзенный,
Ногу свою подогнувъ, надъ поляною Турнъ исполинскій.
Рутулы стонъ воздвигаютъ великій, и цѣлая разомъ
Вкругъ завываетъ гора и грохочетъ по рощамъ высокимъ.
Онъ-же, смиренно моля, устремляетъ и взоръ, и десницу.
«Да, заслужилъ, сознаюсь, и на жребій не жалуюсь», молвитъ,
«Пользуйся счастьемъ твоимъ, но сѣдого отца если можетъ
Тронуть кручина тебя, то молю (вѣдь имѣлъ-же и самъ ты
Старца такого, Анхиза), надъ Давновой старостью сжалься,
Или меня, иль, по крайности, свѣта лишенное тѣло
Кровнымъ отдай. Побѣдилъ ты—и видѣли нынѣ авзоны—
Турна, простершаго длани; твоя и Лавинія дѣва!
Горшаго ты не твори». Тутъ стоитъ подъ оружьемъ удалый
Витязь Эней и очами взираетъ, и длань укрощаетъ.
Больше и больше уже начиналъ онъ, замедленный, жалкой
Рѣчью смягчаться, какъ вдругъ на высокомъ плечѣ увидалъ онъ
Поясъ злосчастный, и пряжки блеснули знакомыя эти,
Отрока ноша Палланта, его-же свирѣпою раной
Турнъ умертвилъ и доспѣхомъ тогда-жъ опоясался вражьимъ.
Дарданскій витязь, какъ взоромъ на памятникъ лютаго горя
Тутъ насмотрѣлся, отъ фурій вспылалъ и, ужасенъ во гнѣвѣ,
Яро воскликнетъ: «Какъ, ты-ли, моихъ одѣянный доспѣхомъ,
Нынѣ уйдешь отъ меня?! Нѣтъ, Паллантъ сею раною, Паллантъ,
Губитъ тебя и отъ крови преступной отмщенье взимаетъ!»
Такъ говоря, подъ враждебною грудью желѣзо скрываетъ
Яростный князь, у того-жъ разрѣшаются холодомъ кости,
Слышится стонъ, и душа, негодуя, къ тѣнямъ понеслася.

Н. Квашнинъ-Самаринъ.

IV. ИЗЪ МЕЛКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

1. Комаръ.

Въ шутку сыграли, Октавій, мы съ музой мелодіи тонкой,
Шутки богиней кокетливой, и начатую работу,
Какъ паучки, хоть и тонкую, все-жъ до конца довели мы.
Да, мы сыграли и кончили,—и, наконецъ, предъ тобою

Пусть зазвучитъ эта тонкая повѣсть судьбы комариной;
Шуткою всюду разлитой въ согласіе пусть приведется
Самыхъ порядокъ событій со всѣмъ этой повѣсти ходомъ.
Но, хотя тутъ и завистники, пѣсню свою затяну я.
Если-же кто порицать приготовится музу и шутки,
Тяжесть того комариная даже тогда перевѣситъ,—
Легче онъ будетъ ея, и затмитъ его скромная слава.
И уже позже съ тобою, мой другъ, наша муза бесѣду
Будетъ вести посерьезнѣе, время когда принесетъ мнѣ
Спѣлые слова плоды, чтобы вылилась гладкою пѣсня,
Вышла достойною мыслей серьезныхъ твоихъ и понятій.

Зевса царя и Латоны услада, прекрасная отрасль,
Фэбъ нашей пѣсни виновникомъ-руководителемъ будетъ
И покровителемъ ласковымъ лиры, рабыни послушной,
Звонкимъ его вдохновенную рѣчь повторяющей эхомъ, —
Крѣпко на то я надѣюся,—Арна-ли бога питаетъ,
Влагой Химэриной Ксанта залитая, или красою
Счесть мнѣ Астеріи бога, иль гордостью дальняго мѣста,
Тамъ гдѣ Парнассовъ утесъ, по бокамъ восхожденью доступный,
Спереди рѣзко впередъ посылаетъ отроги крутые
И гдѣ Касталіи льется журчащая чистая струйка.
И потому, піерійскихъ отрада источниковъ, рѣзво
Хоромъ впередъ поспѣшите, прекрасныя сестры-наяды,
И златокудраго бога веселою славьте вы пляской;
Также и ты, многочтимая Палесъ, пастушья богиня,
Съ вѣрой къ кому прибѣгаетъ толпа поселянъ благодарныхъ,
Если покойно полями своими они обладаютъ
И коли рощи и выгоны ихъ, и лѣса безопасны,
Будь и ко мнѣ благосклонна: въ твое направляюся царство
Вѣдь я, нестись собираясь къ лѣсистымъ долинамъ и склонамъ
И средь ущелій блуждать и пещеръ, гдѣ тебя почитаютъ.

Также и ты, для кого всѣ сердца запылали довѣрьемъ,
Видя заслуги такія, ты, общая наша надежда,
Юноша нашъ многочтимый, Октавій, почтенья достойный,
Ибо тебѣ посвящаю свою я капризную пѣсню,

Къ скромнымъ моимъ начинаньямъ склонись съ благосклоннымъ вниманьемъ;

Вѣдь не кровавую битву моя воспѣваетъ страница
Зевса могучаго и дерзновеннаго Рэта-гиганта,
Чьею упитана черною кровью флегрейская почва;
Не загоняетъ лапитовъ она на мечи у кентавровъ,
Въ ней восходящаго солнца рабы Ерихтоновы стѣны
Не сожигаютъ огнями, и въ книгѣ моей своей славы
Ни перешеекъ Аѳона прокопанный ужъ не отыщетъ
(Вѣдь уже поздно, и много о томъ доносилося міру),
Ни исполинскія цѣпи, сковавшія вольное море,
Ни Геллеспонтъ, ноги конскія что̀ попирали,—боялась
Персовъ когда отовсюду нашествія Греція сильно,
Нѣтъ!—но мелодіей мягкопокойною строфы простыя,
Силамъ своимъ соотвѣтствуя, выше себя не желая,
Рѣзво сбѣгая, за Фэбомъ гудѣть наслажденье находятъ.
Въ нихъ о тебѣ рѣчь, о юноша нашъ уважаемый, будетъ,—
И тѣмъ сильнѣе расти будетъ слава твоя молодая,
Свѣточемъ вѣчнымъ горя и на вѣкъ собираясь остаться;
И пусть останется мѣсто твое на ступени достойной
Вѣчно, и жизнь твою пусть будутъ также оцѣнивать вѣрно;
Чтобъ во всѣ годы счастливые радости свѣточемъ яснымъ,
Счастье другимъ принося, она ярко свѣтила, молюсь я.
Впрочемъ, давно ужъ пора приступить къ начато̀му разсказу.

Солнце давно ужъ проникло въ воздушныя неба высоты,
Все сожигая, и яркія неба свѣтила топтало
Гордо ногами коней, и своей золотой колесницей
И цвѣта розъ волосами Аврора давно прогнала мракъ, —
Выгналъ когда изъ хлѣвовъ на знакомыя пастбища къ корму
Козъ мягкорунныхъ пастухъ и направился съ ними къ вершинамъ
Ближней высокой горы, въ тѣ мѣста, гдѣ собой покрывали
Травы ковромъ разноцвѣтнымъ доступные горные склоны.
И ужъ онѣ, по лѣсамъ и кустарникамъ частымъ блуждая,
Тѣльцами юркими быстро скрываются въ низкихъ долинахъ,
То—быстроногія—рѣзво повсюду бѣгутъ, разсыпаясь,
И подбираются цѣпко затѣмъ къ каменистымъ уступамъ

Голой скалы, незамѣтно отъ взоровъ пастушьихъ укрывшись;
Зубками нѣжными жадно травы зеленѣющей стебли
Козочки ловко тогда поѣдаютъ по впадинамъ узкимъ;
Листья срываютъ нависшіе тамъ по краямъ и по вѣткамъ,
Жадно ѣдятъ землянику и къ дикимъ лозамъ винограда
Въ чащѣ густой и зеленой потомъ устремляются жадно.
Эта, срывая, хватаетъ нависшія вѣтокъ верхушки, —
Ей все равно, будь то гибкая ива иль свѣжая ольха, —
Та беззаботно въ терновника роется прутикахъ нѣжныхъ,
Та-жъ по краямъ угрожаетъ высокой и влажной осокѣ.
Козы пока занимаются такъ, пастухъ на припекѣ,
Крѣпко опершись на посохъ, съ заботами дѣло имѣетъ,
Ихъ вылившая невольно въ не очень затѣйливыхъ звукахъ
Пѣсни обычной своей на камышевыхъ трубкахъ свирѣли,
Грубо, но крѣпко сколоченныхъ какъ-то рукой загорѣлой.
Той-же порою палящіе Солнце лучи простираетъ
И по небесному міру блестящія полосы стелетъ,
Міру свѣтилъ, что̀ кидаютъ свое непокорное пламя
Въ тотъ и другой Океаны, не слушаясь Солнца-владыки.

Какъ привлекательны вы, о пастушеской радости жизни!
(Да, но для тѣхъ, не гнушается кто и не смотритъ съ презрѣньемъ
Малоученой и здравой натуры на бытъ бѣдняковъ; кто
Не восхищается грезами роскоши праздно капризной).
Васъ и заботы не знаютъ, что̀ такъ безпощадно терзаютъ
Жадныя души съ сердцами, погрязшими въ злобѣ враждебной!
Если руно шелковистое, данное пышнымъ богатствамъ
Въ видѣ роскошно блистающей краской Ассиріи ткани,
Не отливаетъ здѣсь пурпуромъ, взоръ восхищая красою;
Если ни золота блескъ не тревожитъ жадную душу,
Подъ потолкомъ мозаичнымъ у дома горя позолотой,
Здѣсь въ этой жизни покойной, ни прелесть картинъ живописныхъ,
Ни драгоцѣнныхъ камней съ неизвѣстною пользой блистанье;
Если Алькона чеканы искусные, Рэка рельефы
Не выдаютъ здѣсь художника Греціи славную руку;
Если и Индіи моря жемчужина здѣсь не въ почетѣ, —
То съ какою отрадой зато и съ чистою грудью

Здѣсь, дыша съ облегченьемъ, протянетъ усталое тѣло
Этотъ пастухъ, ни о чемъ не заботясь, ни въ чемъ не нуждаясь,
Зелени нѣжной на пышномъ и мягкомъ покровѣ нерѣдко,
Между тѣмъ какъ, весною пріятной, цвѣтущая почва,
Вся разрисована красками здѣсь по зеленому фону
Травъ росистыхъ, отливами разными, въ дивномъ узорѣ
Мудро ихъ распредѣляя, поля отмѣчаетъ красою,
То покрываютъ зато виноградные листики Тмола
Подъ лозовымъ плащемъ, съ вѣтвями задорно играя,
Кудри тому пастуху, что̀ проводитъ сладкій досугъ свой,
Зависти міра не зная, вдали отъ обмана и злобы,
Весь довольный собой, своей силой, своею судьбою,
Между тѣмъ какъ его услаждаетъ веселою пѣсней
Нѣжно простой, незатѣйной болотнаго тутъ камыша даръ!
Козы пріятны ему молокомъ изобильныя, рощи
И плодотворная Палесъ, внизу въ долинахъ пещеры,
Гдѣ въ прохладной тѣни все новыя струйки сочатся.
Кто̀ счастливѣе жить, желанною болѣе жизнью
Могъ-бы, чѣмъ тотъ, кто, живя вдали, съ неиспорченнымъ сердцемъ,
Съ чувствомъ простымъ, но зато симпатичнымъ, о деньгахъ не знаетъ,
Что̀ ненасытную жадность приносятъ, ни войнъ смертоносныхъ,
Флотовъ могучихъ сраженья кроваваго кто не боится,
Кто, лишь-бы только украсить боговъ священные храмы
Блескомъ оружія вражьяго или границу невидной
Жизни и скромной, войною возвысившись, переступить, чтобъ
Къ громкой славѣ героя затѣмъ на пути очутиться,
Самъ, добровольно, свирѣпымъ врагамъ головы не подставитъ?
Боги серпомъ у того почитаются; тотъ, не отвѣдавъ
Образованія всей полировки, доволенъ и рощей;
Травы тому полевыя съ цвѣтовъ навѣваютъ различныхъ
Благоуханія, что̀ и смолъ аравійскихъ не хуже;
Есть у того и часы пріятнаго отдыха; также
Есть удовольствія, но не такія, какъ въ городѣ душномъ,
А непорочныя, чистыя; есть и заботы, конечно,
Но простыя,—ихъ мало, собой онѣ душу не давятъ:
Клонятся только къ тому всѣ желанья его и всѣ чувства,
Только туда стремятся, подложена сердцу забота

Только такая, чтобъ отдыхомъ онъ, хоть и малымъ, довольный
Образомъ жизни своимъ, наслаждался почаще и тѣло
Чтобъ облегчалъ ослабѣлое сномъ освѣжительно чуднымъ.
Козы и боги пастушьи, долины прелестныя, рощи,
Кровля зеленой листвы, жилище дріадъ граціозныхъ,
Гдѣ себѣ каждый пастухъ весь вѣкъ съ душою покойной
Тихо проводитъ, правда, съ богатствами дѣлъ не имѣя,
Все-же ни въ чемъ и аскрейскому не уступая поэту,
Хоть васъ и люди не любятъ, но много въ васъ прелести, много!

И уже козочки рѣзвыя, что вразсыпную бродили
Ранѣе, внизъ пастухомъ были согнаны грубо въ долину
И уже нехотя шли къ ручья говорливаго водамъ,
Что подъ мхомъ зеленѣющимъ нѣжнолазурныя стыли;
Солнце ужъ на половину съ задачею справилось трудной,
Козочекъ въ тѣнь густую пастухъ когда загонять сталъ,
Чтобъ ему тамъ отъ жары спасти свое бѣдное стадо.
Не далекo подошелъ отдохнуть къ зеленѣющей рощѣ
Онъ къ твоей, богиня делосская, гдѣ въ изступленьи
Кадмова дочь, убѣгая отъ Вакха, укрылась—Агава,
Руки свои обагривши убійства страшнаго кровью;
Бѣшено бѣгая въ снѣжновершинныхъ горахъ, отдохнула
И успокоилась въ гротѣ она, чтобы кару за сына—
Смерть понести достойную, хоть и жестокую, позже.
Здѣсь на зеленой травѣ шаловливые фавны, играя
Вмѣстѣ съ сатирами и съ дріадами также, водили,
Тѣсно сомкнувшися въ кругъ, хороводы веселые быстро;
Гебра не такъ удержалъ въ берегахъ упорнаго пѣньемъ
Смѣло Орфей и лѣса, какъ тебя, проворная дѣва,
Эти сатиры, дріады и фавны игривою пляской,
Радуясь, что увидали свою молодую богиню,—
Смѣютъ удерживать, между тѣмъ какъ лѣсъ оглашался
Шопотомъ, имъ указуя, пріютъ здѣсь кто предоставилъ
Имъ и въ пріятной тѣни освѣжалъ отъ пляски усталыхъ.
Прежде всего, платаны высокіе вѣтви свои здѣсь
Вверхъ простирали и въ ширь далеко, по долинѣ покатой,
И среди нихъ нечестиваго лотоса листья, который

Такъ отогналъ коварно друзей отъ Улисса, печали
Много ему причинивши, излишнимъ гостепріимствомъ
Ихъ удержавъ у себя, его сладостью такъ упоенныхъ.
А геліады, блестящаго дочери Солнца, слезами
Что̀ измѣнили своими разбитые юные члены
Брата Фаéтона, сбросили коего сильные кони
Огненные съ колесницы сверкающей и опалили,—
Руки стволами опутавши нѣжными, тамъ разсыпали
Листьевъ блестящій покровъ подъ собой съ вѣтвей распростертыхъ.
Далѣе, тамъ въ видѣ дуба была и Филлида, которой
Вѣчныя слезы оставилъ въ удѣлъ своимъ вѣроломствомъ
Демофоонтъ и которая не замѣчала лукавства
(О, этотъ Демофоонтъ вѣроломный и слезъ недостойный!);
Дубомъ стояла она, судьбы предсказанья который
Сопровождаютъ, за шелестомъ листьевъ во слѣдъ появляясь,
Дубомъ, своими плодами давалъ даже пищу который
Ранѣе, чѣмъ подающія жизнь сѣмена отъ Цереры
(Только потомъ борозда Триптолемова дубъ замѣнила,
Хлѣбные давши колосья, плодовъ что̀ лучше дубовыхъ).
Здѣсь и сосна была, эта краса корабля аргонавтовъ;
Вверхъ высоко подымаясь, собой она лѣсъ украшала,
Всюду щетинами рѣзко по стройнымъ вѣтвямъ выдаваясь,
И какъ будто движеньями звѣзды достать все пыталась.
Черный каменный дубъ, кипарисы, смерти деревья,
Буки тѣнистые, плющъ, обвивающій вѣтви собою,—
Всѣ убѣждаютъ тополь они, чтобы не отвергалъ онъ
Братскихъ объятій, а сами плющевыя вѣтки стремятся
Къ небу, извивами ловко до самой вершины добравшись,
И золотистыя кисти свои украшаютъ отливомъ,
Блѣднозеленымъ отъ листьевъ,—вблизи былъ и миртъ, не забылъ что̀
О предсказаньи давнишнемъ своемъ, о судьбѣ стародавней.
Подъ деревьями тѣми холодная влага струилась;
Мирно журчала она, ручьями гонимая рѣзво.
Птицы-же сладкія пѣсни тамъ, сидя на сучьяхъ уютныхъ,
Звонкими горлышками распѣваютъ на разные тоны.
И гдѣ только въ ушахъ голоса раздаются поющихъ
Птицъ, вездѣ тамъ и жалобы слышатся тѣхъ, согрѣваютъ

Тихія воды тѣла чьи порою пловучія иломъ.
Всѣ эти звуки по воздуху эхо несетъ, повторяя;
Также и пѣнье стрекозъ говорливыхъ, роптаньями чьими
Полны кусты всѣ сосѣдніе, эхо услужливо носитъ.
Тутъ-же по близости козочки, всѣ утомившись, лежали
Подъ кустами высокими, коихъ шептавшія вѣтра
Струйки вмѣстѣ съ собой побуждали прохладою вѣять.

Успокоенье нашелъ пастухъ въ прохладной тѣни лишь,
Возлѣ источника, онъ, на землю бросившись тотчасъ,
Сонъ глубокій обрѣлъ и, ничьей не тревожимый злобой,
Члены свои поручилъ неподвижные снамъ беззаботнымъ,
Весь на травѣ растянувшись и въ сладкой ослабши истомѣ.
Онъ и покоился такъ-бы, вкушая душою отраду
Сладкую, если-бы только не вздумалось страшному року
Случай съ концомъ неизвѣстнымъ къ нему привести за собою,
Ибо, къ обычному времени тѣло привычнымъ движеньемъ
Тихо катя, змѣя пестрая съ пятнами, чтобы укрыться
Въ знойную пору въ тинѣ прохладной уснувшему тѣлу,
Путь тяжело совершала навстрѣчу, тремя языками
Отъ утомленья и жара тряся, съ чешуею извивы
Все-же впередъ, растянувшися вся широко, направляла,
А вѣтерокъ незамѣтный змѣи утомленной походку
Вялую только больше еще замедлялъ, вѣя зноемъ.
Вотъ уже ближе и ближе она къ пастуху подползаетъ,
Грудь съ ослѣпительнымъ блескомъ и голову вверхъ подымаетъ,
Вытянувъ шею свою; голова-же вверху, отливая
Цвѣтомъ пурпуровымъ, гребнемъ высокимъ трясетъ и вращаетъ;
Молніей взоры свирѣпые дико сверкаютъ при этомъ.
Чудище возлѣ себя широко озирается; видитъ
Вдругъ оно стада вождя предъ собою въ покоѣ глубокомъ.
Тутъ она сразу быстрѣе впередъ наступаетъ, кидая
Дикіе взоры вокругъ; протянувши свирѣпое тѣло
Яро впередъ пастуху навстрѣчу, зубами скрежещетъ,
Въ гнѣвѣ на то негодуя, что кто-то незваный изволилъ
Къ водамъ ея придти; за оружье природы берется:
Гнѣвомъ пылая, шипитъ она бѣшено, ртомъ ядоноснымъ

Глухо гремитъ; поворотъ къ врагу вызывающій сдѣлавъ,
Вотъ уже тѣла извивы къ нему она гибкіе катитъ;
Вотъ по пути отовсюду сочатся кровавыя капли;
Съ шумомъ дыханье изъ глотки насильно выйти стремится.
Но между тѣмъ какъ она приготовила все для сраженья,
Маленькій раньше еще освѣжительной влаги питомецъ —
Дерзкій комаръ испугалъ пастуха и о смерти напомнилъ,
Во-время жаломъ своимъ убѣдилъ о спасеньи подумать,
Ибо гдѣ вѣки опущены сномъ были внизъ, застилая
Верхнія щеки рѣсницами, также и складками кожи,
Во время старшаго глазъ былъ оружіемъ легкимъ уколотъ
Прикосновеніемъ слабаго младшаго тамъ,—и вскочилъ вдругъ
Въ негодованіи тотъ, и къ Смерти послалъ, раздавивши
Дерзкаго; бѣднаго тотчасъ покинуло жизни дыханье.
Взоръ устремившую дикій змѣю пастухъ увидалъ тутъ
Вдругъ недалеко и сразу затѣмъ, полумертвый отъ страха,
Быстро, не помня себя, ничего предъ собою не видя,
Вонъ побѣжалъ; но отъ ужаса члены безчувственны стали,
Такъ что и бѣга замедлились быстрыя скоро движенья.
Сна разслабленье когда-же покинуло тѣло пастушье,
Это видѣнье не такъ уже умъ ему страшно пугало, —
И оторвалъ онъ отъ ясеня правой рукой молодого
Стволъ (эту помощь ему, неизвѣстно, случай простой-ли
Далъ, или воля боговъ; но оружьемъ такимъ побѣдить онъ
Въ силахъ и страшной змѣи чешуистые верткіе члены
Былъ), и, когда она стала бороться извивовъ оружьемъ
И ужъ ужалить старалася сильно попыткою гадкой,
Частыми ей хрящи перебилъ онъ ударами тамъ, гдѣ
Гребни виски окружаютъ; когда-жъ, наконецъ, онъ увидѣлъ,
Что ужъ она ослабѣла совсѣмъ, побѣжденная смертью,
Только тогда съ облегченіемъ, въ радости, сѣлъ на травѣ онъ.

Вотъ уже Ночь погоняетъ впередъ еребейскую пару
Черныхъ коней, появляяся быстро изъ водъ Океана,
И неохотно отъ Эты уходитъ Вечеръ лѣнивый
(Жалко лучамъ золотящимъ его покидать тѣ вершины),—
Стадо когда собираетъ пастухъ и идетъ (между тѣмъ какъ

Длинными лентами тянутся тѣни), и отдыхъ отрадный
Членамъ своимъ утомленнымъ готовится дать по заслугѣ.
Только по тѣлу его дрема легкая лишь пробѣжала,
А затѣмъ и глубокимъ ослабшіе члены покоемъ
Быстро прониклися,—образъ убитаго тутъ комара вдругъ
Легкою тѣнью явился къ нему и, судьбой опечаленъ,
Горькіе въ смерти своей неповинной упреки засѣялъ
Въ полномъ печали и горя жужжаньи своемъ комариномъ.
«Вотъ чего я заслужилъ», говорилъ онъ, «и вотъ куда—бѣдный—
Съ милой земли унесенъ, принуждаюсь печальную участь
Несправедливо найти! Хотя жизнь твоя мнѣ дороже
Собственной жизни была,—я несусь по пустынѣ подземной.
Тѣло свое освѣжающимъ сномъ ты питаешь покойно,
Спасшися отъ пораженья змѣей,—а меня принуждаютъ
Блѣдныя тѣни, къ себѣ привлекая въ подземное царство,
Здѣсь переплыть черезъ волны летейскія; вотъ ужъ добычей
Жадно влекусь я Харономъ. Ты видишь-ли (нѣтъ, ты не видишь!)
Этотъ ужасный чертогъ, весь пылающій факеловъ блескомъ,
Какъ все зловѣще сверкаетъ въ подземномъ капищѣ этомъ?
Вотъ на пути Тизифона съ висящими всюду змѣями
Вмѣсто волосъ;—эта фурія новую жертву встрѣчаетъ:
Плетью она предо мной и огнемъ потрясаетъ, свирѣпо
Ими грозя. Позади меня—Церберъ и страшныя пасти
Съ лаемъ его оглушительнымъ; шеи покрыты змѣями;
Дико съ обѣихъ сторонъ тамъ онѣ торчатъ, извиваясь;
Блескомъ кровавымъ сверкаютъ ужасныя очи собачьи.
О! отъ услуги зачѣмъ удалилася вдаль благодарность,
Къ свѣту земли воротилъ я отъ самаго смерти порога
Жаломъ когда тебя? Гдѣ за любовь уваженье, награды?—
Въ глупыхъ мечтаній страну удалились онѣ и пустыми,
Ложными стали; ушла и съ полей справедливость, а съ нею—
Что̀ еще выше стоитъ справедливости—вѣра и честность!
Но, оставляя свою безъ вниманія участь, другого
Очереди предстоящую, больше жалѣть я не буду
Горько о ней: къ одинаковой съ нимъ я судьбѣ направляюсь,—
Вѣдь заслужившаго ждетъ наказаніе! Карою будетъ
Пусть злая гибель: вѣдь лишь-бы была благодарною воля,—

Равная можетъ всегда ей найтись достойно услуга.
Путь совершая, и такъ я несусь по мѣстамъ отдаленнымъ,
Что̀ среди солнца незнающихъ рощъ лежатъ киммерійскихъ,
Хоть на дорогѣ моей попадаются чаще и чаще
Близъ меня муки ужасныя. Вотъ сидитъ Отосъ, окованъ
Лютыхъ объятьями змѣй, на родного смотря Ефіальта
Издали грустно, что̀ также змѣями былъ страшными связанъ:
Дерзко пытались они міръ и небо когда-то разрушить.
Титій, что̀ помнитъ со страхомъ о гнѣвѣ твоемъ, о Латона,
(Гнѣвѣ жестокомъ ужъ очень), лежитъ для коршуна пищей.
О, какъ страшно идти среди тѣней такихъ исполинскихъ!
Призванный къ водамъ стигійскимъ, поверхности чуть не касаясь
Ртомъ, выдается изъ волнъ—кто тайну божественной пищи
Выдалъ—и снова и снова пустое пространство находитъ
Вмѣсто желанной воды все губами и высохшимъ горломъ.
Дальше, кому это, катитъ вдали на враждебную гору
Глыбу который, ужасный трудъ, побѣждающій силы,
Все доказать собирается тѣмъ, что при жизни неправо
Онъ презиралъ, отрицая, боговъ суровую волю?
Отдыха жадно желая, съ своимъ себѣ ситомъ идите,
Дѣвы, которымъ жестокая факелъ ериннія вмѣсто
Бога Гимена зажегши, бракъ подарила со смертью
(О указаньяхъ судьбы!). Прохожу я и далѣе мимо
Множества тѣней другихъ; безконечна толпа ихъ густая;
Вдаль вереницею длинной бѣгучія тянутся тѣни.
Дикобезумную мать—колхидянку вижу Медею:
Дѣтямъ своимъ боязливымъ ужасныя раны готовитъ,
Ревностью дикой къ отцу ихъ и жаждою мести пылая.
Вижу несчастныхъ потомствомъ затѣмъ дочерей Пандіона:
Итія милаго имя ихъ голосъ зоветъ, прерываясь,
Итія, царь ѳракійскій по комъ горюетъ, удодомъ
Сирымъ унесшись въ воздухъ летучими быстро крылами.
Братья-же, Кадмова сѣмени дѣти, взаимную распрю
Между собою затѣявши, вонъ уже взоры кидаютъ
Грозновраждебные каждый на тѣло другого,—и вотъ ужъ
Каждый откинутъ назадъ, отъ борьбы отступивши, родною,
Ибо десница безбожная кровью сочится обильно.

(Эти усилья—увы!—никогда прекратиться не могутъ!)
Дальше несусь, повернувши въ другую я сторону; вижу
Больше еще и все разныхъ именъ тамъ людей и мученій:
Но, между тѣмъ, переплыть Еридана кипучія волны
Надо,—и вотъ поневолѣ влекутъ меня къ нимъ, погоняя.
Вотъ, на пути, Персефона нести предъ собой заставляетъ
Факелы, хоть ненавистные, свиты своей героинямъ.
Тутъ Алкестида, ничѣмъ невредимая, тяжкой заботы
Больше не знаетъ уже, ибо мужа Адмета кончину
Халкодоніянъ царя отдалила, себя не жалѣя.
Тутъ и Улиссова гордость, супруга его Пенелопа,
Вѣрностью что̀ неподкупною честь сохранила для мужа.
А вдалекѣ отъ нея и толпа жениховъ дерзновенныхъ:
Мѣтко пронзили ихъ бѣдныхъ жестокія стрѣлы и копья.
Ты-жъ, Евридика несчастная, съ грустью такой удалилась
Въ адъ почему и зачѣмъ здѣсь все печальна ты такъ-же,
Какъ и тогда? Отчего и теперь на тебѣ тяготѣетъ
Кара за то, что Орфей оглянулся назадъ, въ нетерпѣньи?
Смѣлъ былъ, правда, и онъ,—что и Церберъ кротокъ бываетъ
И что и волю Плутона смягчить возможно, повѣривъ;
Смѣлъ,—что ни водъ Флегетонта пылающихъ не побоялся,
Ни зловѣщею тьмою покрытаго царства Плутона,
Въ землю зарытыхъ дворцовъ и обвитаго темнокровавой
Тартара мглою пустынь, ни судьи диктейскаго кресла,
Всѣхъ легко допускаютъ къ которому, чтобъ оцѣнилъ онъ
Жизни дѣянья земной послѣ смерти и злыя каралъ-бы;
Смѣлъ былъ, правда, Орфей,—но смѣлымъ только тогда лишь,
А не теперь, его сдѣлала Рока могучая воля.
Да, тогда лишь быстрыя рѣки покорно стояли,
И, очаровано пѣніемъ чуднымъ, звѣриное стадо,
Слѣдуя смирно, садилося тамъ, гдѣ пѣвецъ оставался;
Дубъ глубоко подъ землей зеленѣющей всѣми корнями
Двигалъ, звукамъ послушный; лѣса, оглашаяся, сами
Пѣніе лиры Орфеевой жадной корою ловили.
Даже по звѣздному небу скользящую сдерживалъ пару
Фэбъ, и ты также, что̀ каждый мѣсяцъ на небо приходишь,
Дѣва Селена, бѣгущихъ держала коней, позабывши

Ночи служить,—чтобы только Орфееву лиру послушать,
И, не смотря на все это, ужели супруга Плутона
Эта могла уступить тебѣ и Евридику супругу,
Чтобъ увести, возвратить? Да, ранѣе, да, но теперь—нѣтъ:
Непобѣдимой богини нельзя умолить было волю.
Та-жъ, молодая супруга, суровое царство Плутона
Слишкомъ узнавъ хорошо, ей указанный путь соблюдала,—
Не обратила назадъ внизъ взоровъ своихъ любопытныхъ
И не испортила дара она языкомъ непокорнымъ,
Дара — согласья ее отпустить къ супругу на землю.
Но это ты, это ты поступилъ самъ, Орфей, безразсудно
(Грѣхъ свой тяжкій и вредъ дорогимъ ты сиди здѣсь и помни),—
Къ милой своей поцѣлуямъ стремясь, приказанья нарушилъ
Вѣчныхъ боговъ, и любовь заслужила твоя-бы прощенье,
Знало ко всѣмъ милосердіе если-бы царство Плутона.
Но остается оно и къ другимъ такимъ-же,— героевъ
Много теперь въ безсплін въ немъ пребываютъ: Эака
Здѣсь оба сына (Пелей, Теламонова сила, не знаютъ
Горя заботъ подъ защитой отцовской,—тѣ самые братья,
Браку которыхъ Венера и Доблесть почетъ подарили:
Этотъ взятъ Перибэей, того-жъ нереида любила),
Жребіемъ общимъ славный юноша здѣсь пребываетъ
Также, который храбро и неустрашимо сражался,
Отъ кораблей отражая аргивскихъ фригійскіе яро
Факелы. Кто эти схватки кровавыя не отражалъ-бы,
Схватки, какія трояне, ахэйскіе видѣли мужи,
Почва когда троянская влажна была отъ обильной
Крови, и ей были полны и Ксантъ, и Симоента воды,
Берегъ сигэйскій видѣлъ когда близъ себя, какъ трояне
Были готовы по гнѣвнымъ свирѣпаго Гектора знакамъ,
Непримиримой враждою пылая, судамъ пеласгійскимъ
Бросить огонь, а защитникамъ ихъ—стрѣлы, раны, погибель!
Даже вѣдь Ида сама, свои склоны зеленые вдоль что
Такъ широко простираетъ,—и Ида сама доставляла
Въ сучьяхъ лѣсовъ своихъ факелы храбрымъ почвы питомцамъ
Тучной своей—троянамъ, стремившимся яростно въ битву,
Чтобы весь край рэтейскаго берега пеплу былъ отданъ

Отъ кораблей враговъ, сожженныхъ въ пламени яркомъ.
Сынъ Теламона герой сражался съ одной стороны тамъ.
Храбро давая врагамъ отпоръ, щитъ свой протянувши.
А отъ троянъ былъ Гекторъ, краса всей Трои и гордость.
Храбрые оба; одинъ съ огнемъ и съ шумомъ оружья.
Съ трескомъ такимъ, какъ удары отъ молніи грознолестящей,
Тамъ къ кораблямъ подступаетъ, въ надеждѣ, не вырветъ-ли этимъ
Въ Аргосъ у нихъ возвращенье, другой—защищенный желѣзомъ
Отъ Вулкановыхъ ранъ, съ кораблей его гнать замышляетъ.
Вотъ сидитъ Эакидъ, видя славное дѣло,—и взоры
Радостью ярко горятъ, что пролитою Гектора кровью
На дарданскихъ поляхъ побѣдитель Трою очистилъ.
Но вновь — горькія вѣсти: героя Парида убиваетъ
И что Парида отвага убита Улисса коварствомъ.
Вотъ уже искоса взоръ на Парида Лаертова отрасль
Съ тайнымъ злорадствомъ кидаетъ, и вотъ побѣдитель Долона
И ѳракійскаго Рэза—палладія радъ похищенью,
Но уже вновь и киконовъ, и лестригоновъ боится:
Хищная Скилла, молосскими вотъ окруженная псами.
Этны киклопъ обитатель и Занклы сосѣдка Харибда.
Адскія воды, что блѣдность лицу причиняютъ, и Тартаръ,
Мрачною мглою обвитый, — собой его вновь устрашаютъ.
Здѣсь и Танталова рода краса, многочтимый Атреевъ
Сынъ возсѣдаетъ, аргивянъ звѣзда путеводная, свѣтомъ
Руководимая чьимъ Дорида троянскіе замки
До основанья разрушила и съ землею сравняла.
Впрочемъ, о Троя, тебѣ за твое разрушенье собою
Греки (увы!) поплатились,— ибо самимъ суждено имъ
Было судьбою погибнуть въ геллеспонтовыхъ волнахъ.
Всѣ эти люди собой о судьбѣ доказательство дали
Какъ-то давно, — что никто, ушедши за небо, не ходитъ
Тамъ лишь только своей судьбы дарами богатый,
Но все—и честь, и богатство—близкая зависть земная
Дерзко своими ударами сразу совсѣмъ разрушаетъ.
Такъ и аргивская сила въ открытое море пустилась,
Къ милымъ стремясь берегамъ, съ твердынь троянскихъ добычей
Вся нагруженная; спутникомъ ей былъ вѣтеръ попутный,

Быстро летѣла она когда по покойному морю;
Путь указуя, знаки съ волнъ нереида давала...
И уже часть пути корабли одолѣли, когда вдругъ,
Или по неба велѣнію, иль потому, что явилась
Бури звѣзда, блескъ неба мѣняется всюду, и вѣтры,
Вихри тревожатъ все вокругъ порывомъ ужаснымъ.
Вотъ уже волны морскія подняться стараются къ звѣздамъ,
Небо грозитъ вверху схватить всѣ солнца и звѣзды
И съ оглушительнымъ ринуться шумомъ на бѣдную землю.
На корабляхъ-же толпы, что̀ веселыми только что были,
Въ жертву тревогамъ и бѣдамъ жестокой судьбой отдаются
И умираютъ на волнахъ близъ скалъ Каферейскаго мыса,
Близъ евбэйскихъ утесовъ и у береговъ даже дальнихъ
Моря Эгейскаго; вся-же добыча земли полоненной,
Трои твердыни гдѣ раньше стояли, носимая моремъ,
Также крушенія жертвой изъ волнъ тамъ и сямъ выступаетъ.
Здѣсь и другіе герои за доблесть наградою той-же,
Тѣмъ-же почетомъ сидятъ одаренные: въ самой срединѣ,
Въ мѣстѣ почетномъ всѣхъ ихъ тамъ помѣстили за доблесть,—
Всѣхъ, кого Римъ почиталъ украшеньемъ и гордостью міра.
Фабіи, Деціи тутъ и Горація, смѣлые братья,
Древняя слава Камиллова, что̀ не умретъ никогда, тутъ
Курцій, котораго въ жертву когда-то назначили безднѣ,
Чтобы пожрало его среди города страшное жерло,
Муцій, огонь перенесшій рукою разумно и стойко,
Муцій, виною кого отступилъ за предѣлы могучій
Царь, увидавъ, что грозила его могуществу гибель,
Курій, славнаго мужества спутникъ и славы товарищъ,
Также и тотъ Цэцилій, обрекъ что̀ пламени тѣло,
И Сципіоны вожди, тріумфамъ быстрымъ которыхъ
Карѳагена либійскаго обреченныя стѣны
Вотъ уже страшно боятся, конецъ предвидя печальный.
Стало быть, эти мѣста—за дѣло почетъ и награды;
Пусть-же славой своей наслаждаются тѣ всѣ спокойно,—
Я-же идти принужденъ къ покрытымъ тьмою Плутона
Водамъ теперь, не знающимъ (страшно!) блистанія Фэба,
И Флегетонта ужаснаго жаръ испытать, Флегетонта,

Мѝной великій, которымъ ты мѣсто мученья злодѣевъ
Отъ другихъ отдѣляешь своимъ справедливымъ рѣшеньемъ!
Вотъ уже Муки свирѣпыя смерти причину и, въ жизни
Что я хорошаго сдѣлалъ, сказать принуждаютъ ударовъ
Силою, между тѣмъ какъ ты, моей смерти причина,
Здѣсь отдыхаешь покойно, не зная вины за собою.
Правда, ты для заботъ хлопотливыхъ хотя недоступный,
Все-же слова мои слышишь, навѣрно, и все-же, хоть слышишь,
Тотчасъ по вѣтру ихъ пустишь,—и воздуха токи живые
Всѣхъ разнесутъ ихъ; я-жъ удаляюсь, чтобъ больше ни разу
Не возвратиться на землю, а ты наслаждайся въ весельи
Влагой холодной ключей, зеленѣющей рощи листвою,
Сочной травою луговъ, гдѣ пасутся игривыя козы!»
Такъ онъ сказалъ, и съ послѣдними быстро исчезла словами
Съ глазъ печальная тѣнь его, въ тьму улетѣвши густую.

Сразу оставила лѣнь пастуха и покой беззаботный
Тутъ; весь сильно взволнованъ, онъ тяжко вздохнулъ и глубоко;
Больше не могъ выносить онъ въ чувства влитой печали
По комариной смерти. И тотчасъ, ему позволяли
Старыя силы насколько (которыми все-же когда-то
Въ битвѣ врага побѣждать свирѣпаго храбро умѣлъ онъ),
Близъ водяного потока подъ сѣнью листвы зеленѣвшей
Мѣсто могилѣ укромное онъ выбираетъ проворно.
Выравнявъ быстро его и сдѣлавши кругомъ, потомъ онъ
Въ дѣло пустилъ рукоятку желѣза, отъ свѣжаго дерна
Землю, травою поросшую, чтобы, вскопавши, очистить.
Вотъ начатую работу забота, сердце тревожа,
Быстро велитъ продолжать ему, землю сносить побуждая
Въ кучу одну; уже дѣло къ концу подходило, и выросъ
Скоро могильный курганъ изъ земли насыпной полушаромъ.
Камень, изъ гладкаго мрамора сдѣлавъ, онъ около ставитъ,
Не забывая упорно трудиться, заботой томимый.
Близко цвѣли тутъ и лапа медвѣжья, и нѣжная роза,
Алымъ бутономъ краснѣя застѣнчиво, много фіалокъ
Разныхъ, и миртъ пареійскій, и самъ гіацинтъ, и шафранъ самъ,
Дальней земли киликійской полей уроженецъ, и лавра,

Фэба любимца, листы зеленѣли, лавровая роза,
Лиліи, невдалекѣ розмаринъ, приносящая ладанъ
Также трава — у сабинянъ древнихъ примѣта богатства —
И ноготки, и плюща блестящаго блѣдныя кисти,
Бокха трава, властелина либіянъ, затѣмъ маргаритки
Были и самъ виноградъ съ кистями, и дикаго лавра
Вѣчноцвѣтущая зелень; и даже нарциссъ не забылъ быть
Тамъ, красоту знаменитую чью сжегъ огонь Купидоновъ,
Только себя самоё увидала она и влюбилась;
Словомъ, цвѣты были тамъ всѣ, какими весеннее время
Каждый годъ убираетъ поля, какъ одеждою новой;
И всѣми тѣми цвѣтами могилу онъ всю усадилъ сплошь.
Надпись надгробную спереди онъ помѣстилъ, нацарапавъ
Буквы на камнѣ безмолвныя грубо рукой неумѣлой.
Кратко гласятъ онѣ: «Маленькій бѣдный комарикъ, заслугу
Помня твою, охраняющій стадо пастухъ погребеньемъ
Воздалъ за это, погибшую жизнь воротить не умѣя».

К. Котельниковъ.

2. Шинкарка [1]).

Сиріи страстной туземка, прислужница въ дымной таверн'ѣ,
Что научилась кружить ловко фигуру свою,
Пляшетъ подъ звукъ погремушекъ, подвыпивши, танецъ нескромный,
О локоть встряхивая дудокъ осиплыхъ ряды.
«Что за пріятность», твердитъ она, «мучиться пыльной дорогой?
Чѣмъ лучше лишь одному лечь на пустую постель?
Здѣсь-же сады есть и гроты, кіаѳъ, розы, флейты и струны;
Здѣсь-же прохладную тѣнь много бесѣдокъ даютъ;
Есть и вино, что разлито въ кувшинахъ, залитыхъ смолою;
Есть и ворчливый ручей тихо журчащей воды.
Есть и свирѣль изъ деревни, что сладко лепечетъ въ пещерѣ,
Пѣсенъ простыхъ пастуха ласковымъ тономъ звуча.
Здѣсь и букетовъ довольно изъ нѣжной аѳинской фіалки;

---

[1]) Переводъ этотъ любезно сдѣланъ г. Котельниковымъ, преподавателемъ владивостокской гимназіи, спеціально для нашего сборника, какъ и слѣдующій. «Комаръ» является въ исправленномъ видѣ. Примѣчаніе составителя.

Много и пышныхъ вѣнковъ алыхъ, оранжевыхъ розъ.
Здѣсь-же и лиліи есть, что, сорвавъ съ береговъ Ахелоя
Дѣвственныхъ, юная дочь въ даръ изъ корзинъ принесла;
Есть и сыры, что высушиваетъ плетеная форма;
Много и сливъ восковыхъ Осень-богиня даритъ.
Тутовыхъ ягодъ найдешь много, красныхъ какъ кровь, винограда
Съ гибкими вѣтками здѣсь; свѣсившись съ стебля, висятъ
Темнозеленый большой огурецъ и орѣхи каштана;
Мило румянятся здѣсь яблоковъ сладкихъ ряды;
Словомъ, царитъ тутъ Церера съ Амуромъ и Вакхомъ шумливымъ;
Есть даже хижины стражъ съ острымъ оружьемъ-серпомъ.
Путникъ! Сюда заверни-жъ: вѣдь вспотѣлъ ужъ усталый твой осликъ;
Ты хоть его пощади,—Весты любимецъ вѣдь онъ.
Да и давно ужъ трещатъ надоѣдливо въ чащѣ кобылки;
Ящерицъ пестрыхъ таитъ много холодныхъ плетень.
Если не глупъ, заверни отдохнуть и изъ лѣтняго кубка
Горло себѣ промочить иль изъ хрустальнаго тожъ.
Ну-же, скорѣй отдохни ты подъ тѣнью лозы виноградной
И діадемой изъ розъ, въ хмѣлѣ, главу увѣнчай,
Съ устъ дѣвы нѣжной срывая, нарядный—и самъ поцѣлуи,
И «Пусть погибнутъ» кричи съ бровями строгими кто!
Пеплу зачѣмъ сохранять непріятному розъ ароматы?
Кости свои покрывать камнемъ съ вѣнкомъ для чего?
«Ставь-же на столъ», говори, «поскорѣе вино мнѣ и кости!
И да погибель тому, кто ужъ о завтрашнемъ днѣ
Сердце заботой томитъ!—Вѣдь Смерть, шутливо щипля
Уши мнѣ, шепчетъ: «Живи вволю!—Я близко! Иду!»

К. Котельниковъ.

3. Похлебка.

Ночь проводила совсѣмъ двѣ пятёрки часовъ своихъ зимнихъ,
И своимъ пѣніемъ день возвѣстилъ караульный крылатый,
Симилъ когда поселянинъ, хозяинъ землицы неважной,
Голода злого себѣ отъ грядущаго дня опасаясь,
Нехотя мало по малу спуская съ дешевой кровати
Члены свои, подымаетъ отъ отдыха слабое тѣло,

Шаритъ дрожащей рукою во тьмѣ, что̀ работѣ мѣшаетъ,
Ищетъ очагъ и, наткнувшись, его, наконецъ, обрѣтаетъ.
Маленькій трутъ оставался еще на полѣнѣ горѣломъ,
Пепелъ-же угля горящаго свѣтъ затмевалъ, покрывая.
Лампу сюда придвигаетъ затѣмъ, наклонившись сначала,
И на иглѣ порыжѣлой суётъ туда паклю сухую,
Слабый огонь, наконецъ, раздуваетъ дыханіемъ частымъ.
Только тогда побѣжденная тьма отступаетъ отъ свѣта.
Свѣтъ онъ рукой заслоняетъ отъ вѣтра пото̀мъ; оглядѣвши
Дверь кладовой со вниманіемъ, ключъ повернувъ, отпираетъ.
Хлѣба убогая скудная тамъ на землѣ была кучка;
Всыпалъ себѣ отъ нея онъ зерна̀, сколько мѣра вмѣщала,
До шестнадцати фунтовъ доходитъ которая вѣсомъ.
Сдѣлавши это, уходитъ оттуда, у мельницы хлѣбной
Съ ношей становится, вѣрную лампу рукою свободной
Ставитъ на полочку, что̀ стѣна для того сохраняла
Крѣпко прибитою. Грубыхъ онъ обѣ руки отъ одежды
Освобождаетъ затѣмъ и, въ передникъ изъ кожи козлиной
Цѣльной косматой облёкшись, хвостомъ обметаетъ короткимъ
Камни сначала снаружи вездѣ, а затѣмъ въ серединѣ.
Руки пото̀мъ призываетъ къ работѣ, ее раздѣливши
Надвое: лѣвою онъ помогаетъ, работая правой.
Вѣртитъ прилежно послѣдняя камня тяжелые круги,
Въ быстромъ мелькать вращеніи ихъ заставляя собою.
(Зерна-же, въ пыль обращенныя жернова быстрымъ ударомъ,
Весело сыплются книзу бѣгучей желанною струйкой).
Лѣвая скоро пото̀мъ заступаетъ услужливо мѣсто
Тамъ сестры утомленной и смѣны сама ожидаетъ.
Самъ-же хозяинъ, работы своей разогнать чтобы скуку,
Голосомъ грубымъ своимъ поетъ деревенскія пѣсни.
Скибалу громко зоветъ онъ затѣмъ, что̀ прислугой одною
Въ домѣ была у него. Было видно, что Африки знойной
Дочь она сирая; это своей выдавала фигурой
Всею: курчавыя кудри носила и пухлыя губы;
Черная цвѣтомъ, широкая грудью, отвислыя груди,
Втянутый сильно животъ и поджарыя ноги имѣла,
Но тяжело помѣстительной мѣрно ступала стопою.

(Смежными щелями всѣ истрескались жесткія пяты).
Эту зоветъ онъ, въ очагъ ей велитъ подкинуть полѣньевъ,
Чтобы, пылая, собой кипятили холодную воду.

Кончивъ, когда было нужно, вращальную эту работу,
Тотчасъ рукой переноситъ хозяинъ изъ мельницы хлѣбной
Кучки упавшей муки въ рѣшето и затѣмъ потрясаетъ
Тутъ ее кверху и книзу привычнымъ рѣзво движеньемъ.
Съ мелкою грязью соръ наверху рѣшетà остается;
Сквозь-же прошедши, подъ нимъ осѣдаютъ сыпучія кучки,
Чистыя, бѣлыя, частой очищены сѣтью волòконъ.
Ихъ на гладкую доску затѣмъ онъ кладетъ осторожно,
Сверху-же теплыя струйки нескупо воды наливаетъ;
Ихъ собираетъ онъ бережно, чтобъ не пролились; муку-же
Твердою дѣлаетъ ловко (ладонь перевернута живо),
Волѣ своей подчинивши капризно-текучія капли.
Исподвòль кучи нòвыя солью затѣмъ посыпаетъ;
Вотъ уже вверхъ подымаетъ искусства онъ плодъ происшедшій—
Тѣсто и, въ кругъ надлежащій пришлепнувши крѣпко ладонью,
Дѣлитъ, глубòко вдавивши, на равныхъ части четыре.
Тѣхъ четырехъ близнецовъ онъ сажаетъ оттуда въ очагъ (тамъ
Скибала годное мѣсто очистила раньше прилежно),
Глиняными покрываетъ стѣнàми, а жаръ загребаетъ.
Роли свои исполняютъ Вулканъ тамъ и Веста покамѣстъ,—
Руки сложивши вмѣстѣ, не мѣшкаетъ Симилъ лѣниво,
Но и другой себѣ ищетъ подмоги, и средства другія:
Чтобы не только одинъ хлѣбъ нёбо ласкалъ непріятный,
Изобрѣтаетъ еще на прибавку онъ блюда другія.
Надо сказать, что у печки висѣвшіе крючья пустыми
Не были тамъ у него, но висѣли твердыя холки
Мяса свиного соленаго заднія; цѣлыя туши
Грузныя сверху глядѣли, и сыръ даже, ловко продѣтый
Посерединѣ веревкой, со старою связкой укропа,
Тощею, правда, вмѣстѣ присутствовалъ тамъ самолично.
Симилъ, итакъ, презапасливый что-то замыслилъ другое
Сдѣлать изъ зелени, нѣжно своей угождая персонѣ.

Садикъ у хижины былъ недалеко; его укрѣпляла
Загородь изъ камыша не свѣжаго, гладкаго все-же.
Маленькій, правда, былъ садикъ, но разныя въ немъ были травы.
Все было тамъ, чего требуетъ лишь обиходъ небогатый,
Хоть иногда и богатый отъ бѣднаго требуетъ больше.
Да и издержекъ большихъ не требовалъ садикъ; заботы
Былъ лишь предметомъ и то небольшой онъ—въ минуты досуга.
Если свободнаго какъ-нибудь Симила дома держали
Иль проливные дожди, или праздничный день, или пашни
Роздыха хоть немного ему удѣляла работа,—
Дѣтищу милому, садику, онъ посвящалъ тѣ минуты.
Ловко растенія разныя сортировать онъ умѣлъ тамъ;
Тайной заботѣ земли поручать какъ тамъ сѣмена, зналъ,
Польза сосѣднихъ ручьевъ не была ему тожъ неизвѣстна.
Овощи въ садикѣ тамъ были: свеклы широкія лапы,
Щавель плодливый и мальва, и самъ девясилъ зеленѣли;
Морковь и лукъ, что̀ названьемъ своимъ-же головкамъ обязанъ,
Были тамъ, та̀кже и макъ, что̀ вредитъ головѣ, до болѣзни
Дрожь нагоняя собой; отъ изысканныхъ отдохновенье
Блюдъ подающая также была̀ тамъ цвѣтная капуста,
Рѣдька—плодъ корневой, что̀ растетъ что дальше, то уже[1]);
Тяжеловѣсная тамъ засѣдала пузатая тыква.
Впрочемъ, не самому хозяину пищею было
(Былъ-ли хоть кто-нибудь больше, чѣмъ онъ, въ своей жизни воздержень?)
Все это, но для народа служило̀ оно провіантомъ,
Ибо въ базарные дни аккуратно продажныя связки
Въ городъ носилъ на плечѣ онъ, уставшемъ отъ ноши тяжелой.
Съ шеей свободною вовсе, зато съ мошною тяжелой,
Онъ налегкѣ возвращался оттуда домой, городского
Рѣдко когда провожаемый скотнаго рынка товаромъ.
Голодъ его прогоняли тогда лукъ красный и кучка
Мелко искро̀шеннаго чесноку, хрѣнъ, острымъ укусомъ
Чистое сводитъ лицо что̀ гримасами, также цикорій
И вызывающая возбужденье медлящее спаржа.

---

[1]) Въ текстѣ пробѣлъ, въ русскомъ дополненный г. Котельниковымъ.
Прим. составителя.

Вотъ что-то въ родѣ такомъ вспоминая, заходитъ онъ въ садикъ.
Пальцами рыхлую землю разрывши, сперва добываетъ
Съ сочными стеблями тамъ чесноку онъ четыре головки;
Длинные листья затѣмъ сельдерея и тонкіе руты
Вверхъ торчащіе жесткіе стебли рукой вырываетъ,
Малые трепетные у петрушки листики также.
Это собравши, садится къ веселому пламени, громкимъ
Голосомъ требуетъ ступку у Скибалы. Въ ней у головокъ
Кожицу шероховатую ловко-умѣло сдираетъ
Верхнюю, также отростки ненужные. Эти отростки
По полу всюду, небрежно бросая рукой, разсыпаетъ.
Съ стеблями лукъ сохраненными мочитъ водою затѣмъ онъ
И въ углубленіе круглое каменной ступки пустое
Тамъ опускаетъ, а къ нимъ насыпаются соли крупинки;
Твердый, изъѣденный солью и сыръ кладется туда-же,
Сверху-же травами все прикрываетъ, что̀ названы выше,
Лѣвою кстати рукою заткнувши за по̀ясъ одежду:
Правою пестикомъ пахнущій сильно чеснокъ раздавляетъ
Въ кашицу въ ступкѣ сначала; затѣмъ къ его соку другое
Все примѣшавъ, растираетъ. Круго̀мъ ходитъ пестъ и рука̀ тамъ:
Свойства свои нераздѣльныя каждая скоро теряетъ
Часть, а у сложнаго цѣлаго цвѣтъ появляется скоро,
Такъ-же и самъ составной, — не совсѣмъ-же, конечно, зеленый,
Крошки творожныя такъ какъ ему помѣшали немного,
Но и не бѣломолочный отъ зелени кучи участья.
Часто открытыя ноздри у бѣднаго Симила острымъ
Запахомъ сильно колола та смѣсь, доводя до чиханья,—
Такъ что своими мученьями носъ приплюснутый завтракъ
Симила свой проклинать заставлялъ. Утиралъ онъ своею
Часто рукою глаза, что̀ слезились невольно, во гнѣвѣ
Брань посылая за то во слѣдъ невиновному дыму.
Дѣло, межъ тѣмъ, подвигалось: не такъ уже быстро, какъ прежде,—
Медленнымъ кругомъ ходилъ у него въ ступѣ пестъ суковатый.
Значитъ, пора уже капать Палладиной маслины сокамъ.
Это, сознавъ, исполняетъ онъ, далѣе сверху вливая
Тамъ на подмогу оливкѣ и уксуса сильнаго капли.
Снова затѣмъ за мѣшанье свое онъ берется ретиво,

Чтобы совсѣмъ было въ пòру для завтрака кушанье это.
Только тогда двумя пальцами ступку обводитъ кругомъ онъ
И отовсюду оттуда всю массу въ одно соскребаетъ,
Чтобы и видомъ, и именемъ славная вышла похлебка,
Правда, густая и пряная, вкусу пріятная впрочемъ.
Хлѣбъ достаетъ, между тѣмъ, хлопотливая Скибала; Симилъ,
Вымывши руки, беретъ его... Голода страхъ отогнавши,
Нà день спокойный на весь тотъ, на гòлени ужъ надѣваетъ
Поножи пàрныя, шапку на гòлову, — и запрягаетъ
Тотчасъ покорныхъ воловъ онъ своихъ подъ ярмо, а затѣмъ ихъ
Гонитъ на пàшню, гдѣ плугъ съ ними въ рыхлую землю хоронитъ...

К. Котельниковъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина) въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Алексѣевъ, В. Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Съ портр. Ц. 3 р., въ велен. бум. 5 р.

Беккеръ, К. Древняя исторія, вновь обработанная В. Миллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Части I, II и III. Съ 165 рис. и 3 раскр. картами. Ц. 1-й и 2-й ч. по 1 р., а 3-й 1 р. 50 к.

Гау, Дж. Минерва. Введеніе при изученіи чистыхъ въ классѣ писателей греческихъ и латинскихъ. Пер. со 2-го фр. изданія В. Алексѣева. Съ примѣч. переводчика и рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Дютшке, Олимпъ. Миѳологія древнихъ грековъ и римлянъ. Съ гравюр. и рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Краткій словарь миѳологіи и древностей. Древніе боги. Герои, государственные люди, поэты, философы, художники древности, древнія страны и главнѣйшіе города древности. Все изданіе въ красивыхъ, мягкихъ переплетахъ. Спб. 1894. Ц. 50 к.

Томики „Дешевой Библіотеки“:

8. Анекдоты и остроумныя изреченія, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. Изд. 5-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

113. Герои и героини греческихъ трагедій въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

81. Еврипидъ. Медея. Трагедія. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переп. 30 к.

99. — Гипполитъ. Трагедія. Съ греч. перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введен. и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переп. 30 к.

101. — Ифигенія въ Авлидѣ. Драма. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введен. и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 коп.

102. — Ифигенія въ Тавридѣ. Драма. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введен. и прим. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

218. — Іонъ. Трагедія. Перев. съ греч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

219. — Алкестида. Драма. Перев. съ греч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

220. — Вакханки. Трагед. Перев. съ греч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

221. — Неистовый Гераклъ. Трагедія. Съ введеніемъ и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

213. Епиктетъ. Афоризмы. Съ прибавленіемъ лѣск. главъ изъ его «Размышленій». Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., въ пер. 27 к.

183. Маркъ Аврелій Антонинъ. Къ самому себѣ. Размышленія. Пер. съ греч. Пл. Краснова. Ц. 25 к., въ пап. 33 к., въ перепл. 40 к.

189. Плавтъ, Марцій Т. Хвастливый солдатъ. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Съ латинск. перев. В. Алексѣевъ. Съ дополн. и примѣч. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 30 к.

253. — Трехгрошовый день. Древне-латинская комедія въ 5-ти дѣйств. Переводъ въ прозѣ, со статьей о Плавтѣ, С. Эйгесъ. Спб. 1893 г. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 30 к.

158. Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Т. I. Вып. 1-й. Тезей и Ромулъ. Ц. 15.

159. — То же. Т. I. Вып. 2-й. Ликургъ и Нума Помпилій. Ц. 15.

160. — То же. Т. I. Вып. 3-й. Солонъ и Валерій Поплакола. Ц. 15 к. (Весь I томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

161. — То же. Т. II. Вып. 1-й. Ѳемистоклъ и Камиллъ. Ц. 15 к.

162. — То же. Т. II. Вып. 2-й. Периклъ и Фабій Максимъ. Ц. 15 к.

163. — То же. Т. II. Вып. 3-й. Алкибіадъ и Марцелъ. Ц. 15 к. (Весь II томъ въ одной папкѣ 53 к.).

164. — То же. Т. III. Вып. 1-й. Тимолеонтъ и Павелъ Эмилій. Ц. 15 к.

165. — То же. Т. III. Вып. 2-й. Пелоридъ и Марцеллъ. Ц. 15 к.

166. — То же. Т. III. Вып. 3-й. Аристидъ и Катонъ Старшій. Ц. 15 к. (Весь III томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

167. — То же. Томъ IV. Вып. 1-й. Филопоменъ и Титъ Фламиніанъ. Ц. 15 к.

168. — То же. Томъ IV. Вып. 2-й. Пиррь и Марій. Ц. 15 к.

169. — То же. Томъ IV. Вып. 3-й. Лизандръ и Сулла. Ц. 15 к. (Весь IV томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

170. — То же. Томъ V. Вып. 1-й. Кимонъ и Лукуллъ. Ц. 15 к.

171. — То же. Томъ V. Вып. 2-й. Никій и Крассъ. Ц. 15 к., на велен. бум. 30 к.

172. — То же. Томъ V. Вып. 3-й. Сертарій и Евменъ. Ц. 15 к. (Весь V томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.). На велен. бум. по 30 к. выпускъ.

173. — То же. Томъ VI. Вып. 1-й. Агезилай и Помпей. Ц. 20 к.

174. — То же. Т. VI. Вып. 2-й. Александръ Великій и Гай Цезарь. Ц. 20 к. (Весь VI томъ въ одной папкѣ 48 к., въ пер., 60 к.). На велен. бумагѣ по 35 к. за выпускъ.

175. — То же. Томъ VII. Вып. 1-й. Фокіонъ и Катонъ Младшій. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

176. — То-же. Томъ VII. Вып. 2-й. Агидъ и Клеоменъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

177. — То же. Томъ VII. Вып. 3-й. Тиберій и Гай Гракхи. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

178. — То же. Томъ VIII. Вып. I. Демосѳенъ и Цицеронъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

179. — То же. Томъ VIII. Вып. II. Деметрій Поліоркетъ и Антоній. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35.

180. — То же. Томъ VIII. Вып. III. Діонъ и Брутъ. Ц. 15 к.

181. — То же. Т. IX. Вып. I. Артаксерксъ Аратъ. Ц. 15.

182. — То же. Томъ IX. Вып. II. Галба. Отонъ. Ц. 10 к.

250. Сенека, Л. А. Избранныя письма къ Люцилію. Перев. съ латинск. Краснова. Ц. 30 к., въ папкѣ 38 к., въ пер. 50 к.

187. Софоклъ. Эдипъ-царь. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введен. и примѣч. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

192. — Эдипъ въ Колонѣ. Трагедія. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчан. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина) въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Алексѣевъ, В. Древне-греческіе поэты въ біограф. и образцахъ. Съ портр. Ц. 3 р., на велен. бум. 5 р.

Беккеръ, Н. Древняя исторія, вновь обработанная В. Маллекромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Части I, II и III. Съ 165 рис. и 2 раскр. картами. Ц. 1-й и 2-й ч. по 1 р., а 3-й 1 р. 50 к.

Гау, Дж. Минерва. Введеніе при изученіи античныхъ въ классѣ писателей греческихъ и латинскихъ. Пер. со 2-го фр. изданія В. Алексѣева. Съ примѣч., переводчика и рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Дютшке. Олимпъ. Миѳологія древнихъ грековъ и римлянъ. Съ гравюр. и рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Краткій словарь миѳологіи и древностей. Древніе боги, Герои, государственные люди, поэты, философы, художники древности; древнія страны и главнѣйшіе города древности. Все изданіе въ красныхъ, матеріяхъ переплетахъ. Спб. 1894. Ц. 50 к.

Томики „Дешевой Библіотеки“:

8. Анекдоты и остроумныя изреченія, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. Изд. 5-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

113. Герои и героини греческихъ трагедій въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

81. Еврипидъ. Медея. Трагедія. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

99. — Ипполитъ. Трагедія. Съ греч. перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введен. и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

101. — Ифигенія въ Авлидѣ. Драма. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введен. и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 коп.

102. — Ифигенія въ Тавридѣ. Драма. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введен. и прим. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

218. — Іонъ. Трагедія. Перев. съ греч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

219. — Алкестида. Драма. Перев. съ греч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

220. — Вакханки. Трагед. Перев. съ греч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

221. — Неистовый Геракъ. Трагедія. Съ введеніемъ и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

213. Епиктетъ. Афоризмы. Съ прибавленіемъ изъ его «Размышленій». Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., въ пер. 27 к.

183. Маркъ Аврелій Антониній. Къ самому себѣ. Размышленія. Пер. съ греч. Пл. Краснова. Ц. 25 к., въ пап. 33 к., въ перепл. 40 к.

189. Плавтъ, Марцій Т. Хвастливый солдатъ. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Съ латинск. перев. В. Алексѣевъ. Съ дополн. и примѣч. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 30 к.

253. — Трехгрошовый день. Древне-латинская комедія въ 5-ти дѣйств. Переводъ въ прозѣ, со статьей о Плавтѣ, С. Энгесъ. Спб. 1893 г. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 30 к.

158. Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Т. I. Вып. 1-й. Тезей и Ромулъ. Ц. 15.

159. — То же. Т. I. Вып. 2-й. Ликургъ и Нума Помпилій. Ц. 15.

160. — То же. Т. I. Вып. 3-й. Солонъ и Валерій Попликоля. Ц. 15 к. (Весь I томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

161. — То же. Т. II. Вып. 1-й. Ѳемистоклъ и Камилъ. Ц. 15 к.

162. — То же. Т. II. Вып. 2-й. Периклъ и Фабій Максимъ. Ц. 15 к.

163. — То же. Т. II. Вып. 3-й. Алкивіадъ и Кориолянъ. Ц. 15 к. (Весь II томъ въ одной папкѣ 35 к.).

164. — То же. Т. III. Вып. 1-й. Тимолеонъ и Павелъ Эмилій. Ц. 15 к.

165. — То же. Т. III. Вып. 2-й. Пелопидъ и Марцеллъ. Ц. 15 к.

166. — То же. Т. III. Вып. 3-й. Аристидъ и Катонъ Старшій. Ц. 15 к. (Весь III томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

167. — То же. Томъ IV. Вып. 1-й. Филопоменъ и Титъ Фламининій. Ц. 15 к.

168. — То же. Томъ IV. Вып. 2-й. Пирръ и Марій. Ц. 15 к.

169. — То же. Томъ IV. Вып. 3-й. Лизандръ и Сулла. Ц. 15 к. (Весь IV томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

170. — То же. Томъ V. Вып. 1-й. Кимонъ и Лукуллъ. Ц. 15 к.

171. — То же. Томъ V. Вып. 2-й. Никій и Крассъ. Ц. 15 к., на велен. бум. 30 к.

172. — То же. Томъ V. Вып. 3-й. Сертовій и Евменъ. Ц. 15 к. (Весь V томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.). На велен. бум. по 30 к. выпускъ.

173. — То же. Томъ VI. Вып. 1-й. Агезилай и Помпей. Ц. 20 к.

174. — То же. Т. VI. Вып. 2-й. Александръ Великій и Гай Цезарь. Ц. 20 к. (Весь VI томъ въ одной папкѣ 48 к., въ пер., 60 к.). На велен. бумагѣ по 35 к. за выпускъ.

175. — То же. Томъ VII. Вып. 1-й. Фокіонъ и Катонъ Младшій. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

176. — То же. Томъ VII. Вып. 2-й. Агидъ и Клеоменъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

177. — То же. Томъ VII. Вып. 3-й. Тиберій и Гай Гракхи. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

178. — То же. Томъ VIII. Вып. I. Демосѳенъ и Цицеронъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

179. — То же. Томъ VIII. Вып. II. Деметрій Полиоркетъ и Антоній. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35.

180. — То же. Томъ VIII. Вып. III. Дионъ и Брутъ. Ц. 15 к.

181. — То же. Т. IX. Вып. I. Артаксерксъ Аратъ. Ц. 15.

182. — То же. Томъ IX. Вып. II. Галька. Отонъ. Ц. 10 к.

250. Сенека, Л. А. Избранныя письма къ Луцилію. Перев. съ латинск. Краснова. Ц. 30 к., въ папкѣ 38 к., въ пер. 50 к.

187. Софоклъ. Эдипъ-царь. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введен. и примѣч. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

192. — Эдипъ въ Колонѣ. Трагедія. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчан. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.